Оскар Яси

Распад *Габсбургской* монархии

МОСКВА «ТРИ КВАДРАТА» 2011

В книге **Оскара Яси**, видного публициста и общественного деятеля (1875–1957), одного из лидеров леволиберального движения Венгрии начала XX века, анализируются предпосылки и обстоятельства распада Габсбургской монархии. Автор внимательнейшим образом рассматривает внутреннюю политику и национальные проблемы полиэтничной империи.

Публикация этой классической работы сопровождена статьей и комментариями д-ра ист. наук А.Г. Айрапетова и заполняет пробел в русскоязычной литературе, посвященной Австро-Венгрии. Книга представляет интерес не только для историков, но и для современной политологии.

Оскар Яси

Распад Габсбургской монархии

Оскар Яси

Распад Габсбургской монархии

«Три квадрата» Москва

2011

УДК 94(436).09
ББК 63.3(4Авс)61-332
Я81

Издание осуществлено при поддержке Венгерского Культурного, научного и информационного Центра, Венгерского Книжного Фонда, Фонда «Венгерский дом переводчиков», Благотворительного Фонда «Западно-Малобалыкское» и Некоммерческого фонда поддержки книгоиздания, образования и новых информационных технологий «Пушкинская библиотека»

Исторические карты на вклейке: Национальная Библиотека Венгрии

Издатель и арт-директор: С.В. Митурич
Перевод с английского: О.А. Якименко
Научная редакция, комментарии и послесловие: А.Г. Айрапетов
Редактор: А.Ю. Клименко
Корректор: А.Г. Мартынова

Яси, Оскар
Распад Габсбургской монархии / Оскар Яси ; [пер. с англ.: Якименко О.А. ; Айрапетов А. Г., ст., коммент.]. – М. : Три квадрата, 2011. – 608 с. : к. – ISBN 978-5-94607-149-1.

В книге Оскара Яси (1875–1957), видного публициста и общественного деятеля, одного из лидеров леволиберального движения Венгрии начала XX века, анализируются предпосылки и обстоятельства распада Габсбургской монархии. Автор внимательнейшим образом рассматривает внутреннюю политику и национальные проблемы полиэтничной империи. Публикация этой классической работы сопровождена статьей и комментариями д-ра ист. наук А.Г. Айрапетова и заполняет пробел в русскоязычных изданиях, посвященных данной теме. Книга представляет интерес не только для историков, но и для современной политологии.

© Якименко О.А., перевод с английского, 2011
© Айрапетов А.Г., статья, комментарии, 2011
ISBN 5-94607-149-1
© «Три квадрата», 2011

Памяти моего отца, доктора Ференца Яси, служившего врачом на венгеро-румынской границе, который в раннем детстве внушил мне, что любая публичная политика, если она исходит не из моральных принципов, является всего лишь формой эксплуатации.

Оскар Яси

Распад Габсбургской монархии

В национальной ненависти есть нечто особенное. Она проявляется всего сильнее, всего яростнее на низших ступенях культуры. Но существует и такая ступень, где она вовсе исчезает, где счастье или горе соседнего народа воспринимаешь как свое собственное…

Гёте

Предисловие

Получив заказ описать процессы дезинтеграции Габсбургской монархии через призму массовой психологии и провала попыток консолидации, я долгое время сомневался, стоит ли принимать это предложение. Прежде всего, мне мешали соображения личного характера, выраженные словами Энея: «*Infandum, Regina, jubes renovare dolorem*» («Боль несказанную вновь испытать велишь мне, царица»*). Помимо этого, я прекрасно понимал, что писать подобную книгу придется много лет, и делать это должен человек, являющийся одновременно историком, социологом и экономистом. Как я мог набраться смелости, чтобы проделать такую работу за сравнительно короткий промежуток времени, не будучи специалистом во всех перечисленных областях? От любого из авторов, которым могли поручить написание данной книги, меня отличало единственное преимущество – и оно перевешивало все мои сомнения: я сознательно и активно прожил последнюю четверть века существования дуалистической монархии и предвидел трудности и опасности, ей угрожающие, пытаясь в условиях безразличия и враждебности убедить своих соотечественников, что без глубоких и систематических реформ (в области сельского хозяйства, управления и образования, в сфере национальной организации различных народов) все здание империи обрушится. И поскольку мой слабый голос постоянно заглушали те, кому старый режим был выгоден, за два года до начала Мировой войны я предпринял последнюю попытку и написал довольно обстоятельный труд**, с целью поставить диагноз национальной патологии и предложить лекарство. Настоящий том в известном смысле является продолжением моей предыдущей книги: здесь я показываю, как события последнего десятилетия Монархии стали логическим следствием глубоких социальных и экономических процессов, проанализированных ранее. Именно поэтому предметом моего изучения на этот

*Перевод С.А.Ошерова.

***Jászi O.* A nemzeti államok kialakulása és a nemzetiségi kérdés. Budapest, 1912.

раз стали не книги, но люди; в своей работе я стремился прояснить не теории, но социальную действительность.

Я согласился взяться за эту работу еще по одной причине. За свою жизнь мне довелось стать свидетелем двойной трагедии. Люди не только отказываются понимать неприятную или невыгодную для них социальную реальность, сталкиваясь с ней, но стремятся задним числом избавиться от болезненных переживаний. Они склонны фальсифицировать историю с целью оправдать преступления прошлого и извлечь из тяжелой, неблагоприятной ситуации мимолетную выгоду. Подобное поведение свойственно и народам-победителям, и поверженным нациям. Примером искажения фактов с целью смягчить ответственность за прошлое и приобрести минутное дипломатическое преимущество стала литература о так называемой «ответственности за развязывание войны»[1]. Невыносимо наблюдать, как мировые лидеры стараются затушевать и исказить несколько крупных уроков ужасной катастрофы – при том, что мир продолжает двигаться преступной дорогой прошлого. Фальсификация истории всегда ведет к озлоблению и открывает возможности для вооруженных конфликтов. Поэтому я считаю своим долгом представить в верном свете ту часть трагедии, которую пережил лично.

Читатель может возразить, что столь прагматичная позиция может помешать мне в работе над книгой. Думаю, этого не произойдет, при условии, что подобная позиция сочетается с достаточной беспристрастностью и сочувствием по отношению ко всем участникам процесса. Еще до войны и, тем более, после нее, я сумел избавиться от старого локального (регионального) патриотизма, свойственного европейцам. Для меня на данный момент не существует отдельной, изолированной венгерской проблемы; сохраняя преданность своему народу, я равным образом сочувствую всем страдающим народам Дунайского бассейна.

Однако может возникнуть и более серьезное возражение со стороны тех, кто сомневается в достоверности того, о чем я пишу: человек, который потерпел фиаско и десять лет живет в изгнании, будет неизбежно превозносить собственную точку зрения и заведомо искажать позицию своих противников. От подобных обвинений меня защищают два момента. Во-первых, те принципы и выводы, которые я отстаиваю в данной книге, не являются результатом запоздалого прозрения – я придерживался тех же принципов и делал аналогичные выводы в течение двух десятилетий, предшествовавших распаду империи. Во-вторых, в моих выводах нет ничего неожиданного или удивительного. Как я подчеркиваю в библиографии и объ-

ясняю в самой книге, мои основные выводы и принципы полностью согласуются с тем, что писали и говорили лучшие умы Монархии, – та же самая проблема волновала их на протяжении трех поколений. Я лишь произвел органический синтез, пролив свет на усилия и мнения тех, кого считаю самыми проницательными свидетелями драмы Габсбургов. Я претендую на оригинальность лишь в отношении двух пунктов моего исследования. Первый – это анализ экономических сил, способствовавших распаду Монархии. Второй – описание состояния массовой психологии в Венгрии.

Приведу еще один довод в пользу беспристрастности этой книги. Судьбе было угодно, чтобы я оказался если не «над схваткой», то, по крайней мере, рядом с ней. В течение последних десяти лет я был вынужден жить за пределами родной страны, поскольку принимал некоторое участие в попытках демократизировать Венгрию и превратить старое феодальное государство в конфедерацию свободных наций. Предприятие это закончилось полным провалом, и, с учетом социологических прогнозов, я могу рассматривать нынешнее свое положение как окончательное, и до окончания моих дней оно вряд ли изменится. Кроме собственных идеалов, никакие личные интересы не связывают меня более с Дунайским регионом, я стал скромным работником великой Американской республики, сотрудником университета, знаменитого своей историей и неизменно ассоциируемого с идеей личной свободы и международной солидарности. Таким образом, данная книга не является ни оправданием, ни программой, но искренней попыткой пролить свет на проблему, которая по-прежнему серьезно влияет на будущее Европы и всего человечества. Эта работа может оказаться полезной в качестве политического завещания и в будущем, когда схлынет нынешнее националистическое безумие.

Должен добавить еще несколько замечаний. Причина одного из главнейших недостатков тома – в том, что изо всех языков бывшей Монархии я читаю только на немецком, венгерском, итальянском и румынском, а с литературой на славянских языках знакомился лишь по переводам и отрывкам, подготовленным друзьями. Однако этот серьезный минус в какой-то степени компенсируется тем фактом, что, будучи сторонником политики национального примирения, я всегда поддерживал тесные личные контакты со многими лидерами славянских народов, которые оказывали мне доверие в ответ на инициативы с моей стороны.

Я также хотел бы извиниться перед читателями за огромное количество цитат, использованных в книге. Осознавая их чрезмерность, я все же был вынужден прибегнуть к ним при написании работы. Поскольку моя

задача состояла в том, чтобы интерпретировать определенные течения в массовой психологии, я считал необходимым показать, что при анализе социальных реалий выражаю не личное мнение, а широко распространенные взгляды. Тем не менее, во избежание излишних сносок я ссылаюсь лишь на наиболее важные источники.

Хотел бы также отметить, что согласно контракту рукопись этой книги была завершена осенью 1927 г., однако в силу не зависящих от меня обстоятельств публикация работы была отложена. Поэтому я мог ссылаться на литературу, опубликованную после указанной даты, лишь в примечаниях и отдельных комментариях, чтобы не нарушить композиционную целостность.

И наконец, я бы хотел выразить личную благодарность тем, кто помог мне в работе над книгой. Профессор Чарльз Э. Мерриам из Чикагского университета, профессор Карл Ф. Гейзер из Оберлинского колледжа и профессор Роберт Дж. Кернер из Калифорнийского университета высказали ряд интересных предложений и помогли избавиться от многих мадьяризмов. Друзья из Вены – Арнольд Даниэль и доктор Йозеф Редеи – прислали ценные выписки из библиотек. Последний также предложил ряд оригинальных и точных наблюдений из области экономики. Сожалею, что по понятным причинам не могу публично выразить благодарность некоторым друзьям в Будапеште. Но больше всего я хотел бы поблагодарить свою жену, чью поддержку и заботу ощущал при написании многих страниц этой книги.

Оскар Яси

Оберлинский колледж
1 марта 1929 года

О литературе по данной теме

Представления автора данного труда относительно ценности библиографии могут показаться еретическими. Автор считает, что способность нашей интеллектуальной ассимиляции столь же ограниченна, как и биологические возможности; творческая мысль должна развиваться естественным путем, а излишние ссылки скорее мешают, нежели способствуют их росту; ссылки на литературу подобны свидетельству о благородном происхождении и носят, скорее, декоративный характер. Подробная библиография по данной теме сама по себе составила бы отдельную книгу. Тщательно подобранный список литературы по австрийской части Монархии подготовил выдающийся австрийский историк Рихард Хармац (*Charmatz R.* Wegweiser durch die Literatur der Österreichischen Geschichte. Stuttgart – Berlin, 1912). Аналогичная работа по Венгрии была проведена при составлении приложения к книге графа Пала Телеки (*Teleki P.* Evolution of Hungary and Its Place in European History. New York, 1923), где автором основного корпуса библиографии стал известный венгерский библиограф Карой Фелеки.

Однако желая прояснить точку зрения, высказанную в данной книге, я бы хотел выделить некоторые книги и авторов библиографии, чьи представления больше всего помогли мне или повлияли на меня. Выдающийся государственный деятель и дипломат барон Виктор Андриан-Вербург, представитель предыдущего поколения, мастерски проанализировал структуру и тенденции развития Габсбургской монархии. Позже проницательный и бесстрашный историк Антон Шпрингер раскрыл силы, которые, по его мнению, заведут империю в тупик. Если говорить об ответственных государственных деятелях, великий экономист и социолог Альберт Шеффле показал, что разбирается в сути проблемы лучше любого австрийского министра. Доктор Адольф Фишхоф, блестящий представитель поколения великих либералов 1848 года, с непревзойденным мастерством проанализировал фундаментальные основы Монархии. Из венгерских политиков и публицистов того же периода следует выделить работы барона Йожефа Этвеша по философии государства. Пророческие взгляды Лайоша Кошута относительно формирования Дунайской федерации повлияли на мои рассуждения о будущем региона. Человек исключительного мужества Лайош Мочари – один из немногих верных последователей великого трибуна – указал верный путь полуслепому поколению.

Если говорить о моих современниках, то из австрийских авторов никто не вызывал у меня такого восхищения, как профессор Йозеф Редлих. Будучи невероятно информированным и обладая глубиной суждения, он сумел раскрыть самые сложные аспекты габсбургской проблемы. Хотя точка зрения профессора Виктора Библа представляется мне излишне пронемецкой, полагаю, что его работа *Der Zerfall Österreichs* являет собой самое полное и откровенное историческое описание катастрофы. Особенно Библ преуспел в части сбора того, что называл «уникальными фактами», и я нередко пользовался его богатейшей базой данных. Другой уроженец Австрии, представитель высшего чиновничества Фридрих Ф. Кляйнвехтер – автор интереснейшего труда по психологии имперской администрации, где он показал необычайно глубокое понимание проблемы ирредентизма*. Художественная и морально-этическая стороны проблемы нашли блестящее и точное воплощение в работах венского историка искусств, критика и романиста Германа Бара. Я также высоко ценю известные труды двух лидеров австрийского социализма – доктора Карла Реннера и доктора Отто Бауэра, сумевших силой революционной идеологии нового класса внести свежую струю в застоявшиеся воды австрийской политической жизни.

Среди венгерских современников хотел бы отметить оригинальную работу барона Дюлы Силаши – он оказался одним из немногих дипломатов, кто раскрыл взаимосвязь между внутренней и внешней политикой.

Из всех иностранцев, кому довелось тесно соприкоснуться с проблемами Монархии, самый глубокий анализ ситуации дали Генри Уикхэм Стид, Р.У. Сетон-Уотсон и Луи Айзенман – до начала Мировой войны все трое были убежденными сторонниками Габсбургской монархии и надеялись на ее возрождение.

И наконец, хотел бы упомянуть двух авторов, которые повлияли на главный ход моих рассуждений, не будучи непосредственно связаны с основной проблематикой моей книги. Хотя я не согласен с отдельными выводами и построениями профессора Карлтона Хейза, считаю его работы о национализме важным вкладом в общее понимание проблемы. Фундаментальные исследования профессора Франца Оппенхаймера в области социальных последствий феодальной системы во многом совпадают с моими собственными выводами относительно причин падения Монархии[2].

О. Я.

* Ирредентизм – освобождение людей, находящихся под чужим владычеством, этническое движение за воссоединение земель нации. – *Прим. ред.*

Часть первая

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

I. Постановка вопроса

Чикагский университет определил ряд тем с целью исследовать развитие гражданского воспитания и его современного состояния в различных странах мира, и автор данной книги получил задание подробно описать эксперимент исторического масштаба в области общего воспитания, который был осуществлен в рамках Австро-Венгерской монархии. В этой огромной империи, где на территории в 260 тысяч квадратных метров проживали более 51 миллиона человек, принадлежавших к десяти нациям и двадцати различным народностям, тесно связанным между собой политически-морально-ментально. В империю входили два самостоятельных государства (Австрия и Венгрия), семнадцать провинций (или коронных провинций) в Австрии, страна, «ассоциированная» с Венгрией (Хорватия–Славония), «отдельное образование» (город и гавань Фиуме), принадлежавшее Венгрии, и провинция колониального типа (Босния–Герцеговина) – каждое из этих образований обладало собственным историческим сознанием и более или менее широкой территориальной автономией. На протяжении более четырехсот лет правители пытались сохранить эту изменчивую мозаику наций и народностей в рамках огромной империи и построить универсальное государство, «наднациональную» монархию, наполнив ее чувством взаимной солидарности.

Эксперимент, для которого самое большое государство на Европейском континенте (не считая России и держав с колониями за пределами Европы) задействовало огромные военные, финансовые и моральные силы шестнадцати поколений, было одним из самых масштабных и интересных предприятий. Завершись этот эксперимент успешно, он бы, с определенной точки зрения, значил больше, нежели любая известная нам попытка государственного строительства. Если бы Габсбургам действительно удалось сформировать

наднациональное сознание и с его помощью объединить эти десять наций и обеспечить их совершенно свободное и спонтанное взаимодействие, их империя вышла бы за узкие рамки национального государства и доказала бы миру, что сознание национального единения может быть заменено сознанием государственной общности. Это доказало бы, что осуществленный Бельгией и Швейцарией опыт в меньших масштабах, с народами высокого уровня цивилизованности и в исключительных исторических условиях, нельзя рассматривать как простую историческую случайность; та же самая проблема может быть прекрасно решена в большем масштабе и в ситуации с народами, стоящими на совершенно разных уровнях культурного и национального развития.

Мы можем пойти еще дальше и заявить, что подобный эксперимент Габсбургов явил бы принцип развития на более высоком уровне и более перспективный, по сравнению не только с традиционными национальными государствами, но и с союзными государствами, устроенным по британскому и американскому типу. В действительности, Британская империя и США – следующая ступень развития национального государства. В Соединенных Штатах остается неоспоримым главенство англосаксонской культуры и ее гегемония, большая же часть Британского Содружества наций попрежнему находится под управлением англосаксов, а население Содружества наций неевропейского происхождения только начинает участвовать в организованной политической жизни. Ни Соединенные Штаты, ни Британское Содружество нельзя рассматривать как государства наднационального типа.

Таким образом, если бы эксперимент австро-венгерского государства и впрямь оказался удачным, Габсбургская монархия сумела бы на своей территории решить основополагающую проблему современной Европы, с которой связана и проблема Лиги Наций: как можно уравновесить нации с абсолютно разными идеями и традициями таким образом, чтобы все они могли и дальше продолжать жить своей особой жизнью, но, в то же время, ограничили национальный суверенитет до такой степени, чтобы обеспечить мирное и эффективное сосуществование.

Исторически значимый эксперимент по объединению наций под покровительством Габсбургов оказался неудачным. Центробежные силы национального партикуляризма оказались сильнее центрост-

ремительных сил наднационального сознания. В рамках патримониальной, лишенной национального духа Габсбургской империи все сильнее выделялись отдельные эмбриональные национальные государства, которые впоследствии, в ходе ужасной войны, раздробили некогда единое тело монархии на шесть независимых стран.

Несмотря на трагический провал, габсбургский эксперимент попрежнему сохраняет большое теоретическое и практическое значение для решения проблемы государственного строительства. Вопрос остается прежним: потому ли провалилась попытка, предпринятая в бассейне Дуная, что ее осуществление, по сути своей, противоречило законам природы, или же крах был всего лишь следствием факторов, зависящих от человеческой воли и способности ориентироваться, то есть, при более высоком уровне управления государством, дальновидной политике и лучше организованном народном просвещении этого можно было бы избежать. Ответ на этот вопрос *sub specie aeternitatis*[3] определил бы судьбы всякого последующего эксперимента, направленного на объединение различных антагонистических национальных устремлений ради создания гармоничной межнациональной системы, которая бы защищала и дополняла национальные интересы каждой отдельной нации. Эта проблема важна не только с позиций далекого будущего, но остается животрепещущей и для тех государств, которые возникли на руинах Монархии Габсбургов, поскольку эти новые государства не являются мононациональными, но базируются на взаимодействии различных национальных элементов. Наша проблема также теснейшим образом связана с общеевропейской проблемой. Спасение континента, раздираемого националистическими силами, зависит от того, стоит ли рассматривать национальные противоречия как необходимость, и сумеем ли мы избавиться от национального соперничества, или, по крайней мере, заменить его чем-нибудь.

Мы даже можем утверждать, что неудачный опыт Монархии Габсбургов влияет не только на европейское будущее, но и на угрозы, исходящие для европейских держав и Соединенных Штатов от Дальнего Востока. Ведь они тесно связаны с проблемами национальных конфликтов, отягощенных расовыми и религиозными противоречиями.

II. Распад Габсбургской монархии как органический процесс

Прежде чем начать анализ причин, приведших к провалу эксперимента, направленного на консолидацию империи Габсбургов, стоит сказать несколько слов, чтобы предупредить возможные возражения. Есть те, кто воспринимает весь круг вопросов как ничего не значащую проблему, утверждая, что распад Монархии не был результатом действия внутренних сил, но может быть отнесен исключительно на счет внешних факторов, которые не имели никакого отношения к духовному или политическому строительству империи. В своей предыдущей книге я назвал подобную точку зрения «легендой Габсбургов»[4] – ее распространяют крайне влиятельные династические и феодальные группировки, представляя Габсбургскую монархию в виде невинного агнца, жертвы противоречий между немецким и британским империализмом; по их словам, эти-то противоречия и вызвали мировую войну, похоронив под ее руинами свободный и счастливый союз дунайских народов.

Этот исторический материализм, применительно к Габсбургской империи, получил дальнейшее развитие в наивной и поверхностной исторической и социологической литературе. Она выясняет, кто несет ответственность за войну, видит лишь дипломатическую сторону проблемы, главным образом, ее интересует: спровоцировали ли дипломатические маневры Берхтольда, Пуанкаре, Извольского или Грея мировую катастрофу, и знало ли сербское правительство о плане сараевского покушения заранее. Позиция, которая видит в мировой катастрофе исключительно личную интригу и ответственность, упрощает и затемняет истинную проблему. Как бы ни были виновны отдельные политики и государственные мужи в определении конкретных сроков мирового пожара, очевидно, что эти люди лишь взорвали гору динамита – продукт общественных и национальных волнений в Центральной Европе за последнее столетие.

Если мы стремимся яснее понять историю с точки зрения современности и будущего и действительно пытаемся проводить конструктивную политику мира, мы должны покончить с сентиментальным пацифизмом, который рассматривает любую войну

просто как личное дело преступных королей и дипломатов или как воплощение капиталистических интересов и не понимает, что истинные причины сегодняшних конфликтов следует искать намного глубже, там, где подавляются процессы развития масс, загнанные в рамки недальновидной или безнравственной внутренней политики. Я не могу сейчас подробнее остановиться на этой своей мысли, хотелось бы только добавить, что уничтожение Габсбургской монархии военным путем – недостаточный довод в пользу того, что крах империи был всего лишь результатом механического процесса, а не органического развития на протяжении двух веков. Мы не знаем ни одного масштабного социального и национального кризиса в мировой истории, который мог бы создать совершенно новое равновесие, не вызвав при этом целой серии международных и военных осложнений. Переплетение внутренних процессов и рост внешних, военных трудностей, очевидно, подтверждаются историей других национальных государств. Это также не противоречит идее об органических истоках английского и французского национального единства, ведь в обеих странах шаги династий в сторону военной и политической централизации часто скрепляли движение по консолидации духовных и экономических сил.

Процесс распада Габсбургской монархии и возникновения на ее руинах новых национальных государств, по сути своей, был аналогичен тому, что происходило во многих других европейских государствах, когда народы, заявлявшие права на общий язык и культуру, выделялись в отдельные государства. Фундаментальные причины, которые вели к объединению в гомогенных, с национальной точки зрения, государствах, в условиях этнографической мозаики Габсбургской империи подстегнули ее распад. Да и мировую войну мы можем понять полностью, только если будем рассматривать ее с этой исторической точки зрения. Детонатор европейского взрыва вполне мог носить капиталистический характер, но сам взрыв не мог иметь такую силу без пороховой бочки, переполненной нерешенными национальными и социальными проблемами Средней и Восточной Европы.

С какой бы стороны мы ни пробовали подойти к проблеме Габсбургов – анализируя исторический контекст, массовое сознание населявших империю народов или исследуя международные конфликты на национальной и экономической почве, – мы должны прийти

к одному и тому же выводу: грандиозная историческая драма не была следствием дипломатических раздоров, но стала порождением неизбежной логической цепи общественных причин.

Подобное представление не является результатом последующей рефлексии, ведь за годы и десятки лет до этого оно уже жило в сознании тех, кто, обладая мощью интеллекта, мог проникнуть в суть проблем Дунайской монархии. Многие выдающиеся государственные мужи, поэты, ученые и публицисты сходились на том, что Габсбургская империя превратилась в анахронизм, обречена на гибель, а спасти ее могло лишь радикальное вмешательство. Есть множество примеров высказываний на эту тему и даже фундаментальных социологических работ. Но я вынужден ограничиться лишь самыми характерными и интересными.

Великий польский поэт Адам Мицкевич[5] почти сто лет назад написал следующие строки о Габсбургской империи, свидетельствующие об удивительной остроте его восприятия:

«Эта империя насчитывает 34 миллиона жителей, но на самом деле лишь 6 миллионов жителей: это те 6 миллионов немцев, что поработили 28 миллионов людей иного происхождения. Если из этих 6 миллионов вычесть крестьян, ремесленников, торговцев и т.д., которые не принимают никакого участия в управлении, останется, самое большее, 2 миллиона австрийцев – они-то и правят всей этой толпой. Эти 2 миллиона, или, по меньшей мере, их интересы и мнения, представляет примерно сотня немецких, венгерских, польских или итальянских семей, говорящих на французском языке и держащих большую часть своих капиталов за пределами страны. К их услугам – 2 миллиона чиновников и солдат, через них эти люди управляют остальными 32 миллионами. Модель этого общества – английская Ост-Индская компания… Люди вообще имеют превратное представление об этой австрийской империи, которая никогда не была немецкой, мадьярской или славянской империей, но лишь родственным союзом всех тех, чья цель состоит в угнетении обширных и многонаселенных стран».

Еще больше поражают диагнозы и пророчества великого апостола и теоретика национальной идеи Джузеппе Мадзини[6]. Итальянский политик и философ четко описал неумолимое движение как северных, так и южных славян по пути объединения. Мадзини

предсказывал, что это движение, объединившись с борьбой греков и румын за независимость, разнесет в клочья и австрийскую, и турецкую империи, «двух змей, парализующих сердце Европы». Уже в 1843 г. он писал, что «в Австрийской империи растет движение славянских народов» (Мадзини даже предсказал объединение Чехии и Моравии со словаками, проживавшими в Венгрии), «с которым никто не считается и которое однажды объединит свои усилия с нашими и сотрет Австрию с карты Европы...»*.

Не менее пессимистично, хотя и с другой точки зрения, обрисовал состояние Монархии в 1822 г. Чарльз Силсфилд[7] – выдающийся американец немецкого происхождения, бежавший от преследований австрийского абсолютизма в Новый Свет, где впоследствии разоблачил режим Меттерниха в своей содержательной работе. Его обвинительный памфлет – один из самых непосредственных и глубоких документов империи кайзера Франца Иосифа. Силсфилд характеризует Австрию как «обширную агломерацию провинций» и яркими красками рисует, насколько ожесточились настроения славянского большинства против немецкого абсолютизма.

«Почти слышно, как чехи скрежещут зубами, когда кто-нибудь начинает в их присутствии восхвалять английскую свободу. Их переполняет невыразимая печаль, когда речь заходит об их собственной стране, о битвах, в которых им приходилось сражаться за чужое дело, об армиях, которые они содержат, куда отправляют солдат, а потом эти армии служат для их же порабощения. Им причиняет боль то, что они живут ради династии, которая по прошествии нескольких столетий господства остается равнодушной к ним и их желаниям и, в своей близорукости, озабочена лишь тем, как бы закабалить Чехию и задавить ее национальные устремления»**.

По мнению Силсфилда, такой режим недолговечен. Страна как единое целое стоит на пороге кризиса. Хотя до повальных волнений дело не дойдет, поскольку власти держат провинции в страхе, да и

*Данные заявления Мадзини наряду с множеством подобных предсказаний относятся к числу самых удивительных примеров политического предвидения. С великолепным анализом теории и пророческого таланта Джузеппе Мадзини можно ознакомиться в книге Алессандро Леви: *Levi A.* La filosofia politica di Giuseppe Mazzini. Bologna, 1917.

** Эта и последующие цитаты приводятся по немецкому переводу Силсфилда: *Sealsfield*. Österreich wie es ist. Wien, 1919, поскольку я не имел доступа к оригиналу на английском языке.

внутренние противоречия слишком серьезны (чехи готовы выдвинуться против венгров, поляки – против итальянцев, а немцы – против и тех, и других), отсутствие морали и игнорирование любых лояльных рассуждений в конечном итоге разрушат сам режим.

Примерно десять лет спустя один наблюдатель из России также заметил признаки смертельной болезни на челе Монархии. Историк Михаил Погодин[8], сторонник панславизма, предпринял несколько исследовательских экспедиций в Центральную Европу и составил отчеты о путешествиях для своего правительства. Он писал:

«Славяне – похоже – стоят на пороге ренессанса. Дунайской империи, еще более, нежели турецкой империи, надлежит опасаться 20-миллионного противника, проживающего в ее границах. Австрия – белое надгробие, старое дерево, сгнившее изнутри, хотя у него и остались еще листья, но первое же дуновение ветра вырвет его с корнем».

Еще десять лет спустя похожую мысль высказал выдающийся французский политик Шарль Монталамбер[9] с трибуны французского парламента в 1846 г.: «Австрийская монархия – уникальная общность двадцати наций, сохранить которую могла бы справедливость, но несправедливость ее же и разрушит».

Те же настроения можно почувствовать и у многих других зарубежных наблюдателей. Наполеон III называл Австрию трупом, с которым уже никто не может заключать соглашений. На противоположном полюсе общественной жизни Карл Маркс[10] вынес смертный приговор империи Габсбургов: «Единственное обстоятельство, способное оправдать существование Австрии с середины XVIII века, – писал он в 1860 г., – то, что она препятствует продвижению России в Восточной Европе… сопротивляясь отчаянно, непоследовательно, трусливо, но упорно». Продолжая мысль учителя, Фридрих Энгельс также заявил в 1888 г., что распад Австрии накануне победы грядущей русской революции нанес бы удар по европейской цивилизации, а после этого уже будет бесполезно ее уничтожать, ведь она станет бесполезна и сама собой распадется на части.

Похожие суждения высказал, с совершенно иной точки зрения выдающийся французский историк Луи Леже[11], выбравший в качестве эпиграфа к своей публицистической статье, посвященной проблеме Австрии, фразу: «*Ave Caesar resurrecturi te salutant!*»* – намекая на

* Цезарь, собирающиеся воскреснуть приветствуют тебя! (*лат.*).

угнетенные народы. В одной из наиболее эмоциональных работ 1879 г. Леже уже выносит приговор: «Эксплуатируя слепой эгоизм немцев и венгров, Габсбургская монархия не смогла решить проблему Востока. Монархии придется пересмотреть решение, которое противоречит ее интересам».

Можно возразить, что процитированные выше заявления принадлежат иностранцам и врагам Монархии, однако мы тут же обнаруживаем, что и друзья ее мыслили очень сходным образом. В продолжение обзора приведем мнения двух венгерских государственных деятелей, первого из которых нельзя причислить к врагам династии. Граф Иштван Сечени[12], консервативный политик, инициатор венгерского возрождения, «самый великий венгр», по словам его знаменитого политического противника Лайоша Кошута[13], еще в 1813 г. предсказал крах Монархии. Находясь на излечении в одной из пражских больниц после сражения при Дрездене, Сечени обрисовал коллегам-офицерам возможное будущее Монархии. Придворный шпион (люди Меттерниха[14] проникли даже в больницу) докладывал начальству в Вене, как в ходе указанной беседы граф заявил перед аудиторией, состоявшей, главным образом, из прусских офицеров, что Австрия, несмотря на победу, распадется «в течение ближайшего столетия, так как ее части не равны между собой и все дальше удаляются друг от друга».

В 1881 г. Лайош Кошут уже, конечно, более точно мог поставить диагноз Монархии. Венская тайная полиция послала в Турин специально обученного агента-провокатора, чтобы тот выведал у знаменитого ссыльного его мнение относительно международной ситуации. Акция прошла удачно, Кошут – не зная, с кем имеет дело, – откровенно высказался насчет будущего Австрии, а шпион затем передал его слова своему начальству в Вене. Согласно донесению, Кошут предсказал приближение русской революции, которая, как он считал, отзовется для Австрии похоронным звоном. Подобно тому, как Август был последним римским цезарем, так и Рудольф[15] станет последним из Габсбургов. Кошут имел в виду наследника трона, эрцгерцога Рудольфа – последний умер в 1889 г. Сомнений нет: если бы не катастрофа в Мейерлинге, жертвой которой пал Рудольф, и останься эрцгерцог в живых, предсказание Кошута сбылось бы слово в слово.

Даже ведущие идеологи Австрии – и те не питали большого оптимизма относительно положения Монархии. Пользуясь терминами

современной психологии, мы могли бы сказать, что вся политика Меттерниха была пронизана «комплексом распада», и подобный ход мыслей спровоцировал почти мономаниакальную борьбу против демократии и либерализма. Жена князя, графиня Мелани часто называла мужа «Кассандрой Монархии», потому что он вечно был полон тревожных известий о развале империи. Совершенно естественно, что в такой обстановке более свободные и либеральные воззрения в отношении правящего режима и последствий становились совершенно нежелательными. В 1830 г. после Июльской революции самый значительный поэт Австрии Франц Грильпарцер[16] записал воистину пророческие строки:

«Неожиданные перемены укрепят весь мир, и только Австрия из-за них распадется на части. Ответственность за это несет беззастенчивый макиавеллизм правителей – тех, кто ради сохранения правящей династии в качестве единственной связующей силы в государстве провоцировал и подогревал национальные разногласия между отдельными провинциями. Венгр ненавидит чеха, чех – немца, а итальянец ненавидит всех вместе взятых, и, подобно неумело запряженным вместе лошадям, они разбредутся во все стороны света, как только прогрессивный дух эпохи ослабит и разорвет их упряжь».

Десять лет спустя анонимный автор сумел аргументированно сформулировать идею о существовании серьезной угрозы для Монархии с позиций государственного деятеля. В 1842 г. в Гамбурге вышла книга «Австрия и ее будущее» – безжалостный анализ пугающих противоречий внутри империи. Автором книги был барон Виктор Андриан фон Вербург[17], камергер, чиновник придворной администрации высокого ранга, впоследствии – вице-председатель национального собрания. Поскольку фон Вербург относился к числу самых просвещенных аристократов своего времени, его мнение можно считать определяющим. Барон утверждал, что «Австрия – это всего лишь воображаемое понятие, за которым нет ни единого народа, ни страны, ни нации… это лишь традиционное название для нескольких национальностей, резко обособленных друг от друга». Есть итальянцы, немцы, славяне, венгры, но не существует австрийского национального сознания. Идею государства убивает принцип национального существования. Уже возникло славянское, венгерское и итальянское национальное чувство, которое крепнет день ото дня,

вытесняя любой чуждый элемент, – и пророческое: активно распространяется. Подобное «местечковое сознание» угрожает самому существованию Австрии. Монархию держит лишь сила инерции. «Это состояние похоже на мертвецов, засыпанных пеплом в Помпеях – они столетиями оставались нетронутыми, но рассыпаются в прах, как только их коснется Божий свет или легчайший ветерок». Как сможет такое государство противостоять растущему сознанию славянской общности, которое начинает формировать плотный боевой порядок от Троппау [Опавы] до Каттаро [Котора]?

Мыслители последующих поколений смотрели на будущее Монархии с таким же точно пессимизмом. Фердинанд Кюрнбергер[18], крупнейший австрийский публицист второй половины XIX в., также соглашался с приведенным выше мнением и всегда воспринимал Австрию как страну-анахронизм, противоречащую европейскому духу. Он не раз подчеркивал азиатскую сущность австрийской империи.

Если же все эти наблюдения кому-то покажутся скоропалительными суждениями поэтов и публицистов, позволю себе обратить внимание читателя на вердикт, вынесенный известным историком Оттокаром Лоренцем[19], который, будучи австрийцем по рождению, не скрывал пессимизма. Как и остальные, он называл Австрию вторым «больным человеком» Европы и никогда не воспринимал всерьез так называемый «новый конституционный порядок» в духе Франца Иосифа. Различные эксперименты с конституцией он сравнивал с попытками Англии заново воссоздать турецкую империю, так как, по его мнению, старая Австрия перестала существовать в результате революции 1848 г.

Эта пессимистическая точка зрения постепенно распространилась и в руководящих кругах действующих политиков, а граф фон Тааффе[20], на протяжении двух десятилетий премьер-министр Австрии, называл собственную политику политикой *Fortwursteln* (т.е. халатности, работы «спустя рукава»). Просвещенные представители государства ясно видели, что подобная политика рано или поздно деморализует силы нации. Профессор Масарик[21], ныне – президент Чехословакии, испытывая отвращение к мелочным и беспринципным компромиссам, называл австрийский парламент словом *Tandelmarkt* («толкучка»). Эрнст Кёрбер[22], один из последних премьер-министров Монархии, «видел положение Монархии в таком же мрачном свете, что и Меттерних после 1848 г.»

Пессимизм общественного мнения просочился и в придворные венские круги. Генерал Маргутти, один из ведущих начальников Генштаба армии, писал в мемуарах, как с ранней молодости слышал разговоры о том, что Монархия не является современным государством, у нее нет права на существование, и только личность старого императора держит ее на плаву, а после его смерти страна распадется на части «как рассохшаяся бочка, избавленная от обручей». Уверенность в подобном исходе угнетала и, возможно, свела в могилу и наследника, эрцгерцога Рудольфа. «В качестве безгласного наблюдателя мне хотелось бы, наконец, узнать, – писал он одному из друзей, – сколько времени осталось старому, закоснелому зданию Австрии, пока оно не треснет и не развалится». На очередного наследника престола, Франца Фердинанда[23], наступающая катастрофа повлияла еще сильнее, но попытки уйти от судьбы, угрожавшей не только государству, но и собственной жизни эрцгерцога, оказались напрасны. Чувство приближающейся опасности пронизывало и наиболее прозорливых представителей армии. Конрад фон Гётцендорф[24], ставший впоследствии начальником Генштаба австро-венгерских войск, на протяжении многих лет подчеркивал в своих докладных записках императору, что итальянская и южнославянская ирредента угрожает империи развалом. Похожим образом описывает ситуацию в 1912 г. и военный министр Ауфенберг[25]. Во время Балканского кризиса генерал обратился с пророческими словами к германскому послу:

«Монархии понадобится, по крайней мере, полвека мира, чтобы привести в порядок южных славян. Покоя мы сможем добиться только в том случае, если нам удастся уничтожить всякую надежду южных славян на поддержку со стороны русских, иначе Монархия распадется на части»*.

Неопределенность будущего удручала и стареющего императора, несмотря на то, что окружение старалось не допустить до него ни одной тревожной новости. Документ, свидетельствующий о его мрачных настроениях, – завещание 1901 г., в котором Франц Иосиф учредил депозитный семейный вклад на сумму 60 миллионов золотых крон и сформулировал цель создания вклада следующим образом:

«Если в результате событий в процессе исторического развития форма управления Австро-Венгерской Монархией претерпит из-

* Die grosse Politik der europäischen Kabinette: 1817–1914. Berlin, 1926. S. 372–373.

менения, и – упаси Господь, – наша родина не будет более владеть короной, порядок наследования для основанного мною депозитного семейного вклада должен определяться по принципам публичного права, вступившего в силу по кодексу с 1 июня 1811 г.»

Кошмар надвигающегося распада Дунайской империи преследовал и германское правительство – первейшего союзника дуалистической Монархии. С целью избежать опасных конфликтов, которые могли быть вызваны возможной австрийской катастрофой, германский канцлер фон Бюлов[26] в 1905 г. через посла в Санкт-Петербурге предложил план «Договора о незаинтересованности». По этому договору Германия и Россия должны были заявить, что в случае распада Дунайской монархии аннексию проводить не будут*.

Все эти многочисленные и разнообразные заявления, единодушные в своем разоблачении крайне неустойчивого положения Монархии, – отнюдь не случайность, но симптом, и даже символ глубокого органического кризиса. Нет никаких сомнений в том, что видели и чувствовали лучшие умы: силы истории неумолимо влекли Монархию к катастрофе.

III. Двойная война Габсбургской монархии

Не только проекция в будущее независимых друг от друга мнений доказывает, что распад Монархии не был механическим, случайным происшествием. Окончательный кризис и развал империи убеждают в этом даже тех, кто не верит в существование глубокой причинно-следственной связи между общественными явлениями.

Прежде всего, обращает на себя внимание поразительный факт: мировая война и покушение в Сараево, ставшее непосредственной причиной ее начала, находятся в теснейшей связи с внешней политикой Габсбургской монархии, которую, в свою очередь, определяла социальная и национальная структура империи. Я не могу сейчас углубиться в более детальный анализ этих связей; к нему я смогу перейти только когда читатель ознакомится со статикой и динамикой империи.

* Цит. по: Der Krieg, 1928 Majus.

На данном этапе я лишь хочу сказать, что распад Монархии был результатом не только борьбы с внешними противниками, но и в равной степени следствием другой войны, которую Монархия была вынуждена вести с так называемыми «внутренними» врагами, то есть с весьма значительной частью собственного населения. На мой взгляд, никакой другой факт не в состоянии в равной степени и с такой символической силой подтвердить органический распад империи Габсбургов изнутри, как эта двойная война, развернувшаяся в обстановке ужасного мирового кризиса.

История внутренней войны Монархии еще никем не написана, поскольку самые влиятельные личности старого режима, лучше всего осведомленные о тогдашних событиях, не спешат приподнять завесу и рассказать о внутреннем распаде империи, так как это может представить в невыгодном свете вопрос об ответственности за военные события. С другой стороны, те, кто склонен рассматривать эту проблему объективно, даже благожелательно, располагают лишь отрывочными сведениями и лишены фактического материала, ведь материалы официальных архивов по этому периоду пока еще закрыты для доступа*.

Несмотря на все эти трудности, у нас уже есть достаточно информации о ходе войны, чтобы убедить любого объективного наблюдателя в наличии кризиса внутренней мотивации. В этой связи никто не может отрицать, что военный абсолютизм нигде не принимал такие нездоровые и жесткие формы, как в империи Габсбургов, где не только военные акции выводились из-под контроля парламентских органов, но и экономическая жизнь, и административное управление, и судейский корпус – все стало предметом жесточайшего военного контроля**. За три первых года войны не было созвано ни

* Не так давно в этой связи из-под пера директора Венского военного архива Эдмунда Гляйзе Хорстенау вышла важная книга: *Horstenau E.G.* Die Katastrophe. Wien, 1929. Хотя автор, естественно, стремится доказать лояльность народов, населявших Монархию, совесть историка не позволяет ему закрывать глаза на симптомы внутреннего распада. Приведенных им фактов уже было бы достаточно, чтобы проиллюстрировать масштабы процесса, который я называю «внутренней войной». Гляйзе Хорстенау также ярко описывает прогрессирующие экономические затруднения австрийской армии и ее техническую отсталость, причинами которых, по большей части, были плохое управление и коррупция.

** Барон Больфрас, старший флигель-адъютант императора, уже весной 1916 г. справедливо заметил: «Сегодня верховное главнокомандование армии фактически есть единственное правительство нашей страны».

одного официального форума, так называемых «делегаций» для контроля за внешней политикой и обсуждения военных вопросов; правящие круги осознавали, что критика со стороны славян и социалистов может подорвать престиж Монархии. По тем же причинам на три года была прекращена работа австрийского парламента, и когда молодой император, придя в ужас от многочисленных признаков распада, объявил общую амнистию для так называемых «предателей родины» и созвал парламент, прозвучали заявления, от которых у старых австрийских патриотов кровь застыла в жилах. Выдающийся австрийский историк, явный сторонник немецкой линии, Виктор Библ писал:

«Признаки слабости только подстегнули чешское движение за независимость, и оно еще смелей и безудержней принялось рубить голову Медузы. Чешские депутаты без колебаний открыто восхваляли в парламенте солдат-дезертиров и не стеснялись пугать тем, что судьба Чехии будет решаться за столом переговоров союзнических держав, а не в Австрии. Национальное безумие и открытое предательство достигли свого апогея в Декларации о самоопределении 1918 г. – в ней чехи и словаки выразили свое убеждение в том, что независимость их государства не может быть достигнута конституционным путем, и потребовали дать им право участвовать в мирных переговорах с тем, чтобы получить возможность бороться за свои права».

Патриотическое отчаяние австро-немецкого историка можно понять, но, с другой стороны, молодой император располагал достаточно достоверной информацией о возможном ходе развития военных событий, чтобы понять: внутренний кризис Монархии уже не удастся разрешить в пылу победоносной войны; он видел единственный способ спасти трон в достижении соглашения с недовольными народами империи. Здесь он действительно был прав, ведь за первые годы войны власти уже успели проиграть все варианты террора и насилия в отношении самых широких слоев населения: ненадежных солдат смешивали с преданными немецкими и венгерскими войсками; основную массу представителей среднего класса чехов, сербов и румын объявили мафией предателей и передали под контроль военных властей*; процессы против предателей его

* Прекрасный анализ военной ситуации, с этой точки зрения, приводит Йозеф Редлих в 4 главе своей книги: *Redlich J.* Österreichische Regierung und Verwaitung im Weltkriege. Wien, 1925.

величества следовали один за другим (в одной только Моравии было проведено пятьсот подобных процессов, а на румынских и южнославянских территориях, особенно в Герцеговине, перед судом по аналогичным обвинениям предстали многочисленные «сомнительные элементы»); нервные офицеры военного трибунала расстреляли несколько сотен человек без какого бы то ни было серьезного судебного разбирательства; наивный религиозный панславизм несчастного украинского народа, который иногда действительно заканчивался предательством, но чаще вел к сентиментальным проявлениям солидарности с русскими, погнал толпы крестьян на бойню, устроенную австрийскими войсками в Галиции и в Карпатах; австро-венгерские солдаты окружали и сжигали целые деревни, если поведение жителей казалось им чересчур опасным.

Не хватит черной краски, чтобы обрисовать положение тыловых территорий, оказавшихся близко к линии фронта. Невозможно без содрогания читать рассказ профессора белградского университета Владимира Чоровича о преследованиях жителей Боснии и Герцеговины; доктор Тресич Павчич (впоследствии – посол Югославии в США) резко осудил в австрийском парламенте жестокие процедуры, которым австрийские власти подвергли самого Чоровича и еще сотни уроженцев Далмации. Белградский профессор приводит в своих заметках множество случаев, когда мужчин, женщин, детей расстреливали без суда и следствия. Невероятных масштабов достигла практика брать заложников из числа жителей тыловых регионов. Многие сотни людей стали жертвами этой жестокой формы «правосудия»*. С венгерской стороны картину психологии масс во время войны также дополняют подлинные свидетельства. Ласло Фенеш[27], выдающийся венгерский публицист, отправился во время войны с войском в Сербию, чтобы зафиксировать ситуацию в обществе и в армии, и поддерживал тесные связи с местным крестьянским населением. По рассказам Фенеша, в прифронтовых регионах у него всегда возникало четкое ощущение, будто он находится на территории противника. Плановые расстрелы без суда и следствия проводились каждый день; настроения жителей, особенно в деревнях

**Čorović V.* Crna Knjiga. Patnje Srba Bosne i Hercegovine za vreme svetskog rata 1914–1918. Beograd, 1920 (на сербском языке).

близ Зимони, стали настолько пугающими, что командующий предложил правительству в срочном порядке выселить с территории все гражданское население.

Известный германский историк южнославянского региона Герман Вендель с чувством описывает крестный путь, по которому пришлось пройти жителям южнославянских прифронтовых территорий во время войны, и язвительно замечает, что вожделенное объединение южных славян, в конечном счете, создали Габсбурги, «понаставив всюду виселицы, введя военный трибунал, лагеря для интернированных и тюремные камеры»*.

Кровавые деяния военного абсолютизма, однако, не сумели удержать Монархию от внутреннего распада. Напротив, среди славянского и румынского населения возникла такая глубокая ненависть, что ни один думающий человек не мог проанализировать ее без страха. С морально-этической точки зрения, внешняя война для Монархии оказалась ужаснее и невыносимее, чем для всех остальных стран. Ведь эту войну вели в подавляющем большинстве те, у кого не было для этого никакой внутренней побудительной силы, более того, им зачастую приходилось действовать вопреки своим истинным национальным чувствам, под угрозой страшного физического насилия. Эти чувства драматично выразил один из чешских лидеров: «Нам надо бороться за освобождение из-под ига Габсбургов, чтобы в будущем мы могли избежать ужасающих страданий, вызванных необходимостью сражаться на стороне врага»**. В начале войны многие чешские полки оказались неблагонадежными и даже могли зачастую быть обвинены в открытом предательстве. Коллективная капитуляция стала повседневной практикой среди чешских солдат. Из этих дезертиров сформировалась приблизительно 130-тысячная чешская армия, часть которой после революции в России стала единственной надежной вооруженной силой союзников на русской земле. Чешские подразделения можно было часто встретить не только на русском фронте, но

* Der Kampf der Südslaven um Freiheit und Einheit. Frankfurt am Main, 1925. S. 707–717.

**Даже такой преданный австрийцам автор как Гляйзе Хорстенау писал о новобранцах, призванных в армию после страшных потерь среди профессиональных солдат: «…Эти рабочие и солдаты в только что полученной серой лагерной униформе были скорее пушечным мясом, нежели сознательными воинами».

и в итальянских и во французских траншеях. Чешский народ действительно учел предупреждение своего политического лидера Карела Крамаржа[28]: «Не будем делать ничего, что могло бы дать повод, будто мы поддерживаем войну!» Отнюдь – сами чехи гордились тем, что примерно половина их соотечественников, находившихся на действительной военной службе, всего 300 тысяч солдат, перешли на сторону противников Монархии. Один проницательный корреспондент газеты «Франкфуртер цайтунг» во время войны писал, что девять десятых чешского народа тяготеют к лагерю союзников. Когда же высшее военное командование обратило внимание на участившиеся случаи предательства и в начале 1916 г. военно-полевой суд приговорил Крамаржа к смертной казни для примерного устрашения, все серьезные политики, включая самого императора, точно знали, что этот приговор в исполнение приводить нельзя, так как это уничтожило бы последние моральные узы между Габсбургами и чешским народом.

В таких обстоятельствах по умолчанию было признано, что чехов нельзя рассматривать как надежную военную силу. Однако чехи ослабили Монархию не только с военной точки зрения. Еще больший ущерб они сумели причинить своей яростной антиавстрийской пропагандой за рубежом. Лондонские лекции профессора Масарика, пламенная книга профессора Бенеша[29] (ныне – министр иностранных дел Чехословакии) под названием *Détruisez Autriche–Hongrie!**, а также деятельность других представителей чешской эмиграции произвели сильное впечатление на мировую общественность; по мнению некоторых наблюдателей, эти выступления стали одной из главных причин вмешательства президента Вудро Вильсона. Остальные недовольные нации и народы также сделали все от них зависящее, чтобы морально дискредитировать Монархию. Все эти подрывные тенденции ловко использовала безжалостная и изощренная пропаганда со стороны печатных агентств стран Антанты. Проникающие повсюду волны этой кампании значительно усилили растущее революционное недовольство как в окопах, так и в австро-венгерском тылу.

Сопротивление остальных народов, населявших Монархию, не было таким яростным и хорошо организованным, поскольку эти

* Уничтожьте Австро-Венгрию! (*франц.*).

народы были намного слабее и стояли на более низкой ступени национального самосознания. Большинство словаков сохраняли лояльность, и хорваты, в большинстве своем, героически сражались за дело Габсбургов, особенно на тех фронтах, где надо было защищать хорватское морское побережье от итальянских агрессоров. Напротив, среди трансильванских румын назревали протестные настроения. Еще в начале войны многие представители интеллигенции бежали в Румынию (среди них – редакция арадской газеты «Трибуна» в полном составе), где под руководством Октавиана Гоги[30], впоследствии – министра внутренних дел Румынии – на страницах своих книг, в листовках и на публичных собраниях развернули яростную пропаганду против Венгрии. Уже в 1915 г. румынские источники оценивали число трансильванских румын, которые бежали из Австро-Венгрии и встали на сторону Румынии с оружием в руках против своей прежней родины, в 10 тысяч человек. Эта революционная деятельность, естественно, вызвала и масштабную реакцию в Трансильвании, где военные власти с удвоенной энергией продолжали преследовать «румынскую мафию». Согласно статистике румынского автора Иона Клопотела, за первые четыре года войны 26 тысяч румын более или менее непосредственно столкнулись с военными тюрьмами. Используя чешскую схему, из военнопленных формировались затем румынские батальоны, и, по некоторым сведениям, к концу войны на стороне союзников сражались около 2000 офицеров и 23 тысяч рядовых*.

Чем тягостнее становилось положение на фронтах, тем больше угрожала медленная смерть от голода огромным массам населения, и чем тяжелее становилась ситуация в тылу вследствие военного террора, тем больше война превращалась в войну двух привилегированных народов империи – немцев и венгров. Даже поляки сменили амплуа «друзей Монархии». Последняя заключила с Украиной так называемый «хлебный мир» и тем самым предала интересы поляков в надежде, что сможет получать продовольствие от Украины. Таким образом, Монархия сделала поляков своими ожесточенными противниками как в парламенте, так и на поле боя, хотя Пилсудский[31] еще в самом начале войны решительно отстаивал интересы центральных властей и вторгся в Россию.

**Clopotel J.* Revolution 1918 . Cluj, 1926 (*на румынском языке*).

Теперь же, в результате враждебной внешней политики со стороны Монархии, остатки легионов Пилсудского взбунтовались: части войска удалось выбраться из страны, примкнуть к союзникам на Западном фронте и начать борьбу против немцев.

Политика, проводимая в отношении Украины, также оказалась не слишком результативной. Изгнав большевиков из вновь образованного украинского государства, Центральные державы стали поддерживать бывших царских генералов и офицеров, обратив старые реакционные элементы против украинского народа и интеллигенции. Начался период безжалостных реквизиций и иностранного владычества, превративший большинство украинцев во врагов Монархии. В таких условиях не кажется преувеличением восклицание социалиста Отто Бауэра[32], потрясающего летописца эпохи распада:

«Круг замкнулся. Габсбурги начали войну против южных славян, продолжили ее яростными столкновениями с чехами, в то же время потеряли симпатии поляков и не сумели обрести расположения украинцев. Уже все славянские народы были против них, да и союзники надеялись на победу. Австро-Венгрия билась не только с внешними противниками, но и с чуть ли не двумя третями собственного населения. Судьба Габсбургской монархии была решена»*.

По мере ухудшения положения на фронтах правящие круги все чаще склонялись к мысли, будто причина тревожной ситуации – предательство неблагонадежных элементов. Французский историк Бертран Ауэрбах цитирует тайное распоряжение военного министра, в котором тот предписывает строго контролировать всех солдат, кроме немцев и венгров, особое внимание следовало обратить на ранцы и переписку солдат-славян. Подобные преследования вызвали в австрийском парламенте целый шквал депутатских запросов**. Государство, которое подвергает большую часть своих солдат полицейскому надзору и отправляет за ними шпионов! Можно ли представить более символичное воплощение внутреннего кризиса Монархии? Кризис, вероятно, можно было преодолеть, если бы союз двух привилегированных наций оказался крепче. Однако все произошло с точностью до наоборот. В венгерском парламенте раз-

*Die Österreische Revolution. Wien, 1923. S. 48.

**L'Autriche et la Hongrie pendant la Guerre. Paris, 1925. P. 259 .

давались страстные и резкие заявления о том, что правящие военные круги сберегают остальные народы ценой крови венгров. В то же время в австрийском обществе и в парламенте можно было услышать массовые жалобы на то, что аграрная Венгрия живет в изобилии, безжалостно заставляя вторую половину Монархии жестоко страдать от голода!

В конце войны, когда голод приобрел масштабы настоящего бедствия и солдаты в войсках стали получать горестные вести из дома о том, как власти разоряют их семьи, фронты начали распадаться, появились так называемые «зеленые кадры». Их существование наводило ужас на военное начальство, ведь эти отряды объединили два в равной степени нежелательных элемента: закрытые подразделения вооруженных (часто огнестрельным оружием) солдат-дезертиров, которые занимались бродяжничеством и грабежами, и свободных солдат, не возвращавшихся в свои полки с помощью подделанных документов. Весной 1918 г. участились открытые мятежи, и военные власти уже не могли подавлять их вооруженным путем. Во многих городах Монархии сербы, боснийцы, венгры, словенцы и чехи отказывались идти в армию.

За моральным разложением армии последовало растущее возмущение трудящихся. На ранних этапах они относились к войне с одобрением, ведь, согласно официальной идеологии, поддержанной социалистическими лидерами, Центральные державы боролись против русского царизма за освобождение угнетенных им народов. Позже, когда военный абсолютизм уничтожил все конституционные гарантии дуалистической Монархии, эта гипотеза оказалась несостоятельной. Почти символическим воплощением перемен в общественном мнении стало покушение социалистического лидера Фридриха Адлера на австрийского премьер-министра графа Штюргкха[33], случившееся в октябре 1916 г. Террорист, человек высокой культуры и возвышенных моральных устремлений, совершил этот отчаянный поступок ради распространения в массах революционных идей, направленных против военного абсолютизма и милитаристского режима. Пример Адлера действительно стал поворотным пунктом для Монархии в истории войны. С этого момента рабочий класс открыто выразил свой протест; противостояние достигло своего апогея во время русской революции. После падения царизма воплотилось пророчество Фридриха

Энгельса: Австрия потеряла свой смысл в глазах рабочего класса. В левом крыле партии получила развитие новая политическая теория, близкая идеям Фридриха Адлера. Уже в ходе войны сторонники этой теории ясно заявили о необходимости принять право каждого народа на самоопределение, пусть даже и ценой исчезновения австрийской империи. Разоблачительные материалы о кровавых преступлениях военного абсолютизма, печатавшиеся в ежедневной газете социалистов «Арбайтер Цайтунг», усилили общественное недовольство, когда же Фридрих Адлер предстал перед судом, то из обвиняемого он превратился в обвинителя и с непритворным пафосом раскрыл глубину моральной деградации австрийского режима. Поведение Адлера воодушевило многих даже за пределами социалистического лагеря.

Нравственное возмущение значительной части среднего класса обрело яркое воплощение в одном из самых любопытных произведений военного периода – трагедии венского поэта и критика Карла Крауса[34] «Последние дни человечества». Книга создавалась в судьбоносные 1915 –1917 гг., но, естественно, могла быть напечатана только в 1919 г. Интересно сравнить этот грозный документ антивоенной литературы с романом Анри Барбюса «Огонь». Хотя оба произведения подпитывала одна и та же ненависть к войне, авторы подходят к теме совершенно по-разному, и мы можем увидеть, насколько радикально отличались антивоенные настроения у французов и у австрийцев. Барбюс описывает войну как катастрофу, как анахронизм, как результат деятельности порочных человеческих институтов, бессмыслицу, отвратительную, с точки зрения морали, однако солидарность писателя с тем, за что воюют французы, не поддается сомнению. Австрийский поэт – совершенно противоположный случай. Для него война – преступление вояк-авантюристов и алчных коммерсантов, сознательный заговор негодяев и идиотов против нормальных людей. Ни о каких мотивах высшего порядка здесь и речи быть не может.

От своего государства отвернулись не только трудящиеся классы и угнетенные народы, но и немецкие, и венгерские части в последние месяцы войны демонстрировали серьезные симптомы разложения. Немецкие и венгерские полки все яснее чувствовали, что сражаются за чужие интересы. Многие венгерские полки заявляли, что не собираются больше сражаться за Монархию, но хотели бы защитить от уг-

розы границы своей истинной родины, Трансильвании. Идея национального самоопределения захватила все народы Монархии. Наконец, под влиянием этой идеологии начали распадаться отдельные немецкие соединения. Не массы, подверженные большевистскому влиянию, даже не социалисты, а солдаты из самой лояльной провинции империи – Тироля, отказались от ведения военных действий и вернулись в южный Тироль: несчастные солдаты осознали, что их родной дом, жены и дети находятся под угрозой вражеской агрессии. Настоящей родиной для них был Тироль, а Габсбургская монархия превратилась в бессодержательное, пустое понятие.

В такой обстановке было уже слишком поздно, когда в октябре 1918 г. правительство Хуссарека[35] официально заявило, что кайзер и его кабинет собираются заново обустроить Монархию на федеративной основе. Если бы эта идея была высказана ясно и открыто двумя годами ранее, Монархия могла бы спасти себя. Но в 1918 г. уже ничто не имело значения: все народы империи отвергли программу правительства. Представители чехов, поляков и южных славян больше не скрывали свои истинные намерения. Не изменил ситуацию и знаменитый манифест кайзера от 18 октября[36]; этот документ можно рассматривать как фактическую ликвидацию Монархии. Государь заявил в манифесте, что Австрию необходимо трансформировать в федеративное государство (Bundesstaat), в котором «всякий народ создает самостоятельное государственное образование на территории своего расселения». В том же манифесте было обещано объединить польские земли и гарантировать особый статус гавани Триеста. Император обратился к своим народам с просьбой избрать национальные советы и тем самым содействовать этому грандиозному предприятию. «Тогда наша родина воспрянет в бурях мировой войны как конфедерация свободных народов».

С германской стороны манифест кайзера был воспринят как «позорное отступление», «рытье могилы для Монархии» и «самоубийство династии». Однако все эти утверждения очевидно ложны. Крах империи был вызван не манифестом – последний лишь зафиксировал момент распада, признал тот факт, что старая Монархия утратила консолидирующую силу. Программная декларация даже имела некоторый положительный эффект, так как в ее тексте Его Величество фактически узаконил процесс неизбежного распада и дал возможность всему чиновничьему корпусу Австрии содей-

ствовать созданию новых национальных государств, не нарушая при этом присяги. Те, кто осознавал истинное значение этого исторического процесса, увидели в манифесте кайзера куда больше, нежели трагикомическую нерешительность «маленького Августа Ромула Габсбургов»[37]. Напротив, они усмотрели в документе последнее звено логической цепи, «уловку ума» в гегелевском понимании; наполовину осознанное наполовину спонтанное воплощение исторического процесса. Династия Габсбургов, если можно так выразиться, высидела яйца национальных государств и даже научила этих птенцов национальной свободы летать, дав им возможность использовать старую администрацию и бюрократию при строительстве новых государств. Таким образом, манифест кайзера освободил дорогу, избежав ненужных революционных беспорядков. С другой стороны, как мог бы заметить более критически настроенный наблюдатель, манифест никак не мог способствовать созданию запланированного федеративного государства. Нации, которые были сыты по горло военным абсолютизмом и находились под влиянием лидеров, живших в эмиграции, не были заинтересованы в сохранении Габсбургской монархии. Подобные настроения усугублялись и очевидной неискренностью и несерьезностью документа. Славянские народы отреагировали на манифест крайне резко; национальные собрания в Праге и Загребе потребовали полной национальной независимости[38].

Не только славяне, но и привилегированные немцы не испытывали дружеских чувств к государству Габсбургов. Когда немецкие депутаты провозгласили в конце октября 1918 г. австрийское немецкое государство, председатель с немецкой стороны открыл заседание следующими памятными словами:

«История сделала нас, немцев, основателями старого австрийского государства, и мы, на протяжении веков, с безупречной верностью и бескорыстной самоотверженностью отдавали этому государству лучшее, что было в нашей культуре и экономике. Теперь же мы без благодарности говорим этому государству «прощай», с тем, чтобы энергия нашей нации высвободилась, и мы, черпая из этого бездонного источника, смогли построить новое сообщество, которое будет служить исключительно нашему народу».

Похожее чувство охватило и представителей второй привилегированной нации – венгров. В своей первой декларации от 26 октября

1918 г. венгерский Национальный совет в качестве главной цели провозгласил спасение венгерского государства. Он также приветствовал вновь созданные польское, украинское, чешское, югославское и австрийское государства и подчеркнул важность тесного экономического и политического сотрудничества с ними.

Помимо манифеста кайзера, есть еще один символический документ, свидетельствующий о спонтанном характере распада Габсбургской монархии. Когда стало очевидно, что вновь образованные национальные советы отвергают не только прежнюю Австрию, но и правление Габсбургов, молодой кайзер – во имя спасения трона – отправил обращение к солдатам, сражающимся на фронтах, с призывом проголосовать за республику или за монархию, поскольку официальные круги питали надежду на то, что войска относятся к кайзеру с большим энтузиазмом, нежели разочаровавшееся мирное население. Этот странный и единственный в своем роде референдум тоже случился слишком поздно – на разваливавшихся фронтах его уже невозможно было провести. Тем не менее, во многих полках голосование все-таки прошло, большинство солдат подали голоса за республику.

Прежде чем завершить этот вынужденно схематичный обзор, цель которого – показать, что мировая война была не причиной, но окончательным разрешением глубокого внутреннего кризиса Монархии, я бы хотел процитировать выводы, сделанные двумя выдающимися австрийскими историками; оба они были верны старой Австрии и воплощали ее лучшие традиции. (Тем самым,мне хотелось бы избежать упреков в том, что моя интерпретация является односторонней или надуманной.) Виктор Библ писал:

«Агония Дунайской монархии подошла к концу. Мы видели, что она давно была тяжело больна и обречена на распад. «Мы должны были умереть, – говорил Оттокар Чернин[39], – и могли выбрать только способ, как это сделать. Мы выбрали самый ужасный вариант». Можно спорить о том, действительно ли мы могли выбирать, и мог ли конец быть еще ужаснее. Несомненно одно: Габсбургская империя стала нежизнеспособной, превратилась в анахронизм»*.

* *Bibl V.* Der Zerfall Österreichs. Wien, 1922. Bd. II. S. 558.

Альфред Фрэнсис Прибрам вынес суровый приговор:

«Надеюсь, из моих рассуждений все поняли, что Австро-Венгрия рухнула в результате роковой войны. Не будь войны, она бы еще много лет могла просуществовать в качестве великой державы. Таким образом, мировая война стала непосредственной причиной краха Монархии. Однако истинная причина развала империи кроется в непримиримых противоречиях между различными нациями, жаждавшими независимости, но последняя была несовместима с идеей единства империи и властью, которой немцы обладали на протяжении столетий»*.

IV. Суть и возможности гражданского воспитания

Приведенный выше свод фактов, связанных с процессом распада Габсбургской монархии, возможно, не полон, но, надеюсь, его достаточно для доказательства того, что развал Монархии был последней стадией не механического и случайного, но длительного и органического процесса.

Очевидно, что в этом негативном опыте важную роль сыграла проблема гражданского воспитания. Гражданам Австро-Венгрии веками сознательно стремились привить идеи и чувства, которые могли способствовать гармоничному взаимодействию десяти наций и многих других народов, пробуждать и поддерживать в них лояльность по отношению к общему государству.

Средства и методы такого гражданского воспитания следует искать не только в системе народного образования от начальных школ до университетов. Куда большее влияние оказывают на него другие факторы: участие церкви, духовно-нравственные установки в армии, идеология прессы, литературы и науки, сформированная под влиянием государства, исторические традиции, которые государство пестует, и социальный вектор общественного развития, предложенный буржуазному обществу императорским двором и примкнувшими к нему высшими классами – теми, кого это общество так ценит.

* *Pribram A.F.* Austrian Foreign Policy, 1908 –18. London, 1923. P.128.

Однако исследования, призванного лишь выявить эти факторы, не достаточно для того, чтобы разрешить интересующую нас на данный момент проблему. Сознательное гражданское воспитание способно, конечно, на многое, но с его помощью можно лишь направить и укрепить определенные силы, порожденные статикой и динамикой государства на данный момент времени, силы, соответствующие законам социологической детерминированности. Распределение собственности, ограничение по конституции сфер деятельности для отдельных граждан, взаимодействие и борьба классов, проблемы международных отношений, уровень культуры и степень ее распространенности, религиозно-нравственная обстановка и непрерывность исторической традиции – вот первоочередные факторы, определяющие качество и силу гражданского сознания в данном обществе в конкретную эпоху. До определенного предела этим сознанием, безусловно, можно управлять, влиять на него и изменять при помощи хорошо продуманной государственной образовательной политики. Так садовник может влиять на правильный рост своих деревьев путем улучшения почвы, обрезания веток и изменения до некоторой степени климатических условий. Но несмотря на это, общее состояние почвы и климата по-прежнему будут оказывать решающее воздействие на рост деревьев во всех случаях, когда невозможно создать совершенно искусственную среду, пересадив растение из естественной среды обитания в теплицу.

Данная аналогия должным образом проясняет возможности гражданского воспитания. При столкновении с тенденциями развития массовой психологии, проистекающими из истинной экономической, морально-нравственной и политической структуры общества, даже самая продуманная и подробная программа гражданского воспитания обречена на провал. Там, где подлинные интересы людей постоянно приносят в жертву на алтарь так называемой лояльности, воспитать эту лояльность в них спонтанно невозможно. Нельзя привить национальную солидарность, если прогресс одного народа подчиняется интересам другого народа. Там, где массы постоянно испытывают недовольство вследствие эксплуатации рабочего класса, невозможно осуществить гармоничное взаимодействие представителей разных классов. В условиях диктаторского правления или власти отдельных каст нельзя воплотить принципы демократического гражданского воспитания.

Таким образом, если мы хотим оценить истинную силу и результаты гражданского воспитания, прежде всего, необходимо проанализировать те силы, которые определяли общественную и политическую жизнь Габсбургской монархии. Прежде чем определить, какое техническое оборудование потребуется, чтобы изменить, в определенных целях течение некой реки, необходимо точно измерить скорость и направление этого течения. Точно так же нам нужно понять, какие центробежные и центростремительные силы являются продуктом внутренней структуры Монархии, прежде чем мы сможем получить правильное представление о том, как сознательное государственное управление пыталось укрепить центростремительные и ограничить центробежные силы, используя возможности гражданского воспитания.

Под влиянием теории вульгарно понимаемого исторического материализма в наши дни многие склонны рассматривать данную проблему исключительно через призму сиюминутных интересов и с чисто материалистической точки зрения. Подобный подход представляется чересчур ограниченным и недальновидным. Система ценностей и мировоззрение, сформировавшиеся в сознании правящих слоев на протяжении многих поколений в ходе исторического взаимодействия, порой оказывает более глубокое влияние на исторические события, нежели чисто материальные и рациональные интересы недавнего прошлого.

Поэтому, прежде чем исследовать, какие важнейшие центробежные и центростремительные силы определили судьбу Монархии, чтобы лучше понять истинную роль защитных механизмов гражданского воспитания в их неукротимом движении, попробуем познакомить читателя с теми традиционными силами, ценностными суждениями и массовыми настроениями, которые подобно упомянутым течениям сформировали русло реки. Простой пересказ истории Монархии ничего особенного нам бы не дал, даже будь у нас достаточно места (а его у нас как раз нет). Сами по себе даты и факты не приближают нас к реальности, мы не осознаем тех психологических рамок, которые определяли эти даты и факты. В условиях Габсбургской монархии эта психологическая структура зависела от воли и задач династии куда больше, чем в любом другом современном государстве, ведь империя, по существу, с момента своего рождения до самой смерти оставалась абсолютистской. Таким образом,

если мы попытаемся понять политические цели самых выдающихся и могущественных правителей династии Габсбургов и изучить, какими способами и средствами они пользовались для достижения этих целей, то приблизимся к реконструкции общественной и моральной атмосферы того времени. Эту попытку мы и предпримем в следующей, второй главе книги.

Однако перед тем как приняться за дело, я должен ответить на одно возможное возражение. В нашей исторической реконструкции упор очень часто делается на Венгрию, и ряд моих читателей может усмотреть в этом некий искажающий национальный взгляд и решить, будто я придаю несоизмеримо большее значение развитию Венгрии в ущерб роли остальных девяти народов Монархии. Мне же подобная критика представляется беспочвенной, поскольку в проблематике единства империи Габсбургов Венгрия с самого начала играла исключительную роль, будучи единственной страной, где так и не победил габсбургский абсолютизм, страной, которая никогда полностью не теряла свою государственность и оставалась для Габсбургов источником постоянных национальных противоречий, а затем привела к формированию дуалистической структуры Монархии; исключительная прочность этой структуры сделала невозможной реорганизацию национальной федеративной системы. На одной стороне находилось механически скрепленное объединение стран и владений, утративших историческую независимость (по сути дела, сама Австрия), а на другой – более или менее независимое венгерское государство, которое никогда не отказывалось от национального суверенитета. Таким образом, на одной стороне располагался конгломерат наций и стран, заключенный в бюрократические, военные и капиталистические рамки, в то время как другая часть оставалась единой территорией, где до сих пор сохраняется господство феодальных классов. Там – последовательное движение (пусть иногда и с препятствиями) в сторону создания многонационального* федеративного государства, здесь же – иллюзия единого национального

* Социологическая и политическая литература крайне неоднозначно оперируют понятиями «нация» и «народность». Их часто используют в одном и том же значении для определения групп, объединенных общей историей, традициями, языком, литературой и обычаями. Однако мы порой ощущаем незначительную разницу: под «нацией» мы понимаем зрелую народность, достигшую полной независимости в качестве государствообразующей силы; «народность» же – это национальная общность,

государства, которое пытается уравнять и ассимилировать представителей разных национальностей. Это, вкратце, и составляло суть фундаментального противоречия, определившего, в конечном итоге, судьбу Монархии. Главными героями этой масштабной драмы стали, с одной стороны, силы династии, а с другой – венгерские господствующие классы. Остальные народы – даже второй привилегированный народ Монархии, немцы, – остались в этом крупном историческом эксперименте лишь на вторых или третьих ролях. Именно поэтому в следующей главе я, на первый взгляд, непропорционально много внимания уделяю психологическому состоянию венгров.

которая существует в тени правящей нации и еще не достигла полной независимости в качестве государствообразующей силы; Так, многие публицисты прежней Монархии говорили о двух господствующих нациях и рассматривали остальные нации как народности. Подобной точки зрения придерживались, в первую очередь, венгерские националисты, для которых только венгры были настоящей нацией, а остальные народы Венгрии они называли нациями «второго сорта». Хотя расовое единство господствующей нации вызывает большие сомнения (Армин Вамбери[40], крупный исследователь в области этногенеза венгров, считал последних самым смешанным народом Европы), определение «венгр» приобретало все большее расовое и языковое значение, и стало выражать идеи политического движения, направленного против т.н. «народностей». В связи с этим радикально изменилось прежнее положение, ведь до наступления конституционной эпохи идея «венгерской нации» (Natio hungarica) включала в себя всех людей благородного происхождения, даже если они были не венгерской национальности. Более того, закон о национальностях 1868 г. включал все нации страны в понятие политической нации.

Часть вторая

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

I. Чем Габсбургская империя отличалась от западных национальных государств

При возникновении каждой большой европейской державы решающую роль играла та или иная династия, вооруженная сила которой уничтожала систему феодальной раздробленности и в большинстве случаев объединяясь в союзе с городами, объединяла россыпь мелких местных правлений в экономическое и административное целое. То, что говорил о своей родине Эрнест Ренан[41] («король Франции, бывший, если можно так выразиться, идеальным типом государственного строителя, создавший лучшее национальное единство, какое когда-либо существовало»), более или менее верно и применительно к остальным современным национальным государствам. В то время как в этих крупных национальных государствах централизаторская королевская власть все больше становилась основным вершителем воли нации или, по крайней мере, представителем решающего большинства нации, Габсбургская династия выполняла эту работу практически на уровне частного предпринимательства.

Почему у Габсбургов не получилось то, что с успехом осуществили государства Западной Европы? Почему они не сумели построить политическое объединение на фундаменте полного языкового и национального единства? Среди читателей будут те, кто не увидит в этом никакой проблемы и станет утверждать, что западные государства изначально создавались на базе национального единства. Положение, однако, не столь однозначно. Истина состоит в том, что в раннем Средневековье национально-расовый состав Англии и Франции был невероятно неоднороден, и в этих странах национальная солидарность также формировалась в ходе многовекового процесса ассимиляции и объединения. Крайне привлекательная социологическая задача – сравнить объединительную миссию

Габсбургской династии с аналогичной ролью английской и французской короны и показать причины краха Габсбургов, не сумевших сформировать влиятельное национальное общественное мнение несмотря на поддержку Германской империи и экономическое и культурное превосходство немцев. В силу ограниченного места я не буду вдаваться в подробности, просто приведу несколько соображений в качестве гипотезы.

1. Этнографическая база в Австрии была куда более смешанной.

2. Большая географическая разобщенность и глубокие культурные противоречия разделяли расы, нации, вероисповедания; особенно это касается противостояния между византийской и западной культурой, незнакомого западным государствам.

3. Территория государства намного позднее стала закрытой общностью. В результате постоянной экспансии, длительных оккупационных действий, усилия по объединению сталкивались со все более тяжелыми препятствиями. Итальянские территории, Галиция, Буковина, Босния–Герцеговина оказались кусками, которые Габсбурги не могли переварить.

4. На протяжении более двух сотен лет турецкого ига значительная часть Монархии находилась под влиянием чужого культурного и политического устройства, которое не только блокировало работу по объединению на гигантских территориях, но превратилось в источник постоянной политической и дипломатической борьбы. После изгнания турок на ранее оккупированных территориях пошел процесс массовой репатриации и заселений, что создало совершенно новую психологическую атмосферу.

5. Перечисленные выше причины примерно на двести лет задержали развитие Монархии.

6. Если на Западе королевская власть выполняла объединительную функцию в тот период, когда расовое, языковое и национальное сознание масс находилось в самом зародыше, в империи Габсбургов политическое и экономическое объединение происходило на этапе, когда национализм уже превратился в сознательную силу.

7. Монархия не могла стать отечеством для народов, проживающих на ее территории; часть этих народов – зачастую бóльшая – оставалась за границами империи, где и создавала ядро национального государства (как это произошло с Сербией, Румынией, Польшей и украинскими территориями).

Как бы отдельные читатели ни относились к этим гипотезам, вряд ли можно сомневаться в том, что правление Габсбургов, по сути, носило не национальный, а династический характер, в отличие от других династий, сумевших добиться национального единства. Эту истину очень сжато и ясно сформулировал выдающийся австрийский историк права Арнольд фон Лущин:

«Наша империя выросла не на однородной национальной почвы, она продукт многовековой сознательной деятельности правящей династии. Этой династии удалось объединить немецкие территории с не немецкими территориями в такую эпоху, когда последние, в силу своей изоляции, не были в состоянии создать собственные государства. Таким образом, история Австрии, это не столько история народа или страны, сколько история государства»*.

II. Империя Габсбургов как семейная вотчина

Габсбургская монархия до самого конца оставалась своеобразным заповедным имением с правом майоратного наследования по средневековому образцу; такое имущество удерживает вместе одна и та же императорская власть, а также неутолимое стремление к консолидации и экспансии. После смерти императора Франца I (германоримского Франца II[42]) всемогущий канцлер Меттерних, подчеркивая целостность и неизменность государства Габсбургов, говорил послу германского бундестага:

«Там, где основа не портится, опасности нет: старый дом стоит крепко. Наследник майората, *fidei comissum*[43] – уже другой, но этот другой хочет того же, что и его предшественник. Он движется в том же направлении с такой же силой и упорством».

В этом заявлении нашли отражение характерные черты правления Габсбургов – та базовая идеология, которая со своим девизом «мой дом, моя армия» оставалась категорическим императивом, своеобразной династической религией. Фактический основатель династии Рудольф Габсбург[44], который в конце XIII в. разбил чешского короля Оттокара[45] и установил династическую власть

* *Luschin A. von.* Grundriss der Österreichischen Reichsgeschichte. Bamberg, 1914.

Габсбургов, так называемый *Hausmacht*, патримониальное ядро будущей империи. Он был одним из самых удачливых и дерзких грабителей, сумевших приумножить территории империи. Его семья, происходившая из алеманов, уже в XI в. владела обширными землями в Эльзасе и на территории современной Швейцарии и состояла в семейном родстве с несколькими влиятельными династиями эпохи.

Жажда экспансии, это империалистическое стремление, «искусство ради искусства» оставалось основной движущей силой и для наследников Рудольфа. Ради этого семья успешно прибегала к изощренным брачным комбинациям и заключала такие договоры о наследовании, которые были поразительными даже для своего времени, когда бытовала практика получения высокого титула через брак, дарственную или путем обменной сделки. Особой ловкостью на этом поприще отличался «последний рыцарь», Максимилиан I (1493–1519)[46]: путем брака ему удалось заполучить Нидерланды и Бургундию, женитьбой сына Филиппа – Испанию и Ост-Индию, по брачному же договору – венгерскую и чешскую корону для внука Фердинанда. В результате поспешных и удачных матримониальных акций, призванных объединить под властью семьи самые разнообразные и удаленные земли, Карл V (1519–1556)[47] уже действительно стал хозяином мировой державы. Его империя была столь обширна, что «над ее владениями никогда не заходило солнце». Эта экспансия путем заключения браков произвела такое сильное впечатление на современников, что появилось даже часто цитируемое крылатое выражение: *Bella gerant alii, tu Felix Austria nube**.

Символическим воплощением постоянной империалистической экспансии дома Габсбургов стал титул династии, который до последней минуты, не без определенного комического эффекта, фиксировал бесконечные браки, обмены и захваты Габсбургов в различных точках мира. Я хочу привести этот титул целиком – на мой взгляд, он даст читателю представление о том, как строилась Монархия, лучше, нежели любые отвлеченные рассуждения. Так называемый «большой императорский титул» выглядит следующим образом:

«Мы, ...Божьей милостью император австрийский, король венгерский и богемский, далматский, хорватский, славонский, галичс-

*«Пусть другие ведут войны, ты, счастливая Австрия, заключай браки» (*лат.*).

кий, галицийский, лодомерский и иллирийский, король иерусалимский и проч.; эрцгерцог австрийский; великий герцог тосканский и краковский; герцог лотарингский, зальцбургский, штирийский, каринтийский, краинский и буковинский; великий князь трансильванский; маркграф моравский; герцог Верхней и Нижней Силезии, моденский, пармский, пьяченцский и гуастальский, освицимский и заторский; тешинский, фриульский, рагузский и зарский; граф габсбургский и тирольский, кибургский, герицский и градишский; князь триентский и бриксенский; маркграф Верхних и Нижних Лузац и Истрии; граф Гогенемс, Фельдкирх, Брегенц, Зоннеберг и проч.; государь Триеста, Котора и Вендской марки; Воевода Сербии, Воеводины, и прочая, и прочая».

II. Химера Священной Римской империи

Экспансия, направленная на ближние и дальние хорошо знакомые и экзотические страны – некоторые из них известны сегодня только историкам, – этот бессвязный, хаотичный империализм, с точки зрения исследуемой нами проблемы, повлек за собой три очень важных следствия. Первое носило биологический характер, второе – международный, а третье – внутриполитический.

Под биологическим следствием я понимаю брак сына Максимилиана I, Филиппа, с наследницей испанского престола Хуаной Безумной. В этом союзе, судя по описаниям, «явно патологическим образом встретились» габсбургская и бургундская крови, которые и так уже «являли признаки вырождения», что впоследствии проявлялось у нескольких наследников трона: то в детской шаловливости, то в авторитаризме с уклоном в меланхолию.

Международные последствия габсбургского империализма были не менее опасными для будущего Монархии. Австрийские владения майората обеспечивали Габсбургов властью, достаточной для того, чтобы те, начиная с первой половины XV в., могли сохранять для династии корону германского императора. Священная Римская империя германской нации[48] вечно тяготела над Габсбургами, точно некий мираж, Фата Моргана, и втягивала их в целую череду военных и дипломатических затруднений, которые зачастую требовали

пожертвовать австрийскими и венгерскими интересами, что, в свою очередь, препятствовало внутренней консолидации Монархии. Генри Уикхэм Стид, проницательный английский очевидец драмы Габсбургов, справедливо утверждает:

«Веками Габсбурги жертвовали силой Австрии во имя притязаний германо-римской империи. Целью правителей – от Фердинанда I до Карла VI – было мировое господство. Мария Терезия, Иосиф II и Леопольд[49] признавали иллюзорность этой мечты, но и они продолжали борьбу за безусловную гегемонию в самой Германии. Только после поражения при Садовой в 1866 г.[50] или, скорее даже, после заключения Версальского мира и создания в 1871 г.[51] новой Германской империи Габсбурги отказались от своих германских амбиций и решительно занялись собственными землями и странами»*.

Такое положение сохранялось в течение нескольких столетий и лишало политику Габсбургов центральной точки приложения. Великие западные династии сумели более адекватно оценить те силы, которыми они действительно располагали. Габсбурги же постоянно колебались между двумя центрами, пытаясь базировать свое господство то на семейных владениях по берегам Дуная, то на слабых внутриимперских связях. Если бы император сконцентрировался на австро-венгерских территориях и избежал страшных последствий войны за испанское наследство[52] после отмирания испанской ветви, он мог бы с удвоенной силой преследовать турок и с куда большим успехом провести титаническую работу по объединению в границах собственной империи. Особенно после тридцатилетней войны[53], принесшей победу германскому феодализму, именно германские имперские связи стали для Габсбургов основным источником политических затруднений и интриг. На территории этой католической империи, у которой не было даже постоянных границ, еще в XVIII в. оставалось около трехсот мелких государств. Многие князья одновременно правили и внутри империи и за ее пределами. Неразбериха была столь велика, что самый выдающийся политический мыслитель эпохи императора Леопольда I, Филипп Вильгельм фон Хёрнигк[54] – автор книги «*Österreich über Alles, wann es nur will*» («Австрия – превыше всего, если только она пожелает этого»), вы-

* *Steed H.W.* The Habsburg Monarchy. London, 1913. P. 12.

шедшей в 1684 г. и долго считавшейся пророческой, – был не в состоянии дать ясную картину отношений между Австрией и Германией.

«Никто не может с точностью определить, – считал профессор Бидерманн, историк австрийской политической идеи, – насколько германская территория заходит на австрийскую, и какие земли Австрии относятся к германо-римской империи»*.

Очевидно, что этот фантом Германской империи и хаотичная система архаичных *Kleinstaaterei* (мелких государств) оказали катастрофическое влияние на австрийское единство, тем более, что конкурирующие державы, в первую очередь Франция, часто и успешно пользовались отсутствием у Габсбургской династии настоящего центра. Эрнест Лависс[55] метко констатирует:

«Французские политики подкупают крупных князей и иногда хвалятся, что выкупили немецкую корону. Они покупают и князей-протестантов, противников католической Австрии, и князей-католиков, противников императорской власти. Во Франции точно знали, сколько стоит герцог того или иного ранга, министр или княжеский фаворит. Версаль был хорошо осведомлен о курсе цен на немецкую совесть»**.

Такая международная ситуация, естественно, имела далеко идущие последствия, как было сказано выше, внутриполитического характера. Я уже ссылался, в другой связи, на то, что габсбургская внешняя политика с постоянными завоеваниями и обменами территорий не позволяла сформировать единое общественное мнение в таких разных, с точки зрения экономики, культуры и традиций странах. Аннексия Бельгии и Ломбардии в результате войны за испанское наследство, а затем и дележ польской добычи оказались роковыми шагами для Монархии. Эти территории, столь удаленные от центра и более развитые в культурном и национальном смысле, уже не получалось сделать органической частью империи. Двуглавый орел, символ герба Габсбургов, смотрел одной головой в сторону славян, а другой – в сторону немцев, за изменениями во внешней политике, потому что эта политика стремилась то к гегемонии на Западе, то к превосходству на Востоке.

* *Bidermann H.T.* Geschichte der Österreichischen Gesamt-Staats-Idee. Innsbruck, 1867. S. 50.

** *Lavisse E.* Vue générale de l'histoire politique de l'Europe. Paris, 1904. P. 128.

IV. Консолидирующее влияние немецкой колонизации

Какой бы запутанной ни была структура Габсбургской империи, и какую бы решающую роль ни играл абсолютизм династии в этом конгломерате стран, было бы ошибкой представлять империю – как это часто делали, – просто случайным сообществом, которое удерживают лишь оружие, браки и насильно заключенные договоры. Хотя единой национальной и географической основы у этой империи не было*, значительные народные силы способствовали формированию слабого чувства солидарности в ядре империи между Австрией, Чехией, Венгрией и Хорватией. Проявилось это в том, что уже на пороге окончательного создания Монархии то австрийский, то чешский, то венгерский правитель делали объединительные усилия. Но когда Фердинанду I (1521 –1564), избранному на основании договора, заключенного его дедом Максимилианом I, удалось объединить австрийские земли с Чехией и частью Венгрии, в этом деле он уже мог основательно опираться на серьезные силы общества. Среди общественных факторов первым по времени и объективно самым значимым стала немецкая колонизация, роль которой в государственном строительстве часто и заслуженно подчеркивают. Австрийское государство действительно стало результатом этой мощной волны переселений, в ходе которой Германия направила крестьянскую молодежь из тесных границ феодальной системы на северо-восток и на юго-восток. Австрийское государство стало продуктом экспансии на юго-восток, а прусское – на северо-восток. В ходе заселения этих земель более развитое немецкое сельское хозяйство и городская жизнь привносили с собой семена западной цивилизации в отсталые, примитивные общественные отношения Средней и Восточной Европы. В Чехии, Моравии,

*Доктор Р.Зигер, выдающийся австрийский профессор, еще в разгар бурь Первой мировой войны попытался доказать географическую целостность империи Габсбургов в своей книге *Die geographische Grundlagen der Österreichisch-Ungarischen Monarchie und ihrer Aussenpolitik.* Leipzig und Berlin, 1915. Доводы он приводит гениальные, но мне они показались недостаточно обоснованными. Более того, таким произвольным способом несложно было бы доказать географическое единство, скажем, Франции и Германии, или любых других двух европейских стран.

Венгрии, Трансильвании, южнославянских странах – повсюду расходились все новые и новые волны немецких поселенцев и заполоняли самые отдаленные территории. Это происходило в процессе феодальных завоеваний, но часто переселенцы приходили в качестве гостей, по приглашению соответствующих правительств, которые наделяли чужаков разнообразными привилегиями с целью поддержать королевскую власть финансовыми, культурными и политическими силами более развитой цивилизации. Находясь в постоянной борьбе против феодалов и прочих местных противников, королевская власть нуждалась в иностранных воинах, священниках, ростовщиках, ремесленниках и земледельцах. Подобные устремления поразительно ясно и изящно выразил первый венгерский король Св. Иштван[56] в наставлениях, которые можно рассматривать не только как изложение венгерских принципов управления, но и как модель, распространенную среди правителей Средней и Восточной Европы. В наставлениях король так обращается в своему наследнику:

«Потребность в чужестранцах столь велика, что Его Королевское Величество может по заслугам отдать им шестое место. Откуда изначально преумножалась Римская империя и вознеслись к славе римские правители, если не из многих прекрасных и мудрых людей, что устремились туда из различных провинций?... Ибо, приходя со всех концов провинций, чужестранцы приносят с собой всякие наречия и обычаи, оружие и научные знания и тем украшают и возвеличивают королевский двор, а самоуверенные сердца врагов изрядно устрашают. Воистину, слаба и недолговечна страна, где один язык и одна мораль. Потому завещаю тебе, сын мой, дай им пропитание своею волей и окажи достойный прием, пусть живут у тебя с большей радостью, нежели где-либо в другом месте. (*Proptereo tubeo te, fili mi! Ut bona voluntate illos nutrias et honeste teneas, ut tecum libentius degant quam alibi habitent.*)»

Эти идеи и в последующие века составляли фундамент политики королей в тех странах, где стремление к централизации приходилось защищать от местного феодального партикуляризма с помощью иностранных сил. Трансильванских саксов, например, призвали *ad retinendam Coronam** по документу, который гарантировал им широкие привилегии. Габсбурги, естественно, заключали в этих поселе-

* К защите Короны (*лат.*)

ниях договоры, но не на основе только складывавшейся национальной идеи, а исходя из потребностей развивающейся государственной власти, которая сознательно использовала потенциал более развитой экономически и финансово немецкой цивилизации.

V. Консолидация, сложившаяся вследствие турецкой экспансии

Второй важнейший фактор, послуживший базой для объединительных усилий Габсбургов, стала потребность масс в защите от турецкой опасности. Настоящая дата возникновения Габсбургской империи – это день битвы при Мохаче в 1526 г.[57], когда турки разгромили совершенно деморализованный и недееспособный венгерский феодальный механизм. После поражения при Мохаче и внезапной смерти венгерского короля Лайоша II[58] брачный договор Максимилиана вступил силу, и королем западной части Венгрии стал Фердинанд, тогда как центральная часть, самая плодородная треть территории Венгрии, оказалась под властью турок. Трансильвания стала наполовину независимым княжеством с национальным правителем, но осталась при этом в сюзеренной зависимости от турок. С этого момента под властью Габсбургов – с военной точки зрения – образовалось ядро Габсбургской империи, австро-чешско-венгерский центр, и началась двухсотлетняя борьба за отвоевание остальных двух частей Венгрии с постепенным вытеснением турок.

Венгерские земли Фердинанда долгое время играли роль военного оплота Запада против турецкой угрозы. На тот момент только эрцгерцог Австрии в качестве германского императора располагал финансовыми средствами и армией, с помощью которых можно было защищать Запад и начать постепенное изгнание турок. Чем лучше мы понимаем экономическую и общественную историю этой эпохи, феодальную дезорганизацию устройство и состояние анархии в венгерском и чешском государствах, тем скорее нам придется признать, что в это время династия Габсбургов была единственной централизованной силой, организованной с военной точки зрения, способной противостоять растущим импери-

алистическим аппетитам турок, а впоследствии и вытеснить турецких завоевателей. Беспримерный героизм, проявленный комендантами отдельных венгерских и хорватских крепостей, такими как Зрини, Добо или Лошонци[59], мог воодушевить страдающий народ, но не был в состоянии остановить огромное и умелое турецкое войско.

Мы действительно можем отследить, как по мере усиления турецкой опасности после падения Константинополя захват Афин, Балканских государств, Нандорфехервара и Буды[60] поверг христианские народы в отчаяние, и население Дунайского бассейна укрепилось в убеждении, что прежние узкие государственные рамки уже больше не в состоянии противостоять азиатской угрозе. Венгерский король Жигмонд [61] из династии Люксембургов уже в первой половине XV в., находясь на смертном одре, торопил с объединением венгерской, чешской и германской корон во имя защиты от турок. Необходимость этого осознавали даже высшие классы – извечные противники династической власти, и с начала XVI в. часто можно встретить планы и попытки объединить дворянство отдельных стран с целью поддержать Габсбургов в их борьбе против турок*. Однако подобное сотрудничество дворян на международном уровне вызывало у династии подозрение, поскольку ее представители вели непрерывную борьбу с феодальными силами, и союз своих естественных врагов расценивали как угрозу собственному абсолютистскому режиму, а потому планомерно препятствовали стремлениям к объединению, исходившим снизу, хотя эти усилия могли бы способствовать укреплению внутренних духовных связей между странами Монархии. Таким образом, борьба против турецкого господства все больше превращалась в личное дело Габсбургов и велась в интересах консолидации и укрепления династической власти. В этом и кроется причина неслыханного равнодушия, с которым венгерское общественное мнение восприняло в 1686 г. освобождение сердца страны – Буды[62] императорскими войсками, в то время как Западная Европа с воодушевлением приветствовала победителей. Те же, кто глубже знает историю эпохи, вовсе не удивится этому. На тот момент не было силы, способной объединить нацию: самые широкие слои дворянства ненавидели династию, ведь

* *Bidermann*. Op.cit. S. 6–7.

последняя отняла у них вековые привилегии; массам крепостных, лишенных каких бы то ни было прав, было совершенно все равно, чьи войска заставляют их расплачиваться за войну и проливать кровь – императорские, турецкие или свои, венгерские; что касается нижнего сегмента средних слоев, которые тоже особого влияния не имели, – то они были настолько отягощены преследованиями на религиозной почве со стороны династии, что протестантские священники были готовы рассматривать турок как защиту от религиозной нетерпимости Габсбургов. Если во Франции борьба короля против английского господства[63] закладывала крепкие основы французского патриотизма во имя объединения страны, то сражения с турками не были связаны в сознании современников ни с какими межнациональными устремлениями по объединению народов, чьи сыновья действительно принимали участие в этой освободительной борьбе.

Тем не менее, массы все яснее чувствовали растущую мощь династии, против которой оказались бессильны феодалы. В военном, бюрократическом и финансовом могуществе Габсбургов, безусловно, скрывались ростки определенной объединяющей духовной силы: в рядах доминирующего немецкого этноса начало складываться своеобразное сознание династической государственности; в императорском войске, созданном усилиями и талантами Евгения Савойского[64], среди солдат распространилось чувство военной солидарности, которое впоследствии приобрело масштабы народного движения. Песни, прославляющие героя, великого французского кондотьера, продолжали вдохновлять солдат императорской армии даже во времена Мировой войны и стали настоящими столпами военного самосознания Монархии. Нет смысла искать в этих песнях, которые разучивали в школах вплоть до распада самой Монархии, выражение национального или государственного единства: выдающийся полководец не был по-настоящему связан ни с одной страной или народом. Его гений служил исключительно интересам и славе Габсбургов, пламенным сторонником которых Евгений Савойский стал после оскорблений, нанесенных ему при французском дворе. Характерны в этом смысле слова одной из самых распространенных песенок:

Prinz Eugenius, der edle Ritter
Wolt dem Kaiser wieder kriegen
Stadt und festung Belgerad.

(Храбрый рыцарь, принц Евгений,
обещал монарху в Вене,
что вернет ему Белград.)*

Песня носит исключительно воинственный и династический характер, в ней нет никакого указания ни на родину, ни на государство.

VI. Союз династии и угнетенных классов

В габсбургской системе управления – несмотря на ее династическую, патримониальную и империалистическую природу, – уже на раннем этапе можно обнаружить одну черту и тенденцию, которая послужила живительной силой для усилий режима по централизации и объединению. Подобно другим западным династиям, Габсбурги более или менее ясно понимали, что для борьбы с феодальной раздробленностью, мелкими князьками, рыцарями-грабителями, привилегиями крупных землевладельцев и постоянными бунтами феодалов, им потребуются симпатии и поддержка широких народных масс, чтобы получить от крепостных больше денег и солдат и укрепить экономическую и финансовую власть городов. Династия все активнее поддерживала широкие слои населения не только в немецких владениях, но и в других частях империи, даже в мятежной Венгрии. Эта особенность королевской власти явно просматривается уже в правлении Фердинанда I. Бесконечная борьба с растущей феодальной анархией завоевала ему симпатии части мелкопоместного дворянства. Начиная с 1545 г., Фердинанд упорно призывал венгерское государственное собрание прекратить привязывать крестьян к земле и вернуть им право свободного переселения, потому как «жалобы их разносятся до самого неба».

Позднее поддержку венгерского крестьянства против венгерского дворянства в Трансильвании получил Баста (1550–1607)[65], безжалостный и кровавый генерал кайзера, итальянец по происхождению; определенной популярностью он пользовался среди беднейших слоев. «Даже нищий мог к нему обратиться», – написа-

* Цит. по переводу Сергея Захарова (*Прим. переводчика*).

но в одном из источников. Традиционная политика прежних династий, Арпадов, Анжу и великого и популярного короля Матяша[66], которая защищала народ от немилосердной жадности и грабежей со стороны феодалов, стала отличительной чертой Габсбургов – по крайней мере, лучших их представителей. К сожалению, данная тенденция не могла дать такого же эффекта, как на Западе, поскольку сама династия была чужой для большинства народов империи и использовала для достижения своих целей чужеземную армию и чиновников. Абсолютизм, деспотия и ревностный католицизм Габсбургов вызывали неприязнь даже у тех, кто мог бы стать их естественными союзниками – у немцев, проживавших в городах империи.

Тем не менее, антиолигархические выступления Габсбургов порой играли значительную роль (подобную политику практиковали Мария Терезия и Иосиф II) и превратились – как мы это вскоре увидим, – в реальную и весьма развитую социально-политическую систему. Даже жесткий абсолютистский режим Александра фон Баха[67], введенный после разгрома революции 1848 г., сопровождался рядом чуть ли не революционных шагов, направленных против консервативного господства феодальных классов. Далее мы остановимся на этом вопросе подробнее. Да и сам император Франц Иосиф[68], хотя и был по складу мышления и умонастроениям типичным абсолютистским правителем, сумел навязать старому австрийскому режиму всеобщее избирательное право и предполагал распространить его даже на Венгрию, однако здесь ему пришлось столкнуться с венгерскими феодальными классами. Еще более решительный характер это направление приняло у обоих наследников трона: Рудольф считал феодализм главным врагом империи, а Франц Фердинанд намеревался сломить господство венгерского дворянства и обеспечить правовое равенство для угнетенных меньшинств – славян и румын. Последний отпрыск семьи, император Карл I (в Венгрии – король Карой IV) предпринял последнюю отчаянную попытку спасти трон путем демократических реформ и использовать всеобщее избирательное право в борьбе с сопротивляющимися венгерскими правящими классами во главе с Иштваном Тисой[69].

Под влиянием все новых и новых усилий со стороны правящей династии на многих землях Монархии закрепилась определенная моральная связь между Габсбургами и угнетенными классами,

в особенности с крестьянством угнетенных наций, которое Габсбурги очень часто защищали от немецких и венгерских господ. Спустя много лет после смерти наследника Рудольфа лидер польских социалистов Дашинский (Daszyński) [70] рассказывал в австрийском парламенте, что многие галицийские крестьяне верят, будто Рудольф не умер, но путешествует по стране в чужом платье и ведет приготовления по освобождению измученного народа. Автор этих строк и сам часто замечал в ходе своих поездок по Трансильвании, что титул кайзера (румынские крестьяне всегда говорили «кайзер» вместо официального венгерского «король») почиталася среди румынских крестьян чуть ли как религиозный символ. Искренняя лояльность южных славян по отношению к кайзеру и их выступления против венгерского дворянства во время революции 1848 г. стали одним из важнейших факторов спасения Габсбургского трона. При всем этом, Габсбурги и союзные с ними правящие классы никогда последовательно и системно не использовали эти важнейшие тенденции, на основе которых можно было действительно выстроить конструктивную государственную политику. И для этой области – как и для всех остальных – актуальна характеристика, которую дал политике Габсбургов австрийский поэт и драматург Франц Грильпарцер: это политика «наполовину осуществленных дел, наполовину пройденных путей».

VII. Борьба абсолютизма с сословиями

Объединение, созданное в рамках империи Фердинанда I, оставалось относительно непрочным на протяжении его долгого правления в первой половине XVI в. Во всех провинциях, особенно в венгерском и в чешском королевствах, императору приходилось бороться с господствующими классами и сильным дворянством. В эту эпоху в империи было две власти: власть династии, основой которой служили собственная денежная система, армия и бюрократия, позже эту власть укрепил императорский титул правителя, и власть феодалов в отдельных странах и наследных провинциях, которые продолжали жить своей средневековой жизнью без ка-

ких-либо изменений*. Между императором и широкими народными массами, населявшими империю, отсутствовала реальная связь. Народ, миллионы лишенных прав крепостных крестьян, оставались под исключительной властью землевладельцев, а самые крупные помещики относились к императору лишь как к «первому среди равных», то есть рассматривали его как самого могущественного и богатого помещика, у которого больше всех земель, денег и войска. Меновая торговля, неразвитая транспортная система, отсутствие обмена информацией и неопределенность в повседневной жизни давали более могущественным землевладельцам возможность практически создавать вокруг себя собственные государства и пользоваться правами монарха. Союз этих удельных князей, которому иногда удавалось вовлечь обедневшее дворянство и обманутых крестьян в различные группировки, направленные против императора, бесконечные интриги, затеваемые феодалами при поддержке иностранных правителей, создавали постоянную угрозу для династии.

Габсбурги прекрасно понимали ситуацию, видя, на примере собственных испанских территорий и других западноевропейских государств, что без уничтожения феодальных институтов невозможно завершить объединение и ввести в стране централизованную форму управления. Таким образом, в то время государственная мысль Габсбургов могла быть нацелена только на свержение «второго государства» в лице дворянства и создание вместо него собственной администрации, органов юстиции и армии. Этот процесс стоял в повестке дня истории Габсбургов более двух столетий.

Когда родившийся в Испании и воспитанный при королевском дворе Фердинанд I вступил на австрийский престол, он не просто применил испанский опыт, но и окружил себя военными лидерами и дипломатами, искушенными в битвах против феодального мира. Таким образом, власть Габсбургов стала чуждой не только для венгерского и чешского дворянства, но и для немецких сословий. Именно с ними и столкнулся, в первую очередь, молодой эрцгерцог. Стоило ему ступить на австрийскую землю, как дворяне Нижней Австрии возмутились против нового порядка, и к их протестам при-

* Двойственный характер государства Габсбургов отлично демонстрирует Арнольд Лушин.

соединились города. Фердинанд, привыкший к испанскому абсолютизму, воспринял это, скорее, формальное, нежели реальное противостояние как государственную измену, и на так называемом «кровавом суде» в 1522 г. в Винер-Нойштадте[71] приговорил к смертной казни шестерых видных предводителей движения, в их числе и бургомистра Вены. С этого началось кровавое крушение феодального мира, но еще и при потомках Фердинанда не раз вспыхивало пламя анархии в различных местах империи.

Позднее, уже будучи императором, Фердинанд столкнулся с фрондой дворян, целью которой было воспрепятствовать объединительным усилиям монарха. Феодальный мир стал протестантским, чтобы уберечь власть на местах от папского и императорского универсализма с помощью более свободной и рациональной религии. Хотя Фердинанд еще не осмеливался в полную силу выступить на втором, внутреннем фронте, он ясно видел, какую опасность для королевской власти представляет союз сословий и протестантизма. В своем завещании император настоятельно предупреждает сыновей о необходимости быть осторожными с протестантами: «Я предпочту видеть вас мертвыми, нежели приспешниками новых сект». И действительно, уже в правление Фердинанда начинается Контрреформация и расширение влияния иезуитов.

Вместе с тем, Фердинанд энергично прилагал усилия по объединению страны; его, не без оснований, считают отцом немецкой бюрократии. Фердинанд I создал единые органы управления, тайный совет, военный совет и императорскую казну. Тогда же император попытался учредить органы местного самоуправления, которые должны были действовать над феодальной бюрократией. Таким образом, сформировался новый тип государственного управления, сыгравший значительную роль в создании единого государства; во Франции, например, эту функцию выполняло «дворянство мантии» (*aristocratie de robe*). Видные юристы и управленцы образовали слой людей, способных воплотить в жизнь государственную и правовую идею на более высоком уровне, нежели это происходило при примитивном феодальном управлении; они эффективнее защищали городскую форму жизни и поддерживали производительный труд.

После смерти Фердинанда политику объединения продолжил император Рудольф II (1576 –1612), однако расстройство психики,

которым он страдал, поставило саму систему в неопределенное и запутанное положение и вызвало ненависть к нему по всей стране. В Венгрии, например, при поддержке нескольких продажных помещиков под самыми неуклюжими предлогами был возбужден целый ряд дел о государственной измене против феодальных землевладельцев, считавшихся врагами династии, или тех, на чьи владения положил глаз кто-нибудь из фаворитов императора. Подкупленные судьи приговорили всех обвиняемых к смерти, а их имущество было конфисковано.

Беспощадная война Рудольфа с протестантами послужила началом политики, которая впоследствии оказала роковое влияние на судьбу Монархии. По всей империи, то есть в изначальных австрийских владениях, а также в Моравии, Чехии и Венгрии, шло яростное истребление протестантов, среди которых было немало дворян и широкие массы крестьян. Воевали против них оружием, а в идеологической борьбе помощь оказывали иезуиты. Возникли «вооруженные комитеты по делам протестантов»; они один за другим захватывали протестантские храмы. В странах чешской короны, главным образом в Моравии, в стране «железных братьев»[72], протестантизм приобрел национальный характер в форме особого чешского пуританизма. В первую очередь, главными сторонниками антигабсбургского движения стали последователи Яна Гуса[73]. (Верный ученик Джона Уиклифа принял мученическую смерть в 1415 г.) Сильное национальное чувство соединилось у «чешских и моравских братьев» с протестантскими традициями и обратилось против римско-католического двора Вены и чиновничьего аппарата, говорившего по-немецки. Один чешский дворянин, к примеру, обратился к своему сыну, говорившему на немецком: «Пусть я лучше залаю, как собака, чем заговорю на языке чужеземцев».

Религиозные преследования в немецких землях также привели к народным волнениям, в которых религиозные чувства нередко соединялись с общественным недовольством по отношению к феодальным господам, угнетавшим крестьянство. В Венгрии также возникла сильная антипатия по отношению к Габсбургам на национальной почве. В своей борьбе против протестантизма кайзер сталкивал между собой феодальные элементы и городских бюргеров. Происходило это по схеме, которую монархия уже использовала прежде в Штирии против протестантского дворян-

ства. Контрреформация была запущена в королевских городах, поскольку двор прекрасно знал, как ненавидят друг друга города с преимущественно немецким населением и феодальные классы. Высшее венгерское духовенство постоянно призывало короля к вооруженной атаке на городские храмы. Преследования протестантов-дворян начались несколько позже, но средства использовали те же*.

Таким образом, пресловутый макиавеллиевский принцип «разделяй и властвуй» Габсбурги впервые применили в религиозной сфере. Политическая и морально-нравственная атмосфера, которая впоследствии сложилась в области национальных взаимоотношений, также продукт данной тактики. Именно из-за нее между отдельными частями Австро-Венгерской империи так и не смогла возникнуть естественная солидарность.

Под влиянием ожесточенных преследований на религиозной почве и как результат борьбы императорской власти против дворянских свобод возникло некое подобие союза дворян, насильно согнанных со своих земель, с горожанами и крестьянами – жертвами религиозных гонений, грабительских налогов и военной службы. Этот союз был направлен против габсбургского абсолютизма, немецкой бюрократии и состоявшего в сговоре с ними высшего католического духовенства.

Это движение – одновременно социальное, религиозное и национальное, дало толчок к целому ряду восстаний национального характера против Габсбургов; в отдельных случаях подобные выступления под предводительством выдающихся и честолюбивых личностей потрясали самые основы империи Габсбургов. Социальное и национальное недовольство нередко раздувалось и финансировалось извне, внешними врагами Габсбургов. Первый из таких национальных героев Иштван Бочкаи[74] – мелкопоместный дворянин, лишенный своих владений и подвергшийся религиозным гонениям, стал легендарным вождем обремененных непосильными податями крестьян и с помощью турок организовал такое масштабное выступление против Габсбургов, что поставил под угрозу даже сам престол. По заключенному в 1606 г. Венскому миру[75], император Рудольф был вынужден гарантировать

* *Acsády I.*: A magyar birodalom története. Budapest, 1903. II. köt. 230–240. o.

венгерским протестантам свободу вероисповедания. Тогда же наполовину независимое Трансильванское княжество вновь превратилось в центр феодального мира и стало родиной своеобразного венгерского национализма, направленного против Габсбургов и на защиту протестантизма. В противовес габсбургскому клерикализму, Трансильвания стала оплотом религиозной свободы, и государственное собрание в Торде в 1557 г.[76], законодательно закрепившее свободу вероисповедания, стало одной из ранних форм сопротивления Контрреформации.

VIII. Введение режима террора испанского типа

Жесткая и неуравновешенная политика Рудольфа стала последней каплей, переполнившей чашу терпения. Феодальный мир наконец осознал, какая угроза исходит от габсбургского абсолютизма. В период более умеренного правления, когда на престол взошел наследник Рудольфа, дворянские классы активизировались. Сословия начали проводить осознанную внешнюю политику, ставшую еще более важной в условиях усиления турецкой агрессии. Австрийские феодальные классы уже в эпоху правления Рудольфа заключили тесный союз с дворянами Чехии, Моравии и Силезии, а также с венгерскими, трансильванскими и хорватскими сословиями. Можно отметить и сознательное стремление дворян к созданию центрального совета. Этот орган мог бы решать вопросы внутренней и внешней политики, которые, в равной мере, затрагивали интересы дворянства этих стран. Феодальная коалиция начала представлять угрозу централизаторским устремлениям Габсбургов. Когда на престол вступил ревностный католик испанского толка Фердинанд II (1619–1637)[77], борьба не на жизнь, а на смерть между протестантским партикуляризмом и католическим универсализмом Габсбургов стала неизбежной. В ходе Тридцатилетней войны эта борьба привела к атомизации Германии и укреплению власти Габсбургской династии.

Как человек, не знающий пощады и снисхождения, Фердинанд II воплотил собой идеал иезуитов. «Я предпочту править пустыней, нежели стану правителем еретиков,» – часто повторял Фердинанд и остался верен своим словам. Истребить протестантизм, подавив,

тем самым, сопротивление дворянства, и установить абсолютную власть на всей территории империи – так он представлял себе идеал государства. Постоянно находившиеся при нем представители испанского духовенства и аристократии заботились о том, чтобы кайзер не испытывал сомнений и не шел на компромиссы. Император ежедневно присутствовал на двух мессах, регулярно посещал монастыри, а в Нойштадтском монастыре самолично звонил в колокол к вечерне. Именно Фердинанд ввел традицию участия императора в крестном ходе на день Тела Христова в Вене, и с 1622 г. со свечой в руках вместе с толпой отмечал этот праздник. (Традиция сохранялась без изменений вплоть до краха Монархии.) Фердинанд считал собственных политических врагов врагами Господа и горел желанием уничтожить ненавистную секту протестантов.

И такой человек в поворотный момент истории оказался лицом к лицу с коалицией феодалов, в особенности с гордыми и непреклонными чешскими и трансильванскими дворянами, которые под предводительством графа Матея Турна[78] и сильного и дальновидного трансильванского князя Габора Бетлена[79] осаждали Вену и угрожали трону Габсбургов. Сначала Фердинад обрушился на своих чешских противников и в 1620 г. в битве при Белой Горе[80] одержал решающую победу, тем самым открыв новую главу в истории Австрии. С религиозным фанатизмом и жестокостью правителя, получившего власть милостью Божьей, император принялся методично истреблять реформацию и чешское дворянство. В истории вряд ли найдется пример подобного уничтожения, разрушения целой политической системы. В Праге с особой жестокостью были казнены более двадцати дворян. Перед казнью, похоже, и сам император начал сомневаться в ее необходимости, однако духовник Фердинанда, влиятельный иезуит Вильгельм Ламормен положил конец сомнениям, заявив, что моральную ответственность за все происходящее он берет на себя. Император уступил, но прежде решил все-таки сделать хоть что-то для своих жертв – помолиться за спасение их душ. С этой целью он отправился в Штирию к знаменитой иконе Мариазельской мадонны[81], опустился перед ней на колени и попросил Святую Деву просветить разум чехов хотя бы в последний миг жизни, чтобы перед смертью они вернулись в лоно истинной церкви.

Император объявил, что дарует народу спасение через террор; он гордился тем, что из любви к своим подданным подвергает их

мучениям и предает смерти, дабы уберечь их потомков от проклятия ереси. Однако наряду с потусторонними душеспасительными целями Фердинанд не забывал и о собственных светских интересах. В пользу императорской казны в Чехии и Моравии были конфискованы гигантские владения общей стоимостью в 50 миллионов золотых форинтов – невероятная по тем временам сумма нужна была Фердинанду *для создания верной престолу аристократии.* В несчастную страну со всех концов света под видом защитников католицизма и государственной идеи Габсбургов в качестве чиновников и военачальников кайзера устремились жадные до добычи авантюристы. Казни, тюрьмы и реквизиции имущества оказали на людей такое устрашающее воздействие, что с 1623 г. из Чехии и Моравии начинается мощная волна эмиграции. Только за 1628 г. страну покинули 36 тысяч эмигрантов, среди них – 185 дворянских семей*.

Развернутый Фердинандом террор достиг своей цели: мятежное протестантское дворянство в чешских владениях было полностью истреблено. На тот момент это означало фактическое уничтожение нации, ведь истинные носители национальной идеи принадлежали тогда именно к дворянскому сословию. Чешский народ был целиком отброшен в долгое забытье крестьянской жизни. Новое дворянство – так называемое *Brief- und Hofadel* (жалованное и придворное дворянство), которое, по воле Фердинанда, пришло на смену прежнему, – стало послушным инструментом императорской власти. Такие дворяне обеспечивали механическое единство империи в странах чешской короны – этого-то правитель и добивался. Давняя борьба между династией и дворянством прекратилась, а сервильная придворная аристократия представлялась удобным орудием объединения империи. Новую систему управления в очищенной от феодализма стране вводить не стали, но сохранили старую администрацию феодального дворянства под руководством нового дворянства.

Таким образом, режим Фердинанда стал прототипом абсолютистского католического централизма и сохранился как характерная черта правления Габсбургов и в более поздних системах. Идея о том, что государство можно скрепить исключительно военной силой и с помощью придворной аристократии, целиком зависимой от прес-

* Немало любопытных деталей приводит доктор Эдуард Везе в третьей части своей книги *Vehse E.* Geschichte des Österreichischen Hofes und Adels und der Österreichischen Diplomatie. Hamburg, 1851.

гола, и при поддержке римско-католической церкви, т.е. концепция *Machtstaat*, «силового государства» – как мы впоследствии увидим, – стала главным препятствием настоящего сотрудничества и взаимодействия на ментальном уровне между различными народами и классами Монархии. У режима была еще одна особенность, которая медленно, но верно подтачивала моральные силы империи. Стремление загнать всех и вся в прокрустово ложе династического и патримониального идеала, преследование всех, кто мыслит оригинально и самостоятельно и ищет новые пути и средства для более свободного взаимодействия, поощрение раболепия и постоянной демонстрации внешней лояльности – все эти элементы испанского режима глубоко пронизывали структуру габсбургского государства и отравляли ее кровеносную систему.

Но еще больший урон нанесло режиму полное отсутствие политической морали. Фердинанд II и Леопольд I (1657–1705) на практике руководствовались принципами Макиавелли, хотя, вполне вероятно, ничего не знали об их происхождении. Для иллюстрации приведу один документ, дошедший до нас стараниями официального историографа Габсбургов, Йозефа Хормайера, ставшего самым непримиримым критиком режима после отъезда из меттерниховской Австрии. Этот документ можно рассматривать как воплощение принципа «разделяй и властвуй», столь характерного для австрийского абсолютизма. Речь идет о протоколе заседания Государственного совета, созванного по вопросу установления венгерской системы правления. Совет проходил под председательством Фердинанда II, в нем принимали участие папский нунций, послы из Мадрида и Флоренции, наместник Чехии кардинал Франц Дитрихштайн, верховный главнокомандующий Валленштайн[82] и целый ряд других выдающихся деятелей эпохи. Испанский посол уведомил, что его король выражает готовность в течение 40 лет предоставить кайзеру 40 тысяч солдат для подавления венгерского восстания. «Таким образом, всю эту нацию, столь вероломную по отношению к Вашему императорскому Величеству, можно было бы истребить под корень и освободить столицу и ее окрестности от притеснений со стороны этих извергов». Когда же отдельные члены совета выразили сомнения относительно подобного плана, указав на общеизвестную храбрость венгров, испанский посол продолжил следующим образом:

«Самым мудрым было бы любой ценой подкупить турок и, таким манером, отделить их от венгров... Венгров следует постоянно подстрекать, а у турок вызывать подозрение к венграм, и, если возможно, заключить с ними вечный мир. Лучший способ из тех, что мы уже опробовали в Испании: над варварскими венграми надо посадить регента-чужеземца, и тот установит новые диктаторские законы, безо всякого права на обжалование... Если венгры начнут жаловаться в Вену, отвечать им надо так: Его Величеству ничего не известно о процедурах, крайне нежелательных для его высочайшей светлости. Посему те твари, что не видят далее своего носа, не могут обвинять императора и должны обратить всю свою ненависть на собственного правителя... Не привыкший к подобному игу венгерский народ, таким образом, попытается восстать против строгого правителя, и это восстание даст удобный повод для того, чтобы безжалостно и мучительно наказать предателей».

Это жуткое и почти невероятное заявление, приведенное Хормайером практически дословно, подписали все участники Государственного совета и сам император и на его основании поручили Валленштайну и остальным военачальникам обуздывать любые проявления народного недовольства в Венгрии*.

Даже если мы примем во внимание все смягчающие обстоятельства – суровую атмосферу эпохи, жестокие методы борьбы и

* *Hormayr J.* Anemonen aus dem Tagebuche eines alten Pilgermannes. Jena, 1845. Bd. I. S. 116–119.

Знаю, что некоторые могут подвергнуть сомнению достоверность данного документа. Барон Йозеф Хормайер (1781–1848), выдающийся историк, ученый редкой эрудиции, в 1816 г. стал официальным историографом Габсбургов, но в 1828 г. покинул страну и принял пост в Баварии, с тем, чтобы избежать преследований режима Меттерниха. С этого момента он превратился в яростного критика габсбургского режима и, не буду отрицать, критика не вполне беспристрастного. И все же, несмотря на то, что в венском архиве обнаружить документа не удалось, я верю в его подлинность по следующим причинам: (1) Большинство лучших венгерских историков твердо убеждены в достоверности сведений Хормайера. (2) Компетентные австрийские историки говорили мне, что, хотя Хормайер иногда и приукрашивает сказанное, но к сознательному подлогу неспособен. (3) В случае с Габсбургами исчезновение позорящих династию документов дело нередкое. (4) Последующая политика Габсбургов в отношении Венгрии по своему духу отвечала принципам, изложенным в документе. (5) Несколько абзацев документа процитировал в 1907 г. в своей сенсационной книге видный венский критик и публицист Герман Бар. Книгу изрядно сократили цензоры, а затем арестовала полиция. Профессор Йозеф Редлих и его друзья вынесли дело на рассмотрение парламента, где подлинность документа, насколько мне известно, сомнению не подвергалась. Все это дает мне

извечные интриги феодального времени, хищнические настроения по отношению к трудящемуся классу и бедноте, заговоры и предательства, оплаченные за счет иностранных интересов, – процитированное заявление и тогда остается вопиющим свидетельством того духа, который пронизывал правление Фердинанда и остался неизменным при его преемнике, Леопольде I. Так называемая «венская камарилья», состоявшая из узкого круга прелатов, иезуитов, алчных аристократов, приобретала все больший вес, император же продолжал проводить политику Контрреформации, абсолютистской централизации на всей территории Монархии, особенно в Венгрии. «Кровавый суд»[83] в Эперьеше под председательством графа Караффы (военачальника императора Леопольда) подавлял любое конституционное или религиозное сопротивление. «Резня продолжалась с марта по сентябрь 1687 г., – пишет независимый венгерский историк, – и уже в октябре было созвано государственное собрание, которое в окружении иностранных войск проголосовало за все, что от него потребовали»*. Венгерская аристократия, почти все представители которой ранее были протестантами, была окончательно возвращена в католицизм. В 1655 г. оставалось всего три протестантских семьи, и работа по обращению в католицизм продолжалась в городах и комитатах. Власти вели планомерную войну против протестантских храмов, возбуждали все новые и новые дела о государственной измене. Венгерские рабы-протестанты на галерах в Буккари и Неаполе страдали в таких нечеловеческих условиях, что их судьба не раз приковывала к себе внимание европейской общественности. У нелояльных дворян продолжали отбирать земли, а верная престолу аристократия укрепляла свои позиции.

основание полагать, что Хормайер сказал правду, пусть и в несколько приукрашенных выражениях.

И еще одно соображение: почему мы должны удивляться дикой жестокости документа, созданного в начале XVII века, если у нас перед глазами в качестве аналога есть письмо от 30 августа 1905 г., в котором Вильгельм II, столь почитаемый некоторыми американскими пацифистами, пишет князю фон Бюлову о необходимости заключить союз с султаном, чтобы «силы магометан оказались под прусским командованием», но «прежде всего следует расстрелять, обезглавить и обезвредить социалистов, если понадобится, устроить им кровавую баню, и только после этого можно начинать внешнюю войну» (по сообщению газеты *Berliner Tageblatt* от 14 октября 1928 г.).

* Из статьи профессора Аладара Баллаги, написанной к 250-й годовщине со дня рождения Ференца Ракоци II.

Заговор нескольких аристократов (все они до единого были католики!) под предводительством Надашди[84], в котором мотив национального отчаяния неожиданным образом соединился с личными экономическими интересами мятежных господ, предоставил дворцовому абсолютизму прекрасную возможность нанести последний удар по обескровленному феодализму. Заговор был жестоко подавлен, его организаторы казнены. В 1670 г. около двух тысяч дворян и видных горожан заключили в тюрьму, а их земли и драгоценности конфисковали. Вся страна была в полном отчаянии, и ненависть к императорскому двору, абсолютистскому режиму и Контрреформации в наивном сознании масс трансформировалась в ненависть ко всему немецкому. Именно в этот период появились народные лозунги, которые затем превратились в символы венгерского народного сознания: в них ясно ощущается ненависть венгров к немецкой Вене, выжимающей из народа всю кровь и богатства. «Немецкая верность – собачья верность... В нужде всего наобещает, да ни на что не сгодится... Лучше под чертом, чем под немцем...»

Подобные вспышки глубоко укоренились в подсознании народа. Опираясь на них, феодальные классы всегда могли обратить более опасное, с их точки зрения, общественное и политическое недовольство против Вены. После подавления феодальных выступлений тысячи венгров бежали в турецкие земли или в Трансильванию, где образовали ядро движения куруцев, с которым была связана целая серия восстаний. Идеология куруцев представляла собой смесь феодальных интересов и социально-религиозного бунта «отверженных».

С Контрреформацией было также связано движение габсбургского католицизма, направленное против греко-восточной церкви, омрачившее жизнь огромного количества румынских крепостных. Стремление римско-католической церкви вернуть в римскую веру членов православных христианских общин получило вооруженную поддержку со стороны Габсбургов. Создание греко-католической унии в Габсбургской монархии принадлежит к числу самых страшных страниц в истории миссионерства. Оно немало способствовало ожесточению крестьянства*.

* *Benedek J.*: A román nemzetiségi törekvések története és jelenlegi állapota. Budapest, 1899. I. köt. 733-797. o.

Наряду с Контрреформацией и ликвидацией нелояльных феодальных элементов, окончательной консолидации Габсбургского правления в рассматриваемую эпоху также способствовал еще один, третий, важный фактор: продолжение и победное завершение войны с турками под блестящим командованием герцога Евгения Савойского. По Карловицкому миру 1699 г.[85] Габсбурги получили власть над всей Венгрий, кроме Темешварского баната. Изменилась ситуация для всей Монархии: с этого момента не было больше такой организованной силы, которая могла бы противостоять Габсбургам. Противостояние феодальных классов было окончательно сломлено под давлением императорской династии и новой, организованной на западный манер, армии герцога Савойского. В своем подъеме держава Габсбургов обрела такую мощь, что непосредственно после возвращения Буды, сердца страны, в 1687 г. Государственное собрание не только согласилось передать право наследования Габсбургам по мужской линии, но распространило это преимущественное право на испанскую ветвь династии и отказалось от своего древнего права на вооруженное сопротивление незаконным указам императора. То же собрание дало право гражданства 167 иностранцам – новой габсбургской аристократии, которая стала надежным телохранителем для теперь уже наследственной власти.

При всех перечисленных конституционных гарантиях куда бóльшую уверенность Габсбургам обеспечила полная реорганизация системы землевладения в стране. По совету архиепископа Колонича[86] – инициатора венгерской Контрреформации и онемечивания – император создал особый комитет, так называемую «комиссию по восстановлению в правах» (*neoaquistica commissio*), призванную прояснить ситуацию с собственностью на землю, которой ранее владели турки. Всю эту территорию рассматривали как земли, завоеванные императорскими войсками, и комитет требовал огромный выкуп с прежних владельцев, ставших теперь подданными императора. Поскольку изначально под властью турок оказалось восемь десятых территории Венгрии, комитет десятилетиями выкачивал гигантские суммы из землевладельцев, над головами которых постоянно висел Дамоклов меч отчуждения их собственных земель. Таким образом, можно было легко избавиться от любого нежелательного элемента под законным предлогом. Тогда же верные

императору подданные-католики получили немалые дары, а высшее духовенство, усердно демонстрировавшее склонность к онемечиванию, постепенно обрело еще большее влияние. Страну наводнили иностранные церковные организации и священники, парализуя деятельность патриотически настроенного местного духовенства. В подобных условиях противостоять Контрреформации было практически невозможно. Венгерская традиция приписывает Колоничу следующее заявление: «Я превращу венгров сначала в рабов, потом – в нищих и, наконец, в католиков». Возможно, эта фраза не является подлинной, но ее популярность, безусловно, отражает ту ненависть и отчаяние, с которыми венгерский народ взирал на триумфальное шествие Габсбургов.

IX. Меркантилизм и Прагматическая санкция

Описанные выше факторы превратили власть Габсбургов к началу XVIII в. в сокрушительную силу. Любое сопротивление этой крепнущей день ото дня власти со стороны феодальных классов потеряло смысл. Последний вождь всех недовольных венгров Ференц Ракоци II (1675–1735)[87], эта великая и трагическая личность, выходец из знаменитого трансильванского княжеского рода, герой последнего восстания куруцев против ненавистного мира прогабсбургских лабанцев[88], напрасно пытался изгнать Габсбургов из страны. Само движение представляло собой причудливую смесь узкокорыстных местных феодальных интересов и стремления к свободе вероисповедания и социальной эмансипации. С одной стороны – Ракоци, крупный землевладелец, обладающий почти королевской властью, хозяин 445 деревень в Трансильвании и Венгрии на территории в 1 400 000 хольдов. С другой – обедневшие массы населения: дворяне, чьи владения были конфискованы, обнищавшее духовенство, учителя, лишившиеся работы в результате Контрреформации, мелкие крестьяне, пострадавшие от конфликтов между куруцами и лабанцами, демобилизованные солдаты императорской, турецкой или венгерской армии и другие группы населения, лишенные хлеба и надежды на лучшее будущее. Фундаментальное противоречие состояло в том, что владелец обширнейших угодий, феодальный

вождь, лояльно настроенный к власти и католической церкви, заключил союз с протестантскими массами и обедневшим крестьянством. Это противоречие красной нитью прошло через всю историю восстания и стало причиной психологической неустойчивости движения в целом. Невнятные, неопределенные обещания князя справиться с ситуацией уже не могли. Несмотря на это, его девиз *Pro Deo et libertate* и знаменитое воззвание 1703 г. (*Recrudescunt inclytae gentis Hungariae vulnera – «Вновь открылись старые раны славного венгерского народа»* [89]), равно как и гуманистические устремления вождя, сочувствие по отношение к народам, страдающим под гнетом венского абсолютизма, вызвали такой энтузиазм, что предводителю восстания в течение семи лет удавалось поддерживать мятежный настрой против Габсбургов, закон о детронизации которых Ракоци утвердил на знаменательном заседании Государственного собрания в Оноде в 1707 г. Значительная часть страны вновь была залита кровью: восстание представляло угрозу не только для австрийцев, но и для богатых венгерских дворян. Голодные бунты, анархия и мародерство расшатывали войско Ракоци, и князь оказался совершенно беспомощен перед хорошо обученным, дисциплинированным австрийским войском. Когда же союзники и вдохновители – в особенности изворотливая французская дипломатия – бросили его на произвол судьбы, судьба Ракоци была решена. При всем благородстве и искренности намерений, сам князь, пусть и неосознанно, оставался инструментом интриг зарубежной дипломатии. Отсутствие серьезных финансовых и административных ресурсов обрекло восстание на голодную смерть*.

Ракоци пришлось бежать за границу. В ссылке он предпринял еще одну неудачную попытку помириться с Габсбургами. Венский двор одержал полную победу. Конфискация владений Ракоци и неслыханное раболепие венгерской аристократии, отказавшейся в особо принятом законе от памяти о своем прежнем предводителе, укрепили владычество Габсбургов над Венгрией более чем когда-либо прежде. Эпоха личных феодальных войн завершилась. Вельможи

* Романтическая попытка герцога Карла Эдуарда Стюарта (принца Чарльза) в 1745 г. вернуть шотландский трон демонстрирует поразительные аналогии с восстанием Ракоци и подтверждает наличие общих черт в развитии феодализма в разных регионах и политических условиях. Подробнее см.: *Pauli R.* Entstehung des Einheitstaates in Grossbritannien // Preussische Jahrbücher. Berlin, 1872.

покинули свои орлиные гнезда, крепости были разрушены. Тогда же началась волна массовых переселений; надо было заполнять обширные территории, опустошенные в ходе турецкого ига и гражданских войн. На освобожденные земли Венгрии перебрались несколько сотен тысяч иноземцев, главным образом немцы, румыны, русины и сербы. Один из лучших знатоков этого грандиозного движения народных масс считает, что масштабы переселения можно сравнивать только с миграцией в Соединенные Штаты Америки в XIX в. Заселение территорий часто сопровождалось онемечиванием. Новые жители Венгрии не были связаны с древними традициями страны и естественным образом становились безусловными и восторженными сторонниками Габсбургов как в политике, так и в экономике. На *военных пограничных заставах,* установленных на освобожденных территориях, действовал строжайший дисциплинарный режим. Здесь же формировался пресловутый габсбургский патриотизм – возможно, единственный вид патриотизма, который династия была способна пробудить в отношении себя. Солдат и жителей приграничных гарнизонов называли «граничарами»; впоследствии это слово стало презрительным прозвищем для политиков, которые выказывали чрезмерную лояльность Габсбургам*.

Важные события на международной арене укрепили положение Монархии. По Утрехтскому миру 1713 г.[90] Карл VI Габсбург получил по итогам войны за испанское наследство итальянские владения Бурбонов. С другой стороны, в ходе все еще продолжавшейся войны с турками Евгений Савойский взял Белград и по Пожаревацкому (Пассаревицкому)[91] миру вернул империи Темешварский банат, распространив власть Габсбургов на сербские и румынские территории. Таким образом, была завершена начатая Фердинандом I деятельность по объединению земель, оставившая след в истории всех стран империи и, в особенности, в Венгрии, где кайзер в качестве венгерского короля получил такую власть, какой не было ни у одного правителя этих земель со времен Матяша Хуняди (1456–1490).

При столь благоприятных внутренних и внешних обстоятельствах императорский двор и правящая элита все более осознан-

*В одной старинной песне о такой лояльности говорится:

«Если славный кайзер пожелает,
Граничар и голову сломает».

но стремились поддержать единство империи уже не только механически, военными силами, но и опираясь на экономические и политические основы. В правление Карла VI (Карой III для венгров, 1711–1740) были заложены основы целенаправленной и последовательной политики меркантилизма. До той поры каждое королевство и провинция образовывали самостоятельную экономическую единицу, теперь же были введены так называемые *транзиты*, то есть сделаны шаги к тому, чтобы товары, произведенные в одной из стран Габсбургской империи, можно было перевозить в другие страны империи без таможенных пошлин. Последующие монархи продолжили эту политику, и в 1775 г. удалось объединить чешские и альпийские провинции (за исключением Тироля) в таможенный союз (унию). Постепенно все страны империи образовали огромный единый рынок. Мелких торговцев, которые прежде снабжали своим товаром ограниченные территории, сменили крупные производители промышленной и сельскохозяйственной продукции, обладавшие преимущественными правами на всем экономическом пространстве. Между отдельными провинциями наметилось разделение труда. Шерстяные ткани и стекло из Чехии, текстиль из Моравии, железо из Штирии, предметы роскоши из Вены поставляли во все уголки Монархии. Одна только Венгрия до середины XIX в. оставалась отдельной экономической единицей и продолжала сопротивляться единой экономической системе. Причиной такого положения стал отнюдь не шовинизм венгров (напротив, на заседаниях Государственного собрания вновь и вновь звучали слова о том, что таможенная граница между Венгрией и Австрией губительна для экономического развития Венгрии), но недальновидная финансовая политика венгерского дворянства. Ссылаясь на древние феодальные привилегии, дворяне отказывались платить налоги; то есть вытянуть из них денежные взносы можно было только исключительно путем наложения таможенных пошлин на венгерские пшеницу и говядину.

Все более прочное единство Монархии в военной, экономической и административной сферах пробуждало в лучших умах мысль о централизации и подчинении огромной территории единому правовому и конституционному порядку – по примеру Людовика XIV и Петра Великого.

В уже процитированной нами книге Филипп фон Хёрнигк подчеркивал, что имперские провинции составляли *естественное целое, независимый мирок,* жизнеспособность которого обеспечивалась сырьевым обменом. Похожую идею высказал и великий философ Лейбниц, призывавший императора Леопольда стать вторым Юстинианом[92] и разработать новую правовую систему для всей империи. То же самое имел в виду и герцог Евгений Савойский в 1726 г., когда советовал императору Карлу VI: «Насколько возможно, следует преобразовать обширную и славную монархию Вашего величества в единое целое».

Но никто, наверное, не имел более ясного представления о положении Монархии в начале XVIII в., нежели талантливый секретарь дворцового казначейства Кристиан Юлиус фон Ширендорф (1661–1726), автор мемуаров, написанных на уровне научного исследования. Под влиянием англо-шотландской унии – именно в это время она оформилась окончательно – он считал, что империю ждет серьезная опасность (здесь, несомненно, сказались уроки венгерских волнений), если не удастся объединить различные ее части под эгидой общего конституционного режима и принципа престолонаследия. Достичь же этого можно только в том случае, если вся империя получит настоящую систему представительства, которой будут охвачены все слои населения Монархии, вплоть до низших. Наряду с этим столь прогрессивный для своего времени мыслитель подчеркивал, что угнетенное, нищенское положение крестьян, в особенности венгерских и чешских крепостных, служит главным препятствием консолидации Монархии. Поэтому крестьян, принадлежащих мятежным землевладельцам, следует освободить. Ключом к управлению (*arcanum dominationis*) могла бы стать справедливая налоговая система*.

Столь революционные взгляды на либеральную централизацию, однако, широкого отклика не получили. И габсбургский абсолютизм и сословный партикуляризм страшились подобных шагов. Однако мысль об узаконенном престолонаследии, видимо, сыграла свою роль в принятии так называемой «Прагматической санкции» (*Pragmatica sanctio*)[93], в которой Карл VI, не имевший мужского потомства, установил право наследования по женской линии на

* Более детально о планах реформ у Ширендорфа см.: *Fischel A.* Studien zur Österreichische Rechtsgeschichte. Wien, 1906. Глава II.

случай, если мужская линия пресечется. Это судьбоносное решение основывалось на старинных патримониальных принципах и имело целью сохранить наследственные земли. В Австрии оно было принято всего лишь как личный указ императора, а в венгерском Государственном собрании получило такую конституционную форму и обоснование, что ее с полным правом можно назвать «первым проявлением единой государственной мысли» в империи. И действительно, венгерский закон от 1722–1723 гг. [94] не просто утвердил право наследования венгерского престола по женской линии, но также и то, что все королевства и страны империи (кроме Германии) были теперь едино и неразделимо (*indivisbiliter ac inseparabiliter*) связаны с Венгрией и присоединенными к ней странами и землями под властью претендента на престол. Документ хотя и торжественно подчеркивает привилегии венгерских сословий, тем не менее, признает постоянную связь стран венгерской короны с остальными странами династии и обосновывает эту связь как союз, созданный для защиты в борьбе против ислама. И пусть нам прекрасно известно, что этот закон отнюдь не был продуктом самостоятельных действий высших слоев венгерского общества, а стал результатом длительной подготовки, давления извне и подкупа, мы все же не можем отрицать, что Габсбургская империя, доселе служившая воплощением исключительно военного, династического и патримониального единства, в Прагматической санкции впервые обрела правовое оформление и наряду с ним определенную нравственную связующую силу.

X. Режим кроткого насилия

Принято говорить, что каждый представитель рода Габсбургов считал себя орудием провидения и понимал суть своей миссии на собственный манер. Это утверждение особенно справедливо в отношении Марии Терезии (1740–1780), которая продолжила воплощение традиционных целей династии, используя новые, уникальные средства. С неукротимой энергией устремилась она к достижению этих идеалов, но прежние методы, основанные на насилии, отчасти сменила на женское очарование, терпеливый компромисс, замас-

кированное насилие и даже – если было нужно – пускала слезу преследуемой женщины, как только сталкивалась с серьезным сопротивлением. С помощью подобных женских уловок императрице действительно удалось разоружить, хотя бы на время, единственного опасного противника – венгерское дворянство. Когда враги династии объединились в коалицию и угрожали империи, Мария Терезия сумела даже склонить венгерский феодализм на защиту собственного престола. «Прекрасная, храбрая госпожа, лицом венгерка», – как называли ее в венгерских дворянских кругах, действительно вдохновляла аристократов, которые в барочном блеске венского двора и вихре изысканной светской жизни все прочнее забывали о своих прежних обидах и жалобах.

Первая дама империи заманивала венгерских аристократов в Вену, призывала их жениться на австрийках и селиться в столице, раздавала им награды (даже учредила ради этой цели новую венгерскую награду – орден Святого Иштвана), а для их сыновей основала особое учебное заведение, коллегиум, так называемый «Терезианум» (Theresianum)[95], где молодых венгерских и австрийских дворян учили почитать династию и поклоняться культу империи. (За сто с лишним лет до этого Петер Пазмань[96], выдающийся лидер венгерской Контрреформации, руководствовался аналогичными принципами, создавая свой «Пазманеум», где венгерские теологи впитывали дух централизации.) Позже императрица окружила себя «лейб-гвардией из венгерских дворян», куда каждый комитат мог послать двух отпрысков из дворянских семей. Проводя подобную политику, Мария Терезия закладывала нравственные основы австрийской придворной аристократии. Потомки авантюристов, когда-то прибывших в Вену со всех концов империи, были сознательно объединены в самостоятельный класс, для которого истинным призванием стала служба престолу. Милость и воля императора стали главным мерилом всех ценностей.

Хотя через своего мужа, Франца Лотарингского, великого герцога Тосканы – отца шестнадцати ее детей – Мария Терезия обогатила правящую династию новой кровью и либеральными настроениями, а дом Габсбургов стал называться еще и Лотарингским, сама императрица ревностно придерживалась католической традиции и была настроена против лютеран. Причиной тому мог быть не только фанатизм, но и ненависть к протестантизму как катализатору

венгерского национального сопротивления и как государственной религии ближайшего конкурента Габсбургов короля Фридриха Прусского, отобравшего у Монархии Силезию. Можно сказать, что религиозная политика Марии Терезии едва ли была более гуманной, чем у ее предшественников. Обращение подданных в истинную веру она считала своей важнейшей задачей. Посылая одного из сыновей в заграничное путешествие, императрица дала ему строгий наказ: «Ты должен слепо повиноваться своему духовнику во всем, что касается совести, веры и морали. Без его разрешения тебе не следует читать ни одну книгу, даже самый короткий памфлет». Мария Терезия распространила эти строгие принципы не только на семейную жизнь, но и на имперскую политику, и в середине XVIII в. в Венгрии начались новые, беспощадные гонения на протестантов.

Императрица не просто продолжила старую абсолютистскую и клерикальную традицию династии, но и обогатила австрийскую государственную мысль двумя существенными новыми элементами. Во-первых, из прежде рыхлого конгломерата стран ей удалось создать еще более централизованное единое бюрократическое государство. Мария Терезия осуществила в Австрии масштабную реорганизацию, аналогичную той, что проводили во Франции Людовики XIII и XIV, а в Пруссии – ее выдающийся современник Фридрих Великий. Она окончательно уничтожила органы феодального партикуляризма и выстроила гигантский механизм современного государства во всех сферах административного управления: от центральных органов к структурам на среднем уровне до учреждений на местах. Теперь Вена могла осуществлять свою волю на всей территории империи, даже во вновь приобретенных Галиции и Буковине (за исключением отдельных частей Венгрии, где все еще не решались провести полную централизацию). И все это с помощью своих структур, своей бюрократии, в духе единой правовой и административной системы. Объединение Чехии с остальными странами империи шло, например, уже не как механический, но как административный, органический процесс. Повсюду, кроме Венгрии, было совершенно уничтожено старое сословное государство (*Ständestaat*), феодальное государство над государством. Не зря Марию Терезию считают *основательницей единого австрийского государства,* которое уже было не просто военной и властной организацией, соз-

данной для усмирения сословий и проведения политики вооруженной экспансии. Оно превратилось в бюрократическое, чиновничье государство (Beamtenstaat) – т.е. по своей структуре в первую очередь, в систему государственного управления*.

Наряду с бюрократизацией, в австрийской государственной жизни произошло еще одно, не менее фундаментальное изменение. Впервые возникло ощущение, что императорская власть находится в постоянной, непосредственной связи со своими реальными подданными – миллионами крепостных крестьян, которых старое феодальное государство полностью изолировало от престола. Занимаясь финансовыми, административными и правовыми проблемами империи. Мария Терезия совершила великое открытие просвещенного абсолютизма; австрийская правительница признала: сила ее армии и прочность трона в первую очередь зависят от экономических и культурных условий, в которых существуют большие народные массы. В этом направлении начали осуществлять грандиозные государственные преобразования. По всей империи, и даже в Венгрии, правительство Марии Терезии провело ряд серьезных реформ, призванных разогнать кровь по застывшим венам старого феодального государства. С помощью административных органов власти и системы образования развивались полезные отрасли сельского хозяйства; уместными оказались разумное регулирование лесозаготовок, поддержка коневодства и разведения крупного рогатого скота, распространение картофеля как культуры и ремонт дорог. Однако самым важным результатом социальной политики, проводимой императрицей, стало введение урбариального закона (*urbarium*), который определял минимальный размер земельного надела, обрабатываемого отдельно взятым крепостным, и максимальный объем повинностей. Таким образом, государство попыталось сделать терпимым положение беднейших крестьян. В этой сфере императрица прилагала большие усилия: «Следует отдать должное и богатому, и бедному, я должна успокоить собственную совесть. Я не стану жертвовать душевным покоем во имя интересов нескольких магнатов и дворян». Напрасно венгерские землевладельцы пугали Марию Терезию ужасами крестьянского восстания – она настойчиво продолжала свое дело и лично принимала крестьянских ходоков. За время правления императрицы

* Содержание и значение системы мастерски анализирует Йозеф Редлих: *Redlich J.* Das Österreihische Staats- und Reichsproblem. Leipzig, 1920. Bd. I. S. 25–37.

и ее достойного восхищения сына, Иосифа II, верховная власть в глазах угнетенных народов обрела чуть ли не мистический ореол святости, который не смогли окончательно очернить даже последующие беспомощные и реакционные монархи.

Реорганизация продолжалась и в сфере народного образования – от начальных школ до университетов, естественно, в духе католизации и онемечивания. Однако усиление немецкого элемента не было направлено против родного языка каждого конкретного народа; власть, скорее, хотела, в целях упрощения межнационального общения и государственного управления, ввести в употребление живой язык вместо мертвой латыни – ею, в основном, пользовалось венгерское дворянство. Знаменитый закон *Ratio educationis* [97] о ведении школьного обучения на национальных языках положил конец засилию латинского языка в Венгрии и на прилегающих к ней территориях. Наряду с латынью Мария Терезия называла в качестве «единственного источника цивилизации» немецкую литературу и планировала за короткое время сделать немецкий единственным общим языком для всей империи.

С другой же стороны, масштабная и впечатляющая деятельность императрицы в сфере культуры была пронизана духом косного абсолютизма, под исключительным влиянием двора и иезуитов. Мария Терезия искренне желала блага народу, но только в рамках старых габсбургских традиций. Ей хотелось сохранить господствующие позиции дворянства в обществе. Развивающееся крестьянство, но под властью прежних господ – в этом и была ее цель. «Рожденный в сапогах не должен стремиться надеть туфли», – как-то заметила императрица. В духовной сфере она тоже страшилась всего нового. Цензоры развязали настоящую войну против запрещенных книг. По свидетельствам современников, были запрещены Паскаль, Вольтер, Монтескье, Локк, Мильтон, исторические сочинения Эдуарда Гиббона и «Страдания юного Вертера» Гёте. Один только эгерский епископ приказал сжечь четыре тысячи книг. Список запрещенных книг официально публиковало правительство, но впоследствии и сам этот список был запрещен, чтобы общественность не узнала о тех произведениях, о которых раньше не имела никаких сведений*.

* *Acsády.* I. m. 522–523.

С австрийской стороны часто можно было услышать, будто Мария Терезия на самом деле сумела разрешить ключевую проблему Монархии, поскольку рассматривала ее не с юридической и военной точки зрения, но подошла к ней с женской теплотой и интуицией (ее часто называли Landesmutter – «мать страны») и, если бы потомки, в первую очередь сын, не отошли от принципа кроткого насилия, с помощью которого эта выдающаяся женщина шаг за шагом ослабляла венгерский феодализм и чуть ли не бессознательно сделала Венгрию частью единой империи, многих последующих кризисов можно было бы избежать, а общее государство (*Gesamtstaat*) можно было бы создать без революционных переворотов.

Такой подход представляется мне крайне недальновидным, так как его сторонники пытаются объяснить значимые исторические изменения исключительно с точки зрения небольшой правящей группы. Достаточно сослаться на то, что национальный сепаратизм не удалось истребить даже в Чехии, где патриотический феодализм был давно уничтожен, равно как и старая конституция. Национальная идея почти наверняка проснулась бы и в том случае, если бы удалось совершенно «усмирить» дворянство. Более того, мы с уверенностью можем утверждать, что именно политические методы императрицы неизбежно вели к формированию национальной идеи и национального чувства, ведь они заложили основы материальной и духовной культуры гигантских народных масс. Сколь бы ни были ее устремления австрийскими или даже немецкими по своему характеру, с национальной точки зрения, достижения Марии Терезии были революционны в том смысле, что она пробудила от многовекового сна массы крестьян и вложила в их окостеневшие под гнетом феодального абсолютизма головы первые проблески буржуазного сознания. Отсюда – всего один шаг до первого смутного представления о национальном сознании. С точки зрения видных представителей дворянства, деятельность императрицы тоже можно назвать революционной. Влияние немецкой и французской культуры, с которой аристократы ежедневно сталкивались при блестящем многонациональном дворе, возымело обратное действие и пробудило в них интерес к уже исчезающим национальному языку и литературе. Этот процесс имел место и в рядах императорской лейб-гвардии, где несколько пылких молодых критиков или поэтов подняли увядающую венгерскую литературу на новый

уровень и разработали программу ее оживления. «Слишком мы притихли в своем мадьярстве», – заявили они и принялись сознательно искать «жемчужины» родного языка в «густой пыли и грязи» феодальной латыни. Императрица со своим стремлением к онемечиванию против собственной воли возродила национальное сознание, и эту пропаганду вопреки своим устремлениям точно так же продолжил ее сын и наследник, используя при этом и новые методы для воплощения государственной идеи Габсбургов.

XI. Режим революционного абсолютизма

Иосиф II, выполнявший роль соправителя еще во время правления своей матери, ясно видел недостатки системы: и ее поверхностность, и чрезмерную опору на феодализм и клерикализм, и неспособность разрешить главный вопрос Монархии – проблему крепостных крестьян. После многочисленных путешествий по Европе и, инкогнито, по собственной стране, подробного знакомства с исторической и философской литературой своего времени (будущий император был поклонником Вольтера, даже нанес однажды личный визит Руссо), это убеждение Иосифа превратилось в политическую страсть, тем более что в душе и по складу ума он был истинным сыном своего рационалистического века и не имел ни малейшего сомнения в том, что правитель может непосредственно воплотить отвлеченные философские истины в повседневной жизни, если примется за дело с достаточной энергией и последовательностью.

И действительно, за всю историю на троне редко оказывался человек, обладавший подобным идеализмом, исполненный такого человеколюбия и сознания долга, как этот деспот-революционер. При этом Иосиф II оставался точно таким же автократом, как и его предшественница. Он ненавидел сословия, а достаточно развитого буржуазного общества, способного участвовать в управлении государством, на тот момент еще не было. В армии малейшее нарушение дисциплины влекло за собой наказание палками*. Пример знаменитого соперника, Фридриха Великого, в особенности

* Любопытные детали можем найти у Байдтеля.в книге: *Beidtel I.* Gescheichte der Österreichischen Staatsverwaltung. 1740–1848. S. 59–66.

подталкивал Иосифа к абсолютистскому и милитаристскому взгляду на вещи. Следует, однако, признать и тот факт, что после утраты Силезии рядом с Австрией возникла новая немецкая держава, грозное прусское государство, которое самим своим существованием стало решающим фактором в формировании мировоззрения Габсбургов.

При этом идеал государства у императора Иосифа коренным образом отличался от идей его матери. Он уже не хотел быть блестящим правителем, заимствующим авторитет у церкви и окруженным пышными в своей алчности придворными. В возрасте девятнадцати лет Иосиф заявил:

«Внутренняя сила, хорошие законы, справедливое правосудие, исправные финансы, большая армия, развивающаяся промышленность, окруженный уважением правитель более пристали большому европейскому двору, нежели празднества, парады, драгоценные ткани, брильянты, золотые украшения, золоченая посуда и катанье на санях. От подданных своих я и не требую пышности».

Взойдя на престол, Иосиф II Австрийский остался верен своим взглядам и стремился, прежде всего, стать главным чиновником и солдатом страны и с поразительным упорством шел к осуществлению своих идеалов, суть которых и дальше оставалась традиционными принципами Габсбургов: единство, централизация, немецкий язык в качестве государственного, жесткое имперское управление и уничтожение феодального партикуляризма. Однако в идеальном государстве Иосифа II появляются два важных новых элемента. Во-первых, государство свое он видел, скорее, как государство крестьян и буржуа, а во-вторых, попытался сделать его независимым от церкви. «Государство – не монастырь», – заявил император и начал проводить бескомпромиссную политику против религиозной нетерпимости. Светское государство, которое само принимает решения относительно собственной религиозной жизни, и государственное управление, ориентированное, согласно философским принципам правителя, на повышение благосостояния широких слоев населения, с тем, чтобы император обладал максимальной властью и влиянием как во внутренних, так и во внешних делах, – именно это составляло основу политики, названной по его имени «иосифинизмом». Австрийский император пропагандировал свои принципы с такой настойчивостью и энтузиаз-

мом, что их дух оставался источником всех либеральных начинаний чуть ли не до последних дней Монархии, хотя положительные результаты внедрения этих принципов были большей частью уничтожены.

Иосиф II отчетливо осознавал революционную сущность собственных представлений о государстве и понимал, что его мать, Мария Терезия, со своими половинчатыми решениями не в состоянии их реализовать. Совершенно очевидной виделась ему необходимость вести последовательную борьбу с венгерским феодализмом, который препятствовал осуществлению масштабных реформ. Сарматизм, или «шляхетский настрой венгерских сословий», бесконечные обращения к давно упраздненным статьям законов в стремлении сохранить власть своего класса, ущербная политика, жалобы на ущемление исключительных прав, последовательный саботаж любых распоряжений в пользу крестьянских масс, коррумпированная администрация и делопроизводство на не отвечающем современным требованиям латинском языке, бесконечные тяжбы, неконтролируемая власть латифундистской системы, эксплуатация энергии народа и разжигание национального недовольства и враждебных настроений, постоянное подогревание пламени крестьянских восстаний, «унижение тех, кто служит трудящимся», свидетелем которого император был в Трансильвании, – вся эта затхлая феодальная атмосфера привела выдающегося гуманиста-реформатора в такое уныние, что он принял решение отказаться от пустых формулировок устаревшей венгерской конституции (в ней Иосиф видел лишь декларацию власти правящего класса и не обратил внимания на то, что конституция гарантирует определенную защиту от автократического австрийского милитаризма и контрреформации) и осуществлять свои возвышенные планы совершенно независимо от нее. Он не позволил себя короновать, чтобы конституционная присяга не могла воспрепятствовать уничтожению феодальной конституции, в которой Иосиф видел главное препятствие к консолидации империи. Так, без короны, «королем в шляпе» – как прозвали его в народе – император и приступил к воплощению своего масштабного проекта. Символ национальной независимости, святую корону короля Иштвана, наделенную, по традиционным венгерским поверьям, мистической силой, перенесли в венскую палату драгоценностей

как анахронизм. Там уже хранилось немало бесполезных символов подобного рода, таких, например, как корона Венцеля и герцогская «шапка» из Нижней Австрии. Теперь здесь оказался и гордый символ венгров[98].

Игнорируя какие бы то ни было национальные интересы, Иосиф начал воплощать в жизнь длинную череду общественных реформ, и все они подчинялись принципам его философии. Одним росчерком пера он уничтожил крепостничество и ввел всеобщую налоговую повинность. Император хотел навечно вычеркнуть из словаря ненавистное понятие «крепостной» и объявил, что крепостные получают неограниченное право переселяться с места на место. Теперь они могли жениться, учиться профессии, ходить в школу и заниматься умственным трудом без разрешения на то землевладельца. Все эти нововведения повергли в ужас феодальные венгерские круги, тем более, что отсталое крестьянство совершенно превратно восприняло гуманистические планы императора, а в некоторых местах начались открытые выступления. В Трансильвании произошло грозное крестьянское восстание под предводительством Хории и Клошки[99]. Было уничтожено более 100 деревень, жертвами восстания стали 4000 человек. Указ о введении всеобщей налоговой повинности привел дворянство в еще большее отчаяние. Напрасно император пытался успокоить дворян, заявляя, что в качестве компенсации за реформу готов выполнить давнее желание страны – стереть таможенную границу между Венгрией и Австрией и снизить все промежуточные пошлины. Феодальные сословия настаивали на том, что не могут изъявлять свою волю без национального собрания, созывать которое император не собирался. Иосиф же, в свою очередь, стремился обойтись без этого органа, так как существование законодательного собрания дворян в стране, где население состояло из сорока тысяч дворян и пяти миллионов крестьян, представлялось ему анахронизмом. Одни вводили законы, а вторые оставались рабами. По свидетельству одного из современников, император аргументировал свою позицию следующим образом: невозможно представить, чтобы дворянство само отказалось от своих преимущественных привилегий, поэтому он допустил бы создание новой конституции одним человеком. 40 тысяч дворянских семей были представлены в законода-

тельном собрании пятьюстами депутатами, из них лишь десять человек реально влияли на принятие законов. Таким образом, конституционный процесс терял смысл*.

В сфере местного самоуправления Иосиф также проигнорировал историческое территориально деление и передал функции государственного управления в руки имперских чиновников, разделил органы правосудия и государственного управления и везде старался избавиться от старых феодальных органов власти, желая атомизировать и стандартизировать «старый порядок». Любые исторические образования представлялись ему анахронизмом. Император стремился избавиться от всех традиционных институтов, вместо того, чтобы преобразовать их и наполнить новым смыслом. С целью стимулировать объединение империи и уравновесить местное влияние, Иосиф направлял все больше немецкоговорящих чиновников в ненемецкие части страны. А для того чтобы держать в узде старое дворянство, император попытался создать класс нового мелкопоместного дворянства, жалуя грамоты на дворянство разным слоям населения. «Корчмари, мелкие лавочники, сапожники, печатники, графские слуги, придворные чиновники, армяне и прочий низкий люд в нашей стране поднялся до дворянского звания», – жаловался один из популярных венгерских дворянских литераторов. Иосиф даже изобрел новый род литературы, направленной против традиционного дворянства, и с едкой иронией высмеивал привилегии дворян, их привычки и жестокость по отношению к крестьянам.

Столь же энергичными и беспощадными были усилия императора по реформированию церкви, в которой он видел всего лишь составляющую государственного управления. В памятном эдикте от 1781 г. о веротерпимости Иосиф II стремился положить конец ужасающим страданиям протестантов и, хотя католическая церковь сохранила свое привилегированное положение, свобода отправления религиозных культов распространилась на протестантов и православных. Император прекрасно осознавал историческую значимость своего указа. «Отныне никто не должен подвергаться мучениям из-за своей веры, никого не позволено более принуждать к принятию государственной религии, если это

* *Acsády:* I. m. II. 545–546.

противоречит его убеждениям», – писал он в одном из писем. Вздох облегчения пронесся по всей Монархии. Особенно важным эдикт стал для Венгрии, где протестантское меньшинство было довольно значительным. В своих гуманистических устремлениях император пошел еще дальше: указ о веротерпимости до определенной степени был распространен и на евреев, которые до правления Иосифа проживали в дворянских и императорских владениях без гражданских прав.

Посредством всех этих мер император пытался также сбить спесь с римско-католической церкви. Он ввел в силу *Ius placenti* (право королевской экзекватуры), по которому ни одна папская булла не могла быть оглашена без предварительного одобрения со стороны монарха. Однако в момент, когда Иосиф императорским указом решил упорядочить церковные ритуалы, крестный ход, великий пост, похоронный обряд и даже личные и семейные отношения, его реформаторский энтузиазм и революционный рационализм стали приобретать оттенок гротеска. Планы Иосифа II в отношении религиозной реформы вызвали такой переполох, что в 1782 г. Папа Римский Пий VI поспешил в Вену, чтобы остановить императора на этом опасном пути. Папа предупредил, что подобные реформы могут привести к серьезным волнениям в итальянских владениях Монархии. Император, тем не менее, продолжал двигаться в избранном направлении и распорядился переписать имущество богатых прелатов, чтобы ликвидировать вопиющую разницу между княжеской роскошью высшего духовенства и нищетой низших его представителей. По его приказу были расформированы 700 монастырей, в которых проживали 40 тысяч монахов и монахинь. Оставшиеся религиозные ордена попали под строгий контроль государства. Логическим продолжением политики императора стала десакрализация брака и сведение его к обычному гражданскому договору.

Революционные указы великого рационалиста большей частью, естественно, оставались на бумаге. Иосиф II игнорировал реальные исторические силы, с которыми ему все чаще приходилось сталкиваться, и эти силы оказывались могущественнее воли просвещенного тирана. Феодальные и клерикальные элементы искусно саботировали выполнение гуманистических указов, так что император зачастую был вынужден смягчать собственные распоряжения до та-

кой степени, что угнетенные массы начинали скептически относиться к его целям. Несмотря на эти ошибки, Монархия была охвачена таким воодушевлением и стремлением к общему благу, какого не удавалось добиться ни одному правителю, кроме этого, возможно, неосознанного последователя Джорджа Бентама[100].

Бурная законотворческая деятельность Иосифа II также была ориентирована на централизацию, объединение и модернизацию. Он подвел прогрессивную базу под гражданский и уголовный кодексы и ввел их в действие по всей империи. Тогда же в русле неприкрытого онемечивания император активно проводил политику по переселению (включая крестьян) с тем, чтобы привлечь квалифицированных специалистов со всей Европы. Немецкий стал государственным языком на всей территории Монархии, тогда же вся школьная система страны была реформирована таким образом, чтобы молодежь обучалась именно на этом языке. Столь смелая, но излишне поспешная политика, демонстрировавшая абсолютное непонимание национальной психологии, послужила началом новой эпохи не только в Венгрии, но и в Чехии и Хорватии. Вопреки собственному желанию, Иосиф II спровоцировал рост национального сопротивления. Феодальная общественность, которая до сих пор оставалась почти совершенно равнодушной к национальному вопросу, продолжая испытывать влияние средневековой латыни, восприняла императорские языковые реформы как оскорбление; они подействовали как удар плетью, под взмахом которой зашевелилось спящее национальное самосознание. Нельзя объяснить это сопротивление истинными национальными мотивами – дворяне, скорее, испугались, как бы функции и посты, занимаемые ими в государственном управлении, не перешли к немецким чиновникам. Бела Грюнвальд, лучший историк данного периода, пишет:

«Требования о введении венгерского языка во многих комитатах и не могли быть искренними. Комитаты, которые в 1784 г. считали возможным ведение делопроизводства на венгерском языке, в 1811 г., т.е. 27 лет спустя, заявляют, что это невозможно...»

Примерно два десятилетия спустя в одном из комитатов, известном своими куруцкими традициями и сильными националистическими настроениями, бытовало мнение, что «введение венгерского языка влечет за собой опасность для нашего госуда-

рственного устройства и всех наших прав... Как отменят латинский язык, то и религии конец»*.

Принимая во внимание подобные факты, начинаешь сомневаться в том, что дворянство действительно сопротивлялось реформам императора. Противостояние и впрямь было несерьезным. За несколько лет во всех венгерских комитатах ввели немецкий язык, прежний венгерский чиновничий корпус сохранил свои посты и приспособился к новой венской политике. Такое же сопротивление было оказано и в Чехии, в том числе, со стороны местной, уже «приученной» аристократии. Чешские дворяне вдруг разом вспомнили о временах, когда их предки были хозяевами страны, и списали ослабление своей власти на счет немецкого языка. Один из историков этого периода рассказывает, что противники императора неожиданно открыли для себя чешский язык, который прежде презирали как язык крестьян и слуг. Более того, модно стало поддерживать и культивировать старый, забытый язык**. Подобное ожесточение овладело и хорватским дворянством, которое объединилось с венгерским дворянством против самодержавной политики онемечивания, несмотря на то, что хорватская культура была почти полностью латинизирована, и хорватские дворяне не поддерживали никаких контактов с истинным национальным движением.

В этом мире, лишенном истинного национального чувства, император, проводя политику онемечивания, руководствовался отнюдь не националистическими установками в современном понимании. Так он боролся не против венгерского, а против латинского языка. Исходя из опыта крупных национальных государств, Иосиф считал, что опора на средневековую латынь в дворянском делопроизводстве не позволит эффективно работать в интересах народа. Введение единого языка, связывающего отдельные части империи, представлялось ему необходимостью, не терпящей отлагательств. Император не мог выбрать никакой другой язык, кроме немецкого, с его развитой культурой и литературой, к тому же на этом язы-

* Блестящий и полный анализ политической и общественной структуры феодальной Венгрии дает в своем великолепном исследовании Бела Грюнвальд: *Grünwald B.* A régi Magyarország. Budapest, 1910. К сожалению, эта книга не выходила ни на одном иностранном языке.

** Интересные подробности относительно развития чешского национализма собрал в своей книге Альфред фон Скене: *Skene A. von.* Entstehen und Entwicklung der slavisch-nationalen Bewegung in Böhmen und Mähren im XIX. Jahrhundert. Wien, 1893.

ке говорили значительные группы населения во всех провинциях. Таким образом, так называемая «политика онемечивания» основывалась не на национальных чувствах, а на неверном их понимании. Иосиф не осознавал, что грандиозные экономические и культурные мероприятия, развернутые им с целью материального и духовного возвышения больших народных масс, неизбежно будут способствовать развитию национального сопротивления у затрагиваемых этими мероприятиями народов. Любопытный факт проливает свет на весь процесс: в венгерском обществе самыми неистовыми противниками императора были самые безразличные, с национальной точки зрения, элементы; немецкоязычные жители Трансильвании, саксы, яростно протестовали против авторитарной политики, игнорировавшей их древние привилегии. С другой стороны, те, кто больше всего поддерживали венгерское национальное возрождение и боролись за венгерский язык и литературу, относились к самодержцу с глубокой симпатией. Почему? Да потому, что утонченные умы, ориентированные на западную цивилизацию, разделяли мнение правителя и видели в немецкой культуре оптимальное средство, которое позволило бы связать отсталую страну с Западом. Ференц Казинци[101], лидер Венгерского возрождения, впоследствии писал:

«В эпохе Иосифа отрадно было видеть, как взаимодействуют между собой лучшие умы, как они держатся вместе, несмотря на все разнообразие разделяющих их цветов, ведь объединила их любовь к ближнему. Большие и малые, сыны отечества и чужеземцы, служивые и неслуживые люди, гражданские и военные были едины, ежели находили друг в друге добродетель».

Что бы ни было истинной причиной дворянского противостояния, нет никаких сомнений в том, что политика императора по онемечиванию пробудила к новой жизни до сих пор дремавшее национальное самосознание широких слоев населения. И как только пришла первая весть о Великой французской революции, ненависть к чужакам и протест против немецкого языка вырвались наружу. Один из патриотов того времени писал:

«Во многих местах выбрасывали немецкие шляпы и надевали венгерские меховые шапки и кивера. Срывали с венгров немецкое платье... Более того, все заговорили по-венгерски, кто же не знал языка, выучивал его, а ведь всего несколькими месяцами ранее –

особенно в высшем обществе – ни от кого нельзя было услышать венгерскую речь».

Подобные антинемецкие настроения с равной силой проявились и в других частях империи, когда турецкая война[102] приняла неблагоприятный оборот. Бельгия открыто взбунтовалась, а венгерские дворяне вступили в сговор с прусским королем. Волнения в защиту исконных правовых привилегий вспыхнули даже в лояльном немецком Тироле. Тяжело больной император сдался. Он решил вернуться к старой конституции и отозвать все свои указы и патенты, за исключением эдикта о веротерпимости и указа об освобождении крепостных. В знак серьезности своих намерений и необратимости реформ Иосиф отослал Святую корону обратно в Венгрию. Виктор Библ, австрийский историк, настроенный явно не против династии, пишет следующее:

«Бурный восторг охватил всю Венгрию, когда корона Святого Иштвана вернулась в страну. На улицах танцевали стар и млад, даже паралитики были готовы скакать от радости, как пишет один современник, и все восклицали: «Да здравствует венгерская свобода!» Жители Вены – и те радовались вместе с венграми. Когда драгоценности венгерской короны вынесли из сокровищницы, перед императорским дворцом собралась толпа, и крики радости доносились сквозь стены в покои умирающего правителя...»*

Символическая картина: бескорыстный труд ради общего блага, самоотверженная борьба выдающегося человека против темных сил прошлого, целый ряд блестящих реформ в интересах народа – все это разом погружается в забвение, и людей охватывает неистовый восторг при виде возвращения мистического средневекового символа. Несчастный император вряд ли мог получить лучший урок о взаимоотношениях исторического и рационалистического мышления.

* *Bibl V.*: Der Zerfall Österreichs. Wien, 1922. Bd. I. S. 25.

XII. Бастион против Французской революции

Революция во Франции вызвала потрясение во всей Европе, которое не только пошатнуло основы режима императора Иосифа, его последствия оказались куда более значительными и всеобъемлющими для будущего всей Габсбургской монархии. В конечном итоге, вся совокупность проблем, поставивших под вопрос судьбу Дунайской монархии и запустивших длительный процесс распада, толкая монархию из кризиса в кризис, – прямое следствие французской революции. Сопротивление старого феодального общества уже не воспринималось как серьезная угроза для крепнущего господства Габсбургов. В конце XVIII в. произошло слияние двух течений, и полученная смесь оказалась роковой для династии Габсбургов. Первое течение сформировали народные массы, чье самосознание разбудили своей социальной политикой Мария Терезия и Иосиф II. Представители крестьянства и буржуазии перестали быть пассивными подданными патримониального государства и стали занимать по отношению к нему все более критическую позицию. Волны французской революции, новые цели и устремления, остро противоречившие традиционному, абсолютистскому и патримониальному режиму Габсбургов, всколыхнули эти массы.

Представители династии и влиятельные государственные деятели и сами осознавали опасность ситуации. Они понимали: если эти принципы национальной и политической демократии получат распространение в Дунайской монархии, удержать режим имперского абсолютизма, который они отождествляли с монархией, будет уже невозможно. Опасаясь рискованных последствий, подобных тем, что привели к казни дочери Марии Терезии[103], супруги одного из самых могущественных правителей Европы, и вызвали панику в правящих кругах, самые влиятельные политические лидеры считали единственным путем к спасению сдерживание идей, освященных великой революцией и получивших распространение благодаря империалистической политике Наполеона. Под влиянием этого страха австрийский император Франц I (1792–1835) возглавил антинаполеоновскую коалицию и втянул империю в войну, которая продолжалась двадцать три года и на первом этапе принесла династии Габсбургов бесславие и позор,

а затем обеспечила ей политическую гегемонию в Европе. В качестве лидера Священного союза империя Габсбургов разработала самую полную внутреннюю программу международной реакции. В руках всемогущего канцлера, определявшего всю внутреннюю и внешнюю политику империи на протяжении тридцати восьми лет, эта программа превратилась практически в государственную религию, подобную той, что была во Франции до 1789 г., при «старом порядке» (*ancien régime*) [104]. «Режим Меттерниха», доминировавший в Австрии на протяжении всей первой половины XIX в., стал самой смелой и последовательной попыткой консервации устаревшей системы. Этот режим находился в сознательной оппозиции предыдущему порядку, иосифинизму, и, не без основания, носил имя Франца I: как показывают новейшие исследования, данный уклад, ориентированный на стабильность и не лишенный некоторого величия, девизом которого стали *Ruhe und Ordnung* («спокойствие и порядок»), режим неприкрытого абсолютизма не был изобретением Меттерниха (если мы вообще можем привязать масштабный исторический процесс к имени одного-единственного человека), но проистекал из особенностей личности императора и был продиктован его «убеждениями, сердцем и совестью».

Современные историки почти единодушно считают, что самые глубокие причины распада Монархии можно обнаружить в диалектике именно этого режима – поэтому мы рассмотрим режим Меттерниха и императора Франца I более подробно: и с точки зрения его теоретических основ, и с позиций практического воплощения. Для внутреннего психологического устройства бывшей империи характерно, что столь верное историческое наблюдение стало возможным принять только после краха Монархии и детронизации Габсбургов! Сегодня у нас уже нет оснований сомневаться в точке зрения – лучше всего ее выразил профессор Йозеф Редлих, – согласно которой полувековое существование режима Франца и Меттерниха, не уравновешенного никакими влияниями, сделало устройство Монархии настолько негибким, что империя превратилась в милитаристское «силовое государство» (*Machtstaat*), источник ужасных последствий в будущем. В этом государстве все учреждения были в высшей степени централизованы и бюрократизированы; с помощью алчной полиции и церкви оно до такой степени подавляло любые проявления свободо-

мыслия и политической критики, что, в конечном итоге, империя оказалась не в состоянии ответить на вызовы эпохи и провести реформы, без которых в Европе, где атмосфера стала более свободной и демократичной, не могло существовать ни одно государство. Невозможно не заметить, как в так называемую «блестящую эпоху», когда Меттерних «подгонял телегу Европы», а Монархия купалась в сиянии собственного могущества как держава, ставшая во главе Священного союза, на лике империи можно четко различить признаки приближающейся смерти, *facies hippocratica** Монархии.

В рамках столь краткого обзора мы, естественно, не можем показать всю картину режима или даже основные его черты. Мы лишь продолжим анализ, начатый в первых главах, и попытаемся дать читателю представление о психологии масс в рамках этого режима. Для этого нам необходимо отделить друг от друга элементы общей правительственной программы, которые в свое время составляли единое целое и были взаимосвязаны.

Как мы уже подчеркивали, *линия фронта по защите режима была направлена против Великой французской революции.* В идеях французской революции Франц и Меттерних видели всего лишь *французский предмет роскоши,* экспорт которого можно задержать на границе при помощи соответствующих таможенных ограничений. Главный знаток и защитник режима Генрих Риттер фон Srbik так реконструирует точку зрения Меттерниха и его коллег:

«Революция – самое большое несчастье, какое только может постигнуть страну и по природе своей крушит все подряд, меняя обличья, подобно Протею[105]. Память о самом грандиозном проявлении этого зла, которое до сих пор продолжает оказывать влияние и расходиться кругами, следует называть якобинством. Оно рядится то в религиозные и духовные, то в политические одежды, является под видом мистицизма, филантропизма, либерального фанатизма, движения итальянских карбонариев или «Молодой Италии»[106].

Настоящую поддержку всем этим невнятным, опасным и эксцентричным идеологам оказал нарождающийся буржуазный сред-

* Лицо/маска Гиппократа (*лат.*) – совокупность изменений лица больного в тяжелом, предсмертном состоянии (*Прим. переводчика*).

ний класс, который режим считал своим главным врагом. Весь гнев режима обратился против этой «профессорской теории» (*Professorentheorie*) и «надувательства со стороны университетов» (*Universitätsschwindel*). Городской средний класс – вот истинный источник якобинства. Такая «просвещенная демагогия» (*aufgeklärte Demagogie*) разрушает государственную жизнь и начинает заражать низшие слои общества, которые до сих пор были свободны от «моральной раковой опухоли высокомерия и самонадеянности» (*moralischer Krebs der Praesumption*). «Люди подобны детям или нервным женщинам: они верят в сверхъестественное». Неразумное поведение толпы Меттерних характеризует следующими словами: «Те самые болваны, которых мы называем общественным мнением»*.

Для режима опора на подобные аксиомы существенно упростила проблему: продукты распада безумных или вредоносных умов следует держать подальше от наивной и доброй души народа. Следует ввести своего рода интеллектуальную пошлину, более полную и разветвленную, нежели все, что было ранее; а взимать ее должна сеть полицейских и шпионов. Без преувеличения можно утверждать, что Меттерних создал настоящий *шпионский интернационал*, его платные агенты и доносители наводнили все европейские столицы. Однако центр тяжести этой шпионской сети находился, естественно, внутри Монархии. Скользкие щупальца шпионского спрута захватывали не только подозрительных интеллектуалов и политиков, но и видных представителей венского общества. Постепенно под полицейским контролем оказались даже эрцгерцоги, занимавшие самое высокое положение. Меттерних перехватил переписку императрицы Марии Людовики Моденской (третьей жены Франца I) с деверем, братом Франца Иосифа, наместником венгерского короля, и передал императору, чтобы тот разбудил в себе супружескую ревность (в данном случае, совершенно необоснованную) и положил конец нежелательному, до определенной степени либеральному, политическому процессу. Можно представить, каким мучениям подвергал этот режим простых граждан. В этой связи то, как описывает деятельность полиции того времени Чарльз Силсфилд, выглядит совершенно правдоподобным:

* Metternich, der Staatsmann und der Mensch. München, 1925. Bd. I. S. 381–386.

«С 1811 г. в системе работают десять тысяч шпиков (*Naderer*). Их вербуют из низших слоев – среди торговцев, домашней челяди, рабочих, даже среди проституток, и создают сеть, которая опутывает все венское общество подобно красной шелковой нити, пропущенной через все снасти английского флота*. В Вене невозможно произнести даже одно-единственное слово так, чтобы они его не услышали. От них нельзя уберечься, а если человек привозит слуг с собой, то через две недели и они становятся предателями – пусть и против собственной воли...»

Продолжались преследования так называемых «демагогов, якобинцев и прочих опасных элементов». За невинные политические споры и по большей части наивные романтические игры с гуманистическими и космополитическими идеалами французской революции людей часто казнили или отправляли в тюрьму. Подобная «дешевая» оборона государства лишь открыла новое поле деятельности для растущей армии полицейских шпионов и способствовала превращению жителей Вены в симпатичных и бездумных гедонистов, бесхребетных прожигателей жизни, свободных от политических рассуждений, а также – формированию так называемой «Капуи духа»[107], приметы которой глубоко и надолго укоренились в венской народной душе. Записки мадам де Сталь[108] о венском обществе, о том, как оно с радостным гедонизмом проживает свою жизнь без серьезных споров и разговоров, не проявляя интереса к истинным проблемам эпохи, культивируя посредственность и сторонясь любого таланта, не теряют актуальности до самого распада Монархии. Искусственные цветы режима Меттерниха оказались долговечными.

Режим, который угрожал виселицей и тюрьмой истинным патриотам, исполненным желания служить на благо отечества, и щедро вознаграждал доносчиков и интриганов всех мастей, был прямой противоположностью тому, что мы могли бы назвать разумным гражданским воспитанием. Даже осторожные консервативные политики и те осознавали угрозу подобного положения с точки зрения гражданского сознания; против этой ситуации выступили и некоторые важные персоны. Так, например, уже упоминавшийся здесь барон Андриан, человек широких взглядов, с горечью писал:

* С 1776 г. через любые снасти английского королевского флота должна была быть пропущена красная нить, чтобы по малейшему обрывку можно было определить принадлежность каната или веревки к английской короне (*Прим. переводчика*).

«От людей ждут, чтобы они были веселы, пьяны, рассказывали непристойные анекдоты, максимум, что они могут, – построить пару текстильных фабрик или читать театральную газету Адольфа Бауэрля, но у них должно хватать деликатности не интересоваться делами общества, государства и его провинций, важнейшими вопросами эпохи, как бы те ни касались их кошельков и всего их существования, ведь тем самым люди могли бы помешать господам, руководящим страной».

Подобные обстоятельства становились для общества все более невыносимыми, ведь действия полиции были не только нацелены на политику в ее обыденном понимании или на выявление воображаемых заговоров, измен и разветвленных политических сетей, но и подавляли всю научную и литературную жизнь с помощью политических и церковных доносителей. Одна из жертв системы, уже упомянутый выдающийся историк и государственный деятель Йозеф фон Хормайр, следующим образом описывает безнадежное положение австрийской интеллигенции того времени:

«За исключением естественных наук, ни в одной области высокого знания не появилось ни одной достойной упоминания работы; журналистика во всей славной империи сошла на ноль, людей большого ума отпугивают от работы, держат под подозрением, из-за клеветнических доносов они часто становятся жертвами бесконечных преследований… Такие авторы, как Гиббон, Робертсон, Юм, частично запрещены. Труды всех гениальных немцев (Гёте, Шиллера, Иоханнеса Мюллера, Гердера, Лессинга, Жан-Поля)[109] полностью или частично занесены в списки запрещенной литературы».

Чтение превращает людей в преступников – этот тезис стал для режима аксиомой. Не удивительно, что важнейшим средством борьбы с преступностью была цензура. Подобная атмосфера убивала всякий истинный талант. Страстное восклицание самого крупного австрийского поэта того периода Франца Грильпарцера – «тирания уничтожила мою литературную карьеру» – крик талантливейшего представителя целого поколения.

Настоящая травля была развернута против тех ученых, которые – за редким исключением – принадлежали к типу людей, склонных к свободному творчеству. Они подвергались постоянным гонениям, часто лишались своих постов, как, например, знаменитый Бернард Больцано[110], профессор теологии и философии Карлова универси-

тета в Праге. Система образования, поставившая науку на службу династии и католической церкви, естественным образом делала невозможными какие-либо политические и социальные исследования. Силсфилд жаловался:

«Заниматься свободным творчеством или исследовательской работой совершенно невозможно, более того, профессорам это даже запрещено. В процессе учебы за студентами строжайшим образом наблюдают преподаватели – назначенные доносчики. Преподаватель закона Божьего обязан исповедовать учеников шесть раз в год. Отслеживают и фиксируют склонности молодых людей, хорошие и дурные особенности, все их чувства; один экземпляр записей отправляют в Придворный учебный комитет в Вену, второй – в канцелярию наместника, а третий оставляют в школьном архиве. Чем старше ученики, тем строже надзор».

После окончания учебы и правоведы, и теологи оказываются полностью в руках правительства. Карьеру определяют прошлое выпускника и его моральные качества.

Деятельность немецкого национального студенческого движения, так называемых «студенческих корпораций» (*Burschenschaft*), главным образом, бурные события Вартбургского праздненства (*Wartburgfest*) – собрания представителей немецких университетов в замке Вартбург в 1817 г. (взрыв патриотических настроений среди студентов и смерть агента русского правительства, известного драматурга Коцебу от рук немецкого студента[111]) только усилили отчаянную борьбу режима с призраком революции. Печально известные карлсбадские постановления[112], согласно которым была усилена цензура, а над всеми университетами учрежден полицейский надзор. Однако полиция и шпионская сеть казались режиму недостаточными инструментами для сохранения власти. Режим все более решительно и открыто сотрудничал с представителями клерикализма. Власти и церковь пытались не только задушить общими силами политическую мысль, но и уничтожить так называемую «деистическую отраву», представителями которой были Кант, Фихте, Шеллинг. Вера стала первоочередным объектом деятельности тайной полиции, а секретные соглашения между эрцгерцогинями – ревностными католичками и реакционными монашескими орденами и их тайные интриги начали оказывать влияние на весь механизм государственной машины. Унаследованная от Иосифа тради-

ция возвеличивания государства в лице императора и его канцлера до определенной степени уравновешивала данные тенденции, но когда на политической сцене появилась четвертая жена Франца, баварская герцогиня Каролина-Августа, нападки клерикальных кругов усилились и стали более успешными. Новая императрица привезла с собой из Мюнхена духовника-иезуита, и вокруг правительницы при дворе возникла хорошо организованная клика, «группа блаженных», сумевшая навязать свою волю императору. Орден Спасителя получил в Вене монастырь, к превеликому удивлению и ужасу представителей иосифинистских кругов, воспринявших это как прелюдию к приходу иезуитов. И действительно, довольно скоро иезуитов вновь официально пустили в страну, а Рим укрепил свое влияние. Поездка императорской четы в Рим в 1819 г. стала знаком победы ультрамонтанского[113] влияния. Возраст и болезнь сделали императора уступчивым и покорным, а императрица активно поддерживала борьбу супруга с Просвещением. Она была даже против детских садов, боясь, что они будут распространять слишком много «просвещения» среди низших классов. Каролина-Августа часто говорила, что скорее даст себя повесить, нежели будет каким бы то ни было образом способствовать успеху пагубных настроений сомнительной эпохи. К этому же кругу принадлежала и сестра императрицы эрцгерцогиня София, которая впоследствии сыграла решающую роль в восхождении на престол своего сына – Франца Иосифа!

Постоянный страх перед ужасами революции делали режим абсолютно глухим к настоящим нуждам населения. Масштабные инициативы Марии Терезии и Иосифа II не просто остались без внимания – правящие круги открыто их отрицали. Династия заключила оборонительный союз с самыми реакционными представителями дворянства. Они боялись прикоснуться и к главной проблеме Монархии, освобождению крепостных, так как чувствовали: с ростом благосостояния и культурного уровня народа его общественное и национальное сознание невозможно будет согласовать с руководящими идеями и фундаментальными институтами режима, жаждущего стабильности. Символичен ответ, который дал главный приверженец Меттерниха, выдающийся публицист Фридрих Гентц[114] знаменитому английскому филантропу Роберту Оуэну[115] – последний пытался убедить австрийское правительство в

необходимости проведения ряда реформ в интересах трудящихся. Помощник великого канцлера открыто заявил: «Мы находим совершенно нежелательным, чтобы широкие массы жили независимо и в достатке... Как мы тогда смогли бы ими управлять?» Важной аксиомой для режима стала идея о том, что «человечеству надо периодически устраивать радикальное кровопускание, в противном случае люди становятся слишком неуравновешенными и быстро поддаются либеральному безумию». Подобная государственная философия рассматривала любое проявление современной мысли как враждебное. Когда императору Францу продемонстрировали план новой железной дороги, он воспринял его с величайшим недоверием: «Нет, нет, мне этого не надо, еще революция на нем в страну приедет!» С точки зрения режима, он был совершенно прав: никакой технический прогресс не мог быть согласован с его политикой, упорно нацеленной на сохранение абсолютной патримониальной монархии.

Однако в условиях нового миропорядка правительство больше всего боялось требований написать конституцию, а после ее введения – логичной идеи о национальном самоуправлении. Лучше многотомных собраний о сущности имперского режима может рассказать судьба тирольской депутации, которая отправилась в Вену к императору с просьбой вернуть стране старую конституцию. Следует отметить, что тирольцы были самыми лояльными и преданными гражданами Монархии: в борьбе с Наполеоном, под предводительством отважного крестьянского вождя Андреаса Хофера[116] жители Тироля героически встали на сторону Габсбургов как символа католических идеалов и искреннего местного патриотизма. Когда после захвата Баварии эти покорные и крайне консервативные люди снова оказались под властью Австрии, они как будто что-то поняли из кровопролитной Наполеоновской эпохи, поскольку пришли к императору с целью исправить свое конституционное положение. Само слово «конституция» вызвало у Франца I нервную реакцию; он принял своих самых верных тирольских подданных в дурном расположении духа и преподал следующий урок гражданства:

«Конституцию вам, значит, подавай!.. Что ж, я не против, дам я вам конституцию, только не забывайте, что солдаты мне подчиняются и, если мне понадобятся деньги, дважды сообщать не стану... Как бы там ни было, предлагаю подумать над тем, что говорите».

Выслушав императорское решение, добрые тирольцы ответили: «Если Ты [у тирольцев была привилегия обращаться к императору на «ты»] думаешь так, то лучше нам без конституции...» На это император: «Вот и я так думаю»*. Недоверие к народу и одновременно признание союза феодальных сословий (бывших ранее врагами режима, но теперь обезвреженных) нашло чуть ли не классическое выражение в еще одном заявлении словоохотливого императора, когда он в 1820 г. приветствовал венгерских магнатов в Пеште следующими словами: *Totus mundus stultizat et relicitis antiqies suis legibus constitutiones imaginarias quaerit. Vos constitutionem a majoribus acceptam illaesam habetis; amatis illam et ego illam amo et conservabo et ad heredes transmittam* («Весь мир сошел с ума и, забыв о старых добрых законах, стремится к выдуманным конституциям. У вас есть конституция, полученная вами в целости и сохранности из рук предков. Вы ее любите, и я ее люблю. Буду и впредь беречь и защищать ее и передам своим потомкам».) Самодержавие и феодализм находились в идеальной гармонии – по крайней мере, внешне.

Те, кто придерживался подобного образа мыслей, естественно, не могли постичь (и были в состоянии только ненавидеть и преследовать) самый важный революционный фактор эпохи – идею национального единства и самоопределения. В этом отношении представления Меттерниха и режима в целом очень важны, ведь именно из-за его политики старый австрийский мир вступил в тяжелое и роковое противоречие с духом эпохи, и этот вопрос оставался камнем преткновения вплоть до окончательного краха Монархии. Многие – и не только иностранные наблюдатели – зачастую совершенно не понимали точки зрения старого режима на ключевую проблему: политику правящих кругов нередко воспринимают так, будто она была направлена против любого упоминания о национальной идее и проводилась под знаком нетерпимости и бездумного онемечивания. Такое мнение совершенно ошибочно. Правда состоит в том, что режим ненавидел немецкий национализм ничуть не меньше венгерского или итальянского (в то время национализм этих двух народов был самым развитым), однако никоим образом не возражал против того, чтобы представители того или иного народа в своем кругу разговаривали на своем язы-

* *Sealsfield C.* Op.cit. P. 115.

ке, оберегали его и даже развивали. В национальной идее власть больше всего пугали те элементы, которые были нацелены на изменение существующей европейской государственной системы и формирование новых образований на базе национального единства. Этот основной тезис формулирует уже процитированный австрийский историк, чья трактовка точки зрения Меттерниха заслуживает наибольшего доверия:

«Если посмотреть на вещи с близкого расстояния [видим], что революции направлены против престола и народа. Последний ничего не выигрывает от уравнивания в правах, которое является целью среднего класса. Поэтому массы остаются безразличными к национальному движению, борющемуся за единство. В Италии городские и сельские производители не хотят участвовать в затеях дворянства, безработных юристов, врачей и полуграмотных щелкоперов. Настоящий народ равнодушен к тому, что национальные шовинисты называют *der Deutsche Sinn* (немецкий дух), и точно также глух к кабинетам, неспособным к управлению, и к проблемам и бедам среднего класса».

Если исходить из этой точки зрения, итальянское единство – чистая фантасмагория:

«Национализм не пристал Италии, ведь Италия – это исключительно географическое понятие», у которого нет основы ни в истории, ни в душах людей. Точно так же относился Меттерних и к Германии. По его мнению, немецкий партикуляризм присущ духу самого народа. Канцлер любил подчеркивать, что «ни из баварца не выйдет австриец, ни из австрийца – пруссак, ни из пруссака – баварец, ни из баварца – житель Вюртемберга, и во всех немецких владениях никто не станет пруссаком, если пруссаком не родился».

Те, кто не был в состоянии понять суть движения за национальное объединение, не могли выработать соответствующую политику для борьбы с этим движением. Политические цели оставались неизменными: искоренить национальные разглагольствования с тем, чтобы сохранить безнациональное, вегетативное единство империи без изменений, в форме абсолютистского режима. И то, что канцлер, будучи человеком очень начитанным, излагал высокопарным стилем, император Франц распространял со свойственной ему деспотичной грубостью, на уровне мелкобуржуазных салонных сплетен. Сложно найти более характерный пример анациональных

взглядов императора, нежели то, как он объясняет свою политику французскому послу:

«Народы мои друг для друга чужие, и это хорошо: так они не подхватят одновременно одну и ту же болезнь. Если во Францию придет зараза, то вы заболеете все разом. Я же посылаю венгров в Италию, а итальянцев – в Венгрию, каждый народ следит за соседом. Один другого не понимает, но все подозревают... Из неприязни рождается порядок, из взаимной ненависти – мир».

Любопытно сопоставить это наивное, но искреннее заявление с французской Декларацией прав народов 1795 г.:

«Народы по отношению друг к другу независимы и суверенны, каково бы ни было количество составляющих их лиц и размер занимаемой ими территории: данный суверенитет является неотъемлемым. У каждого народа есть право устраивать и менять формы своего правительства. Ни один народ не имеет права вмешиваться в правление других. Посягательства на свободу одного народа являются покушением на всех...»*.

Таким образом, в двух декларациях мы сталкиваемся с двумя прямо противоположными подходами к государственной солидарности, а борьба этих двух принципов определила всю историю последующего столетия и даже значительную часть сегодняшнего противостояния. В этой борьбе Император и Меттерних были не только «дон кихотами легитимизма», но и защитниками средневекового национализма, который, в свою очередь, стоит на позициях партикуляризма и противится национальному единству. Этот режим понятия не имел о современном патриотизме. Когда императору Францу как-то порекомендовали одного человека, говоря, что он умный и преданный сын отечества, император с недоверием ответил: «Понимаю, этот человек – патриот Австрии («*ein Patriot für Österreich*»). Вопрос в том, верный ли он сын и императора («*ein Patriot für mich*»). Подобное патримониальное понимание патриотизма сохранялось без изменений до самого распада Монархии и – как мы увидим при ближайшем рассмотрении – стало глубочайшей причиной этого распада. Сила, игравшая определяющую роль в укреплении национальных государствах и служившая неиссякаемым источником народного самопожертвования в руках разумных пра-

* Цит. по: История Франции. В 3-х томах. М. 1973. Т. 2. С. 36 (*Прим.переводчика*).

вителей, осталась в Габсбургской монархии невостребованной, была отодвинута на второй план и претерпела целый ряд унижений.

Мы уже говорили о беспощадных преследованиях немецких «якобинцев». Тогда же в Венгрии по обвинению реакционных аристократов движение под предводительством одного из самых свободных умов эпохи – аббата Игнаца Мартиновича[117], нацеленное на распространение либеральных идей и носившее, скорее, культурный, нежели политический характер, было признано опасным заговором. Продажный суд приговорил семерых выдающихся венгров – участников движения к смертной казни; многие ведущие представители венгерского литературного возрождения провели долгие годы в заключении в печально известных австрийских тюрьмах – крепостях Шпильберг, Куфштайн и Мункач. Зверства режима достигли своей кульминации в Италии, где австрийские войска дошли до Неаполя и Сицилии с целью уничтожить новую народную конституцию. В австрийских и итальянских владениях империи началась настоящая охота на итальянских либералов и патриотов. Граф Федерико Конфалоньери и поэт Сильвио Пеллико[118] были приговорены к смерти, но по «милости императора» смертную казнь заменили на тюремное заключение. Условия содержания в тюрьме Шпильберг были столь ужасными, что написанные впоследствии воспоминания Пеллико «Мои тюрьмы» (*Le mie prigioni*) и разоблачительные заявления графа не только вызвали возмущение в отношении венского правительства у современников, но и продолжали подпитывать антиавстрийские настроения и политику в дальнейшем. Легко понять, почему подобные действия и методы давали повод обвинить правительство Меттерниха в макиавеллизме даже в тех случаях, когда это не было правдой. В 1846 г., например, когда русинские крестьяне убили 146 польских дворян и привезли тела убитых и раненых на телегах в Тарнов, где свалили их перед зданием императорской администрации, польское дворянство было убеждено, что ужасное выступление крестьян было спровоцировано агентами императора с целью обуздания польской шляхты, охваченной на тот момент революционными настроениями.

Такой режим был бы опасным и невыносимым даже в том случае, если бы его направляли якобинский догматизм и абстрактный пуританский фанатизм. Однако моральной основы у режима не бы-

ло, его лидеры руководствовались, в первую очередь, личными интересами. Грильпарцер писал о Меттернихе:

«Если руководитель позволяет своим подчиненным принимать подарки, то и о своих делах, как правило, не тревожится. А гигантские расходы герцога и покупка имений – после принятия отцовского наследства в разоренном состоянии – однозначно указывают на дипломатические «чаевые»...»

Когда в 1811 г. непомерные расходы на военные, дипломатические и полицейские нужды привели к государственному банкротству, а деньги обесценились в пять раз, венское общество было убеждено, что император использовал катастрофическое финансовое положение своих подданных в целях личного обогащения. Широкие круги населения продолжали упорствовать в этом обвинении так долго, что государь попытался успокоить недовольную общественность с помощью пустого и лицемерного заявления, опубликованного в официальной правительственной газете. Тот же дух лицемерия пронизывал и весь режим Франца I. Используя искусственно организованное «общественное мнение», император старался изобразить кровавую тиранию красками жовиального мелкобуржуазного благодушия. Франц знал язык предместий и любил грубые шутки, часто общался с венскими жителями, а одна из его жен регулярно посещала городские танцевальные залы. Император вникал в малейшие дела своих подданных с рвением, достойным бухгалтера, причем увлекался до такой степени, что его бюрократическое усердие делало невозможной серьезную административную деятельность. Императору удавалось в равной степени эффективно влиять на формирование общества как при помощи тюрем и шпионов, так и в роли «отца отечества» и «отца семейства» (*Landesvater und Familienvater*); официальная пресса окрестила Франца I «отцом страны», окруженным любовью и почитанием, подобно главе семейства. Дух его правления проник и в повседневную жизнь общества, и стиль Бидермайер[119], возникший в эту эпоху, можно рассматривать как выражение характерных черт такого общества – оно отворачивается от любой масштабной и значимой проблемы, предается мелким житейским радостям и прикрывает страстную чувственность мещанским формализмом. Не случайно Франца также прозвали «тигром в домашнем халате» (*Tiger im Schlafrock*).

Невозможно дать более полную картину духовного и морального лицемерия, присущего режиму, чем это делает в своем дневнике Грильпарцер, обладатель прекрасной художественной интуиции:

«Умер император. Если при жизни газеты писали о чуть ли не идолопоклонническом почитании его подданными, после смерти от поклонения отцу-правителю не осталось и следа. Все шли на похороны с безмятежными лицами, точно на народное гулянье... Причина тут одна: никто на него не молился, а газеты лгали... В обычные времена натура его не была дурной, он ни был ни глупым, ни слабым, ни подлым, даже «вульгарный» было бы для него слишком сильным определением. Он был просто заурядным. Ни было в нем искры величия, благородства. Его интересовали лишь простые материальные отношения: мое-твое. Если у него и было смутное представление о том, что существуют и духовные блага, справедливость императора распространялась, наверное, и на них. Душа же его была закрыта для подобных проявлений. Искусства и науки император оценивал исходя из того, какую ощутимую, измеримую пользу они приносят или в какой степени служат духу, а не по тому, насколько они его укрепляют. Вера была для него лишь привычкой... Если бы он, в интересах государства, перешел вдруг в турецкую веру, на следующий день все, кто еще верит в Иисуса Христа, стали бы для него мятежниками. Ближайшее окружение императора позволяло себе дичайший разврат. Он это знал и терпел, ибо тот, кто вел развратную жизнь тайно, был ему ближе человека высоких моральных принципов. Император честно держал обещания, данные им как частным лицом (так же, как дворянин уважает карточные долги); как правитель он без колебаний нарушал самые торжественные свои обещания...»*

После смерти императора Франца, с приходом к власти Фердинанда I (король Венгрии Фердинанд V), страдавшего эпилепсией и слабоумием (годы правления: 1835–1848), все реакционные и клерикалистские черты режима смогли беспрепятственно раскрыться и воплотиться в жизнь. Режим превратился в карикатуру на самое себя. Традиции иосифинизма окончательно сошли на нет, а стареющий Меттерних все больше поддавался влиянию иезуитов. «Абсолютной монархией без правителя» управляла кли-

* Grillparzer's Werke, Hrsg. von Stephan Hock. Bd. II. S. 94–95.

ка, которую один проницательный современник окрестил «теолого-дипломатической женской гильдией» (*theologisch-diplomatische Weiberzunft*). Клерикализм и абсолютизм достигли в Австрии настоящего расцвета. Иезуиты вели преподавание по собственной системе, руководствуясь педагогическим уставом ордена, – *Ratio studiorum*[120], а их мировоззрение проникло во все слои культурной и общественной жизни. Вновь заявил о себе испанский дух контрреформации. В сороковые годы XIX в. 400 протестантов – жители Зиллерталя были изгнаны из мест проживания, потому что мешали католическим землевладельцам*. В Австрию вернулось средневековье, но третья французская революция была уже не за горами.

XIII. Революция и военный абсолютизм

Режим императора Франца I, разработанный и усовершенствованный Меттернихом, стал причиной безмерного недовольства по всей стране. Положение усугублялось тем, что развитие машиностроения в промышленных регионах Монархии, начиная с сороковых годов XIX в. привело к тяжелейшему экономическому кризису, особенно в Чехии. Ремесленники в большинстве своем не могли конкурировать с крупными предприятиями и пополнили растущие ряды пролетариата. Общественные отношения усложняла и нерешенная проблема крепостных крестьян. Во многих регионах крестьяне отказывались нести феодальные повинности, и то там, то тут вспыхивали волнения, подавить которые удавалось только вооруженным путем. Из-за кризиса в сельском хозяйстве возросла угроза промышленного кризиса, а голод 1847 г. усугубил и без того напряженную ситуацию в обществе. Люмпен-пролетариат в отдельных районах Вены разгромил пекарни, и вся имперская столица гудела от тревожных новостей. От нищеты страдали не только представители трудящихся классов, в строгом понимании этого определения, но и бедные слои интеллигенции. Бедственное положение университетской молодежи (особенно студентов-евреев) при-

* *Loesche G.*: Geschichte des Protestantismus in Österreich. Tübingen und Leipzig, 1902. S. 214–222.

вело к формированию слоя интеллигенции, охваченного революционным недовольством. Отчаяние населения достигло такой степени, что в ряде официальных заявлений появились сообщения об угрозе коммунистических идей. Перед лицом революционного недовольства полиция оказалась беспомощной, так как все ее силы были брошены на раскрытие тайных заговоров (проявилось это и в установлении полицейского контроля над вновь созданной Академией наук). У режима не осталось достаточного количества полицейских и солдат для поддержания внутреннего порядка.

Однако Меттерних и теперь не был склонен идти ни на какие уступки, хотя весть о Февральской революции в Париже довела состояние австрийского общества до точки кипения. Канцлер заключил договор с русским царем о ссуде в шесть миллионов серебряных рублей для выправления разрушающихся «укреплений» и заявил в официальном издании, что Австрия достаточно сильна, чтобы подавить любые революционные волнения. Спустя несколько дней в Вене все-таки начались кровопролитные выступления, и двор уже не мог себе позволить и дальше оставлять Меттерниха на посту канцлера. Под радостные крики толпы сорокалетний режим рухнул. Абсолютизм совершенно потерял почву под ногами и постепенно принял факт полной независимости Венгрии, не до конца понимая истинное значение нового конституционного положения и не пытаясь привести эту конституцию в соответствие с ситуацией в других частях империи. Правящие круги попытались усмирить чехов так называемой «Чешской хартией», обещая в перспективе указом императора обеспечить стране Венцеля такую же независимость, какую получила земля Святого Иштвана. Каждым своим шагом правительство демонстрировало растерянность и неискренность: катастрофическое положение в Италии и борьба короля Карла Альберта[121] за свободу потрясли основы старой Австрии и вынудили ее пойти на компромиссы с народами империи. Но вместо того чтобы приложить серьезные усилия и перевести империю на новые, демократические основы, разумно согласовав возможности для развития наций и народов, стоящих на таких разных ступенях культурного развития, милитаристское полицейское государство с первой минуты, как только пошло на конституционные уступки, принялось ждать момента, чтобы свести на нет новые права народов на свободу и восстановить старое самодержавие.

Грехи прошлого мешали закоснелому абсолютизму приспособиться к духу конституционализма, а недостаток организованности и незрелость демократической общественности создавали опасную ситуацию. Многовековой абсолютизм настолько успешно подавлял каждое народное выступление и игнорировал любую политическую критику и необходимость гражданского воспитания, что крестьяне, буржуазия и представители интеллигенции, которые теперь впервые стали частью публичной жизни, не обладали никакой политической подготовкой и не могли прилагать систематические усилия для реализации возникших перед ними грандиозных задач. Они искали решение в смутных, основанных только на эмоциях и идеологии замыслах, зачастую в неосуществимых крайностях и догмах, вместо того, чтобы после необходимых компромиссов обратиться к решению единственно возможной задачи – заняться преобразованием старого феодального абсолютистского государства. Таким образом, они смогли бы создать конституцию нового типа, способную гарантировать свободное развитие всем народам Монархии. Практически у всех народов империи, за исключением немцев, отсутствовал образованный и сознательный средний класс буржуазии, который мог бы приняться за строительство нового государства с надеждой на успех. Но и немецкий средний класс не понимал, в чем состоит его цель, ибо надменное самосознание превосходства немецкой нации не позволяло ему постичь суть австрийской проблемы. Он видел перед собой только единство немецкой империи, нашедшее свое выражение в блистательной идейной декларации, прозвучавшей во франкфуртской Паульскирхе[122], хотя решения франкфуртского национального собрания были лишены подлинной политической прозорливости. На другом полюсе была улица, давление агитаторов-демагогов с их призывами к насилию, политики, вышедшие из мелкобуржуазных кофеен и ресторанов. Режим Меттерниха отучил их рассуждать о политике разумно. Как писал один наблюдательный современник, «они принялись кричать и бегать на демонстрации с таким же энтузиазмом, как раньше толпились за жареным цыпленком или входом в танцзал».

Третья роковая составляющая меттерниховского наследия сделала почти безнадежными устремления демократической общественности 1848 г., направленные на проведение необходимых реформ. Эта общественность распалась на составные части по

числу наций, входивших в империю, и ни одна из этих наций не имела представления о чаяниях народов, живших за ее тесными границами. Когда, например, граф Штадион[123] впервые обратил внимание на плачевное положение галицийских русинов, в политических кругах было много разговоров о том, что такого народа вообще не существует, и граф выдумал его, чтобы уравновесить польское влияние. В ситуации, когда политики даже не знали о существовании второго по численности народа в Галиции, можно понять, почему каждый народ оценивал проблему революционных потрясений со своих ограниченных позиций. За исключением нескольких лиц, обладавших более широким кругозором, основное население не осознавало, что основой Монархии является взаимодействие десяти наций и множества народностей; каждый народ был озабочен только собственным существованием и связанными с ним проблемами. Господствующую немецкую нацию интересовали, главным образом, вопросы немецкого единства и защиты немецкой гегемонии от растущего давления славянских народов как в самой Австрии, так и в пределах империи. Несмотря на то, что Франц I в 1804 г., в разгар наполеоновских войн принял титул австрийского императора, а двумя годами позже под давлением Рейнского союза [124] отказался от титула германского императора, немецкие правящие круги Австрии продолжали жить старыми идеями единства нации, а венский Комитет общественной безопасности в апреле 1848 г. занял решительную позицию относительно немецкой сущности Австрии. И либеральное дворянство, и буржуазия вынашивали планы, согласно которым Ломбардия – Венеция, Венгрия и Галиция должны были получить самую обширную автономию, чтобы только слабые связывали их с Монархией; таким образом, немцы сохранили бы гегемонию в Австрии перед лицом растущего численного превосходства северных и южных славян. Стоит отметить, что австрийские немцы с первой минуты пробуждения революционных настроений и обретения относительной свободы гораздо более отчетливо ощущали свою общую этническую принадлежность с братьями из Германской империи, нежели историческую связь с остальными народами, населявшими Габсбургскую монархию. (Уже тогда идея аншлюса обладала большей привлекательностью, нежели союз с Востоком.)

Устремления венгров были еще более очевидными. В период революции 1848 – 1849 гг. ими владела одна-единственная идея: обретение полной независимости от Австрии и желание построить единое национальное государство путем ассимиляции всех народов, проживающих на территории страны. Итальянцы тоже, вне всякого сомнения, не считали себя навеки связанными с империей Габсбургов и более всего желали освободиться от габсбургского ига. Намерения славянских народов империи не были столь же ясными и определенными. Славянский конгресс в Праге в мае 1848 г.[125], ставший ответом на Франкфуртское национальное собрание немцев, собрал почти все славянские народы Европы. Съезд со столь неоднородным составом участников оказался не в состоянии выработать единую позицию. Этого не произошло уже потому, что представители различных славянских народов испытывали серьезные языковые трудности в попытках понять друг друга (даже если часто цитируемая история из немецких источников и не соответствует действительности – согласно этой истории, сторонники панславизма, резко выступавшие против немецкого доминирования, зачастую были вынуждены прибегать к немецкому языку, чтобы договориться). Несмотря на все трудности, этот памятный конгресс, объединивший таких антиподов, как консерватор Франтишек Палацкий[126], крупный чешский историк, и русский революционер-анархист Бакунин, привел к двум важным результатам. Первым стало пробудившееся сознание славянского единства, ощущение, что у славян есть особая историческая миссия в Европе. Во-вторых, славяне поняли необходимость защитить свое независимое национальное и культурное развитие от усиливающейся военной и культурной экспансии немцев.

В этой связи нас больше всего интересует тот факт, что в период бурного революционного национализма историческое существование Австрии не было для народов Монархии вопросом первоочередной важности. Каждый был занят собственными национальными проблемами. Центробежные тенденции усилило и новое обострение местного партикуляризма (Ländergeist) во многих провинциях и странах Монархии. Законодательные собрания повсюду демонстрировали полное равнодушие к проблемам империи в целом. Немногочисленные австрийские патриоты почти с содроганием следили за неожиданным всплеском местного и национального

патриотизма, направленного против государства; один из них воскликнул (и эти слова стали крылатым выражением): «Королевство за одного австрийца!» (Ein Königreich für einen Österreicher!)*. Это чувство было настолько сильным и в немецких либеральных кругах, что при получении известия о решающих победах, одержанных командующим императорской армией фельдмаршалом Радецким[127] над итальянскими военными формированиями (что означало победу австрийского абсолютизма не только над неокрепшей итальянской независимостью, но и над недавно отвоеванной свободой народов Монархии), Франц Грильпарцер, один из лучших поэтов своего времени, воспел его [Радецкого] как героя австрийского единства в следующих известных строках:

Glück auf, mein Feldherr, führe den Streich!
Nicht bloss um des Ruhmes Schimmer,
In Deinem Lager ist Österreich,
Wir andern sind einzelne Trümmer.

(В добрый час, полководец, нанеси удар!
Не только ради сияния славы,
Австрия под твоей опекой.
Мы, остальные, просто отдельные обломки.)

Читатели того времени не заметили, что восторженная ода поэта была на самом деле не победными фанфарами, а эпитафией австрийскому государству, ведь Грильпарцер с пророческой силой подчеркнул фатальную закономерность: армия Монархии и ее народы сражались за разные идеи, а единство империи было уже только военным и не совпадало с противоречивыми целями народов. Призрак распада Монархии уже маячил над головами современников.

Тем не менее, если мы глубже ознакомимся с национальной и социальной структурой Австрии этих лет, то не обнаружим в ней этого безграничного пессимизма. По-прежнему действовали могущественные силы, которые могли бы спасти Монархию. Власть и авторитет императорского дома, опирающиеся на армию и чиновничий аппарат, тогда еще не были мишенью серьезных напа-

* *Charmatz R.* Österreichs innere Geschichte von 1848 bis 1895. Leipzig und Berlin. 1918. Bd. I. S.10.

док. Даже Лайош Кошут, вождь радикальной венгерской оппозиции, и тот выражал надежды относительно личности молодого короля Франца Иосифа. Он и его последователи не думали, что Венгрия действительно отделится от остальных частей Монархии, и даже не протестовали против Прагматической санкции, требуя только полной конституционной свободы для страны. Невенгерское население Венгрии выступало исключительно за сохранение имперского единства, так как видело в нем единственную защиту от венгерского шовинизма, нападки которого становились все интенсивнее. В тот же период самые влиятельные немецкие элементы в Австрии (несмотря на присутствие определенных пангерманских настроений) твердо стояли на позициях сохранения Австрии. И что еще важнее: большая часть многочисленного славянского населения Монархии выражала абсолютную лояльность Габсбургам; наряду с невнятным панславизмом славяне четко понимали: им необходимо государство, способное гарантировать национальное развитие в условиях немецкого и русского давления. Не только хорваты и сербы проливали кровь за династию – ведущие представители чешского народа также считали, что защита Монархии входит в число главных национальных интересов. Франтишек Палацкий, признанный лидер нового чешского национализма, в своем знаменитом письме с отказом от приглашения франкфуртского парламента, где он протестует против немецкого объединения, нацеленного на аннексию славянских народов, сформулировал для новой Австрии реальную программу, которая соответствовала устремлениям славян. Палацкий недвусмысленно подчеркивает историческую необходимость Австрии как защитницы и прибежища для малых народов Дунайского бассейна (славян, румын, венгров) перед лицом растущего давления со стороны деспотичной Российской империи. «Если бы Австрийская империя не существовала уже на протяжении столетий, ее надо было бы создать теперь, в интересах Европы и всего человечества»*. Чехи и южные славяне боролись не за разрушение Австрии, но за преобразование империи вплоть до начала Первой мировой войны. Идеи Палацкого с убедительной силой поддержал Пражский сла-

* *Fischel A.* Der Panslavismus bis zum Weiltkrieg. Stuttgart und Berlin, 1919. S. 254.

янский съезд, несмотря на идеологическую сумятицу в его рядах. Славянский конгресс разработал воззвание к народам Европы, в котором четко обозначил свою позицию по австрийскому вопросу. Воззвание подчеркивает мирный настрой всех славян и право на самоопределение и национальную независимость. Его авторы не являются противниками империи, но хотят реорганизовать старую Монархию и превратить ее в конфедерацию равноправных народов с сохранением необходимого имперского единства. В первую очередь, участники конгресса потребовали обеспечить славянским народам конституционное положение, аналогичное тому, что занимали немцы и венгры. Конгресс обратился к венгерскому правительству с призывом прекратить действие возмутительных законов насильственного характера, направленных против славянских народов, проживавших на территории Венгрии, – сербов, хорватов и словенцев.

Еще отчетливее и значительнее выразил настроение славян меморандум конгресса, призванный проинформировать императора об истинных устремлениях и чаяниях славян. Изложенные в меморандуме цели стали во многих отношениях основой последующей славянской политики. В документе подчеркивается, что режим централизации сможет удержать вместе разрозненные народы Монархии лишь следуя путем абсолютизма, а истинное будущее Австрии в роли великой державы зависит от того, сумеет ли Монархия обеспечить угнетенным славянским народам реальные возможности для независимого национального развития. Достичь этого можно только с помощью конституции, которая преобразует централизованную Монархию в федеративное государство*.

В этой исторической ситуации в результате придворного заговора по отстранению от власти слабоумного Фердинанда на трон взошел восемнадцатилетний Франц Иосиф (1848–1916). Молодой император сам прибавил к своему имени (Франц) имя своего великого и популярного предшественника – императора Иосифа, и многие увидели в этом символический акт, так как, по их мнению, длительное правление Франца Иосифа было своеобразным сочетанием реакционных принципов императора

* *Fischel A.* Op.cit. S. 284.

Франца I и революционных методов Иосифа II. Эта точка зрения не лишена правоты, но, по-моему, режим Франца Иосифа в своих непосредственных проявлениях был по-настоящему близок к правлению Франца I; а иосифинистские черты были поверхностными и искусственными, сложившимися в результате вынужденных для императора компромиссов, которые были продиктованы конкретной обстановкой. Однако каким бы изменчивым и непостоянным ни был его метод управления, Франц Иосиф всегда с глубоким и неизменным недоверием относился к своим народам, конституции и демократии и был уверен, что опорой для его власти могут служить только армия и феодальная аристократия.

С позиций Монархии, настоящей неудачей стало то, что молодой император с его невероятной работоспособностью, живым управленческим чутьем (Франца Иосифа можно без преувеличения назвать первоклассным придворным советником – с таким энтузиазмом он выполнял чиновничью работу, столько было в нем «кабинетного рвения» [*Kabinetfleiss*] плюс полное отсутствие каких-либо по-настоящему грандиозных концепций) занял свой трон в разгар мировой революции, дважды пережил эвакуацию двора из Вены и постоянно находился под влиянием своих консервативных генералов – Виндишгреца, Радецкого и Елачича[128], приверженцев старого самодержавия до мозга костей. Неудивительно, что в таких обстоятельствах молодой император не понял, что судьбоносная проблема Монархии заключается в необходимости дать свободу и возможность развиваться разрозненным национальным группам, попавшим в жернова германского и российского империализма. Он видел перед собой только старую династическую проблему власти Габсбургов (Hausmacht) и думал над тем, как повысить международный престиж правящего дома, как выбить из седла прусских конкурентов и распространить свое влияние на Балканах в пику русским покровителям славянских народов.

Роковой для Монархии национальный вопрос по-прежнему представлялся Францу Иосифу в старом, узком понимании Меттерниха, в свете принципа «разделяй и властвуй». Невзирая на реальные и кажущиеся последствия – результат меняющейся исторической ситуации – император до последнего придерживался

идей централизации, игнорируя фундаментальные национальные требования народов*.

Подобное поведение не было продиктовано неприязнью к народам Монархии; нельзя сказать, что Франц Иосиф испытывал особую любовь и к немцам, чей язык служил средством общения для армии и управленческого аппарата. Всякое сознательное проявление немецкого национализма, напротив, вызывало у императора отвращение и тревогу, поскольку он боялся собственной тяги к Гогенцоллерам, которых подсознательно ненавидел и с которыми впоследствии заключил союз. Однако во всех вопросах, связанных с исполнением императорской воли, Франц Иосиф неизменно оставался самодержцем. Государственные министры всегда оставались для него чем-то вроде придворных лакеев, и он часто повторял Конраду фон Гётцендорфу, в бытность того начальником Генерального штаба: «Представьте, Монархией невозможно управлять по конституции». И в этом император был абсолютно прав, ведь в обеих политических системах, которыми он попробовал воспользоваться за время своего долгого правления, то есть в системе жесткой централизации, а затем – в рамках дуализма, основанного на немецко-венгерской гегемонии, действительно не было места достойному конституционному управлению.

Позиция императора во многом предопределила дальнейшие события: несмотря на хаотичность первых выступлений на начальном этапе революции 1848 г., при ближайшем рассмотрении можно было ясно увидеть, что это масштабное народное движение было направлено не только против старого режима, но и содержало очевидно конструктивные силы. Даже Венгрия, страна самого консервативного феодализма, сделала первые серьезные шаги к избавлению от феодальных привилегий и проведению демократических преобразований – под руководством талантливых и активных представителей революционизированного дворянства. Справедливости ради следует признать, что в самом важном, наци-

* Император никогда не воспринимал всерьез возможность компромисса между чехами и немцами. В своей последней значительной работе (Kaiser Franz Joseph von Österreich. Berlin, 1928) Йозеф Редлих рассказывает, что среди австрийских парламентских депутатов было широко распространено мнение, что император не верит в подобные компромиссы, поскольку – согласно утверждению его дочери, эрцгерцогини Марии Валерии, – «если немцы и чехи достигнут компромисса, положение станет как в Венгрии – император и там потеряет свою власть».

ональном вопросе новое либеральное общество совершенно превратно истолковало призыв эпохи, однако Габсбурги с помощью осторожной, гуманной и лояльной политики могли бы, без всякого сомнения, успешно встроить венгерскую демократию в систему взаимодействия с другими освобожденными народами. Ведь именно лидеры венгерского движения за независимость в сентябре 1848 г. стучались в двери австрийского Национального собрания, предлагая себя в качестве посредников в процессе сглаживания рокового противостояния между императором и венгерским народом. Однако произошло нечто большее. После второй венской революции реакционные военные лидеры перенесли австрийский рейхстаг в удаленный моравский городок Кремзир[129], и парламент, очнувшись от горячечного революционного сна, приложил изрядные усилия и знания к созданию новой конституции для народов Австрии. Впервые после многовековой власти абсолютизма народы австрийской части Монархии сели за стол переговоров, чтобы непосредственно обсудить общие национальные и культурные проблемы и найти для них решение. Разногласия были значительными, и в начале переговоров царил прежний дух недоверия. Упрямое стремление немцев к централизации столкнулось с радикальным федерализмом чехов. План Палацкого, лидера чехов, состоял в том, чтобы перестроить Монархию исключительно по национальному принципу и разделить империю на немецкую, чешскую, польскую, иллирийскую, итальянскую и югославянскую территории Австрии, выделив отдельные территории венграм и румынам. (Здесь стоит заметить, что впоследствии позиция чехов коренным образом изменилась, и они вернулись к старым, феодальным основам исторического права и, заявив права на объединение всех владений короны Венцеля, оставили без внимания национальное многообразие Чехии, Моравии и Силезии.) Этот план задевал не только немецкое стремление к централизации, но и традиционную тягу к независимости, сильно развитую у жителей некоторых стран Монархии. Тирольцы, например, еще раньше настаивали на создании собственного правительства и полной независимости от венского правительства*. Поляки с такой же резкостью отвергли план разделения Галиции на польскую и русинскую области. Истрия и Далма-

* *Bibl V.* Op.cit. Bd. II. S. 179–180.

ция схлестнулись в своих партикуляристских устремлениях, серьезные противоречия сохранялись между Каринтией и Крайной, а традиционно независимые Форальберг, Зальцбург и Гёрц решительно противились любому сокращению своих территорий.

Возможные компромиссы были в такой ситуации крайне нежелательными. Однако природная мудрость отдельных народов вскоре взяла верх. Парламентский референт конституционного комитета прекрасно понимал всю опасность сложившегося положения и в убедительной речи предупредил депутатов о том, что в их разногласиях таится яд, выпестованный Меттернихом. Освобожденные нации должны избавиться от этого духа, и после того как принцип равенства наций стал фактом всемирной истории, его уже нельзя сменить на принцип эмансипации славян. Если правда, что до сих пор немец был господином, а славянин – слугой, то этот тезис можно принять только с поправкой: раньше правительство было немецким и угнетало оба народа. Те, кто переносит ненависть славян к правительству и чиновникам на немецкий народ, следует старому принципу Меттерниха «разделяй и властвуй». Конституционный комитет обратил также внимание на опасные последствия, к которым могла бы привести предложенная Палацким радикальная отмена старых конституционных норм, и предложил вариант, позволяющий избежать централизации, спасти некоторые владения от смерти и создать свободные федеративные отношения – таким образом, любое централизованное управление становилось невозможным.

Этот вариант компромисса действительно понравился депутатам, и кремзирский парламент принял половинчатое решение, учитывающее интересы сторонников централизации и последователей федерализма. Парламент сохранил исторически сложившиеся королевства и страны, но разделил более крупные территории на округа (Kreise) по этнографическому принципу. В одних странах управление переходило в руки местных властей, которые были подотчетны местным же представительским органам, с целью обеспечить настоящее самоуправление, способное противостоять возможным злоупотреблениям со стороны центральной власти. Краеугольным камнем новой конституции стал принцип национального равноправия, было также предписано создавать суды на территориях смешанного проживания, исходя из принципа равенства; такие

суды были призваны выносить решения во всех спорах, связанных с национальными вопросами.

К сожалению, узкие рамки данной работы не позволяют провести детальный анализ проекта конституции, хотя с точки зрения истории идей этот проект является значительным достижением и служит серьезным доводом в поддержку демократических принципов как сильного и продуктивного инструмента. Достаточно обратить внимание на тот факт, что после трех столетий абсолютизма и военной централизации, несмотря на отравленное прошлое, удалось объединить все эти народы и обеспечить им возможность свободно решать свои правовые споры; новый настрой, новая воля одержали победу над прежними идеями, отравленными феодализмом и абсолютизмом. *Впервые была предпринята последовательная и логичная попытка заново реорганизовать огромную империю, исходя из наднационального принципа, с принятием за основу идеи национального равенства во всех областях общественной жизни.* Таким образом, первый свободно избранный представительный орган Австрии разрешил или, по крайней мере, приблизил к разрешению проблему, обделенную вниманием в эпоху абсолютизма. В особенности поражает прозорливость, с которой создатели конституции определили фундаментальную важность принципа самоуправления для решения национального вопроса. Выступая в национальном собрании, депутаты постоянно подчеркивали, что Францию – несмотря на несколько революций – нельзя считать свободной страной, поскольку городские демократические свободы там отсутствуют. *Свободное местное управление – основа свободного государства!* Работа, проделанная в Кремзире, это еще и примечательный документ высокого гуманистического духа, на котором выросло поколение 1848 г. – в равной степени немцы и славяне. Йозеф Редлих, самый дотошный исследователь проекта конституции, без преувеличения, прав, утверждая, что «*если мерить моральной и интеллектуальной мерой, этот проект – единственный значительный политический результат в области государственного строительства, достигнутый народами имперской Австрии через своих представителей...*»

Тем не менее, Франц Иосиф и его советники даже не удостоили вниманием деятельность Кремзирского парламента и нашедшую в ней выражение могучую энергию народа. Циничные слова мар-

шала Виндишгреца, которые он якобы произнес, услышав, что народные депутаты отказали императору в определении «милостью Божьей» («Не хотят понимать слова «милостью Божьей», поймут, что значит «милостью пушек»), будь они легендой, или правдой, в любом случае выражают воинственный контрреволюционный настрой правительства и его политическую практику. Именно поэтому, когда после завоевания Вены, итальянских побед Радецкого и вооруженного захвата венгерской столицы абсолютизм достаточно окреп, военные разогнали кремзирских депутатов с их конституцией. И хотя после Кремзира была предпринята еще одна попытка с октроированной фиктивной конституцией, восстанавливавшей полновластие режима централизации, параллельно продолжались активные действия по военному подавлению бунтующих народов; главная же цель, очевидно, состояла в полной реставрации старого режима. Уже в период правления слабоумного Фердинанда началось «усмирение» Венгрии, вооруженная борьба против политического устройства, которое сам же император и благословил, а также коварные заигрывания с южными славянами, обозленными из-за политики мадьяризации со стороны венгерского правительства. Хорватский бан Елачич стал послушным инструментом венской камарильи в процессе разрушения венгерской конституции, и мир стал свидетелем ужасающей политической драмы, о которой один современник писал: «Король Хорватии объявил войну королю Венгрии, а император Австрии сохранил нейтралитет, и все эти три правителя – одно и то же лицо». Предательская игра, ставшая явной после победы Радецкого при Кустоце[130], привела венгров в отчаяние, и когда новая октроированная конституция открыто положила конец независимости страны, Государственное собрание приняло предложение Кошута и 14 апреля 1849 г. в Дебрецене объявило о низложении Габсбургской династии, точно так же, как это сделало Государственное собрание Ракоци веком ранее. Принятая Декларация независимости содержала длинный список преступлений, совершенных Габсбургами против конституционных и личных свобод венгерского народа, и обвиняла династию за то, что она вступила в сговор «...с врагами страны, грабителями и бунтовщиками для угнетения венгерского народа; с оружием в руках пыталась уничтожить независимость страны и ее конституцию, освященную клятвой;

... насильственно раздробить страну и нарушить ее территориальную целостность, которую клялась сохранить; ... привлекала иностранные войска для убийства собственных подданных и подавления их законной свободы...»

Апелляция к конституции роднят восстание Ракоци и революцию Кошута, однако первое так и не смогло преодолеть рамки феодального восстания, тогда как революция была уже не личным делом нескольких недовольных феодалов-землевладельцев и примкнувших к ним крепостных крестьян, но явным национальным и демократическим движением, ряды которого пополнили не только представители либерального дворянства, но и новые средние слои общества и освобожденное от феодальной зависимости крестьянство, – все они с оружием в руках встали на защиту вновь обретенной свободы. Поэтому Вена и не могла подавить эти выступления так же, как когда-то подавляла восстания феодалов-изгнанников и куруцев. Одержав победу над революционными Веной и Прагой, Габсбурги не могли победить венгерскую революцию, которая сражалась за конституцию 1848 г. Этот исторический факт нашел отражение впоследствии в дуалистическом переустройстве Монархии. Но в 1848 г. династия не была готова пойти ни на какой справедливый компромисс, хотя до низложения Габсбургов самые влиятельные венгерские круги выступали за достойный мир. Герцог Виндишгрец высокомерно отослал депутатов венгерского Государственного собрания со словами: «С бунтовщиками переговоры вести не буду» (Mit Rebellen unterhandle ich nicht!). Поэтому, когда венгерские войска начали одерживать победы, у династии не оставалось иного выбора, кроме как пойти на неслыханное унижение и попросить помощи у русского царя, который прислал огромное войско для наведения порядка в Венгрии. Осознав, что продолжать борьбу бессмысленно, выдающийся венгерский полководец генерал Гёргей[131] попытался спасти последние силы несчастной страны и сдался не австрийцам, а русскому генералу Паскевичу, последний же, следуя венгерской традиции, гордо заявил царю: «Венгрия у ног Вашего Величества».

Габсбурги оказались не только безжалостными противниками, но и жестокими, мстительными завоевателями. Они ввели в стране те же меры, что и в Ломбардии и Венеции в период восстановления власти Габсбургов. Ранее подобные методы приме-

нялись и в несчастной Венгрии, еще не оккупированной австрийскими войсками: суды активно выносили смертные приговоры, был ужесточен призыв и введен военный налог, подозрительные личности тысячами отправлялись в тюрьмы. Генерал Хайнау[132], получивший прозвище «гиена» за расправу над населением после взятия итальянского города Брешиа, приказывал бить плетьми женщин прямо на улицах. Кровавого палача итальянского народа прислали наводить порядок в Венгрию. «Наказания», назначаемые победителями, были действительно беспримерными – даже русский царь и начальник Генерального штаба были вынуждены просить Вену умерить репрессии. И этот террор не был самоуправством со стороны нескольких офицеров, нарушивших дисциплину, но результатом продуманной политики премьер-министра Австрии князя Шварценберга[133]. Когда Шварценбергу посоветовали проявить милосердие и продолжить политику примирения по отношению к венграм, он отклонил это предложение со словами: «Звучит правильно, но сначала желательно повесить еще несколько человек». Венская камарилья решила провести показательную расправу и в годовщину убийства в Вене военного министра Латура казнила в Араде 13 венгерских генералов (девять из них были повешены)[134]. Вина их состояла только в том, что они защищали конституцию, на которой поклялись именем короля. Многие офицеры были приговорены к длительным тюремным срокам. Как принято считать, в Венгрии на протяжении трех поколений чрезвычайные военно-полевые суды вынесли 114 смертных приговоров, а в 1765 случаях подсудимые были наказаны лишением свободы. Официальная историография впоследствии пыталась занизить цифры и стереть память об ужасах репрессий, утверждая, будто молодой император не знал об этих узаконенных убийствах, однако дальнейшие исследования показали, что Франц Иосиф знал о казни венгерских генералов заранее.

Месть Хайнау настигла не только бунтовщиков в армейских рядах; его жертвами стали все, кто в эту бурную эпоху имел отношение к политической жизни. В тюрьмах оказались епископы и министры, многих вождей венгерской революции, бежавших от преследований, казнили заочно. В день, когда генералы-мученики прощались с жизнью в Араде, в Пеште был казнен выдающийся го-

сударственный деятель, первый премьер-министр ответственного венгерского правительства, граф Лайош Баттяни[135]. Власти усмиряли Монархию на старый испанский манер – «кровью и железом». Жизнерадостные венцы, пражские потомки гуситов, итальянские патриоты и венгерские «смутьяны» – все они пали под кровавыми вооруженными ударами Габсбургов. Неудивительно, что эти события оказали такое сильное влияние на общественное мнение народов, перенесших ужасы репрессий. Именно поэтому я хотел бы воспользоваться терпением читателя и привести некоторые детали. *Описанные события – не просто исторические факты из габсбургской драмы, но непосредственные причины распада Монархии.* В Венгрии, например, кровавые расправы вызвали в массах настроения, определенно повлиявшие на политическую жизнь страны в целом. «Проклятая Австро-Вена» – эти слова стали в сознании народа символом недовольства. «Вена» ассоциировалась со стонами протестантов, угнанных рабами на галеры, потопленными в крови восстаниями и, прежде всего, с конституцией, уничтоженной при помощи русских штыков. Перед таким комплексом чувств и эмоций любые рациональные доводы были бессильны. После всего этого Габсбургов продолжали ненавидеть даже в тех случаях, когда они хотели предоставить своим народам определенные права и свободы. Timeo Danaos – «боюсь данайцев»... «Мы ничего не примем от венской камарильи, даже благо». Чувство это было настолько сильным, что спустя десять лет после катастрофы, великий государственный деятель, консерватор граф Иштван Сечени, помещенный в венскую психиатрическую лечебницу в результате умственного расстройства, незадолго до трагического самоубийства назвал в своем дневнике Франца Иосифа «апостолом узурпации», а виселицу – «опорой Франца Иосифа», его «столпом»*.

В течение последнего десятилетия существования Монархии, присутствуя на публичных собраниях, я часто замечал, как память о «тринадцати арадских мучениках» могла всколыхнуть толпу, точно ветер пшеничное поле. Многие австрийские и венгерские политики никогда не обращали на это внимания. Они не понимали, как пустые демагоги могут разжечь в толпе слепую ненависть к институтам – таким, например, как политике свободной торговли,

* Grof Szécsenyi István döblingi irodalmi hagyatéka. *Szerk.* Dr. Károlyi Árpád. Budapest, 1921. II.köt. 40., 84., 86.o.

или Австро-Венгерский банк, – которые служили интересам большинства венгров. Политики не понимали этого, поскольку всегда мыслили рационально и не знали, что толпой управляют, скорее, воспоминания о прежних временах и не до конца осознанные прочувства, а не разумное понимание собственных экономических интересов. Таким образом, любое политическое и общественное недовольство можно легко повернуть против Вены. Уверен, что аналогичные процессы происходили в сознании чешского, польского и итальянского народов. Арад стал для венгров тем же, чем пражский эшафот – для чехов, тюрьма Шпильберг – для итальянцев и кровавый парад в Тарнове – для поляков[136].

XIV. Укрепление абсолютизма: эпоха Баха

«Решив» итальянскую и венгерскую проблемы, режим с еще большей уверенностью и надменностью укрепился в своей приверженности идеям абсолютизма. И власть могла себе это позволить, ведь даже прусские соперники и те затрепетали от страха, наблюдая расширение военной власти. Борьба премьер-министра герцога Шварценберга за немецкую гегемонию увенчалась временным успехом: вновь заработал ранее разогнанный Союзный совет (*Bundestag*). Правитель из династии Габсбургов хоть не вернул себе титул германского императора, снова обрел власть – пусть лишь видимую – над немецкими землями. На пути возрождения прежнего абсолютизма не осталось препятствий. «Второе, дополненное издание» меттерниховского режима достигло своего апогея в деятельности министра внутренних дел Александра Баха. Последний дал имя целой эпохе, став из героя мартовской революции воплощением нового реакционного режима. Баховская система и стратегия Меттерниха совпадали по трем очень важным позициям. Во-первых, в отношении германизаторской централизации, которая теперь, без каких-либо ограничений распространилась и на Венгрию. Бах сконструировал хитроумную и печально известную теорию «лишения» (*Verwirkung* – утрата всех привилегий страны и наказания за участие в революции 1848–1849 гг.), согласно которой Венгрия потеряла свою прежнюю конституционную свободу из-за революции.

Страна была механически поделена на административные округа, без учета ее исторического развития и систем местного самоуправления; управление этими административными единицами в полной мере перешло к имперским властям. В тот же период страну наводнила настоящая армия немецких и онемеченных чешских чиновников. Прозванные в народе «баховскими гусарами», они вызывали у общества недоверие и ненависть. «Стая саранчи летит над страной и все уничтожает», – говорили современники. И хотя сотни, даже тысячи дворян точно так же служили режиму, трясясь за свои посты, пришлые чиновники по-прежнему олицетворяли чужую и враждебную власть.

Во-вторых, полицейская и шпионская сеть старого абсолютистского режима распространили свою деятельность на всей территории страны. Дело дошло до того, что объектом полицейского надзора стал и сам отец системы, Александр Бах. Масштабы полицейской власти хорошо иллюстрирует следующий эпизод, приведенный Генрихом Фридюнгом, историком баховской Австро-Венгрии: как-то раз епископ Вены в беседе с начальником полиции выразил недовольство моральным обликом жандармских офицеров, многие из которых сожительствовали с женщинами вне брака. В ответ начальник полиции посоветовал епископу обратить внимание на отношения священников со своими поварихами. Спустя несколько дней полиция передала кардиналу длинный список с именами каноников и других священнослужителей и перечнем их подруг. Тот же начальник полиции составил своеобразный «гербарий», где были собраны и систематизированы по видам все, кто так или иначе проявил себя в политической сфере. В этом «гербарии» было досье и на Баха*. Однако гигантского штата полицейских и раздутого личного состава армии оказалось недостаточно – была также создана жандармерия, специальный военизированный орган для поддержания порядка, численность которого поражала даже некоторых советников императора.

В-третьих, баховский режим не только продолжил дело Меттерниха, но и превзошел его достижения, полностью подчинив империю католической церкви и, в особенности, иезуитам. Либеральная

* *Friedjung H.*: Österreich von 1848 bis 1860. Bd. I. II. Stuttgart und Berlin, 1912. S. 193–194.

иосифинистская интеллигенция восприняла конкордат 1855 г., этот «*унизительный поход в Каноссу*»[137], как вассальный договор с Римом, направленный на подавление духовных исканий молодежи. Любая интеллектуальная деятельность, вся система образования и вопросы заключения брака перешли под власть церкви, ставшей проводником идей Рима.

Все эти характерные черты баховской системы стали обузой не только для «непокорных мадьяр», но и для других народов Монархии, и даже хорватов и тех народностей, которые проживали на венгерской территории и были главными союзниками Габсбургов в борьбе против Венгрии. Представители лояльных народов стали точно такими же жертвами централизации, германизации, полицейской слежки, как и венгерские революционеры. Лидеры словацкого движения протестантской интеллигенции Людовит Штур и Йозеф Гурбан, румынский герой Аврам Янку[138] – все они сполна могли насладиться «благодарностью» Габсбургов: во время революции они были послушным орудием в руках венского двора, но теперь их ждала та же участь (тюрьмы и лагеря), что и многих идеологов Венгерского возрождения, среди которых оказался и самый талантливый поэт эпохи Михай Вёрёшмарти[139]. В подобной ситуации справедливо звучит ироничная реплика одного венгерского дворянина, обращенная к хорватскому «коллеге»: «То, что мы получили в наказание, досталось вам в награду»*.

Система была абсурдной не только с морально-этической точки зрения, но и в национальном плане. В ситуации, когда национальное сознание уже достигло высокого уровня развития, когда венгры уже успели почувствовать вкус независимости, а кремзирский народный парламент предпринял отчаянную попытку создания новой конституции, власти, опираясь на силы церкви и полиции, предприняли отчаянную попытку сохранения абсолютистского государства, игнорируя при этом национальный принцип. Очень верно охарактеризовал баховскую систему один из самых выдающихся политических умов своего времени, бывший революционный соратник Александра Баха, благородный и проницательный Адольф Фишхоф: «Солдаты стоят навытяжку, армия чиновников

* Любопытные детали относительно недовольства национальных меньшинств в Венгрии в эпоху Баха приводит в совей работе Альберт Берзевици (*Berzeviczy A.* Az abszolutizmus kora Magyarországon 1849–1865, Budapest, 1922, I.köt. 144–163.o.)

сидит, духовенство опустилось на колени, и повсюду рыскают до носчики и шпионы».

Режим Баха, однако, не просто копировал меттерниховские тра диции, но сохранил в себе важные элементы иосифинизма. Без преувеличения можно сказать, что в эпоху сохранявшегося фео дального влияния баховский абсолютизм провел реформы нас только революционные, что даже конституционное правительство было бы не в состоянии их осуществить. Ренегат Александр Бах ос тался в одном пункте революционером: он последовательно про вел отмену крепостного права. В области управления и политики были заложены основы современного государства. Какой бы несо вершенной, неповоротливой и сервильной ни была новая управ ленческая система, она стала безусловным шагом вперед по срав нению с предыдущей, куда менее эффективной административной структурой дворянства. Во всех странах Монархии строились но вые железные дороги и магистрали. Единая таможенная граница гарантировала свободную торговлю между Венгрией и другими частями империи. Законодательство и судебная практика стали более современными и унифицированными.

Однако именно культурные и экономические нововведения де лали режим еще более тиранническим и ненавистным. Нации с их растущей духовной и материальной энергией все чаще сталкива лись с проявлениями чужой для них власти. Помимо этого, неог раниченный абсолютизм продолжал бездумно расходовать сред ства из государственной казны. Гигантские суммы были потрачены на строительство бесполезных военных укреплений в Ломбардии и Венеции, а временная оккупация дунайских кня жеств обошлась в два миллиона форинтов и сорок тысяч челове ческих жизней. Эта авантюра была не только лишена смысла, но и привела к катастрофическим последствиям. Вероломство бывше го союзника, вышедшего из Священного союза во время Крымс кой войны[140], вызвало гнев российских правящих кругов и открыло дорогу панславистской пропаганде. «Путь в Константи нополь лежит через Вену!» (*Der Weg nach Konstantinopol führt über Wien!*).

XV. Конституционные эксперименты: диплом 1860 г. и патент 1861 г.

Чем глубже погружаешься в историю Монархии, тем яснее видны многочисленные ошибки, заблуждения и преступления, подтолкнувшие ее к распаду. Немецкие и венгерские правящие круги, напротив, постоянно пытаются доказать, будто речь здесь идет о явлении фатального порядка, и никто заранее не мог предвидеть, к каким последствиям могут привести различные меры. Тем не менее, следует обратить особое внимание на то, что при обсуждении любого важного вопроса, касающегося жизни Монархии, всегда находились люди, которые с поразительной прозорливостью предсказывали, к каким последствиям может привести преступное легкомыслие в политике. Так вышло с абсолютизмом Меттерниха, то же относится и к неоабсолютизму Франца Иосифа. Если бы позволяли рамки этого труда, я бы процитировал слова многих выдающихся деятелей, которые понимали: централизация, опирающаяся на имперские штыки, ведет к неизбежному краху, и удовлетворить национальные устремления народов Монархии и спасти государство может лишь сбалансированная федеративная система. Но без местного самоуправления и федерализм остается пустым звуком. Таким образом, совершенно очевидно, что режим абсолютизма был не в состоянии разрешить главную проблему Монархии. Ему это не удалось даже в конце XVIII в., под гениальным руководством Иосифа II, который по крайней мере знал, чего хочет достичь и пытался реформировать империю, руководствуясь масштабной, логически выстроенной (хотя и изначально ошибочной) концепцией. Тем более был обречен на провал режим Франца Иосифа. Последний пытался безо всякой концепции или морального порыва использовать методы своих предшественников в эпоху, когда даже самые малочисленные народы его империи – и те уже достигли самого высокого уровня национального самосознания.

Окинув мысленным взором все семьдесят лет правления Франца Иосифа, при всей его легендарной энергии и чувстве долга, мы не найдем в действиях императора ничего, что бы было основано на принципиальных убеждениях, ни одного системного проявления, или пусть скромной, но ориентированной на будущее программы.

Настоящими движущими силами его режима были военная мощь и дипломатический авторитет. То, что впоследствии премьер-министр Эдуард Тааффе с неприкрытым цинизмом называл непереводимым словом Fortwursteln («работать халтурно, спустя рукава»), понимая под этим ежедневные компромиссы, беспринципные уступки, принесение любой реальной политической концепции в жертву минутным оппортунистическим требованиям – такая политика не была изобретением «министра-президента», но уходила своими корнями в давние традиции империи. В подобной системе совершенно не было места спонтанной инициативе. Причиной значительных преобразований становились вынужденные механические изменения, вызванные внешнеполитическими событиями, а отнюдь не решение серьезных государственных задач. Сколь бы ни были явными бесцельность баховского режима и его деморализующее воздействие, он бы, безусловно, продержался еще долго, если бы габсбургский абсолютизм не потерпел сокрушительное поражение в битвах при Мадженте и Сольферино (1859)[141] и не был вынужден при посредничестве Наполеона III передать Ломбардию королю Сардинии ради спасения немецкой гегемонии.

Отсутствие внятной политической концепции проявилось и после битвы при Сольферино, когда были предприняты нерешительные эксперименты по введению умеренного конституционного правления. В октябре 1860 г. император издал так называемый «Октябрьский диплом» и назвал его «вечным и не подлежащим отмене основным законом». Эта новая конституция означала разрыв с политикой централизации и германизации и была попыткой привлечь феодальную знать отдельных стран к более активному сотрудничеству. Отдельная задача состояла в том, чтобы успокоить венгерских консерваторов, которым вернули феодальную конституцию дореволюционного образца. Однако это половинчатое решение не нашло поддержки в либеральных кругах венгерского общества. Диплом удовлетворял лишь требованиям славянских феодальных элементов, которые могли теперь заново организовать свои силы, опираясь на более широкую местную автономию.

На фоне роста общего недовольства император в декабре того же года уволил «автора» диплома польского графа Голуховского[142] и два месяца спустя, отказавшись от «вечного и не подлежащего отме-

ие» Октябрьского диплома (под предлогом его расширения и переосмысления), издал так называемый «Февральский патент» (1861), который, в руках бывшего председателя Франкфуртского парламента Антона Шмерлинга[143] давал возможность проводить политику абсолютно противоположную той, что была заявлена в Дипломе. Если Диплом можно рассматривать – и совершенно справедливо – как государственный переворот, бунт аристократии против правящей венской немецкой бюрократии, то патент означал собой продолжение немецкой бюрократической централизации. Единственное отличие состояло в том, что в патенте идея абсолютизма была прикрыта фиговым листком «куриальной системы» – последняя стала играть решающую роль в политической жизни Австрии перед введением всеобщего избирательного права. Общественность, согласно законодательству, представляли четыре группы, объединенные общими интересами: крупные землевладельцы, торговые палаты. Города и деревни посылали своих депутатов в земельные парламенты – ландтаги (Landtag), то есть в законодательные собрания отдельных стран, а те посылали своих представителей в центральный парламент – рейхсрат (Reichsrat). (Только позднее, в 1873 г., выборы в рейхсрат уже были прямыми, на основе все той же куриальной системы). Искусственно усложненная процедура была призвана обеспечить господство богатого и образованного немецкого меньшинства над славянским большинством*. Новая система явно стала лишь усовершенствованным вариантом старых феодальных законодательных органов, и ведущие публицисты того времени с жаром писали о «провинциальных парламентах, состав которых пополнили несколько адвокатов и фабрикантов». После эксперимента в Кремзире стала очевидна и моральная уязвимость подобного псевдопарламентаризма; «театр Шмерлинга» бойкотировали не только венгры, вскоре его покинули и чехи, и поляки, разочарованные после непродолжительной славянской интермедии, разыгранной в Дипломе, и кратковременного ограниченного парламентаризма новый режим продолжил баховскую политику онемечивания и централизации. Лучше всех свое критическое отношение к режиму сформулировал граф Дюла Андраши старший, впоследствии премьер-министр Венгрии и министр иностранных дел Австро-Венгрии[144]:

* Подробный анализ куриальной системы см.: *Charmatz R.* Op. cit. Bd. I. S. 50–52.

«Господа Бах и Шмерлинг допустили не только политическую, но и арифметическую ошибку. Монархия оказалась в положении перевернутой пирамиды: шести миллионам противостояли тридцать»*.

Подмечено верно, но спустя несколько лет Андраши и сам совершил арифметическую ошибку, когда с помощью Ференца Деака[145] сумел склонить императора к компромиссу 1867 г. и создал дуалистический режим, который только закрепил пирамиду в перевернутом положении – с той лишь разницей, что к шести миллионам в основании добавились еще пять миллионов венгров и миллион венгерских немцев, и их стало двенадцать. Новая расстановка сделала положение этих 12 миллионов крайне неустойчивым перед волей других 18 миллионов, тем более что немцы и венгры – как мы увидим ниже – восприняли новые отношения скорее как бремя.

XVI. Эпоха псевдоконституционализма: дуализм

Как любое масштабное конституционное изменение в Австрии, дуализм был результатом исторической катастрофы. Система двуединства родилась 3 июля 1866 г. на поле битвы при Кёниггреце, когда австрийский абсолютизм окончательно рухнул под ударами войск своих более национально ориентированных и либеральных прусских конкурентов. Кризис империи Габсбургов был столь глубоким, что по условиям Пражского мира[146] ей пришлось не только отказаться от притязаний в отношении Германской империи, но и передать Италии Венецию, несмотря на победы, одержанные над итальянцами. Это поражение, возможно, стало самым серьезным кризисом и самой опасной поворотной точкой в истории Монархии. Теперь, с отлучением от Германской империи и потерей итальянских владений, старый мираж Священной Римской империи растаял, и перед Австрией открылся путь к выполнению своей исторической миссии, которая могла бы состоять в том, чтобы обеспечить дом, защиту и возможности национального развития для малых народов Средней Европы, живших в полной изоляции или разлученных с соплеменниками.

* Цит. по *Bibl V.* op.cit. Bd. II. 274. o.

Политическая атмосфера, увы, не благоприятствовала такой политике. Длительное господство абсолютизма сделало массы безучастными и циничными. Отвратительное зрелище предстало глазам современников: в день, когда весть о катастрофе в Кёниггреце дошла до столицы империи, тысячи нарядных венцев ели, пили и развлекались на террасах уютных ресторанов. При виде неотвратимого кризиса в недоумении застыла даже прогрессивная немецкая буржуазия. Грильпарцер характеризует эту реакцию взволнованным вопросом: «Я родился немцем, но им ли я остался?» И восклицает, обращаясь к победившей Пруссии: «Вы думали, будто дали жизнь империи, но на деле лишь уничтожили народ!»

Венгров тоже беспокоили только проблемы собственного национального государства. Они так и не осознали истинные последствия новой ситуации и не задались вопросом, что же будет с остальными странами и народами Монархии, связанными с Венгрией условиями Прагматической санкции. Выдающийся венгерский либеральный лидер Ференц Деак, услышав новость о поражении австрийцев, по преданию, отреагировал: «Мы проиграли войну! ... Значит, победили!» Точно так же и у чехов вновь вспыхнуло сознание прежней независимости. Недавние бурные события существенно укрепили патриотические настроения в обеих странах. Венгерский легион генерала Клапки[147], пользовавшийся поддержкой Бисмарка[148], сражался против ненавистной Австрии на стороне прусской армии, а воззвание Пруссии к народам «славного Чешского королевства» подлило масла в огонь чешского национализма.

Еще больше отравлял ситуацию тот факт, что династия и правящие круги по-прежнему были озабочены исключительно проблемой сохранения патримониальной власти Габсбургов, а их главной целью было не установление нового, более сбалансированного режима в Австрии, но подготовка ответной военной кампании в стремлении отомстить победившим прусским конкурентам. Именно поэтому после поражения под Кёниггрецем власти назначили министром иностранных дел Монархии барона Бойста[149] – бывшего противника Бисмарка в Саксонии. Бойст отказался от федералистских устремлений графа Белкреди[150] (еще один политический эксперимент со славянами после Шмерлинга) и дал зеленый свет дуалистическому компромиссу. Соглаше-

ние с венграми представлялось ему непременным условием для осуществления политики реваншизма.

Жажда отомстить Пруссии, неопределенность международной ситуации, нетерпимое положение Венгрии и действенное вмешательство императрицы Елизаветы[151] («прекрасной заступницы» венгров), ее выступления в защиту венгерской позиции смогли, наконец, сломить сопротивления императора, и правитель согласился-таки на восстановление конституции 1848 г. – основы венгерской независимости, против которой в свое время была объявлена кровавая война и из-за которой народы Монархии на двадцать лет попали в «прокрустово ложе» централизованного прогерманского абсолютизма. В противоположность подобной политике, дуалистическое устройство было решительной попыткой обеспечить главенство немцев в Австрии и венгров в Венгрии. На момент установления нового равновесия – по крайней мере, временно такое казалось возможным, поскольку венгерские дворяне стали полноправными хозяевами политической жизни и местного самоуправления, тогда как в Австрии сохранялась экономическая и культурная гегемония немецкого большинства. Несмотря на это, идея дуализма никогда бы не получила поддержку большинства подлинно конституционным путем ни в Австрии, ни в Венгрии. В Австрии новая конституция смогла стать законом только через парламент, созванный путем искусственных манипуляций куриальной системой. Но и это псевдобольшинство не могло вести честную дискуссию, поскольку его поставили перед уже свершившимся фактом. Император – он же венгерский король – на практике уже заключил соглашение о введении дуалистической системы с правящими кругами Венгрии, а австрийскому парламенту оставалось только принять волю монарха. Ференц Деак действительно упорно придерживался того мнения, что Венгрия может пойти только на соглашение, заключенное с конституционной Австрией, и немецкие либералы получили настоящий политический подарок в виде декабрьской конституции 1867 г., обеспечившей целый ряд правовых гарантий. Однако в действительности, при искусственно созданном немецком большинстве, никакая истинная конституционная жизнь была невозможна, тем более что 14 параграф новой конституции давал императору право в случае необходимости, издавать распоряжения, относящиеся к полномочиям парламента. (В период с 1897 по

1904 г. правитель воспользовался этим правом 76 раз.) В Венгрии мы также можем говорить только о псевдоконституционности, поскольку национальные меньшинства и трудящиеся массы так никогда и не получили полного доступа к политическим и законодательным правам – позднее мы еще остановимся на этом более подробно. Поэтому и Соглашение 1867 г., и выстроенная на нем дуалистическая система были в глазах общественного мнения ни чем иным, как компромиссом австрийского императора и венгерских феодальных классов, который после серьезных размышлений приняла также и крупная немецкая либеральная буржуазия, дабы обеспечить собственную гегемонию над славянским большинством.

Славянские народы Монархии с самого начала прекрасно понимали, чем для них станет дуализм, и, хотя новая конституция готовилась, по возможности, в тайне, славяне неоднократно заявляли свое недовольство планами в отношении дуализма. Франтишек Палацкий – в 1848 г. он же называл Габсбургскую монархию исторической необходимостью, с точки зрения славян – в ответ на первые известия о переговорах на предмет дуализма, начатых еще до Кёниггреца, в 1865 г. заявил, что «день, когда будет объявлено о дуализме, неизбежно и неотвратимо станет днем рождения самой нежелательной формы панславизма». И добавил: «Мы, славяне, смотрим вперед с нескрываемой болью, но без страха. Мы существовали и до Австрии, будем существовать и после нее». Славяне точно знали, чего хотят. Так называемый «Второй венский славянский конгресс»[152], состоявшийся сразу после поражения при Кёниггреце, занял позицию в поддержку пятиполюсного устройства Монархии и противопоставил венгерской концепции дуализма план федерации пяти самых многочисленных народов Монархии. В том же месяце, когда план дуалистического компромисса был представлен австрийскому парламенту, большая депутация чешских, хорватских, русинских и словенских политиков под руководством Палацкого и Ригера[153] отправилась в Москву, чтобы выразить перед мировым сообществом свою убежденность в том, что после победы дуализма славяне могут надеяться только на Россию. Либеральное немецкое парламентское «большинство» вскоре оказалось в одиночестве: представители всех остальных народов покинули собрание, посчитав, что оно несовместимо с правами наций

на свободу. Вернулись они только тогда, когда стало ясно: режим дуализма – это надолго.

Таким образом, славяне довольно рано начали «уходить» из империи, укрепившись во мнении, что облегчить их судьбу сможет лишь международное вмешательство. Подобные чувства подпитывал не только романтический панславизм, свойственный той эпохе; недовольные системой австро-венгерского дуализма чехи быстро нашли восторженную поддержку у французской общественности. Многие выдающиеся французские писатели выступили в качестве покровителей чешского дела, а их участие было не просто обращено к потомкам гуситов, но и было созвучно реальной политике Франции. В этой стране прекрасно понимали, что антиславянский немецко-венгерский дуализм неизбежно превратится в бастион пангерманского империализма, тогда как Монархия, основанная на принципах федерализма, не сможет продолжать агрессивную германскую политику.

Несправедливость дуалистического устройства разжигала ненависть к Австрии не только среди чехов. Даже у южных славян, настроенных крайне лояльно, стало расти недоверие в связи с тем, что одновременно с австро-венгерским компромиссом хорватскому народу был навязан новый венгеро-хорватский компромисс. По мнению южных славян, это препятствовало конституционному развитию хорватов и сербов. В итоге австрийская и венгерская псевдоконституция была дополнена хорватской псевдоконституцией, принятой искусственным большинством в марионеточном загребском парламенте. С этого момента хорватская общественная жизнь приобрела явные или скрытые черты абсолютизма, а граф Куэн-Хедервари[154] в ходе своего двадцатилетнего (1882–1903) правления использовал худшие методы. Действуя по принципу Габсбургов «разделяй и властвуй», он насаждал национальную вражду между родственными народами – сербами и хорватами.

Из населявших империю славянских народов по-настоящему выиграли от дуализма только поляки, так как австрийскому правительству срочно понадобилась их помощь при формировании работоспособного большинства в австрийском парламенте, чтобы раз в десять лет обновлять экономическое и военное соглашение с Венгрией. Пошедшая на сотрудничество Галиция получила государственную независимость – пусть не де-юре, но, по край-

ней мере, де-факто: польская шляхта обрела почти неограниченные возможности для развития культурной жизни, а также экономической и политической эксплуатации русинской части страны. Таким образом, дуалистическая конституция – по меткому определению профессора Шюкинга – создала две *привилегированные* нации (немцы и венгры), а еще две (поляки и хорваты) – *медиатизированные**, причем последние обладали достаточно широкой местной автономией, несмотря на положения конституции.

В отличие от «аристократических» наций, остальные национальные группы Монархии могли играть лишь третьестепенную роль: у них даже не было соответствующего названия, а в конституции они фигурировали в виде странного конгломерата – как «королевства и земли, представленные в парламенте» (die im Reichsrate vertretenen Königreiche und Länder).

Но не только славяне воспринимали дуалистический режим как тяжкое бремя. «Перворазрядные» народы и сами заключили этот политический брак по расчету и со смешанными чувствами. Либеральные немцы – самая, на тот момент, развитая группа – относились к дуализму с недоверием. Наиболее вдумчивые представители немецкой общины в Австрии понимали, что дуалистический компромисс для них – лишь пиррова победа. Игнац Пленер[155], выдающийся лидер немецких либералов, назвал новое государство «Монархией до расторжения договора» (Monarchie auf Kündigung), а другой либеральный деятель говорил о *кёниггрецкой битве парламентской системы*, понимая под этим использование антидемократических принципов при формировании так называемых «делегаций». Соглашение еще не было заключено, когда некий назвавший себя «австрийским немцем» автор в безымянной брошюре, вызвавшей широкий резонанс, напророчил, будто в результате дуалистического режима Австрия рухнет. Согласно прогнозу, как только в восточной части империи все народы попадут под власть Венгрии, повторятся кровавые события революции 1848 г.: против незаконного господства мадьяр восстанут не только народы, проживающие в Венгрии, но и чехи, поляки и южные славяне; они потребуют такой же наци-

* Медиатизированными в старонемецком праве называли такие территории, которые находились под властью императора не непосредственно, но через своих феодальных владельцев.

ональной независимости, какую получили венгерские господствующие классы. В этих условиях историческая необходимость существования Австрии станет бессмысленным лозунгом, более того, мирное сосуществование европейских государств и народов будет зависеть от распада Австрии.

Через два года после принятого с боем дуализма процитированный выше Адольф Фишхоф, независимый политический мыслитель, «мудрец из Эммерсдорфа», как его называли современники, призвав на помощь всю свою политическую проницательность, предупреждал правящие круги об опасностях такой политики:

«Ни один из больших народов, населяющих Австрию, не в состоянии сам по себе гарантировать существование Монархии, однако своим противостоянием каждый из них может подвергнуть опасности империю. Деструктивно влиять может каждый по отдельности, однако *двигаться вперед конструктивно можно лишь объединенными силами...*

Австрия может сохранить себя лишь базируясь на принципе справедливости.

Многонациональное государство кровно заинтересовано в том, чтобы уважать чувства своих народов и удерживать их от всего, что может вызвать вмешательство иностранной державы; рекомендуется исполнять их желания в той степени, в какой это позволяют интересы собственной безопасности. Поэтому государство должно гарантировать, чтобы ни одна нация не была поставлена в зависимость от другой нации, но все должны быть взаимозависимы: не идти маршем друг против друга, но плечом к плечу выступать за общее дело в качестве союзников; то, что в национальном государстве составляет национальное единство, в многонациональном государстве понимается как гармония между нациями...»

Подобное наднациональное государство, по мнению Фишхофа, отвечало бы и правильно понятым интересам немцев. Великий провидец советовал современникам обратить внимание на пример Швейцарии. Он вновь повторил истину, сформулированную за десятки лет до этого немецкими либералами: они считали Швейцарию республиканской Австрией в миниатюре, а Австрию – увеличенной копией монархической Швейцарии. Но насколько разная в этих странах общественная и культурная жизнь!

Фишхоф указал на то, что не только внутриполитические соображения, но и международная ситуация подталкивает Монархию к современным преобразованиям, но не в принудительном и насильственном духе дуалистического режима, а исходя из принципа народного федерализма, который единственно в состоянии обеспечить мир между нациями. Истинное призвание Монархии могло бы осуществиться на Востоке, однако централизованная Австрия сделать этого не может. Расширение господства такой Монархии в нижнем течении Дуная или в направлении южных славян только парализовало бы более развитые народы, вместо того, чтобы послужить на пользу нецивилизованным народам, вступающим с империей в контакт. В федеративной Монархии дело обстояло бы совершенно иначе, ведь она давала бы возможность народам, живущим за пределами империи, присоединиться к своим родственникам на ее территории. Никогда еще проблема Австрии не была так явно продемонстрирована обществу, а аксиому Фишхофа, *«централизация лишь усиливает центробежные силы, действующие между нациями; стоит провести децентрализацию, и начнут действовать центростремительные силы...»*, можно считать фактическим ключом к решению габсбургской проблемы. Пренебрежительное отношение к этим принципам и привело, в конечном счете, к распаду Монархии*.

Мощные антидуалистические тенденции стали проявляться не только среди представителей господствующей немецкой нации – хотя правящие классы Венгрии и пользовались всеми преимуществами нового режима. В венгерском обществе сформировался и продолжал расти лагерь тех, кто с самого начала с антипатией воспринял дуалистическую конституцию, поскольку она не обеспечивала венгерскому государству полную независимость. Подобную точку зрения подпитывал не только национальный шовинизм; среди противников дуализма были и те дальновидные деятели, у которых вызывала недоверие искусственная природа нового устройства. Сам Лайош Кошут, выдающийся лидер Венгерской революции 1848 г., находясь в ссылке, выразил горячий протест против новой конституции, которая неизбежно должна была вызвать гнев и ненависть

* Каждому, кто исследует проблему Габсбургов, следует ознакомиться с этим пророческим произведением (Österreich und die Bürgschaften seines Bestandes. Wien 1869).

славян по отношению к двум привилегированным народам. Тогда же Кошут многократно предупреждал венгерское общество о том, что независимость Венгрии от Австрии останется мертвой буквой до тех пор, пока венгры не обеспечат такую же свободу всем остальным нациям, проживающим рядом с ними. Я еще остановлюсь на этой фундаментальной дилемме венгерской национальной политики в другом разделе. Здесь я хотел бы подчеркнуть, что поддерживать такое положение становилось сложнее год от года, и любой критически настроенный наблюдатель ясно видел: на плаву этот режим держат только коррумпированная и искусственно ограниченная система выборов, открытое голосование и террористические методы, применяемые в управленческой и военной машине. К началу XX в. ставший анахронизмом псевдопарламентаризм – и тот уже не мог спасти систему дуализма. Когда новое большинство в венгерском парламенте выступило с программой, направленной на расширение полномочий венгерской национальной армии, император, по определению сервильной прессы, «больше всех монархов в Европе уважающий конституцию», в феврале 1906 г. без тени сомнения приказал распустить венгерскую армию с применением вооруженных сил. Стало очевидно, что сохранить дуализм перед лицом решающего большинства Монархии можно только с помощью открытого абсолютизма. Перевернутая пирамида все больше теряла устойчивость, и теперь против режима взбунтовалось уже не только ее основание, но и верхушка. Наделенные властью венгры возмущались даже активнее славян, чьи права, по конституции, были ущемлены.

Психологическую сторону этого странного явления (ставшего одной из основных причин распада Монархии) я проанализирую несколько позже. Отмечу только, что в окружении императора с самого начала были те, кто заранее знал, какая катастрофа настигнет Монархию в результате установления дуализма; эти люди прилагали отчаянные усилия, пытаясь установить падающую пирамиду на новый фундамент. Подобные устремления поддерживало убеждение, будто немецкое единство, реализованное в германской империи, может опасно повлиять на немецкое население Австрии. Виктор Библ писал:

«Большинство членов династии полагало, что жизненные интересы Монархии заключаются в разделении немцев на две части

и передаче судетских немцев под контроль верного и надежного чешского государства. Таким образом, чешские провинции в ходе славянизации станут менее привлекательными для государства Гогенцоллернов».

Однако как это всегда случалось в правление Франца Иосифа, и теперь, чтобы изменить направление внутренней политики, нужна была новая безвыходная международная ситуация. В феврале 1871 г., через четырнадцать дней после провозглашения Германской империи, Франц Иосиф назначил премьер-министром графа Гогенварта[156]. В сотрудничестве с блестящим экономистом и социологом Альбертом Шеффле премьер-министр предпринял ряд решительных шагов на пути преобразования Монархии в федеративное государство. После того, как окончательная победа Пруссии бесповоротно лишила Австрию надежды на германскую гегемонию, Габсбурги решили обновить свои славянские связи. В качестве подготовительной меры расширили избирательные права: правительство снизило имущественный ценз, необходимый для реализации права на участие в выборах, и массы граждан, чье состояние измерялось всего «десятью гульденами» (*Zehnguldenmänner*), получили доступ в политику. В то же время, правительство прекрасно понимало, что расширение избирательного права окончательно положит конец немецкой гегемонии. Первым и самым важным шагом было примирение с чехами, и Альберту Шеффле удалось выработать базу для компромиссного соглашения в виде «Фундаментальных статей» (*Fundamentalartikel*)[157], результатом которых стало торжественное заявление императора, обращенное к чешскому сейму, с обещанием принести коронационную клятву с признанием прав чешской короны. 9-й пункт «Фундаментальных статей» описывает эти права следующим образом:

«Любое дело, относящееся к королевству Богемия [Чехия] и не являющееся общим для остальных земель и королевств империи, относится к юрисдикции чешского сейма и сфере полномочий чешских властей».

Тогда же сейму был предложен проект национального закона, гарантировавшего полное равенство прав для немецкого и чешского народа в составе Чешского королевства. В качестве важнейшей рекомендации выдвигалось предложение назначать на должности чиновников и судей только тех, кто владеет обоими языками. Чтобы

национальное равноправие не осталось лишь на бумаге, было издано распоряжение о разделении национального собрания на секции по национальному признаку.

Детальное воплощение в жизнь этих основополагающих идей вкупе с ревизией дуалистического Компромисса, безусловно, означало бы новый этап в истории Монархии. Был бы открыт путь к превращению империи в федеративное государство с сохранением единого управления в вопросах, затрагивающих интересы всех народов. Однако немцы настолько прониклись идеей собственного господства, а формирование двуязычной администрации показалось им таким тяжким бременем, что они восприняли планы правительства как выпад против себя; «Фундаментальные статьи» были названы «деструктивными», в Вене начали складываться чуть ли не революционные настроения. Одного этого было бы недостаточно, чтобы избавиться от Гогенварта, но одновременно с венскими выступлениями свое резкое недовольство новым проектом конституции выразили правящие круги Венгрии, вступившие в союз с Бойстом из страха потерять свои привилегии, полученные в рамках дуализма; сопротивление их было столь яростным, что император пошел на попятный и, отказавшись от плана примирения, отправил кабинет Гогенварта в отставку. На заседании под председательством Франца Иосифа Шеффле напрасно пытался объяснить, насколько взвешенными и обдуманными были его предложения и как далеко они отстояли от конфедерации американского или швейцарского образца. Даже робкое приближение к самому умеренному варианту федерализма вызывало у привилегированных наций взрыв возмущения*. Таким образом, победа Пруссии над Францией окончательно закрепила дуалистический режим, и граф Михай Карои[158] совершенно прав, когда утверждает, что дуализм возник в результате двух сражений: Кёниггрец заложил его основы, а битва при Седане[159] способствовала его консолидации**.

В атмосфере беспринципной, аморальной и мелочной политики Габсбургов в период между Кремзиром и окончательным распадом

* Альберт Шеффле детально и с поразительной откровенностью описал этот эпизод в своем двухтомнике (Aus meinem Leben. Berlin, 1904).

** *Károlyi Mihály gróf*: Egy egész világ ellen. Budapest, 1965: 44.

Монархии непродолжительное интермеццо Гогенварта–Шеффле было единственной серьезной и масштабной попыткой разрешения национальных проблем. Провал этого предприятия стал для империи роковым. Причина не только в недостижении цели, но и в том, что император своими легкомысленными обещаниями ввел чехов в заблуждение и усилил их антидинастические настроения. С этого момента до последних часов существования Монархии борьба различных наций исключительно за свои интересы сделала нормальную конституционную жизнь невозможной – обретение так называемых «национальных привилегий» (открытия новых школ, университетов, занятие управленческих постов) казалось каждому народу в отдельности более важным, нежели защита общей конституции. Наоборот, в надежде получить небольшую национальную компенсацию в обмен на свою сдержанность они были даже не против применения императором статьи 14 Конституции, дающей право в чрезвычайной ситуации издавать распоряжения в обход парламента. По сути дела, направление общего развития и не могло быть иным: растущая мощь славянского большинства против прежней немецкой гегемонии. Экономическое развитие, культурная экспансия отдельных народов и расширение избирательного права, в силу объективных причин, расшатывали твердыню немецкого владычества. Этот неизбежный процесс вызвал массовые пангерманские и антисемитские настроения, тем более что за время длительного правления немецкая либеральная партия регулярно жертвовала общественными интересами в пользу правящих финансовых кругов, в большинстве своем состоявших из евреев. Данная тенденция привела к образованию антисемитской Христианско-социалистической партии под деятельным руководством Карла Люэгера[160], ставшего позднее бургомистром Вены (1897–1910).

Полное отсутствие конструктивных целей в национальной политике цинично сформулировал в одном из своих заявлений граф Таафе, бывший на протяжении пятнадцати лет ведущим представителем политики постепенной славянизации: он считал, что «все народы следует держать на одинаковом уровне, в состоянии умеренной неудовлетворенности». Такое развитие получил в эпоху псевдоконституционности старый политический принцип «разделяй и властвуй». Самые опасные последствия это имело для внеш-

ней политики, которая оставалась совершенно закрытой для контроля со стороны общества и парламента и в самых серьезных вопросах ставила народы Монархии перед свершившимся фактом. К подобным дипломатическим маневрам можно отнести роковую оккупацию (1878), а затем и аннексию (1908) Боснии–Герцеговины, после чего дуалистическая монархия стала для югославянских народов самым ненавистным врагом. В результате такой политики Габсбургская империя заявила о себе как об открыто *антиславянской державе,* и это изменение моментально нашло отражение в дипломатической сфере, когда Австро-Венгрия и Германия заключили между собой оборонительный союз (1879), который через три года превратился в Тройственный союз[161]. Сербская таможенная война, развязанная Монархией в интересах крупных землевладельцев, и создание беспомощного марионеточного албанского государства[162] только усугубили ситуацию – Габсбургская империя стала главным препятствием на пути южных славян к объединению. «Ворота на Восток открыты для Вашего Величества», – не раз повторял граф Андраши после Берлинского конгресса[163]. Для южных славян его надменные слова прозвучали как оскорбление, эти же слова вызвали ревность со стороны российского абсолютизма. Сразу после этой «дипломатической победы», одержанной венгерским государственным деятелем, Адольф Фишхоф, со свойственной ему проницательностью, смог увидеть истинное значение произошедшего и сравнил его с кёниггрецкой катастрофой:

«Андраши – наш Бенедек от политики [Людвиг Бенедек – генерал, проигравший сражение с прусской армией]. Пока он прятался в тумане собственной предвзятости – как и его незадачливый соотечественник на высоте Хлум во время сражения при Кёниггреце – противник окружил его и напал сзади, а он даже не заметил. И это дипломатическое поражение намного опаснее военной катастрофы. Последняя лишь уменьшила нашу власть, но первое создает угрозу нашему существованию»*.

Недовольство славянских народов Монархии и национальных меньшинств, населявших Венгрию, вдвойне усилилось на фоне общей нервозности, которая была вызвана антиславянской внешней политикой. Для более детального обсуждения данной темы я выде-

* Цит. по: *Redlich J.* Kaiser Franz Joseph. S.351.

дил отдельную главу, поскольку роковое слияние внешней и внутренней политики по южнославянскому вопросу, причина опасных ситуаций последних тридцати лет существования Монархии, которая с беспощадной логикой привели к катастрофе в Сараево[164] и мировой войне. Франц Иосиф до определенной степени безусловно знал о существовании этой опасности – военная партия Монархии под деятельным руководством Конрада фон Гётцендорфа с упрямой настойчивостью неоднократно пыталась убедить кайзера в необходимости превентивной войны с Сербией и Италией. Те же круги уверяли императора, что военное сдерживание врагов Монархии само по себе недостаточный инструмент, если одновременно не будет принята новая конституция, подготовленная в духе федерализма. Император считал конфликт неизбежным, но не смог решить, что выбрать: войну или радикальное изменение конституции. Он так и не осознал чрезвычайную важность южнославянского вопроса для Австрии; вне поля зрения кайзера оставался и рост недовольства всех наций по отношению к дуалистическому устройству. Коронованный бюрократ и бравый офицер был уже слишком стар, чтобы понять истинные интересы своих народов. Все больше обострялись противоречия между Шёнбруном, резиденцией стареющего императора и его двора, и Бельведером, где обитал наследник трона Франц Фердинанд.

Длительное правление Франца Иосифа, вобравшее в себя жизнь трех поколений, стало для Монархии по-настоящему роковым. В последние десять лет своей жизни император превратился в машину на службе дуалистического государства, неспособную понять – или хотя бы услышать – какое бы то ни было новое или оппозиционное политическое мнение. В присутствии кайзера запрещалось даже произносить слово «триализм» (такое название получила концепция трансформирования Монархии в трехстороннее государство путем создания Югославии). Окружение Франца Иосифа точно так же не обращало внимания на протесты венгерских нацменьшинств и делало вид, будто все совершенно довольны своим положением. Одним словом, императора оберегали от любой неприятной новости, а сам он не доверял никому, кроме самых знатных представителей аристократии и военного руководства. Министров кайзер считал лакеями (только более высокого ранга) и общался с ними в исключительно формальном режиме. Его неприязнь и презрение к прессе как к грязному занятию вошли в поговорку. В последние годы жиз-

ни окружение держало императора под таким строгим контролем, что – насколько мне известно из заслуживающих доверия источников – печатало для него специальные экземпляры газет, чтобы настоящие новости не расстроили нервы Его Величества. Чем старее становился кайзер, тем больше наследственные абсолютистские черты вытесняли благоприобретенные конституционные устремления. Член кабинета, генерал барон фон Маргутти отмечал характерные черты окружавшей императора атмосферы испанского двора*. Будучи вынужден отдать Ломбардию, кайзер даже в самый критический момент не забыл о том, чтобы сохранить за собой право назначать кавалеров ордена Железной короны – высшей награды утраченных Австрией итальянских территорий. Облачаясь в мундир иностранных полков, Франц Иосиф с величайшей тщательностью следил, чтобы форма соответствовала самым последним предписаниям. Такого рода хлопоты порой приобретали комический характер. Например, при появлении за императорским столом дочери кайзера Гизеллы, герцогини баварской, сам император надевал баварский орден Святого Хуберта и требовал от своей свиты, чтобы ее члены тоже надевали свои баварские награды. Подобному мировосприятию очевидно был свойственен уход от реальности и важнейших требований современной жизни. Односторонность Франца Иосифа усугубляли его чрезмерная восприимчивость, дурная наследственность и почти нечеловеческое равнодушие к чувствам простых людей. Небольшая история из мемуаров личного секретаря Франца Фердинанда проливает свет на душевный склад кайзера. Некий генерал в сражении при Кёниггреце лишился ноги и попросил аудиенции у императора в надежде получить официальную должность, так как скромной пенсии не хватало на содержание большой семьи. Император милостиво принял генерала и спросил, где тот потерял ногу. «В битве при Кёниггреце,» – ответил генерал. На это кайзер мрачно заметил: «Мы, значит, проиграли кампанию, а вы за это просите компенсацию». Как мог человек, живший такими представлениями о морали, понять и справедливо оценить чувства и устремления порабощенных национальных меньшинств?

Франц Иосиф всегда оставался последовательным противником демократии, и именно это свойство личности сделало его совер-

* *Kaiser Franz Joseph.* Persönliche Erinnenrungen. Wien–Leipzig, 1924.

шенно неспособным адекватно оценивать различные проблемы, затрагивающие интересы масс. Народ и представители средних слоев были ему абсолютно чужды как существа низшего порядка, способные лишь иногда приносить пользу. Еще один эпизод из мемуаров упомянутого выше автора больше иных томов рассказывает об истинной атмосфере того времени и о так называемом «уважении кайзера к конституции», о котором так часто трубили имперские газеты. По правилам придворного этикета доктор Керцль, бывший на протяжении нескольких десятков лет придворным врачом, всегда был обязан появляться перед венценосным пациентом во фраке. Однажды у кайзера случилось тяжелое катаральное воспаление, и ночью начались серьезные проблемы с дыханием. Старый лакей в тревоге побежал за Керцлем. Доктор впопыхах успел только накинуть пиджак и вбежал к императору. Больной уже посинел от приступа кашля и почти не мог дышать, но, едва взглянув на врача, совершил над собой последнее усилие, сделал в его сторону жест, приказывающий удалиться, и прохрипел единственное слово: «Фрак!»* В одном этом слове отразились вся атмосфера абсолютизма и не лишенное некоторого величия сознание «властителя милостью божьей», который, скорее, взглянет в глаза смерти, чем нарушит правила испанского этикета**.

* *Nikitsch-Boulles P.* Vor dem Sturm. Erinnerungen am Erzherzog Thronfolger Franz Ferdinand. Berlin, 1925. S. 47–48.

** Уже после написания этой книги были опубликованы три монографии о Франце Иосифе: Юджина Баггера (Bagger Eugene S., New York, 1927), Йозефа Редлиха (см. комментарий [2]) и Карла Чупика (Tschuppik K., Hellerau, 1929). Все эти важные и очень разные в плане личного отношения авторов работы не изменили моего мнения и оценок, данных мной правлению Франца Иосифа по основным пунктам. У Редлиха и Чупика читателя поражает то, насколько император превращается в «правительственный орган», «учреждение», в результате чего его личность практически исчезает. Несмотря на монументальный охват книги Редлиха и журналистскую остроту взгляда у Чупика, читатель почти не видит за «государственным мужем» живого человека – человека, лишенного концепций и принципов и живущего лишь во имя традиционных династических интересов. Подобный способ изображения героя – отнюдь не вина авторов, он, скорее, четко выражает ту патологическую косность, которая нашла выражение в личности последнего истинного представителя «габсбургской структуры». Когда же Баггер пытается очеловечить фигуру кайзера с помощью анекдотов и личных воспоминаний, возникает ощущение, будто, несмотря на блестяще примененный автором психологический метод Альфреда Адлера (см. отношения императора и его брата Максимилиана, расстрелянного в Мексике), человеческая сущность Франца Иосифа так и остается для нас загадкой и даже приобретает иногда гротескные, нечеловеческие и зловещие черты, которые вряд ли были для него характерны.

XVII. Убыточное наследство

После первых страниц этой книги у читателя может местами создаться ощущение, будто в процессе реконструирования исторической атмосферы на меня слишком сильно повлияли личные впечатления, полученные в период распада Монархии, и я затем спроецировал эти чувства на более далекое прошлое, что совершенно неприемлемо. В защиту своей точки зрения процитирую двух, в прямом смысле слова, «коронных свидетелей»: двух наследников престола – Рудольфа и Франца Фердинанда. Оба они стали жертвами исторических сил, выпущенных на свободу в результате использования характерных жестких приемов политики Габсбургов.

Подробности и реальные причины любовной трагедии в замке Майерлинг, унесшей жизнь молодого наследника Рудольфа, до сих пор не вполне известны, картина произошедшего противоречива, что само по себе уже характерно. Власть тайной полиции была в Монархии столь велика, сила печатного слова столь ничтожна, а авторитет и воля двора почитались с таким страхом, что даже событие грандиозного масштаба, потрясшее Монархию и всю мировую общественность, удалось тщательно замаскировать и утаить от историков. Однако сам факт, что человек такого острого ума и доброй воли, каким был покойный кронпринц, ушел из жизни в разгар непристойной пирушки (или после нее, или в результате двойного самоубийства с любовницей, или пал от руки убийцы), ясно демонстрирует, насколько в огромной Габсбургской империи личность большого масштаба была лишена возможности реально действовать и творить и вынужденно искала убежища в безумных страстях.

Эрцгерцог Рудольф, типичный *libre penseur** последних десятилетий XIX в., водил дружбу с либеральными журналистами, учеными и политиками. Он считал настоящей основой государства состоятельную буржуазию, симпатизировал евреям и испытывал недоверие к славянам, которые в тот период поддерживали клерикальную политику. Кронпринц также считал себя заклятым врагом феодальной аристократии, понимая, что этот класс все больше превращает-

* Вольнодумец (*франц.*).

ся в касту паразитов и не выполняет никакой серьезной работы в интересах государства. Рудольф, как и все Габсбурги, возлагал самые большие надежды на армию и был яростным противником стремления венгров к независимости, хотя самих венгров любил и прекрасно чувствовал себя в обществе венгерских аристократов. В 1886 г., в разгар демонстраций, выплеснувших национальные чувства венгров и ставших реакцией на «дело Гентци»[165], эрцгерцог предложил продемонстрировать военную силу для устрашения Венгрии. Венгерская проблема занимала Рудольфа как проблема общественная; в связи с рядом антисемитских выступлений в конце восьмидесятых годов XIX в. он оставил следующие записи – свидетельство ясного представления о сложившейся ситуации:

«Бедная Венгрия! Мы стоим на пороге эпохального перелома. Дальше так продолжаться не может. Так называемые «гонения на евреев» и беспорядки в Хорватии показывают, что славянская проблема становится все более острой. Венгрия движется в неверном направлении. У страны нет отлаженной бюрократии, нет твердой основы. Она похожа на Россию или Турцию. Как и в этих странах, в Венгрии отсутствует богатый и образованный средний класс. Есть лишь слой разорившихся служащих, много евреев и нищих, обедневшее крестьянство и огромные массы народа. Венгрии не хватает истинной базы современного государства – многочисленной буржуазии. Такая страна, если окажется лицом к лицу с Хорватией, не сможет успешно сражаться. А для решения внутренних проблем не хватает соответствующей государственной власти. Венгрию ждет неизбежный упадок; настанет день, когда нам придется вмешиваться в ее дела из Вены»*.

Эрцгерцог не только ощущал всю неопределенность внутриполитической ситуации, но и был уверен в неизбежности столкновения между Монархией и Россией. Великолепный биограф Рудольфа, Оскар фон Митис, пишет:

«При мысли о приближающейся большой войне его охватывала глубокая тревога, и он всегда досадовал, – тут в мыслях кронпринца на первый план вновь выходили военные соображения, – когда Австрия упускала возможность в одиночку нанести удар по будущему противнику».

* В письмах кронпринца можно найти еще немало столь же точных наблюдений: *Kronprinz Rudolf.* Briefe an einen Freund, 1882–1889. Wien, 1922.

При всей нелюбви к Пруссии и тяготении к французской культуре в политике Рудольф придерживался мнения, что Монархию можно сохранить только с помощью прусских штыков, ведь в будущем придется раз и навсегда разобраться с Россией, чтобы та открыла путь к Салоникам, и Монархия смогла продвинуться на Балканы, выполнив, тем самым, свое предназначение. В этой связи эрцгерцог поддерживал, скорее, идею экономической и культурной, а не политической экспансии, зная по опыту, что политическое расширение несовместимо с традиционными принципами построения Монархии и ее структурой. Миссия Австрии, по его мнению, состояла в том, чтобы транслировать западную культуру на Восток и распространять не немецкое господство, но немецкие ценности. Рудольф считал, что Австрия должна защищать национальные устремления южных славян, так как эти народы последними попали в сферу влияния западной культуры, и именно им принадлежит будущее*.

Почти поколение спустя с этими же проблемами столкнулся еще один престолонаследник, племянник кайзера Франца Иосифа, Франц Фердинанд. Однако на этот раз проблемы рассматривались не с либеральной точки зрения, а с позиций христианского социализма – согласно более позднему определению этой доктрины. Этот эрцгерцог был ярым сторонником абсолютизма, почти на атавистическом уровне. От кайзера Рудольфа II Франц Фердинанд унаследовал неуверенность и меланхолию, рано проявились у него и признаки психического расстройства. Эрцгер-

* *Mitis O.* Kronprinz Rudolf, Neue Österreichische Biographie. Wien, 1925. Bd. II. С той поры, как я подготовил этот небольшой очерк, посвященный эрцгерцогу, тот же автор успел опубликовать еще один, более полный вариант его биографии (Das Leben des Kronprinz Rudolf. Leipzig, 1928). Детальные исследования лишь подкрепляют основные положения первой книги. Сегодня уже представляется вполне вероятным, что гибель эрцгерцога и его возлюбленной была двойным самоубийством, так как в 1888 г. он уже планировал подобный шаг с другой женщиной. И при том, что кронпринц, судя по нервной системе и душевному складу, явно страдал наследственным заболеванием, новый анализ Митиса еще более определенно показывает наличие политического фактора в случившемся. Симптомы приближающегося конфликта с Россией, необходимости превентивной войны с Италией, распада Монархии, непримиримого противоречия между двумя частями империи (последнее, похоже, подтолкнуло Рудольфа к тайному сговору с венгерским феодальными элементами), отчаяние, вызванное негибкой отцовской политикой, и.т.д. – все эти опасности, подстерегавшие империю, подорвали слабое психическое здоровье эрцгерцога и ввергли либерального атеиста в пучину своеобразного эмоционального нигилизма.

цог презирал либерализм и прогрессивный интеллектуализм; верил исключительно в армию, церковь и лояльных носителей феодальных ценностей, но, в то же время, ясно понимал, что не сумеет удержать трон, если не будут удовлетворены социальные и, особенно, национальные требования широких народных масс. Франц Фердинанд ненавидел старый административный и военный режим Франца Иосифа, понимая, что дуалистическое устройство с каждым днем ведет к росту центробежных сил внутри Монархии и обрекает ее на смертельную борьбу со славянскими народами, которые, в свою очередь, все больше пользуются покровительством России. Помимо всего прочего, наследник, исключительно по личным причинам, испытывал безграничную неприязнь ко двору своего дяди, где самого эрцгерцога и его супругу, чешскую графиню Софию Хотек, в замужестве – герцогиню Гогенберг, подвергали последовательным унижениям из-за недостаточно высокого происхождения графини. Перед бракосочетанием Франц Фердинанд был вынужден клятвенно отречься от права на престолонаследие для своих будущих детей. Было известно, что между наследником и старым кайзером нередко происходили бурные стычки, вызванные расхождениями во взглядах. Наследника часто возмущало, что его «уважают не более, чем последнего лакея в Шёнбрунне»; иногда он давал выход своим темным предчувствиям: «Однажды мне придется расплатиться за грехи правительства».

Однако еще большую ненависть наследник испытывал по отношению к Венгрии, поскольку усматривал в венгерской проблеме только шовинистическую политику венгров, которая была направлена на подавление всех невенгерских народов и считала предательством родины любое движение в сторону преобразования Монархии в федеративное государство, закрывая, тем самым, путь к решению южнославянского вопроса. При этом, защитник угнетенных народов так и не смог понять, что венгерская политика с присущей ей мегаломанией является следствием более глубоких социальных причин, в особенности того самого феодального и клерикального устройства, которое Франц Фердинанд в целом поддерживал. Одно эрцгерцог видел с пугающей ясностью: если Монархия не решит югославскую проблему и не сможет в полной мере гарантировать южным славянам условия для национального

развития, эта проблема разнесет на кусочки всю империю. В то же время, наследник осознавал, что главным препятствием на пути любого разумного решения остается дуалистическая конституция, обеспечивающая серьезные преимущества для венгерского правящего класса в ущерб другим народам. Будучи в этом совершенно убежден, эрцгерцог все более страстно и открыто высказывался в защиту славян и других угнетенных народов и при каждой возможности подчеркивал свою позицию. К примеру,перед депутацией одного из малых народов Франц Фердинанд выразил удивление тем, что кто-то из его представителей еще предан империи, тогда как правительство допускает несправедливые действия по отношению к этому народу*. Когда абсолютистский режим бана Цувая поверг в отчаяние Хорватию и весь югославянский мир, эрцгерцог обрушился на этот режим с яростной критикой. Он вновь осудил венгерскую супремацию и заявил, что немногочисленная олигархия удерживает Венгрию в средневековом состоянии, а венгерское дворянство постоянно действует против Австрии и Монархии в целом. Эта позиция была настолько откровенной, что перевесила даже собственные строгие католические убеждения Франца Фердинанда. В 1913 г., когда римская Курия в соответствии с намерениями венгерского правительства и вопреки пожеланиям румын учредила в городе Хайдудорог греко-католическую епархию в качестве инструмента венгерской политики ассимиляции, эрцгерцог отправил папскому нунцию в Вене резкое письмо со следующим заявлением:

«Я, безусловно, остаюсь верным сыном римской церкви, но, когда речь заходит о самых элементарных правах народов, судьба которых, с Божьей помощью, однажды будет вверена мне, я не стану ни на кого оглядываться и не побоюсь разорвать отношения с Его Преосвященством, если он захочет осуществить свою власть вразрез с моими намерениями, ибо эти намерения призваны служить во благо моих будущих подданных (*Landeskinder*)»**.

Франц Фердинанд был действительно трагической фигурой. Если узость кругозора и фанатизм, мелочность и жадность, кото-

* Подробнее о мотивах поведения эрцгерцога см. *R.W. Seton-Watson.* Sarajevo: A Study in the Origins of the Great War. London, 1925.

** Albert Freiherr von Margutti. Vom alten Kaiser. S. 123–124.

рые периодически проявлялись у наследника в коммерческих делах, высокомерие (теплые душевные порывы предназначались только для супруги и детей) и почти патологическая, близкая к жестокости страсть к охоте не вызывали особого сочувствия к личности эрцгерцога, любой непредвзятый наблюдатель вынужден признать, что наследник стал жертвой кризиса мирового масштаба. Франц Фердинанд понимал важность и роковые последствия этого перелома лучше всех своих предшественников, и решению именно этой проблемы хотел посвятить всю свою жизнь и силы. Во имя достижения главной цели он был готов пойти на эксперимент по введению всеобщего избирательного права и проведению демократических реформ. И все это – ради того, чтобы побороть венгерский феодализм, который вызывал у наследника ненависть не столько в силу своего антисоциального характера, но из-за присущих ему национализма и партикуляризма. Вряд ли возможно обрисовать моральный и политический облик этого революционно настроенного защитника народов только в реакционном свете.

Директор Венского военного архива, полковник Глайзе-Хорстенау создал живой и объективный портрет неуравновешенной личности с признаками вырождения. Идея всеобщего избирательного права представлялась эрцгерцогу полным абсурдом, министров же он считал личными служащими государя, которых последний может увольнять, когда ему вздумается. При столкновении с сильными самостоятельными личностями Франц Фердинанд чувствовал себя неуверенно. Преследуя коррупцию, наследник, однако, не выказал смущения, когда речь зашла о строительстве дорог в его личные владения на государственные деньги. Под настроение он мог аннулировать планы строительства железных дорог и закрыть важные магистрали для движения транспорта ради удовлетворения своей охотничьей страсти. Франц Фердинанд ненавидел евреев, либералов, масонов и социалистов. Выражения «навести порядок», «допросить», «пристрелить» и другие похожие угрозы фигурировали в его речи с той же частотой, что и у Вильгельма II.

Имея такие представления о морали и политике, наследник не скрывал намерения положить конец системе дуализма и венгерской гегемонии сразу после своего восхождения на престол и

был готов – если потребуется – прибегнуть к насилию. Полковник Брош, доверенное лицо эрцгерцога, начальник его военной канцелярии в мельчайших деталях разработал план наведения порядка вооруженным путем; особое место отводилось Венгрии, на тот случай, если шаги, направленные против конституции, вызовут революционные волнения. Наследник решил, что не будет приносить присягу венгерской короне, пока не сможет привести конституцию в соответствие с собственными убеждениями. Детали этого плана стали достоянием общественности еще при жизни Франца Фердинанда, но лишь после его смерти самым осведомленным кругам стало известно, что за несколько месяцев до трагедии в Сараево на письменном столе эрцгерцога уже лежал подробный проект воззвания, которое он собирался огласить в момент вступления на престол. Обращение, явно составленное по образцу конституции Соединенных Штатов, содержало торжественную клятву верности принципу национального равноправия в Монархии. Этот факт превращает судьбу наследника в трагический символ.

Воззвание было открытым и решительным отказом от дуализма. Детали проекта недавно предал гласности один из приближенных покойного эрцгерцога. Франц Фердинанд планировал создать конфедерацию, равноправными членами которой должны были стать немцы, венгры, чехи, словаки, поляки, русины, румыны, хорваты, словенцы и итальянцы. В регионах, где языковые границы не были однозначными, следовало провести народное голосование и, исходя из простых и справедливых принципов, решить, к какому государственному образованию должна относиться конкретная общность. «Экономическая свобода личности, политическая свобода наций или общая взаимозависимость в экономической сфере... независимость в политической сфере...» – эти принципы должны были лечь в основу Соединенных Штатов Великоавстрии*.

И хотя мы с полным правом можем сомневаться в том, что народы Монархии действительно можно было разделить по такому жесткому языковому принципу и что феодальное, милитаристски настроенное окружение эрцгерцога могло реализовать

* *Johan Andreas Freiherr von Eichhoff.* Die geplante Gr ndung der «Vereinigten Staaten von Gross sterreich». Reichspost, 1927. 03. 28.

столь грандиозную концепцию, мы не в состоянии отрицать поистине наполеоновского размаха этого плана. (Франц Фердинанд был восторженным почитателем корсиканского диктатора, а Меттерниха считал злым духом Монархии.) Настоящим трагическим героем наследник стал по убийственной иронии судьбы: его убил тот самый славянский мир, освобождение которого было для него главной целью. Но сараевское убийство символично еще по одной причине. Старый кайзер, представитель застывшей, устаревшей имперской структуры, послал на смерть – хотя и не намеренно – представителя нового мировоззрения, ненавистного наследника престола, которого сам Франц Иосиф совершенно не понимал. Как показывает в своем подробном и объективном анализе Виктор Библ, наследника с разных сторон предупреждали, что с учетом обострения революционного движения южных славян он подвергнет опасности свою жизнь, если посетит военные маневры в Боснии. Здесь достигла точки кипения не только традиционная ненависть к Австрии: ранее заявленный визит эрцгерцога в Сараево, совпавший с национальным праздником сербов, днем Святого Вида, также подействовал как провокация, направленная против сербского общества. Наследник трона не пропустил мимо ушей эти предупреждения и поделился тревогой с кайзером, но Франц Иосиф принялся апеллировать к чувству долга и настоятельно потребовал, чтобы эрцгерцог выполнил миссию. Даже посол Сербии в Вене Йованович проинформировал австрийского министра финансов Риттера фон Билински об опасности спланированного военного заговора. Южнославянская общественность рассматривала боснийские учения как генеральную репетицию нападения Австро-Венгрии на Сербию – смертельного врага Монархии. Еще более странным и удивительным венский план делает то, что военные власти Боснии и тайная полиция предприняли такие скромные меры безопасности для защиты эрцгерцога и его супруги, что после трагедии в ходе полицейского расследованиянашли еще семерых потенциальных убийц. Архиепископ сараевский Штадлер мог с полным правом утверждать, что эрцгерцога специально отправили на проспект, кишевший заговорщиками. По свидетельству генерала Маргутти, доверенного лица Франца Иосифа, несоответствие мер безопасности было просто «неописуемым».

Один из венгерских сторонников эрцгерцога, Йожеф Криштофи, бывший министр внутренних дел[166], писал, что во время визита кайзера в Сараево под каждым деревом стоял агент сыскной полиции; когда же прибыл эрцгерцог – повсюду были одни заговорщики.

События после убийства наследника были такими же странными и необъяснимыми. Как только кайзер узнал о случившемся, его первой реакцией стало следующее поразительное заявление: «Таким способом некая высшая власть восстановила порядок, который я, увы, оказался неспособен поддержать»*. (Это был явный намек на морганатический брак эрцгерцога и на то, что в будущем Франц Фердинанд мог изменить порядок престолонаследования.) Канцлер, князь Монтенуово, в свою очередь, отдал такие распоряжение по организации похорон, которые оскорбляли память эрцгерцога и его супруги, мужественно принявшей смерть вместе с наследником. Это унижение и прочие обиды настолько уязвили приближенных Франца Фердинанда, что генерал Ауффенберг назвал действия властей «попытками фанатиков как можно скорее удалить покойного эрцгерцога от того, чем он занимался, и, по возможности, стереть его из памяти современников». Враги убитого в Вене и Будапеште даже не скрывали свою радость по поводу покушения, которое – как тогда казалось – избавило их от многих политических проблем.

Эти и другие похожие факты заставляли отдельных наблюдателей в Вене и Будапеште полагать, будто влиятельная придворная камарилья намеренно послала на смерть ненавистного ей наследника. Насколько я могу оценить ситуацию, подобное предположение столь же ошибочно, как и вариант, согласно которому за сараевским убийством будто бы стояло белградское правительство. Правда в том, что эрцгерцога равно ненавидели обе стороны (консервативный лагерь австрийских сторонников дуализма – как смелого реформатора, а сербские националистические организации – как человека, стремящегося решить югославскую проблему на базе «Великой Хорватии», а не «Великой Сербии», и не за пределами Австрии, а в рамках Австрийской империи), и возможно, это латентное подсознательное чувство усиливало

* Vom alten Kaiser. S. 147–148.

традиционное состояние *Schlamperei** , балканской беззаботности, источником которой на самом деле, была Вена**.

Все эти факты, однако, представляют для нас интерес как симптомы, очередные проявления давней борьбы между Шёнбруннном и Бельведером, дуализмом и федерализмом. Не стоит, при этом, переоценивать значение сараевского убийства и рассматривать его как непосредственную причину начала мировой войны. Любой серьезный наблюдатель наверняка согласится с тем, что нерешенные проблемы различных движений за воссоединение разделенных народов (ирредент) рано или поздно неизбежно привели бы к взрыву и, если бы катастрофы в Сараево 28 июня 1914 г. можно было избежать, конфликт мирового масштаба мог вызвать и другой инцидент. Можем без преувеличения сказать, что Франца Фердинанда приговорил к смерти вулкан общественного недовольства; самого

* Расхлябанность, неорганизованность (*нем.*).

** Великолепный труд профессора Фэя о начале Мировой войны (*Fay S.* On the Origins of the World War. New York, 1920) не заставил меня изменить мнение об ответственности венских правящих кругов. На мой взгляд, автор слишком легко отклоняет обвинение в преступной халатности, выдвинутое против властей Сараево; их поведение поразило не только непосредственное окружение эрцгерцога, но и тех, чья объективность не вызывает никаких сомнений: посол Германии фон Чиршки, генерал Маргутти, генерал Ауффенберг, полковник Глайзе-Хорстенау, Виктор Библ и многие другие свидетели высказывались в том же духе. На этот же факт решительно указывают и многие журналисты, прибывшие в Сараево непосредственно после убийства. Один из них, известный корреспондент газеты «Аз эшт», составил длинный список фактов, подтверждающих злой умысел со стороны отдельных правительственных служб. Он же планировал написать целую книгу об этих событиях, но Мировая война, революция и русский плен не дали ему завершить работу. [Речь, судя по всему, идет о Пале Кери.] Однако главный свидетель произошедшего – сам Франц Фердинанд, который после первого покушения яростно набросился на мэра Сараево Чурчича. Как мне кажется, профессор Фэй написал об этой истории с позиции дипломата, проигнорировав социальные и морально-этические настроения того времени.

В то же время Фэй настойчиво подчеркивает ответственность Сербии. Нет никаких сомнений в том, что ряд чиновников и офицеров сербского правительства имели отношение к покушению. Тем не менее, автор явно преувеличивает организованный характер убийства и не обращает должного внимания на подогретую революционную атмосферу и бешеный югославянский темперамент. (Из событий недавнего прошлого достаточно вспомнить убийство короля Александра и его супруги или трагическую смерть Степана Радича и еще двух хорватских депутатов в югославском парламенте.) Фэй с готовностью признает достоверность изъявлений верности в адрес эрцгерцога, не зная, как такие вещи фабриковали. Он также излишне легковерно принимает за аутентичный документ протокол сараевского военного трибунала. После скандальных историй с делом Фридюнга [о поддельных документах – компромате на оппозиционных депутатов хорватского парламента] и загребским процессом [по делу о государственной измене сербов], имевших место в мирное время, едва ли можно представить справедливое судебное разбирательство в разгар войны, когда австрийские милитаристы всеми силами пытались оправдать свои действия. И нако-

эрцгерцога и его окружение постоянно преследовали угрозы покушений и заговоров. То, что это отнюдь не беспочвенное предположение, сделанное a posteriori, но мнение, основанное на фактах, становится ясно из эпизода, который доказывает: жизнь Франца Фердинанда висела на волоске уже в 1906 г., когда очередная группа ирредентистов готовила на него покушение. Венская газета «Нойе фрайе прессе» (Neue Freie Presse) в номере за 25 июля 1926 г. приводит рассказ одного очевидца. На церемонии открытия Бохиньской дороги – последнего участка второй железнодорожной ветки между Веной и Триестом эрцгерцог должен был присутствовать вместо кайзера, так как совет министров наложил вето на первоначальный план, по которому император должен был лично присутствовать на торжестве, в связи с активностью словенской и итальянской ирриденты. Корреспондент пишет:

«В дороге Франц Фердинанд сильно нервничал. Он все время казался обеспокоенным и пытался задавить тревогу вымученной веселостью и невинными историями, словно предчувствовал свой конец. Наследник вообще боялся покушений, а нападение на русского Великого князя, совершенное за несколько дней до этого, только усиливало его страх. В газетах и в местах, где должен был останавливаться поезд, заранее намеренно сообщали время прибытия и отъезда поезда. Точно в назначенное время специальный придворный поезд проезжал через указанные станции... но в вагонах были только жандармы. Поезд, в котором ехали Фердинанд и его свита, следовал с перерывом в несколько часов, и подобная предусмотрительность оказалась обоснованной. Хотя поезд тщательно охраняли, в одном из туннелей при проез-

нец, автор исследования недооценивает предупреждение, сделанное австрийскому министру финансов Билински сербским послом Йовановичем, хотя Йованович сообщал только о возможности предательства в армии и не упоминал об опасности покушения со стороны одиночек. Профессор Фэй забывает о том, что подобное заявление со стороны белградского правительства могло вызвать такое возмущение среди сербских националистов и, в первую очередь, у членов организации «Черная рука», что кабинет Пашича не смог бы удержать свои позиции, и сама жизнь министров оказалась бы под угрозой. В подобной ситуации заявление сербского посла в Вене было как раз не попыткой скрыть угрозу, но стремлением ее преувеличить. В стране, где ставится под сомнение верность императорского войска, становится очевидной необходимость защищаться от опасности, исходящей от анархических элементов. Нельзя забывать, что революционные выступления против австрийского деспотизма активизировались в тот период до такой степени, что германский кайзер, приняв к сведению предупреждение графа Берхтольда, не отважился приехать в Вену на похороны своих друзей.

де пустого спецпоезда взорвалась бомба, погибли четыре жандармских офицера. Все это было сохранено тогда в строжайшей тайне, и общественность до сего дня ничего не знала о случившемся...»

Беда могла настигнуть Франца Фердинанда не только в пути, но и после, в ходе празднований в Триесте. Тот же корреспондент рассказывает, что и в Триест побоялись приехать вовремя, поезд прибыл несколькими часами позже, когда уже начало темнеть.

«Полиция Триеста привела в действие исключительные меры безопасности – по царскому разряду. По всей набережной от вокзала до самого дворца наместника, в котором остановился эрцгерцог, все дома были забиты полицейскими, получившими приказ держать окна закрытыми в течение всего дня, начиная с раннего утра, и с двух часов дня жителей не выпускали из домов. Боялись, что из окна могут выбросить бомбу. Здание городской администрации кишело сыщиками из тайной полиции. Широко распахнутые окна парадных покоев выходили на главную площадь. Вдруг на площадь вышла толпа человек сто, они распевали песни ирредены и выкрикивали: «Abasso Austria, Abasso Habsburg, Abasso il Principe!» («Долой Австрию, долой Габсбургов, долой эрцгерцога!»)*.

В дальнейшем положение не менялось, становилось только хуже. Повсюду, где проживали южные славяне, особенно в среде университетской молодежи, попадались экзальтированные личности, исполненные решимости осуществить идею югославянского единения путем террора.

В свете этих фактов все, кто знаком с крайностями итальянского и южнославянского темперамента и чувствами, которые эти народы традиционно испытывали к власти Габсбургов, прекрасно понимают, что Сараево было не случайной трагедией, но звеном в длинной цепи катастроф, вызванной социальным неврозом толпы. Можно сказать, что истинной причиной Мировой войны стал не молодой, неуравновешенный убийца Гаврило Принцип, но традиционный принцип существования Монархии, направленный на подавление национальных устремлений и возможностей развития для различных народов.

* *Klinenberger L.* Die Eröffnung der neuen Alpenbahn nach Triest.

XVIII. История противоречивых притязаний

Объективный и беспристрастный взгляд на проблемы, связанные с психологией толпы (которые я с удручающей неполнотой попытался обрисовать выше), позволяет ясно понять: то, что отличает значительную часть истории Монархии, в сравнении с историей других государств – факт отсутствия у нее общей идеи или чувства, которые когда-то были способны объединить народы империи, вполне могло послужить основой своеобразной политической солидарностью. Эта история не была общим делом наций, но, по большей части, борьбой Габсбургов против формирования национального сознания у отдельных народов и борьбой разных национальных сознаний между собой.

С точки зрения психологии толпы, решением проблемы существования Монархии мог бы стать некий духовный синтез, способный сплавить разнородный опыт, накопленный отдельными народами в процессе их истории, в единство более высокого порядка и создать единый исторический пантеон, в котором герои разных народов могли бы объединиться в свете общих идеалов и привести к общему знаменателю антагонистические отношения народов империи. Однако история Габсбургов не изобиловала подобными идеями – они возникали лишь в сознании нескольких выдающихся личностей, сумевших воплотить их в собственной душе со страстной интеллектуальной решимостью. В этом направлении двигались Иосиф II и его соратники-энтузиасты, австрийские и венгерские сторонники идей Просвещения; впоследствии эти же идеалы нашли более четкое и разнообразное выражение у таких разных, но близких по мотивации деятелей, как, например, австро-немецкий революционер доктор Фишхоф, венгерский философ-государственник барон Этвеш, чешский историк Палацкий, илирийский апостол Людовит Гай, румынский борец за независимость Аврам Янку; им на смену пришло новое поколение: критик Герман Бар, историк Йозеф Редлих, социалист Карл Реннер, дипломат барон Силаши, полководец Конрад фон Гётцендорф и «реалист» Масарик[167] – вот лишь несколько выдающихся представителей данного направления. Все они догадывались о существовании некой интернациональной солидарности

между народами Монархии и отчетливо сознавали, что из усилий, направленных в разные стороны, можно было бы создать нечто более величественное, разностороннее и гуманное, нежели концепция обособленных национальных государств.

Рассматривая процесс распада Монархии с этой точки зрения, можно подытожить наши взгляды следующим образом: *империя распалась из-за того, что исторические традиции одних народов были противопоставлены историческому опыту других.* В основе краха лежит психологический фактор – Монархия оказалась не в состоянии разрешить проблему, которую один венгерский государственный деятель считал неразрешимой: власть не сумела создать атмосферу взаимности между народами, исторический опыт, чувства и представления которых так сильно различались между собой. Лучше всех эту тонкую связь сумел выразить Герман Бар, найдя для нее поразительную метафору:

«В иных краях потомкам легко вступать в наследство, поскольку право на него закреплено отцами в единственном завещании, и никаких разночтений оно не предполагает. В нас же вопиют сотни голосов прошлого, борьба отцов еще не завершилась, каждому приходится снова сражаться, каждому приходится выбирать среди отцов и заново проживать прошлое от начала до конца. Особая черта нашего прошлого в том, что оно не закончилось, не дошло до финальной развязки; отец отступает перед сыновьями, но возрождается во внуках; опасность подстерегает любого; каждый страдает от раздвоения личности и при рождении получает слишком большое наследство. В других краях люди могут с уверенностью идти по стопам отцов, но мы лишены этой возможности, ведь отцы наши – в своем беспокойстве - ждут нашего приговора. *Je ne puis vivre que selon mes morts* («Я могу жить только следуя моим мертвецам») – любил повторять Баррес[168]. Мы же не можем жить, следуя за своими мертвецами, потому что иначе разорвемся на части, ведь каждый из них тянет в свою сторону»*.

В этом-то и состояла проблема, но для ее решения не было сделано ни одного серьезного шага, потому-то она и стала совершенно неразрешимой, как мы увидим далее. В таких условиях народы Мо-

* Dalmatinische Reise. Berlin, 1909. S. 95–96.

нархии можно было солидаризировать лишь механически, путем «вегетативного симбиоза», никакой органической, основанной на реальных чувствах связи между ними не было. Если Ренан прав в своем определении нации – а он, безусловно, прав, говоря: *Or essence d'une nation est que tous les individus aient beaucoup des choses en commun et aussi que tous aient oublié bien des choses**, то история Австро-Венгрии являет собой полную противоположность этому определению: народы здесь никогда не действовали сообща и ничего не забывали.

* «Суть нации состоит в том, что у индивидов много общего и в то же время они способны о многом забыть» (*франц.*).

Часть третья

ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ: ВОСЕМЬ СТОЛПОВ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ГОСУДАРСТВА

I. Центростремительные силы и их динамика

После схематичного рассказа об исторической и моральной атмосфере, которая была присуща Монархии (каким бы несовершенным и примитивным ни было изображение процессов, происходивших в массовом сознании), читатель, надеюсь, сумеет проследить и понять, как развивались силы, определившие в конечном итоге судьбу империи. Эти силы можно разделить на две большие группы. Первая группа – силы, обусловленные исторически сложившейся структурой, общественным весом или промежуточными целями, сознательно или неосознанно действовали в направлении сохранения Монархии. Далее мы будем называть такие силы *центростремительными.* Ко второй группе относятся те силы, которые более или менее сознательно стремились к ослаблению или ликвидации имперских связей. Такие силы мы можем называть центробежными.

Очевидно, что в сравнении с любыми научными классификациями и эта разбивка является, в определенной степени, искусственной, поскольку разделяет надвое процессы, тесно связанные между собой в реальности. Изначальную искусственность предложенной нами классификации подчеркивает и то обстоятельство, что в истории любая общественная сила обладает собственной уникальной диалектикой, в процессе которого сама эта сила и созданные ею институты обогащаются новыми тенденциями, не свойственными ей изначально. Мы часто становимся свидетелями того, как силы, направленные на консервацию общества, оказывают впоследствии революционное воздействие, а революционно настроенные слои превращаются в фактор сохранения и консервации. Слегка туманная и мистическая гегелевская диалектика, построенная на схеме

тезис–антитезис–синтез, указывает на наличие такой связи между общественными силами, которая позволяет провести определенную аналогию с описываемым явлением. С другой стороны, подробный анализ этой интересной трансформации не представляется возможным. Я всего лишь хотел подчеркнуть, что практически каждая из рассматриваемых центростремительных сил в ходе дальнейших событий так или иначе вела к возникновению тех или иных центробежных тенденций.

То же самое верно и в отношении центробежных сил. Мы вскоре увидим, что самые очевидные центробежные силы: пробуждение национального сознания и стремление к интеграции изначально вообще не были причинами развала империи, но превратились в факторы распада из-за нежелания свести подобные тенденции на нет и использовать их в интересах государства. Вместо этого власть прибегла к насилию и интригам, что было несовместимо с развитием единого государства.

При анализе центростремительных сил мы сразу замечаем, что каждая из них представляла в старой Монархии некую наднациональную тенденцию, подчеркивая единство империи и наличие общих целей, в противовес национальному сепаратизму и партикуляризму. Таким образом, эти силы служили воплощением общих идеалов и наднациональной солидарности в условиях вынужденного союза народов на арене борьбы, получившей название Габсбургской монархии. В обстановке завышенных националистических требований и индивидуализма эти силы стали поистине международными факторами. Истинными столпами австрийского «интернационализма» были: династия, армия, аристократия, римско-католическая церковь, бюрократия, капитализм, представленный по преимуществу евреями, свободная торговля и – как ни странно – социализм. Все эти точки опоры вобрали в себя мощные организационные структуры и жизненно важные тенденции. Если, несмотря на всю свою мощь, они оказались слишком слабы, чтобы сохранить габсбургскую структуру, виной тому стало отчасти упомянутое выше диалектическое развитие, а отчасти то, что эти силы не сумели выступить единым фронтом и нередко вступали в ожесточенную борьбу друг с другом. Из восьми столпов «интернационализма» лишь первые четыре оформились в настоящие политические надстройки, да и те были далеки от совершенства. Оставшиеся че-

тыре фактора находились в конфронтации к первым четырем и между собой не были согласованы по важнейшим пунктам. Таким образом, восемь факторов межнационального взаимодействия оставались в габсбургской крепости, скорее, отдельными бастионами, так и не став частью укрепления, выстроенного по единому стратегическому плану.

В данной главе мы рассмотрим каждый из восьми опорных пунктов с точки зрения их психологической и социологической структуры.

II. Династия

Содержание исторической главы должным образом освещает фундаментальную роль династии Габсбургов в разыгравшейся драме (как с точки зрения инициирования, так и ее консервации). В данных исторических обстоятельствах политические устремления Габсбургов были строго предопределены, а их идеалы практически не менялись на протяжении четырех столетий. Какими бы разными по уму и способностям ни были сменявшие друг друга наследники трона Габсбургов и какими бы способами ни достигали они своего, основная цель оставалась неизменной, начиная с Максимилиана I и заканчивая последним представителем династии. Внимательный исследователь проблем, с которыми столкнулась Монархия, не мог не ощутить присутствия некой постоянной черты в интеллектуальном и моральном облик Габсбургов. Под влиянием этого доминирующего впечатления Монархию стали привычно называть Габсбургской: Габсбурги сделали то-то и то-то; на то была воля Габсбургов; такова судьба Габсбургов; так решила Вена и т.д. Над каждым отдельным правителем – будь он даже самым авторитарным самодержцем и деспотом – постоянно витал дух не только биологического, но и общественного наследия: *Габсбургский* дух – как квинтэссенция всех тех традиционных ценностей, которыми руководствовались династия и связанные с ними верховные военные, дипломатические и административные органы (австрийская камарилья, как их называли заклятые враги, лидеры венгерского движения за неза-

висимость). Неизменные составляющие Габсбургского духа (к ним можно легко свести все остальные элементы): религиозный мистицизм, католицизм, милитаризм и универсализм Габсбургов.

В своем религиозном мистицизме каждый Габсбург чувствовал себя исполнителем Божьей воли, связанным особыми узами с небесами. Этим можно объяснить дерзкое и беззастенчивое поведение представителей династии в моменты исторических катастроф и их вошедшую в поговорки неблагодарность. *Der Dank von Hause Habsburg* («благодарность дома Габсбургов») стала широко распространенным понятием. Они часто нарушали самые торжественные обещания и выбрасывали самых лояльных и преданных людей, точно выжатый лимон, если, тем самым, могли хоть немного облегчить свои временные трудности. Когда, например, Габсбурги под давлением революционной Вены отправили в отставку Меттерниха и тот был вынужден спасаться бегством, при дворе никто не поинтересовался, куда направляется уволенный канцлер и как собирается выживать. Поразительная наивность, шедшая рука об руку с династическим мистицизмом, естественно, не позволяла даже выяснить: действительно ли интересы народов и стран империи совпадают с наследственными интересами обладателей наследственных владений. Один из славянских политиков Монархии верно заметил, что во все времена и при любых обстоятельствах ключом и главным источником политики Габсбургов оставалось инстинктивное алчное желание заполучить как можно больше территорий (*plus de terres*). Начиная с неутолимой жажды обладания землями у Рудольфа до оккупации и аннексии Боснии–Герцеговины, доминировал именно этот принцип, оставляя без внимания не только национальные интересы народов, но и вопросы единства и связующих сил в государстве. Принцип l'etat c'est moi (государство – это я) отметал все прочие соображения и оставался направляющей идеей Монархии вплоть до ее распада.

Этот мистический империализм целиком сочетался с идеологией и устремлениями Римско-католической церкви. После недолгих колебаний Габсбурги всей своей мощью встали на сторону контрреформации и превратились в ее лидеров. Дух почвенническо-го протестантизма оставлял пространство для критически мыс-

лящих и, по крайней мере pro foro interno* отстаивал права личности, задевая, на интуитивном уровне, абсолютистскую и трансцедентальную нетерпимость, свойственную Габсбургам. Данная позиция окрепла в ходе формирования политических отношений. В Германии реформация стала идеологической опорой для сословий и партикуляристских интересов в их борьбе с императорской властью. В то же время Габсбурги в ходе аналогичного конфликта обладали мощнейшей религиозной и исторической поддержкой в виде тесной связи с Папой. Помимо этого, протестантские движения (как, например, выступления гуситов) нередко служили религиозным фоном для развития националистических тенденций, обеспечивая народным массам доступ к Библии на родном языке. Такое осознанное национальное мировоззрение ставило под угрозу дело политического объединения, составлявшее суть устремлений Габсбургов.

Стремление к подобному единству сформировалось под знаком политического универсализма. В гигантском конгломерате народов и стран Габсбурги не могли мириться с политической или религиозной раздробленностью. Всякая локальная автономия или явление, связанное с конкретной национальной общностью, казались им подозрительными и враждебными и воспринимались как угроза феодального мятежа. Смешение самых разных кровей**, католицизм и этническая пестрота Монархии – все эти факторы позволяли Габсбургам чувствовать и мыслить в рамках наднациональных понятий. Как мы уже отметили, нельзя сказать, будто династия Габсбургов сознательно и последовательно выступала с позиций германизации. Такие цели на самом деле были ей глубоко чужды. Среди Габсбургов попадались те, кто даже и не говорил по-немецки. Проводя, порой, политику германизации, габсбургские кайзеры руководствовались отнюдь не националистическими соображениями; их действия были продиктованы интересами объединения и универсализации империи.

* Для внутреннего пользования.

** В одном любопытном документе – анализе происхождения Франца Фердинанда – подробно перечислены 2047 его предков. Из них 1486 немцев, 124 француза, 196 итальянцев, 89 испанцев, 52 поляка, 47 датчан, 20 англичан и 4 представителя других национальностей (Ahnentafel Seiner Kaiserlichen und Königlichen Hoheit des durchlauchtigsten Herrn Erzherzogs Franz Ferdinand. Bearbeitet von Otto Forst, Wien und Leipzig, 1910).

Милитаризм (намного более выраженный по сравнению с западными государствами) был для Габсбургской империи скорее средством поддержания внутренних связей, нежели защитой от внешних агрессоров. Солидарность внутри Монархии с момента создания до распада фактически базировалась на имперской армии, и каждый раз, когда случался серьезный кризис, кайзер принимал решения, зная, что саблями солдат он в любой момент сможет разрубить гордиев узел проблем. Габсбурги не признавали шуток в двух областях (именно поэтому впоследствии они отказались надеть маску псевдоконституционности при столкновении с волей народов): первая касалась их права неограниченно распоряжаться армией (*meine Armee*), а вторая – руководства внешней политикой, когда так называемые «делегации» двух парламентов ставились перед фактом уже готовых решений и лишались всех серьезных полномочий. Габсбургская монархия – наряду с Россией и Пруссией – до конца оставалась образцом государства, построенного по принципу военного абсолютизма; здесь, наверное, еще более явственно осуществился такой тип власти, при которой слабое общественное мнение, и без того раздробленное в ходе национальных разногласий, не могло убедительно противостоять исключительной власти кайзера.

Окончательным и блестящим воплощением безграничного господства династической идеи стало принятие кайзером Францем титула австрийского императора – с учетом растущей непрочности Священной Римской империи германской нации. Этот акт и последовавший через два года, в 1806 г., окончательный отказ от титула германского императора подчеркнули патримониальную суть государственной идеи и укрепили роковое заблуждение, будто государственная идея тождественна личности государя. Габсбурги рассматривали всю империю как расширенный вариант владений правящего дома, доставшихся династии в наследство (*Hausmacht*).

Династические представления нашли свое психологическое и политическое воплощение в столице империи – Вене, исключительная пышность которой значила больше, нежели блеск придворной жизни. В определенном смысле этот город синтезировал моральные установки всего государства. Здесь, в горниле имперской жизни, соединились самые различные этнические и культурные элементы: старая немецкая культура под воздействием сильного славянского, итальянского и венгерского присутствия, приобрела особый австрийский

окрас. Продукт культурного синтеза, известный как «старая Вена» (Alt-Wien), распространил свое влияние на все регионы Монархии, заложив основы общей буржуазной культуры. В ее сферу оказались вовлечены и аристократия, и состоятельный средний класс каждой отдельно взятой страны, и провинции империи. Вена диктовала повсюду моду и формы утонченного поведения, оказывала решающее влияние как на стиль храмов и общественных зданий, так и на архитектуру замков, принадлежавших венгерскому, чешскому и польскому дворянству. Барокко и бидемермайер – два самых характерных для типичной австрийской культуры стиля – ярчайшее воплощение художественного осмысления двух различных общественных типов: героического и полицейского абсолютизма. Блеск и покровительство двора на протяжении многих поколений влекли к себе всех, кто обладал талантами и амбициями. Раздача дворянских титулов, чинов и знаков отличия, применение принципа *divide et impera*, «разделяй и властвуй» в общественной и семейной сфере обеспечивали значительную поддержку власти Габсбургов. Помимо этого, стало традицией размещать в значительных странах и провинциях империи «двор на выезде», поселяя туда одного-двух эрцгерцогов, которые до определенной степени проникались местным национальным колоритом, говорили на соответствующих языках и защищали местные патриотические чувства. Подобные представители от Габсбургов оказывали умиротворяющее воздействие на мятежное национальное дворянство и, можно сказать, по доверенности, *per procura* распределяли милости императора.

Наряду с гомогенной культурой высших классов, духовную связь обеспечивал еще один серьезный фактор, исходивший из Вены: литературный немецкий язык, выполнявший функцию *lingua franca* (универсального языка) в общении многочисленных народов империи между собой. Любой человек мог беспрепятственно путешествовать от чешских гор до Адриатики, от Инсбрука до Черновиц, пользуясь немецким языком. Везде можно было найти офицера, чиновника, торговца или работника умственного труда, который бы бегло говорил по-немецки, и не было ни одной гостиницы или трактира, где бы путешественник не смог объясниться на этом языке. Влияние немецкого языка и культуры распространилось до самого сердца Балкан и производило на постороннего наблюдателя впечатление последовательного онемечивания. Однако этот процесс стал настолько массо-

вым и масштабным отнюдь не в результате искусственного и насильственного насаждения немецкого языка, но вследствие насущных потребностей в области экономики и культуры, удовлетворить которые можно было только посредством немецкого языка в силу его исторических связей. По сути, немецкий стал языком науки и капитализма. Венский университет, выпустивший не одно поколение лучших юристов и врачей для нужд Монархии, до самого конца явно играл объединяющую роль и, кроме этого, воплощал собой особый тип духовной солидарности. Для славян, венгров и румын немецкий язык стал настоящим мостом, соединяющим с западной культурой. Этот язык, безусловно, мог сыграть еще более эффективную и универсальную роль в объединении народов империи, если бы с ним не были так тесно связаны государственное насилие со стороны Габсбургов и борьба народов с пробуждающимся национальным самосознанием против немецкой централизации. Доказывает это и тот факт, что многие лидеры национального возрождения в отдельных странах вступали на литературную стезю, используя немецкий язык. Пример Буковины только подтверждает сказанное. В этом регионе румынам и русинам не приходилось сталкиваться с крупными немецкими поселениями и искусственной немецкой гегемонией. В таких условиях сущность немецкого языка как языка мирового уровня могла проявиться безо всяких препятствий; сложилась любопытная ситуация: два соперничающих народа спонтанно начали использовать немецкий язык в органах внутреннего управления*.

На протяжении долгого времени связь с Австрийской империей была единственным источником культурных инициатив и организации общества, особенно для самых отсталых народов Монархии, долгие годы живших под властью турок. Имперский центр внедрил первые элементы европейского ведения сельского хозяйства, образования и управления в феодальную экономику, основанную на меновой торговле, и воздвиг первую стену в направлении жестокой эксплуатации крестьянских масс. Борьба отдельных народов империи друг с другом лишь укрепляла могущество абсолютной монархии. В австрийской половине империи национальная идея отодвинула идею конституционности на второй план.

* Подробнее см. любопытный труд Ф. Кляйнвехтера (*Kleinwaechter F.* Der Untergang der Österreichisch-ungarischen Monarchie. Leipzig, 1920. S.171–173).

Подобное положение создавало атмосферу лицемерной лояльности на всей территории Монархии. Даже самые мятежные народы постоянно стремились доказать, будто не просто испытывают к династии должное почтение, но беззаветно ей преданы. Мы нередко бывали свидетелями настоящих всплесков лояльности и славословия, которые подрывали как чувство гражданского сознания, так и личного достоинства людей. Ситуацию отлично иллюстрирует характерный эпизод. В 1909 г. официальная венгерская газета в связи с семьдесят девятым днем рождения кайзера напечатала следующий текст:

«Верность претерпевшего столько испытаний венгерского народа своему коронованному владыке беспримерна. Ни одна нация в мире не может сравниться в преданности с сыновьями венгерского народа».

Подобные раболепные излияния казались любому искреннему человеку еще более тошнотворными, поскольку за несколько лет до этого пусть не венгерский народ, но его феодальный парламент вел самую ожесточенную борьбу с королем по так называемым «военным» вопросам, и этот самый обожаемый король, не раздумывая, применил оружие, чтобы разогнать крайне лояльный представительный орган. Не только венгры, но и чехи, и итальянцы после резкой и бурной критики начинали выражать чрезмерную преданность, как только видели малейшую возможность поддержки своих национальных устремлений со стороны императорской власти. Никто не сумел охарактеризовать подлую и сервильную атмосферу лучше, чем это сделал близкий соратник Кошута Лайош Мочари[169], один из выдающихся лидеров движения за венгерскую национальную независимость: «В этом гигантском конгломерате, называемом Австро-Венгерской Монархией, по обе стороны Лейты, страны, провинции, народы, конфессии, общественные классы, интересы – все, что может стать фактором политической и общественной жизни, продолжают вымаливать милости у двора».

Помимо описанной тенденции, деморализующее воздействие на общественность оказывала еще одна: протекции при раздаче постов и милостей. Семейство кайзера с удовольствием занималось повышением благосостояния своих сторонников. При назначении на пост в государственном учреждении рекомендация наименее влиятельного эрцгерцога значила больше, нежели труд целой жизни. Об удаче, ко-

торая сопутствовала гувернерам и крестным детям эрцгерцогов, ходили легенды. Нередко полномочия эрцгерцога переходили к его секретарю или даже лакею. В связи с этим ходило множество анекдотов о том, что слово лакея порой значит больше, чем решение министра.

Несмотря на все эти тенденции, разрушавшие связи внутри Монархии, мы не можем отрицать того, что престиж императорской семьи был всегда выше любого военного или чиновничьего звания. Авторитет династии базировался на чувствах, живших в сердцах огромных масс населения в большинстве старых владений Монархии под влиянием школы и церкви.

III. Армия

Самой мощной опорой габсбургской крепости, ее краеугольным камнем и главным столпом с начала до конца была имперская армия. Армия Монархии – как бы ни скрывали этот факт под завесой конституции – всегда подчинялась автократической власти правящего дома, свободного от влияния парламентской системы при решении существенных вопросов. Эта армия росла и развивалась от поколения к поколению и стала самым характерным творением династии. Особенно значительную роль в переходе от старой феодальной наемной армии к новой, более современной, сыграл талант Евгения Савойского. Патримониальный же характер армии до последнего момента поддерживала феодальная администрация – даже после введения всеобщей воинской повинности. Система вербовки действовала без изменений практически до принятия конституции. Особенно это касалось Венгрии, где без содействия местной администрации, нередко конфликтовавшей с Веной, было бы невозможно провести учет новобранцев. При этом вербовка в солдаты никак не могла повысить уровень гражданского самосознания. Историк системы австрийского государственного управления Игнац Байдтель описывает процесс следующим образом:

«В пунктах призыва вербовщики выбирали в качестве своей штаб-квартиры оживленный постоялый двор или отдельно стоящую корчму. Как только туда заходил мужчина, на вид подходящий для военной службы, они приглашали его выпить и пытались напо-

ить до беспамятства. Если мужчина поддавался на уговоры примерить военную форму, или надеть кивер, или крикнуть «ура императору», считалось, что он уже поступил на службу»*.

Очевидно, подобные мероприятия не способствовали росту любви к габсбургской армии среди населения, особенно в глазах венгерского народа, который воспринимал такую практику как выражение чужеземного господства и социального гнета. Эту мысль передает народный фольклор. В детстве и я слышал одну такую песню от крестьян:

Нынче у нас веревкой вербуют,
Насильно бедняка забирают.
У богатого сына никто не тронет,
У бедного – единственного уводят.

Даже с введением всеобщей воинской повинности, когда армия формально оказалась под контролем парламента, ядро ее, подразделения так называемой *gemeinsame Armee* («общей армии», в отличие от местных, региональных частей: так называемого австрийского, венгерского и хорватского народного ополчения – ландверы, Landwehr), оставалось исключительно армией кайзера и династии, отражая мировоззрение правителей. Общая армия до самого конца выполняла функции «защитника династии» и «школы лояльности». И какие бы чувства по отношению к этому институту мы ни испытывали, невозможно отрицать тот факт, что он выполнял свою задачу на протяжении длительного времени. К сожалению, государственная солидарность, поддерживаемая насильственно консолидированной армейской идеологией, носила характер династической и все чаще сталкивалась с демократическим и национальным самосознанием отдельных народов. Подавляющее большинство офицеров по-прежнему составляли немцы; хотя их национальная принадлежность не возводилась в принцип – немцы здесь, как и в органах государственного управления, и на дипломатической службе, представляли лишь «официальный язык» Габсбургской монархии. Дух патримониального Габсбургского государства доминировал не только у немцев, но среди офицеров других национальнос-

* *Beidtel I.* Geschichte des Österreichischen Staatsverwaltung: 1740–1848. Innsbruck, 1896. Bd. I. S.64-65.

тей; все они, пусть и бессознательно, следовали принципу императора Франца, будучи сыновьями не своих народов, но династии Габсбургов. История, рассказанная мне редактором крупной венгерской газеты, прекрасно характеризует эту особую среду. Во время войны корреспондент газеты взял интервью в штабе армии у адмирала Хорти, ныне – главы правительства*, когда тот находился вне поля боя из-за полученного ранения. В финале хвалебного репортажа журналист тонко намекнул на то, что раненный герой в мыслях часто перемещается из ставки на венгерскую родину, землю своих предков. Когда адмирал на следующий день прочел статью, концовка его изрядно удивила, и он решительно опроверг предположения корреспондента со словами: «...Отметьте: если мой главный командир находится в Бадене – там же и моя родина!»

Армейское руководство, и в особенности сам император, поддерживало подобные настроения не без задней мысли. Оно ясно понимало: в ситуации, когда национальные конфликты внутри Монархии начнут обостряться, государство можно будет сохранить только при условии отсутствия в армии раздоров на национальной почве. При всей своей преданности династии и полной изолированности от конституции австрийская армия выгодно отличалась от остальных институтов австрийского и венгерского общества по двум параметрам. Во-первых, кастовые и классовые интересы не определяли атмосферу в армии в такой степени, как это происходило в «аристократических» государственных учреждениях, служивших рассадником плутократии. После роковой катастрофы 1866 г. военное руководство особенно четко осознало тот факт, что культ аристократии, царивший в прежней армии, привел к гегемонии непригодных к военной службе людей. Высшие чины с большим энтузиазмом занялись «чисткой армии», что означало ее демократизацию. Верховные армейские посты на долгие годы перестали занимать аристократы, за очень небольшим исключением, и мы напрасно будем искать их имена среди выдающихся полководцев Первой мировой войны. «Монархи слишком ценили армию, чтобы – с учетом прошлого опыта – формировать ее на семейных связях аристократов...»**.

* «Его светлость регент Венгерского королевства» Миклош Хорти возглавлял правительство с 1920 по 1944 г. (*Прим. переводчика*).

** Меткие наблюдения относительно данной ситуации можно прочесть в великолепной книге Ф. Г. Кляйнвехтера, на которую мы уже ссылались.

С другой стороны, как мы увидим позже, вмешательства в дела армии не прекратились, став менее очевидными, но не менее разрушительными.

Вторая отличительная черта армии корректное, тактичное регулирование национальных противоречий – могла бы служить примером объединяющего духа Монархии. Фундаментом общей армии в теории и на практике было равенство наций, Как я уже отмечал, использование немецкого языка как языка командования (правящие круги строго придерживались этой идеи и считали ее основополагающим принципом руководства армией), по крайней мере, в последние годы отнюдь не было инструментом германизации, но было основано на убеждении, что введение нескольких языков командования лишит возможности вести эффективные военные действия. Каким бы ошибочным ни было это представление, соображения национального характера присутствовали здесь только в одном смысле: военное руководство понимало, что требование ввести венгерский язык как язык командования и так называемый «полковой язык»* (приведшее в последние два десятилетия существования Монархии к серьезному конституционному кризису) превратилось в призыв к полной венгерской независимости, ориентированной на принятие только общего для обеих стран правителя и, таким образом, служило превращению армии в инструмент мадьяризации. И хотя после Компромисса 1867 г. император практически перестал интересоваться судьбой своих прежних союзников – национальных меньшинств, проживавших на территории Венгрии, – дальновидные венские политики, учитывая растущие трудности, вызванные межнациональными конфликтами, отказались от мысли использовать армию для проведения искусственной ассимиляции в венгерской части империи. В отдельных странах рост национального самосознания удавалось сдерживать с помощью компромиссов и нередко военными средствами (введение войск для поддержания внутреннего порядка было одним из привычных приемов правительства в Чехии, Боснии–Герцеговине, Галиции, Которе и в ходе

* В австро-венгерской армии «полковым» считался тот язык, на котором говорили не менее 20% солдат, т.е. теоретически в одном полку могло быть пять полковых языков (*Прим. переводчика*).

венгерских предвыборных кампаний), так что стало очевидно: как только в армию проникнет национализм, аналогичный тому, что охватил народы, из которых вербуют солдат, Монархия распадется на части в результате кровавой гражданской войны. Поэтому главная цель оставалась неизменной: в войсках следует поддерживать патриотизм в отношении Габсбургов, а солдатский национализм – удерживать в рамках *деполитизированного национализма* – приверженности языку, семье или, в крайнем случае, к «своим» («нашим»), который не имеет никакого отношения к борьбе отдельных народов на политическом и государственном уровне.

Эту задачу долгое время удавалось выполнять. Общая армия стала настоящим «государством в государстве», «граждане» которого – в особенности офицеры и их заместители – на протяжении всей своей жизни впитывали, в первую очередь, дух своего полка или настроения своих товарищей по оружию, а не своей нации. Для офицерского корпуса родиной была вся Монархия, а не территория проживания одного из народов. Одним из принципов военного воспитания были постоянные переводы офицеров из одной страны в другую. Эти люди, жившие то в Вене, то в Будапеште, то в Загребе, Галиции, Трансильвании, Боснии или Которе, воплощали собой некое межнациональное сознание, в противовес окружавшему их национализму, исполненному нетерпения и ненависти. Военные образовывали своеобразную *вненациональную касту,* члены которой и в личной жизни были, как правило, оторваны от своей национальной среды и зачастую говорили на «казенном немецком» (*ärarisch deutsch*) – как иронически называли это наречие носители литературного немецкого языка. Этот язык представлял собой странную смесь и достаточно вольно обращался с правилами грамматики. Долгое время казалось, будто такая солидарность под эгидой Габсбургов сильнее идеи национальной солидарности, находившейся в стадии формирования. Любопытным проявлением наднационального единства стала ситуация, когда венгерское правительство в 1903 г. под давлением националистической оппозиции добилось от императора права направлять офицеров – граждан Венгрии в венгерские полки, и больше тысячи офицеров, подпадавших под эту категорию (граждан разных национальностей), попытались получить австрийское гражданство,

чтобы избежать перевода в венгерские части, поскольку боялись, что растущий венгерский национализм может поставить их в неудобное положение в глазах их собственных наций*. Для лучшего понимания ситуации следует заметить, что из сорока семи расквартированных в Венгрии пехотных полков лишь пять были сформированы только из венгров, а в тридцати семи служили представители разных национальностей. Среди последних венгры составляли большинство в шестнадцати, в двух полках венграми были 50% военослужащих, а в девятнадцати венгры были в меньшинстве. В оставшихся пяти полках венгры практически не были представлены**.

Таким образом, чем активнее выступал венгерский национализм, чем больше он стремился к созданию отдельной венгерской армии или хотя бы венгерского войска в составе имперской армии, способного «мадьяризировать» солдат других национальностей путем введения венгерского языка в качестве полкового (под полковым языком понимали язык, используемый вне службы, в повседневной жизни, при обучении и воспитании солдат), и чем яростнее становился гнев венгерской оппозиции против имперских цветов и символики единого войска, тем быстрее росли страх и озабоченность двора и правящих кругов в отношении этих эмоциональных и необдуманных акций.

В 1903 г. ситуация обострилась настолько, что между императором – т.е. королем Венгрии – и венгерским парламентом возникло открытое противостояние. Тогда-то император и издал знаменитый Хлопский приказ (по названию небольшой деревни в Галиции – месте расположения главного штаба военных учений), где в жестких и резких выражениях почти символически сформулировал принципы абсолютистской имперской военной политики. Основная мысль заявления заключалась в следующем:

«Я никогда не откажусь от прав и привилегий, полагающихся мне как главнокомандующему... Моя армия останется общей и единой, как мощная сила для защиты Австро-Венгерской Монархии от врагов...»

* Интересные детали борьбы за армию можно почерпнуть из книги Пауля Замассы (*Samassa P.* Der Völkerstreit im Habsburgerstaat. Leipzig, 1910. S.84–100.)

** *Theodor von Sosnosky*. Der Politik im Habsburgerreiche. Berlin, 1913. Bd II. S. 204 (2-е изд.).

Однако подобная решимость послужила лишь усилению центробежных националистических тенденций, так как старая имперская армия как проводник габсбургских идей противоречила теперь не только стремлению венгров к независимости, но и желаниям остальных народов, которые осознали свои национальную принадлежность и преследовали теперь свои цели во всех областях государственной жизни. Неразрешимые конституционные и национальные проблемы Монархии тяжким бременем легли на плечи самых молодых солдат и офицеров. Сыновья народов, ведших отчаянную борьбу друг против друга в парламенте, в законодательных собраниях стран и в органах местного управления, не могли сотрудничать и в рамках наднациональной габсбургской армии, удушливую тепличную атмосферу которой династия поддерживала искусственно.

Лучшие армейские умы прекрасно видели, какие опасности таит в себе сложившаяся ситуация. Первым, кто с тревожным вниманием следил за проявлениями этих настроений, был начальник генштаба Конрад фон Гётцендорф, живая совесть армии. Он отлично понимал, какая роковая связь существует между югославянской и итальянской ирредентой и внутренним распадом Монархии. В докладной записке императору от 1907 г. генерал-фельдмаршал среди прочего писал:

«Относительно духа, царящего в армии, самым существенным остается национальный вопрос. Дух единства и привязанности к общему делу может существовать только в армии, в рядах которой каждая нация убеждена, что ее воспринимают как равноправную и равноценную… Такое равенство, в первую очередь, выражается в том, что каждая нация может с равным правом пользоваться собственным языком, действие которого внутри войска может ограничиваться лишь необходимостью введения общего языка общения…»

Однако помимо этого объединяющего языка солдат повсюду должен применять собственный язык, а каждый офицер обязан в совершенстве владеть родным языком солдат. Затем фон Гётцендорф продолжает:

«Поэтому насильственное внедрение венгерского языка отдалило бы от единой армии представителей всех невенгерских наций и, что еще хуже, противопоставило бы их армии и существенно подорвало ее дух…»

Следовательно, важнейшая цель – по мнению начальника генштаба – состоит в том, «чтобы офицер – независимо от происхождения – чувствовал себя дома повсюду на территории Монархии...»*.

Конрад обратил внимание не только на этот фактор. Он ясно видел, что нужный настрой в армии не сложится до тех пор, пока не удастся реформировать межнациональные отношения вне армии и советовал изменить дуалистическую конституцию, подведя новую базу под отношения Венгрии и Хорватии. С этой целью необходимо ввести всеобщее избирательное право, пусть и насильственно. Конрад предупреждал императора, чтобы тот не позволял армии вмешиваться в выборную борьбу для запугивания национальных меньшинств. (Применение подобных методов порой приводило к настоящей бойне, как, например, в деревне Дрогобыч в Галиции, где в ходе выборов 1911 г. в результате залпа, данного по избирателям, 27 человек погибли и 84 получили тяжелые ранения, и все ради того, чтобы сохранить власть польской шляхты над русинскими крестьянами). Конрад был справедливо убежден в том, что без полного равноправия народов единство и боеспособность армии обеспечить невозможно.

Армия ощущала на себе не только тяжелые последствия растущего народного недовольства относительно увеличения военных расходов (командование все более тревожным тоном говорило об «атрофии войска»), но и влияние эрцгерцогов, так называемой придворной камарильи, которая только ухудшала ситуацию, ибо беспомощные карьеристы оказывались выше людей по-настоящему ценных. Подобные настроения во всей своей низменности проявились во время кёниггрецкой катастрофы. Можно привести в пример эпизод (Ипполит Тэн[170] называл такие моменты *fait saillant* – самые характерные события, факты эпохи), который проливает свет на тайные процессы распада Габсбургской империи.

Трагедия генерала Бенедека, потерпевшего поражение от прусской армии при Садовой, показала, как личные интересы эрцегерцогов возобладали над очевидными интересами государства и армии. После смерти Радецкого Бенедек стал одним из самых популярных военачальников и пользовался в армии огромным авторитетом. 1866 г., когда империю осаждали прусские и итальянс-

* *Hoetzendorf K.* Von Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. Wien, 1921. Bd. I. S. 503–504.

кие войска, застал генерала в Италии, где он уже несколько лет ко мандовал австрийскими частями. Он действительно был лучшим из возможных военачальников для защиты южных рубежей империи, так как, по собственному признанию, знал «в Ломбардии каждый камень и каждое дерево». Несмотря на это, в последнюю минуту поступил приказ, по которому Бенедек должен был передать полно мочия дяде кайзера, эрцгерцогу Альбрехту и принять командова ние в Чехии, северной зоне боевых действий против Пруссии. Бене дек отчаянно противился назначению, говоря, что в Чехии, где не знает даже течения Эльбы, «будет чувствовать себя ослом». Генерал был уже готов вернуться в Италию, но в последний момент на него было оказано такое давление от имени императора, что Бенедек был вынужден подчиниться. Истинной причиной этого нелепого приказа явилось предположение, будто победа над итальянцами была делом решенным, а исход конфликта с Пруссией оставался не очевидным. В этой ситуации власти решили отдать все лавры край не честолюбивому эрцгерцогу, а на счет генерала списать возмож ное поражение. Так и случилось. Эрцгерцог вернулся домой героем, а Бенедека сделали козлом отпущения, развернув против него кле ветническую кампанию. Генерал пробовал оправдаться, но импера тор его не принял. Позднее эрцгерцог Альбрехт заставил генерала дать слово чести, что тот беспрекословно снесет любые нападки ра ди интересов Монархии. Бенедек только успел дать такое слово, как в официальной газете «Винер цайтунг» вышла статья с унизитель ными оскорблениями в адрес генерала. Автор очернил весь его путь как военачальника и утверждал, будто причиной унижения Монар хии стали исключительно огрехи и промахи, допущенные Бенеде ком. Корректуру порочащей статьи просмотрели лично эрцгерцог и военный министр. Несмотря на все это, Бенедек сдержал слово и не выступил. Лишь в завещании он упомянул об этой истории, которая «не укладывается в привычные представления о праве, справедли вости и чести...» Указывая на пережитую трагедию, генерал запре тил, чтобы его хоронили с воинскими почестями.

В стране, где могли твориться такие темные дела, армия не могла противостоять разлагающему влиянию эрцгерцогов. И, хотя в по следние десятилетия существования Монархии – как мы уже отмеча ли – были предприняты серьезные попытки чистки армии и ограни чения их незаконного воздействия (особую активность в этой сфере

проявлял эрцгерцог Франц Фердинанд и его доверенные лица в период, когда начальником штаба был Конрад фон Гётцендорф), войско не сумело освободиться от удушливой автократической атмосферы. Вся глубина кризиса стала очевидной только с началом Мировой войны, когда подавляющее большинство ведущих генералов потерпели полнейший крах. Старый император не случайно был так не уверен в своих генералах. Донесения Конрада и других талантливых генералов изобилуют возмущенными репликами о беспомощности армейского руководства: «Вся ответственность за наше поражение, заявлял генерал Краус, – целиком и полностью лежит на высшем командовании... Еще никогда армию, достойную лучшей судьбы, не подталкивали с таким легкомыслием к катастрофе»*.

Армию обессиливало не только коррумпирующее влияние двора, ее внутреннюю структуру подтачивал и дух классового господства. Особенно разрушительным его воздействие стало во время войны, когда всем привилегированным классам Монархии (естественно, не считая многих достойных личностей) в небывалых для истории масштабах удалось избежать ужасов фронта. Жизнь империи усложнила новая разновидность классовой борьбы – тихой, но ожесточенной, борьбы массами людей, загнанных в окопы, лишившихся последних запасов, израненных, так и не вылеченных надлежащим образом, и теми, кто вследствие своего положения в обществе принадлежности к аристократии, плутократии, или благодаря влиятельным связям в прессе, сумел уберечься от настоящей опасности. Попадания на фронт можно было избежать, как минимум, двумя способами. Первым стал институт «незаменимости», с помощью которого тысячи граждан сумели избежать отправки на фронт под тем предлогом, что их услуги безусловно необходимы в народном хозяйстве, высших органах управления или в редакциях влиятельных печатных изданий. Второй способ заключался в том, что юношей из богатых или аристократических семей распределяли подальше от окопов в штабы армейского руководства, откуда они довольно редко попадали непосредственно в зону военных действий. Каждый, кому доводилось во время войны бывать в штабах, мог повсюду увидеть, как тысячи ухоженных и абсолютно здоровых молодых людей находили физическую защиту в специальных

* *Supka G.* A nagy dráma. Miskolc, 1924. 359. o.

частях «для благородных», расположенных в тылу или недалеко от него. Жесточайшее противоречие между оборванными и завшивленными солдатами из траншей и одетыми с иголочки, гладко причесанными офицерами-штабистами (окопный народ презрительно называл последних *Etapenschweine* – «тыловыми крысами») действительно стало одним из факторов массовой психологии, в значительной степени ослабившим солидарность на фронтах.

IV. Аристократия

Один либеральный депутат произнес в австрийском парламенте ставшие широко известными слова:

«Многие выражали мнение, что шестьдесят аристократических семей управляют государством как собственным хозяйством и, исходя из этого, подыскивали находчивые объяснения событиям австрийской истории. Есть в этой мысли определенная правда, но правда неполная. Добавим к шестидесяти аристократическим семьям тридцать – сорок епископов – тогда перед нами предстанет вся истина».

Иностранный читатель может подумать, будто эти слова относятся к разряду выразительных преувеличений, которыми так часто обмениваются политические противники. Однако в Монархии реальность выглядела именно так – подтверждением тому может стать любое основательное социологическое или историческое исследование. Аристократия продолжала оказывать решающее влияние на жизнь Монархии даже после утраты большей части своих привилегий. По объему власти аристократия до последних дней империи практически соперничала с государем.

Поскольку исторические корни феодализма глубоко разветвились по всей Монархии, где его влияние всегда было более существенным, нежели в любой другой стране Европы (может быть, за исключением России), будет полезно несколькими штрихами реконструировать становление этого феномена. Выдающийся историк австрийского государственного управления Игнац Байдтель пишет:

«Существование дворянства и феодального уклада привело к тому, что государь мог считать своими непосредственными подданными

лишь относительно небольшую часть населения. Вторая, куда более многочисленная часть, подчинялась ему опосредованно, будучи в непосредственном подчинении у крупных феодалов-землевладельцев. В подобной ситуации большей властью обладал тот, у кого больше владений. Ежегодно такой феодал распоряжался сотнями свободных крестьянских наделов, которые он мог распределять по своему усмотрению, и для своих подданных он был более важной личностью, нежели государь. У крупных землевладельцев (или, как народ называл их в период между 1720 и 1830 гг. – у «знатных людей») в качестве чиновников или слуг более высокого ранга нередко состояли на службе обедневшие дворяне...»

Владения в пятнадцать – двадцать деревень были совершенно обыденным делом, но и семьдесят пять – сто двадцать деревень в собственности у какого-нибудь владетельного помещика были не редкостью. Важные лица обладали неограниченной административной и судебной властью над своими подданными. Некоторые из них пользовались частью правительственных полномочий. Силезские герцоги, например, имели право формировать своего рода правительство, члены которого соблюдали «придворный этикет» и регулярно собирались на придворный совет. Герцог Лихтенштейна владел краем земель силезскх герцогов (Троппау и Иегерндорф), доменами в Нижней Австрии, Чехии и Моравии*.

В Венгрии дворянские владения занимали столь же важное место, но их роль в обществе и экономике была, наверное, еще более значительной. По некоторым подсчетам, с конца XVIII в. светские и церковные крупнопоместные дворяне владели 31–58% обрабатываемых земель в разных частях страны. Венгерская история полна воспоминаний о том, как какой-нибудь феодальный землевладелец или епископ насилием или обманом становился хозяином огромных территорий. Иштван Вербёци, например (именно он сформулировал основы феодального правопорядка в первой половине XVI в.), сумел заполучить более двухсот деревень практически в каждом уголке страны. О королевских богатствах князя Ракоци, противника Габсбургов, мы уже упоминали.

После реорганизации всего феодального дворянства строго по габсбургским принципам власть аристократии только возросла. Са-

* *Beidtel.* Op. cit. Bd. I. S. 6-9.

мые знатные семьи были теперь тесно связаны еще и брачными узами – таким образом, мелкие царьки образовали единую семью.

После всего этого можно понять жалобы князя Ракоци в его воспоминаниях, когда, объясняя причины краха своего предприятия, он подчеркивает, что венгерские аристократы брали жен из Австрии и Штирии, а у остальных, выросших в Вене, были наследственные земли на границах Австрии, Штирии или Моравии, и «потому их сердцу были милы австрийцы, и они не хотели рисковать своим богатством, имуществом». Половина самых знатных семейств постоянно проживала в Вене и была в курсе намерений и распоряжений императора.

Совершенно естественно, что главные семьи не утратили своих частичных правительственных полномочий, даже когда старые их феодальные привилегии были утрачены, и Габсбургам удалось создать собственную военную и административную структуру для всей страны. Крупные землевладельцы сохранили за собой ведущую роль в общественной и политической жизни до самого развала империи, а опорой для этой роли были гигантские земельные владения и политические привилегии на выборах в законодательные собрания.

В иной связи будем мы анализировать экономические, социальные и политические последствия этой огромной власти в условиях Монархии Нового времени, так как именно она, прямо или косвенно стала источником самых опасных центробежных сил, подтолкнувших империю к катастрофе. Но на данном этапе мы исследуем аристократию с еще одной точки зрения, а именно, как главного выразителя габсбургской государственной идеи, наиболее влиятельную общественную силу, посредством которой династия планировала осуществить централизацию и германизацию государства. Читатель, уверен, вспомнит описанный выше период, в ходе которого Габсбурги либо усмирили, либо совершенно уничтожили местное дворянство и заменили его лояльной знатью. Такая аристократия была необходима династии как воздух, ведь в преддверии капитализма, в эпоху, когда экономика базировалась, в основном, на меновой торговле, а транспортное сообщение находилось в зачаточном состоянии, система феодальных, патримониальных владений была, с точки зрения Габсбургов, неизбежным злом, заменить которое никаким другим институтом они не могли. Помимо этого, в беспокойном, анархическом феодальном мире династия нуждалась в серьез-

ной общественной и политической власти, с помощью которой можно было бы эффективно влиять на многочисленное мелкое дворянство и противостоять постоянной угрозе феодальных интриг и крестьянских восстаний. Политическое единство, созданное усилиями династии, невозможно представить без помощи и одобрения со стороны лояльного дворянства. Принятие Прагматической санкции в Венгрии и Хорватии, например, в первую очередь, его заслуга.

Однако чем дальше менялась структура Монархии с развитием экономической и духовной жизни, и чем демократичнее становилась Австрия благодаря более осознанному участию в ее жизни крестьян и буржуазии (в Венгрии аналогичный процесс шел куда медленнее, и власть латифундий оставалась практически незыблемой), тем быстрее начала феодальная аристократия терять свои корни и превращаться в общественном мнении в изолированный слой. Подавляющее большинство австрийских аристократов оставались чужими на земле, куда они попали милостью дарами Габсбургов. Уже упомянутый нами Кляйнвехтер, проницательный исследователь старой Австрии, пишет об этом сословии:

«Почву свою она потеряла, а ее корни добывали питание не из родной земли, но ползли вверх по стволу правящего дома, высасывая из него соки. В то же время, австрийское дворянство стало жертвой редкого самообмана: плющ, тесно примыкающий к дереву, без которого он неспособен к жизни, вообразил себя опорой дерева. Еще более необычная иллюзия: дереву тоже казалось, будто плющ его поддерживает».

За единственным исключением. Наследник трона Рудольф отчетливо видел, что аристократия пережила себя, и империю на таком фундаменте не сохранить. В 1878 г. в Мюнхене вышла книга Der Österreichische Adel und sein constitioneller Beruf, Mahnruf an die aristokratische Jugend, Von einem Österreicher («Австрийское дворянство и его конституционное призвание. Призыв одного австрийца молодым аристократам»). Автором нашумевшего памфлета был сам наследник; текст он написал вместе со своим учителем и другом, выдающимся австрийским ученым, основателем австрийской экономической школы Карлом Менгером (1840–1921). Можно без преувеличения сказать, что никогда еще правящая каста Австрии не подвергалась такому скурпулезному и беспристрастному анализу – ни до, ни после. Автор подчеркивает, что

дворянство тормозит и административные, и военные службы. Его представители оказались непригодны к военной службе, ведь причиной военного поражения Монархии (отсылка к Кёниггрецу) было как раз то, что все ведущие позиции заняли аристократы. Они обладали смелостью, но были абсолютно не способны идти в ногу с развитием военной науки.

«Единственное, к чему стремились военачальники-аристократы, – создать приятную, благородную атмосферу в офицерском корпусе и изображать доблестных рыцарей. Однако они старательно избегали проведения любой фундаментальной реформы... Храбрейшие сыны Австрии пролили кровь на чешском поле боя, став жертвами этого самообмана...»

Когда же в армии ввели серьезную систему обучения и контроля, молодые дворяне быстро утратили интерес к делу защиты родины. Они прилагали усилия к тому, чтобы офицеры-вербовщики не сочли их годными к военной службе, и избегали ее не только потому, что «невозможно с радостью служить там, где закон обращается с дворянами наравне с представителями остальных общественных классов», но и по причине «безграничной праздности» аристократов, которая делает их неспособными к серьезному напряжению сил или сдаче любого экзамена. Столь же непригодными оказались дворяне и к тем управленческим постам, где требовались определенные профессиональные знания. Аналогичная ситуация сложилась и в конституционной жизни (хотя, по феодальному праву, аристократия управляла верхней палатой парламента) – отчасти потому, что знать недолюбливала конституционные институты, отчасти, из-за отсутствия необходимых знаний. Наследник делал из этого вывод, что судьба консервативной мысли находится в плохих руках*.

В чем же причина такого безразличия и бездарности? Чтобы ответить на этот вопрос, Рудольф тщательно анализирует образ жизни и общественные привычки аристократии. Он пишет, что знать заполняет свою жизнь развлечениями, чаще всего, охотой и балами. Серьезные проблемы не играют в этой жизни никакой роли,

* Ту же мысль выразил поколением ранее герцог Феликс Шварценберг, глава австрийского кабинета министров, содействовавший упрочению абсолютизма. Он часто повторял, что «среди дворян не наберется и четырех, чьи способности оправдывали бы существование верхней палаты Австрийского парламента».

сюда не проникает ни наука, ни благородные искусства. У представителей знати нет ни малейшего представления о том, с чем борются и к чему стремятся люди, которым выпал иной жребий.

Еще одну причину краха аристократии Рудольф видит в идеологии иезуитов, питавшей молодые умы на протяжении многих лет. Молодые люди выходят из школы, построенной на иезуитских принципах, неподготовленными к жизни; они не только равнодушны к идеям консерватизма и лишены любви к историческому прошлому, но испытывают решительное отвращение к существующим правовым институтам и всякому культурному прогрессу.

Дальнейшие события практически до последнего слова подтвердили правильность выводов, сделанных наследником и его учителем. В последующие десятилетия представителей старой аристократии все чаще стали вытеснять с тех постов, где нужны были настоящие способности и умение работать. После введения всеобщего избирательного права в Австрии (в Венгрии сохранялась прежняя коррумпированная избирательная система) дворян практически полностью изгнали из парламента, в котором они когда-то играли решающую роль. Среди 512 депутатов было всего два герцога и четыре графа. Традиционное большинство выходцев из дворянских семей сохранилось лишь в министерстве иностранных дел и в дипломатическом корпусе (несмотря на высокие требования к кандидатам на должности в этих структурах, экзамен при поступлении сюда служил лишь для отсева нежелательных буржуазных элементов). Альманах дипломатической службы с 1914 г. выглядит как Готский альманах (*Almanach de Gotha* – генеалогический сборник, издающийся с 1763 г. в немецком городе Гота): на высших постах мы не обнаружим ни одного представителя среднего класса.

С течением времени аристократия превратилась в сторонника габсбургской государственной идеи еще более опасным образом. Она трансформировалась, в большинстве своем, в паразитический класс бездельников, занятых лишь роскошью, интригами и погоней за удовольствиями в своем закрытом мире, игнорируя истинные интересы страны. Меньшинство же дворян настолько прикипели к конституционному порядку в странах и землях, что превратились в самых последовательных сторонников местного патриотизма. Хотя у многих предки пришли на эти земли как послушные ставленники Габсбургов, несколько поколений спустя

эти семьи настолько впитали в себя атмосферу и идеологию подвластной им страны, что нередко вели жестокую борьбу с центральной властью в защиту старой конституции. Взять хотя бы систему идей чешской короны, ставшую для Монархии одним из главных источников внутренних проблем; эта система как раз была продуктом деятельности непосредственно феодальной аристократии.

Незаслуженный перекос в пользу дворянства стал причиной еще одного патологического процесса: знать заразила своей архаичной идеологией и остальные классы общества. Именно аристократы провоцировали по всей Монархии снобизм и жажду продвижения вверх по социальной лестнице. «Человек начинается с барона», – эта австрийская поговорка характеризует общество, в котором совершенно отсутствовало сознание среднего класса. Чиновники высшего ранга после многолетней службы получали дворянский титул, а самые выдающиеся могли дослужиться до титула барона, и, хотя новое дворянство не владело землей и никогда не обладало истинным общественным статусом, оно все же содействовало превращению представителей самых честолюбивых слоев в идейных вассалов при феодалах*.

Однако самое опасное последствие засилья знати состояло в том, что она совершенно изолировала монарха – и особенно Франца Иосифа – от общества, с помощью категорических предписаний придворного этикета. Император был практически лишен возможностей соприкоснуться со средними слоями или с народом, ведь двор никогда не воспринимал их как людей, наделенных равными с дворянами правами и статусом. В тех редких случаях, когда император в конце официального обеда или приема был вынужден обмениваться парой фраз с представителями крупной буржуазии и проводил ритуальный опрос, так называемый cercle, или «круглый стол», его вопросы, с их церемониальной сдержанностью, всегда балансировали на грани комизма. Ни разу не бывало, чтобы кайзер серьезно побеседовал с кем-то кроме своих магнатов и генералов. Мне неизвестен ни один случай, чтобы его

* Именно поэтому в новой Австрии нет либеральной партии, а в австрийском парламенте мы не найдем ни одного представителя сознательной буржуазии. В новой Венгрии ситуация практически аналогичная – стоит только ознакомиться со истинной идеологией партий, замаскированной политической рекламой.

заинтересовало мнения ученого, художника или ведущего промышленника. «Народ» оставался для Франца Иосифа безжизненным, бесплотным метафизическим понятием. Крайне усложненный механизм придворного этикета, до мельчайших деталей выверенная схема влияния аристократических родов и высшего духовенства были выражением целей и задач феодальной знати и ее инструментом, призванным изолировать государя от любых современных веяний и истинных желаний народа. В тепличной атмосфере двора аристократия превратилась в действительно искусственное образование, и в период катастрофы, настигшей Монархию, это стало совершенно очевидно. Когда после распада империи общественное мнение встало на сторону республиканской идеи, этот класс всесильных высокомерных богачей не приложил ни малейшего усилия к спасению императора как единственного источника своих привилегий. Тогда же представители знати постепенно были вытеснены из круговорота новых демократий даже в самой Австрии, где, правда, их феодальные владения не были экспроприированы. Только феодальное дворянство Венгрии и – в некоторой степени – Польши сумело сохранить прежнюю ведущую роль. Причину отличия следует искать, с одной стороны, в том, что знать этих стран была прочнее связана с борьбой своих народов за национальную независимость, а с другой – разница в социальном и культурном развитии между аристократами и отсталым крестьянством была здесь куда больше, нежели в остальных государствах – наследниках Австро-Венгерской империи; в-третьих же, в указанных странах начисто отсутствовал сознательный средний класс. Наряду с этим как в венгерском, так и в польском обществе присутствовал широкий слой среднего дворянства, выражавший идею национальной независимости в противовес габсбургской аристократии. Этот венгерский дворянский средний класс («джентри») сыграл решающую роль в возникновении сепаратистского антиавстрийского движения. В связи с этим уместно проанализировать значение этой общественной группы в части, где мы предлагаем детальный анализ динамики центробежных сил.

V. Римско-католическая церковь

Наряду с армией, самым нерушимым столпом династии Габсбургов, была римско-католическая церковь. Как мы отметили в историческом обзоре, династия всем своим политическим и военным весом и самыми жестокими методами содействовала церкви в проведении контрреформации и возвращении в лоно католицизма стран в большинстве своем перешедших в протестантизм. Однако Рим, вместо того чтобы торжествовать победу, предоставил императору всю полноту идеологической, моральной и политической власти, с тем, чтобы он превратил империю в единое централизованное и лояльное государство. Во времена, когда лишь церковь являлась носителем цивилизации и культуры в высшем понимании, ее поддержка значила очень много, ведь именно церковь держала в своих руках идеологию и образование. Но и позднее, когда государство пыталось ограничить власть церкви в области права и образования (например, при Иосифе II, или в шестидесятые годы XIX в., когда в Австрии отменили конкордат с Римом и провели целый ряд либеральных реформ, или в девяностые годы XIX в. в Венгрии, где удалось провести через парламент важные законы в отношении церковной политики – к примеру, закон о гражданском браке и о браках, заключенных между евреями и христианами), серьезного урона политическому и моральному влиянию церкви это не нанесло. Более того, нападки воинствующих либералов сделали действия клерикалов еще более сознательными и эффективными.

Огромная власть церкви была обусловлена многочисленными факторами. Культурная отсталость деревенского населения; огромные владения, жалованные династией, – благодаря им Римско-католическая церковь в Австро-Венгрии была самой богатой в Европе; блеск и пышность храмов и монастырей, где создавались прекрасные образцы религиозного искусства, до сих пор составляют ценнейшее наследие художественного прошлого империи; создание филантропических и образовательных учреждений во времена, когда государство не занималось социальной сферой; конституционные привилегии, позволявшие церкви в больших масштабах вмешиваться в процесс принятия законов; более широкий, наднациональный подход по сравнению с представителями протестантской

церкви, – вот лишь несколько источников исключительной власти и авторитета римской католической церкви.

В целом, можно сказать, что церковный феодализм объединил материальные силы светского феодализма с мощью духовной культуры и благоговением, которое люди испытывали перед трансцендентальным авторитетом церкви. Тем не менее, власть духовенства опиралась, в первую очередь, на обширные земельные владения, а проживавшее в них многочисленное крестьянское населения находилось в материальной и моральной зависимости от церкви. Таким образом, совершенно естественно, что эта мощнейшая историческая и экономическая сила обладала огромным влиянием на массы. Церковь сохранила свою власть практически до новейшего времени, однако сознание своих уникальных привилегий делало эту власть все более механистичной. Она постепенно превращалась в политическую властную структуру, политическое противоядие, используемое Габсбургами в борьбе с возвышающимися общественными классами. Уже не народная почва служила ей источником энергии, а исключительно блага и правовые привилегии, дарованные императором. Тот факт, что большинство рабочих, принадлежавших к социал-демократическому лагерю, не просто выражали антиклерикальные взгляды, но и открыто заявляли о своем атеизме, очевидно, было связано с тем, какую роль играла церковь и как себя вела. И даже моральное воздействие, оказываемое на массы, находившиеся исключительно под влиянием духовенства, было незначительным в тех областях, где церкви не удавалось достаточно подчеркнуть свое значение. Несмотря на то, что церковь постоянно боролась против незаконных сексуальных связей и за незыблемость брачных уз, и, несмотря на поддержку со стороны двора, о реальном улучшении нравов вряд ли можно было говорить. В первое десятилетие XX в., когда еще можно было собрать четыре с половиной миллиона подписей против петиции с призывом разрешить расторгать брак при определенных обстоятельствах, Австрия занимала первое место среди европейских стран по количеству незаконнорожденных; рекордные показатели были зафиксированы в тех регионах Монархии, где церковь имела самый прочный моральный авторитет. Но и сама церковь придерживалась догмата о целибате довольно непоследовательно: незаконная семейная жизнь сельского духовенства

была притчей во языцех, а поповские кухарки служили постоянным предметом шуток для юмористических изданий.

Деятельность церкви в сфере высшего образования также не способствовала развитию современного светского образования. Знаменитые иезуитские коллегиумы в городах Кальксбург и Фельдкирх, где обучались дети аристократов и имущих слоев, воспитывали людей определенного типа; им были присущи феодальная косность и отсутствие какого-либо сочувствия к современным демократическим и общественным проблемам. Более старые ордена, получавшие щедрые пожертвования, – бенедиктинцы, цистерцианцы и августинские братья – представители более свободной, светской идеологии, все чаще вступали в конфликт с крайне влиятельным церковным движением под руководством иезуитов, которое выступало против более мягкой дисциплины в этих орденах, против их открыто пронемецкого духа и культуры.

Если оставить без внимания ряд исключений, продиктованных личными интересами или пристрастиями, мы увидим, что Римско-католическая церковь в целом была далека от любых немецких националистических тенденций и, скорее, склонялась к прославянской политике. Эта позиция, имевшая серьезные последствия, была продиктована несколькими причинами. Прежде всего, католицизм, универсальный по своей природе, не одобрял подчеркнутого разделения на национальности. Во-вторых, церковь ясно понимала, что идею единой Габсбургской монархии (а церковь обеспечивала основную моральную поддержку этой идеи) в империи, населенной преимущественно славянами, невозможно совместить с пренебрежительным отношением к духовным и культурным устремлениям славян. Движение в этом направлении определял еще один фактор: немцы, как самое цивилизованное начало империи, не находились под влиянием церкви до такой степени, как многочисленные славянские народы: поляки, словаки, хорваты и словенцы, которые стояли на более низкой ступени культурного развития и с неизменной преданностью признавали над собой власть церкви*. Однако у подобного прославянского поведения была еще одна, наверное, более

* Подобного рода вассальное подчинение было характерно для всех перечисленных народов, за исключением чехов: последние, в силу гуситских традиций и борьбы против собственной католической аристократии, вступившей в сговор с Веной, относились к Риму крайне прохладно, и он отвечал им тем же, с подозрительностью и недоверием.

значимая причина: национальный либерализм церкви служил выражением лишь традиционного антагонизма и неприязни, отделявших католическую Австрию от ее конкурента – протестантской Пруссии. Действительно, мы видим, как церковь пыталась сгладить внутренние противоречия Монархии в русле славянолюбия, тем более что до восьмидесятых годов XIX в. ничто в империи немецкой гегемонии не угрожало. Но даже когда конфликты между немцами и славянами обострились, и при графе Тааффе на посту министра-президента начался процесс так называемой «деславянизации», немецкие клерикалы по-прежнему решительно поддерживали идею Железного кольца (Eiserner Ring), союза между всеми клерикальными и феодальными силами империи как гаранта эффективной политики. Представитель немецких клерикальных кругов граф Фалькенхайн даже стал автором печально известного Закона Фалькенхайна (*Lex Falkenhayn*)[171], который в 1897 г. (когда указы графа Бадени[172] об использовании языка вызвали бурный протест немецкой части населения) стал попыткой насильно сломить сопротивление немцев.

В этой связи нельзя забывать, что немцы всегда обладали властью; общеизвестный психологический факт: защитники устаревших привилегий никогда не достигают той степени морального воодушевления, которая присуща борцам за более «свежие» и справедливые компромиссы. Поэтому немецкие представители духовенства были более рассудительны, в то время как славянские представители Римско-католической церкви становились выдающимися лидерами своих народов в борьбе за национальное равноправие. Если говорить вкратце: немецкое католическое духовенство было решительно, хотя и не агрессивно, консервативным, а славянское отличалось нетерпимым национализмом. Вряд ли можно представить югославянское единство без привлекательной личности хорватского епископа Штроссмайера[173] и постоянных усилий, которые он прилагал во имя культурного расцвета и национального просвещения хорватов. Аналогичную, почти апостольскую роль сыграл не только в национальной борьбе, но и в хозяйственной и общественной жизни своего народа римско-католический священник словенского происхождения Янез Крек[174]. Даже в Венгрии, где сильный венгерский национализм во многом ограничивал наднациональные

устремления церкви, появился целый ряд римско-католических или греко-католических священников, ставших лидерами освободительной борьбы национальных меньшинств, и некоторые из них –словаки Андрей Глинка и Фердинанд Юрига – поплатились тюрьмой за свои убеждения[175] .

Прославянский настрой римской церкви был настолько очевидным, что в 1898 г. герцог Лихновский, новый посол Германии в Вене, в одном из своих донесений германскому канцлеру нарисовал такую характерную картину национальных и морально-этических отношений в дуалистической монархии:

«В Восточной марке [характерно, что в глазах прусского дипломата Австрия по-прежнему оставалась Ostmark – Восточной маркой, восточным бастионом германской империи!] сегодня уже мало кто из немцев существует вне клерикального и феодального лагеря. Без вооруженного братства господина Вольфа сотоварищи [самая воинственная группа немецких националистов в Австрии на тот момент, которая проповедовала в демагогическом ключе крайне националистические и антисемитские идеи] немцы потерпели бы безнадежное поражение от славян и от их светских и религиозных защитников».

Лихновский подчеркивал, что данное мнение разделяют даже более умеренные немецкие круги, и, таким образом, неизбежной становится мысль об австрийско-германском единстве, а противятся этому только двор и церковь. Посол продолжает:

«Что можно противопоставить сильной государственной идее чехов, если не другую национальную идею? Относительно бескровная австрийская государственная идея, носителями которой являются один жалкий старик, его беспокойный племянник и славянское католическое духовенство хождения, ни в коем случае не соответствует этой задаче»*.

Картина у прусского дипломата в силу его пангерманских воззрений получилась для того времени преувеличенная и довольно предвзятая. Правда состоит в том, что воинственный пангерманский национализм под руководством талантливого Георга фон Шёнерера[176] никогда не мог добиться серьезных результатов. В конце XIX в. – из

* Die grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Berlin, 1924. XVIII. 118–119.

страха перед растущим чешским влиянием и в ответ на прославянскую политику Бадени – немецкие националисты создали движение Los von Rom! («Прочь от Рима!»), призывавшее австрийских немцев порвать с католицизмом и примкнуть к протестантам. Подразумевалось, что это станет выступлением против прославянской политики католической церкви и, в то же время, проявлением родственных чувств по отношению к протестантам Германской империи. Однако ни для кого не было секретом, что движение носит, в конечном итоге, антигабсбургский характер. Если бы девять миллионов австрийских немцев-католиков перешли в протестантизм, у Германии не было бы больше проблем с принятием Австрии в состав Германской империи. Таким образом, лозунг «Прочь от Рима!» все больше соединялся с лозунгом «Прочь от Габсбургов!», но, несмотря на демагогическую пропаганду, движение так и не сумело завоевать симпатии широких слоев населения. За целое десятилетие лишь 60–70 тысяч человек покинули ряды католиков и стали протестантами или частично примкнули к так называемым «старокатоликам» (католическая секта, порвавшая с Римом).

Куда более значимым стало другое массовое религиозное движение, которое эксплуатировало социальную неудовлетворенность представителей немецкой мелкой буржуазии и, используя категоричные лозунги в поддержку династии и великой Австрии, сумело отвоевать позиции немецкого сепаратизма и направить его в совершенно новую сторону – усиления антисемитской направленности. Душой этого движения в восьмидесятые годы XIX в. стал Карл Люэгер, впоследствии – бургомистр Вены. Он ловко совместил фанатичный католицизм с интересами династии и так называемого «христианского социализма» и направил острие своей пропаганды главным образом против состоятельных евреев – представителей среднего класса, политическое и финансовое влияние которых стало тяжелым бременем для рабочих и мелкой буржуазии в крупных городах и особенно в Вене. Люэгер и его соратники умело манипулировали антикапиталистическими и антисемитскими настроениями масс и сумели образовать на католической основе лояльное к династии немецкое движение, ставшее опорой для любых усилий по созданию единой Монархии. Именно среди участников этого движения рекрутировал Франц Фердинанд самых верных и способных членов своего штаба в попытке реорганизации Монархии и

превращения ее в Gesamtmonarchie (общая монархия). Вначале движение Люэгера подвергалось яростным нападкам как со стороны так называемых либералов, так и со стороны официальных клерикалов. Первые осуждали антисемитизм христианских социалистов и связанные с ним планы по переводу коммунальных предприятий из частной собственности капиталистов в городскую собственность. Клерикальные же круги с их феодально-верноподданническими чертами, пугало то, что Люэгер стремится выявить общественное недовольство и придать ему форму организации. Новый католицизм Люэгера вызвал такую волну страха и ненависти, что император не утверждал результаты выборов бургомистра, хотя Вена четырежды избирала Люэгера на пост главы города. Тем не менее, лидеру христианских социалистов удалось сломить обоих противников: и австрийский либерализм, и ортодоксальный католицизм. Христианский социализм стал влиятельным фактором как в парламенте, так и в городской жизни, постоянно подчеркивая важность единения между государством и армией. И хотя партия в силу тесного взаимодействия с народными массами была иногда вынуждена играть на националистических струнах, ей были свойственны и некоторые наднациональные черты, и Люэгер пытался избежать в своем лагере национальных противоречий. Произнесенная им однажды фраза «*Lasst's mir meine Böhm' in Ruh*» (Оставьте мою Богемию в покое!) характеризует позицию политика в отношении национального вопроса.

Параллельно со все большим обособлением народов Монархии единство клерикальных кругов тоже оказалось под угрозой. Немецкий клерикализм уже не мог играть роль «дополнения» в коалиции феодальных и славянских сил. Характерно, что в 1909 г. не удалось провести общеавстрийский съезд католиков, поскольку руководители клерикальных партий из отдельных стран не верили, что в ходе дискуссий участники смогут абстрагироваться от национальных противоречий. Однако Венский евхаристический конгресс 1912 г. стал настоящим апофеозом императора и династии.

В свою очередь, императорский дом тоже оставался верен своему надежному духовному охранителю. Чем интенсивнее шел процесс национального распада Монархии, тем более теплые чувства испытывала династия к церкви. После короткого антиклерикального эпизода в обеих государствах Монархии вновь последовало возрож-

дение клерикализма, его реорганизация и подавление любых свободолюбивых проявлений в сфере народного образования и общественной жизни. Если бы Франц Фердинанд взошел на трон, под влиянием его супруги, ревностной католички, эта тенденция наверняка достигла бы своего апогея.

Описанные выше расклад сил и тактика католицизма в первую очередь относятся к Австрии. В Венгрии религиозная ситуация была несколько иная. Это вытекало, прежде всего, из разницы в численном соотношении католиков и представителей других деноминаций. В Австрии католики составляли подавляющее большинство в 78,8%, а вместе с греко-католиками и все 90,8%. Последователи православия составляли лишь 2,3% от всего населения, а протестанты – и того меньше (2,1%). 1,3 миллиона евреев (4,6% населения) были слишком удалены от христианского общества, чтобы влиять на его общую религиозную структуру. В Венгрии же (без учета Хорватии) Римско-католическая церковь с 49,3% своих приверженцев находилась в меньшинстве и составляла большинство в 60,3% только в совокупности с греко-католиками. Однако греко-католическая составляющая (в основном румыны и русины) по крайней мере большей частью образовывала отдельную национальную группу, которую нельзя было рассматривать в качестве серьезной опоры для римской церкви. Монополии Римско-католической церкви противодействовал тот факт, что контрреформация в Венгрии не была такой успешной, как в Австрии, и протестантское меньшинство (21,4% – из них 14,3% – кальвинисты венгерского происхождения) оказывало существенное влияние на политическую и общественную жизнь будучи выразителем более свободной, либеральной позиции. В то же время значительное греко-православное меньшинство (12,8%) – главным образом румыны – представляло собой общность, идеология и устремления которой никак не были связаны или согласованы с доминирующим католицизмом. И наконец, пятипроцентное еврейское меньшинство играло крайне активную роль во всех интеллектуальных сферах венгерской жизни.

Несмотря на подобные расхождения в религиозное среде, высшее римско-католическое духовенство Венгрии в большинстве своем оставалось таким же послушным орудием династии, как и в Австрии. Большинство высших иерархов поддерживали любые

нападки на венгерскую независимость со стороны абсолютизма и центральной власти и все планы по созданию единой государственной структуры, постоянно подчеркивая свою верность престолу. Девиз «Бог, король и отечество» уже самим порядком слов символически выражал данную позицию. Следует, однако, подчеркнуть, что после компромисса 1867 г., когда император признал самостоятельное венгерское государство, а управление им перешло исключительно под контроль господствующих классов Венгрии, католическая церковь стала активно перекрашиваться в венгерские цвета. Некоторыми представителями высшего духовенства действительно руководили патриотические чувства, другие вынуждены были отступить перед растущим напором венгерского национализма и шовинизма. В целом, венгерская католическая церковь сохранила куда больше феодальных и классовых черт, нежели австрийская. Причиной тому было отсутствие каких бы то ни было политических прав у значительной части венгерского населения. Католическая церковь выражала те же аристократические и антидемократические настроения, что и австрийская церковь до возникновения новой христианско-социалистической партии. Венгерская церковь была главной опорой не только для династии, но и для венгерского феодализма. Она не ощущала необходимости стать защитницей угнетенных национальных меньшинств, как это произошло в Австрии, хотя мы и можем отметить отдельные попытки, сделанные в этом направлении. Так, например, граф Фердинанд Зичи, влиятельный католический вельможа и его окружение под влиянием идей христианского социализма активно выступил в защиту элементарных прав словацкого народа, а некоторые епископы, жившие на словацких территориях (в том числе исключительно талантливый церковный деятель Фишер-Кольбри[177]), ясно видели, какие серьезные проблемы создает для церкви политика мадьяризации. Увы, эти тенденции не принесли практически никаких результатов отчасти в силу феодальной направленности церкви.

Однако самым существенным отличием венгерской религиозной атмосферы от австрийской было наличие в Венгрии сильного протестантского меньшинства, о котором я уже упоминал. Это меньшинство – и, особенно, кальвинистская его ветвь – находилось в такой прочной внутренней связи с самыми энергичными слоями

мелкого и среднего дворянства и крестьянства, что общество воспринимало протестантизм как исключительно «венгерскую веру», и в этом качестве он стал самым животворным источником стремления венгров к независимости. Кальвинистский дух успешно соперничал с габсбургским клерикализмом, поскольку католическая церковь не осмеливалась открыто выступить против националистических и шовинистических тенденций, боясь потерять поддержку патриотично настроенного общества, и тем самым подталкивало это общество в сторону протестантской веры.

VI. Административно-бюрократическое устройство

Целью многовековых усилий Габсбургов по централизации и объединению империи было создание совершенно надежной и лояльной бюрократии, которая в полной мере работала под руководством династии и подчинялась ее воле. В австрийской части Монархии эта работа увенчалась абсолютным успехом, а при режиме Баха, в период германизации и централизации абсолютизм в Венгрии тоже был близок к тому, чтобы объявить процесс объединения империи завершенным под властью немецкого чиновничьего корпуса.

Я уже говорил, что бюрократическая система была творением непосредственно габсбургской династии и имела целью уничтожить любые проявления национального партикуляризма и серьезные попытки создания местных автономий. Если армию можно назвать военным телохранителем Габсбургов, а католическую церковь – их духовной охранительницей, то бюрократическая система выполняла функции административной и полицейской защиты. В атмосфере ancien régime, с его феодальными интригами, изменами, множеством локальных интересов, создать надежную бюрократию было непросто. Поэтому династия с готовностью нанимала иностранцев – нередко авантюристов, которые надеялись обрести на императорской службе кусок хлеба и славу. Исторически сложившуюся структуру австрийской бюрократии наглядно демонстрирует нам наблюдательный критик режима Герман Бар, чью небольшую книжку «Вена» (о которой уже упоминалось выше), вышедшую

в 1907 г., моментально изъяла из продажи венская полиция. Вот одно из самых характерных наблюдений:

«Необходимо было срочно найти такие существа, в которых лишь милость императора может обнаружить признаки жизни и которых она же в состоянии уничтожить, как только пожелает. Людей, у которых нет ни дома, ни родины, ни корней, которые вчера еще были никем, но теперь вдруг воспарили, поднятые невидимой рукой. Вот они висят там, наверху, в постоянном страхе, на виселице императорской милости. Дезертиры, бродяги, бездомные, конюхи, авантюристы, алхимики, астрологи, незаконнорожденные, искатели счастья, лакеи, писари, бесправные одиночки без роду и племени. Для них дом – всюду, где есть перспектива поживиться… Эти люди всегда сознают, что завтра их могут повесить… Из таких людей образовался новый человеческий тип. И тут же сформировалась новая колония, колония императорского дома. Новый тип людей – «патриоты кайзера Франца»… Их мысли, чувства, и даже язык – все было искусственным. Они создали особый австро-немецкий язык, которым до сих пор пользуются чиновники и евреи, не желающие быть евреями. Можно сказать, что эти люди были порождением воображения, существами, созданными «сверху». И они обеспечивали функционирование государства и общества на протяжении двух сотен лет… Нация гофратова [надворных советников]…»

Чиновничий аппарат сохранил кастовый характер и с наступлением Нового времени, когда бюрократия уже перестала быть чужеродным телом в государстве, но обеспечивала привычные карьерные перспективы для детей австрийских дворян и крупных буржуа. В своем прозорливом анализе предвоенного австрийского общества Кляйнвехтер, бывший сам на службе в бюрократическом аппарате, следующим образом характеризует тип чиновника, сформированный в духе габсбургской идеи:

«Идеальный австрийский имперский чиновник прекрасно говорит по-немецки, но никаким национальным сознанием не обладает – будь он даже немцем по рождению. Беззаветно, без каких бы то ни было критических проявлений, он служит слепым орудием династии… Достичь идеала, в полной мере, конечно, невозможно. Попадался он, в первую очередь, в старых чиновничьих и дворянских семьях, тех, что растеряли национальное чувство и обрубили кор-

ни, вросшие в родную землю, при переселении из одной страны в другую. В «австрийской» жизни эти люди надеялись обрести замену утерянным национальным и государственным идеалам... И только лучшие из них смогли преодолеть пережитое, испытав тяжелый внутренний конфликт. Они очень скоро поняли: «австрийскость» – это отнюдь не государственное сознание, дающее простор для патриотизма, но, по сути, лишь механическая мода, преданность династии, свободная от каких-либо государственного или национального чувства...»*.

Имперская бюрократия тяжелым бременем легла на плечи народов Монархии. Критики, от Иосифа II до барона Андриана и Йозефа Редлиха, снова и снова бичевали чиновничество за его твердолобость, холопское, механистическое отношение к делу, высокомерное невежество. Великий кайзер в 1765 г. писал:

«Случается, что никто ничего не делает, а в сотнях листов бумаги, измаранных в венских конторах, не найдешь и четырех страниц, проникнутых духом созидания или содержащих свежую или оригинальную мысль...»

Два поколения спустя Чарльз Силсфилд яростно критиковал возмутительную лень, неповоротливость и отсталость имперской бюрократии. «На восемьсот миль от столицы без разрешения районного префекта нельзя отремонтировать даже старую школьную парту». Барон Андриан с иронией замечает: «Если наши представления о Китае верны, то Австрия для Европы – то же, что и Китай для Азии...» Редлих написал целую монографию и эмоционально выступил против патриархального духа и практики австрийской бюрократии и нездорового разрастания государственного аппарата**.

Ситуацию осложняло еще и то, что общество не имело ни малейшей возможности контролировать имперскую администрацию. Консерватизм и секретность государственных органов достигли такого уровня, что иногда из-за противодействия администрации невозможно было выполнить волю кайзера. Хотя традиционное австрийское добродушие (то, что называли словом Gemütlichkeit) несколько облегчало давление со стороны системы, навязываемая народу патриархальная мораль подавляла лучшие силы общества,

* Op. cit. S. 107–108.

** Verfassung und Verwaltungsorgnisation der Städte. Band 6: Österreich. Leipzig, 1907; Iden. Zustand und Reform der Österreichischen Verwaltung. Wien, 1911.

и неудивительно, что в эпоху народного возрождения 1848 г. именно закоснелый централизованный абсолютизм стал мишенью для самых неистовых нападок. Однако губительный дух успешно пережил революционные времена и не изменил своей сути практически до последних дней империи. Выдающийся лидер социалистов Виктор Адлер[178] охарактеризовал это явление как *Ein Absolutismus gemildert durch Schlamperei* («абсолютизм, смягченный расхлябанностью»).

Были и другие факторы, из-за которых власть бюрократии становилась еще невыносимей. Протекционизм двора и высшей аристократии привел в государственные учреждения множество непригодных людей. Сотни и сотни нитей связывали чиновничий аппарат с так называемым «приличным обществом». Когда запутанное дело какого-нибудь влиятельного лица противоречило интересам властей, нередко можно было услышать оптимистичное заявление: *Ich werd's mir schon richten!* (Уж я-то все устрою!) Позднее чиновники попали в определенную зависимость от крупных промышленных и финансовых предприятий. Тем самым я хочу указать не на коррупцию, но на связь совершенно иной природы. С приходом крупных капиталистических концернов в управление промышленностью материальное положение их руководства по сравнению с низкими зарплатами чиновников существенно улучшилось. В таких условиях более способные и честолюбивые с готовностью шли на службу к капиталистам. Совершенно естественно, что эти люди использовали свои связи с бывшими коллегами по госаппарату на новой работе и, таким образом, могли обеспечить своим фирмам преимущества, недоступные простым коммерсантам.

Отсутствие ясных политических целей и настоящей моральной движущей силы было еще одним фактором, отравлявшим атмосферу в органах управления. Никакое чувство национальной и социальной солидарности с жителями региона не стимулировало деятельность чиновника, туда откомандированного. Густав Стракош-Грассман, которому мы должны быть благодарны за прекрасный анализ истории австрийского народного образования, считает именно эту черту австрийской бюрократии препятствием к созданию эффективной системы школьного обучения:

«Тот факт, что чиновники, присланные для руководства отдельными областями, не знают страну и народ, ее населяющий,

влечет за собой серьезные последствия. Молодые и старые представители политической власти прибывали в имперские владения, имея слабое представление о стране и народе, или вообще ничего о них не зная, не владея местным языком, но тем более уверенные в себе. (Надо знать этих элегантных господ, занимающих управленческие посты, – с каким достоинством они изображают из себя благородных рыцарей и подчеркивают свое высокое положение!) За блестящей подтянутой внешностью нет никакого содержания, одно безграничное невежество. В то время, как швейцарские чиновники выполняют свои обязанности с неутомимой энергией и спокойной серьезностью, в высших эшелонах австрийской административной власти царит дух аристократии, а чиновники-разночинцы пытаются подражать аристократии своим внешним видом, привычками и поведением...»*.

Губительное воздействие на работу австрийского государственного аппарата оказывал и сохранившийся старый полицейский дух. Можно без преувеличения сказать, что Австрия, по сути своей, осталась таким же Polizeistaat, полицейским государством, каким была во времена Меттерниха и Баха. В связи с этим Генри Стид со свойственной ему проницательностью отмечает:

«В критические времена краски автоматически обретают яркость, и сходство, или даже тождество становится более очевидным. В обычной ситуации деятельность полиции не докучает. Иностранец и не замечает, что портье в гостинице – полицейский осведомитель, который подробно докладывает, куда и зачем направляется приезжий, какую жизнь ведет, сколько у него друзей, как их зовут и чем они занимаются. Полиция же аккуратно собирает данные в досье и готова передать информацию политическим или финансовым властям, если ситуация того потребует».

Однако для полноты картины следует подчеркнуть, что, несмотря на теневые стороны чиновничьего аппарата и органов управления, они не только значительно превосходили по своей эффективности предыдущую феодальную администрацию, но по сравнению с Восточной и Юго-Восточной Европой воплощали собой достойный уважения высокий уровень порядка, основательности, честности и человечности. Особенно это стало заметно в последние де-

* Geschichte des Österreischischen Unterrichtswesens. Wien, 1905. III. Buch, IV. Abschnitt.

сятилетия существования Монархии, когда под влиянием социализма и христианского социализма в органы управления проникли социальные идеи. Еще важнее тот факт, что чиновничество в массе своей не было заражено коррупцией, и его лишь изредка можно было упрекнуть в жестокости по отношению к бедным и угнетенным слоям. Попадались среди государственных служащих и люди действительно способные, зачастую весьма образованные. В министерствах можно было встретить хорошо известный тип начальника отдела – Sektionschef, который со свойственной ему энергией успешно служил примером постоянства, объективности и справедливости – в отличие от министров, озабоченных, как правило, партийными и национальными конфликтами. Пятнадцать лет назад многим подобная оценка австрийского бюрократического аппарата показалась бы чересчур оптимистичной и снисходительной. Однако те, кто знаком с новой администрацией и полицией стран государств, пришедших на смену империи, вряд ли смогут отрицать перечисленные выше преимущества имперской бюрократии.

Деградация административной системы Монархии началась не во время мировой войны. Признаки распада – как и в остальных сферах деятельности государства – появились значительно раньше. Коротко этот процесс можно описать следующим образом: отсутствие руководящего принципа в государстве и, параллельно с этим, усиление партикуляристских идей в каждом отдельно взятом регионе и столкновение этих идей расшатывали администрацию как в интеллектуальном, так и в моральном плане. Национальное сознание народов Австрии начинало постепенно, но все более решительно приходить в противоречие со старой государственной идеей Габсбургов. В связи с этими конфликтами шли печально известные закулисные политические переговоры – politischer *Kuhhandel*, в ходе которых министры и главы правительств открыли доступ к государственным должностям для представителей самых «проблемных» народов. В период, когда главой кабинета министров Австрии был талантливый политик Эрнст фон Кёрбер (1900–1904), данная тенденция превратилась в систему – такую же характерную, как режим Меттерниха или Баха. Под видом гибкого «либерализма» и даже заигрывания с социализмом сформировался бюрократический абсолютизм, который подкупал прессу и ведущих политиков и постоянно заключал тай-

ные «национальные» компромиссы со скандальными ораторами, а те своими бесконечными обструкциями парализовали работу парламента. Однако независимо от политического разложения, укрепление национального сознания вело к тому, что старая немецкая имперская бюрократия становилась беспомощной и теряла способность справляться с административными проблемами Монархии в целом. В то же время все больше росла потребность в чиновниках, говорящих на чешском языке, для работы в Чехии, носителях польского и русинского в Галиции, румынского и русинского в Буковине, а также в хорватах и словенцах – на югославянских территориях. Этот процесс сам по себе был бы совершенно нормальным и даже здоровым, если бы естественное национальное деление Монархии сопровождалось соответствующей федерализацией конституции. Но в условиях режима жесткой централизации представители новой интеллигенции отдельных народов, можно сказать, просачивались в имперские учреждения через заднюю дверь, нередко прибегая к уловкам в духе троянского коня. У новой армии чиновников, сформированной на национальной основе, не было ничего общего с прежней габсбургской государственной идеей. Поначалу они скрывали свои чувства и демонстративно подчинялись этой идее, но с ростом национальных тенденций отбросили официальную сдержанность и открыто вышли на арену национальной борьбы. С другой стороны, идеологией старого немецкого чиновничьего аппарата оставался свободный от любой национальной окраски австрийский патриотизм, который уже начал терять всякую связь с реальностью и продолжал существовать лишь в воспоминаниях двора и старорежимных *гофратов* (придворных советников). Этот габсбургский патриотизм превратился в некое воображаемое понятие, «отношение преданности, подобное тому, что испытывает наемник к своему предводителю, и преданность эта процветает независимо от времени и пространства» (Кляйнвехтер). Чиновничья гвардия, охранявшая габсбургскую национальную идею, естественно, не была в состоянии долго противостоять нападкам коллег, сочувствовавших своим народам, а последние в своем неудержимом национализме все чаще думали о приближении последнего часа, когда их народы создадут собственные национальные государства со своим бюрократическим аппаратом.

Сложившееся положение постепенно привело органы государственного управления в полный упадок. Отдельные народы настолько прониклись своими национальными устремлениями, политика до такой степени начала вмешиваться в чисто административную сферу, а различные национальные партии развернули такую яростную борьбу в провинциальных законодательных собраниях и в парламенте, что ведущие политические деятели решили придерживаться принципа *quieta non movere**. Лучшие представители чиновничьего аппарата, конечно, были обеспокоены сложившейся ситуацией, видя отсутствие возможности вести серьезную работу по подготовке реформ. С другой стороны, обстановка поощряла карьеристов, которые с деланным усердием были способны только выполнять рутинные административные поручения. Как следствие, жертвой централизма пало не только эффективное управление, но и общественная мораль.

Как мы уже упоминали, все вышеописанное верно лишь для австрийской части Монархии. В Венгрии сложилась совершенно иная ситуация. После компромисса 1867 г. в Венгрии не было габсбургской администрации. Вся бюрократическая машина – включая органы государственного управления и местную администрацию – состояла исключительно на службе так называемой «венгерской государственной идеи», как ее понимал правящий класс крупных землевладельцев и связанных с ними банковских кругов. Как мы позднее увидим, фундаментом для этой идеи послужили две догмы. Первая заключалась в непризнании связи с австрийской частью Монархии (за исключением связей, основанных на единичных договорах) и, в свете подобных настроений, рассматривала любую попытку создать общую государственную структуру с целью объединить две части государства как предательство родины. Вторая состояла в том, чтобы упорно сохранять национальный венгерский характер государства и считать предательством всякое стремление создать систему федеративных отношений внутри страны между невенгерскими народностями и венграми, а также с народами, населявшими Австрию. Вместо этого фундаментальными принципами и «священными коровами» венгерской политики оставались мадьяризация и ассимиляция граждан других национальностей. Скрытая от глаз

* Не пробуждай того, что спит (*лат.*).

иностранной общественности политика эта проводилась в жизнь с упорной последовательностью. Венгерская бюрократия, сплотившая на ведущих постах выходцев из высшего и среднего дворянства, джентри и совершенно ассимилировавшихся представителей отдельных национальностей, была главной опорой государственной идеологии. Эта бюрократия превратилась в главную центробежную, сепаратистскую силу Монархии, и поэтому о ее влиянии речь пойдет в следующем разделе.

VII. Капитализм и еврейство

Одним из сильнейших объединяющих факторов для Габсбургской монархии, безусловно, стала растущая капитализация экономики*. Процесс в полную силу развернулся в австрийской части Монархии уже в шестидесятые годы XIX в. Носителем идей капиталистического развития стала, главным образом, немецкая буржуазия, чья власть из Вены и чешских промышленных регионов распространялась на все страны империи; в каждой столице у нее были свои представители, банковские филиалы, дочерние предприятия. Отсталые аграрные страны долгое время выполняли для гигантского промышленного и финансового немецкого капитала ту же роль, что и

* Некоторые данные позволят более ярко показать процесс индустриализации. Объем общего торгового оборота Австро-Венгерского таможенного союза в период с 1876 по 1913 г. вырос с 1660 млн крон до 6400 млн, а вся австрийская внешняя торговля (с 1900 по 1913) – с 5044 млн крон до 8539 млн. Производство угля с 1876 по 1913 г. выросло с 18 млн центнеров до 437 млн. Протяженность железных дорог в 1865г. составляла 3698 км, а в 1913 г. уже 22 981 км. Общая масса перевозимых товаров в период с 1877 по 1813 г. выросла с 46 млн тонн до 159 млн тонн, количество пассажиров увеличилось с 32 млн до 301 млн человек, а количество почтовых отправлений (в период с 1865 по 1913 г.) – с 81 млн до 2049 млн. Процент населения, занятого в сельском хозяйстве, сократился с 55,8% до 48,4% за период между 1890 и 1910 гг. В Венгрии процесс капитализации шел такими же быстрыми темпами. Если в 1846 г. общая протяженность железнодорожных путей составляла всего 35 км, то в период с 1867 по 1913 г. она увеличилась с 1185 км до 22 084 км. Количество пассажиров за этот же период выросло с 9 до 166 млн, а почтовых отправлений – с 38 до 828 млн; перевозка коммерческих грузов – с 9 млн тонн до 87 млн тонн, производство угля – с 7 млн до 91 млн; внешнеторговый оборот за период с 1882 по 1913 г. вырос с 1763 млн крон до 4174 млн. Доля работников, занятых в торговле и промышленности, выросла с 1869 по 1910 г. с 4,9% до 25,1%, а сельское население сократилось до 62,4%.

Подробнее см.: *Szende P.* Der Staatshaushalt und das Finanzsystem Österreichs und Ungarns. Handbuch der Finanzwissenschaft. Tübingen, 1928.

заморские колонии для западных стран. Австрийский капитализм точно так же применял беззастенчивые методы колониального капитализма в собственных странах.

Продвигаясь вперед с растущей энергией и приобретая все более еврейскую окраску, капитализм превратился в исключительно действенный фактор объединения Монархии. С его помощью империя обрела единую экономику, более совершенное разделение труда и эффективную кредитную систему. Иностранные наблюдатели часто задаются вопросом: почему все эти огромные экономические преимущества не дали сохранить единство Монархии, почему силы капиталистической интеграции не одержали верх над национальным партикуляризмом. Эти связи в данном контексте обладают такой важностью, что мы рассмотрим их в отдельной главе; при этом, по моему убеждению, не вызывает сомнений тот факт, что политика свободной торговли играла самую действенную и важную роль среди центростремительных факторов, удерживавших империю, или, скорее, *сыграла бы* эту роль, если бы ее воздействие не умаляли остальные факторы, экономические и политические.

В данной главе мне хотелось бы обратить внимание на другой аспект: влияние ведущих капиталистических кругов на общественные и национальные проблемы Монархии. В этой связи важнее всего то, что ни в одной из стран империи не сформировалась по-настоящему сознательная буржуазия, способная продемонстрировать самостоятельное политическое и общественное лицо и направлять развитие государства, подобно тому, как это происходило в крупных западных государствах. В своем анализе австрийской экономической жизни Силсфилд со своей наблюдательностью также заметил это фундаментальное различие, ставшее одной из главных причин распада империи: «Австрия знает лишь крупных феодальных землевладельцев и мелкое крестьянство. Между двумя полюсами – богатством и культурой, с одной стороны, и бедностью и неграмотностью – с другой, нет среднего класса, который мог бы стать связующим звеном». В общественной структуре Австрии сохранились элементы феодального государства, и его традиция и идеология тяжким бременем легли на плечи среднего класса – потому он и не стал ведущим элементом политической эмансипации как в западных странах. Буржуазия оставалась классом, лишенным

почета и уважения, находясь под давлением феодальной и придворной идеологии не только в отсталых сельскохозяйственных регионах и в Венгрии, но и в Верхней и Нижней Австрии и Чехии, где уже сложилась сильная промышленная и финансовая структура. В условиях Монархии либерализм был всего лишь тепличным растением, детищем революционного дворянства и интеллигенции, но после 1848 г. в руках буржуазии он постепенно завял. Тот, кто будет исследовать историю его развития, увидит, что этот либерализм сумел присвоить лишь внешнюю атрибутику и риторику большой западной модели, но никогда не был по-настоящему связан с народными силами общества. Австрийский и, в еще большей степени, венгерский либерализм ограничились формальными конституционными гарантиями и борьбой против церковной гегемонии. Ради достижения этих целей было произнесено немало изысканных и ученых речей, но с точки зрения народных масс никакой истинной пользы они не принесли. Проблемы безземельного крестьянства, промышленного пролетариата или переживающих упадок кустарей для либеральных политиков просто не существовали. Напротив, в так называемую «либеральную эпоху» крупные финансовые объединения управляли государством без каких бы то ни было преград.

В семидесятые годы XIX в. началась эпоха лихорадочного обогащения. Его ведущими фигурами стали представители так называемых. либеральных кругов, чья алчность и беспринципная коммерческая деятельность привели в 1873 г. к печально знаменитому «Венскому финансовому кризису» (*Wiener Krach*)*.

Австрийский капитализм, тесно связанный с либеральным движением в лице своих лидеров, приобрел особый оттенок за счет того (и для Венгрии это верно еще в большей степени), что среди его представителей, особенно в ведущих финансовых кругах, наблюдался значительный перевес еврейского элемента. Данное явление можно объяснить двумя историческими причинами: во-первых, до наступления современной конституционной эпохи евреи были лишены возможности осуществлять какую-либо деятельность, кроме финансовой; во-вторых, еврейские капиталисты постепенно перемещались с запада на восток вследствие возник-

* Хармац в своей работе (см. выше, Bd. II. S. 11–13) приводит ряд любопытных подробностей этого масштабного коммерческого обмана.

новения в западных странах собственного национального капитализма, который пытался вытеснить конкурентов-евреев. Выдающийся немецкий экономист Вильгельм Рошер охарактеризовал этот процесс следующим образом: «На протяжении веков евреи выступали в качестве торговых поверенных новых наций, работая на благо этих наций. Однако любая опека превращается в бремя, если длится дольше положенного». Именно поэтому значительная часть еврейских капиталов двинулась на восток, где у них не было конкурентов, и никто не мог помешать использовать практически целинные возможности новых государств. В таких условиях любые злоупотребления капиталистов и их политических представителей казались массам, лишенным критического взгляда, злоупотреблениями «еврейского» капитала – тем более, что ведущие ежедневные издания в большинстве своем находились под контролем капиталистических кругов.

В Австрии это привело к возникновению бурного антисемитского движения под знаменем немецких националистов и христианских социалистов. Любые недостатки и злоупотребления капиталистической системы демагогически провозглашались преступлениями «еврейского либерализма». После биржевого краха 1873 г., ставшего результатом финансовых махинаций, данная тенденция приобрела угрожающие масштабы и, в конечном итоге, вытеснила либеральную партию из австрийской общественной жизни. Напрасно стала достоянием гласности причастность феодальных кругов к финансовым скандалам, напрасно указывали на то, что в самых крупных «еврейских» предприятиях принимали участие 13 князей, 64 графа, 29 баронов и 21 обладатель прочих титулов – все они давали свои аристократические имена для осуществления рискованных предприятий в обмен на щедрое вознаграждение. Несмотря на все это, общественное мнение возлагало всю ответственность исключительно на еврейский капитал и на его прессу. Даже впоследствии, когда крупная немецко-еврейская буржуазия потеряла политическое преимущество и к власти пришла феодально-клерикальная коалиция, злоупотребления отдельных капиталистических монополий нередко провоцировали всплеск общественного недовольства. Продление монопольных прав железнодорожной компании «Нордбан», например, вызвало настоящую бурю, и скандал затронул даже престиж правящего дома. Таким образом, разжигая

расовую и национальную борьбу, австрийский капитализм вызвал к жизни серьезные центробежные тенденции.

Похожая ситуация сложилась и в Венгрии, где в силу феодальных традиций бытовало пренебрежительное отношение к промышленности и торговле, капитализм находился почти исключительно в руках евреев, при дружеском содействии аристократии и джентри, которые получали щедрые выплаты в обмен на имена и титулы. Несмотря на это, перед началом Первой мировой войны антисемитизм в Венгрии играл куда меньшую роль, чем среди австрийцев. Это любопытное противоречие можно объяснить несколькими причинами. Одну из причин, наверное, следует искать в венгерском трезвом и доброжелательном крестьянском менталитете, который был далек от любых проявлений религиозного и расового фанатизма и в какой-то степени походил на философию Конфуция, основанную на сельском хозяйстве, порядке и традициях. Вторая причина заключалась в отсутствии политической и общественной структурированности. Гигантские народные массы были практически совершенно неорганизованны, в то время как зарождающееся социал-демократическое движение старалось удержать от любых антисемитских веяний партию, в которой значительную роль играли обнищавшие еврейские элементы. И наконец, из-за ограничений в избирательном праве и чрезмерно централизованной бюрократии правительство обладало такой полнотой власти, что могло подавить любое движение, если оно ему не нравилось. И до тех пор, пока сохранялись либеральные традиции таких политиков как Деак и Этвеш, венгерский правящий класс охотно сотрудничал с евреями – не только из финансовых соображений, но и в интересах ассимиляции невенгерских народов.

Отождествление еврейства и капитализма не только заражало своей демагогией социальные конфликты (в хозяйственной жизни западных стран это никогда не играло такой роли), но и обостряло национальную борьбу. Евреи воплощали собой не только капиталистический порядок, но, в первую очередь, и саму австрийскую государственную идею, ведь где бы они ни селились, евреи повсюду несли с собой немецкий язык и культуру, пусть и в виде немецко-еврейского наречия. Позднее еврейство утратило этот исключительно немецкий характер, хотя в большинстве еврейских семей продолжали использовать немецкий язык. По мере усиления националь-

ного самосознания народов Монархии, евреи стали, скорее, ассимилироваться и перенимать язык и обычаи того народа, среди которого жили. А когда этот народ становился ведущей силой в государстве (как в случае с венграми и поляками), евреи принимались служить новой государственной идее с таким же энтузиазмом, как раньше служили австрийской. Подобное поведение в какой-то степени определяли материальные соображения и традиционный для гетто комплекс страха. Однако чаще всего во всех странах, где евреи получали адекватные возможности для материального и культурного развития, происходил естественный процесс ассимиляции. Этот процесс облегчало наследственное умение евреев приспосабливаться к новым жизненным условиям и, в прямом смысле слова, отстутствие национальных традиций. При всем этом в ходе борьбы за национальную независимость правящей нации и подвластных ей народов – как и в ходе любой другой борьбы – среднестатистический еврей всегда был склонен занимать самые радикальные позиции. Интеллектуальный рационализм евреев, не ограниченный инстинктивной привязанностью к земле и национальным традициям, толкал их на крайности и на стремление расцветить свою новую позицию самыми яркими красками. Есть и другая точка зрения, которая объясняет, почему евреи с таким исключительным энтузиазмом поддерживали новую государственную идею: они намного быстрее, полнее и более гибко перенимали определенные поверхностные элементы новой культуры, нежели местные неповоротливые крестьянские и ремесленные слои. Эта любопытная черта, тем не менее, характерна не только для евреев, но выражает общую психологию ренегатов вообще. Я часто замечал, как не только ассимилировавшиеся евреи, но и овенгерившиеся немцы и славяне становились самыми громкими и нетерпеливыми представителями венгерского национализма.

Но как бы то ни было, очевидно, что правящее немецкое и венгерское государство обрело в лице евреев собственного страстного, громогласного и отчаянного «телохранителя», причем в капиталистических кругах они обладали большим перевесом. Подобное поведение евреев только усиливало ожесточение угнетенных народов против государства и провоцировало антисемитские настроения, которые, в свою очередь, оказывали нездоровое влияние на центробежные силы Монархии. Так, например, и в Австрии, и в Венгрии ев-

рейская капиталистическая пресса заняла самую шовинистическую позицию в вопросах борьбы за национальное самоопределение, став одним из главных препятствий на пути разумного соглашения между соперничающими народами. Эта пресса осуждала все серьезные попытки по достижению компромисса, громче всех в Венгрии разоблачала так называемое «предательство» нетитульных наций и разжигала национальный шовинизм, направленный против общих институтов Австрии и Монархии. Эта позиция (особенно в Венгрии) была настолько очевидной, что Люэгер и его друзья-антисемиты с готовностью заговорили об «иудео-венгерском» терроризме. В целом, ежедневные газеты и, в первую очередь, так называемая либеральная пресса как в Вене, так и в Будапеште стали беззастенчивым орудием феодальной и финансовой аристократии, выступая под девизом немецкой и венгерской гегемонии. Лучше всех почувствовал, какую гигантскую нравственную опасность таит в себе эта ситуация, талантливый поэт и критик Карл Краус – в течение нескольких десятилетий он вел на страницах своей газеты «Факел» (Die Fackel) отчаянную и одинокую борьбу против венских газетных магнатов.

Нетерпимый национализм и шовинизм евреев, слепо и безо всякой критики принявших идеологию привилегированных наций империи в самом крайнем ее проявлении (собственно еврейский национализм, или сионизм, на этом этапе находился еще в зародыше), создавал обостренные, нездоровые отношения между самими евреями и интеллигенцией национальных меньшинств.

Об этом роковом противостоянии говорил выдающийся словацкий политик, доктор Антон Штефанек[179], впоследствии – Министр народного образования Чехословакии, – на третьем году мировой войны, отвечая на вопрос, с которым я обратился к ряду известных персон, формировавших тогда венгерское общественное мнение (среди этих людей были и венгры, и представители нетитульных наций, и евреи). Речь шла об обострении еврейского вопроса. Доктор Штефанек, помимо прочего, писал:

«Поскольку словацкая проблема – это прежде всего проблема деревенская, противостояние между словаками и евреями наиболее явно дает о себе знать на селе. Как живут у нас деревенские евреи, каково их социальное положение? Еврей – деревенский торговец и кабатчик. Со своими единоверцами он образует отдельную общину, которую объединяет религия и, что еще важнее, общие эконо-

мические интересы. Евреи живут в совершенном отчуждении от народа, соприкасаются с ним исключительно в хозяйственной сфере и абсолютно не интересуются его религиозными и общественными устремлениями... Чем активнее идет мадьяризация школ, тем агрессивнее и активнее ведут себя евреи в политической жизни – и тем глубже становятся противоречия между ними и народом. Сейчас их воспринимают как представителей мадьярства, как добровольных помощников судебных приставов, писарей, жандармов, и строят в отношении их дурные предположения...

Словацкий лидер подчеркивал, что эти отношения только ухудшились во время войны, когда евреи в еще бóльшей степени, нежели венгерская интеллигенция, поддались воинственной истерии и превратились в слепое орудие борьбы против «панславизма»*.

По моим наблюдениям, причину этих явлений следует искать не столько в экономических интересах евреев и их жажде власти, сколько в неустойчивом равновесии еврейской души, вызванном не завершенной еще ассимиляцией. Это неустойчивое равновесие делало политические взгляды евреев чрезвычайно лабильными, а их самих – склонными к преувеличениям и нетерпеливости. Наряду с этим, гонители евреев часто забывают о том, что существовала значительное еврейское меньшинство, которое серьезно восприняло либеральные идеи и сочувствовало борьбе национальных меньшинств за самоопределение. Из евреев происходило и большинство руководителей социал-демократических партий, служивших тогда действенным противовесом шовинистическим течениям в Монархии.

Таким образом, капитализм и тесно связанный с ним еврейский вопрос во многом способствовали обострению национальной борьбы.

Нарастающий антисемитизм, в первую очередь, подрывал тактические позиции немцев, поскольку граждан еврейской национальности впоследствии исключили из немецких национальных партий. Это тем более удивительно, что – как мы видели – евреи в Австрии были, в основном, немцами и представляли немецкие интересы. Многие еврейские семьи, относившиеся к среднему классу, прониклись влиянием немецкой культуры самого высокого уровня и дали стране немало выдающихся немецких писателей и ученых, которые – как, например, доктор Фридьюнг, известный историк, –

* *Huszadik Század*. 1917, július–augusztus [Двадцатый век, 1917, июль–август].

сыграли ведущую роль в формировании немецкой идеологии в широком ее понимании. Подобное поведение было, отчасти, следствием новой расовой идеологии, получившей распространение в среде немецкого среднего класса, а отчасти, результатом того, что в мелкобуржуазном сознании – как мы уже подчеркивали – экономическая борьба получила ложное теоретическое объяснение. Евреям приписывали уже не только злоупотребления крупного финансового капитала, но и вину за весь болезненный процесс, в ходе которого ремесленники и мелкие торговцы становились жертвами больших промышленных предприятий. Этот процесс разрушил независимое существование многих тысяч отдельных людей, стал для них катастрофой.

Однако при всей значимости перечисленных центробежных тенденций капиталистического развития наиболее важной стала та, что проистекала из самой природы капитализма: капитализм неизбежно вел к укреплению национальных чувств и сознания масс, тем самым обостряя борьбу народов за самоопределение. Ряд ведущих социалистических мыслителей подчеркивает, что национальное движение представляет собой лишь оборотную сторону капиталистического развития, а национальная ненависть – это, по сути дела, преобразованная классовая борьба. Какой бы преувеличенной и упрощенной ни казалась эта теория, мы увидим, что капитализм действительно оказался решающим фактором для пробуждения национального самосознания и самоопределения.

VIII. Социализм

«Тот факт, что весьма заметное присутствие социалистов в парламенте можно было рассматривать как полезное, с точки зрения государства, как нельзя лучше демонстрирует ненормальность внутренней ситуации в дунайской Монархии»*. Это замечание Рудольфа Кьеллена указывает непосредственно на самую влиятельную центростремительную силу в Монархии, но его удивле-

* *Kjellén R.* Die Grossmächte und die Weltkrise. Leipzig–Berlin. 1921. S. 16.

ние свидетельствует также и о том, что он не до конца понимал отношения между национальной и социалистической идеей. Социализм как проявление солидарности рабочих и стремление повысить социальный и культурный уровень пролетариата, естественно, укрепляет основы государства, хотя и пытается сдержать милитаристские и империалистические элементы в правительстве. Идеологический интернационализм социализма не отвергает национальной солидарности (этого он сделать не может), но подразумевает спонтанное и гармоничное встраивание ее в сообщество более высокого порядка*. Отрицать бессмысленно – ни один класс австрийского общества не осознал тогда роковую проблему Монархии так же ясно, как социал-демократы.

Однако австрийский социализм не всегда был той объединяющей силой, в которую потом превратился. В рамках старого абсолютистского, милитаристского полицейского государства рабочее движение было лишено законного места. Более того, государственная власть продолжала безжалостно угнетать рабочий класс даже в шестидесятые годы XIX в., когда страной управляло так называемое либеральное буржуазное правительство. На просьбу депутации рабочих ввести всеобщее избирательное право один их членов парламента ответил: «Путь не думают, будто мы собираемся ввести в Австрии правление черни ради такого пролетариата, который потом с шапкой на голове и ножом в руках ворвется в зал заседаний». В подобных условиях рабочее движение было вынуждено действовать нелегально и все чаще обращаться к революционным и анархистским методам. Положение крайне обострилось в восьмидесятые годы XIX в., когда политические убийства отрицательно повлияли на атмосферу пролетарского движения. В 1886 г. кайзер санкционировал принятие печально знаменитого «закона против анархистов», который позволял рассматривать дела о политических преступлениях без участия суда присяжных. Именно тогда в ряды рабочего движения влились самые крайние элементы, и оно потеряло связь с реальными проблемами государства и общества.

Спас австрийский социализм из этого критического положения доктор Виктор Адлер – человек удивительно бескорыстный и спо-

* Лучше всех национализм и социализм проанализировал Генри де Манн: *Mann H.* The Psychology of Socialism. New York, 1928.

собный верно оценить ситуацию. С помощью длительной и неустанной пропаганды на основе разумной и осуществимой программы он сумел объединить различные рабочие фракции в единую организацию. С этого момента социал-демократическая партия стала быстро развиваться. В 1897 г. настал черед и реформы избирательного права, в ходе которой наряду с четырьмя существующими избирательными куриями была создана пятая с целью открыть двери парламента для пролетариата. Депутаты от рабочих впервые оказались в австрийском парламенте. Партия обращала особое внимание на национальные проблемы Монархии, поскольку ее лидеры ясно видели, какая опасность угрожает единству и действенности рабочего движения, если пролетариат начнет разделяться по национальному признаку. Лидеры социалистов считали существенным элементом противостояния буржуазии и пролетариата борьбу за экономические и политические позиции и пытались выработать такую национальную программу, которая отвечала бы собственным интересам рабочего класса. По их представлениям, интересы пролетариата были созвучны правильно понятым интересам государства. поскольку социалисты считали основным условием общественного и культурного прогресса искоренение, или, по крайней мере, снижение градуса национальной борьбы. Из рядов австрийского социалистического движения вышли несколько очень способных теоретиков и практиков национального движения, которые подошли к старым проблемам с новых, оригинальных точек зрения. Будучи объединены в стройную систему (особенно усилиями Карла Реннера и Отто Бауэра), эти идеи обрели европейскую известность. Заключались они в следующем.

1. Национальные устремления буржуазии зачастую сводятся к обычной демагогии, и это порой составляет главную преграду на пути серьезной парламентской деятельности, нацеленной на экономическое и общественное возрождение.

2. Такие национальные устремления скрывают классовые интересы буржуазии; в противовес этому следует подчеркивать необходимость солидарности между пролетариями разных национальностей.

3. Следует, прежде всего, сохранять экономическое и политическое единство государства в интересах здорового капиталистическо-

го развития, которое является предпосылкой воплощения в жизнь марксистского социализма.

4. Поэтому Австрии, состоящей из огромного количества наций и народностей, следует стремиться к тому, чтобы создать систему местных органов управления, которые смогут удовлетворить разумные потребности отдельных народов, не разрушая единство государства (т.е. обеспечить систему образования на родном языке, культурные объединения, местную администрацию и судопроизводство на родном языке).

Для достижения этих целей доктор Реннер разработал гениальный план по формированию национальной автономии, пользуясь его собственным выражением, на основе «принципа персональности», сознательно противопоставляя этот план тем, кто стремился решить проблему, исходя из «территориального принципа». Последние предлагали разбить Монархию на несколько политических образований, руководствуясь историческими правами отдельных стран или учитывая естественные территории расселения конкретных народов, а затем собрать выделенные территориальные единицы в составе своеобразного федеративного государства. Провозглашенный социалистами «принцип персональности» отвергал план по созданию отдельных национальных государств; он не подразумевал создания отдельного чешского, польского, югославского или румынского государства внутри Монархии, но призывал реорганизовать старое государство на интернациональной – или, скорее, наднациональной основе. Как за два поколения до этого Лайош Кошут, будучи в изгнании, лелеял идею о решении национальной проблемы, исходя из модели религиозных автономий, так и доктор Реннер теперь (ничего не зная о политических рассуждениях венгерского политика) избрал аналогичную схему. Основой ему служила концепция, согласно которой национальную проблему невозможно разрешить путем территориальной перекройки старого государства, точно так же, как религиозные противоречия не могут быть разрешены по территориальному критерию, поскольку принцип *cujus region, ejus religio** ведет к постоянным военным конфликтам; в первом случае следует применить тот же принцип персональности. Следуя этому принципу, все представители каждой нации долж-

* Чья территория – того и религия (*лат.*).

ны иметь возможность формировать низовые, среднего уровня, и центральные национальные ассоциации, так называемые «национальные университеты», обладающие юрисдикцией, аналогичные государственной, по всем вопросам, касающимся культуры и образования, без учета территориального деления всей империи. Таким образом, все немцы, чехи, поляки и остальные народы Монархии могли объединиться по национальному признаку без создания национальных государственных образований в пределах империи. Согласно этой программе, объединенное государство обретет двойную организацию: во-первых, с национальной, а во-вторых, с административной точки зрения. Национальные организации не пересекались бы с административными единицами – последние должны были формироваться исходя их экономических, финансовых и торговых соображений, а не по национальному принципу. Национальные факторы следовало учитывать только в том смысле, чтобы создавать местные административные единицы, по возможности совпадающие с регионами гомогенного проживания отдельных народов. При создании подобных административных районов на местной национальной основе делопроизводство должно было вестись на родном языке конкретного народа.

План доктора Реннера, который можно рассматривать как расширенный вариант принципов кремзировской конституции (с той лишь разницей, что он предлагал ликвидировать старое деление на земли короны и заменить их на четыре региона: Внутреннюю Австрию, Судеты, Приморский край и Карпатские провинции) оказал огромное влияние на австрийский пролетариат, принявший эти принципы как решение национальной проблемы в программе, принятой в Брюнне в 1899 г.* Согласно данной программе, национальную проблему можно решить только «в строго демократическом обществе, основанном на всеобщем, равном и прямом избирательном праве, обществе, где уничтожены все феодальные привилегии и в центре, и в провинциях...» Программа направлена как против бюрократического централизованного государства, так и против феодальной автономии земель короны, и провозглашает в качестве государственного иде-

* Здесь стоит отметить, что блестящее решение национальной проблемы в Эстонии и Латвии как раз основано на принципах австрийского социализма.

ала для рабочих Австрии демократическую «Конфедерацию наций». Вместо старой нации, созданной на территориальной основе, новая нация должна быть построена как исключительно культурная ассоциация. Авторы программы признают право всех национальностей на культурное самовыражение и убеждают австрийских рабочих, что «народы могут достичь прогресса в своей культуре только путем тесной солидарности друг с другом, а не в мелочных распрях».

Очевидно, что и сама программа и ее основной идеологический пафос* были полнейшим подтверждением идеи «великой Австрии» и опосредованно (хотя и негласно) – признанием немецкой гегемонии внутри Австрии. План Реннера укрепил бы ведущую экономическую и политическую роль Вены. Даже его последняя книга, вышедшая сразу после распада Монархии, где он вновь формулирует свои планы по проведению реформ (Das Seldstbestimmungrecht der Nationen in besonderer Anwendung auf Österreich), предлагает описание и рекомендации по созданию не реального конфедеративного государства, но некоего наднационального синтеза, названного автором «государством государств» *(Staatenstaat)*, – попытки дать нациям культурную автономию, удовлетворив их желания.

В период, когда национальное самосознание немцев, венгров, чехов, поляков и других народов империи дошло почти до точки кипения, а понятие «нация» означало уже культурную и этнографическую связь, но превратилось в стремление преобразовать традиционные национальные поселения в независимые государства, идеи Реннера представлялись, очевидно, слишком схематичными и бескровными. Эти нации, возможно, и были склонны объединить свои независимые государства в рамках конфедерации, но отказывались признать полномочия наднационального государства – даже в тех вопросах, которые не носили, строго говоря, национального характера.

* С основными идеями австрийских социалистов по национальному вопросу можно ознакомиться по следующим источникам: *Renner K. (Synoptikus)*. Staat und Nation (Wien, 1899). *Idem.* Der Kampf der österreichischen Nationen um den Staat (Wien, 1902). *Iden.* Grundlagen und Entwicklungsziele der österreichisch-ungarischen Monarchie (Wien, 1906). Последние две книги вышли под псевдонимом R. Springer. *Bauer O.* Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie, zweite Auflage (Wien, 1924). *Idem.* Die österreichische Revolution (Wien, 1923).

Несмотря на элементы утопизма, социалистическая идеология государственного единства – свободные нации в свободном государстве – служила важным связующим элементом для Монархии в течение последних десятилетий ее существования и в то же время стала внушительным предупреждением о том, что без демократизации империи и, особенно, без создания системы местных автономий Монархия обречена на смерть. Социалистическая концепция самым очевидным образом подчеркивала также основополагающее значение экономического единства Монархии. Любопытно заметить, что главными защитниками этого единства были отнюдь не те, кто получал от этого наибольшую выгоду – т.е. крупная немецкая буржуазия и венгерские земельные магнаты; именно ведущие теоретики социализма выступали против венгерского движения за независимость (целью которого был экономический и военный разрыв с Монархией) как против фактора, наносящего ущерб важнейшим интересам рабочего класса. Когда же конституционный кризис между короной и венгерской оппозицией достиг своего пика в 1905 г., австро-немецкие социалисты возглавили борьбу против венгерского сепаратизма. Так, например, Реннер заклеймил трусость австрийской буржуазии, которая начала уступать сепаратистским намерениям венгров, хотя «венгерский рынок куда важнее для австрийской столицы, нежели рынок Марокко для Германии» (последняя защищала доступ на этот африканский рынок всеми силами своей внешней политики). В требованиях по созданию самостоятельной венгерской таможенной территории он видел лишь происки акул делового мира, мошенников и политических демагогов против интересов австрийской промышленности, австрийского рабочего класса и венгерских крестьян. Даже Отто Бауэр, хотя и понимал, что за требованием экономической независимости Венгрии стоят более серьезные интересы, решительно отвергал сепаратистские устремления, без обиняков предлая начать военную интервенцию против сепаратистов:

«Сейчас, когда в России происходит революция, никто не осмелится усмирить страну, раздираемую классовыми и национальными противоречиями [имеется в виду Венгрия], с помощью только военной силы. Однако внутренние конфликты в стране предоставят короне иные возможности, которые она будет вы-

нуждена использовать, если не хочет повторить судьбу династии Бернадоттов: она не может оставаться органом, проводящим в жизнь две разные воли, и продолжать править одинаково и Австрией, и Венгрией. Таким образом, следует позаботиться о том, чтобы у Австрии и Венгрии была единая воля, и обе страны составляли одну империю. Удручающее положение Венгрии открывает возможности для подобного единства. Корона, не раздумывая, пошлет свою армию в Венгрию, чтобы вновь завоевать ее для империи, но на знаменах будет написано: «Истинное всеобщее избирательное право и тайное голосование! Право создания организаций для аграрного пролетариата! Национальная автономия!» Идее независимого венгерского национального государства будет противопоставлена идея Соединенных Штатов Великой Австрии, идея конфедеративного государства, в котором каждая нация будет самостоятельно управлять своими национальными делами, и все нации объединятся в единое государство для защиты общих интересов. Идея конфедерации наций неизбежно станет инструментом короны, поскольку крах дуализма угрожает ей распадом империи...»*.

Вряд ли я могу назвать документ, способный лучше осветить внутренний кризис Монархии, нежели это заявление социалистического лидера, сделанное в 1907 г. Обратим внимание, как этот человек трезвого ума и необычайной интеллектуальной проницательности, социалист-интернационалист, сторонник антимилитаризма советует Габсбургам приложить новые усилия по вооруженному сдерживанию в отношении Венгрии и ассимиляции ее в рамках империи. Что может яснее продемонстрировать банкротство центростремительных сил и угрозу распада? Бауэр прекрасно понимал, что без решения национальной проблемы Монархию не сохранить, а ее распад будет означать страшный кризис для рабочего класса. Именно поэтому он предлагает столь отчаянное решение, показывая, насколько его подход к проблеме схож с позицией Франца Фердинанда: только оперативное вмешательство могло, по его мнению, дать Монархии федеративную конституцию, пусть и против воли венгерского феодализма. Федеративное государство представлялось Бауэру скорее как супергосударство,

* *Bauer O.* Nationalitäten Frage und die Sozialdemokratie. (Wien, 1908). S. 373.

нежели как федерация национальных государств: «Если Австрия сохранится, ей следует ввести национальную автономию».

Идеология австрийского социализма, представленная столь внушительно, нашла отклик вне рабочего класса и произвела серьезное впечатление на высокопоставленных чиновников и офицеров из окружения императора; они постепенно начали принимать тезис, согласно которому обуздать национальные выступления в Австрии можно было только с помощью социальных, даже социалистических сил. Был дан старт подобию неоиосифинистской политики, и сам старый император выступил как главный защитник всеобщего тайного избирательного права. Среди противников демократии стало модно иронически отзываться о «придворном социализме», а талантливые лидеры социалистов, в свою очередь, умело использовали такие настроения двора.

Поворот династии в сторону социальных проблем начался в Венгрии с того момента, когда корона столкнулась с националистическим большинством в парламенте. Затем в 1905 г. министр внутренних дел кабинета Фейервари[180] Йожеф Криштофи пообещал делегации социалистов ввести всеобщее избирательное право и подвергся яростным нападкам со стороны шовинистически настроенной общественности. Это обещание, впоследствии поддержанное кайзером, подействовало на венгерские феодальные классы как разорвавшаяся бомба – представители этих классов прекрасно понимали, что народный парламент положит конец системе латифундий и так называемой венгерской национальной супремации. Поэтому они временно отказались от своих притязаний, связанных с армией, тогда как император, под давлением аннексионистского кризиса (когда Босния и Герцеговина окончательно вошли в состав Монархии) отклонил всеобщее избирательное право, чтобы получить поддержку венгерских правящих классов. Тем не менее, камень, брошенный Габсбургами, вызвал гигантскую политическую лавину, обрушившуюся на общественную жизнь Австрии. Австрийские социал-демократы умело воспользовались венгерской ситуацией и потребовали ввести в Австрии обещанное венграм всеобщее избирательное право. И здесь их действия увенчались успехом. В январе 1907 г. была получена санкция императора на проведение избирательной реформы, и в июне того же года был созван первый парла-

мент, избранный на основе всеобщего, равного избирательного права и тайного голосования*.

Нередко звучат заявления, будто эксперимент с демократическими силами разрушил надежды их сторонников, поскольку национальные распри в новом, народном парламенте, велись точно так же, как и в прежнем парламенте с депутатами из старых избирательных курий. Возродился даже дух обструкции. Все это соответствовало действительности, однако выводы, сделанные из перечисленных фактов, все же представляются мне ошибочными. Напротив, человек, обладающий ясным представлением о фундаментальных силах национальных движений, мог предугадать, что народные массы обладают не меньшей национальной мотивацией, чем привилегированные классы (хотя речь идет о мотивации иного рода), и что национальная проблема не будет решена до тех пор, пока не будут созданы институты, удовлетворяющие разумным национальным запросам значительных масс населения. Для проведения подобной работы силы демократии были совершенно необходимы. Вера, свойственная многим реакционерам, в возможность осуществления подобной работы исключительно силами военного абсолютизма, без учета мнения двадцати стран и десяти наций, представляется мне милитаристской утопией, а я в нее поверить не могу. С другой стороны, не меньшей утопией было бы думать, будто демократия с самого момента своего рождения способна успешно подавлять национальный фанатизм прошлого. Кроме того, новая демократическая конституция стала лишь

* По стечению обстоятельств, Йожеф Криштофи, ранее – земский судебный исполнитель, а позднее – член парламента, тесно связанный с администрацией Тисы, дал первый толчок к реализации всеобщего избирательного права в Австрии. Благодаря этому он приобрел в Австрии почти мистический авторитет как выразитель чрезвычайно светлых идей (эту легенду поддерживает даже Йозеф Редлих). Правда, однако же, состояла в том, что его интеллектуальные и моральные способности не выходили за рамки сознания среднестатистического венгерского судебного исполнителя. Он использовал всеобщее избирательное право не как идею настоящей реформы на благо собственного народа, но как инструмент, направленный против феодализма и на пользу императору. Истинным архитектором этого масштабного плана был выдающийся социолог Карои Мераи-Хорват, который за двадцать лет до Освальда Шпенглера в своей книге (Шпенглер, скорее всего, ее не читал) самым проницательным образом проанализировал закат западной цивилизации (*Méray-Horváth K.* Die Genesis des Kommenden Tages, Budapest. 1901). Мераи разработал для Криштофи весь план и облек его в приемлемую форму. Мне было известно, как проходили эти обсуждения, буквально по часам.

базой для выборов в центральный парламент, тогда как в законодательных собраниях провинций и местных административных органах сохранилась феодальная атмосфера. В силу того, что конституционный кризис никак не ограничил власть венгерского феодализма, а дуалистическая система даже не стала предметом обсуждения, только политические мечтатели могли надеяться, что эти полумеры, внедренные с изрядным опозданием, способны решить национальную проблему.

Национальные устремления проявлялись все более и более бурно, причем не только в буржуазном обществе, но и среди пролетариата. С самого начала Австрийская социал-демократическая партия создавалась как объединение, состоящее из групп, сформированных по языковому принципу. Однако с 1907 г. партия была преобразована в Ассоциацию национальных партий. В 1909 г. стало невозможно поддерживать даже такое зыбкое единство; началась ожесточенная борьба между немецкими и чешскими социалистами, поскольку последние выступили против существования административного и финансового центра в Вене. Эта борьба привела к расколу в едином профсоюзном движении. Несмотря на протесты немецких товарищей, чехи начали создавать свои собственные профсоюзы. Международный конгресс в Стокгольме (1910) оказался не в состоянии восстановить единство австрийских социалистов. На выборах в рейхсрат 1911 г. автономистское и сепаратистское крыло чешских социал-демократов собрало значительно больше голосов, нежели объединенная партия. Социалистическое движение, которое всегда гордо заявляло, будто владеет панацеей от национальных конфликтов, оказалось неспособным объединить разные нации в одну партию даже в пределах классово сознательного лагеря. Правда заключается в том, что *национальная солидарность одержала верх над солидарностью классовой.* Центробежные силы оказались мощнее даже в рамках рабочего движения. Преступления прошлого значили больше, нежели запоздалые полуреформы настоящего.

IX. Трагедия свободной торговли

Как уже подчеркивалось, одной из самых мощных центростремительных сил в Монархии была политика свободной торговли, благодаря которой множество народов и территорий стали частью полного экономического единства. Если бы все возможности, предоставляемые свободной торговлей, были использованы должным образом, растущая экономическая солидарность стран и наций позволила бы сдержать центробежные и сепаратистские тенденции. Даже при всех недостатках проводимой политики (на них мы остановимся подробно) сторонники таможенного союза всегда подчеркивали ее преимущества. Они прибегали к классическим аргументам Кобдена и Брайта[181], говоря: «Смотрите, как Габсбургская монархия дает привилегии и возможности народам и странам, столь разным по своим природным условиям, языкам, культуре, экономическому развитию, торговать друг с другом без таможенных преград и таким образом дополнять друг друга самым гармоничным образом. Богемия, например, может свободно сообщаться с Трансильванией, Штирия – с Галицией, Силезия – с Далмацией. Какие преимущества и прогресс несет с собой свободная торговля!»

Недавние политические события, похоже, только подтверждают эту точку зрения. В 1919 г. Австро-Венгерский таможенный союз распался на семь частей, и каждая из этих частей на сегодня оказалась экономически куда беднее и менее эффективной, нежели во время расцвета старого союза. Кроме того, современный экономический кризис в Чехословакии, Югославии, Польше и Румынии, безусловно, во многом вызван экономическими изменениями, последовавшими за введением новых таможенных барьеров, не говоря уж об Австрийской республике и Венгрии – от этих двух стран остались одни обрубки. Ведущие банкиры в своем Международном манифесте выразили точку зрения, характерную сегодня для Европы и Америки, относительно расчленения Австро-Венгерского таможенного союза. По их мнению, это нанесло огромный ущерб всем народам–участникам союза. Данный факт также является главным аргументом в пользу возрождения империи Габсбургов в экономическом обличье.

При таких обстоятельствах имеет смысл проанализировать, действительно ли таможенный союз имел такие гигантские преимущества для входивших в него народов, и правда ли, что его распад нанес такой серьезный ущерб развитию национальных экономик в будущем. Установлено, что с 1919 г. государства-наследники Австро-Венгерской монархии пострадали от экономической депрессии, наступившей в Европе после Первой мировой войны, больше других стран Западной Европы. Народы, жившие в пределах Австро-Венгрии, оказались менее экономически развитыми и более уязвимыми, нежели западные нации, а слабый экономический организм восстанавливается труднее, чем сильный. Если же поговорить с банкирами новообразованных государств, выясняется, что они далеки от пессимизма: «Стоит преодолеть все трудности, вызванные *Umstellung* [переводом капиталов], и мы достигнем лучших результатов, нежели это было возможно на территории старого таможенного союза...» Подобные доводы звучат несколько странно, ведь мы привыкли принимать истину свободной торговли и выгоду от нее безо всяких оговорок.

Тщательный анализ этого процесса тем более важен, что в Европе продолжают активно выступать в защиту свободной торговли, а паневропейское движение также подчеркивает важность экономического единства. Все эти шаги – попытка воссоздать то, что уже было реальностью в старой дуалистической Монархии. Таким образом, мы не можем продолжать дискуссию так, как это было во времена Кобдена и Листа[182] – восемьдесят или девяносто лет тому назад – исключительно на базе общих доводов в пользу свободной торговли или протекционизма; необходимо поставить вопросы более конкретно: каковы реальные условия свободной торговли? При каких условиях свободная торговля станет действительно оперативной и выгодной для всех затрагиваемых народов и территорий?

А. Природные и другие условия экономического взаимодействия в Габсбургской монархии

Австро-Венгерский таможенный союз был создан в 1850 г. по указу императора и стал триумфом абсолютизма. Ранее между Венгрией и австрийскими провинциями существовали таможенные барьеры. Имперская политика использовала эти барьеры как инструмент колониальной эксплуатации Венгрии в интересах им-

перского казначейства и более индустриализованных регионов Австрии. (Как уже упоминалось выше, главной причиной подобных мер был тот факт, что венгерская знать, единственный преуспевающий класс в стране, благодаря феодальным привилегиям не хотела платить налоги; следовательно, таможенные пошлины опосредованно были единственным способом сломить их сопротивление.) В те времена феодальные помещики постоянно требовали, чтобы торговля стала свободной, а экспорт и импорт регулировались на основе строгого паритета. Впоследствии, в течение двух десятилетий, предшествовавших 1848 г., таможенный союз оставался главным требованием либеральной венгерской оппозиции. «У этой идеи были свои сторонники и в Вене», – отмечает видный венгерский историк Ачади (ранее мы уже приводили его высказывания), – «но только потому, что они понимали: экономическое разделение служит основным препятствием для ассимиляции Венгрии». Однако непосредственно перед 1848 г. самая прогрессивная группа венгерской оппозиции – под руководством Лайоша Кошута – уже отказалась от требований по формированию таможенного союза (особенно под влиянием доктрины Фредерика Листа, великого немецкого экономиста), а накануне революции громче всего зазвучали требования о предоставлении Венгрии полной экономической независимости. Тенденция к обретению Венгрией экономической и национальной независимости стала главной причиной, заставившей Габсбургов после поражения Венгерской революции создать в 1850 г. таможенный союз как самое действенное средство по нейтрализации сепаратистских настроений. Компромисс 1867 г. только подтвердил и узаконил сложившееся положение.

Из приведенных исторических предпосылок становится очевидно, что Австро-Венгерский таможенный союз с самого начала стал выдающимся историческим экспериментом – попыткой завоевательной армии и императора-победителя силой объединить различные национальные регионы всей империи в единое экономическое сообщество. Реакция на этот эксперимент становилась все более негативной. Самой важной составляющей этих негативных реакций, как мы уже подчеркивали, была их эмоциональная сторона. Нации яростно боролись против любых попыток, в которых усматривали стремление абсолютизма к унификации.

Следовательно, чтобы яснее увидеть ситуацию, нам требуется исследовать все условия, определявшие успех или неудачу политики свободной торговли в рамках Габсбургской монархии. Начнем с природных условий.

Чем больше могут два (или несколько) экономических региона предложить друг другу, чем более они друг друга дополняют, тем больше выгод обещает им свободная торговля, и тем больший ущерб наносят таможенные барьеры. Горная страна, богатая лесами и пастбищами, производящая дерево и разводящая скот, например, является естественным дополнением для равнинного региона с излишками зерна. Регион с умеренным климатом и холодными зимами экспортирует молоко, сахарную свеклу и картофель в южную страну, изобилующую фруктами, хлопком и растительным маслом.

Рассматривая отдельные части Монархии с этих позиций, мы можем сделать вывод, что природные условия различных регионов не были столь различными, чтобы экономический союз мог принести им какую-то особенную выгоду, равно как и разобщенность ничем особенным им не угрожала.

Габсбургская монархия не была особенно богата полезными ископаемыми. В 1907 г. горнодобывающая промышленность Германской империи произвела сырья на 1845 миллионов марок, в Австрии – на 274 миллиона марок и в Венгрии – на 85 миллионов*. Эти цифры показывают, что по сравнению с Германской империей полезных ископаемых в Австро-Венгрии было мало. Ситуацию усложняло еще и то, что места, где находились относительно скромные запасы полезных ископаемых и других природных богатств, и источники энергии, необходимые для развития промышленности, не были сконцентрированы в конкретных регионах Монархии, но были распределены, если можно так выразиться, между всеми странами и провинциями.

Одно из главных условий современной промышленности состоит в наличии источников энергии: угля, сырой нефти, природного газа, гидроэнергетический потенциала и леса (в качестве источников энергии или сырья). При сравнительно скромных запасах полезных ископаемых в Монархии было относительно мно-

* Достоверную информацию и полноценную критику по этим и остальным пунктам читатель найдет в книге Фридриха Отто Херца: *Hertz F.O.* Die Schwierigkeiten der industriellen Produktion in Österreich (Wien u. Leipzig, 1910).

го угля, нефти, водных ресурсов и леса. Однако с точки зрения природного разделения труда следует заметить, что самыми богатыми в отношении водных ресурсов были альпийские провинции, и в Карпатах, и в горах Богемии, и на югославянских территориях источников водной энергии тоже было достаточно. Леса также были рассредоточены по многим регионам Монархии. Основные запасы нефти находятся в Галиции, угля – в Богемии и Моравии, однако уголь добывали и во многих других частях империи, а в Трансильвании расположены крупные месторождения природного газа. Отчасти именно поэтому государства, возникшие на обломках Монархии, не испытывают недостатка в источниках энергии, необходимых для промышленного производства.

Однако еще более важной с точки зрения разделения труда между различными территориями бывшей Монархии, является ситуация в сельском хозяйстве. Область с теплым климатом, где произрастают оливковые деревья и южные фрукты, была ограничена небольшой территорией, адриатическим побережьем, Истрией, прибрежными зонами Хорватии и Далмации. Основная часть Монархии снабжала страну продуктами, производимыми в зоне умеренного климата, и в этом смысле различия между регионами не были столь значительными.

С точки зрения производства продуктов питания, скотоводческие горные районы и равнинные и холмистые регионы, где выращивали зерно, действительно существенно зависели друг от друга, однако горы, равнины и холмы были разбросаны по всей территории Монархии, и поэтому подобные типы рельефа можно было обнаружить в пределах любой из стран империи. Когда Габсбургская монархия распалась, Чехословакия, Польша, Югославия и Румыния получили как гористые, так и равнинные территории.

Вернемся к полезным ископаемым. То, в какой мере они могут служить базой для индустриального развития, зависит не только от их количества, но и от затрат на добычу угля и руды из расчета на кубический метр, а затем – от затрат на транспортировку сырья от места добычи к месту переработки. В Англии, например, где уголь и железную руду часто добывают в непосредственной близости или недалеко от водных путей, создавать металлургическую промышленность было легко. На территории бывшей Австро-Венгрии ситуация в этом отношении была прямо противоположная – залежи по-

лезных ископаемых, как правило, находились далеко друг от друга и от водных путей. Рудоплавильные печи Альпийской горнопромышленной компании, например, расположенной вблизи штирских железорудных шахт, были вынуждены за большие деньги везти уголь из региона Моравской Остравы.

Следствием подобной географической ситуации был сравнительно невысокий уровень индустриализации, к тому же немногочисленные промышленные предприятия были сосредоточены в различных частях Монархии, а именно, в северной Богемии, вокруг Вены и в Штирии, вокруг городов Грац и Леобен. Относительно слабая и разрозненная промышленность не позволяла установить тесную зависимость между индустриальными и аграрными районами, чтобы подобная система могла противостоять центробежным тенденциям, возникающим на территории таможенного союза.

Ослабляли развитие промышленности и проблемы с транспортировкой. Перевозить товары из одних регионов Монархии в другие было довольно накладно. Эта ситуация была непосредственно связана с возникновением империи Габсбургов. Не следует забывать, что Монархия не была результатом естественной экономической эволюции, в ходе которой территории объединяются исходя из экономической выгоды, но явилась искусственным творением габсбургской династии. Границы Монархии то здесь, то там обрубали естественные связи. Богемия, к примеру, была связана политическими границами с Веной, тогда как естественным выходом для нее была бы долина Эльбы, ведущая на северо-запад к Германии и Северному морю. Возьмем другой пример: Галиция спускается к Балтийскому морю, частично в сторону Польши, и отделена от остальной Монархии горными грядами Карпат. Подобные естественные преграды делали строительство и эксплуатацию железных дорог исключительно дорогостоящим предприятием. В то же время для сообщения между различными регионами Монархии не хватало судоходных водных путей.

Положение Монархии было невыгодным не только с точки зрения внутренних водных путей, но и с позиций выхода к морю. Дунайский бассейн отделен от Адриатики безводным горным массивом Карста, при том что сам Дунай впадает в экономически заброшенный залив Черного моря. Для транспортировки грузов в мо-

нархии было характерно, что венские заводы могли зачастую переправлять свои товары в Аргентину по Эльбе через Гамбург дешевле, чем из Вены в Буковину.

Столь невыгодные условия транспортировки усугублялись и отсутствием единства в управлении экономикой. Австрийские, венгерские и боснийские железные дороги находились каждая под отдельной, независимой администрацией, и каждое правительство могло устанавливать систему железнодорожных тарифов по своему усмотрению. В 1880 г., например, в венгерском парламенте было заявлено, что сравнительно высокие тарифы на железнодорожные перевозки, установленные австрийской администрацией, больше препятствуют экспорту венгерского зерна в Германию, нежели действовавшие на тот момент германские таможенные пошлины на сельскохозяйственную продукцию. Австрийское, венгерское и боснийское правительства в равной степени пользовались возможностью в каком-то смысле влиять на сообщение между различными регионами монархии с помощью искусственной системы железнодорожных тарифов. Австрийское правительство в своей транспортной политике пыталось эксплуатировать венгерского производителя в интересах австрийской промышленности. Стоимость перевозки венгерского зерна по железной дороге, к примеру, была выше тарифов на перевозку зерна из Румынии или других Балканских государств.

Такая политика воздействия на венгерскую экономическую жизнь путем повышения тарифов была удобна для австрийского правительства, поскольку контролировала и судоходство внутри Венгрии. То есть, австрийское правительство имело полный контроль над австрийскими товариществами на Дунае, а австрийские концерны вынуждали единственную крупную венгерскую судоходную компанию объединяться с австрийскими конкурентами. С другой стороны, венгерское правительство, полностью контролировавшее практически всю сеть венгерских железных дорог, имело возможность сохранять существенные тарифные привилегии для венгерской промышленности. Такие же меры внедряло на своей территории и правительство Боснии.

Ревность государств и наций по отношению друг к другу только усугубляло проблему перевозок. Поразительный пример – история с железными дорогами в Далмации. Далмация была про-

винцией Австрии, но Венгрия заявила права на эту территорию исходя из исторического права Короны св. Иштвана. От остальных австрийских провинций Далмацию отделял кусок территории Хорватии (последняя принадлежала Венгерскому королевству). Таким образом, железная дорога, способная соединить Далмацию с остальными австрийскими провинциями, могла быть проложена только по венгерской земле. Однако строительство такой дороги всегда вызывало протесты венгерского парламента, ведь с ее помощью Австрия могла быстрее завладеть Далмацией. Как следствие этого конфликта, товары из Австрии в Далмацию перевозились по железной дороге в Триест, а оттуда на судах – в далматский морской порт, где, возможно, вновь перегружались на поезд.

В отместку за проведение подобной политики австрийское правительство отказало Венгрии в возможности прямой транспортировки товаров в прусскую Силезию и Берлин. Австрийцы могли препятствовать осуществлению коммерческих перевозок между Венгрией и Германией под разными предлогами. Искусственное транспортное препятствие, известное как «Аннабергский транспортный узел», за который две страны годами вели дипломатические сражения, порой наносил ущерб экономическим интересам Венгрии*.

Транспортировка товаров по территории таможенного союза встречала и другие препятствия. Тирольцы собирали таможенные пошлины, ссылаясь на старые историческе права, а на границах Далмации взимали так называемую Dazio consumo – пошлину на зерно или муку, ввозимые из других частей Монархии. В то же время соперничающие нации устраивали друг против друга экономические бойкоты. Инициатором такого движения – «Протекционистской ассоциации» – стал Лайош Кошут. Можно провести любопытные аналогии между «ассоциацией» и движением Махатмы Ганди против английских товаров[183]. В девяностые годы XIX в. в среде богемских националистов возникло такое же движение против закупок венгерской муки. Похожие принципы легли в основу венгерского националистического движения, так

* Подробно об этой и других недугах венгерской экономической жизни пишет Йозеф Baro: *Vágó J.* Memorandum az Osztrák-Magyar Vám- és Kereskedelmi Egyezmény megújításáról.Budapest, 1916.

называемого «движения тюльпанов»*, созданного в 1906 г. с целью обязать население покупать исключительно товары венгерского производства.

Из всего сказанного очевидно, что на территории таможенного союза принципы свободной торговли встречали серьезное сопротивление. В то же время, мы понимаем, что природные условия Монархии не располагали к взаимозависимости регионов друг от друга. Несмотря на перечисленные факты, в период между 1850 и 1914 гг. на территории Австро-Венгерского таможенного союза удалось наладить перемещение значительного количества товаров. Причиной тому были разные темпы и масштабы индустриализации в различных регионах империи.

В целом, Галиция–Буковина, Венгрия–Трансильвания и югославянские территории были ничуть не меньше готовы развивать крупную промышленность, чем Богемия–Моравия или альпийские провинции. Тем не менее, в 1850 г., когда таможенный союз был образован, последние два региона уже в определенной степени были промышленными, тогда как первые страны все еще оставались исключительно аграрными. Примерно до 1890 г. в восточных и южных частях Монархии промышленное развитие даже не начиналось, тогда как в Богемии–Моравии, Силезии, Верхней и Нижней Австрии и Штирии индустриализация шла очень быстрыми темпами. Примерно к этому времени разница между промышленными и аграрными регионами стала действительно бросаться в глаза. Однако причины, формировавшие зависимость одних регионов от других, носили временный характер. В долгосрочной перспективе различия между индустриальными и сельскохозяйственными районами и их зависимость друг от друга уменьшаются в той степени, в какой последние продвигаются по пути индустриализации. Таким образом, зависимость восточных и южных аграрных регионов Монархии от промышленного Запада должна была уменьшиться, когда аграрные страны начали развивать собственную промышленность. Так и произошло: в последние двадцать пять лет существования Австро-Венгерского таможенного союза возникла тенденция к сокращению взаимной зависимости.

* Сторонники этого движения носили в петлице тюльпаны.

Например, если бы мне позволяли рамки данной работы, я бы мог продемонстрировать с помощью статистических данных, что параллельно с сильным абсолютным ростом показателей по внешней торговле к 1910 г. торговля Венгрии и Австрии между собой имела сравнительно небольшое значение, а объемы торговли с другими государствами существенно возросли для обеих стран – если сравнивать с аналогичными показателями 1890 г. То есть, в экономике эти страны стремились к эмансипации. Аналогичные процессы шли и в других частях Австрии – в альпийском регионе, Судетах и провинции Карст.

Следует, однако, принять во внимание еще один фактор. Очевидно: чем более примитивные средства производства использует население конкретной территории, тем менее производительным будет его труд и тем ниже будет уровень жизни трудящихся масс, соответственно, менее важной будет и роль, которую играет в их хозяйственной жизни обмен произведенными товарами. Примитивные средневековые крестьянские общины сами производили большую часть необходимых благ; количество вещей, которые приходилось выменивать на рынке, было сведено к минимуму. В те времена Европа была поделена на огромное количество суверенных территорий, находившихся под властью крупных или мелких феодалов, которые постоянно воевали друг с другом. Несмотря на это, хозяйственная жизнь на этих маленьких изолированных территориях продолжалась, пусть и на весьма примитивном уровне и без экономического обмена. В ходе исторической эволюции Европы, в период с 1000 по 1871 г., маленькие феодальные владения Средневековья постепенно интегрировались в княжества, затем – в родовые наследственные вотчины, и наконец, в национальные государства. Движущей силой этой интеграции была растущая производительность труда, которая облегчала бедственное положение широких масс населения. Сравнительный рост благосостояния стимулировал рост экономических потребностей и разнообразил их, повышая степень разделения труда и необходимость кооперации.

Возвращаясь к Австро-Венгерскому таможенному союзу – не может не вызвать удивления тот факт, что жители стран–членов этого союза, в массе своей пользовались крайне примитивными орудиями производства и жили в величайшей бедности. Следова-

тельно, потребность в обмене товаров была у них сравнительно невелика. Бартерная экономика (или *Naturalwirtschaft*, если пользоваться немецкой терминологией), сопутствующая примитивным способам производства, продолжает и сейчас играть в деревнях бывшей Австро-Венгерской монархии куда большую роль, чем могут себе представить те, кто судит об уровне культуры бывшей империи по фасадам дворцов в Вене, Будапеште и Праге. Согласно отчету промышленных инспекторов, в 1901 г. в деревнях Штирии, Зальцбурга, Тироля и северных областей Нижней и Верхней Австрии лен, коноплю и шерсть пряли и ткали в каждой семье – или пользовались услугами странствующих ткачей*. Если в деревнях, расположенных в самых развитых, западных регионах Монархии, старый семейный способ ведения хозяйства был распространен до такой степени, мы можем себе представить, какие условия сохранялись в отсталых восточных и южных регионах – в русинской, румынской, сербо-хорватской и восточнословацкой областях, и даже в относительно развитых Польше, Западной Словакии, Венгрии или Словении, которые были менее прогрессивны в экономическом и культурном отношении, нежели австро-немецкие и чешские части страны на западе и севере. В целом, на востоке и юге Монархии роль передвижения товаров была настолько незначительной, что мы можем наблюдать здесь отдельные пережитки древнего общинно-племенного устройства. К примеру, пастушеские общины в румынских горах и так называемые «задруги» у южных славян, объединяющие по несколько десятков человек – нередко число членов таких общин доходит до шестидесяти–восьмидесяти, – сводили торговлю, в ее современном понимании, до минимума.

У подобной ситуации был еще один важный аспект. Высокая производительность труда подразумевает расширение товарооборота не только потому, что создает благосостояние и связанные с ним новые потребности; рост производительности труда зависит от растущей специализации производства. Возникает спрос на самые разнообразные виды сырья и технические приспособления с целью поддерживать высокую производительность и более развитый тип

* *Friedrich Otto Hertz.* Die Schwierigkeiten der industriellen Produktion in Österreich. S. 33–36.

производства. Таким образом, высокая производительность труда может быть только результатом сотрудничества миллионов людей в различных географических областях.

Чем большую роль в жизни людей играет обмен продуктами производства, тем важнее становится для такого обмена система свободной торговли. Вот почему народы с более высоким уровнем развития культуры и экономики стремятся если не к свободной торговле, то, по крайней мере, к созданию крупных таможенных союзов. Именно поэтому страны с небольшим населением и развитой экономикой не могут устанавливать высокие таможенные пошлины на своих границах, но вынуждены придерживаться политики свободной торговли, или, на худой конец, вводить низкие протекционные пошлины. Справедливость такого предположения подтверждают примеры таких стран как Швейцария, Бельгия, Нидерланды и Дания. Страны же, образованные после распада Габсбургской монархии – Чехословакия, Венгрия, Румыния и Югославия (в 1918–1926 – Королевство сербов, хорватов и словенцев), хоть и не велики по своим размерам, но могут позволить себе систему высоких протекционистских пошлин в силу относительной неразвитости своих экономик.

Если говорить коротко, *Австро-Венгерский таможенный союз был рассчитан на удовлетворение экономических потребностей, которые у народов, проживавших на его территории, были развиты недостаточно.* Следовательно, когда в 1850 г. имперские власти в своем стремлении унифицировать жизнь в империи навязали систему свободной торговли народам, те были еще лишены серьезной экономической мотивации для ее развития. Эти народы могли с таким же успехом жить, разделенные таможенными барьерами. В Венгрии, например, до 1850 г. многие люди зарабатывали на жизнь мелким кустарным производством, которое на тот момент вполне удовлетворяло примитивные запросы страны. После 1850 г. конкуренция с крупными австро-немецкими и чешскими промышленными предприятиями уничтожила мелких кустарей, так что введение таможенного союза привело к банкротству далеко немаловажного слоя мелкой буржуазии. Именно поэтому призывы Лайоша Кошута и его последователей к политической и экономической независимости нашли самую горячую поддержку среди представителей мелкой буржуазии – жителей больших и малых

венгерских городов. Таможенный союз мог бы стать реальной объединительной силой только при условии постоянного роста экономического благосостояния для всех народов Монархии. Только так можно было наполнить реальным содержанием экономическую конструкцию, созданную деспотической волей императора.

Однако в то же самое время уже возникла угроза, что экономическое развитие путем индустриализации уменьшит взаимную зависимость между различными частями империи, не связанными друг с другом узами естественного международного разделения труда. То есть, экономический прогресс одновременно породил в рамках Австро-Венгерского таможенного союза две антагонистические тенденции: связующую и разрушающую. Далее мы подробно рассмотрим каждую из них.

Б. Разрушающие силы

а) Аграрная политика феодальных классов

Таможенный союз мог стать необходимым для народов дуалистической Монархии при одном важном условии – все эти народы надо было поднять на более высокий уровень развития. Таким образом, те, кто стремился к консолидации и сохранению империи, очевидно должны были как можно быстрее распространить среди ее народов стремление к культуре, повышению производительности и экономическому благосостоянию. Идея эта не была совсем чужда Монархии в ее исторической эволюции. Как мы подчеркивали в исторической части нашей работы, самые дальновидные из императоров прекрасно понимали, что лишь общий экономический и культурный прогресс мог обеспечить реальную связь между такими разными территориями с неоднородным населением. В защиту подобной политики активно выступали социалисты–сторонники идеи «Великой Австрии», подчеркивая необходимость культурного и экономического прогресса на базе национальной эмансипации с целью сохранения Монархии. Однако сама по себе концепция экономического прогресса и радикальной демократизации со времен Марии Терезии и Иосифа II постоянно встречала сопротивление со стороны крупной феодальной аристократии, которая прекрасно понимала, что подобная политика в конечном итоге подрывает ее социальные и политические привилегии. Императорская власть не могла должным обра-

зом защищать интересы широких масс населения перед лицом столь мощной силы. Суть автократической власти состоит в том, что она не в состоянии серьезно и последовательно проводить политику союза с низшими классами. Существует некий предел, до которого она вынуждена удерживать рост демократических и конституционных тенденций.

Таблица I

	Все население, тыс. человек	*Занято в сельском хозяйстве, тыс. человек*	*Процент занятых в сельском хозяйстве*
Австрийские провинции	28 572	13 842	48,5
Страны венгерской короны	20 886	13 470	64,5
Босния и Герцеговина	1 932	1 647	86,5
Всего	***51 390***	***28 986***	***56,4***

Справедливость сказанного подтверждает и сама история Австро-Венгерской монархии. За исключением мелких эпизодов, между династией и феодальной аристократией империи сохранялась полная гармония. Правительство, назначаемое императорами, во всех серьезных вопросах представляло интересы и устремления правящих феодальных классов. Таким образом, правительство служило целям экономического прогресса лишь до тех пор, пока эти цели не противоречили интересам крупных землевладельцев.

При таких условиях экономический прогресс мог начаться только с прогресса в области сельского хозяйства. Помимо других факторов, о которых мы поговорим позже, главной причиной было то, что большая часть населения была занята в сельском хозяйстве. В таблице I указана численность занятых в сельском хозяйстве по состоянию на 1910 г.

Таким образом, в среднем, сельские жители составляли большинство населения Монархии, при том, что соотношение аграрного и индустриального секторов экономики в отдельных регионах империи заметно отличалось.

В целом, промышленные регионы запада и северо-запада империи противостояли остальным ее частям, населенным отсталым крестьянством и обнищавшими сельскохозяйственными рабочими. Более развитые индустриальные районы не занимали и трех десятых от всей территории Монархии, тогда как население остальных семи десятых составляли нищие крестьяне, жившие практически на грани голода и медленного умирания, как мы далее увидим в главе, посвященной morbidus latifundi. В ситуации, сложившейся на такой огромной территории, можно было говорить только об одном варианте реального экономического прогресса – повышении уровня жизни населения, занятого в сельском хозяйстве.

Следующим шагом для достижения данной цели должно было бы стать повышение производительности сельскохозяйственного труда и объемов урожая. Было бы несправедливо утверждать, будто в этом направлении ничего не делалось. Напротив, с 1850 по 1895 г. производство сельскохозяйственной продукции в Монархии существенно возросло. Особенно в Венгрии, сельское хозяйство которой до 1848 г. находилось на очень примитивном уровне, и где доминировала пастбищная система, произошли серьезные сдвиги в техническом оснащении сельского хозяйства и, как следствие, выросла производительность труда. На смену древнему деревянному плугу пришел железный, а площадь пастбищ сократилась до скромных размеров*.

Прогресс в сельском хозяйстве – хотя и значительно в меньшей степени – имел место в период с 1850 по 1890 г. в Хорватии и в австрийских провинциях. В целом, к концу XIX века Австро-Венгерская монархия достигла значительного экономического прогресса. Главной движущей силой экономического развития, начавшегося в 1850 г., было крупное землевладение. Ведущую роль во всех начинаниях, связанных с усовершенствованием сельскохозяйственных технологий, играли крупные землевладельцы, тогда как бедные и зажиточные крестьяне перенимали у них нововведения.

Выдающийся специалист по аграрному вопросу, Арнольд Даниель, сумел показать, что венгерские аграрии с 1850 по 1890 г. были

* Подробное описание ситуации в сельском хозяйстве можно найти в серьезном исследовании Арнольда Даниэля «Венгрия на пути к экономической революции»: *Dániel A.* Magyarország gazdasági forradalma felé // Huszadik Század, 1909. I.köt.

глубоко заинтересованы в увеличении объемов сельскохозяйственного производства*, отчасти потому, что в 1850 г. исчезли таможенные барьеры, которые ранее ограничивали экспорт товаров в Австрию. Однако главная причина состояла в том, что цена пшеницы на мировом рынке находилась тогда на довольно высоком уровне. Таможенный союз сыграл в этом развитии решающую роль, но основным толчком стала все-таки ситуация с ценами на мировом рынке. Австрия и Венгрия вместе производили больше зерна, чем потребляли; часть урожая продавали за границу. Ценовые же отношения со странами-импортерами (например, с южными землями Германии и государствами по обе стороны Ла-Манша) определяли цены на зерно и внутри таможенного союза. Поэтому, если до 1885 г. высокие мировые цены являлись для крупных и средних землевладельцев Австрии и Венгрии стимулом повышать производство зерна, то последующее снижение цен привело к прекращению этого процесса. Вместо того чтобы внедрить новую сельскохозяйственную технику и, в первую очередь, создать систему мелиорации, крупные землевладельцы Монархии просто интенсифицировали производство, то есть, шли не по пути прогресса, а наоборот.

Здесь я должен подчеркнуть, что венгерская феодальная аристократия играла значительную, если не решающую роль в определении сельскохозяйственной политики всей империи. Единственной хорошо организованной частью населения были именно крупные землевладельцы, то есть те из занятых в сельском хозяйстве, кто жил на ренту от него. Руководящее ядро этой группы составляла старая феодальная аристократия. Аристократия, в свою очередь, делилась на австро-немецкую, чешскую, польскую, венгерскую и хорватскую. Последние две группы были тесно связаны между собой и практически составляли единое целое, осуществляя своего рода гегемонию над остальными. Различные группы феодальной аристократии конкурировали между собой за важнейшие государственные посты (верх в этом соревновании, как правило, одерживали представители немецкой и чешской аристократии благодаря придворным связям), но, если опасность угрожала их общим экономическим интересам, они всегда выступали единым фронтом. Когда верхушка венгерской

* Относящиеся к этой теме данные см. в его же работе «Земля и общество» (Föld és társadalom. Budapest, 1911).

аристократии собиралась внести определенные коррективы в аграрную политику, она могла быть совершенно уверена в поддержке со стороны землевладельцев других регионов Монархии.

Так обстояли дела и в девяностые годы XIX в., когда в аграрной политике крупных венгерских землевладельцев произошло значительное изменение. Ранее они выступали за защитные таможенные барьеры, параллельно пытаясь развивать сельскохозяйственное производство. Однако к 1895 г. главной целью аграрной политики, проводимой венгерскими землевладельцами, стало максимальное увеличение таможенных пунктов на границах Монархии и, одновременно, ограничение сельскохозяйственного производства внутри границ таможенного союза. Причиной таких перемен стали последствия уже перечисленных факторов. Стало очевидно: если население Габсбургской империи продолжит увеличиваться, возрастут и внутренние потребности в продовольствии на территории таможенного союза, и, значит, неизбежно наступит время, когда Монархия перестанет экспортировать зерно и даже будет вынуждена его импортировать.

Если же в пределах таможенного союза производится зерна значительно больше, чем потребляется, государству нет никакого смысла ограничивать импорт при помощи высоких таможенных пошлин. Цена на зерно от всех этих пошлин не повысится ни на филлер. Если же на территории таможенного союза, наоборот, возникает серьезный дефицит зерна, таможни, используя все возможные пошлины, приближают цену к мировой.

Крупные собственники земли в Монархии прекрасно понимали, что происходит. Граф Иштван Тиса, самый сознательный представитель феодальной аристократии, написал в 1897 г. книгу «Венгерская аграрная политика», в которой предсказал и описал воздействие таможенных барьеров: «Чем больше вывоз зерна, – писал он, – тем меньше мы можем рассчитывать на таможенные тарифы; чем меньше экспорт – тем больше пользы от таможен». Используя статистические данные, граф Тиса показал, что «у таможенного союза нет необходимости ввозить зерно, правда, однако, состоит в том, что за последние четыре года наш экспорт в среднем сократился до незначительных объемов». Учитывая это и тот факт, что население Монархии ежегодно увеличивалось примерно на 400 тысяч человек, «в таком же соотношении увеличивались и объемы

внутреннего потребления», Тиса посылает своему классу обнадеживающий сигнал:

«Исходя из всего этого, мы с полным правом можем надеяться, что за несколько лет таможенный союз войдет в группу тех стран, где наблюдается дефицит зерна, и таможенная защита нашего сельского хозяйства будет обеспечена в полной мере»*.

Это означало, что к концу девяностых годов XIX в. перед землевладельческой аристократией открылись новые возможности для увеличения ренты вследствие повышения цен на зерно при помощи таможенных барьеров. Такая политика была исключительно благоприятной для крупных землевладельцев всех национальностей, поскольку создавала условия для продажи их зерна по ценам на 60–80 крон за тонну выше мировых. Тем не менее, в рамках таможенного союза, который продолжал экспортировать зерно в небольших объемах и в 1897 г., дефицит зерна мог возникнуть только в том случае, если, с одной стороны, возрастали внутренние потребности, а с другой – переставали расти объемы аграрного производства (по крайней мере, они были ниже внутренних потребностей). Таким образом, все, кто ратовал за повышение цен посредством таможенных пошлин в результате сложившейся в 1895 г. ситуации, должны были, естественным образом, препятствовать любому значительному увеличению аграрного производства в пределах таможенного союза.

Такой же вывод сделали и ведущие представители крупных земельных собственников: с 1890 г. аграрная политика отнюдь не способствовала развитию сельскохозяйственного производства. Крупным землевладельцам, таким образом, было свойственно ограничивать – если не полностью, то в значительной мере, – рост объемов сельхозпродукции. Именно они заправляли в сельскохозяйственных объединениях и ассоциациях, они же диктовали аграрную политику министрам земледелия. Для управления аграрным сектором двух государств империи было характерно полное равнодушие к вопросам организации сельскохозяйственного образования для миллионов крестьян – с целью успокоить демократическую общественность было проведено несколько мероприятий, да и те только для видимости. Прежде первым, кто внедрял новую сельхозтехнику, был сам помещик,

* Книга была написана по-венгерски, впоследствии вышла и в немецком переводе.

затем его примеру постепенно начинали следовать крестьянские массы. Теперь, по мере того, как крупнейшие землевладельцы сворачивали с пути развития сельского хозяйства, крестьянство осталось без ориентиров и стимула для проведения необходимых реформ. Данную тенденцию поддерживало и то, что значительную часть территории Монархии – как мы подробнее рассмотрим в следующем разделе – составляли майораты, родовые имения и церковные и государственные владения, т.е. земли, исключенные из свободного оборота*.

В целом, аналогичные тенденции наблюдались и в австрийской аграрной политике. Консервативные силы – пусть и менее последовательно – и здесь не поддерживали никакие серьезные нововведения в системе сельского хозяйства. Однако ущерб экономическому развитию наносили не только эгоистичные протекционистские интересы, но и отсталая феодальная атмосфера по всей стране, а также устаревшая система распределения земельных наделов. Под влиянием этих факторов начиная с 1895 г. сельское хозяйство Монархии пришло в состояние решительной стагнации.

Граф Иштван Тиса и заодно с ним все самые крупные земельные собственники еще до 1897 г. хотели превратить Монархию в территорию, зависимую от зернового импорта, где таможенные пошлины работают на повышение цен. Шаг за шагом так и получилось. В 1907 г. дошло до того, что защитные таможенные пошлины стали постоянно влиять на цены. Крупные помещики, естественно, тщательно следили, чтобы производство не росло. Отдельные представители венгерской помещичьей аристократии, обладавшие неограниченной властью, позволяли себе открыто выражать свои протесты против увеличения объемов сельхозпродукции. Когда в 1911 г. новый министр земледелия, граф Бела Серени заявил о необходимости увеличения сельхозпроизводства, ссылаясь на финансовые интересы государства, аграрные объединения открыто вступили с ним в конфронтацию и заставили правительство принять свою позицию, направленную на противодействие развитию сельского хозяйства. Еще более характерным представляется следующий эпизод: в 1910 г.

* О существовании сговора против увеличения аграрного производства писал Арнольд Даниэль в своей статье «Таможенный союз, сельское хозяйство и промышленность» (Vámunió, mezõgazdaság és ipar // Huszadik század, 1915. II.köt.)

аристократ и крупный землевладелец Гедеон Рохонци, игравший значительную роль в парламенте, открыто выступил с планом, согласно которому Венгерское государство должно было сократить производство зерна путем введения принудительных мер и таким образом сделать неизбежным импорт зерна, чтобы зерновые пошлины не потеряли своего влияния на рост цен. План Рохонци был слишком откровенно бессовестным, чтобы правительство могло принять его открыто, но именно поэтому он почти карикатурно высветил намерения крупных земельных собственников Монархии*.

Нигде защитный таможенный режим не приобретал такой абсурдный характер, как в дуалистической Монархии. Фридрих Лист, автор идеи о покровительственных пошлинах, считал, что таможенные барьеры необходимы для развития и увеличения местного производства. Таким образом, по его представлениям, покровительственный таможенный барьер являлся лишь средством, целью же было повышение объемов продукции. В аграрной политике этот принцип был использован с точностью до наоборот. Целью стал сам таможенный барьер, то есть, его влияние на рост цен и доходов, и ради этой цели в жертву было принесено увеличение производства сельхозпродукции.

Земельная аристократия не только поддерживала такую политику, но выступала все более агрессивно, по мере того, как Монархия приближалась к моменту превращения из экспортера сельхозпродукции в ее импортера. Уже в 1901 г. крупные помещики вынудили правительство сделать крайне недальновидный шаг – ликвидировать так

* Почти комичное подтверждение тому, насколько глубоко определяли общую политику (и т.н. «патриотическую» политику) венгерской феодальной аристократии соображения, связанные с доходами от сельского хозяйства, недавно обнаружилось задним числом в одной из речей графа Йожефа Карои, лидера венгерских легитимистов. Граф критиковал призывы лорда Ротермера к пересмотру Трианонского договора на том основании, что коррекция границ, предложенная английским лордом и его венгерскими последователями, «добавит лишь 2 миллиона потребителей, но вместе с ними такие огромные сельскохозяйственные территории, что для поддержания цен на зерно Венгрия будет вынуждена вступить в таможенный союз с Австрией и Чехословакией». Социалисты на это ответили, что, по их мнению, девизом аристократов-монархистов стали слова: «Да здравствует дорогая пшеница и король Отто!» (подробнее см. номер The New York Times от 17 марта 1929 г.) Все это, тем не менее, не шутка, но продолжение традиционной аграрной политики крупных землевладельцев, инициатором которой стал Иштван Тиса.

называемые «мукомольные нормы». Ранее у мельниц было право беспошлинно импортировать зерно, если они экспортировали аналогичное количество муки. Поскольку мельницы экспортировали более дорогую муку тонкого помола, а мука грубого помола оставалась дома, мукомольные нормы действовали таким образом, чтобы повышать цены на муку тонкого помола и, соответственно, понижать цены на муку грубого помола, потребителями которой были бедные слои населения. Ликвидация этих норм привела к подорожанию хлеба для бедных, но серьезных доходов крупным помещикам не принесла.

Политика земельной олигархии, направленная против ввоза домашнего скота из Балканских государств, привела к куда более катастрофическим последствиям. Начиная с 1906 г. таможенные конфликты между Монархией и Румынией и, в еще большей степени, между Монархией и Сербией стали обычным делом. Таможенная война нанесла огромный ущерб Сербии, для которой рынок Монархии был жизненно важен, и этот конфликт – как мы увидим в следующей главе – стал главной причиной югославянских выступлений. Подобная ростовщическая политика одновременно вела к удорожанию продовольственного снабжения и, таким образом, препятствовала дальнейшему развитию экономики.

Анализ аграрной политики Монархии позволяет, в первую очередь, заключить, что развитие сельскохозяйственного производства могло бы стать основной предпосылкой для повышения уровня экономической и культурной взаимозависимости между отдельными народами и территориями. Действия крупных земельных собственников, тормозившие развитие сельского хозяйства, привели к ослаблению центростремительных сил и усилению разрушительных тенденций.

б) Развитие промышленности и ростовщического капитализма

Охарактеризованная нами политика феодальной аристократии по ограничению сельскохозяйственного производства на территории Австро-Венгерского таможенного союза не только препятствовала общественному прогрессу масс населения, занятых в сельском хозяйстве, но и нанесла значительный ущерб развитию промышленности. Осуществить в странах Австро-Венгерского та-

моженного союза индустриализацию по западному образцу оказалось невозможно; все, что здесь происходило, носило скорее восточноевропейский, нежели западноевропейский характер. Относительно низкая производительность сельскохозяйственного труда стала серьезным препятствием для развития промышленности. С одной стороны, аграрный сектор с его низкой производительностью поставлял промышленности недостаточно сырья; с другой стороны, потребление промышленных товаров жителями сельских регионов носило ограниченный характер.

Естественным спутником относительной бедности сельского населения было отсутствие накопления капиталов, которые могли бы служить базой для создания крупных промышленных предприятий. О наличии подобной взаимосвязи свидетельствует и тот факт, что значительные природные богатства на территории Монархии так и остались неосвоенными в силу нехватки нужного количества свободных средств. Фридрих Херц так жалуется на обстановку в деревообрабатывающей промышленности:

«Объемы деревообрабатывающей промышленности не соответствуют масштабам нашего лесного хозяйства. Огромные запасы лесозаготовок просто недоступны для переработки из-за нехватки самых необходимых средств транспортировки, и ценные лесоматериалы гниют и пропадают»*.

Можно сказать, что, в результате сложившихся властных отношений, экономическая политика Монархии носила непоследовательный и бессистемный характер. С одной стороны, правительства придерживались консервативной аграрной политики и не собирались расширять сельскохозяйственную базу, необходимую для развития промышленности; с другой стороны, они пытались развивать промышленность на этом урезанном фундаменте путем введения протекционистских пошлин, субсидий, железнодорожных и других привилегий. Но даже и эта пассивная политика приносила какие-то результаты. Так, в альпийских и судетских провинциях относительно развитое сельское хозяйство и другие природные условия обеспечивали более широкую базу для развития промышленности. Но индустриализация началась не только здесь, но и в других частях Монархии, например в Венгрии, Хорватии, Галиции и австрийском Карсте.

* Op. cit. 18 o.

Хотя центрами индустриализации по-прежнему оставались Альпы и Судеты, в южных и восточных сельскохозяйственных регионах тоже возникли промышленные и торговые центры, давшие миллионам людей возможность выжить. В этих сельскохозяйственных областях – в Галиции, Буковине, районе австрийского Карста и землях венгерской короны – в 1910 г. 7 161 000 человек были заняты в промышленности, торговле и перевозках. Тогда же в Судетах и альпийских провинциях число занятых в этих сферах экономики достигало 8 869 000 человек. Это означает, что по состоянию на 1910 г. в последних двух областях проживали лишь 55% из тех, кто работал в промышленности и торговле, а 45% были выходцами из упомянутых сельскохозяйственных регионов.

В начале XX в. на территории проживания каждого из народов, населявших империю, уже появился целый слой людей, занятых в промышленности и торговле. Сконцентрированные в больших и малых городах, эти люди уже хотели и могли защищать свои интересы. В венгерских, польских, чешских и югославянских областях у промышленных рабочих и торговцев уже появились собственные интересы, которые приходили в противоречие с доминирующими в Монархии тенденциями экономического развития.

Что же это были за особые интересы? Для прояснения ситуации необходимо представлять себе структуру промышленности в Габсбургской империи. Самой развитой, в экономическом плане, частью Австро-Венгерской монархии была территория проживания 10 миллионов австрийских немцев, то есть альпийские провинции и немецкие области в Чехии, Моравии и Силезии. В рамках таможенного союза экономически более развитые страны обычно используют менее развитых соседей в качестве колоний. Так обстояли дела и в Австро-Венгерской монархии с момента ее создания. Венгрия, Галиция, югославянские территории, а в самом начале – и славянские части Чехии и Моравии, были лишь аграрными придатками, которые закупали промышленную продукцию, произведенную на австро-немецких землях. Позднее, когда в венгерских, славянских и румынских регионах возникли условия для появления промышленного производства в больших или меньших масштабах, большая часть капиталов для создания промышленных предприятий шла из австрийских немецких банков. Одной из причин, почему австро-немецкие ка-

питалисты строили заводы не на немецких территориях, была дешевизна сырья и рабочей силы, которая обеспечивала большие доходы от вложений. Другая причина заключалась в стремлении австро-немецкого капитала обеспечить себе львиную долю прибыли, когда развитие промышленности на славянских, венгерских и румынских территориях пошло полным ходом.

Практически каждый завод, предприятие или шахта в Галиции, Буковине или в югославянских областях Австрии были собственностью австрийского немецкого капитала, либо находились под его управлением. В Венгрии, Трансильвании и Хорватии ситуация была если не совсем аналогичная, но очень похожая, несмотря на то, что политическая власть в этих регионах изо всех сил отчаянно пыталась использовать авторитет государства, чтобы сделать промышленность независимой от Австрии. Вопреки этим попыткам венгерская, трансильванская и хорватская промышленность, в значительной степени зависела от австрийского капитала. Причиной тому была «власть банков» – характерная черта индустриальной и торговой жизни в Габсбургской империи.

Австрийские промышленные предприятия, как правило, испытывали нехватку капитала и в значительной степени зависели от кредитов. Заводы были вынуждены обращаться к банкам за кредитами. Если предприятие создавалось как акционерное общество, большей частью акций – напрямую или опосредованно – владел какой-нибудь банк*. И поскольку мелкие банки зависели от крупных, вся промышленность находилась в руках нескольких крупнейших банков. В странах венгерской короны ситуация была еще более напряженной. Владельцами венгерских промышленных предприятий часто являлись крупные австрийские, а еще чаще – венгерские банки. По состоянию на 1910 г. только Пештский венгерский коммерческий банк, например, был владельцем акций 75 крупных шахт, металлургических и машиностроительных заводов, текстильных фабрик, мукомольных предприятий, контор по перевозке товаров и других аналогичных предприятий. Основные фонды этих предприятий составляли 500 миллионов крон, а резервные – 109 миллионов. Для Венгрии эта

* Более подробный анализ финансовой ситуации в промышленности дает в своей книге Ф. Херц.

сумма была гигантской, хотя в нее даже не включены данные о мелких предприятиях и тех заводах и фабриках, которыми банк управлял непосредственно*.

Выше мы утверждали, что венгерские промышленные и горнодобывающие предприятия в большинстве своем управлялись крупными венгерскими банками. Это, однако, не означает, будто они не зависели от австрийского капитала. Напротив: ведущие венгерские банки (известные как «большие банки») в основном работали с австрийскими капиталами и чаще всего были просто будапештскими представительствами ведущих банков Австрии. Венская группа Ротшильда, или «Винер банкферайн» (Wiener Bankverein), к примеру, владела изрядной частью самых влиятельных будапештских банков.

Вильгельм Оффергельд, автор блестящего исследования, посвященного развитию венгерской промышленности**, указывает на то, что, хотя эта промышленность и не была марионеточной, она во многом зависела от иностранного, то есть, от австрийского капитала. Помню, как в 1909 г. один мой друг, венгерский министерский чиновник высокого ранга, остановился со мной на Цепном мосту в Будапеште, показал рукой на множество заводских труб к северу и к югу и сказал: «Каждый завод, который ты здесь видишь, принадлежит иностранцам. Владельцы – в основном, австрийский капитал. Если бы в Венгрии национализировали заводы, это была бы настоящая национальная политика. С ее помощью в руках у венгров оказалась бы австрийская собственность». Похожие слова могли быть произнесены в Загребе, Любляне, Львове, Кракове и, с определенным основанием, даже в Праге, хотя с конца XIX в. славянские территории Чехии и Моравии в значительной степени, перестали зависеть от венского капитала.

Промышленная структура империи Габсбургов складывалась следующим образом: промышленность каждой из стран по большей части находилась в руках капитала, который Рудольф Хильфердинг, авторитетный экономист-социалист, называл «финансовым капиталом» – такой капитал дает деньги, но не принимает

* Достоверную информацию по этому вопросу можно найти в книге Енё Варги «Венгерские картели» (*Varga J.* A magyar kartellek. Budapest, 1913.)

** *Offergeld W.* Grundlagen und Ursachen der industriellen Entwicklung in Ungarn. Jena, 1914.

активного участия в производстве. Центром финансового капитала была Вена, где сходились все нити промышленной структуры Монархии. Были еще два, менее крупных центра: Будапешт и Прага. Они не обладали независимостью и являлись, если можно так сказать, вассалами Вены. Доминирующее положение венского капитала было обусловлено не только экономическими причинами и тем обстоятельством, что Вена являлась старейшим и богатейшим центром аккумуляции средств, – именно здесь финансовый капитал был накрепко привязан к правительству, армии и всей административной машине империи. Длинная рука венского капитала достигала любой точки Монархии, а через Будапешт и Прагу – и до венгерских и чешских территорий. Исходя из своих интересов, он мог, соответственно, поддерживать или перекрывать строительство железных дорог. Позволю себе привести один характерный пример: государственное Австро-Венгерское железнодорожное товарищество со штаб-квартирой в Вене владело крупными угольными шахтами в городах Анина и Ресика в юго-восточной части Карпат, на территории комитата Крашшо-Серень (ныне – область в Румынии). Вокруг этих городов образовались обширные «закрытые» территории, где нельзя было добывать уголь. Позднее недалеко от этих мест обнаружили еще один крупный угольный бассейн, и небольшой венгерский синдикат захотел приобрести право на разработку месторождения у крестьян–собственников земли. Предприятие не увенчалось успехом, так как уездный начальник попросту арестовал адвоката венгерской стороны и выслал его за пределы района. Железнодорожное товарищество выкупило право на разработку по смехотворно низкой цене*.

Промышленное и угольное производство легко можно было монополизировать с помощью трастовых организаций, устроенных по типу картелей. Для отношений того времени была характерна ситуация, когда на территории таможенного союза действовало не менее пятидесяти шести австро-венгерских картелей, не говоря уже о международных картелях и о многочисленных местных концернах, созданных отдельно австрийцами и

* Об этом и многих других подобных случаях можно прочесть в статье Виктора Аради «Заметки о венгерской промышленности» (*Aradi V.* Jegyzetek a magyar ipar kórrajzához // Huszadik Század, 1912, április–augusztus).

венграми. Причиной этого явления было то, что финансовый капитал, с одной стороны, заставлял вводить протекционистские пошлины, а с другой – создавал картели, чтобы монополизировать преимущества этих пошлин.

Концентрация промышленных монополистов вокруг венского финансового капитала имела два серьезных последствия – два фактора, которые привели к подрыву политики свободной торговли. Во-первых, картельная система ограничивала развитие промышленности. В развитии капитализма можно явно выделить два уровня – высший и низший. Низший, начальный, примитивный тип капитализма отличает стремление капиталистов заполучить высокую прибыль без продуктивных вложений ростовщическим путем. Если же все-таки приходится вкладывать какие-то средства, то инвесторы пытаются получить доход не столько за счет увеличения производства, сколько путем поднятия цен и сокращения заработной платы. Вторая, более высокая ступень развития капитализма берет свое начало в американском «фордизме», базовыми принципами которого являются высокая заработная плата, расширение производства дешевой продукции и очень высокая производительность труда. Капитализм Австро-Венгерской монархии относился к первому, начальному типу. Его ростовщический характер объясняется, отчасти, дефицитом капитала, отчасти – высокими процентными ставками. Усугубляли ситуацию и протекционистские пошлины, и система картельных монополий.

Картельная система препятствовала развитию промышленности и по другой причине. Создавая свои картели, ведущие банки следили, чтобы внутри таможенного союза не появлялись новые промышленные предприятия, которые могли бы составить конкуренцию их заводам. И чем более мощные индустриальные центры формировались в альпийских и судетских провинциях, тем сильнее сказывалась такая картельная политика на восточных, центральных и южных регионах Монархии, где аграрное население было не в состоянии создать национальную промышленность. Многие природные богатства на этих территориях так и остались неразработанными.

Подобная недальновидная, монополистская картельная политика австро-немецкого финансового капитала и связанных с ним определенных венгерских капиталистических групп доминиро-

вала практически во всех отраслях промышленности. Этот экономический авторитаризм, царивший на венгерских, славянских и румынских территориях Монархии, препятствовал развитию и повышению благосостояния населения. Совершенно естественно, что больше всех пострадавшие от экономической депрессии трудящиеся и представители интеллигенции относились к австрийской финансовой верхушке с растущим недовольством и даже ненавистью. Однако ведущие финансовые круги обладали политической властью и могли подавлять политические проявления подобного недовольства. Коррумпированная избирательная система и, в особенности, открытое голосование, действовавшее в странах венгерской короны, позволяли финансовой верхушке оказывать экономическое давление через зависимые мелкие банки на погрязшее в долгах крестьянство и низшие слои буржуазии. Давление это было настолько ощутимым, что представители интеллигенции отдельных народов в качестве первоочередной цели выделяли достижение финансовой независимости путем создания национальных банков, которые находились бы под собственным национальным контролем. Чехам это удалось, уже к 1914 г. крупнейший чешский национальный банк, «Живностенска банка» стал ведущим финансовым институтом на территории страны. Аналогичные венгерские попытки увенчались меньшим успехом: в силу менее высокого уровня развития сельского хозяйства венгерская экономика в значительно большей степени зависела от Австрии. Венгерская Партия независимости внесла в свою программу создание независимого венгерского эмиссионного банка, при том, что Австро-Венгерский эмиссионный банк считался образцовым учреждением. За стремлением создать национальную структуру стояли отнюдь не только эмоции – Австро-Венгерским банком управлял, главным образом, австрийский немецкий капитал, и сам банк обслуживал монополистические интересы больших картелей. Венгерское же начинание задевало интересы группы Ротшильда и едва ли могло получить кредиты.

Монополистическая промышленная и финансовая система наносила ущерб венгерским, славянским и румынским интересам не только потому, что тормозила прогресс в экономике. Австрийский капитал – посредством картельной политики – «уводил» с этих

территорий огромные денежные суммы и вкладывал их большую часть в австро-немецкие земли и, в меньшей степени, Чехии. Относительно высокие картельные цены и относительно низкие зарплаты приносили большинству промышленников крупные прибыли, и львиная доля этих прибылей перемещалась в сейфы австро-немецких капиталистов. Это вело к определенному отчуждению, абсентеизму и усугубляло положение буржуазии и трудящихся классов в указанных регионах.

В XVIII в., когда капитализм в Габсбургской империи только утверждался, а землевладельческая аристократия была единственным господствующим классом, владельцы обширных латифундий на венгерских, славянских и румынских землях жили в Вене, а не в своих поместьях. Доходы от владений просаживались в блеске венского двора. Результатом этого стало обнищание тех регионов, где было много крупных поместий – упомянутые территории были лишены перспектив промышленного развития, тогда как в Вене и ее окрестностях образовалась целая отрасль по производству предметов роскоши, дававшая хлеб сотням тысяч рабочих. Это означает, что проживание помещиков вне своих владений создавало благоприятные условия жизни для австрийских немцев в Вене и одновременно сокращало возможности заработать для тех, кто проживал на территории феодальных владений. Настоящим символом такого влияния стали поставки зерна и скота из латифундий в Вену. По своим последствиям феодальный «абсентеизм» был очень похож на новый тип отчуждения, когда владельцы предприятий на венгерских, славянских и румынских землях переводили свою прибыль в сейфы австро-немецких банков. Акционеры крупнейших финансовых учреждений (не говоря уже об их служащих и директорах), как правило, жили в немецких регионах Австрии и там же тратили свои доходы, полученные в Венгрии, Румынии и славянских странах, создавая, таким образом, рынок для множества крупных и мелких предпринимателей и рабочие места для значительного числа рабочих.

Описанные преимущества объясняют, почему австрийское немецкое рабочее движение выступало за сохранение Габсбургской монархии и почему именно в этих кругах родилась идея Великой Австрии, сформулированная Карлом Реннером. Новое городское население, сформировавшееся в последние десятилетия XIX – нача-

ле XX в. на венгерских, славянских и румынских территориях, напротив, с растущим недовольством наблюдало за ростом уровня жизни в австро-немецких городах. И хотя эти люди не осознавали – или только поверхностно и в незначительной степени – существование описанных выше экономических взаимосвязей, тем не менее, мелкая буржуазия и рабочие, проживавшие в данных регионах, оказывали горячую поддержку националистам и движениям по отделению от Вены.

Понятно, что первостепенную роль в национальных движениях играли чисто идеологические мотивы – в дальнейшем мы подробно рассмотрим этот вопрос. Но очевидно также и то, что на подсознательном уровне идеологию подпитывали очень даже реальные экономические интересы: стремление освободить промышленность от давления картелей, положить конец отчуждению капитала и перемещению его в другие страны.

в) Австро-Венгерский таможенный союз оказывается под угрозой

Из приведенных выше рассуждений следует, что экономическое развитие в известном смысле способствовало усилению сепаратистских тенденций в рамках Австро-Венгерского таможенного союза. Однако оно же стимулировало интеграцию и укрепление взаимосвязей. При благоприятных условиях эти объединительные силы могли бы стать достаточно сильными, чтобы противодействовать процессу распада и остановить его. Один из интеграционных факторов был особенно важен: возможности рынка, насчитывающего пятьдесят 50 потенциальных потребителей, куда шире, нежели то, что предлагает рынок в 10 миллионов человек. Тем не менее, в сложившейся ситуации это преимущество не особенно бросалось в глаза.

С точки зрения этнографии, Австро-Венгерская монархия была разбита на 10-11 этнографических регионов. Население отдельных регионов находилось на разном уровне развития культуры и производило и потребляло различные блага, руководствуясь разными традициями. В результате рынок оказался крайне неоднородным. В легкой промышленности, например, производителям приходилось выпускать несколько модификаций мужских и

женских шляп, видов тканей, передников, носовых платков, так как представители разных национальностей и одевались по-разному. Отличались друг от друга не только потребляемые товары, но и орудия производства, используемые на разных территориях,– инструменты, плуги, телеги и т.д. Кроме того, производители были вынуждены рекламировать свою продукцию на десяти разных языках. Из-за подобных сложностей многие фирмы, особенно те, что занимались массовым производством, были вынуждены идти по пути децентрализации своих филиалов. Фридрих Херц показал, как этот процесс вел к удорожанию производства и препятствовал специализации.

Раздробленность рынка можно было преодолеть только одним способом – повышением благосостояния и культуры. Уровень жизни, манера одеваться, объемы потребления и средства производства среднего англичанина, француза или жителя северной Германии куда более схожи, нежели уровень жизни и объемы потребления среднестатистического поляка, серба или румына. Только высокий уровень культуры и жизни народа могли унифицировать модели потребления отдельных народов Монархии. В такой ситуации географические и национальные различия стали бы не препятствием, но настоящим преимуществом с точки зрения промышленной специализации.

Однако из-за проблем и преград, вызванных аграрной и таможенной политикой, а также из-за монополизма картелей развитие Монархии не пошло в столь благоприятном направлении. Низкий уровень жизни значительной части населения, примитивное разделение труда и слабое взаимодействие рынков привели к тому, что в большинстве регионов таможенного союза местная специализация почти не развивалась. Как результат, процесс распада оказался намного интенсивнее тенденции к объединению.

Разрушительные тенденции стали особенно очевидны после 1907 г., когда феодальная аристократия достигла своей цели: рост сельскохозяйственного производства остановился, а цены на продовольствие выросли. Растущий импорт зерна, продуктов питания и сырья, наряду с высокими таможенными пошлинами, привел к подорожанию жизни для трудящихся масс. Было у этого процесса и еще одно опасное следствие. За ввозимое зерно и сырье Монархия должна была чем-то платить. Будучи страной-

плательщиком, а не кредитором, Монархия в целом могла платить только путем экспорта промышленных товаров. Таким образом, аграрная политика феодальной аристократии после 1907 г. вынуждала народы империи увеличивать вывоз промышленных товаров.

Все это произошло в крайне неудачный момент. К концу первого десятилетия нового века из-за роста населения в Европе и Северной Америке запасы продовольствия на обоих континентах были уже не так велики, как в период с 1885 по 1905 г. По этой причине цены на продукты питания стали расти, а спрос на промышленные товары упал. Начиная с 1907 г. промышленная конкуренция на мировом рынке заметно обострилась*. Англия и малые страны, продолжавшие вести свободную торговлю (Бельгия, Голландия, Швейцария и Дания), вступили в конкурентную борьбу, имея преимущество благодаря свободному ввозу зерна; промышленность этих стран поддерживали сравнительно низкие затраты на производство. В Германской империи запасы продовольствия были защищены таможенными тарифами, но, несмотря на это, империя была способна успешно конкурировать на рынке, так как эффективное сельское хозяйство позволяло развивать сильную и технически передовую промышленность. Австро-Венгерская монархия, где цены на продовольствие в пределах таможенного союза резко взлетели вверх, а с ними возросли и затраты на промышленное производство, где отсталое сельское хозяйство не позволяло создать эффективную промышленность, потерпела поражение в острой конкурентной борьбе. Промышленность империи потеряла рынки не только за пределами таможенного союза, но и внутри него. Несмотря на протекционистские пошлины, в отдельных сферах немецкие, бельгийские и английские заводы умудрялись предлагать свою продукцию на венском рынке дешевле, чем австрийские предприятия. По этой причине импорт продуктов питания и промышленных товаров стал расти параллельно, и противостоять этому импорту путем увеличения экспорта было уже невозможно. Таким образом, тор-

* С интересным анализом ситуации можно ознакомиться в книге редактора газеты «Франкфурте цайтунг» Артура Файлера (*Arthur Feiler*. Die Konjunkturperiode 1907–1913. Frankfurt am Main, 1914).

говый баланс складывался отнюдь не в пользу империи. В таблице II видно, как это неблагоприятное соотношение совпадало с ростом цен на продовольствие.

В этой ситуации Монархия как страна-плательщик могла возмещать чрезмерные расходы на импорт только за счет очередных кредитов, полученных из других стран. Такая экономическая система

Таблица II

Годы	*Цена за тонну пшеницы в Будапеште (в кронах)*	*Положительный и отрицательный торговый баланс (миллионов крон)*
1886–1890*	161	+319
1891–1895*	163	+209
1896–1900*	184	+127
1901–1905*	170	+164
1906	157	+39
1907	201	- 45
1908	240	- 143
1909	289	- 427
1910	234	- 437
1911	238	- 787
1912	232	- 823
1913	222	- 627

* *в среднем*

Таблица III

Годы	*Миллионов крон*
1891–1900	435
1901–1905	602
1906	752
1907	945
1908	1013
1909	1244
1910	1721
1911	1684

*

рано или поздно была обречена столкнуться с серьезными проблемами или попросту привести к экономической катастрофе. Страна-должник, неспособная обеспечить активный баланс, не может удержать свои позиции на международном уровне. Именно поэтому Австро-Венгерская монархия уже в 1913 г. потерпела поражение и в таком состоянии вступила в Первую мировую войну*.

Признаки растущей задолженности были видны и внутри империи. Так, многие покупали в кредит землю и здания, а ценные бумаги продавали за границу. После 1907 г. кредиты под залог недвижимости растут на глазах год от года. Объемы задолженности в целом по Монархии демонстрирует таблица III (суммы, выплаченные за предыдущие кредиты, мы вычли)**.

В целом экономическая ситуация в Монархии после 1907 г., не считая короткие периоды подъема, сопровождается признаками упадка: жизнь дорожает, рыночные отношения ухудшаются, а задолженность растет. Пропаганда со стороны заводских организаций, торговых палат и других объединений позволила широким слоям населения понять, что главной причиной упадка стали сельскохозяйственные протекционистские пошлины. Но независимо от того, насколько современники осознавали причинно-следственную связь между всеми перечисленными факторами,

* Ранее мы уже ссылались на серьезное исследование Пала Сенде, посвященное экономическому устройству Монархии, где автор делает важные выводы, которые прекрасно дополняют описанную мной картину: «Финансовая история Австрии достоверно отражает трагический характер развития Габсбургской монархии; она превратилась в придаток династического империализма... Отличие Габсбургской монархии от больших национальных государств состояло в том, что при возникновении любого серьезного международного конфликта ей приходилось отвечать на вопрос «быть или не быть». Войны империи служили исключительно интересам династии... Ни в одном другом государстве армия не оказывала такого решительного влияния на формирование финансовой политики. Тот, кто возьмется писать историю военных организаций Монархии, будет вынужден параллельно обрисовать и историю ее финансов... Военные расходы в период с 1902 по 1914 г. лучше, чем что-либо могут продемонстрировать обреченность Монархии. Страшно наблюдать, как Монархия движется к своему финалу и как она сама приводит в исполнение собственный смертный приговор. Разорвать этот заколдованный круг чрезмерных военных расходов могли только две вещи: банкротство или война (*Szende P.* Op.cit.. 191–192. o., 200.I.)

** Расчеты основаны на данных, приведенных в Österreiches Statistsches Handbuch и Hungarian Stastical Yearbook и не содержат данных по Австрии на 1912 и 1913 гг.).

все – не только те, кто был занят в промышленности, но и мелкие крестьяне, и аграрные пролетарии – чувствовали ухудшение ситуации. Потому-то среди населения постоянно росло глубокое недовольство. Вполне естественно, что в таких условиях, с учетом национальной структуры Монархии недовольство населения под влиянием пропаганды партикуляризма было обращено не против экономической и таможенной политики, но против самого таможенного союза. Йозеф Грунцель в своей книге, посвященной торговой политике Монархии, описывает, с каким недовольством относились к таможенному союзу во всех краях империи*. Потребители выступали против таможенного союза из экономических соображений, а партикуляристы (особенно венгерская Партия независимости) – по политическим мотивам. Ненависть народа к угнетателям распространялась и на таможенный союз. Люди видели, что крупные землевладельцы, взвинтившие цены на хлеб и остальное продовольствие, и банкиры-ростовщики, искусственно поднявшие цены на жилье и товары первой необходимости путем картельного сговора, и есть главные защитники Австро-Венгерского таможенного союза.

Анализируя данную ситуацию, мы должны признать, что таможенный союз, против которого был направлен всеобщий гнев, уже давно перестал быть инструментом свободной торговли. Нельзя также забывать, что основой идеи свободной торговли является дешевый хлеб – ее базовое и органическое условие. Конечная цель политики свободной торговли – повышение производительности труда. В период с 1850 по 1900 г. Австро-Венгерский таможенный союз действительно означал свободную торговлю, по крайней мере, до тех пор, пока не начал повышать цену на хлеб. После 1900 г., скорее, даже после 1907 г. этот признак свободной торговли уже исчез. *Австро-Венгерский таможенный союз постепенно превратился в институт псевдосвободной торговли, средство экономической эксплуатации, препятствие на пути экономического развития и угрозу для трудящихся классов.* Экономическая неудовлетворенность масс стала главной движущей силой национального сепаратизма и растущего ирредентизма.

* *Grunzel J.* Handelspolitik und Ausgleich in Österreich-Ungarn. Wien, 1912.

г) Почему свободная торговля потерпела крах?

Пробуя еще раз взглянуть на безрезультатную попытку внедрить систему свободной торговли, мы приходим к выводу, что сделать такую политику устойчивой могло только спонтанное взаимодействие народов. Подобное возможно только в том случае, если силы объединившихся народов равны, или хотя бы есть гарантия, что более сильные не начнут угнетать слабых посредством монополий и политической супремации. Сохранение принципов свободной торговли входит исключительно в сферу интересов наций, которые достигли высокого уровня экономического развития и нуждаются в обмене товарами – то есть, демонстрируют сильную дифференциацию в сфере производства и потребления.

Дифференцированный характер производства и потребления может быть только следствием изобилия продуктов питания и высокой производительности труда. Если сообщество, избравшее политику свободной торговли, не гарантирует эти базовые условия, система свободной торговли неизбежно будет разрушена. Именно это и произошло в случае с Австро-Венгерской монархией. Таким образом, мощнейший центростремительный фактор, способный стать настоящей связующей силой для империи, все явственнее демонстрировал центробежные тенденции.

Часть четвертая

ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ СИЛЫ: ДРАМА РАСТУЩЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

I. Книги Сивиллы

Из проведенного выше анализа становится очевидным, что Габсбургская монархия «срезалась» на национальном вопросе, так и не сумев его решить. Все центробежные факторы носили национальный характер, или, по крайней мере, прикрывались национальным компонентом. Это можно сказать в отношении феодального партикуляризма, борьбы буржуазии за административные посты или земельного голода среди крестьян. Экономический и политический анализ данных процессов представляется делом сравнительно несложным. Однако любой, кто изучал эти явления подробно, четко знает, что они не исчерпываются одними экономическими и политическими мотивами, но связаны с определенными иррациональными и не поддающимися описанию элементами.

Национальные устремления всегда были покрыты налетом мистики и религии, и великие теоретики национализма – Гердер, Мадзини и Фихте[184] – прекрасно осознавали созидательную мощь подобных устремлений. Именно поэтому они сумели проникнуть в суть национального движения и предсказать его возможные последствия лучше, чем такие мыслители, как, например, Маркс и Энгельс, видевшие лишь политическую и экономическую стороны проблемы. Стремление немцев к единству, или борьба малых славянских народов за освобождение казались им вопросами второстепенной важности. Выдающийся трансильванский политик, писатель и политический мыслитель барон Жигмунд Кемень, переживший Венгерскую революцию 1848 г. и кровавую драму национально-освободительной борьбы, наверное как никто сумел подчеркнуть иррациональный характер, а также глубоко традици-

оналистскую природу указанных проблем. Этот автор сравнил национальную проблему с книгами Сивиллы, ссылаясь на римскую легенду, согласно которой прорицательница предложили царю Тарквинию Гордому купить двенадцать священных книг за определенную цену, и, когда цена показалась царю слишком высокой, сожгла половину книг и запросила за оставшуюся половину ту же цену. Однако царь продолжал сомневаться, и Сивилла сожгла еще часть книг, а царь был вынужден заплатить за уцелевшую книгу столько же, сколько старуха просила изначально за все двенадцать. Обращаясь к античной легенде, Кемень писал о современном ему национально-освободительном движении:

«Мы понимаем, что появились национальные притязания, которые требуют разрешения; проблемы эти схожи с книгами Сивиллы – чем позже на них обратят внимание, тем бóльшую цену придется заплатить за их решение и тем меньше пользы можно будет из них извлечь для общественного блага...»

Правящие круги действительно чудовищно игнорировали все национальные проблемы Монархии, совершенно их не понимали и относились к ним поверхностно и легкомысленно. Не будет преувеличением утверждать, что национальный вопрос заявил о себе с силой массового психоза, подлинное содержание которого плохо представляли себе и вожди национального движения, и его противники. Борьба зачастую велась за лозунги и эмоционально окрашенные символы, относившиеся, скорее, к области религии, нежели к сфере естественной партийной и классовой борьбы.

Истинную тяжесть и суть проблемы затемняли, в первую очередь, косные привычки и ценностные суждения власть предержащих. Господствующие нации считали настоящими нациями только самих себя, те же, кто подчинялся их власти, рассматривались как нации второго сорта. Так называемые «государствообразующие нации» – немецкая буржуазия и бюрократия в Австрии, дворянство в Венгрии, Хорватии и Галиции – были до такой степени переполнены сознанием своей ведущей роли, что воспринимали пробуждение национального сознания у своих бывших крепостных как нечто социально невозможное. До самого момента распада они воспринимали все эти исторические процессы через призму идеологии собственного превосходства. В целом, господствующие классы оказались совершенно не способны поддержать националь-

ные устремления угнетенных народов, в то время как национальные меньшинства жили в условиях, сравнимых с гетто, будучи изолированы от господствующих наций своим языком, традициями и зачастую религией.

Опасность подобных предрассудков усиливала и присущая практически всем (за небольшим исключением) представителям правящего класса полная теоретическая слепота в отношении природы и истоков национально-освободительных движений. Эта слепота оказалась роковой, когда на смену абсолютистскому государству пришли демократические силы. Правящие круги не пытались решить проблему, но стремились сохранить прежние национальные привилегии, которые они просто-напросто отождествляли с интересами самого государства.

Когда даже самые поверхностные наблюдатели уже заметили, что немецко-венгерская гегемония, дуалистическая конституция, очевидно потерпела крах в бурях Первой мировой войны, немецкие лидеры в своем так часто цитируемом меморандуме, так называемом «Беланж» (*Belange*), продолжали строить авантюрные планы по сохранению немецкой ориентации империи и ее централизованного устройства путем сдачи Галиции и использования абсолютистских приемов торжествующего – как тогда казалось – милитаризма. В то же время, венгерский феодализм до последнего дня существования Монархии противился любым попыткам реформировать конституцию в благоприятном для славян ключе. Отсутствие гибкости и высокомерное неприятие реформ нашли очень даже символичное отражение в визите графа Иштвана Тисы в Сараево 14 сентября 1918 г., куда он был послан императором в качестве homo regius[185] с целью найти возможное решение югославянского вопроса, исключительная важность которого на тот момент стала очевидной. Лишь тот, кто знаком с шовинистическим догматизмом и выхолощенной идеологией власти, характерными для венгерского правящего класса, в состоянии понять, почему самый могущественный государственный деятель Монархии, по праву названный венгерским диктатором, повел себя так на переговорах, имевших ужасные последствия. Считаю необходимым подробно передать содержание этих переговоров в той форме, как его изложил на заседании австрийского парламента 2 октября 1918 г. депутат от Словении г-н Корошец, впоследствии – премьер-

министр Югославии. Отчет Корошеца говорит о психологии распада Монархии больше, нежели любой теоретический анализ. На момент встречи в Сараево весь югославянский мир находился в простого человека с улицы, а до окончательного распада Монархии оставалось шесть недель. Опираясь на сведения, полученные от соотечественников из Сараево, депутат Корошец сообщил о «переговорах» графа Тисы следующее (позднее эту информацию подтвердили и другие источники).

То, что граф Тиса приехал в качестве homo regius, стало очевидно из речи генерала Саркотича (военного губернатора Боснии и Герцеговины), а также из других особенностей его визита. Как повел себя homo regius в Сараево и как принимал политиков? Он даже не предложил им сесть. Делегаты были вынуждены стоять перед ним как школьники. Граф Тиса сказал, что меморандум, поданный депутацией, ошибочен, и назвал право на самоопределение нации фальшивкой. Затем он сделал следующее заявление: «Может так случиться, что мы погибнем. Но прежде, чем погибнуть, у нас хватит власти, чтобы стереть вас в порошок». Одетый в форму полковника, граф Тиса ударил хлыстом по меморандуму, назвав его ерундой. Он даже сказал, что изгнал бы южных славян из Венгрии, если бы они там были. Югославы вечно будут благодарны за то, что император и король послали к ним такого человека…

Позже достоянием общественности стало и то, что в ходе этих памятных переговоров граф Тиса был крайне удивлен, когда один из членов депутации, мусульманин, доктор Мехмед Спахо, заявил, что прежний антагонизм между сербами, хорватами и мусульманами совершенно сошел на нет. Самый влиятельный политик Монархии в очередной раз продемонстрировал незнание важных фактов массовой психологии, известных каждому югославянскому студенту. Объяснить эти и подобные им эпизоды можно только упомянутой выше идеологией власти и еще одной психологической чертой системы, а именно, тем, что бывший император и его дуалистический аппарат с неким внутренним отвращением держались в стороне от любых фактов и происшествий, способных поколебать их интересы и традиционную точку зрения. Могущественный, но недалекий и ограниченный граф Тиса – главный пример этой катастрофической страусиной политики. Одному из его главных почитателей, известному венгерско-

му публицисту Бенедикту Янчо 18 октября 1918 г. в руки случайно попал четвертый параграф договора, заключенного румынским правительством с представителем Антанты в Бухаресте (в августе 1916 г.); в этом параграфе определялись будущие границы Румынии. Янчо бросился со своей новостью в парламент и показал Тисе пункт соглашения. Граф прочел его и возмутился: «Это невозможно, это абсурд! И вы, господин профессор, этому верите?» «Поскольку я католик, мой девиз: *credo quia absurdum* [«верую, ибо абсурдно» – *лат.*],» – отвечал Янчо. Тиса рассмеялся и попросил его отметить новую границу на карте. Увидев линию на карте, граф воскликнул: «О! В этом случае и Гест оказывается за новой границей!» (Стоит заметить, что огромное поместье графа Тисы располагалось в окрестностях деревни Гест.) На это Янчо ответил: «Да, Ваша Светлость, Гест попадает на территорию в пределах новых границ, и вы заявите протест против мирного договора в парламенте будущей Великой Румынии, *comme un député protestaire...* [как протестующий депутат]» Тиса опять улыбнулся*. Таким образом, традиционная атмосфера и моральные ценности гестского поместья, определявшие всю политику графа, роковым образом воздействовали на дух этого «сверхчеловека» даже в момент агонии Монархии.

Однако духовная и морально-этическая база формирующихся наций так же мало способствовала разрешению национальных проблем и серьезных конфликтов, как и устои правящих национальных групп. Большинство народов безо всякого переходного периода включились в политическую жизнь после столетий эксплуатации и тормозившего их развитие рабства. У этих народов совершенно отсутствовали даже элементарные представления о гражданском воспитании. Вполне естественно, что, живя в отсутствие материальной или моральной независимости на протяжении многих поколений в качестве пассивного орудия землевладельцев и официальных властей, движимые, скорее, суевериями, нежели религиозным духом, все эти людские массы не могли выработать сколько-нибудь осознанную и рациональную национальную программу. Их национальные устремления, напротив, состояли из древних эмоциональных элементов, отчасти социального, отчасти мистического происхождения.

* Цит. по: Öt év múltán. Budapest, 1923, 163.o.

Неудивительно, что в условиях экономического гнета, политического бессилия, неграмотности, постоянного пребывания масс населения в полуголодном состоянии (описанный Прудоном *faim lente* – медленный голод стал привычной частью социальной жизни в отсталых регионах Монархии) и экстатической и формалистской религиозности, замешанной на суевериях, любое массовое движение тяготело к экстремизму. Большинство населения было склонно к легковерному мистицизму, легенды возникали легко и находили значительный отклик в людских фантазиях. Мы уже могли наблюдать, например, как популярные реформы Иосифа II привели к вспышкам кровавого насилия. В связи с трагической смертью эрцгерцога Рудольфа возникли новые легенды, которые даже сыграли определенную роль в сараевской драме. В широких кругах югославянского населения бытовала фантастическая и абсурдная история о том, что убийца Франца Фердинанда, Гаврило Принцип, на самом деле был внебрачным сыном жены Рудольфа, эрцгерцогини Стефании, и она воспитала его с тем, чтобы он отомстил убийце ее мужа – Францу Фердинанду. Читатель поймет, что при столь низком уровне критической энергии среди населения, проводить рационалистическую политику в современном понимании было невозможно.

Еще один цикл легенд, бытовавших среди членов православной и даже греко-католической общин, был связан с личностью Царя как главы Православной церкви. Отсталые жители многих удаленных деревень молились ему, а его портреты можно было обнаружить в ветхих избах русинских крестьян. Естественно, эти фанатичные культы неведомого Царя базировались не на религиозной основе, но принимали порой форму полунационалистической идеологии, подогреваемой политическими эмиссарами из России с целью сформировать панславянские настроения.

Даже если бы все политические деятели Дунайской империи были людьми масштаба Коменского или Песталоцци[186], проблема воспитания каждого народа в духе собственной национальной культуры с сохранением государственной солидарности все равно оставалась бы самым сложным из того, с чем когда-либо приходилось сталкиваться политикам. Однако в дуалистической Монархии было мало тех, кто бы руководствовался общими интересами и гуманистическими взглядами в делах государственного и местного

управления. Как мы подробно увидим далее, вся государственная машина управлялась, прежде всего, косными классовыми интересами феодальной аристократии и связанного с ней финансового капитала. Дух феодализма отравлял всю интеллектуальную, духовную и политическую атмосферу Монархии и стал средоточием всех центробежных тенденций.

II. Morbus latifundii

Говоря о центростремительных силах Монархии, мы увидели, что отличительной чертой структуры Габсбургского государства была ведущая роль аристократии и высшего духовенства как основных инструментов абсолютистской власти. На смену старому партикуляристскому феодализму пришел лояльный и династический, однако история Монархии от начала и до конца оставалась типично феодальной – в том смысле, что аристократия и церковь, опиравшиеся на свои огромные владения, были практически равны короне по власти и масштабам влияния. Мы уже не раз подчеркивали доминирующую роль австрийского феодализма с помощью множества примеров. Эту картину необходимо дополнить еще одним штрихом. Речь идет о целой серии крестьянских восстаний в австрийской истории. Красной нитью проходит сквозь эти события роковое противостояние состоятельной феодальной аристократии и обнищавшего крестьянства. Кровавые волны Великой крестьянской войны 1525 г.в Германии коснулись и австрийских провинций. В альпийских провинциях крестьянам на время удалось завладеть ситуацией, но вскоре они были жестоко подавлены. Отчаяние крестьян давало о себе знать с регулярностью социологической закономерности и в ходе последующих столетий. То там, то тут вспыхивали крестьянские восстания. Особенно заметным стало выступление крестьян в Верхней Австрии в 1626 г. Феодальные классы сумели одержать верх над крепостными бунтарями только при помощи серьезных военных операций с привлечением всех государственных ресурсов. Последнее крупное крестьянское выступление имело место в Галиции в 1846 г. Последствия его оказались столь мощными, что оно стало одним из главных стимулов к освобождению крепостных в Монархии.

Еще более значимую роль феодальный характер государства играл во второй половине Монархии – в Венгрии, где общественный уклад, по сути, всегда оставался аграрным. Без преувеличения можно сказать, что за исключением Польши (до ее раздела) и царской России, в Европе не было другой такой страны, где бы феодальная церковь и аристократия обладали такой властью. Какой период венгерской истории ни возьми, зонд историка обязательно уткнется в песок феодализма.

Ранее уже отмечалось, что сама экспансия Габсбургской монархии на территории Венгрии была тесно связана с описанной феодальной анархией. Трагедия Мохача, приведшая к расчленению Венгрии, смерти короля Лайоша II и признанию власти Габсбургов, демонстрирует причинно-следственную связь с восстанием крестьян под руководством Дёрдя Дожи[187] против феодальных угнетателей. Подавить это мощное выступление можно было только ценой максимальных усилий со стороны феодальных классов. Яростный гнев феодализма стал причиной кровавой карательной экспедиции против крестьянства в 1514 г. Самого Дожу, представителя среднего дворянства, посадили на раскаленный железный трон, на голову ему водрузили раскаленную корону, а в руку вставили раскаленный скипетр. Обезумевших от голода крестьян – соратников Дожи – заставили съесть останки своего предводителя. Закон о свободном передвижении крестьян был отменен, и венгерские крестьяне стали de facto крепостными. Именно поэтому страна оказалась не в состоянии сопротивляться турецкому вторжению. Игнац Ачади пишет:

«Крестьянское восстание было разгромлено. Число участников современники оценивают в 100 000, погибших – 70 000. Цифры могут быть преувеличены. Однако совершенно очевидно, что с таким огромным количеством вооруженных людей Венгрию можно было бы защитить от всех иностранных врагов того времени.»

Действительно, десятилетие спустя внутренний кризис венгерского феодализма привел к катастрофе при Мохаче: турки разгромили феодальную анархию, не встретив сколько-нибудь серьезного сопротивления. Трагедия Мохача не была ни неожиданной, ни случайной. Донесения папского нунция Бурджио из Венгрии о событиях непосредственно перед катастрофой показывают, что вдумчивый итальянский наблюдатель прекрасно осознавал эконо-

мический и нравственный крах всей системы. «Если Венгрию, – пишет он в донесении за год до катастрофы, – можно было бы уберечь от этой великой опасности ценой трех флоринов, боюсь, не найти было бы трех человек, готовых эти три флорина отдать...» Итальянский дипломат так же тонко подмечает, что часть феодальной знати вступила в заговор в турками против короля, чьей жизни, как ему представляется, угрожает опасность; Бурджио предсказывает окончательный распад страны, предотвратить который может только божественное чудо.

Феодальная анархия, ядовитая вражда между крупными феодалами и нищета масс всегда окрашивали историю Венгрии в мрачные тона. Выдающийся чешский философ Ян Коменский, который преподавал в Венгрии с 1650 по 1654 г., в своих мемуарах, посвященных князю Трансильвании, рисует жуткую картину отсталости и обнищания народа. Он указывает на то, что Венгрия могла бы стать самой счастливой страной в Европе благодаря одной из самых плодородных почв на континенте. Но, несмотря на это, люди голодают, а чума и другие эпидемии опустошают страну (*Abundamus mendicis et squalore*). Народ не может работать в мире и потому не в состоянии выдержать войну. Великий педагог пишет:

«Если есть место под солнцем, где правят зависть и взаимная ревность, где люди с ненавистью борются друг с другом, где никто не уважает своего ближнего и все друг друга предают – то это место здесь...»

В конечном итоге, Коменский предсказывает приближающийся конец страны и выдвигает против Венгрии самое страшное обвинение Ветхого Завета со словами: «Венгрия – страна, пожирающая собственных жителей...»*.

Немало аналогичных наблюдений и утверждений вышло из-под пера непредвзятых иностранных путешественников и в последующие эпохи; все они подчеркивают феодальную и экономическую структуру страны и остроту классовой вражды. Достаточно вспомнить заметки и воспоминания императора Иосифа II, где он с поразительной силой описывает нищету народа и феодальный гнет.

* *Óbál Béla*. Könyörgő beszéd. Eperjes. 1911.

А. Феодальная структура экономики перед войной

Монархия сохраняла свой феодальный дух до самого конца. Хотя революция 1848 г. и режим Баха абсолютистскими методами уничтожили феодализм, с точки зрения закона, передав землю в собственность части крестьянства, правящие феодальные круги попрежнему определяли экономическое и политическое устройство общества и его моральные ценности. Такая ситуация была обусловлена феодальным распределением земельной собственности. Отмена крепостничества освободила лишь часть крестьянства, остальные же стали свободными лишь в правовом отношении и остались в экономической зависимости, лишенные частной собственности на территориях крупных владений. С ростом населения появились постоянно растущий класс сельскохозяйственного пролетариата и слой малоземельного крестьянства, которое могло продолжать свое жалкое существование только в качестве арендаторов и наемных работников у земельных аристократов.

Господство крупных земельных владений наблюдалось в обеих частях Монархии и достигло совершенно патологического размаха в странах венгерской Короны. В 1913 г. непосредственно в Венгрии (без Хорватии) всего несколько крупных и очень крупных владений (т.н. латифундий) составляли 40% от всей территории страны. Владения среднего размера – от 142 до 1420 акров – образовывали меньшую группу, но и эта категория вместе с крупными поместьями занимала 54,4% от всей территории. Лишь 45,6% земель принадлежали мелким землевладельцам с участками до 142 акров. Картина представляется еще более печальной, если вспомнить, что всего 34,5% территории Венгрии принадлежало тем, кто лично возделывал свою землю. С учетом того, что примерно одна десятая часть этих людей не владела собственностью, а брала ее внаем, можно прийти к выводу, что *крестьянские семьи, обрабатывавшие свои земли самостоятельно (или используя незначительную помощь со стороны), не владели даже одной третью земель страны!*

Иностранный читатель вряд ли сможет осознать пугающую серьезность этого факта. Он, вероятно, заметит, что в Великобритании земельная собственность распределялась ничуть не лучше, но Англия, несмотря на это, сумела достичь наивысшего уровня

экономического и социального развития. Однако неудачное распределение земельной собственности в Венгрии означало совсем не то же самое, что в Великобритании. Последняя представляет собой самую промышленно развитую страну в мире с гигантскими колониальными владениями, тогда как в Венгрии промышленность была невелика, и две трети населения могли жить только сельским хозяйством. Крестьянин, у которого не было достаточно собственности, чтобы себя прокормить, был вынужден работать на какого-нибудь крупного землевладельца. И при жесточайшей конкуренции среди безземельных масс населения данная ситуация означала низкую заработную плату и низкий уровень жизни. На территории Венгрии (без Хорватии) проживали 228 0000 крестьянских семей. По самым оптимистичным подсчетам, лишь 460000 семей владели участком площадью более 20 акров, что гарантировало независимое существование, тогда как 1 820 000 семей, то есть четыре пятых населения, занятого в сельском хозяйстве, владели землей площадью менее 20 акров, причем у большинства были так называемые «карликовые» наделы или вообще не было никакой собственности.

Другими словами, 1 820 000 семей, то есть 9 100 000 человек (из расчета пять человек в семье), четыре пятых населения, занятого в сельском хозяйстве, и половина всего населения не владели даже третью земли, необходимой для их выживания. Можно представить, насколько эти гигантские полуголодные массы народа зависели от средних и крупных поместий, занимавших большую часть всей территории страны.

Ситуацию усугублял еще и тот факт, что значительную часть крупных владений – не менее 16,4 миллионов хольдов* , т.е. 33,6% от всей территории – составляли заповедные (родовые) имения, *fidei commis* (управляемые по завещательному отказу) или земли, изъятые из свободного оборота по иным причинам. Большее соотношение наблюдалось только в дореволюционной России, Испании и Великобритании. Однако основная патология заключалась в том, что эти заповедные имения во многих случаях представляли собой гигантские поместья, так называемые «латифундии». 324 крупней-

* Хольд – единица площади в Венгрии, равная 0,57 га (*Прим. переводчика*).

ших имений занимали 19,3% всей территории, или 9 445 000 хольдов, то есть, средний размер каждого такого поместья составлял более 29 000 хольдов, или 41 000 акров. Было также несколько владений, сравнимых по размерам с небольшим германским княжеством. Земли *fidei commis* князя Эстерхази, например, занимали 402 820 хольдов, или 570 000 акров; князя Гобург-Гота – 147 296 хольдов, или 340 000 акров; эрцгерцога Фридриха – 145 476 хольдов, или 206000 акров, и князя Фештетича – 131 374 хольдов, или 186 000 акров.

Помимо пяти крупнейших землевладельцев, я мог бы перечислить еще несколько помещиков, которым принадлежали территории поменьше, но все-таки очень обширные. Ряд светских *fidei commis* дополнял целый ряд заповедных имений, принадлежавших церковным иерархам и религиозным объединениям. Перечислю только самые крупные: владения надьварадского епископа римско-католической церкви составляли 187 000 хольдов, или 266 000 акров; владения греко-католического епископа в том же Надьвароде – 140 000 хольдов, или 200 000 акров; земли архиепископа эстергомского – 96 000 хольдов, или 136 000 акров; земли архиепископа г. Калоча – 950 00 хольдов, или 134 000 акров; епископа веспремского – 65 000 хольдов, или 92 000 акров, и владения эгерского капитула – 116 000 хольдов, или 165 000 акров.

Читатель может представить, чем были эти гигантские латифундии и остальные поместья для страны, где миллионы граждан были вынуждены прозябать, лишенные земельной собственности и возможности получить работу в промышленности.

В Хорватии–Славонии земельная собственность распределялась по схеме, аналогичной венгерской. 50,8% всей территории составляли владения размером более 1000 хольдов (1420 акров) и «лесные и пастбищные угодья» (как их именовали в официальных статистических источниках), относившиеся, за небольшим исключением, к крупным поместьям или латифундиям. С другой стороны, из более двух миллионов крестьянского населения, то есть из 415 000 семей лишь 75 000 владели участками площадью в среднем более 14 хольдов (20 акров), тогда как оставшиеся 340 000 семей – четыре пятых крестьянского и две трети всего населения – владели участками средней площадью 5,2 хольда (7,3 акра). Как и в Венгрии, положение усугублялось наличием огромного количе-

ства заповедных имений, которые составляли до двух миллионов хольдов, или 27,3% от всей территории.

Распределение земельной собственности в Австрии существенно отличалось от венгерского. В Австрии владения площадью свыше 100 гектаров (247 акров) составляли лишь 33,1% от всей территории страны. Несмотря на это существенное отличие, распределение земельной собственности в Австрии также было не вполне благоприятным, отчасти, потому что и в Австрии была широко распространена система латифундий – хотя и в меньшей степени, нежели в Венгрии.

Согласно официальным данным, 232 крупнейших землевладельца занимали 2 370 000 гектаров, то есть в среднем у каждого из них было по 10 172 гектара, или 25 325 акров. Среди этих крупных владений были и гигантские имения, латифундии, как в Венгрии. Официальная перепись среди крупных землевладельцев бывшей Богемии свидетельствует: князю Шварценбергу принадлежало 177 000 гектаров, или 427 000 акров; графу Иосифу Коллоредо-Мансфилду 57 000 гектаров, или 141 000 акров; князю Эгону М. Фюрстенбергу 39 000 гектаров, или 96 000 акров; князю Лихтенштейну 36 000 гектаров, или 88 000 акров; императору – 35 000 гектаров, или 86 000 акров; девяти остальным князьям и графам оставалось в среднем по 20 000 – 30 000 гектаров, или 49 000 – 74 000 акров; архиепископ пражский владел 23 000 гектаров, или 56000 акров, а орден Премонстрантов – 21 000 гектаров, или 52 000 акров.

Аналогичные светские и церковные латифундии можно было обнаружить и в других провинциях Австрии.

Подобные латифундии образовывали родовые имения. *Fidei commis* были представлены даже шире, чем в Венгрии, поскольку многие имения среднего размера также становились *fidei commis*. По сравнению с Венгрией, размером они были в среднем меньше (в Австрии – 3 900 гектаров, или 9 600 акров, в Венгрии – 14 660 гектаров, или 36 200 акров). Однако общее количество *fidei commis* было в три раза больше, чем в Венгрии, а занимаемая ими площадь – не многим меньше. Согласно подсчетам, родовые имения занимали в Австрии 6,4 миллиона гектаров, то есть 21,3% от всей территории.

В целом земли в Австрии были распределены не многим лучше, нежели в Венгрии. По подсчетам, из 2,8 миллионов крестьянских семей, проживавших в Австрии, лишь полмиллиона семей владели

землей, позволяющей вести независимое существование, тогда как 2,3 миллиона семей (11,5 миллиона человек) составляли класс «карликовых» фермеров или были пролетариями вообще без собственности.

Степень нищеты крестьянского населения в различных частях Австрии была неодинаковой. Самыми бедными были жители Карпат и провинции Карст, в Судетах ситуация была не хуже, чем в Венгрии, а в альпийских провинциях положение было существенно лучше.

Чтобы представить максимально полную картину распределения земель в бывшей Монархии, необходимо учесть ситуацию в Боснии и Герцеговине, бывших скорее колониями, нежели реальными частями Габсбургской империи. К 1914 г. в этом регионе еще оставался реальностью старый тип феодализма, уничтоженный в Западной Европе в XVIII в. Великой французской революцией. В 1878 г., когда Монархия оккупировала эти провинции, население здесь жило практически исключительно за счет сельского хозяйства, и основную его массу, за небольшим исключением, составлял класс безземельных крепостных. После оккупации эти крепостные – «кметы», или «комиты», как их называли, – попытались освободиться от ига своих хозяев-мусульман. С 1883 г. правительство Австро-Венгрии, пусть медленно и неохотно, но все-таки поддержало эти устремления и взяло в свои руки освобождение кметов. Однако предпринятые меры оказались неадекватными, и финансовые обязательства, наложенные на кметов, оказались столь тяжкими, что «освобожденные» крестьяне чаще всего попадали в рабство к ростовщикам или ростовщическим банкам. По свидетельству доктора Мехмеда Спахо, боснийца по рождению, бремя банковских кредитов было тяжелее тех услуг, которые кмет ранее оказывал своему барину. Но даже это «освобождение» постоянно тормозилось – отчасти в силу консервативных тенденций, присущих австро-венгерской администрации, отчасти по причине антиславянских настроений в правящих кругах, чья политика на Балканах поддерживала экономическую власть помещиков в Боснии–Герцеговине, большинство из которых были мусульманами. Закрепощение кметов, таким образом, являлось инструментом антиславянской политики. За тридцать шесть лет

господства в этом регионе Габсбургская монархия не захотела или не сумела добиться освобождения крестьянства*.

Работы профессора Карла Грюнберга и доктора Мехмеда Спахо демонстрируют, насколько неполной и недостаточной была вся эта деятельность по освобождению крестьян. Босния–Герцеговина до самого конца оставалась самой феодальной провинцией в Монархии**.

Б. Политическая власть феодализма

Экономическое засилие светского и церковного феодализма естественным образом глубоко влияло на конституционную структуру монархии. Верхние палаты австрийского и венгерского парламентов (Herrenhaus в Австрии и Förendiház в Венгрии) определяли судьбу каждого законопроекта, поскольку их одобрение было необходимо после принятия нижними палатами. Обе верхних палаты представляли собой политические организации феодальной аристократии – и светской, и церковной, а членами этих палат были эрцгерцоги – представители императорской семьи, главы аристократических семей и высшее духовенство. Хотя император и назначал в палату отдельных представителей богатейшей буржуазии и интеллигенции, они никогда не имели в ней реального веса.

Только в Австрии атавистический характер верхней палаты уравновешивала демократическая нижняя палата, избираемая путем всеобщего и тайного голосования. К сожалению, подобное – воистину народное – представительство было введено только в 1907 г., таким образом, это был лишь запоздалый эксперимент с демократией в момент, когда центробежные тенденции Монархии уже приобрели роковой характер. Ранее, как мы уже отмечали, австрийс-

* В своем письме от 28 мая 1913 г. генерал Оскар Потиорек, военный губернатор провинций, выступил против плана реформ, предложенного министром финансов объединенного государства, Билински, и особенно против обязательного освобождения кметов. Согласно заявленному им принципу, сербских крестьян «и в будущем надлежит удерживать в летаргическом состоянии». Цит. по: Der Kreig, июнь 1928 г.

** *Grünberg K.* Die Agrarverfassung und das Grundentlastungsproblem in der Bosnien und Herzegovina. Wien, 1911; *Spaho M.* A boszniai agrárkérdés // Közgazdasági Szemle, 1912. 289–303.o.

кий парламент базировался на искусственном представительстве – так называемой куриальной системе*, то есть, продолжал традицию феодального представительства.

Тем не менее, после введения всеобщего избирательного права и отмены куриальной системы Австрия продемонстрировала растущее влияние демократических тенденций; тот факт, что голосование стало тайным, позволил свести к минимуму шантаж и запугивание избирателей – подобные случаи наблюдались лишь в самых отсталых провинциях (Галиция!). В то же время, нижняя палата венгерского парламента оставалась таким же феодальным органом, как и верхняя (только голос у нее был погромче, да манеры не такие аристократические); во всех важнейших вопросах нижняя палата горячо поддерживала интересы крупных землевладельцев. До момента распада среди членов нижней палаты было около пятидесяти аристократов, остальные представители являлись поверенными и служащими крупных землевладельцев или принадлежали к состоятельным дворянским кругам, которые, на английский манер, именовались «джентри», а их интересы тесно совпадали с интересами аристократии. В целом венгерский парламент до самого конца оставался тем, что в Средние века называли *una eademque nobilitas* («одно и то же дворянство» – *лат.*), символизируя единство и, в теории, равенство высшего и низшего слоев дворянства. Данная ситуация нашла отражение в том, что в личных беседах члены парламента традиционно обращались к друг другу на «ты», тем самым подчеркивая принадлежность к «благородному обществу». Представители крестьянства и мелкой буржуазии редко попадали в эту аристократическую корпорацию, и никогда депутат из городских и сельскохозяйственных рабочих не становился членом венгерского парламента. В стране, где безземельные сельскохозяйственные пролетарии и крестьяне–обладатели «карликовых наделов» составляли значительную часть населения, поддерживать такой парламент можно было, естественно, только с помощью крайне закрытой и искусственной системы выборов. В 1914 г. избирательное право было всего у 6,5% населения, тогда как 54,5% крестьян, 59% ремесленников, 44,2% торговцев,

*См. 2 часть XV глава

58,5% госслужащих, 69,6% работников, занятых в частном секторе, и 98% рабочих были этого права лишены. Но даже столь ограниченное избирательное право само по себе не гарантировало созыв парламента, способного обслуживать интересы феодальных классов. Для фальсификации общественного мнения требовались дополнительные инструменты.

Такими инструментами стали открытое голосование, широко распространенные предвыборные махинации, фальсификация результатов, давление со стороны органов власти, коррупция и запугивание избирателей путем применения военной силы. Самой важной гарантией феодальной конституции являлось открытое голосование, используя которое местные власти, полностью контролируемые феодальными кругами сверху, могли с легкостью терроризировать неимущих избирателей. Эти власти имели возможность наказывать тех, кто голосовал за оппозицию, путем сложной системы штрафов, и обеспечивать лидеров правительственных партий различными административными льготами. В то же время, расширенная сеть банков, работавших на базе ростовщического капитала и полностью зависимых от местных властей, помогала влиять на непокорный электорат, угрожая отозвать кредиты. Несмотря на то, что в последние десятилетия существования Монархии данная система столкнулась с активным противостоянием, да и сам монарх, как отмечалось выше, пообещал ввести всеобщее избирательное право в ходе борьбы с феодальным парламентом, действия которого угрожали единству армии, правящие классы успешно свели на нет парламентскую реформу (хотя и приняли на себя обязательство по их проведению, заключив компромисс с королем в 1906 г.).

Тогдашний лидер феодальной коалиции, граф Дюла Андраши, как мы уже отмечали, сумел использовать сложности, возникшие в связи с аннексией Боснии-Герцеговины, и убедил монарха отменить всеобщее избирательное право и дать согласие (так называемую «предварительную санкцию») на то, чтобы фальсифицировать план путем введения плюрального закона (праве избирателя голосовать несколько раз) и открытого голосования (1908). Андраши мотивировал реакционные меры необходимостью защиты от национальных притязаний и сохранения «национального характера государства». Однако истинной причиной были недоверие и нена-

вись графа к венгерскому крестьянству, на экономической эксплуатации которого покоился весь режим*.

Подобное отношение со стороны правящих классов оставалось неизменным. В 1912 г., когда будапештские рабочие устроили всеобщую забастовку с целью добиться выполнения данного королем торжественного обещания ввести всеобщее избирательное право, граф Иштван Тиса сначала утопил эти выступления в крови, а затем провел фиктивную реформу, сохранив прежнюю систему в ее худших проявлениях. Даже во время войны, непосредственно накануне катастрофы, когда молодой король вновь принялся за эксперименты с популистскими реформами, так называемый «демократический» министр Вилмош Важони разработал законопроект, открыто направленный на ограничение избирательных прав для многочисленных представителей национальных меньшинств.

Феодальные интересы и группы, с ними связанные, контролировали не только парламент, но и власти на местах. В австрийских провинциях при выборах в ландтаг по-прежнему действовала ста-

*Андраши пытался убедить лидеров социалистического движения в целесообразности своего плана и призывал прекратить поддерживать требования крестьян. Один из лидеров социалистов, доктор Жигмонд Кунфи (впоследствии – министр народного образования в кабинете графа Михая Карои), присутствовавший на обсуждении, приводит доводы графа Андраши в недавно опубликованных мемуарах. Мотивировка графа столь характерна для эпохи, что я не могу не процитировать: «Вы не представляете, господа, что за злобное создание этот крестьянин, исполненный ненависти к городам, культуре, промышленному пролетариату. По своему непосредственному опыту знаю их жизнь, их характер, ведь я живу в провинции как помещик и вижу, в какой физической и моральной грязи они живут. Вы – социалисты, вы требуете законов по защите рабочих. Думаете, крестьяне поддержат подобные шаги? Вы выступаете за городскую культуру и хорошее начальное образование. Вы – антиклерикалы. Крестьянин неграмотен, он и филлера не даст на социальные или культурные цели, он клерикал и антисемит. Всеобщее избирательное право высвободит волну варварства, которая накроет всю страну, и сами интересы социал-демократических рабочих, которых мы считаем элементом национальной культуры, потонут в океане неграмотных крестьян – антиобщественных клерикалов и антисемитов...»

Социалисты спросили министра, готов ли он защищать эти принципы публично, ведь прежде он до небес превозносил выдающиеся качества венгерской нации (самыми чистыми представителями которой и были столь презираемые им крестьяне). На это консервативный лидер ответил, сделав защитное движение: «Вы что, полагаете, будто в политике следует говорить то, что действительно думаешь?» (Arbeiter Zeitung, Wien, 11. November, 1928.)

рая куриальная система – в отдельных провинциях она была еще более анахроничной, нежели прежняя процедура избрания парламента. Во многих местах сохранялось непрямое представительство деревенских курий. Так, в Галиции, Буковине, Силезии, Далмации, Тироле и Форарльберге власть крупным землевладельцам обеспечивали не только и собственные курии, но и давление, которое они могли оказывать на сельские курии. Кое-где решающую роль играло духовенство. Народ был лишен возможности волеизъявления. И только объединяющая и контролирующая сила имперской бюрократии могла в какой-то мере ограничивать чрезмерные партикуляристские интересы отдельных групп. Кроме того, растущее влияние промышленных и торговых слоев порой уравновешивало феодальную гегемонию, однако шансов на формирование истинного местного самоуправления не было нигде.

В венгерской части Монархии так называемые «органы местного самоуправления» в комитатах (Vármegye) были еще меньше связаны с интересами населения. Венгерская система комитатов – основа самоуправления – не менялась веками, оставаясь организацией крупного и среднего дворянства и исключая интересы всех остальных групп. Администрацию комитатов и районов выбирал центральный комитет. Половина его представителей набиралась из крупнейших налогоплательщиков (то есть, почти исключительно из тех, кто принадлежал к сфере интересов крупного землевладения), а вторая половина избиралась на основе все той же системы открытого голосования и ограниченного избирательного права, которая действовала и на парламентских выборах. Земельная аристократия, естественно, контролировала выборы в комитатах куда жестче, чем выборы в центральные органы власти, ведь помещики рассматривали свои комитаты как своего рода семейные поместья. Особенно это касалось среднего дворянства – контроль над комитатами давал прекрасную возможность обеспечить непыльными и доходными должностями менее способных или промотавших свое состояние представителей класса джентри. Можно без преувеличения сказать, что в большинстве комитатов три или четыре главных семейства распоряжались всеми административными постами, предоставляя их родственникам или близким друзьям. Превращение комитатов в теплицы для дворян становилось все более и более невыно-

симым, и наиболее здравомыслящие представители этой группы населения сами начали борьбу против подобных институтов, требуя их секуляризации. Грубость и коррумпированность комитатских чиновников стали притчей во языцех, а собственная комитатская пресса неоднократно писала о том, что венгерская администрация «больна и беспомощна... [она служит] вечным препятствием на пути развития нации, построения современного венгерского государства».

Либеральная и социалистическая общественность рассматривала администрацию комитатов как рассадник политической и социальной реакции. Самые дальновидные представители земельной аристократии – и те осознали, что аграрно-социалистическое движение, превратившееся к концу XIX в. в угрозу, было во многом продуктом сложившейся ситуации. Граф Йожеф Майлат, например, – политик самого консервативного толка, защитник феодальных интересов, был настолько потрясен выступлениями социалистов-аграриев в Венгрии, что изложил в книге, опубликованной на немецком языке (1905) для информирования зарубежной общественности, следующие критические соображения в отношении местных властей:

«Органы управления работают с множеством недостатков и во всех смыслах провоцируют недовольство, подталкивая людей к принятию доктрин, направленных против властей... Народ видит представителей этой администрации только тогда, когда приходится платить налоги или штрафы и, не в последнюю очередь, в ходе различных выборов... Неудивительно, что органы управления не пользуются любовью среди населения»*.

Другой выдающийся выразитель интересов крупных землевладельцев, известный враг социализма и генеральный секретарь ведущей сельскохозяйственной ассоциации, объединявшей большие поместья, Дюла Рубинек, в своей книге об угрозе аграрного социализма охарактеризовал венгерские органы управления следующим образом:

«В прошлом неэффективность, ненадежность и коррумпированность власти стали общим местом. Подобные жалобы раздавались по всей стране, а не только в районе Венгерской равнины [Алфёльд

*Studien über die Landarbeiterfrage in Ungarn.

– венгерская часть Среднедунайской равнины – был главным центром венгерского аграрного движения]. Идея, будто крестьянин никогда не может быть прав, была практически возведена в принцип, таким образом, крестьяне редко обращались к властям за защитой своих прав, зная, что всегда окажутся неправы...»

В Австрии, в отличие от Венгрии, опасную ситуацию смягчало более объективное и справедливое отношение центральной власти, которая нередко пресекала злоупотребления в австрийских провинциях. В Венгрии центральная власть сама находилась под контролем аристократии и среднего дворянства, которые, в свою очередь, занимали ведущие позиции в органах местной администрации. Можно с полным правом утверждать, что все наиболее влиятельные чиновники в стране были связаны родственными или брачными узами. Данная ситуация символически выражалась и в том, что все влиятельные государственные служащие принадлежали к двум закрытым клубам – клубу джентри и клубу аристократии. Воля двух этих структур, в особенности аристократического клуба, являла собой власть, при которой любое правительство играло второстепенную роль, и этот факт был общеизвестен.

B. Социальный и экономический стандарт

Естественным результатом подобного положения в экономике, политике и управлении стало то, что ни в одном государстве Европы (за исключением, вероятно, России) контраст между неслыханной роскошью, доступной малой части населения, и безграничной нищетой и невежеством масс не был столь разительным. Иностранцы, наделенные утонченным вкусом и способностью точно оценить ситуацию, не раз говорили мне, как их раздражали кулинарные излишества и армии слуг и лакеев в блестящих замках, особенно, когда они представляли себе обратную сторону всей этой роскоши – антисанитарную скученность на задворках крестьянских трущоб и бледных, недокормленных крестьянских детей в деревенских школах. Понадобилась бы целая монография, чтобы описать нищету и упадок в отдаленных уголках Монархии, на Венгерской равнине (Альфёльде), в Трансильвании, Галиции и Буковине. Здесь я могу лишь привести ряд поразительных фактов. Все социалистические политики жаловались, что уровень жизни населения, особенно в регионах, где были

сосредоточены латифундии, можно было охарактеризовать как медленное умирание от голода. К примеру, среднегодовой доход венгерского сельскохозяйственного рабочего до начала войны составлял от 60 до 100 долларов (для женщин-работниц сумма колебалась в промежутке от 40 до 50 долларов). Ростовщическая практика и барщина (т.н. «робот») часто делали этот невысокий уровень жизни еще ниже, против чего решительно выступали даже самые консервативные лидеры. Рубинек в своей книге, о которой мы уже упоминали, подробно описывает все эти злоупотребления, демонстрируя крайнюю нестабильность уровня жизни для больших масс населения. В числе причин нестабильности приводятся и произвольные сокращения зарплат, и принуждение к сверхурочной работе, и требования поставлять рабочий скот безо всякой компенсации.

Когда крестьянское население, будучи объектом эксплуатации, пыталось улучшить собственные неблагоприятные условия путем экономической самоорганизации, власти комитата пресекали любые попытки организовать политические, профессиональные и даже культурные объединения, используя штрафы и заключение под стражу. Когда же сельскохозяйственные рабочие перешли к забастовкам во время сбора урожая с целью обеспечить нормальные условия труда, венгерское правительство само устроило нечто вроде лагеря для штрейкбрехеров. Те же самые ультрашовинисты, которые выступали за полную мадьяризацию страны путем ассимиляции других национальных групп, без колебаний перевозили наемных работников словацкого и русинского происхождения на Венгерскую равнину, чтобы заставить крестьян-венгров согласиться на неприемлемые для них условия на фоне более низкого уровня жизни у их славянских конкурентов. Эта штрейкбрехерская организация, созданная и контролируемая государством, была в мельчайших деталях разработана под руководством министра земледелия Игнаца Дорани. Ситуация обострилась настолько, что в 1898 г. был принят специальный закон «для обеспечения национального производства». Этот беспрецедентный закон предусматривал настолько жестокие меры, что журнал умеренного толка *Monatschrift für Christliche Sozialreform* («Ежемесячник христианских социальных реформ») вынес в его отношении следующее суждение: «Никто не сможет отмахнуться от мысли, что данный закон принадлежит к самым варварским измышлениям,

которые когда-либо изобретал человеческий разум для угнетения себе подобных».

Ужасающе низкий уровень заработной платы и жизни в целом находил отражение в многочисленных фактах общественной и культурной жизни. В рамках VIII Международного конгресса по гигиене и демографии, состоявшегося в Будапеште в 1894 г., прозвучало несколько докладов о том, что венгерский сельскохозяйственный пролетариат медленно умирает от голода. Как правило, докладчики сетовали на то, что во многих регионах прислуга ютилась по две-три больших семьи в одной комнатушке без каких бы то ни было удобств, и условия жизни в целом представляли угрозу для физического и морального здоровья будущих поколений. Доктор Енё Фаркаш, уполномоченный по вопросам гигиены, в 1897 г. прочел доклад в Союзе венгерских врачей, в котором, опираясь на официальную статистику, показал, что элементарные условия жизни работающего населения во многих частях страны находятся на минимальном уровне биологического выживания. Неудивительно, что алкоголь повсюду занимал значительное место в пищевом рационе сельскохозяйственных рабочих. Другие специалисты в области гигиены подчеркивали тот факт, что население целых регионов подвержено деградации, а трахому, тифозную лихорадку и пеллагру, вызванную голодом, победить в таких условиях невозможно. Известные статистические исследования признанного специалиста Кароя Келети, проведенные в различных районах страны, продемонстрировали, что венгерское крестьянское население испытывает острую нехватку самых необходимых продуктов питания.

Общий уровень жизни во многих провинциях Австрии, особенно в Галиции, Буковине и Тироле, был ничуть не выше. Заболеваемость пеллагрой приобрела угрожающие масштабы – эта разновидность авитаминоза встречалась в большинстве деревень Буковины. В своем заявлении от 1909 г. Австрийский совет по вопросам гигиены подчеркивал, что уровень распространения пеллагры повышается, несмотря на меры, предпринятые правительством. Опустошительные последствия туберкулеза на венгерских равнинах всегда вызывали тревогу у работников здравоохранения и филантропов. Туберкулез нередко называли morbus Viennesis («венская болезнь»), а уровень младенческой смертности в Венгрии и Австрии был одним из самых высоких в Европе.

Все эти крайне неудовлетворительные экономические и социальные условия, естественно, не могли не сказываться и на общем уровне культуры. Хотя процент неграмотных в Австрии был не столь уж высоким (согласно статистике за 1910 год, 16,5% населения старше десяти лет не умели читать и писать), культурный уровень в отдельных провинциях внушал настоящие опасения. Доля неграмотных от общего числа жителей составляла 62,8% в Далмации, 53,9% в Буковине, 40,6% в Галиции и 39,8% в Истрии соответственно.

В Венгрии ситуация была еще хуже. Процент неграмотных среди жителей страны старше шести лет составлял здесь 31,3%, а в Хорватии – 47,7%. В отдельных регионах соотношение было просто пугающим. Например, в комитате Марамарош не умели читать и писать 78,2% жителей, в комитате Сольнок-Добока – 71,4%, а в Хуняде – 64,4%. Но самой отсталой в этом отношении частью Монархии была «колония» – Босния–Герцеговина, где неграмотными были 82,9% населения.

Существует, однако, область статистики, которая с еще большей силой демонстрирует экономическую и культурную отсталость империи. Это статистика эмиграции. В период с 1876 по 1910 г. пределы Монархии покинули более 3,5 миллиона человек; из них почти 3 миллиона выехали в Соединенные Штаты Америки. Самая большая волна эмиграции наблюдалась в последнее десятилетие перед началом войны. Монархия побила печальный рекорд: ее бывшие граждане составили 24,39% от всех эмигрантов, направлявшихся в Америку, тем самым превысив долю эмиграции даже из Италии и России. Помимо этого, наблюдалась серьезная временная миграция, особенно в Германию, куда граждане империи выезжали на сельскохозяйственные заработки. Год за годом сотни тысяч работников были вынуждены на месяцы покидать родные земли, неспособные обеспечить элементарное выживание.

Для Венгрии потеря крови была особенно чувствительной, поскольку отсталая венгерская промышленность не могла восполнить потребности в рабочей силе, покидавшей и сельское хозяйство. Известный экономист Дюла Рац в 1908 г. восклицал:

«200–250 тысяч здоровых мужчин вынуждены ежегодно покидать латифундии, наследственные владения аристократов и земли, принадлежащие духовенству… С 1890 года несчастная страна поте-

ряла, как минимум, 1,5 миллиона своих граждан... За тот же промежуток времени государство использовало свою власть, чтобы законодательно способствовать увеличению наследственных владений аристократии с 463 352 кадастровых хольдов земли до 2 362 822 хольдов, а территории церковных владений расширились с 1 288 000 до 2 506 000 хольдов...»*.

Г. Морально-нравственная атмосфера в обществе

Подобных статистических данных можно было бы с легкостью набрать на целый том, однако иностранный читатель с их помощью вряд ли получит адекватное представление о том давлении, которое система латифундий оказывала на весь народ Монархии. Сложившаяся ситуация производила ужасающее впечатление на всякого очевидца. Словосочетание morbus latifundii, употребленное автором этой книги в ходе публичной дискуссии в Будапештском обществе социальных наук, стало в Венгрии крылатым выражением, им стали пользоваться даже самые просвещенные представители аристократии. Лидер радикального крыла Партии независимости и последователь антиавстрийских традиций в духе Лайоша Кошута граф Михай Каройи (после распада империи – первый президент Венгерской республики), например, соединил требования национальной независимости, выдвигаемые этой группой, с призывами ввести всеобщее избирательное право и разбить территории латифундий на более мелкие участки. К несчастью, устаревшие феодальные образования распространились по всей стране, подобно гигантскому полипу, и тормозили любые попытки демократических преобразований и культурной реорганизации. Лорд Брюс как-то обронил мудрое замечание о том, что демократия – это не столько форма правления, сколько особое чувство и психологический настрой. Увы, в отсталых регионах Монархии под давлением феодального абсолютизма истинное демократическое чувство и настрой развиться не могли: замки магнатов, местные представители духовенства, владеющие латифундиями, и коррум-

* См. подробное исследование Раца: «L'état économique et social de la Hongrie au vingtième siècle», опубликованное в сборнике работ венгерских либералов и социалистов под моей редакцией: «La Hongrie Contemporaine et le Suffrage Universel» (Paris, 1909).

пированные власти вместе с винными лавками деревенских ростовщиков делали невозможными сопротивление и реорганизацию крестьянства и рабочего класса.

Иностранным читателям трудно будет объяснить, какая специфическая морально-нравственная атмосфера царила в Монархии – курьезная смесь феодализма, клерикализма и ростовщического капитализма. Рамки книги не позволяют мне провести детальный анализ ситуации, поэтому я лишь приведу два документа, способные проиллюстрировать ее лучше, нежели долгое перечисление статистических данных. Первый документ – описание ужасающей нищеты, общественной и духовной изоляции русинов (украинского происхождения), проживавших на северо-востоке тогдашней Венгрии и попавших под жернова гнета коррумпированной администрации и самого графа Шёнборна. Автор документа – Миклош Барта, один из самых блестящих и влиятельных венгерских публицистов конца XIX в. Должен подчеркнуть, что Барта был не просто консервативным, но практически реакционным политиком, чьи крайне шовинистские взгляды во многом привели к обострению румынского вопроса в Трансильвании. В 1901 г. этот человек написал книгу под названием «В земле хазаров» («хазарами» в тех краях издевательски называли евреев-ростовщиков), вызвавшую живой отклик по всей стране. В этой примечательной книге автор привел настоящий анамнез шёнборнского поместья, занимавшего 240 тысяч хольдов (341 280 акров) земли. Поместье включало в себя около 200 деревень – небольшое средневековое государство. Под исключительным контролем Шёнборна находились два избирательных округа, и правление поместья каждый раз спрашивало у премьер-министра, кого бы он хотел видеть избранным в парламент. Влияние Шёнборна распространялось также и на другие избирательные округа страны. Барта подчеркивает тот факт, что жизненно важные интересы 70 тысяч русинских крестьян были принесены в жертву помещику, и поэтому поддерживать порядок можно было только с использованием вооруженных отрядов.

Отдельные участки крестьянских угодий были беспорядочно разбросаны за пределами территории наследственного владения. Чтобы добраться до своих крохотных участков, крестьяне были вынуждены по нескольку часов шагать по бездорожью, перебираться через канавы. Обширные леса поместья тяжким бременем

давили на деревню, простираясь даже на церковные погосты. Если крестьянский теленок или курица случайно забредали в такой лес, владельцу приходилось платить огромный штраф.

«Рука поместья чувствуется везде... Стоит мальчику подобрать в лесу хворост, чтобы развести огонь для матери, дрожащей в лихорадке, это рассматривается как тяжкое преступление, за которое он должен расплатиться... Стоит девочке сорвать несколько грибов или ягод земляники, объездчик хватает ее, срывает одежду и забирает туесок...»

Гигантский лес предназначен исключительно для охоты. Этот первобытный лес площадью в 200 тысяч хольдов практически не является объектом лесного хозяйства. Управляющих заботит только дичь.

«Гордого оленя нельзя тревожить во время брачных игр... Кто такой русин в сравнении с ним?.. Крестьянин!.. Периоды охоты длятся по две недели. Приезжают гости – Шварценберги, Коловраты, Лихтенштейны... рассказывают друг другу охотничьи истории. Так было в прошлом и позапрошлом году. Так будет и в будущем... Weisst du? Kolossal. Grossartig. Der Schelm. Kolossal. Der Kerl. Weisst du? Sapperlott!* Чтобы иметь возможность говорить это друг другу в дыму от прекрасный гаванских сигар при свете камина, армия чиновников обрекает на голодную смерть семьдесят тысяч русинов... Олени и кабаны топчут русинскую землю, топчут посевы кукурузы, овса, картофеля, проса, клевера, пшеницы. Для дичи это все лакомство... Русинский земледелец боится не града, а лесного зверья – слишком часто оно забирает последнюю надежду... Народ сеет, а господская дичь пожинает урожай...

Легко сказать, что крестьянин должен жаловаться. Но куда и кому? Всех, у кого есть власть, он всегда видит вместе. Сельский голова, деревенский судья, главный судья, окружной судья, сборщик налогов, лесник, егерь, управляющий – все они люди одного круга, одних привычек, одного поля ягода... Они составляют местную *интеллигенцию*. Зависят друг от друга. Вместе приятельствуют, вместе катаются на санях, вместе играют в карты, крестят детей.... Все это видит ущемленный крестьянин... От кого ему ждать правды?»

*Представляешь? Грандиозно. Вот это да. Мошенник. Грандиозно. Шельмец! Представляешь? (*нем*).

Эти и подобные им рассказы – плод длительных наблюдений исключительно консервативного венгерского публициста. Неудивительно, что в таких условиях нищий крестьянин попадал в полную зависимость к «евреям-ростовщикам», бывших, по представлениям венгерского феодализма, истинным источником всех бед и главной мишенью публицистического запала Барты.

Второй документ, который я хотел бы процитировать, касается другого региона Монархии, где было немало латифундий, – классической поместной Галиции, расположенной на территории Польши. Депутат австрийского парламента от Галиции, известный польский социалист Игнаций Дашинский в ноябре 1898 г. так обрисовал положение своих соотечественников, что вызвал настоящую сенсацию в Венском парламенте, поскольку вся речь лидера социалистов была основана на официальных данных или опиралась на консервативные источники.

«Князь Франц Пузина утверждает, что галицийский крестьянин, работающий на поместье, получает в качестве годового дохода на 900 фунтов хлеба меньше, чем требуется для поддержания его семьи... Люди не в состоянии уберечь своих детей от рахита, или же обречены растить из них воров и негодяев... Общеизвестно, что недоедание стало привычным явлением не только в конкретных районах, но и среди всего работающего населения Галиции».

Подобная ситуация, наряду с коррумпированностью местных властей, стала основной причиной культурной отсталости населения Галиции. В 1896–97 учебном году 400 тысяч детей школьного возраста не получили никакого образования, а 500 уже открытых начальных школ были закрыты. Помимо этого, тяжким бременем для населения оставались ростовщики и алкоголизм. Дашинский публично заявил, что держатели лицензий на продажу алкоголя – монополисты торговли спиртным – принадлежат к высшим кругам польской аристократии – Потоцким, Баденик и прочим, они же передают затем свои права евреям-корчмарям.

«Еврей – предприниматель, он зачастую платит хозяину за лицензию на 50 процентов больше, чем эти аристократы платят государству... Однако крупные землевладельцы теперь прекрасно знают, как перенаправить народную ненависть на евреев – держателей питейных заведений... Правда состоит в том, что и ев-

реи-ростовщики, и польские аристократы несут равную ответственность за эксплуатацию народа Галиции и травлю его алкоголем... Система концессий, протекций, коррупции, платы за помощь по знакомству и незаконного использования семейных связей разъедала тело Галиции. Именно поэтому деревенские ростовщики чувствовали себя столь могущественными перед лицом общества. Все ими возмущались, местные судебные власти регулярно получали указание бороться с ними по всей строгости закона, но ростовщики только посмеивались, заслышав о подобных обвинениях. Почему? Да потому, что они нашли себе покровителей в лице дворянства, шляхты, среди тех, кто определяет происходящее в стране...»

Речь идет не об отдельно взятых случаях. Аналогичные и еще более удручающие примеры можно привести практически для всех уголков Монархии. Сотни и сотни тысяч жителей империи были обречены на преждевременную смерть или эмиграцию.

Д. Баланс активов и пассивов системы

В атмосфере нищеты, неграмотности, тотального авитаминоза и административного произвола сознательное и просвещенное гражданское общество проявляло себя крайне редко. Народ практически не контролировал правительство и не участвовал в нем; целые регионы оставались под деспотической властью феодальной администрации. Нигде в Европе, за исключением царской России, не было такого количества автократов – *legibus soluti* («свободных от законов»), которые бы рассматривали все государство в целом и всю государственную администрацию как собственные частные владения. Помню, например, как в венгерском министерстве земледелия работали два аппарата: один занимался делами 10 тысяч представителей верхушки общества с поразительной оперативностью и учтивостью, а второй решал дела *misera plebs contribuens* («ничтожной податной черни») неторопливо и без особого рвения. С другой стороны, нигде – опять же, за исключением России, – интеллектуалы и духовно свободные люди не были столь малочисленны.

Феодализм правил не только посредством экономической, политической и административной власти, но и силой своего традици-

онного авторитета. Демократический тип гражданина тоже не мог возникнуть, ведь главным стремлением того, кто выдвигался из народа или из среды мелкой буржуазии, было получение титула дворянина или баронета и доступ в один из закрытых клубов. В такой атмосфере приобретение репутации в обществе и использование ее превращались в настоящее искусство. Графский титул, протекция архиепископа или высокий пост в администрации комитата открывали все двери и ликвидировали любое сопротивление. Улыбка знатного феодала и приглашение в его замок были теми благами, от которых мало кто из простых людей мог отказаться.

Только в такой атмосфере эрцгерцог Отто мог ввалиться в холл самого элегантного венского отеля совершенно пьяный и раздетый донага, в одной офицерской фуражке и портупее только для того, чтобы насладиться визгами знатных дам; а на одного из самых уважаемых лидеров партии социалистов, Энгельберта Пернерсторфера напали дома неизвестные – за то, что он позволил себе резко раскритиковать в парламенте героическую эскападу эрцгерцога, не упомянув при этом ни его имени, ни титула; только в такой атмосфере граф Тиса, самый могущественный венгерский политик, опаздывая на вокзал, мог телефонировать и распорядиться, чтобы уже ушедший поезд вернули со следующей станции; а лидера альфёльдских крестьян Андраша Ахима могли застрелить по политическим мотивам два юных дворянина, дважды до этого уже отпущенные судом. Вполне естественно, что эта всемогущая каста была в состоянии не только блюсти собственные экономические и политические интересы, но и навязывать обществу собственную шкалу ценностей в области истории и идеологии. Тот, чье мнение относительно главных моментов отличалось от принятого в клубах, которые задавали тон в обществе, не мог считаться настоящим «господином» (английское слово «джентльмен» дает лишь бледное представление об изначальном, феодальном смысле этого понятия). Знаменитая характеристика, данная Острогорским морально-нравственному состоянию английского общества накануне первой парламентской реформы, – лишь жалкое подобие того, что представляла собой социальная среда бывшей Монархии.

Эта ситуация имела ряд последствий, толкавших Монархию к катастрофе.

Система крупных поместий, с их устаревшими методами производства, препятствовала накоплению капитала и развитию городской жизни.

Опасная по своим масштабам эмиграция (здесь воплотился в реальность закон Франца Оппенгеймера, согласно которому «эмиграция с определенной территории растет в прямой пропорции к квадрату числа крупных поместий, на этой территории расположенных») привела к тому, что империя потеряла свой самый предприимчивый и бесстрашный человеческий материал. Эмиграция в Америку стала для Монархии настоящим предохранительным клапаном – она спасла перегретый котел от взрыва, уничтожив возможность возрождения путем революции.

Эмиграция подрывала экономическое и духовное развитие страны и прекращала обмен идеями и продуктами, без которого невозможно добиться истинной солидарности между людьми, принадлежащими к одной нации.

Те, для кого эта система была выгодной, нарочно тормозили рост сельскохозяйственного производства и использование главных ресурсов аграрных территорий, с тем, чтобы максимально выиграть от действующих протекционистских пошлин. Подобная политика стала самой главной причиной культурного и общественного застоя.

Стремясь сохранить свои экономические и политические привилегии, феодальная система была крайне заинтересована в обострении национальных противоречий. Праздная прослойка ничего не производящих людей была вынуждена принять на себя роль «государствообразующего элемента», защитника страны от «предательства» со стороны национальных меньшинств и непокорного пролетариата.

Удачным инструментом увеличения доходов оказался запрет на импорт животных из соседних стран. Эта политика разрушительно сказалась не только на экономической жизни Сербии и Румынии, но и на уровне жизни среднего и рабочего классов Монархии. Эгоистичная политика господствующих классов привела к таможенной войне и стала главной причиной обострения ирредентистских проблем.

Когда же в результате описанных действий проблемы межнациональных отношений в империи стали неразрешимыми, инте-

ресы крупнейших землевладельцев вновь дали импульс авантюристической внешней политике, приведшей Габсбургскую монархию к полному краху. В ходе Первой мировой войны именно жестокость продажных феодальных властей в отсталых частях Монархии вызывала отчаяние, провоцировала гнев и ненависть по отношению к государству и стала основной причиной распада. Ласло Фенеш, самый популярный венгерский журналист этого периода и член имперского последнего парламента получал в день от 100 до 200 писем с фронтов, в которых солдаты горько жаловались на беззакония, творящиеся в тылу, где их семьи голодали вследствие нецелевого использования государственных субсидий. В солдатской среде был широко распространен слух, который я и сам не раз слышал, будучи военным корреспондентом; рассказывали, как в одной деревне представитель власти в ответ на жалобы солдатской жены о том, что ей нечем кормить семью, сказал: «Не можете жить, идите на луг и паситесь!» Этот эпизод вполне может быть легендой, основанной на массовом психозе, но он правдиво отражает ситуацию, результатом которой стало изгнание 86% сельских чиновников в 1918 г. с началом октябрьской революции[188]. В конечном итоге, данная система привела к бессовестному уничтожению населения на полях сражений даже тогда, когда уже не оставалось никакой надежды на победу. Таким образом, в конце сентября 1918 г., когда рухнул болгарский фронт, а военное положение Монархии стало очевидно безвыходным, власти выслали две дивизии для «укрепления турецкого фронта». В доверительной беседе на пресс-конференции, посвященной этому событию, премьер-министр Векерле недвусмысленно заявил: «Да, мы выслали две дивизии для подкрепления на турецкий фронт, но больше мы этих несчастных не увидим». Жизни почти 20 тысяч солдат ничего не стоили*.

С какой бы стороны объективный наблюдатель ни подошел к истории распада Монархии, он неизбежно увидит, что феодальная структура и атмосфера жизни в стране отчасти стали причиной краха и отчасти заострили и ускорили этот процесс. Только так мы смо-

*Эпизод абсолютно документальный. Мне рассказали о нем непосредственно после пресс-конференции несколько исключительно достойных и надежных журналистов – все они были в состоянии крайнего замешательства.

жем осознать правдивость диагноза, который интуитивно поставил Монархии выдающийся шведский ученый Рудольф Кьеллен: «Подобно животной форме из третичного* периода среди современного царства животных, Австро-Венгерская держава была пережитком предыдущей стадии эволюции, средневековым территориальным государством». Скелет этого политического ихтиозавра сформировала система крупных феодальных имений**.

III. Борьба корон

Феодальный мир, с которым мы познакомились в предыдущей главе, обрел свое выражение в своеобразном порядке. Основа и развитие этого порядка оказали глубокое влияние на историю и судьбу Монархии. Внутри отдельных территориальных образований сопротивление любым усилиям, направленным на естественное объединение государства, было особенно отчаянным. В ходе исторической эволюции каждое королевство, каждая страна и каждая провинция ревностно защищали собственную автономию, ведь она

*В современной системе третичный период соответствует промежутку времени от начала палеоцена до конца плиоцена (*Прим. переводчика*).

**Один из исследователей, недавно обратившийся к теме венгерской контрреволюции, профессор Дюла Секфю в своей книге «Три поколения» (*Szekfü Gy.* Három nemzedék. Budapest, 1920) выразил точку зрения, совершенно противоположную тому, что утверждаю я в своей работе. А именно, что главной причиной венгерской трагедии был переизбыток либерального западного духа и чрезмерные грехи венгров (тщеславие, завышенное самомнение, преходящий энтузиазм, мания величия, игнорирование реальности, инертность, презрение к труду) в соединении с губительным влиянием еврейского радикализма и интернационализма. Лживость подобной интерпретации кажется мне очевидной. Говорить об избытке либерализма в венгерских институтах – величайший самообман из возможных. С другой стороны, так называемые «грехи расы» – пусть они и существовали на самом деле – были отнюдь не воплощением таинственного принципа, но историческим следствием социальных, экономических и интеллектуальных характеристик описанного выше воинственного феодального общества. Что же касается вредоносного еврейского влияния (ростовщичество, экономическая эксплуатация и усиление шовинистических тенденций), проблемы эти куда меньше были связаны с национальностью, нежели с болезнью общества, в котором крестьяне и рабочие влачили жалкое существование на грани голодной смерти и морального упадка под гнетом анахроничного и жестокого классового господства.

обеспечивала местному дворянству особые привилегии в управлении своей землей. В этих изменчивых исторических рамках – следствии случайных событий и обстоятельств феодального прошлого – развился своеобразный феодальный национализм, который можно рассматривать как предвестник современного национального чувства. Среди привилегированных классов возникла некая солидарность, направленная против объединяющего государства и его административных органов. Это чувство солидарности было, скорее, конституциональным, нежели национальным, в современном понимании, так как обозначало стремление удерживать центральную власть на расстоянии и сохранять местные структуры и привилегии, тогда как современные национальные устремления – в том виде, как они проявились в ходе Великой французской революции, – имеют совершенно иную цель: уничтожить отжившие феодальные структуры, отменить сословные привилегии и объединить всю нацию под властью единого права.

«Принцип национальности, – пишет Роберт Михельс в своем новаторском эссе «К вопросу об историческом анализе патриотизма», – есть расширенный принцип прав человека, с которым первый связан как исторически, так и логически. Более того, является необходимым продолжением этого принципа...»* Автор данного тома пришел к аналогичным выводам за год до Михельса в книге, вышедшей на венгерском языке**, где подчеркивал решающую роль крестьянства и буржуазии в формировании национального движения. Я пытался показать, что идеологию феодального мира в целом нельзя рассматривать как национальную, в современном понимании, поскольку национальный язык, национальная литература и национальная культура не играли важной роли в этой идеологии. Можно даже говорить о ее антинациональном характере, ведь феодальная система жестко распределяла нацию по классам, вместо того чтобы эти классы объединять. Нация отождествлялась с дворянством, а последнее отказывалось от настоящей культурной и экономической солидарности (commercium и connubium – торговой и гражданской) с народом, которым само же управляло и кото-

**Michels R.* Zur historischen Analyse des Patriotismus // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Tübingen, 1913.

***Jászi O.* A nemzeti államok kialakulása és a nemzetiségi kérdés. Budapest, 1912.

рый (крепостные крестьяние) обрабатывал его земли. Огромные массы крестьян не были частью нации, но – по меткому определению Отто Бауэра – Hintersassen der Nation («безземельными арендаторами нации»)*. Так называемый патриотизм феодальных сословий просто пытался уберечь привилегии аристократии как от королевской власти – она воплощала универсальные тенденции, так и от масс крепостных, жаждущих освободиться. Кроме того, представители дворянства, обладавшие слишком большой властью и богатством, всегда стремились расширить свои владения (ведь в феодальную эпоху каждое большое поместье было настоящим государством в государстве), если потребуется, то и с помощью насилия, направленного против короля и незащищенных групп крестьянства и дворянского сословия. В своей жадности аристократы без колебаний вступали в военный заговор с любой иностранной державой, если подобные услуги сулили бóльшие преимущества. Исследователь средневековой истории любой нации согласится с замечанием Михельса о том, что крупные землевладельцы никогда не чувствовали себя обязанными своему отечеству. «Повсюду история изобилует предательствами князей, которые направляли врагов родины против соотечественников». Находясь под влиянием аналогичного впечатления, я написал в упомянутой выше книге, что «феодальная история Венгрии – это история постоянных государственных измен», поскольку крупные землевладельцы не испытывали никаких угрызений совести, сражаясь с иностранными армиями против собственной страны. Даже в политических выступлениях земельной аристократии против императора – пусть отдельные историки и называют эти протесты патриотическими и национальными, – мы всегда можем увидеть исключительно личные интересы, которые затейливо переплетаются с национальными требованиями.

Бастионами феодального национализма становились те территории, на которых сословия сумели в прошлом сформировать политические организации. Как мы увидели, Габсбургская монархия возникла в результате завоевания, слияния и унификации подобных территорий. Земли эти сильно различались по размерам, количеству населения и могуществу, но обладали одним общим признаком –

*Блестящий анализ ситуации представлен в книге: *Otto Bauer.* Die Nationalitäten-Frage und die Sozialdemokratie. Zweite Auflage (Wien, 1924).

все они были организованы таким образом, чтобы позволять привилегированным классам держать центральные власти на расстоянии, а крестьянские массы – в узде. Даже в предвоенной Австрии попрежнему сохранялось семнадцать конституционных территорий, каждая – со своим парламентом: Нижняя Австрия, Верхняя Австрия, Зальцбург, Штирия, Каринтия, Крайна, Триест, Герц и Градиска, Истрия, Тироль, Форарльберг, Богемия, Моравия, Силезия, Галиция, Буковина и Далмация. Единство стран венгерской короны было куда более реальным, но и здесь Хорватию–Славонию можно было рассматривать как отдельное государство, и до наступления конституционной эпохи было еще несколько территорий, где жизнь была более или менее независимой. Ощущение независимости и исторической обособленности было особенно выражено в Трансильвании до самого распада Монархии. Помимо этого, дворян каждого отдельного комитата отличало крайне сильное чувство локального патриотизма, и многие венгерские патриоты осуждали в своих усилиях по национальному объединению партикуляристские тенденции, характерные для «маленьких дворянских республик».

Крупные территориальные объединения Монархии прежде были независимыми королевствами, или частями таких королевств. Самым могущественным и значительным из них было Венгерское королевство, состоявшее из самой Венгрии и стран, объединенных Короной Св. Иштвана, – видимым символом независимости и суверенитета страны. Корона и связываемая с ней традционалистская идеология сыграли решающую роль в борьбе между Габсбургами и венгерской нацией. Доктрина «таинства Священной Короны», прочно укоренившаяся с XV в., обретала все более догматическое влияние в противовес усилиям Габсбургов по централизации государства. Новейшая школа венгерских историков была склонна преувеличивать значение этой доктрины, утверждая, будто последняя выражает мироощущение, отличное от того, которое воплощали собой феодальные институты западных государств. Согласно этой доктрине, государство базируется не на частных правах, но на обязательствах перед обществом. Восхищенный поклонник этой доктрины пишет:

«Идея общественной власти, в отличие от индивидуалистской королевской власти, выражается в концепции публичного права, воплощенной в Священной Короне… Венгерский народ рассматривал

государство как общность, организованную в интересах целого, как органическое единство, символом которого выступала Священная Корона. В связи с этим, Священная Корона воспринималась, с одной стороны, как знак и символ венгерской государственности, а с другой – как персонификация общественной власти, укорененной в нации и принадлежащей королю и народу, в политическом понимании, т.е. дворянам. Верховная власть таинственным образом заключена в Священной Короне. Любой аспект государственной жизни и организации вступает с Короной в непосредственную связь и получает от нее живительную силу. Корона – источник всякого права и всякой власти...»*.

Тем не менее, любой, кто чуть ближе знаком с венгерской историей, подвергнет сомнению подобное толкование таинства Священной Короны. Веками крупные землевладельцы вели себя как типичные феодалы, отнимая имущество мелкого дворянства и свободного крестьянства. Они постоянно вступали в союзы с иностранными врагами, стремясь разрушить целостность страны. Более того, до середины XIX в. все работающее население страны было исключено из понятия Священной Короны – так называемого Totum Corpus Sacrae Regni Coronae [«Весь корпус Священной Короны королевства» – *лат.*] (Это касалось не только крестьянства, но и городского населения, у которого был всего один коллективный голос против сотен голосов от дворянства.) На деле указанная доктрина была выражением оборонительной тактики феодального мира против объединительных усилий имперской власти. Феодалы делали упор на единство и целостность страны и выступали против нового административного деления, за легитимность феодальной администрации, в противовес администрации Габсбургов. Таким образом, Корона являлась символом дворянских привилегий и их попыток сохранить феодальные поместья – на случай вымирания семьи – как собственность Священной Короны, а не как имущество короля. В то же время, данная доктрина обозначала требования и притязания в отношении тех стран и территорий, которые прежде принадлежали Венгрии и могли быть в будущем вновь завоеваны

*Все юридические тонкости, связанные с данной концепцией, объясняет в своей книге Тимон Акош: *Akos T.* Ungarische Verfassung und Rechtsgeschichte mit Bezug auf die Rechtsentwicklung der Westlichen Staaten. Berlin, 1909. S. 509–542.

Габсбургами. (Практическая важность доктрины стала очевидной в момент аннексии Боснии-Герцеговины, когда догмат о Священной Короне помешал придать указанным провинциям конституционный статус, как мы увидим в разделе, посвященном проблеме южных славян.)

Тесная солидарность венгерских дворян и их жесткая концепция государства столетиями выдерживали натиск объединительных усилий со стороны Габсбургов, пытавшихся построить Gesamtmonarchie («Общую монархию»). В историческом обзоре мы показали отдельные фазы борьбы феодальных сословий. Под управлением выдающихся личностей (таких как Бочкаи, Бетлен или Ракоци) эта борьба превращалась в настоящее народное движение, если лидерам удавалось объединить мотивы, продиктованные заботой о собственных феодальных привилегиях, с определенными массовыми требованиями и, в особенности, с лозунгом религиозной свободы.

Однако не только феодальное общество, объединенное под эгидой венгерской короны, воспринимало иностранную династическую власть как ненавистное бремя; другие исторические составные части Монархии лелеяли аналогичные сепаратистские настроения. Хотя значительная часть старого чешского дворянства была уничтожена, идея Короны Св. Венцеслава, способной – в качестве символа национального единства и независимости – объединить под своим началом Богемию, Моравию и Силезию, не умерла окончательно и была возрождена в Новое время. Польские дворяне в Галиции также не забывали о прежнем блеске польской короны; несмотря на обретенную ими впоследствии полную автономию в рамках провинции, воссоединение всех польских территорий под эгидой исторической короны как символа никогда не покидало польскую душу. Похожие чувства дремали и в душах хорватских дворян: вопреки многовековым связям с Венгрией и регулярному использованию латинского языка хорваты упорно придерживались вымышленной идеи о независимом хорватском государстве и традиции, связанной с Короной Звонимира. Даже в Ломбардии традиция ломбардской короны и память о ней представлялись символом особого территориального и конституционного единства.

По сути, ситуация с землями короны повторялась и в более мелких провинциях, которые никогда не играли такой важной роли,

как перечисленные выше королевства, или бывшие королевства. Здесь также сохранилось более или менее ясное представление о конституционных и территориальных привилегиях – даже в тех регионах, где правящим элементом стало немецкое большинство. Дворяне воспринимали себя хозяевами провинций и препятствовали действиям центральной власти по унификации. Притязания (*postulata*) короны всегда находились в оппозиции к намерениям (*desideria*) и жалобам (*gravamina*) феодальных сословий. До середины XIX в. государство сохраняло двоякий характер: объединенное государство под властью императора и мелкие государства дворян со специфическим территориальным самосознанием. Примером того, какая социальная среда формировалась в этих землях, может служить Богемия. До начала современной конституционной эпохи в местном парламенте заседали четыре епископа и двенадцать настоятелей – депутаты от прелатских округов; шестьдесят князей, графов и баронов от титулованного дворянства; примерно столько же депутатов от рыцарского сословия, тогда как городское население представляли всего четырнадцать депутатов от семи городов, наделенные всего одним голосом, хотя на тот момент в Богемии было 119 крупных и 178 небольших городов*.

Сознание территориальной независимости и местных привилегий оставалось движущей силой даже в новое время, когда крестьяне и горожане получили бóльшую, пусть и не адекватную долю представительства в провинциальных законодательных органах. Это сознание было столь сильным, что оказалось способным успешно противостоять всем новейшим попыткам реорганизации государства на базе экономической и административной эффективности, вне зависимости от исторических формаций. Когда же торжествующий абсолютизм, сокрушив революцию, предпринял активные попытки организовать новую унифицированную государственную машину в рамках баховской системы, барон Йожеф Этвеш, блестящий венгерский политик, один из самых выдающихся мыслителей Монархии, противопоставил концепции единообразного государства принцип «историко-политических личностей», который будучи восторженно принят и чешским дворянством стал с этого момента играть важную роль в политической борьбе за конституцию.

*Beidtel, op.cit. S. 15.

Барон Этвеш со своей необычайной прозорливостью сумел показать, что имперского патриотизма, как такового, не существует, и обнаружить подобные чувства можно только у отдельных изолированных групп политиков, военных и интеллигенции. Общие конституционно-правовая и культурная жизнь, возможно, могла бы сформировать патриотические настроения в будущем, но в то время построить что-либо на таком фундаменте было невозможно. На деле существовала внутренняя жизнь различных исторических формаций. Распределение историко-политических личностей по административным районам исключительно по принципу языковых границ отнюдь на делало государство более жизнеспособным.

«Как бы ни пытались уничтожить локальный патриотизм путем нового перераспределения провинций, уничтожая, таким образом, сам объект патриотизма, любовь к Тиролю, Штирии или Венгрии, скорее всего, переживет существование самих этих стран. И никто из любящих свою родину сегодня не переменит своих чувств. Прошлое и настоящее показывают, что люди способны горячо любить свою страну и без дипломатического признания и присвоения ей официального наименования. В природе человека надеяться на будущее при взгляде на прошлое. Надежда на любовь к родине исчезает только вместе с воспоминанием о ней; ибо пока мы любим, мы верим в бессмертие...»*.

Теорию Этвеша, сформулированную в 1850 г., подтвердили результаты абсолютистского правления Баха и Шмерлинга. Переустройство Монархии на базе исключительно языкового или административного деления оказалось неудачным, так как оно противопоставлялось традиционному партикуляризму королевств и других исторических территорий. Многие видные политические мыслители рассматривали подобный партикуляризм всего лишь как сопротивление феодального духа и придерживались мнения, что в соединении с полной демократизацией Монархии этот же самый курс мог бы стать единственным путем для разрешения ее проблем. В основе плана социалистов, как мы уже отмечали, также

*Труды Этвеша можно рассматривать как ярчайшее выражение европейской мысли не только в этой связи, но и в контексте национального вопроса в целом. Самые важные работы Этвеша на эту тему: Über die Gleichberechtigung der Nationalitäten in Österreich. Pest, 1850, и Die Garantien der Macht und Einheit Österreichs. Leipzig, 1859.

лежала идея о том, что проблему следует решать на базе национальных объединений, независимо от их территориального распределения. Другие – А. Поповичи и Р. Хармац, например, – отстаивали схему разделения всей Монархии на совершенно новые территории вообще без учета исторических границ государств и провинций. Все прежние исторические организмы должны были быть уничтожены, а людей следовало перераспределить по национально гомогенным территориям, вымеренным по линейке и компасу, в рамках единой Великой Австрии. Посредством подобной искусственной конструкции они надеялись сломить сопротивление старого националистического духа, привязанного к традиционным феодальным территориям. Они воспринимали королевства и земли корон как главных врагов гармоничного сотрудничества наций. Эта критика не была лишена оснований. Многие прежние территориальные единицы действительно устарели, ведь со временем возникли более крупные экономические и культурные объединения, а ограниченная местечковая атмосфера королевских земель только мешала взаимодействию этнически смешанного населения. Несмотря на это, с начала XIX в. истинную суть сепаратистских движений составлял уже не реакционный национализм феодального мира, но растущий демократический национализм народных масс, которые пытались построить национальное государство в соответствии с историческими традициями, параллельно удовлетворяя новые экономические и культурные запросы. Таким образом, реальная проблема Монархии заключалась отнюдь не в упразднении исторических образований и конституций в рамках анационального сверхгосударства (как представляли себе социалисты и некоторые провозвестники Великой Австрии), но в предоставлении нациям возможности создать собственные государства согласно собственным историческим традициям и объединить их в конфедерацию как равноправных членов.

С точки зрения высшей справедливости и эффективности административного руководства, наднациональное государство, возможно, и воплощало собой более прогрессивный тип политической организации, но этот план не принимал во внимание реального соотношения сил. Во времена обостренного национализма нации, борющиеся за независимость, стремились не только к языковой и культурной автономии, но и к созданию собственных национальных

государств на традиционном фундаменте. Венгры боролись за венгерское государство, чехи – за чешское, южные славнее – за свое, и никто из них не собирался отказываться от идеалов во имя интересов безжизненного наднационального государства. С другой стороны, на исторических территориях, принадлежавших отдельным нациям, проживали большие группы национальных меньшинств, и возникала опасность, что новые национальные государства начнут угнетать свои национальные меньшинства точно так же, как это делали господствующие нации в дуалистической Монархии (доктор Реннер предвидел эту угрозу, и в последующие годы она в значительной степени осуществилась). Однако настоящим спасением от этой опасности могло бы стать не утопическое сверхгосударство, лишенное национальной составляющей (на деле это означало бы централизованное немецкое государство), но такое управление государственными делами, при котором новые национальные организмы сплотились бы в конфедерацию. Суверенная власть подобной конфедерации могла бы эффективно защищать национальные меньшинства, объединяя их в национальные регионы и более крупные единицы по всей территории конфедеративного государства.

Только так можно было преодолеть трудности, одолевающие Монархию. К сожалению, абсолютистский и социалистический сверхнационализм в равной степени не воспринимал эту связь. И те, и другие считали, будто объединенной Монархии противостоит лишь старый феодальных дух прежних королевств, тогда как стимулом к новому партикуляризму послужил демократический национализм. *Последний стал новой силой, поразившей габсбургское единство в тот момент, когда гидра феодального партикуляризма уже лишилась своих голов.* В то время как Габсбурги одержали относительно легкую победу над феодальным национализмом, который представлял собой низший тип экономической и политической организации (основанной на устаревших привилегиях и эксплуатации крепостных), новый массовый и демократический национализм, нацеленный на возрождение королевств на базе народного суверенитета, являл более высокий принцип политической организации по сравнению с наднациональным абсолютизмом Габсбургов, и побороть его династия не могла. Вот почему многочисленные планы по механическому переустройству Монархии так и не получили массовой поддержки. Анализируя различные искусственные схемы по перек-

раиванию империи и созданию новых этнорегионов, один проницательный немецкий наблюдатель сделал во время войны следующие замечания:

«Приходит на память миф о дочерях Пелия, которые по совету Медеи разрезали своего старого отца на кусочки и сварили в волшебном котле в надежде вернуть ему молодость. Увы, рецепт оказался неудачным, и старик умер»*.

Почему чувство национальной солидарности одержало верх над государственной целесообразностью и социальным рационализмом, читатель ясно увидит в последующих главах, где мы собираемся проанализировать динамику и проблемы национального пробуждения. Американский читатель лучше поймет ситуацию, если вспомнит утверждение Вудро Вильсона о том, что «государственный патриотизм был намного сильнее самого Союза, бывшего всего лишь искусственным образованием»**. Ведь если это было справедливо для североамериканских штатов, относительно короткая история которых не была отягощена духом феодального прошлого и воспоминаниями о национальной борьбе друг с другом, насколько более понятным становится болезнетворный характер партикуляризма и местного патриотизма в рамках Габсбургской монархии, чья история представляет собой серию феодальных и национальных конфликтов.

IV. Национальное пробуждение

После подавления феодального национализма долгое время казалось, будто Габсбурги преуспели в деятельности по унификации и централизации. Имперская администрация распространила свою власть повсюду, на смену непокорной феодальной пришла сервильная придворная аристократия, а политика меркантилизма стала попыткой объединить страну в одно экономическое целое. Однако относительный мир и консолидация оставались видимостью.

**Guttman B. dr.* Österreich-Ungarn und der Völkerstreit. Frankfurt-am-Main, 1918, S. 13–14.

***The State: Elements of Historical and Practical Politics (Rev. ed. Boston, 1911). P. 464.

Начиная, например, с конца XVIII в. появляется новая общественная сила, которая в течение нескольких десятилетий превращается из тоненьких ручейков в мощный поток, все интенсивнее размывая дух и институты династического патримониального государства. Эта сила – современное национальное чувство, именем которого все народы Монархии, большие и малые, претендовали на самореализацию, на автономию, а некоторые из них – и на независимую государственность. Новый национализм, в противовес старому, феодальному, базировался на силе миллионов мелких буржуа, крестьян и промышленных рабочих.

А. Идеалистическая интерпретация

Откуда же возник этот новый тип демократического, общественного национализма? На этот вопрос мы, как правило, получали два противоречащих друг другу ответа. Один был сформулирован в духе исторического идеализма, второй – в русле исторического материализма. Первый делает основной упор на интеллектуальные и духовные факторы. Национализм, по мнению идеалистов, – не что иное, как рост самосознания человеческой души, способной обрести полноту лишь в национальном существовании, выполняя работу, которую мировой дух, абсолют предназначил каждой национальной индивидуальности. На этой платформе стояли все выдающиеся представители демократического национализма. Мадзини, Фихте, Палацкий, Кошут, Гай, Коллар, Обрадович[189] и другие рассматривали национализм как непреодолимую историческую силу, которая стремится объединить в рамках духовной, интеллектуальной и политической конструкции всю нацию, прежде разделенную волей случая или в результате династического правления. Эти великие пророки национализма всегда подчеркивали творческую мощь духовных интересов. *Mens agitat molem**. Ради обретения свободы и независимости каждая нация прежде всего должна культивировать собственные духовные силы. Как говорил с пророческим мистицизмом Мадзини, обращаясь к «Молодой Европе» (Europa Giovane) (1834): «У каждой нации есть своя задача, вы-

*Разум приводит в движение материю (*лат.*) – Вергилий. «Энеида», VI, 724–727 (*Прим. переводчика*).

полняя которую она вносит свой вклад в общую миссию человечества. Эта миссия формирует характер нации. Национальность – это святое...» Исходя из этих и подобных им ценностей, основатели национализма придавали решающее значение восстановлению исторического сознания нации и культивированию ее языка, искусства и литературы. «Создай мы собственный национальный театр, – сокрушался великий поэт Германии Фридрих Шиллер, – мы бы тоже стали нацией». Экономические и военные соображения служили лишь средством для достижения национального идеала.

Б. Материалистическая интерпретация и «нации без истории»

Оппозицию идеалистам составили мыслители более позднего времени – им не довелось пережить первые героические этапы национальной борьбы, или же они воспринимали результаты и методы проведения в жизнь национальной идеи и ее последующее сползание в агрессивный империализм с позиций более трезвых и критических. Они выступали против идеалистических конструкций – последние казались им сентиментальными и неискренними – и пытались интерпретировать феномен национализма преимущественно с точки зрения экономики и материализма. Школа Маркса и Энгельса рассматривала духовную и морально-этическую структуру национального движения как обычную «идеологию», которую следует объяснять фактами экономического производства и распределения благ. Важность данной точки зрения исключительно велика и обладает особой ценностью в попытке прояснить процесс, в ходе которого «нации, не имеющие истории», обретали национальное самосознание. Нациями, не имеющими истории, Фридрих Энгельс (а вслед за ним – и Отто Бауэр, наиболее полно разработавший экономическое обоснование и массовую психологию национального движения) называл народы, которые, подобно словенцам, русинам, южным славянам, попавшим под власть турок, чехам, находившимся под гнетом австрийского абсолютизма, потеряли свое старое дворянство в результате его уничтожения или ассимиляции с новой дворянской элитой. В силу отсутствия доминирующего интеллектуального слоя эти нации остались «без истории» и не играли никакой сознательной роли в

соответствующих странах, ведя вегетативную, застойную жизнь, как крепостные крестьяне, столетиями оставаясь пассивным инструментом иностранной аристократии. Они стали не настоящими нациями, но *Bedientenvölker* – народами-слугами, язык которых сохранялся лишь в виде презираемого наречия, бывшего в ходу на задворках барских поместий. Согласно этой точке зрения, главная проблема национальности состоит в том, чтобы разбудить самосознание лишенных истории народов, и тогда, вследствие нового экономического и общественного порядка, он начнут действовать как все более сознательные факторы в жизни государства и общества. Национальная идеология, главным образом, есть следствие великих экономических и политических перемен. Бывшие рабы просто перенимают национальную идеологию тех наций, которые прежде ими правили, и хотят участвовать в государственной жизни на равных правах.

Данная точка зрения, безусловно, в чем-то соответствует реальности, но представляется мне чересчур схематичной и упрощенной. Правда состоит в том, что аналогичный процесс национального пробуждения наблюдается и у так называемых «исторических наций», то есть у тех, чье национальное существование не прерывалось веками. Современная национальная идея, конечно, является не простым продолжением феодального национализма, но вызвана более глобальными и сложными причинами. Этот процесс шел и среди народов, обладающих старым историческим сознанием, таких как немцы, итальянцы и венгры. С другой стороны, так называемые «нации, не имеющие истории», не полностью утратили свою историческую индивидуальность.

Не имея возможности продолжить полноценную дискуссию по этому вопросу, я бы хотел лишь подчеркнуть, что, по моему мнению, пробуждение национального самосознания имело место во всех частях Средней и Восточной Европы с начала XVIII в., и, следовательно, причины его также должны быть общими, присущими политической и общественной атмосфере, в целом. (В больших национальных государствах Западной Европы проблема национальности не стояла так остро, как в Средней и Восточной Европе, так как в западноевропейских странах доминирующая культура того или иного рода успешно ассимилировала любые инородные элементы в эпоху, когда решающую роль иг-

рали не национальные, но феодальные и религиозные противоречия. Однако и здесь проблема национальности возникает каждый раз, когда национальная ассимиляция была не полной, а местный партикуляризм сохраняется – как на кельтских окраинах Англии.)

B. Интерпретация комбинированного типа

Чтобы понять и истолковать современный национализм в самой его сути – как основной фактор распада империи Габсбургов – мы должны с равной тщательностью исследовать и социально-экономическую, и духовную стороны проблемы. Анри Бергсон[190] великолепно продемонстрировал, что исключительно материалистическое объяснение души является не достоверным описанием фактов, но, скорее, их искажением. «Наше сознание, несомненно, связано с мозгом, но из этого не следует, будто мозг определяет все детали сознания, или будто сознание – всего лишь функция мозга»*. Данное утверждение справедливо и для социальной сферы. Имея возможность более или менее точно описать и проанализировать экономические и социальные предпосылки и обстоятельства национального движения, мы не можем утверждать, что данные предпосылки и обстоятельства объясняют явление в целом. Когда я, в последующем разделе попытаюсь распутать этот узел с целью показать различные исторические элементы – как экономического, так и духовного свойства, читатель не должен забывать, что все эти деления абсолютно искусственны; в реальности в душах борцов за национальную независимость все эти факторы сплетались воедино, делая национальные движения непреодолимыми.

В широком смысле мы имеем дело с двумя разными типами националистических движений в пределах Монархии. Первое стремилось к построению полноценного национального государства – его поддерживали более развитые народы Монархии, обладавшие явным и непрерывным историческим сознанием. Сюда можно отнести венгров, итальянцев, чехов, поляков и хорватов. С другой стороны, малочисленные или менее развитые

*L'Áme et le Corps // Le Matérialisme Actuel. Paris, 1926. P. 17.

нации, едва пробудившиеся от феодального оцепенения, не были столь честолюбивы в своих устремлениях и могли бы удовольствоваться национальной административной автономией. Именно в этом направлении мыслили почти до самого начала войны словаки, русины, словенцы, румыны и немецкие меньшинства в Венгрии.

Какими бы разными ни были конкретные проявления различных национальных программ, у них была одна общая черта. Все перечисленные народы стремились к национальному самовыражению, к возможности развивать собственные культуру и язык и использовать этот язык в школах, церквях, местной администрации и в суде. Именно это я обычно называю «программой минимум», необходимой предпосылкой всякой борьбы за национальное самоопределение. Видный бельгийских социолог Эмиль де Лавеле (Laveleye) оставил пророческие строки, посвященные первым проявлениям национальных движений на Балканах:

«Создадим школы, проложим железную дорогу и разрешим типографию в провинциях, где живут полулюди-полуживотные. Через двадцать лет возникнет национальное чувство. Два поколения спустя произойдет взрыв, если вы попытаетесь это чувство подавить. Так национальный вопрос заложен в самой природе цивилизации».

Национальная проблема – это действительно всего лишь другая сторона социального самовыражения и раскрепощения. Именно это часто ускользает от понимания многих иностранных наблюдателей – особенно тех, кто происходит из гомогенных национальных регионов или из Америки (где иностранные национальные меньшинства живут в условиях, совершенно противоположных тем, от которых они бежали в Новый Свет). Самые известные иностранцы не раз высказывали при мне мнение, согласно которому национальные меньшинства, борющиеся за свою независимость, воспринимались как пленники анахроничного сентиментализма, ведь вместо того, чтобы защищать свои, куда более важные, экономические, социальные и культурные интересы, они постоянно жаловались на нехватку национальной самостоятельности и апеллировали к языковым и историческим правам. Эти обвинения демонстрировали абсолютное непонимание реальной ситуации; одна из главных причин распада Монархии как раз и заключалась в том, что так называемое «прогрессивное и либеральное» общественное мнение

ведущих наций империи разделяло взгляды этих именитых иностранцев. Они забыли, что угнетаемое национальное сознание, вынужденное постоянно бороться за возможность самовыражения, за свой язык, школы и органы власти, не может проявлять адекватный интерес к проблемам более высокого порядка.

Бернард Шоу в этой связи однажды метко сравнил угнетаемое национальное чувство, остановленное в своем развитии, с человеком, страдающим от рака: такой пациент ни единой минуты не может думать ни о чем, кроме своего заболевания. Точно так же при подавлении национальных чувств мельчайшие проблемы повседневного существования представителей ущемленной в своих правах нации занимают непропорционально много места, а процесс полноценной экономической и политической дифференциации не может начаться до тех пор, пока не будут удовлетворены самые насущные национальные потребности. Эта ситуация ведет к болезненному преувеличению значимости любых национальных установок. Национальное угнетение вызывает некую психическую фрустрацию, которая, в свою очередь, тормозит развитие отдельной личности и общества в целом.

Именно это произошло в Австро-Венгерской монархии, где все нации направили свою энергию на бесполезную, как могло показаться, борьбу за национальную и конституционную независимость, вместо того, чтобы стремиться к экономическим и культурным достижениям, в которых так остро нуждалось все население страны.

Г. Политическая централизация и организация экономики

Процесс национального пробуждения непроизвольно инициировали сами Габсбурги. Как мы отмечали в историческом введении, в своей борьбе против феодализма и партикуляризма «просвещенный абсолютизм» Марии Терезии и Иосифа II ясно видел необходимость защитить гигантские массы крестьянского населения от нищеты и эксплуатации. Ориентируясь на выдающиеся западные модели и на Пруссию во главе с Фридрихом Великим, австрийские правители были убеждены, что в современном государстве власть может базироваться только на том, насколько эффективно – в фи-

нансовом и военном смысле – работает весь народ. Исходя из этого, они пытались смягчить гнет феодальной олигархии и предприняли первые шаги по освобождению крепостных. В то же время, просвещенные монархи ввели первую систему всеобщего начального образования. В условиях экономического порядка, который начал избавляться от бартерной системы, они предприняли попытку заменить пастбища посевными площадями, внедрить новые методы и другие полезные новшества в сельское хозяйство, животноводство, лесное хозяйство. Прежние неграмотные крепостные стали анахронизмом, возникла потребность в новом, более рациональном и сознательном типе крестьянства. Достичь этого можно было лишь с помощью системы начального образования на родном языке. Мария Терезия и Иосиф II прекрасно отдавали себе в этом отчет, формируя образовательную политику. Германизация касалась внутренней административной системы, однако языковые потребности населения признавались повсюду. В целом мы можем утверждать, что просвещенный абсолютизм предпринял первую серьезную атаку против феодального засилья латыни, при котором национальные языки превращались в языки слуг, тогда как латинский оставался языком общения дворянства и дипломатов. В то же время, имперская политика, главным образом, преследовала цель подготовить достаточное количество чиновников из представителей всех наций, населяющих империю, ведь немецкоязычное делопроизводство можно было обеспечить лишь на уровне центральной власти, тогда как на местах использование родных языков населения было неизбежным.

Описанный династический патриархализм дал жизнь новому поколению крепостных, чьи культурные и экономические познания развивались с большей интенсивностью, – они начали читать книги на своих родных языках, ими чаще стали управлять соплеменники, а имперская власть защищала их от произвола феодалов. Подобный эволюционный процесс неизбежно вызывал всплеск национальных чувств. Смерды начали более критично оценивать собственное положение. Экономическое и политическое давление феодального общества стало восприниматься как национальная эксплуатация. Чешские, словацкие, румынские, русинские и все прочие крепостные отождествляли систему феодального угнетения с угнетением по национальному признаку, осуществляемым правящими классами

немцев, венгров или поляков. Восстания крестьян очень часто приобретали национальный характер. С другой стороны, страх и ненависть привилегированных классов по отношению к бунтующим крепостным приобретали форму национальных предрассудков.

Таким образом, образовательная и культурная политика просвещенного абсолютизма во всех частях Монархии послужила к формированию некоторой степени национального самосознания среди отсталых народов, которые начали пробуждаться от своего «вненационального» сна. Всеобщее пробуждение национального сознания стало мощным инструментом в руках абсолютизма и позволяло уравновесить влияние более сильных наций Монархии путем подогревания национальных настроений среди угнетенных масс. Национальные разногласия в стране стали основой для проведения сознательной политики в духе макиавеллиевского принципа «разделяй и властвуй». Тенденция эта была настолько выраженной, что известный социолог и правовед Людвиг Гумплович предложил термин Konkurrenznationalität («конкурирующая национальность»), чтобы обозначить изобретение абсолютистского государственного управления, призванное поддержать автократическое равновесие*. *Aula est pro nobis* («Двор с нами!») – радостно воскликнул один из лидеров иллирийского движения, направленного против венгерской независимости, намекая на поддержку движения, исходящую из Вены. Связь между абсолютизмом и национальным пробуждением славян была настолько очевидной, что даже Маркс и Энгельс, с их ясным видением ситуации, ошибочно оценили истинную природу движения, посчитав его интригой венской реакции, направленной против либерального и революционного венгерского дворянства.

*Политика *divide et impera* – разделяй и властвуй однако не является изобретением Габсбургов, но глубоко укоренена в дурных инстинктах, свойственных человеческой природе. В Древнем Риме «это был экономический принцип, призванный стимулировать, а не подавлять разногласия среди рабов. В том же духе Платон и Аристотель уже предупреждали, что не следует объединять рабов одной и той же национальности, дабы не давать повода к возникновению местнических союзов и возможных заговоров...» (цитирует Франц Оппенгеймер Моммзена в Der Staat [Jena, 1926]. S. 477). Любопытный факт: недавно немецкий мастер большого автомобильного завода в Детройте рассказал мне, как во избежание забастовок они всегда делят своих рабочих таким образом, чтобы в каждой секции работали вместе рабочие разных национальностей.

Имперская власть, однако, и сама вскоре устрашилась вызванного ею призрака: национальное движение оказалось обоюдоострым оружием. Из инструмента, позволяющего разделять и властвовать, оно все более превращалось в сознательное и непреодолимое стремление всех наций создать национальное конституционное правление. Примирить эту тенденцию с абсолютистской централизованной властью было невозможно. Именно поэтому вслед за коротким периодом просвещенного абсолютизма режим Меттерниха и его последователи боролись с национальной демократией так же ожесточенно, как и с конституционным либерализмом. С другой стороны, растущая династическая немецкая централизация неизбежно вызывала национальное (в какой-то степени) сопротивление тех феодальных элементов, независимому правлению и сословным привилегиям которых угрожала габсбургская администрация*.

В истории формирования национального самосознания все описанные процессы, тем не менее, были лишь прологом. Движение набирает темп и имеет более значительные последствия только в первой половине XIX в., когда капиталистический метод производства начинает все интенсивнее проникать в экономическую структуру Монархии. В XVIII в. существовало лишь капитализированное надомное производство или централизованная мануфактура, тогда как в XIX в. появляются первые результаты промышленной революции, основанной на новых технических изобретениях. Прежнее мелкое кустарное производство уже не могло конкурировать с индустриальными гигантами, начинается концентрация фабричных рабочих в городах. В начале XIX в. в Австрии был всего один паровой двигатель, в 1841 г. их было уже 230 с мощностью в 3000 лошадиных сил. В 1852 г. это уже 670 двигателей в 10 000 лошадиных сил. В то же время внедряются различные приспособления для снижения трудовых затрат, повышающие среднюю производительность. Этот же процесс шел и в Венгрии, хотя и значительно медленнее. Здесь революционное влияние на старую экономику оказал другой важный фактор – переход от животноводства к земледелию, за которым последо-

* См. исторический раздел данного тома.

вало свертывание бартерной экономики, расширение городских рынков благодаря росту промышленности и возникновению среднего класса интеллигенции. Параллельно с этими переменами происходила фундаментальная перестройка системы коммуникаций. На смену старым примитивным феодальным дорогам, которые строили крепостные, пришли новые, более крепкие, а с тридцатых годов XIX в. начинается эпоха строительства железных дорог, обеспечивших совершенно новый тип связи в обществе, где сельская местность все больше уступала место влиянию городских агломераций.

Под воздействием описанных обстоятельств возник новый тип гражданина – более сознательного и энергичного. Новый средний класс, исполненный национальной мотивации, критиковал старые институты и жаждал создать национальное государство, или, по крайней мере, местную национальную автономию, основанную на принципах современной демократии. Одновременно с этим процессом социальное недовольство крестьянства становилось все более опасным, поскольку новый тип сельского хозяйствования и развитое гражданское сознание были несовместимы со старыми институтами крепостной зависимости.

В подобных условиях позиции феодальных элементов становились довольно шаткими. Крестьяне нападали на их поместья и ставили под угрозу манориальные права, новый средний класс в городах критиковал их политические привилегии и безразличие в отношении новых демократических национальных интересов. Уже к концу XVIII в. зазвучали яростные сетования по поводу антинационального поведения чешского дворянства*.

Начиная со времен Иосифа II, аналогичная антидворянская литература появилась и в Венгрии. Она клеймила праздность дворянства, его паразитическую природу и равнодушие к целям страны. В XIX в. антагонизм между трудящимися массами и дворянством обострился еще больше, а Шандор Петефи, великий поэт эпохи, в своем сатирическом стихотворении с рефреном «Я – венгерский дворянин», критиковал феодальные классы как устаревшие, эксплуататорские и бесполезные. Однако лучшие и дальновидные представители

**Skene A. von.* Entstehen und Entwicklung der slawischnationalen Bewegung in Böhmen und Mähren im XIX. Jahrhundert. Wien, 1893. S. 53–59.

дворянства чувствовали опасность и понимали, что сохранение крепостничества вычеркнет их из жизни нового общества и в то же время, даст возможность венскому правительству и династии провести освобождение крестьян таким образом, что это положит конец конституционной независимости страны. (Аналогичный прием использовал русский царизм в отношении непокорной польской шляхты: насильственная экспроприация имений одновременно на долгие годы похоронила польскую независимость.) Не только общественное давление, но и вся духовная и интеллектуальная атмосфера эпохи способствовала тому, что умная и одаренная дворянская элита с энтузиазмом восприняла идеи национальной независимости и социально-политических реформ. Повсюду мы находим дворянское меньшинство, принявшее национальные и политические принципы Французской революции. Особенно заметным этот процесс стал в Венгрии – единственной стране Монархии, сохранившей в определенной степени собственную историческую конституцию. В то же время буржуазии как класса в стране практически не было и, следовательно, либеральные представители джентри стали лидерами и национального, и политического освобождения.

Из множества источников процитирую лишь два, демонстрирующих, насколько четко новое революционное дворянство осознавало абсолютную необходимость связать национализм и демократию. Барон Миклош Вешелени[191], один из самых одаренных лидеров национальной оппозиции, использовал следующий важный аргумент в пользу освобождения крепостных:

«Правительство [имеется в виду австрийское правительство] этого не хочет; прикрыв свою уродливую физиономию обманчивой маской, оно высосало жир девяти миллионов человек и теперь ждет только, когда эти девять миллионов восстанут, чтобы выступить в роли освободителя… Если это произойдет, горе нам, ибо из свободных людей мы опустимся до роли жалких рабов…»

Аналогичную точку зрения высказал в 1846 г. Лайош Кошут: «Народ и его землю надо освободить одновременно и по всей стране… в противном случае дворянство будет выкошено, и этот день станет днем погибели венгерской национальной идеи…» Здесь мы наблюдаем любопытную смесь чаяний, преставлений и идеологий. Обладатели старых привилегий начали воспринимать социальные и демократические требования новой эпохи, в то время как

разбуженные крестьянские массы и новая интеллигенция «присвоили» национальные цели прежних феодальных выступлений. Можно сказать, что в жизнь королевств вошел народ, и старая борьба за конституционную независимость обрела новый цвет и накал.

Еще одной важной чертой новой ситуации стал рост промышленного пролетариата в Австрии и его появление в Венгрии. Новый класс концентрировался в крупных городах и в своей идеологии меньше зависел от исторических традиций, присущих привилегированным слоям. Идеология пролетариата была в большей степени социальной и революционной, а не национальной. Несмотря на это, рабочий класс тоже испытывал теплые чувства по отношению к родному языку и традициям, ведь его составляли выходцы из деревень. В силу своего радикализма пролетарии были склонны поддерживать требования национальной независимости и равенства. На деле промышленный пролетариат превратился в ключевой элемент национальной борьбы. Концентрация населения в городах как неизбежное следствие капиталистической системы привела к интенсивной миграции повсюду в Монархии. Огромные массы населения, которым феодальная система сельского хозяйствования не могла дать работу, перемещались в промышленные города и нередко существенно меняли этнический состав населения в этих городах. В Австрии, например, в ряде бывших немецких городов состав населения утратил гомогенный характер с появлением многочисленных славянских переселенцев. Аналогичный процесс в Венгрии, скорее, способствовал мадьяризации, поскольку венгры, больше пострадавшие от системы латифундий и умевшие быстрее адаптироваться, стали основной составляющей миграционных волн.

В общем можно рассматривать как социологическую закономерность тот факт, что население близлежащих деревень имело тенденцию ассимилировать городские агломерации, или, как я часто повторял: «Море ассимилирует острова». Процесс этот, естественно, мог быть приостановлен или нейтрализован там, где господствующий класс, обладавший контролем над государством, проводил сознательную политику ассимиляции, посылая национальные кадры работать в крупные промышленные центры, государственные учреждения, школы и на фабрики (как это делалось в Галиции с польской стороны и в Венгрии – с венгерской); тем не

менее, капитализму повсюду сопутствовала ситуация, когда значительные этнографические изменения происходили в связи с миграцией рабочих. Появлялись новые национальные меньшинства более или менее компактного проживания, или в городских агломерациях формировалось новое этническое большинство. Новые иммигранты требовали вводить образование и делопроизводство на своих языках. Все эти, вполне естественные требования, порождали беспокойство в среде тех национальных групп, которые прежде доминировали на той или иной территории*. Это противостояние превратилось в важный фактор политической борьбы. Сохранение прежнего национального колорита, с одной стороны, и формирование новой системы образования и управления для удовлетворения новых языковых нужд, с другой, определяли суть национальной борьбы даже в тех регионах, где национальные меньшинства не стремились получить конституционную государственную независимость.

Перечисленные выше факты общественной и политической жизни, по-видимому, оправдывают точку зрения, так горячо поддерживаемую авторами-социалистами; согласно их позиции, «национальный вопрос – всего лишь оборотная сторона вопроса социального». Достаточно очевидно, что любые усилия по расширению политических прав, повышению культурного уровня народных масс и улучшения экономических условий их существования неизбежно влекут за собой последствия национального характера. Национальные чувства растут прямо пропорционально укреплению политической и экономической власти. Не так уж сложно сгруппировать эти экономические и политические факты таким образом, чтобы представить национальные движения как их простое отражение или надстройку над ними. Однако исключительно экономическое объяснение не удовлетворит тех, кто сумеет глубже постичь структуру этих связей; им придется признать автономную и самостоятельную роль духовных и морально-этических факторов в эволюции национального сознания.

*Недоверие на почве национализма проявлялось, например, в том, что в Вене, столице империи, никогда не разрешали устраивать театральные представления на чешском языке, хотя на территории города проживала большая чешская община. Запрет не был открытым; театрам в конфиденциальном порядке намекнули, что подобные представления не желательны.

Д. Духовные движущие силы

В попытке докопаться до истоков национальных движений и более детально проанализировать идеи их пророков – зачинателей национальных революций, мы обнаружим, что великие предшественники, как правило, были очень далеки от экономических и классовых интересов эпохи, но пытались по-новому синтезировать все проявления национальной жизни. Граф Иштван Сечени, к примеру, один из величайших гениев национального пробуждения, провозвестник самореализации Венгрии, будучи человеком в высшей степени практическим, в своих отчаянных попытках реконструировать экономику отсталой страны, не учитывал мотив личной выгоды. Все его планы и проекты служили единственной цели: придать национальное содержание и сознание стране, чей дух ослаб в условиях феодального партикуляризма и иностранного гнета. Можно сказать, что национальная идея стала центром притяжения духовных сил, в сторону которого были направлены все индивидуальные усилия. Исследуя особенности интеллектуальных и морально-этических столкновений, имевших место в рамках героического периода национальной борьбы, мы четко понимаем, что имеем дело не только с внедрением нового способа производства, но одновременно и с формированием новой шкалы духовных ценностей.

Стимулом к развитию концепции в целом стала новая философия истории. Идеи гуманизма – одного из основных столпов нового типа сознания – появились прежде изменений в экономической системе. Решающее влияние на пробуждение народов Монархии оказал выдающийся немецкий философ Гердер. Особенно сильно он повлиял на славян, которые называли его praeceptor Slavorum («учитель славян»). Руководствуясь «Законом природы» и подчеркивая врожденные права личности, гарантированные чистым «Разумом», немецкий мыслитель критиковал старую патримониальную концепцию государства и рассматривал народы как реальный фактор, влияющий на исторический процесс. В противовес планам Иосифа II по унификации и централизации, Гердер с исключительным упорством и последовательностью отстаивал идею независимого национального развития. Обращаясь к старому, анациональному патримониальному миру, философ восклицал:

«Может ли у народа быть нечто более ценное, чем язык отцов? В нем заключено все духовное богатство традиций народа, его истории, религии, жизненных принципов, его сердце и душа. Лишить такой народ собственного языка или засорить язык – значит отобрать у людей единственное бессмертное имущество... Ценность народной культуры невозможно впрячь в ярмо чужого языка. Прекраснее всего он раскрывается на своей земле – и, я бы сказал, только на ней, на почве унаследованного и передаваемого дальше по наследству языка».

Новые духовные представления нашли дальнейшее толкование в исторической школе Савиньи и немецком романтизме. Савиньи отверг представление о законе как о простой функции государства, но считал закон эманацией души народа в той же степени, что язык, искусство и традиции. Тогда же немецкие романтики воспевали интуитивные творческие силы народа, способного органически и полубессознательно выстроить новую систему духовных ценностей. «У каждой значимой и независимой нации, – отметил выдающийся представитель этой школы Фридрих Шлегель в лекции, прочитанной в Вене в 1812 г., – есть право создать собственную и уникальную литературу, подавлять язык отдельного народа есть величайшее варварство»*.

Очевидно, что подобные мысли с готовностью воспринимали те народы, которые уже начали осознавать собственную национальную индивидуальность. В центре такого мировоззрения в качестве высшего символа располагалась идея национальной «миссии» – уверенность в том, что у каждого конкретного народа есть особая миссия в мировой истории, и миссия эта предопределена судьбой. Эту идею уже ясно выразил Гердер; он неоднократно подчеркивал особую природу славян, отличную от немецкой, восхваляя «славянский дух» и противопоставляя его жажде завоевания у немцев как дух демократии, пацифизма и самоуправления. Каждая нация предпринимала попытки сформулировать собственную роль в истории. Венгры определяли свою миссию как борьбу против турок в защиту христианства; поляки ощуща-

*Любопытные сведения относительно духовного пробуждения славян можно обнаружить в книге Альфреда Фишеля о панславизме: *Fischel A.* Der Panslavismus bis zum Weltkrieg. S. 24. u.f.

ли себя представителями западной культуры перед лицом варварского русского царизма; хорваты считали себя провозвестниками римско-католической веры в окружении византийцев; румыны претендовали на звание потомков римской Дакии; память о Яне Гусе как зачинателе европейской реформации подпитывала национальный энтузиазм чехов.

Повсюду начался активный поиск исторических предков. Каждая нация пыталась реконструировать свое прошлое как самое славное, подобное потерянному Раю. Отчаянное желание обрести «историческую славу» иногда приобретало комический оборот. Так, например, несколько словенских писателей предприняли попытку – лишенную какого бы то ни было исторического основания – придать истории своего мирного народа жестокие, воинственные черты. Один популярный словенский историк накануне Первой мировой войны писал:

«Словенцы считались кротким и миролюбивым народом. Это неверно. Ошибаются те, кто рассуждает о смирных словенцах. Мы считаем, что словенцы разрушили такой крупный город как Целье. Немцы и фриулы боялись словенцев как огня. Года не проходило, чтобы они не пытались отбросить словенцев назад, но нашим соседям не слишком это удавалось. Разъяренные словенцы хитростью отражали атаки, а затем нападали на них и грабили по всей Баварии и северной Италии...»*

Если самые слабые народы, «не имеющие истории» так воодушевленно изучали свое прошлое, можно представить, с каким энтузиазмом принялись за исследование своей истории более крупные и осознающие себя нации и как активно бросились они на поиски тех, кого венгерский поэт называл «предки, предки, славные предки, великие предки, буря, сотрясающая весь мир...»**. Все народы начали открывать для себя забытые памятники литературы, искусства, музыки и национальные традиции. Счастлива была нация, способная продемонстрировать проверенные временем свидетель-

**Poljanec P.* Krtka zgodovina slovenskega naroda. Maribor, 1912. c. 78 // *Braun R.* A szlóvén nemzeti eszme fejlődése 1848-tól Bleiweis haláláig – Huszadik Század, 1917. I. köt. 308. o.

**Оскар Яси вслед за Робертом Брауном (см. выше) приводит неточную цитату из стихотворения Шандора Петефи «О родине»: «Славные великие предки моей родины, вы, сотрясающие землю бури!» (*Прим. переводчика*).

ства духовных достижений прошлого. Жажда старой литературной славы была столь велика, что отдельные ревностные поборники национального величия не чурались даже фальсификаций.

Так, например, чешский просветитель Вацлав Ганка и его соратники изготовили якобы старинную рукопись и подбросили ее в историческое здание с целью показать, что у чехов уже была сильная традиция эпической поэзии в тот период, когда их могущественные немецкие соседи еще прозябали в варварстве*. Еще одним «открытием» Ганки со товарищи стала еще более дерзкая фальсификация в отношении древней истории и традиций славян. И хотя самые авторитетные славянские ученые сумели доказать апокрифический характер всех этих «исторических документов», последние оказали огромное влияние на пробуждение чешского национального сознания.

Не только слава прошлого, но и события недавней истории способствовали консолидации угнетенных народов. Иллирийское государство, созданное Наполеоном в 1809 г. (оно объединило югославянские территории, выделенные из Австрии в содружество наций, – с его помощью великий император умело использовал зарождающееся национальное сознание хорватов и словенцев с тем, чтобы окончательно отделить их от Австрии), хоть и осталось экспериментом и продержалось меньше десяти лет, оставило в душе народа неистребимую память.

Фантазия наций, борющихся за национальное самоопределение, еще больше воспламенилась под влиянием ирландского движения за расторжение унии между Великобританией и Ирландией («Repeal»). Особенно оно подействовало на чешских патриотов, которые считали О'Коннела своим идеалом и создали клуб под названием «Repeal» («Отказ»). Помимо всего прочего, ирландское движение оказалось для чехов отличным средством пропаганды в период, когда цензура делала невозможной любую политическую деятельность. Так, Карел Гавличек, популярный лидер чешского национального движения, вел ежедневную колонку в своей газете под рубрикой «Ирландское движение за расторжение унии», где изо дня в день описывал, как обстоят дела на несчастном острове и

*Автор намекает на знаменитую Краледворскую рукопись, которая якобы была обнаружена в городе Кёнигинхоф на Эльбе и выдана за отрывок обширного манускрипта XIII в. (*Прим. переводчика*).

как национальное движение набирает там силу. Австрийская цензура не сообразила, что под видом Ирландии чешский публицист изображает усилия чехов по обретению национальной и конституционной независимости, и что его ненависть к угнетателям ирландского народа была направлена отнюдь не против английских землевладельцев, но против австрийского деспотизма.

Пример народов, достигших большего успеха в деле национальной пропаганды или в создании собственных национальных государств, таких как немцы, итальянцы и венгры, оказал значительное влияние на устремления менее удачливых соседей. Так победа Короны Святого Иштвана над объединенным австрийским государством посредством Компромисса 1867 г., достигнутого усилиями Ференца Деака, дала новый импульс национальной борьбе чехов, которые пытались следовать венгерскому примеру даже в мелочах. В то же время, у малых народов, не сумевших добиться серьезных результатов в борьбе за независимость, развилось некое подобие комплекса неполноценности. Известный словенский поэт Франце Прешерен* в первой половине XIX столетия написал такие характерные строки:

> «В нашей стране, как правило, говорят по-немецки
> Дамы и господа, что сидят у нас на шее;
> По-словенски же говорят те, кто им служит».

Восхваление прошлого прибавляло людям дерзости и, в стремлении убежать от трудностей и забот настоящего, они обращали свой взор в будущее. В каждой из пробуждающихся наций мы находим группу восторженных пророков и визионеров, которые, обладая настоящим творческим воображением, пытались сконструировать для своих народов многообещающий идеал будущих свершений. Порой эти люди с пугающей ясностью ощущали эволюционные тенденции и разрабатывали схемы, лишенные связи с экономической и политической реальностью их собственного времени. Приверженец «реальной политики» (Realpolitik) назвал бы их наивными мечтателями, какими они и являлись, с точки зрения непосредственной реализации их планов. Однако эти провидцы сумели провести действительно творческую и конструктивную работу, – они создали

*В русской традиции фамилия Prešeren чаще транскрибируется как «Прешерен», по сербскому образцу (*Прим. переводчика*).

первые символы национального единства. «Венгрии не было, она будет», – эти слова Иштвана Сечени дали такой же импульс двум поколениям венгров, что и знаменитый девиз *Italia farà da se* («Италия обойдется своими силами»).

Людевит Гай, великий апостол иллиризма, полностью представлял себе картину югославянского единства уже в 1835 г., хотя, на тот момент, какие бы то ни было политические, экономические и языковые предпосылки подобного единства совершенно отсутствовали, а отдельные части будущей нации находились под турецким игом. Гай описал свое странное и поразительное видение красками поэзии. Он увидел Европу в образе девы, сидящей с треугольной лирой в руках. Эта лира и есть Иллирия – треугольник между Скадром, Варной и Белаком (Villach). Поэт жалуется, что струны издают фальшивые звуки. Расстроенные струны – Каринтия, Крайна, Штирия, Далмация, Босния и Болгария – не звучат в унисон. Однако поэтической картины Гаю оказалось не достаточно. Чтобы проиллюстрировать свое видение, поэт нарисовал карту и отметил на ней географические границы новой Иллирии. Эта карта примерно совпадает с изменениями, произошедшими после Первой мировой войны. Что за бесполезная игра для рационально мыслящего человека – рисовать карты территорий, жители которых едва знают о существовании друг друга! И все же в подобных шутках есть доля политического волшебства. Ирредента всегда давали повод к созданию карт, демонстрировавших желаемую, но не существующую реальность. Люди, не склонные к абстрактному мышлению, могут, таким образом, увидеть невообразимое. Студенты с горящими глазами рассматривали подобные карты в часы ночных бдений в кругу единомышленников.

Мечта о национальном единстве переставала быть мечтой отдельно взятого провидца – она все больше превращалась в идеологию масс. Уже в 1840 г. на блестящем балу в Загребе хорватские дамы прикалывали к корсажу звезды, на лучах которых были выгравированы названия югославянских племен: далматинцы, хорваты, черногорцы, словенцы, болгары и сербы. В центре звезды можно было прочесть слова: «Боже, помоги нам объединиться!»*.

*См. *Szilágyi* (szerk.). A magyar nemzet története. Budapest 1895–98. IX. köt. 455. o.

Пристальное внимание к прошлому вызвало к жизни еще одно движение, сыгравшее фундаментальную роль в истории национального подъема. Родной язык превратился в почти священное и мистическое средство для осуществления всех национальных предприятий. Современники со стыдом и удивлением осознали, что повсеместное использование латинского, а затем – немецкого языков принизило национальные языки и засорило их. Родные языки венгров, славян и румын превратились в наречия, на которых говорили слуги, крестьяне и мелкие лавочники. Представители правящих слоев говорили на латыни, немецком или французском. Таким образом, народные языки существенно отставали в своем развитии – их словарный запас не обогащался, они были не в состоянии передавать современные оттенки, не имели слов для обозначения новых экономических и правовых понятий, утонченных чувств и абстракций. Анахронизм традиционных языков усугубляло и то, что вследствие политической раздробленности и препятствий на пути нормальной коммуникации они были разделены на множество диалектов, которые все больше отдалялись друг от друга. Таким образом, разрыв между разными ветвями одной нации все больше увеличивался. Особенно интенсивно этот процесс шел среди славян. Чехи, моравы, словаки или словенцы, хорваты и сербы уже начали ощущать себя как отдельные нации.

В подобных условиях создание единого литературного языка и обогащение его новыми словами из прежних запасов этого же языка или путем поиска аналогов в иностранных языках стало самой важной национальной задачей. Движение за «реформирование языка» подбросило дров в костер эмоций, сопровождавший пробуждение национального сознания. В то же время оно формировало прочную психологическую базу для новых экономических и политических конструкций. Современное общество так же нельзя представить без языка, способного функционировать во всех сферах национальной жизни, как и без железных дорог, телеграфа или новых кредитных организаций. Мощная кампания по реформированию и унификации языка наполнила пробудившиеся народы Монархии почти религиозным рвением, став не просто отражением экономических трансформаций, но параллельным и независимым достижением выдающихся творцов, взявших на себя тяжкий труд в то время, когда это было непопулярно и невыгодно как с экономи-

ческой, так и с морально-этической точки зрения. Описание венгерского историка Игнаца Ачади позволяет живо представить себе сложившуюся ситуацию, аналогичную – за исключением отдельных местных особенностей – тому, что происходило у других народов Монархии.

«Захват территории, произведенный латинским и немецким языками, вызвал депрессию и даже отчаяние в благородных душах». Они с ужасом отмечали, что венгерский язык, не развивавшийся в научном отношении и лишенный установленных правил, рано или поздно обречен на упадок. «Медленно, почти незаметно, начался славный процесс обновления национального языка». Венгерский язык продолжал жить в поэзии народа, в его пословицах и сказках, в произведениях старой литературы. Ему необходимо было восстановиться, как и самой нации. Хотя этот язык и был изгнан из господских замков (так же как менуэт, гавот и иностранная музыка заменили среднему классу венгерские танцы и народную музыку), им продолжали пользоваться в жилищах мелкого дворянства и трудящихся масс. Но венгерский язык жил, становился сильнее и начал отвоевывать признание латинизированной и германизированной элиты. На тот момент язык народа еще не был под защитой конституции. «Было не просто две нации, но и два венгерских языка: язык дворян, переполненный иностранными словами, едва понятный крестьянам, и народный венгерский язык с его девственной чистотой и безграничными возможностями для развития, на который господа смотрели сверху вниз со снисходительной улыбкой»*.

Только так можем мы осознать всю важность движения, в котором сегодня, в эпоху наивного преклонения перед экономическим фактором, мы видим лишь проявление романтического сентиментализма. Участники этого движения со страстным пылом принялись изучать язык народа и его память, в особенности, – народные песни, сказки и легенды. Современников охватил лихорадочный интерес к народной поэзии, музыке, танцам и традициям. Поначалу движение имело скорее литературную направленность, но постепенно приобрело политическую окраску. В каждом наци-

**Acsády*. A magyar birodalom története. II.köt. 525.o.

ональном регионе Монархии сложились группы талантливых и активных исследователей, сумевших продемонстрировать единство и общность национальных языков, несмотря на разнообразие диалектов.

Романтический историзм повлиял на людей похожим образом. С восторгом погружались они в изучение событий далекой старины, чтобы показать непрерывность национального чувства и национальной мысли. Подобные исследования на всегда сопровождала адекватная критика. Так, например, один вдохновенный венгерский ученый «доказал», будто Адам, первый человек, на самом деле был венгром. Вук Караджич, первый провозвестник великосербской идеи, противопоставил свою концепцию великохорватской идее Гая, утверждая, на основании «исторических» изысканий, что сербы – «величайший народ на планете», а их культура насчитывает пять тысяч лет и вобрала в себя всю мировую историю. Даже Иисус с апостолами – и те были сербы. Караджич провозгласил культурное единство своей нации в эпоху, когда Кара-Георгий и Милош Обренович[192] – лидеры сербов, живших за границами Монархии, были еще неграмотными крестьянами.

Помимо воспоминаний о прошлом, славу и единство пробудившихся наций подчеркивали творения современных поэтов. Мы, дети более критически настроенной эпохи, вряд ли сумеем понять, каким образом эта наивная, мечтательная поэзия, со всей ее мегаломанией и жаждой славы, могла воспламенять лучшие умы своего времени. Одними из самых характерных продуктов подобной литературы стали произведения словацкого поэта Яна Коллара, который в 1824 г. опубликовал цикл сонетов под названием «Дочь славы». Стихотворения были приняты с таким восторгом, что поэт добавил к циклу несколько новых сонетов. Любовная идиллия дает автору повод увязать индивидуальные ощущения со страстными эмоциональными всплесками на тему прошлого, настоящего и будущего славянских народов. Затем поэт предает анафеме венгров и предателей-немцев и осуждает неправедные деяния, совершенные в отношении словаков. Если бы разные славянские народы были сотворены из металла, пишет Коллар, он бы отлил из них единственную в своем роде статую. Из России вышла бы голова, из Польши – грудь, из Богемии – руки, а из Сербии – ноги. Европа склонилась бы перед таким колоссом. В более поздних сонетах Коллар описывает славянский рай и славянский ад.

Более ста сонетов восхваляют великих святых, героев, королей и духовных лидеров славян. В стольких же сонетах автор клеймит врагов и тех, кто позорит славян, включая в это число кое-кого из соотечественников*. Редкие жемчужины настоящего поэтического порыва тонут в однообразном потоке сухих археологических и исторических фактов, а описания порой скатываются до уровня мелкобуржуазной комедии, как, например, в картине славянского рая, где счастливые дамы пьют небесный кофе, а несчастные преступники в аду ходят по острым иглам… Несмотря на все недостатки, этот жутковатый цикл стал одним из главных стимулирующих факторов эпохи, поскольку представлял собой поэтический реванш за столетия страданий от комплекса неполноценности национальных меньшинств, а победа над этой неполноценностью – хотя бы посредством поэтических тропов – была невиданным доселе наслаждением.

Не только язык, литература и история оказались в состоянии стимулировать национальный энтузиазм современников, но сухие, на первый взгляд, научные исследования. Ученые стремились обнаружить родственные и политические связи между народами Европы. В истории славянских движений особую роль играла идея численного превосходства. Некий французский революционер однажды сумел воодушевить толпу, указав на ее численную силу, когда воскликнул: Numerotéz vous! («Сочтите, сколько вас!») Отдельные славянские лидеры прекрасно понимали, какое чувство безопасности обеспечивает численный перевес тем, кто сражается. Поэтому они часто разыгрывали статистическую карту. Так, например, «Славянская этнография» Павла Шафарика, вышедшая в 1842 г., стала первым систематическим описанием славянских племен и их поселений. По детальным подсчетам ученого, всего в мире насчитывалось 79 миллионов славян, из них 17 миллионов проживали в границах Монархии. Эти изыскания немало способствовали пробуждению национального самосознания у славян и убеждали их в том, что, несмотря на угнетение и неблагоприятные обстоятельства, славянам осталось лишь немного потерпеть, ведь их победа обусловлена чуть ли не биологически.

Помимо уже перечисленных факторов, решающую роль в пробуждении и укреплении национального чувства сыграла своеобраз-

*Подробный разбор стихотворения см.: *Fischel* Op.cit. S. 102 и далее.

ная «боевая идеология» – она призывала формирующиеся нации выступить против своих угнетателей – старых и более могущественных национальных сил. Боевая идеология значительно укрепила национальное сознание и обрела символическое выражение в народной поэзии. Так называемые «песни куруцев»; в них нашли отражение все отчаяние венгров и их ненависть по отношению к немецкому милитаризму и немецким налогам в эпоху, когда национальное чувство, в его современном понимании, еще находилось в зародыше. Вот всего лишь один характерный пример такой поэзии:

Не верь, мадьяр, немцу,
Чем бы ни манил он,
Пусть сулит он грамоту,
Что твой плащ длиною,
Пусть скрепит печатью
С луну величиною.
Веры нет ему ни в чем,
Рази его Господень гром!

С другой стороны, в середине XIX в., когда возник конфликт интересов между венграми и хорватами, хорватская молодежь стала распевать военные песни, направленные против венгерского гнета. В одной из самых типичных для этого периода песен можно встретить такие строки: «Кто рожден славянином, рожден героем. Он должен размахивать славянским флагом, привязать меч и сесть на коня. Смотри, черный дикий татарин напал на нас и ногой попирает наш народ. Отмоем же нашу честь кровью врага. Если каждый из нас снесет по голове, страданиям нашим настанет конец». В этой песне ненависти под татарами, естественно, подразумеваются венгры туранского происхождения.

Наряду с наивными проявлениями народных страданий росту национальных чувств способствовали также журналистика и политическая риторика. Один чешский исследователь уже в 1816 г. обобщил в серии лекций все обиды и жалобы своего народа:

«Разве не пользуются бесчисленными привилегиями немцы, рожденные в этой стране, и те, кто присоединяются к ним? Разве не на немецком языке существуют здесь все высшие науки?... И более того, разве не все видные люди этой страны – богатые и процветающие – родились немцами, или являются иностранцами, или же это те, кто давным-давно отказались от чешского языка и традиций

и могут быть причислены к немцам? Разве та часть народа, что говорит на чешском языке, не живет в презренной бедности и не подвергается угнетению?»*.

Все основные моменты национальной борьбы, история которой растянулась на весь XIX в., четко заявлены здесь как обвинения против немецкого господства. Упражнения в политической риторике дали новый толчок развитию национального самосознания и обострили национальные противоречия. Когда Ференц Деак на заседании Государственного собрания в 1840 г. обвинил хорватов в подготовке панславянского заговора, Гай ответил на обвинения следующей метафорой: «Венгры – остров в славянском океане. Не я создал этот океан и не я поднял на нем волны. Но смотрите, как бы эти волны не сомкнулись над вашими головами и не уничтожили вас!»

Обзор факторов, ускоривших пробуждение наций, был бы неполным, если бы я не упомянул о том, какое огромное влияние на формирование национального сознания оказала «духовная и интеллектуальная помощь из-за рубежа». Доброжелательное отношение к чешской борьбе за независимость со стороны выдающихся французских исследователей (начиная с Киприена Роббера, Сен-Рене Тайлландье, Анри Мартена, Э. Дени и Луи Лежера до Луи Эйзенмана и других) способствовало укреплению чешско-словацкого национального чувства. Точно так же искреннее сочувствие английских историков Генри Стида и Роджера Сетона-Уотсона сделало больше для роста национальных настроений среди угнетенных народов Венгрии, нежели пропаганда их собственных политических лидеров. Яростная филиппика великого норвежского поэта Бьорнстерна Бьорнсона против политики мадьяризации графа Альберта Аппони вызвала в сердцах угнетенных народов бóльшее возмущение, нежели сама политика ассимиляции. В международных отношениях вопрос «престижа» (в силу комплекса неполноценности, преследующего отсталые нации) становится важнее, чем в отношениях межличностных.

Все описанные факторы оказали огромное влияние на обострение национального чувства. Хотя основатели национального движения были правы, полагая, что национальные устремления наро-

**Skene.* Op. cit. S. 136-140

да не должны реализовываться в ущерб другим, но призваны служить общим интересам всего человечества, все национальные обновления в истории оказываются борьбой против других наций. Данный антагонизм между теорией и практикой имеет две причины. Во-первых, любое нарушение национального статус-кво ущемляет прежнюю монополию привилегированных групп, которые отождествляют собственные интересы с интересами страны. Вторая причина состоит в том, что любые национальные устремления – при отсутствии адекватной нейтрализующей политики или четких моральных ограничений – служат прикрытием империалистических тенденций. Все нации, изначально стремящиеся к равенству, впоследствии превращаются в борцов за господство, превращаются из угнетенных в угнетателей. Столкновение двух этих тенденций и разрушило Габсбургскую монархию. Привилегированные нации слепо сопротивлялись новым силам, а те, кто прежде подвергался угнетению, выступили с завышенными требованиями, став достаточно сильными, чтобы повернуть ситуацию в свою пользу. Они стремились уже не к равенству, но к господству над бывшими угнетателями. За распадом Монархии стоял глубокий моральный кризис, избежать которого можно было лишь путем внедрения гражданского воспитания, в высшем смысле этого слова. Отсутствие такого воспитания обрекало Монархию на гибель. Динамика этого процесса будет описана в следующей главе.

Часть пятая

ДИНАМИКА ЦЕНТРОБЕЖНЫХ СИЛ

I. Национальная структура и немецко-венгерская гегемония

Как мы неоднократно подчеркивали, политические баталии на протяжении последних пятидесяти лет существования Габсбургской монархии в основном определял Компромисс, закрепленный в дуалистической конституции 1867 г., суть которой сводилась к политическому доминированию немцев в Австрии и венгров в Венгрии. С одной стороны, – «королевства и страны, представленные в австрийском парламенте, Рейхсрате», семнадцать «коронных земель» (*Kronland*) под властью немцев, с другой – «страны священной Венгерской короны», куда, помимо непосредственно Венгрии, входили Хорватия и Славония как присоединенные страны, а также город и округ Фиуме [современная хорватская Риека] как «отдельное образование» (*Separatum Corpus*) в Короне Святого Иштвана. Далее мы еще остановимся на этой странной политической структуре и ее роковых последствиях.

Все это важно еще и потому, что процесс национального пробуждения, описанный мной в последней главе предыдущей части, сам по себе не выражал центробежную тенденцию, но лишь представлял стремление каждой нации развивать собственное национальное бытование и культуру. Эти усилия обрели центробежный характер исключительно в силу того, что все ненемецкие и невенгерские нации Монархии ощущали немецко-венгерскую гегемонию как тяжкое бремя. Среди них росло убеждение, что под гнетом такого бремени они не смогут создать те экономические, интеллектуальные и нравственные ценности, которые считали своим национальным правом. Борьбу против немецко-венгерской гегемонии – как мы увидим подробнее – осложняли конфликты между так называемыми «угнетен-

ными нациями», но еще опаснее был тот факт, что две титульные нации и сами нападали друг на друга со все большим ожесточением.

Любой объективный наблюдатель мог также заметить, как борьба за национальную независимость с ее растущей интенсивностью демонстрировала в Австрии и Венгрии совершенно противоположные тенденции: в Австрии политика двигалась явно в сторону национального выравнивания и федерализации, тогда как в Венгрии – по крайней мере, на первый взгляд, дело шло к образованию унитарного, моноязычного венгерского национального государства, где руководящей и регулирующей силой могла быть признана только одна политическая нация. Таким образом, в ходе дальнейшего разбора мы должны совершенно разделять анализ национальной борьбы в Австрии и Венгрии. Однако прежде чем начать исследование двух непохожих процессов, я хотел бы указать на ряд фактов, способных пролить свет на саму природу немецко-венгерской гегемонии.

Прежде всего, не вызывает сомнений, что дуалистическая конституция не возникла на пустом месте и не была придумана Бойстом и Деаком в ходе заключения Компромисса 1867 г. для угнетения других народов. Эта конституция лишь юридически зафиксировала сложившуюся за несколько веков историческую ситуацию, признав тот факт, что австрийская часть Монархии представляла собой довольно механистический агломерат стран и провинций, полностью завоеванных и объединенных под властью Габсбургов и лишенных прежней конституционной независимости; тогда как венгерская половина была относительно независимой страной на протяжении тысячи лет со своей феодальной конституцией, которая успешно сдерживала – путем пассивного сопротивления или вооруженных выступлений – попытки Габсбургов присоединить и германизировать венгерские территории. В то же время это означало, что Габсбурги были не в состоянии включить Венгрию в унифицированную систему принадлежавших им стран и территорий и свести ее положение к роли одной из «земель Короны». Данная ситуация обрела почти символическое выражение в войне 1848–1849 гг. между Венгрией и Габсбургами, когда последним удалось подавить венгерское «восстание» только с помощью русского царя. Ход войны ясно показал, что между Австрией и Венгрией, точнее, между Габсбургами и Венгрией существует некое равновесие сил. В 1867 г. император просто признал этот

факт в новой правовой форме. Унифицирующий абсолютизм капитулировал перед венгерской «конституцией и независимостью».

С другой стороны, очевидно и то, что дуалистическая конституция исходила отнюдь не из этнографического распределения народов и наций на территории Монархии и не из количественных характеристик. Для получения адекватного представления об этническом составе Монархии необходимо рассмотреть каждую конституционную единицу в отдельности. Непосредственно Австрия, Венгрия, Хорватия и Славония, а также последние завоевание Габсбургов – Босния и Герцеговина (загадочные конституционные единицы, которые, строго говоря, не относились ни к Австрии, ни к Венгрии), с исторической и административной точек зрения были отдельными образованиями, внутри которых динамика развития национальных сил проявлялась в разных формах.

Национальный состав Австрии показан в следующей таблице (для упрощения расчетов мы округлили цифры). Таблица IV ясно демонстрирует, что в австрийской части Монархии доминирующий немецкий элемент составлял всего 35,58%, и ему противостояло значительное славянское большинство (60,65%). Округлив показатели, можно сказать, что в Австрии 10 миллионов немцев жили бок о бок с 18 миллионами представителей не германских национальностей.

Гегемонии немцев угрожал еще и тот факт, что они присутствовали по всей империи в качестве колонизирующего элемента, но не имели устойчивого этнографического центра, откуда могли бы распространять свое экономическое и культурное

Таблица IV

Нации	*Общая численность, в тыс. человек*	*В процентах к общей численности населения*
1. Немцы	9 950 000	35,58
2. Чехо-моравы, словаки	6 436 000	23,02
3. Поляки	4 968 000	17,77
4. Русины	3 519 000	12,58
5. Словенцы	1 253 000	4,48
6. Сербохорваты	788 000	2,80
7. Итальянцы–ладины	768 000	2,75
8. Румыны	275 000	0,98
9. Венгры	11 000	0,04

влияние. В отдельных провинциях абсолютное большинство составляли совершенно разные нации: (1) немцы – в Зальцбурге (99,73), Верхней Австрии (99,70%), Нижней Австрии (95,91%), Форарльберге (95,36%), Каринтии (78,61%), Штирии (70,50), Тироле (57,31%); (2) чехи, моравы и словаки – в Моравии (71,75%), Богемии (63,19%); (3) поляки – в Галиции (58,55%); (4) словенцы – в Карниоле (Крайне) (94,36%), Гёрце и Градиске (61,85%); (5) сербохорваты в Далмации (96,19%); (6) итальянцы- ладины – в Триесте (96,19%).

Национальный партикуляризм обострялся за счет существования трех провинций, где доминирующие нации составляли лишь относительна большинство. Так обстояли дела с (1) немцами в Силезии (43,90%), (2) русинами в Буковине (38,92%) и (3) сербохорватами в Истрии (43,52%).

В целом в Австрии было всего шесть провинций, которые можно было бы назвать этнически однородными: немецкие – Нижняя и Верхняя Австрия, Зальцбург, Форарльберг, словенская Крайна и сербохорватская Далмация. Немецкую гегемонию ограничивало еще и то, что национальные меньшинства часто жили не отдельными поселениями, но были разбросаны в составе смешанного населения по различным районам, городам и общинам, и это служило серьезным препятствием для образования однородных административных единиц. Так, например, в Каринтии словенцы селились в самой глубине немецких регионов. Буковина представляла собой подобие этнографического музея, где рядом с двумя главными нациями жили немцы, евреи, поляки, венгры, словаки и липованы*; причем они не всегда были рассеяны по городам, но порой проживали в закрытых поселениях. Чисто немецкие деревни соседствовали с деревнями, где жили одни венгры.

Гегемонии немцев угрожали еще два фактора. Первый – исторический: немцам противостояли народы с исключительно развитым национальным сознанием; чехи, итальянцы и поляки вдохновлялись куда более позитивной концепцией государства, нежели австро-немцы, которые со своей двуличной политикой не могли выбрать между концепцией Великой Германии и Великой Австрии.

* Или липованцы – русские раскольники или старообрядцы. – *Прим. переводчика.*

Другим фактором было неудачное географическое устройство Австрии. Наш экономический обзор убедительно показал, насколько несостоятельной была теория о географическом единстве Монархии (особенно активно австро-немецкая сторона защищала эту теорию во время Первой мировой войны). Правда состояла в том, что в состав Монархии входили различные горные и речные системы, никак не органически не связанные с Веной. Так, у Галиции и Буковины, например, не было реальной связи с другими частями Монархии. Тироль клином заходил в швейцарские горы, а Верхняя Австрия с полным правом могла принадлежать и Баварии. Если бы Венгрия стала настоящей органической частью империи, определенное единство могло бы возникнуть. Но Венгрия, по мнению французского географа и социолога Элизе Реклю и других специалистов, сама представляла собой уникальную закрытую географическую зону, историческое сознание и конституционная надстройка которой были жестко противопоставлены австрийскому государству. С такой «центробежной» Венгрией за спиной Австрия была подобна вееру с одной периферией – без центра.

Этнографическая и географическая основы гегемонии венгров в странах венгерской короны были во многих отношениях совершенно иными. Изучая эти условия, мы должны разделять Венгрию и Хорватию–Славонию, так как последняя обладала четкой территориальной автономией. Согласно переписи населения 1910 г., этнически Венгрия выглядела следующим образом (см. таблицу V).

Защитники национальных меньшинств часто критиковали результаты официальной венгерской статистики, полагая, будто чис-

Таблица V

Нации	*Общая численность, в тыс. человек*	*В процентах к общей численности населения*
1. Венгры	9 945 000	54,5
2. Румыны	2 948 000	16,1
3. Словаки	1 946 000	10,7
4. Немцы	1 903 000	10,4
5. Сербы	462 000	2,5
6. Русины	464 000	2,5
7. Хорваты	195 000	1,1
8. Другие народы	401 000	2,2

ленное превосходство венгров существовало только на бумаге и объяснялось, с одной стороны, давлением и приписками административных органов, а с другой – поверхностной ассимиляцией евреев* и ренегатов из других национальных групп, которые в массовом порядке записывались венграми, чтобы разделить с титульной нацией преимущества ее доминирующего положения. Подобная критика не была совсем уж лишена оснований, однако детальный анализ процесса ассимиляции в Венгрии привел меня к выводу (изложенному в книге, процитированной ранее), что данные таблицы V можно рассматривать как более или менее адекватное описание ситуации. В самом осторожном приближении мы можем принять как факт то, что венгры составляли в предвоенной Венгрии (без Хорватии–Славонии) небольшое, но все-таки абсолютное большинство. Вывод этот тем более важен, что при заключении Компромисса 1867 г. венгры составляли всего 44,4% от всего населения страны. Мадьяризация страны значительно продвинулась вперед. Ни один честный наблюдатель не посмел бы утверждать, будто искусственная политическая ассимиляция, о которой речь пойдет ниже, была незначительным фактором. Тем не менее, на усиление венгерской гегемонии решающее воздействие оказали куда более значимые и естественные причины. Позволю себе кратко перечислить их:

1. Природное единство Карпатского бассейна в пространстве между двумя реками, обеспечившими естественное разделение труда между горными окраинами и Венгерской равниной.

2. Венгры населяли более богатые равнинные районы страны и, занимая центральное положение, выглядели привлекательно для окружающих народов. В то же самое время развивающийся капитализм закрепил это положение, поскольку ведущие буржуазные элементы были тесно связаны с венгерским правительством. Эти и другие причины вместе привели к тому, что население венгерских городов (где венгры составляли большинство) выросло в шесть раз по сравнению с концом XVIII в., тогда как в городах с невенгерским большинством количество жителей за аналогичный период лишь удвоилось.

*Согласно той же переписи, в Венгрии проживали 911 000 евреев, то есть 5% от всего населения. Таким образом, если бы евреев рассматривали как отдельную национальность, венгры бы перестали считаться большинством.

3. Культурная и интеллектуальная дистанция между венграми и другими нациями, населявшими страну, была куда больше, нежели разрыв между австрийскими немцами и их развитыми соседями – чехами, итальянцами и поляками, например. Большая часть народов, живших в Венгрии, таких как румыны, русины и восточные словаки, едва очнулись от крепостного оцепенения, тогда как более развитые немецкие меньшинства (прежде всего, трансильванские саксы) были более склонны сближаться с венграми ради обретения определенных культурных или политических привилегий по сравнению с другими народностями.

4. Если в Австрии эволюция капитализма привела к серьезному классовому расслоению внутри правящей немецкой нации и в то же время послужила толчком к формированию среднего класса из представителей других народностей, в Венгрии этот процесс только начинался; страна оставалась главным образом аграрной, и промышленное развитие страны – даже на момент распада Монархии – вряд ли было сравнимо с тем уровнем, которого достигла Австрия в восьмидесятые годы XIX в. Таким образом, политическое единство исторически сложившегося общества оставалось неразрывным, а ведущая роль феодальных классов, подогреваемая идеологией мадьяризации и национального объединения, – неоспоримой.

5. Однако самым важным фактором было отсутствие в Венгрии коронных провинций, которые могли бы подпитывать партикуляристские устремления отдельных народов. Партикуляризм комитатов, о котором мы уже говорили, был не национальным, но исключительно административным. Комитаты были полностью подконтрольны состоятельному местному дворянству, которое почти целиком состояло из венгров или мадьяризированных представителей других народов. Феодальные элементы яростно противились любым попыткам невенгерского крестьянства самоорганизоваться на национальной почве; дворяне прекрасно понимали, что национальное освобождение крестьянских масс будет означать их социальное и политическое освобождение. Естественным следствием данной ситуации стало то, что практически до момента распада империи в Венгрии не было ни одного национального меньшинства, нацеленного на создание собственного национального государства – как это было в случае с чехами, поляками или итальянцами в Австрии.

Временное господство венгров было ослаблено тем, что в трех важнейших регионах страны большинство составляли невенгры. На территории дунайского левобережья 58,8% населения составляли словаки, в Трансильвании 55% жителей были румыны, а в регионе Тиса–Марош румыны также составляли относительное большинство – 39,5% от всего населения. Кроме того, мелкое венгерское крестьянство, по сравнению с невенгерскими крестьянами, испытывало более сильный гнет со стороны латифундистов, – и в этом была еще одна роковая черта венгерской гегемонии.

Еще менее обоснованной представляется численная основа венгерского превосходства, если учесть тот факт, что этнические поселения были рассыпаны по территории Венгрии так же мозаично, как и в Австрии. Венгерские, немецкие, румынские и сербские деревни зачастую располагались по соседству. В подобных случаях основной закон ассимиляции действовал аналогично процессам, происходящим в море, которые, в длительной перспективе определяют этнический состав населения островов. В крупных центрах компактного проживания той или иной народности более мелкие этнические анклавы исчезали в волнах этого моря. Венгры, как самая интеллектуально продвинутая и пролетаризированная группа в стране, устремились в крупные города и подвергли их мадьяризации. С другой стороны, в небольших деревнях тех районов, где население было преимущественно невенгерским, наблюдалась противоположная тенденция.

Численное превосходство венгров выглядит еще более сомнительным, если рассматривать всю территорию Венгерского королевства с учетом этнического состава Хорватии–Славонии. В отличие от этнического калейдоскопа, характерного для Австрии и Венгрии, население этого региона было практически гомогенным. Из 2 622 000 жителей страны 2 283 000 составляли сербохорваты, то есть 87,1% населения. По сравнению с таким большинством роль немцев (5,1%) и венгров (4,1%) была незначительной, тем более что немцы преимущественно селились в городах, а среди венгров значительную часть контингента составляли чиновники или рабочие, присланные из Будапешта. Таким образом, если рассматривать Венгерское королевство в целом, то есть саму Венгрию и Хорватию–Словению, читатель легко увидит, что доминирующий венгерский элемент составлял

на указанной территории меньшинство, подобно немцам в Австрии. Десять миллионов венгров составляли всего 48,1% от всего населения; бок о бок с ними проживали 10 800 000 представителей других народов.

Не будем также забывать, что из 1 932 000 человек, населявших Боснию–Герцеговину, 1 823 000, или 96% всего населения составляли сербохорваты. Таким образом, обе доминирующие нации – и немцы, и венгры, – находились в меньшинстве по отношению к остальным народам. Объединив основные этнические группы, населявшие Австро-Венгерскую империю, мы получим цифры, представленные в таблице VI, где они даны в процентах от общей численности населения Монархии (51 355 000 человек).

Из таблицы VI следует, что две главенствующие нации – немцы и венгры – вместе насчитывали 22 131 000 человек, то есть 48,09% от всего населения империи, тогда как представители других народов составляли большинство – 29 223 00 человек (56,91%).

При такой ситуации дуалистическая конституция, основанная на немецко-венгерской гегемонии, была обречена рано или поздно вступить в противоречие с волей значительного большинства народов. Несмотря на это, конституция удерживала свои позиции на протяжении полувека, и мы не можем отрицать значительный вклад, который она внесла в материальное и культурное развитие Монархии. Таким образом, любой, кто не является наивным почитателем теории насилия, вынужден будет признать, что немецко-венгерская политическая гегемония, не обусловленная численным превосходством, очевидно, имела иные существенные основания. В своих рассуждениях я уже не раз ссылался на эти факторы. Австрийская часть империи была результатом немецкой колонизации, и культура, в рамках которой объедини-

Таблица VI

Нации	*Общая численность, в тыс.человек*	*В процентах к общей численности населения*
1. Немцы	12 011 000	23,38
2. Венгры	10 120 000	19,17
3. Румыны	3 222 000	6,27
4. Славяне	23 416 000	45,59
5. Прочие	2 585 0000	5,05

лись экономика, управленческий аппарат и армия данного региона, была, в первую очередь, немецкой культурой. Аналогичным образом в капиталистическую эпоху представители нового лидирующего в экономике класса – класса буржуазии, были по большей части, немецко-еврейского происхождения. В венгерской половине Монархии мы наблюдаем схожую ситуацию. Структура крупного феодального землевладения, определявшая ход политической и общественной жизни, опиралась на венгерское дворянство и полностью ассимилированных представителей средних слоев и невенгерского дворянства, воспринявших традиции и идеологию венгерской аристократии*.

Поразительные факты, касающиеся экономической и культурной жизни, позволяют продемонстрировать, что недавняя немецко-венгерская гегемония сохраняла свою значимость до самого распада Габсбургской монархии. Приведу лишь некоторые разрозненные факты, чтобы читатель смог получить представление о природе этой гегемонии. Начнем с Австрии. За первое десятилетие XX в. немцы, составлявшие 35,58% от населения, обеспечили 63% прямых налоговых поступлений. Немец платил в среднем в два раза больше налогов, чем чех или итальянец, в четыре с половиной раза больше, чем поляк, и в семь раз больше, нежели представитель южных славян**.

Аналогичный перевес в сторону немцев виден в таблице VII, где приведены данные о количестве учебных заведений в конце XIX в. Еще больше впечатляет этническое распределение чиновников в таблице VIII.

Подробная статистика по национальному составу офицеров опубликована не была, тем не менее, без всякого сомнения можно утверждать, что даже в 1910 г., как минимум 85% всех офицеров составляли немцы. Этот факт важен еще и потому, что, согласно официальным данным на 1900 год, в объединенной армии солдатскую службу несли 400 тысяч славян, 227 тысяч немцев, 220 тысяч венгров, 48 тысяч румын и 14 тысяч итальянцев.

*До принятия конституции в Венгрии было около 550 тысяч дворян, из них 466 тысяч венгров, 58 тысяч немцев и 21 тысяча румын. Вопрос о «национальной» миссии дворянства вновь поднял Дюла Секфю в своей книге «Три поколения» (*Szekfü Gy.* Három nemzedéke. Budapest, 1920).

***Rauchberg H.* Die Bedeutung der Deutschen in Österreich. Dresden, 1908.

Таблица VII

Национальная принадлежность	*Население*	*Количество университетов*	*Количество средних школ*
Немцы	9 000 000	5	180
Чехи	6 000 000	1	83
Поляки	4 200 000	2	35
Русины	3 400 000	0	3
Словенцы	1 200 000	0	0
Сербохорваты	700 000	0	6
Итальянцы	700 000	0	8
Румыны	230 000	0	0

Таблица VIII

Национальная принадлежность	*На 1000 граждан Австрии*	*На 1000 чиновников*
Немцы	357	479 (+122)
Чехи	232	232
Поляки	165	125 (–40)
Русины	132	29 (–103)
Словенцы	46	32 (–14)
Сербохорваты	27	12 (–15)
Итальянцы	28	35 (+7)
Румыны	9	4 (-5)

Не менее любопытными кажутся результаты статистической выкладки по профессиональным группам и должностям, приведенные в таблице IX. Из нее видно, что в торговле и промышленности немцы были активнее представителей других народов Монархии, и это объясняет их экономическое лидерство. В то же время приведенные цифры подтверждают вывод о том, что национальное сознание растет прямо пропорционально индустриализации и коммерциализации конкретного народа.

Не составило бы труда продемонстрировать экономическое и культурное превосходство немцев и в других областях. Однако приведенные примеры ясно показывают, до какой степени немецким государством была Австрия в период абсолютизма, если даже по

Таблица IX

Национальная принадлежность	Род занятий *(на 1000 чел.)*			
	Сельское и лесное хозяйство	*Промышленность*	*Торговля и перевозки*	*Умственный труд*
Немцы	335	383	134	148
Чехи	431	365	93	111
Поляки	656	148	112	84
Русины	933	25	17	25
Сербохорваты	869	46	38	47
Словенцы	754	134	35	77
Итальянцы	501	234	127	138
Румыны	903	27	25	45

Таблица X

Национальности	*Процент в составе городского населения*
Венгры	76,6
Немцы	9,7
Словаки	4,3
Румыны	3,6
Русины	0,1
Хорваты	0,5
Сербы	2,3
Прочие национальности	2,9

прошествии более ста лет борьбы империя сохраняла свою немецкую сущность.

Еще больше впечатляют масштабы экономического и культурного доминирования мадьяр на территории самой Венгрии. Ограничусь лишь несколькими примерами. Из городов и крупных деревень с населением более 10 000 человек в 80 городах большинство населения составляли венгры, в девяти – немцы, в восьми – и словаки, в шести – сербы и в двух городах – румыны. Это означает, что 76,09% всего городского населения составляли венгры. К такому же выводу можно прийти, если рассмотрим этнический состав городов. В таблице X по-

Таблица XI

Профессии	*Процент венгров*
Государственные чиновники	95,6
Комитатские чиновники	92,9
Судьи и прокуроры	96,8
Юристы (адвокаты)	89,1
Священнослужители	63,7
Учителя начальной школы	81,9
Учителя средней школы	91,5
Преподаватели университетов и высших учебных заведений	93,4
Врачи	89,1

казано, какой процент ко всему городскому населению составляли представители разных этнических групп.

Понимая, какая тесная связь существует между ростом городов и духом культуры и демократии, мы можем прийти к выводу, что распределение интеллектуальных и материальных ресурсов в прежней Венгрии примерно совпадало с приведенными выше показателями. Другие факты только подтверждают данную гипотезу.

Какое место среди работников умственного труда занимали венгры, можно видеть в таблице XI (данные на 1914 год).

Приблизительно такое же соотношение наблюдается среди студентов средних и высших учебных заведений.

Таблица XII

Национальности	*Процент среди выпускников средних учебных заведений*
Венгры	82,0
Немцы	7,8
Словаки	2,1
Румыны	5,7
Русины	0,1
Хорваты	0,2
Сербы	1,6
Прочие национальности	0,5

В таблице XII показано, какой процент составляли представители разных национальностей среди выпускников средней школы или аналогичных учебных заведений в 1913 году.

В первом полугодии 1913/14 учебного года венгры составляли 89,2% от числа студентов университетов и других высших учебных заведений.

Не менее очевидным было превосходство венгров в хозяйственной жизни страны. Если среди независимых ремесленников, работавших без подмастерьев, процент венгров примерно соотносился с тем, какой процент они составляли от всего населения, то в случае с более преуспевающими мастерами, которые нанимали работников, доля венгров возрастала до 71%. В целом, чем больше было предприятие, тем ярче проявлялся его венгерский характер.

Согласно переписи 1910 года, из 2884 владельцев предприятий с количеством работников более двадцати 2228 были венгероговорящими. Из 1657 владельцев земельных участков площадью свыше 1000 хольдов (1420 акров) венгров было 1515. Что касается руководителей более крупных промышленных предприятий, то здесь венгры составляли 83%, а среди квалифицированных рабочих их было 63%.

Сравнивая суммы налогов, выплаченных в 1907 году венгерскими регионами, с тем, что было получено в регионах, где большинство населения составляли представители других народов, обна-

Таблица XIII

Типы газет	Язык				
	Венгерский	*Немецкий*	*Словацкий*	*Румынский*	*Русинский*
Политические	248	50	5	17	0
Местная пресса	287	38	1	4	0
Литературные	50	4	2	5	0
Технические	771	55	3	18	1
Прочие	21	3	0	0	0
Всего	1377	150	11	44	1
в процентах	80,07	8,79	0,64	2,58	0,06

ружим, что сумма, полученная с венгерских комитатов, достигает 101 миллиона крон, тогда как невенгерские комитаты принесли в казну всего 81 миллион. Один только Будапешт обеспечивал уплату прямого государственного налога, по сумме равную налогам, собранным со всей Трансильвании и дунайского левобережья (взятые вместе эти два региона составляли бóльшую часть невенгерской территории).

Дабы не перегружать читателя излишними данными, хотел бы обратить внимание на еще один характерный момент. В таблице XIII приводятся данные по газетам и периодическим изданиям, выходившим в 1909 году на разных языках народов Монархии.

В связи с этими цифрами интересно отметить, что из девяноста четырех библиотек прежней Венгрии, насчитывавших десять тысяч единиц хранения, восемьдесят пять библиотек были венгерскими, шесть – немецкими, две – сербскими и одна – румынской.

Эти и подобные им факты позволяют понять, что в действительности составляло основу венгерской и немецкой гегемонии. Ни один честный наблюдатель не станет делать вид, будто все эти факты явились результатом естественного развития общественных сил. Нет никакого сомнения в том, что политическая система и государственная администрация также оказали определенное влияние на ситуацию. Очевидно также и то, что гегемония не была искусственной и базировалась не только на силе, но стала продуктом длительной исторической эволюции, движущими силами которой, с одной стороны, стали немецкая династия, бюрократия, милитаризм и капитализм, а с другой стороны – венгерский феодализм и финансовый капитал.

Борьба остальных народов была направлена против экономической и культурной монополии доминирующих наций. Достичь этого можно было лишь путем преобразования всей старой политической структуры.

II. Основные тенденции борьбы за национальную независимость в Австрии: движение в сторону равноправия наций

Более полувека на территории Австрии с нарастающим ожесточением и яростью шла борьба, которая нередко приводила к парламентской обструкции парламента и законодательных собраний, уличным выступлениям, политическим преследованиям их участников, военной осаде и тюремному заключению, принимая порой формы затянувшейся гражданской войны. Так, например, в 1895 г. правительство графа Бадени положило конец абсолютистскому чешскому правлению в Богемии. За два года действия этого режима было закрыто 7 журналов, распущено 17 объединений, 24 газеты стали объектом ежедневной цензуры. Перед чрезвычайными судами предстали 179 обвиняемых, которые были приговорены в общей сложности к 278 годам лишения свободы*.

По своей глубинной сути это была борьба двух антагонистических принципов, двух мировоззрений. С одной стороны, свою позицию отстаивали власть имущие (*beati possidentes*, по выражению Бисмарка) – они стремились сохранить исторический характер государства, централизованной бюрократической империи под властью немецкой гегемонии. Оппозицию им составляли те, кто был лишен контролирующей власти, угнетенные или так называемые второразрядные нации, Их целью было превратить прежнюю Австрию в децентрализованное многонациональное государство, или в подобие конфедерации равноправных народов. Централизация в условиях немецкой гегемонии или федерализм, осознающий наличие славянского большинства и готовый дать этому большинству возможность волеизъявления – две эти антагонистические концепции легли в основу бесконечных конфликтов на национальной почве, сотрясавших Австрию.

Приведенное выше утверждение, безусловно, представляется чересчур абстрактным и схематичным. Народные массы и их лидеры

*Charmatz R. Österreichs äussere und innere Politik von 1895 bis 1914. Leipzig u. Berlin, 1918, S. 20–21.

зачастую не вполне осознавали природу и цели своей борьбы, ведь в политике противники исходят не столько из принципов, сколько из конфликта сиюминутных интересов. Вполне очевидно, что немцы, традиционно грезившие о мировой немецкой империи, или чехи с их воспоминаниями о блестящей эпохе гуситов и недвусмысленным желанием восстановить единство Короны Вацлава, или польская шляхта, видевшая в Польше «Христа народов» и лелеявшая мечту об империи Ягелло, раскинувшейся от моря до моря, или итальянцы, нацеленные на окончательное завершение итальянской ирредены, исповедовали совсем иные политические идеи и располагали совершенно иными средствами для их осуществления, нежели русинские, румынские или словенские крестьяне с их недоразвитым историческим сознанием и незначительной социальной дифференциацией.

Нации радикально отличались друг от друга по своему мировоззрению и национальному сознанию, но даже внутри одной нации идеология борьбы принимала изменчивую окраску, в зависимости от того, какие классы выходили на арену политической жизни. Так, в сознании исторического дворянства национальная проблема воспринималась, в первую очередь, как стремление корон сохранить определенный образ жизни и исторические привилегии своих стран в условиях собственной политической гегемонии. Для буржуазии и, особенно, для интеллигенции национальный вопрос был, прежде всего, связан с возможностью занимать административные посты и пользоваться экономическими преимуществами, связанными с властью. В их представлении борьба за национальные права была аналогична требованиям, чтобы все административные посты, крупные и мелкие, занимали не иностранцы, а представители национальной интеллигенции, а «национальная» промышленность и торговля получали государственные заказы и пользовались транспортными возможностями и налоговыми послаблениями со стороны государства. Поскольку борьба народов «второго ряда», по сути, была направлена против лидирующей немецкой бюрократии и буржуазии, правящие классы, вполне естественно, реагировали на агрессивный национализм пробуждающихся наций защитными проявлениями националистического характера. «Сохранение немецкого духа» в отдельных городах и регионах стало лозунгом массовых народных движений. За так называемой «борьбой за национальное самоопределение» нередко стояли финансовые интересы личного характера, как

это убедительно продемонстрировало знаменитое дело Кестранека, когда упомянутый господин, руководитель крупного немецкого промышленного концерна, дал в пражском суде показания о том, что один министр и другие влиятельные чиновники пытались оказать давление на его предприятие, угрожая применением антитрестовского законодательства, снижением пошлин на железо и прочими экономическими санкциями исключительно с целью заставить промышленника поставлять дешевое сырье для завода по производству крепежных изделий, строительство которого планировал депутат парламента – чех по национальности*.

Совершенно иначе относились к этому вопросу представители мелкой буржуазии. В их глазах национальная борьба была, прежде всего, «борьбой за покупателя» – попыткой обеспечить свои лавки, гостиницы и кустарные предприятия местной клиентурой. Когда же вследствие очередного расширения доступа к избирательному праву в политическую жизнь пришли мелкие предприниматели и ремесленники, национальная борьба приобрела отчетливо демагогический уклон. За призывами о «сохранении национального духа» или «возвращении исконных территорий» скрывались классовые интересы мелкой буржуазии. Накаленная атмосфера спровоцировала появление многочисленных «национально-культурных ассоциаций» для «защиты и укрепления» национальных позиций, оказавшихся вдруг под угрозой. Такие организации обеспечивали социальный статус и, зачастую, доходные посты мелкобуржуазным лидерам. Последние были заинтересованы в поддержании накала борьбы среди своих соотечественников, развивая у них нечто похожее на комплекс страха, вызванного национальной агрессией. По мере укрепления капитализма и развития промышленной миграции избыточного населения из деревень в крупные индустриальные центры, где стали возникать серьезные анклавы представителей разных национальностей, что, в свою очередь, потребовало создания национальных школ и органов управления, этот комплекс страха перерос в панический ужас: любое объединение нацменьшинств воспринималось как политический заговор, проявление «панславизма» или как опасная интрига. Неожиданным

* Аналогичные любопытные факты можно найти в работе Пауля Самассы: *Samassa P.* Der Völkerstreit im Habsburgerstaat. Leipzig, 1910. S. 58.

доказательством того, насколько преувеличенными и ожесточенными были тогдашние общественные настроения, может служить тот факт, что в течение последних десятилетий XIX в. венские сторонники пангерманизма всерьез опасались славянизации имперской столицы. Слушая только речи политиков и демагогические разглагольствования в национально-культурных объединениях, становясь частым свидетелем уличных демонстраций и кровавых потасовок между студентами и читая яростные статьи в ведущих газетах, поверхностный наблюдатель мог подумать, будто одна нация вот-вот уничтожит другую, или, как минимум, подорвет ее позиции. Правда состояла в совершенно обратном. Все эти бурные политические выступления и беспорядки едва затрагивали основную массу народа; представители обеих наций мирно трудились бок о бок, а традиционные национальные поселения не подвергались практически никаким изменениям. В ситуации с чехами и немцами, например, где так называемая «национальная борьба» носила самый ожесточенный характер, обстоятельные исследования профессора Хайнриха Раухберга показали, что после пятидесяти лет ожесточенных сражений соотношение национальных сил практически не изменилось*.

Существенно отличное от прочих отношение к национальной проблеме было и у крестьян. Конституционализм, равно как и перспективы экономической и административной монополии были чужды их примитивному уровню жизни, однако в регионах, где крупные помещики – представители иностранного дворянства препятствовали культурному и экономическому развитию крестьян, куда более значимой становился земельный вопрос. Таким образом, для простых земледельцев борьба за национальное самоопределение означала стремление избавиться от феодальной системы, насаждаемой иностранцами, и присвоить землю себе. Кроме того, с расширением транспортных возможностей и ростом рыночной экономики крестьянские массы тоже начали испытывать потребность в развитии народного образования и управления на родном языке.

И наконец, появление в экономической жизни и политической борьбе класса промышленных рабочих придало национальному

**Rauchberg H.* Der Nationale Besitzstand in Böhmen. Leipzig, 1905. Bd.I., S. 662.

вопросу новые смыслы и акценты. До поры до времени промышленный пролетариат не проявлял особого интереса к борьбе феодальных королевств и попыткам буржуазии занять административные посты и получить экономические преимущества. Все эти конфликты не просто оставляли пролетариев равнодушными, но и раздражали их; рабочим казалось, что борьба за национальное самоопределение была для среднего класса чем-то вроде «маскирующей идеологии», как ее тогда называли: мол, буржуазия специально заостряет национальный вопрос, чтобы отвлечь народные массы от экономических и культурных проблем*. Такая точка зрения не была лишена оснований, однако по мере того, как рабочие стали принимать все более активное участие в культурной и политической жизни своих стран, они стали все глубже осознавать, что национальный вопрос – всего лишь оборотная сторона социального вопроса, и если его не разрешить, освобождения не добьешься. И поскольку во многих случаях пролетариям противостояли работодатели, говорившие на чужом языке (особенно это касалось немцев и евреев), классовый антагонизм нередко принимал форму антагонизма национального. Отто Бауэр был до определенной степени прав, утверждая, что «национальная ненависть есть лишь видоизмененная классовая ненависть».

Тем не менее, какие бы оригинальные формы ни принимала борьба за национальное самоопределение у разных народов и отдельных классов, суть процесса в целом никаких сомнений не вызывает. Повсюду мы наблюдаем одну и ту же тенденцию: каждая нация стремилась сохранить свою индивидуальность и пыталась развивать свои экономические, культурные и политические силы с целью добиться для себя *оптимальной* ситуации, достижимой в данных условиях. В качестве базового отличия такой борьбы барон Этвеш выделял то, что каждая нация считает свое бытие, собственную культурную и историческую концепцию более ценными и ставит их выше аналогичных концепций, выработанных другими нациями. Я склонен подвергнуть сомнению справедливость данного утверждения. По крайней мере, возникает вопрос: можно ли счи-

*Политическую значимость подобных теорий демонстрирует Пал Сенде: *Szende P.* Enthüllung und Verhüllung: Der Kampf der Ideologien in der Geschichte // Archiv für Geschichte des Sozialismus, 1922.

тать национальную идею истинным источником империалистических тенденций в национализме, или же корни подобных тенденций кроются в монополистических интересах отдельных групп, далеких от изначальной концепции национальных целей. Как бы то ни было, борьба народов Австрии за независимость показывает: программы и цели национальных выступлений постоянно меняются, а их конечной задачей является если и не доминирование, как полагал Этвеш, то, по крайней мере, равноправие. В долгосрочной перспективе нации, подобно людям, не могут допустить, чтобы к ним относились как к низшим существам. Самая скромная нация – пользуясь выражением Наполеона – носит в своем ранце маршальский жезл, мысль об идеальной национальной независимости.

Именно поэтому случайные преимущества и временные реформы не могли принести народам удовлетворение. Напряжение в связи с национальным вопросом в Австрии росло прямо пропорционально тому, как разные народы набирали силу в экономике и обретали политические и культурные права. Вне всяких сомнений, беднейшие народы Австрии в реальной жизни обладали большим количеством прав и привилегий, нежели самые многочисленные невенгерские национальные группы в Венгрии. Несмотря на это, не слишком внимательный наблюдатель мог вполне поверить, будто в Венгрии никакой национальной проблемы нет, тогда как в Австрии эта проблема вызывает кризис за кризисом. Каким бы парадоксом это ни казалось, можно без преувеличения сказать: *чем больше запросов удовлетворялось, тем более угнетенными ощущали себя народы.* Так, например, в Чехии борьба за независимость обострилась именно в те годы, когда в стране удалось выстроить собственную систему образования от начальных школ до университетов, а сами чехи стали занимать высокие посты в органах законодательной и исполнительной власти. Чем чаще немецкой нации как бывшему гегемону приходилось занимать оборонительную позицию, тем больше чехи и другие народы, бывшие прежде в услужении, начинали осознавать свое положение как постыдное, и тем яростнее становились их филиппики против иностранного господства и угнетения. Исключением, в этом отношении, была только ситуация с поляками. Революционно настроенные представители шляхты стали самыми верными сторонниками Австрийского государства после того, как вследствие Компромисса 1867 г. корона и немецкая

буржуазия заключили с ними союз. Поляки поддержали своими голосами новую конституцию и в обмен на лояльность получили почти государственную независимость в Галиции. Под защитой фактической автономии польское дворянство могло беспрепятственно создавать собственные административные органы и культуру; при этом оно могло практически бесконтрольно эксплуатировать, экономически и политически подавлять представителей другой многочисленной этнической группы в Галиции – русинов. Галицийские поляки прекрасно понимали преимущества своего положения в сравнении с условиями жизни своих собратьев в Пруссии и России, и потому были склонны принять Австрию «как терпимое, хотя и временное место для проживания» до тех пор, пока не удастся воплотить в жизнь тысячелетний идеал государства Ягеллонов.

Остальным нациям не удалось достичь аналогичного относительного равновесия. Иностранные наблюдатели нередко высказывали мнение о том, что главной причиной волнений на национальной почве в Австрии было стремление немцев к деспотизму и онемечиванию. Подобные суждения нуждаются, как минимум, в серьезных оговорках. За исключением режима Александра Баха, можно с полным правом утверждать, что сознательных мероприятий по онемечиванию в Австрии не проводилось, а концепция объединенной немецкой нации во главе национального государства никогда не была политической идеей, в отличие от Венгрии, где гегемония мадьяр составляла фундамент политической жизни. Языки разных народов признавались и в школах, и в административных органах; государство стремилось создать в среде каждой нации свой бюрократический класс, способный выполнять управленческие функции на родном языке местного населения. Параграф 19 конституционного закона 1867 г., в котором был закреплен принцип равенства наций, не содержал революционную доктрину, но систематизировал более или менее признанную практику:

«Все народы государства равны в правах, и каждый народ обладает неотъемлемым правом на сохранение и развитие национальных особенностей.

Государством признаются равные права на использование всех языков страны в школах, органах управления и общественной жизни».

По сути дела, мы не наблюдаем никаких действий по введению немецкого языка в качестве официального государственного или по-

пыток лишить другие народы их национальной самобытности даже в эпоху так называемого «либерального немецкого правления».

Немецкое давление, воспринимаемое остальными народами Австрии как невыносимое бремя, имело совершенно иную природу. Оно проявлялось в высокомерии, идущем от сознания своего культурного превосходства, убеждении, будто экономическая и культурная гегемония немцев есть историческая необходимость, закрепленная навечно. Блестящую характеристику столь опасного для самих немцев мироощущения дает Кляйнвехтер:

«Немцы привыкли к своему господству, основой которого стала не столько их сила, сколько многовековое культурное превосходство. Они спокойно всем обладали и наслаждались. В таком положении никто не думает о борьбе. С исторической точки зрения, чешское восстание случилось на удивление скоро. Однако для тех, кто жил тогда, все произошло отнюдь не за один день. От программы Франтишека Палацкого до создания Чешского университета в Праге прошло тридцать три года. Жизнь целого поколения. Но современникам-немцам казалось, будто эволюция идет очень медленно, и лишь самые наблюдательные могли что-то заметить. Я беседовал со стариками, помнившими времена, когда чешский народ еще не рассматривался как существенный фактор политической жизни, теперь же эти старики, онемев от удивления, наблюдали за развитием ситуации. Будет понятнее, если я скажу, что Прага, где на протяжении многих лет не было слышно ни одного немецкого слова, во времена молодости моего отца была совершенно немецким городом. Власть имущие подвержены любопытной иллюзии: им кажется, будто с ними ничего не может произойти. Скорее небеса упадут на землю, нежели произойдет смена политической власти. Человеческими душами также управляет закон инерции»*.

Во власти аналогичной иллюзии пребывал и император Франц Иосиф во время своего посещения Праги в 1868 г., когда произнес характерную фразу: «Прага производит впечатление совершенно немецкого города».

Высокомерную и наивную веру в извечное высшее предназначение немецкого народа укреплял и развивал пример Германской империи как национального объединения. В результате создание

*Der Untergang. S. 139–140.

политической атмосферы, благоприятной для справедливых дискуссий и решения национальных проблем, стало практически невозможным. Сложилась опасная ситуация: продвижение Австрии вперед по пути индустриализации и расширения избирательного права разрушало прежний немецкий характер страны, а ненемецкие нации начинали все активнее претендовать на возможности культурного и административного самовыражения. Осознать естественность и неизбежность этого процесса сумела лишь немногочисленная немецкая элита. Подавляющее же большинство пребывало в уверенности, будто пангерманская гегемония остается непоколебимой, и рассматривало национальные проблемы с узкой точки зрения своих провинций. Правильно было бы сказать, что политические лидеры австрийских немцев (за исключением социалистов и ряда независимых политических мыслителей) до самого краха Монархии были не в состоянии признать, что гегемония немцев вступает во все более острое противоречие с фактами экономического и культурного развития, и следовательно, государство можно сохранить лишь путем осмотрительного движения в сторону федерализма. Последний, по словам Альберта Шеффле, помимо «единения в необходимом» – *unitas in necessariis*, открыл бы перед каждой нацией путь к собственной политической и культурной жизни.

Читатель наверняка помнит, как выдающийся деятель чешского национального движения Франтишек Палацкий предложил в кремзировской конституционной комиссии план по административному разделению чешских и немецких поселений в Богемии и Моравии, с тем чтобы облегчить компромисс. Этот шаг мог бы снять большую часть противоречий между двумя народами и позволил бы немецкому меньшинству избежать в будущем притеснений со стороны путем полной национальной автономии. Однако в то время немцы все еще чувствовали себя хозяевами ситуации и противились перераспределению традиционных владений, гарантировавших им неоспоримое господство. Претензия на гегемонию стала впоследствии боевым кличем немцев, когда они перешли к обороне в качестве меньшинства. Но к тому времени чехи уже ощутили себя достаточно сильными, чтобы вступить в борьбу против Länderzerreissung (расчленения Чешского королевства) за восстановление исторического единства чешских территорий. Нечто по-

добное произошло в 1871 г. в связи с экспериментом Гогенварта–Шеффле, когда правительству удалось заключить разумный компромисс с чехами в духе умеренного федерализма*. Такие реформы могли стать настоящей поворотной точкой в истории Монархии. Это был еще не федералистский план, но, удовлетворяя исторические требования чехов в отношении конституционного единства и независимости, он давал возможность пересмотреть искусственную дуалистическую конструкцию и превратить ее в систему добровольного сотрудничества всех народов Монархии. Однако именно эта мысль и была более всего противна двум господствующим нациям империи, и они не погнушались прибегнуть ко всевозможным нападкам и интригам, чтобы заставить императора нарушить данное чехам слово и разорвать Компромисс, оскорбив грубым заявлением все чешское общественное мнение.

Проявленное высокомерие впоследствии только усложнило ситуацию для немцев. Как мы наблюдали выше, господствующие нации долгое время отказывались учить языки своих бывших слуг и лакеев, в то время как чешская молодежь и ее сверстники других национальностей охотно овладевали немецким, рассматривая его как необходимое условие будущей административной карьеры, поскольку немецкий язык, даже не будучи официальным государственным языком, играл доминирующую роль в так называемой «внутренней» системе управления страной. Как следствие, немецкая интеллигенция в большинстве своем оставалась моноязычной, а чешская стала двуязычной. В результате, когда в ходе культурного и политического развития Чехии правительство графа Бадени издало в 1897 г. знаменитый указ об использовании языков на немецко-чешских территориях, согласно которому начиная с 1901 г., все чиновники были обязаны в совершенстве владеть обоими языками и в устной, и в письменной форме, данная мера – при всей ее справедливости – вызвала приступ возмущения среди немцев. Дело дошло до уличных беспорядков и ультрашовинистических выступлений, а парламентский обструкционизм приобрел почти хронический характер: то чехи, то немцы (сообразно изменениям в политике правительства) попеременно тормозили законодательные процедуры не

*См. стр. 145 данной книги (конец второй части).

только многословными речами и повторным поименным голосованием, но и тем, что гудели в автомобильные клаксоны, ломали стулья, кидались книгами и документами и нередко затевали жестокие драки.

Хотя в ходе естественного развития экономики и культуры соотношение политических сил становилось для немцев все менее благоприятным (немцы уже располагали практически зрелой национальной культурой, тогда как остальные народы выстраивали свою культуру шаг за шагом), их лидеры отказывались взглянуть в лицо ситуации и взять на себя политическую ответственность. Вместо этого они стремились сохранить свое господство, строя искусственные планы, которые все чаще приходили в противоречие с реальностью. Так, например, в 1882 г. была намечена так называемая «Линцская программа», в рамках которой союз Австрии и Венгрии превращался в персональную унию (в единой личности суверенного государя), тогда как Галиция, Далмация и Буковина получили широкую автономию в пределах Австрии, с тем чтобы создать компактное немецкое большинство по отношению к славянам на ограниченной австрийской территории. Естественно, такой план не мог быть реализован парламентским путем даже в эпоху ограниченного избирательного права в Австрии, и дальновидные австрийские политики понимали все риски подобных мероприятий. Тем не менее, этот неудачный проект, как мы уже говорили, вновь всплыл на поверхность после первых побед на фронтах Первой мировой войны, когда немецкая буржуазия, преследуя свои интересы (т.н. Belange), попыталась приостановить действие конституции с целью возвращения немецкой гегемонии. Столетия борьбы народов за независимость оказалось не достаточно, чтобы немецкая буржуазия хотя бы в последний момент чему-то научилась. И даже сам монарх, находясь под великогерманским влиянием, вряд ли поддержал бы идею подобного переворота, если бы революция в России не напугала бы своей внезапностью молодого императора и часть его свиты. На изменение позиции Габсбургов открыто жалуется во время войны один из авторов немецкой газеты «Рейх»:

«Надежды немцев на осуществление своих намерений снова сорваны, и виной тому их злейший враг – демократия. В момент, когда из-за русской революции в Вене было решено созвать парламент и поручить ему пересмотр конституции, немцы утратили

все шансы на претворение в жизнь своих требований... по крайней мере, на ближайшее время...»*.

С позиций немецкого господства и догмы о немецкой гегемонии это утверждение абсолютно соответствовало истине. Демократия действительна была для немцев главным врагом, ведь постепенное освобождение славянских народов было несовместимо с немецким владычеством. Вот почему любое расширение избирательного права как при Гогенварте и Тааффе, так и позднее, в результате введения всеобщего избирательного права, неизбежно «славянизировало» Австрию и все больше подрывало хрупкое здание дуалистической конституции. Даже если рассматривать ситуацию с точки зрения правильно понятых интересов немецкой части населения, проблему представлял не сам процесс, как утверждали поверхностные наблюдатели. Настоящую опасность для интеллектуальных и нравственных устоев Монархии представляло то, что этим естественным процессом никто не управлял, и никакая государственная концепция во внутренней или внешней политике не пыталась направить растущие национальные силы в нужное русло. За исключением кремзирской комиссии и эксперимента, предпринятого Гогенвартом, национальный вопрос всегда рассматривался только как тактический и не считался главной проблемой Австрии. Основная политическая задача состояла не в том, чтобы создать из разрушенного феодального замка удобный современный дом для всех народов империи, а в том, чтобы и дальше сдавать в аренду грязные трущобы за счет поверхностных и недорогих переделок. Правительство не отваживалось на радикальные реформы, поскольку малейшие разногласия по национальному вопросу могли привести к его отставке. В 1895 г. коалиционное правительство князя Виндишгреца пало из-за попыток ввести в средних школах небольшого словенского города Цилли (Целе) параллельно с немецкими несколько классов, где бы обучение шло на словенском языке. Правительство нередко заключало компромиссы отнюдь не объективного характера (как, например, создание национальных школ или органов управления), но раздавало посты и предлагало экономические льготы влиятельным

**Schüssler W.* Das Verfassungsproblem im Habsburgerreich. Stuttgart und Wien, 1918. S.194.

представителям различных народов, которые могли употребить личное влияние для разрешения текущих проблем в парламенте или в местных законодательных собраниях.

Еще одним серьезным препятствием в решении национального вопроса в Австрии стали коронные земли, феодальная и плутократическая система управления ими; эта система вступила в острейшее противоречие и с экономическими, и с национальными притязаниями. Границы коронных владений изолировали друг от друга народы и регионы, связанные общей культурой, экономическими интересами, или объединенные по национальному признаку. Эти антидемократические структуры губительно влияли на развитие наций, насаждая дух местного, локального патриотизма, который игнорировал или не признавал общие интересы государства. Каждый народ, составлявший большинство в коронных владениях, пытался обрести власть над меньшинствами и сохранить для себя определенные административные, культурные и экономические привилегии; вот почему эти земли стали рассадником конфликтов и соперничества на национальной почве. Если в парламенте империи в условиях метрополии и в присутствии представителей всех народов Монархии еще можно было наблюдать иногда стремление добиться справедливости и взаимного уважения, то в атмосфере коронных владений, среди местных сановников и в орбите внутренних интересов власть была охвачена безудержной национальной демагогией. Нации, оказавшиеся в большинстве, например чехи и поляки, ревностно придерживались автономии своих земель; там, где немцы составляли большинство, они вели себя точно так же. С другой стороны, национальные меньшинства – как те же немцы во владениях Короны Венцеслава или словенцы, итальянцы на своих землях – требовали создания территориальных автономий исходя из расположения национальных поселений. Произошло столкновение двух идеологий, связанных с интересами меньшинства и большинства: национальные автономии, с одной стороны, и борьба против расчленения страны – с другой.

Позднее австрийский канцлер Карл Реннер, один из лучших знатоков системы, охарактеризовал ее следующим образом:

«Коронные земли – внутренний враг Габсбургской монархии. Они-то и стали настоящей плодородной почвой для формирования ирреденты, они создали доведенные до отчаяния меньшин-

ства и безжалостное большинство. Но именно потому, что коронные земли вселяют в народы, составляющие большинство на их территории, надежду на национальное господство, каждая наследная провинция и, соответственно, парламентское большинство так привязаны к этим землям. И немцы – не исключение! В северной Богемии немцы задыхаются под давлением чешской короны и взывают о помощи, но немцы, проживающие в альпийских регионах, предпочитают оставаться гражданами Штирии, Каринтии и Тироля. До тех пор, пока дух прошедшей эпохи, призрак единства страны не будет похоронен, мы не можем даже мечтать о мире между народами...»*

Ситуация стала действительно невыносимой, и жизнь в коронных землях со смешанным населением была парализована в результате обструкции со стороны местных парламентов. Картина все больше напоминала анархию. Иностранный наблюдатель (Вильгельм Шюсслер) остроумно сравнил систему коронных владений с «клетками, в которых дерутся друг с другом дикие животные».

Усложнял ситуацию еще и тот факт, что ненемецкие народы демонстрировали неприязнь не только к немцам: между собой враждовали и так называемые «угнетенные» нации. Это наблюдение отсылает нас к самому мрачному аспекту национальных конфликтов как в Австрии, так и в Венгрии. Мы видим, как те же нации, которые на протяжении поколений вели непримиримую борьбу против иностранного гнета и насильственной ассимиляции и перед лицом мировой общественности разоблачали эту систему как порочную и аморальную, не раздумывая прибегли к ее услугам, как только колесо истории повернулось, и прежние изгои заняли господствующее положение. Венгры, например, веками боролись против австрийской политики ассимиляции, но, оказавшись «на коне», без колебаний начали использовать аналогичные методы не только в отношении народов, которых венгры ставили ниже себя, но и применительно к хорватам, чья национальная самобытность была признана хотя бы теоретически. Поляки, обрушившие всю силу своего гнева против жестокого гнета со стороны России, сами безжалостно демонстрировали превосходство над русинами и отказывались признать их национальную независимость. Итальянцы, испытав-

**Schüssler W.* Das Verfassunsproblem im Habsburgerreich. Stuttgart und Wien, 1918. S. 81.

шие все тяготы иностранного гнета, отстаивали свое господство над хорватским большинством в Далмации. Взаимная ненависть и соперничество таких родственных друг другу народов, как хорваты и сербы, долгое время обеспечивали венгерскому абсолютизму власть в Хорватии и Славонии.

Повсюду мы наблюдаем один и тот же расклад: политическая мораль угнетенной нации совершенно меняется, как только эта нация обретает власть. Прежние призывы к равенству наций легко сменяются претензиями на национальное господство. На начальном этапе борьбы за национальную независимость мы, как правило, слышим доводы, оправдывающие необходимость создания национальной автономии. Затем, когда представители данного народа становятся большинством, они провозглашают политическое единство страны, направленное против бывших титульных наций, превратившихся в меньшинство. Получив еще больше власти, они начинают строить планы по возвращению территорий, на которые данный народ имеет так называемые «исторические» притязания, лишившись их в результате иностранного правления. Отсюда – всего один шаг до неприкрытого империализма, когда победившая нация провозглашает своей исторической и культурной миссией оккупацию земель, принадлежащих нациям более слабым.

Здесь мы, очевидно, сталкиваемся с куда более сложной проблемой и убеждаемся в том, что решение национального вопроса является, по сути, нравственной проблемой. Поскольку в Восточной и Средней Европе невозможно расчленить государства так, чтобы создать повсюду объединенные национальные территории, и в большинстве стран будут по-прежнему существовать национальные меньшинства, данные проблемы можно решить только с позиций здравого смысла, и, если нация, составляющая большинство, руководствуется духом справедливости. В отсутствие нравственного начала никакие технические и правовые меры не помогут. Я не вижу более важной задачи для гражданского воспитания, чем вселять в души будущих граждан государств с этнически неоднородным населением основополагающую идею национальной справедливости. К сожалению, немногие среди так называемых государственных мужей понимают, что без нового этического курса национальные проблемы останутся неразрешимыми. Именно это произошло и в Австро-Венгерской монархии. Лишь отдельные мыслители – вроде

Фишхофа, Шеффле, Деака, Этвеша, Палацкого и их немногочисленных соратников – руководствовались этими высокоморальными идеями. Альберт Шеффле воздвиг настоящий памятник новой политической морали. Когда его план компромисса с чехами был загублен в результате интриг представителей немецкой и венгерской правящей верхушки, выдающийся экономист и социолог включил в свое письмо императору с просьбой об отставке с министерского поста следующие памятные строки: «Следуя общему нравственному закону, согласно которому мы не должны обращаться с другими так, как не хотели бы, чтобы обращались с нами, совесть не позволяет мне участвовать в осуществлении плана, утвержденного государственным советом»*. (Шеффле здесь ссылается на план, разработанный теми, кто выигрывал от дуалистической системы, служившей сохранению венгеро-немецкой гегемонии и делавшей любой компромисс невозможным для чехов.)

Данный инцидент и другие эпизоды из истории Монархии – такие как Кремзирская конституция, публицистическая деятельность доктора Фишхофа в защиту мира и справедливости, гуманистический славизм Палацкого и национальная политика Деака и Этвеша, нацеленные на справедливый компромисс, могли бы стать достойными темами для гражданского воспитания, стремящегося привить народам Монархии более гуманное понятие о справедливости. Мне, однако, не известен ни один учебник или популярное издание, которые бы способствовали усвоению концепции национальности, выстроенной на этих нравственных установках. Гражданское воспитание было проникнуто совершенно иным духом, как мы подробно рассмотрим ниже. Полное отсутствие духа честной политической игры стало главным препятствием для решения национального вопроса. Однако подобное отношение могло быть только результатом развитой системы местных автономий. Ведь национальная проблема носит не только этический, но и «клеточный» характер. Централизованное бюрократическое государство даже в теории не может поддерживать мир между населяющими его народами, ведь самые важные моменты борьбы за национальную независимость связаны с повседневной жизнью простых людей. Достичь мирного сосуществования граждан, принадлежащих

* *Schäffle F.A.* Aus meinem Leben. Berlin, 1905. Bd. II. S. 57.

к разным нациям, могли только самые последовательные муниципальные и региональные власти. По-настоящему популярных представителей местного самоуправления в Австрии не было. В подобных условиях дух коронных владений поглощал приверженность государственной идее; последняя проявляла себя лишь в слабых попытках высших чиновников. За неимением реального сотрудничества между народами проблемы империи усложнились до такой степени, что даже ведущие государственные деятели были не в состоянии с ними справиться. Поэтому, когда один из самых достойных австрийских политиков последних десятилетий Владимир фон Бек сетует на жалкую роль австрийского премьера, который вынужден справляться с такими трудностями, как «восемь наций, семнадцать стран, двадцать законодательных собраний, двадцать семь парламентских партий, два непростых мировоззрения, запутанные отношения с Венгрией и культурные различия на пространстве в восемь с половиной градусов широты и долготы...» – это отнюдь не риторическая формулировка, но отражение реальной ситуации.

Вновь анализируя все многообразие препятствий на пути решения национального вопроса, можно только удивиться, каких значительных результатов в этой области удалось добиться с помощью развития культуры и демократии, быстрого роста промышленности и более европейской атмосферы в венском рейхсрате. Несмотря на парламентскую обструкцию, пассивное сопротивление со стороны отдельных народов, абсолютистские законы, изъятие газет, провокационные патриотические шествия немецких студентов по главной улице Праги (т.н. «буммели» – променады), ответом на которые были не менее патриотические уличные выступления чешских националистов, и, невзирая на рост демагогической риторики в газетах и патриотических объединениях, Австрия год от года предпринимала серьезные усилия по обеспечению равноправия народов, каждый из которых достиг достойного минимума в своем культурном развитии. Отдельные же народы, как чехи и поляки, уже находились на высоком уровне даже по западным меркам. Самые основные административные и культурные потребности различных наций почти везде обеспечивались на родном для основной массы населения языке. Даже русины, страдавшие от безжалостного польского гнета и бывшие в Австрии на положении пасынков, в

последние десятилетия существования Монархии существенно продвинулись в административном и культурном отношениях. Независимый наблюдатель писал:

«В Восточной Галиции украинский был принят в качестве официального языка, каждый год открываются новые начальные и средние школы, где преподавание ведется на украинском языке, а в Университете Лемберга [Львова] открыты украинские кафедры. Было создано множество учреждений культуры, научных и литературных обществ. Из года в год увеличивается число чиновников-украинцев. Они также достигли весьма заметных результатов в экономике»*.

В ходе последних десятилетий Австрия добилась серьезного прогресса не только в сфере кропотливой повседневной работы (Kleinarbeit) над решением национального вопроса, но и в создании институтов, значимых для общества в целом. «Национальный кадастр» – система деления избирателей согласно их национальной принадлежности, которую так активно продвигали социалисты, была введена в Моравии и Буковине, а в Чехии началось раздвоение ведомств, занимавшихся вопросами культуры. Если бы не началась Первая мировая война, то и в коронных землях на смену устарелой системе выборов по куриям пришло бы всеобщее избирательное право. Революционная, в лучшем смысле этого слова, мера уничтожила бы феодальные и олигархические монополии и напрямую связала бы народы с их национальными собраниями. Можем с полным правом предположить, что тогда мы стали бы свидетелями возрождения духа Кремзира.

Какие бы преступления ни совершались по отношению к более слабым нациям и как бы ни давили на народы Австрии грехи прошлого, австрийская половина дуалистической Монархии, без всякого сомнения, прилагала гигантские усилия к решению национального вопроса. Отдельные австрийские ученые ничуть не преувеличивали, утверждая, что никогда еще в мировой истории принцип национального равноправия не проводился в великой империи так последовательно, как это происходило в довоенной Австрии. Лучший специалист и теоретик национального вопроса в Австрии,

**Rappaport J.* Die Nationalitätenfrage in Polen // Jahrbuch für Soziologie. Karlsruhe, 1927. Bd. III.

впоследствии – канцлер Австрийской республики, социалист доктор Реннер, с полным правом мог написать в английский журнал статью «Задушенные ростки». По сути дела, первоосновы государства, базирующегося на принципе национального равенства, были заложены как раз в эти бурные десятилетия.

Поверхностные наблюдатели не осознавали сути происходящего. Они видели лишь бесконечные парламентские кризисы и замечали только уличные манифестации и беспорядки, сопровождавшие хаотические усилия населения на пути обретения национальной независимости. Такие наблюдатели с пренебрежением отворачивались от «австрийской анархии» и восхищались второй половиной Монархии – Венгрией, которая демонстрировала собой пример государства, стремящегося к национальному единству. Здесь они не видели неудовлетворенных своим положением наций, но восторгались наличием единой, сознательной национальной воли. Почитателей венгерской гегемонии становилось все больше. Лишь немногие проницательные исследователи австро-венгерской реальности понимали, что так называемое «венгерское господство» станет могильщиком Монархии, той скалой, о которую разобьются любые усилия по федерализации государства. Ведь движение Австрии по пути национального равноправия, при отсутствии адекватной реформы общей конституции, неизбежно оказывало разрушительное воздействие на государство. Вполне очевидно, что рост культурного уровня и самосознания среди ненемецких народов неминуемо усиливал их стремление к принятию конституции, которая обеспечила бы «равное достоинство» (*Ebenwürdigkeit*) всех наций на руинах дуалистической системы. Юридическая фикция унитарного венгерского государства делала развитие в этом направлении невозможным*. Как и почему это происходило, станет ясно из следующей главы.

* Базовое противоречие между развитием национального вопроса в Австрии и Венгрии жестко обозначил Фридрих Тезнер в своем эссе: *Tezner F.* Das staatsrechtlische und politische Problem der Österreichisch-ungarischen Monarchie // Archiv des öffentlichen Rechts, 1913. Эта же проблема вызывала самые мрачные предчувствия у кронпринца Рудольфа.

III. Главная тенденция борьбы за национальную независимость в Венгрии: создание единого национального государства

В данной главе мы продолжаем рассматривать истоки и динамику борьбы за национальную независимость, но уже на примере Венгрии, где процесс выглядел совершенно иначе и с точки зрения конкретных проявлений, и в плане окраски и ритма происходившего. Излюбленная доктрина официальной венгерской историографии состоит в том, чтобы демонстрировать непрерывность формирования венгерского национального сознания на протяжении тысячи лет и насильно увязывать новую национальную идеологию XIX в. с первым королем Венгрии, Святым Иштваном, средневековыми феодальными конфликтами, гражданскими войнами претендентов на венгерский престол и феодальными восстаниями против Габсбургов. Однако нет никаких сомнений в том, что современная национальная идея как усилия по консолидации близких по языку и культуре народных масс в направлении экономического и административного единства, отсутствовала в венгерской истории до конца XVIII в., равно как и в истории остальных народов Средней Европы.

Тщательно изучив все явления прошлого, отнесенные историками дворянского происхождения к разряду национальных движений (а в Венгрии, за очень небольшим исключением, практически все изучение истории базировалось на субъективной идеологии правящего класса, за неимением буржуазии, в западном понимании), я легко сумел продемонстрировать в уже упомянутой книге, что все эти движения возникали в силу экономических, классовых и религиозных соображений, но никогда по национальным мотивам, так как в указанные периоды отсутствовали все те факторы, которые впоследствии повлияли на формирование национального движения. В отсутствие городской культуры, интенсивных связей, прессы и школы, тенденции к обретению национальной независимости не могли проявить себя в интересах объединения страны под эгидой общего законодательства и культурного пространства. Даже в XIX в. атмосферу в венгерском обществе продолжал определять знаменитый

Трипартитум – правовой кодекс, составленный во второй половине XVI в. Иштваном Вербёци – одним из самых алчных магнатов того времени. Этот свод обычного права превратил среднее дворянство и аристократию в так называемых *una eademque nobilitas* – исключительных обладателей всех личных и общественных прав. В Трипартитуме была заложена концепция «Венгерской свободы», основными столпами которой были освобождение дворян от уплаты налогов, исключительное право на земельную собственность, монополия на все административные должности и право оказывать сопротивление королевской власти в том случае, если она нарушает феодальные привилегии. Будучи результатом реакции феодалов на крестьянское восстание Дьёрдя Дожи, кодекс лишал крестьян права перехода и полностью привязывал крепостных к земле, что практически означало введение института рабства. Ачади пишет:

«С 1514 года в Венгрии, строго говоря, сосуществовали две нации: правящий класс «венгерских господ» [Magyari urak, как их тогда называли] и миллионы рабов – трудящиеся массы. Две эти нации смотрели друг на друга с лютой ненавистью, и, если господин не считал крепостного за человека, то последний, точно посаженный на цепь дикий зверь, только и ждал возможности наброситься на тирана».

Феодальный застой в венгерском обществе отчетливо прослеживали проницательные иностранные наблюдатели, в том числе и гений немецкого народа, поэт Иоганн Вольфганг Гёте, который в беседе 1821 г. подчеркивал совершенную невозможность проведения в Венгрии необходимых реформ до тех пор, пока феодальный порядок не будет искоренен насильственным путем*.

Старая, неповоротливая феодальная система рухнула лишь в 1848 г., или даже в период баховского режима, когда на самом деле и произошло освобождение крепостных. Таким образом, мы видим, что в обществе, где дворянство до середины XIX в. оставалось единственным собственником земли, а конституция передавала все политические права в руки 136 тысячам дворян при населении страны в 11 миллионов человек, по-настоящему де-

*Bibl V. op.cit. Bd. II, S. 416.

мократический и культурный характер современного национального движения мог выражаться лишь рудиментарно. Объединенное дворянство, политическим и разговорным языком которого веками оставался латинский, сделало невозможной саму постановку национального вопроса, ведь представители невенгерского дворянства в своих интересах и культурных проявлениях полностью ассимилировались с мадьярским правящим классом и с ужасом воспринимали любые сознательные движения масс в сторону экономической и национальной независимости. Состоятельные представители буржуазии и интеллигенции в городах – преимущественно немцы – тоже прониклись идеями аристократии, или вели закрытый образ жизни, подобно жителям греческих городов-государств*.

Вполне очевидно, что в подобном социальном контексте национальная идея могла проявиться, в лучшем случае, как выражение солидарности с интересами дворянства, как стремление оградить страну от иностранной бюрократической и военной власти, или как ненависть к крепостным – в особенности, к иноязычным. В Трансильвании, где проблема крепостных стояла особенно остро, понятие «барин» было тесно связано с венгерским господством, тогда как крестьяне в массе своей тяготели к Румынии и солидаризировались на почве ненависти к иноязычным угнетателям. Пафос этого противостояния нашел отчетливое выражение в многочисленных народных стихах и поговорках. Настроения, царившие в дворянских усадьбах, например, прекрасно демонстрирует следующее трехстишие:

> «В человеческом обличье дикий зверь, кровожадный валах,
> Старый пёс, кусающий Актеона, тявкающий на хозяина,
> Горная крыса его породила, волчица вскормила злодея лихого...»

Следует напомнить, что правящая венгерская верхушка намеренно использовала слово «валах» вместо «румын», чтобы опровергнуть гипотезу о римском происхождении румынского народа. Едва ли будет преувеличением утверждать, что подобное уничижительное именование вызывало куда большую нена-

*Meitzi O. Az erdélyi szászok állása Magyarországon. Nagyszeben, 1878. S. 31.

вись у одной нации по отношению к другой, нежели многочисленные обиды, нанесенные властями или оскорбления на культурной почве.

С другой стороны, испытывая двойной гнет – со стороны феодальной олигархии и австрийской военной машины, крестьяне сетовали: «Венгры вздернули моего отца по кодексам *Approbata и Compilata* [знаменитые трансильванские своды законов], а немцы все забрали по *Aufnahm'*ам и *Protocol'*ам» [т.е. в процессуальном порядке, согласно австрийскому законодательству]. Тем не менее, румынский народ традиционно считал, что под трансильванскими князьями судьба его была куда тяжелее, чем под властью Габсбургов.

Однако несмотря на классовое и расовое разделение, в прошлом мы практически не сталкиваемся с националистической политикой. Напротив, в ходе крестьянских восстаний венгерский и румынский народы объединялись против общих угнетателей. Так, например, венгры сыграли ведущую роль в выступлениях крепостных 1437 г. в Трансильвании, а результат этой гражданской войны, которая заложила основы трансильванской конституции и *unio trium nationum* (союза трех наций), ознаменовал собой союз венгерского дворянства, секеев (одно из венгерских племен) и саксов, составлявших население городов. Цель союза состояла в сохранении господства над венгерскими и румынскими крестьянами. С другой стороны, иностранным агрессорам – румынским князьям или Габсбургам – нередко удавалось мобилизовать венгров и секеев против венгерской олигархии. Как только возникало движение, способное объединить борьбу привилегированных классов за независимость от Австрии с социальной неудовлетворенностью народных масс, или со стремлением защитить от нападок свою религию – как это было, к примеру, во времена мятежей Бочкаи и Ракоци, – крепостные вставали под знамена аристократии без оглядки на национальность. Многие «песни куруцев», ставшие поразительным отголоском народных выступлений против габсбургского абсолютизма, имеют румынские корни.

Как мы уже показали в одной из предыдущих глав, разделение строго по национальному принципу – явление относительно новое и восходит к тому периоду, когда Венгрия перешла от скотоводческой к земледельческой стадии развития, когда стали видны

первые результаты распространения народного образования и совершенствования транспортной системы, когда победители Габсбурги начали вести политику защиты интересов врестьян, а либеральные и демократические принципы Великой французской революции проникли в сознание части венгерского дворянства и среднего класса. Новые идеи и неприятие абсолютистской германизации Иосифа II, в первую очередь, взбудоражили прежде дремавшие круги венгерского населения как самую развитую часть населения страны как в политическом, так и в экономическом плане. Начиная с Государственного собрания 1825 г., венгерское национальное самосознание становилось все более активным, а в сороковых годах XIX в. обрело отчетливые демократические и либеральные формы. Надвигающееся банкротство экономики, основанной на крепостном праве, будирующие влияние западных идей, ненависть к габсбургскому абсолютизму и хроническая опасность крестьянских восстаний послужили формированию новой идеологии, объединив конституционные требования о предоставлении независимости, которые ранее выдвигали восставшие феодалы, со стремлением создать современное демократическое и национальное государство.

Предводителями движения (в отсутствии сознательной буржуазии или крестьянства) стали представители либерального крыла венгерского дворянства – настоящее третье сословие (*tiers état*) Венгрии. Находясь в абсолютной гармонии со структурой страны, во многом оставшейся феодальной, данный факт имел крайне важные последствия. В частности, революционное дворянство, по сути, оставалось под влиянием старой антигабсбургской идеологии куруцев, тогда как идеалы Французской революции по-прежнему воспринимались как заимствованные. Таким образом, мы с самого начала наблюдаем у революционного дворянства тенденцию к затушевыванию демократической и социальной компоненты национальной революции и стремление как можно дольше удерживать свои исконные прерогативы. В то же время, они сумели возобновить борьбу против Габсбургов за национальную независимость на основе конституции и, опираясь на эту идею, мобилизовали не только немногочисленных представителей аристократии, но и широкие массы крестьян и городского населения, впервые освободившиеся от феодального гнета. Программа Лайоша Кошута и его сто-

ронников соединяла в себе конституционные традиции дворян с требованиями западной демократии. Законодательная отмена крепостного права стала выдающимся актом либерализма в интересах национального объединения.

Еще одним следствием ведущей роли дворянства стало глубокое влияние традиционного правового мышления на революционную борьбу. Параграфы из старых кодексов были для революционеров-дворян намного важнее, чем технические и социальные требования Нового времени еще и потому, что эти параграфы были гораздо выгоднее для них, тогда как удовлетворение насущных потребностей Нового времени грозило потерей прежних привилегий. До самого распада Монархии феодальное общество в своем большинстве злорадно иронизировало над традиционными конституционными дебатами и толкованием древних законов, в то время как экономические и социальные проблемы современности вызывали у феодальных кругов недоверие и даже некоторый страх. Габсбурги вселяли в них ненависть не только своим германизаторским абсолютизмом, но и внедрением тлетворных бацилл государственной бюрократии, капитализма, всеобщего налогообложения и равенства перед законами империи. Подобный талмудисткий конституционный подход усложнял процесс модернизации дворянства. Обретение страной независимости сводилось к решению юридической и конституционной проблем, а не к фундаментальным реформам в сфере экономики, культуры и морали, за которые с пророческой проницательностью ратовал граф Иштван Сечени. Для привилегированных классов Венгрии идеология конституционной независимости всегда означала две вещи: во-первых, самое активное участие в традиционной борьбе за национальную независимость против Габсбургов. Второй особенностью был своеобразный защитный механизм, политическое вытеснение (Verdrängung) с целью повернуть экономическое и социальное недовольство населения в другую сторону. Использование данного механизма позволяло успешно перенаправить народный гнев в сторону Вены и «габсбургской камарильи», ведь в противном случае этот гнев мог обратиться против привилегий самих дворян и их имущества. Бисмарк своим острым взглядом сумел подметить военную и юридическую природу венгерской аристократии, охарактеризовав этот класс как «нацию гусар и законников».

Было бы ошибкой, однако, характеризовать таким образом весь венегерский феодальный класс, поскольку высшая аристократия и духовенство были преимущественно креатурами Вены или состояли из послушных исполнителей воли Габсбургов. Фактическим носителем идеи независимости стало среднее и мелкое дворянство, которое после разделения законодательного органа на две палаты, с конституционной точки зрения, четко выделилось в группу внутри постепенно расползающегося единого дворянского класса (*una eademque nobilitas*). По уровню жизни, культуры и устремлений данная группа (начиная с восьмидесятых годов XIX в. ее представители предпочитали называть себя «джентри» на английский манер, гордо сравнивая свою феодальную конституцию с британской на основании поверхностной аналогии) совершенно отличалась от крайне смешанной наднациональной аристократии, которая следовала моде, задаваемой в Вене, Париже и Лондоне. Средне и мелкопоместное дворянство, уходившее своими корнями в верхние слои крестянства (в ходе феодальных выступлений против Австрии отдельные лидеры повстанцев раздавали дворянские привилегии целым деревням, желая заручиться их поддержкой), стали настоящей «закваской» для антигерманского, антигабсбургского и антиклерикального движения. Среднепоместные дворяне и свободные крестьяне в значительной своей части были кальвинистами. Этот слой кальвинистов, представленный чистейшими венграми, не без высокомерия называл свою религию «мадьярской верой».

Центром кальвинизма на протяжении трех столетий оставался крупный крестьянский город, сильный и гордый «кальвинистский Рим», Дебрецен, – настоящий оплот венгерского духа в противостоянии венскому католицизму и германизаторским устремлениям Габсбургов. Этот дух формировал определенное национальное и расовое сознание, эмоциональный аспект которого находил опору в кальвинизме с его доктриной предопределенности. Замечательную, на мой взгляд, догадку высказал Йозеф Редлих, сравнив венгерский кальвинизм с голландским, английским и шотландским пуританизмом, который, в силу своего высокомерного религиозного индивидуализма и независимости, воспринимаемых как божественное предопределение, стал ядром обширной колониальной культуры. Сильные, отважные, расчетливые и упрямые –

эти люди стали истинными носителями идеи конституционной независимости среди дворян. Когда же вследствие проникновения демократического духа и глубоких экономических изменений, о которых мы уже говорили, старое феодальное общество рухнуло, среднепоместное дворянство оттеснило богатых прогабсбургских аристократов от власти; представители джентри стали доминировать, по крайней мере, на политической сцене. Выдающиеся лидеры класса джентри демонстрировали в этот период исключительный интеллектуальный пыл; по свидетельству авторитетных источников, томики Вольнея и Руссо были в их карманах не редкостью. Атмосфера в поместьях этих дворян отличалась высоким интеллектуализмом и нравственностью, оказывая огромное влияние на буржуазные слои общества. Демократические и либеральные установки дворянской элиты, предпринявшей отчаянную попытку в последний момент преобразовать старое закосневшее феодальное государство в правовое государство, основанное на принципах западного парламентаризма, показались привлекательными как за границей, так и внутри страны.

Это была эпоха, когда Генрих Гейне, великий немецкий поэт, создал страстные строки, посвященные борьбе венгров за независимость и демократию («При слове "Венгрия" мне тесен немецкий мой камзол»), а Карл Маркс и Фридрих Энгельс превозносили революционную роль венгерского дворянства в борьбе против «реакционных славян», которых они называли инструментом габсбургского абсолютизма. В то же время, на родине, в Венгрии огромные массы крестьян с радостью приняли дворян в качестве своих предводителей – последние обещали им избавление от феодального гнета, а населявшие города представители других народов (нередко именно они, а не венгры, составляли большинство горожан) – немцы, славяне и, в особенности, евреи, мечтали стать частью нового общества революционно настроенных дворян.

После заключения дуалистического компромисса этот процесс пошел с еще большей интенсивностью, и понятие «джентри» стало более широким. Теперь это был класс, члены которого перенимали образ жизни, привычки и политические установки среднего и мелкопоместного дворянства. Обладание крупным поместьем уже не было непременным атрибутом данного класса, в него вошли немцы, евреи и примкнувшие к джентри невенгерские представители

среднего класса. Традиция мадьяризации фамилий впоследствии была официально санкционирована и позволила им играть роль джентри в политической и общественной жизни. Таким образом, прежняя идеология независимости в духе куруцев обрела крайне разнородное и масштабное продолжение: помимо свободных крестьян и тех, кто исторически принадлежал к классу джентри, ее восприняли и более честолюбивые элементы новой буржуазии, успешные юристы, писатели, мелкие клерки и энергичные представители еврейской интеллигенции.

Выдвижение дворянства на ведущие позиции ослабило радикальные экономические и социальные претензии со стороны низших слоев, однако, в то же время, послужило укреплению конституционных требований, направленных против Австрии и Габсбургов. Ситуация также сильно повлияла на прогабсбургскую аристократию, но на этом мы остановимся позже. На данном этапе я считаю необходимым подчеркнуть другое следствие ведущей роли дворянства, роковое с точки зрения нашей проблематики. Речь идет об отношении венгерского революционного движения к остальным народам страны, которых дворянство отказывалось воспринимать как равных.

Сам Лайош Кошут в начале революции заявил, что *в Венгрии много национальностей, но лишь одна нация – венгры.* Эта точка зрения красной нитью прошла через новый этап венгерской истории и стала одной из основных причин окончательного крушения Монархии. Правящие венгерские круги не желали применять в национальной сфере демократические и либеральные принципы, с помощью которых они пытались реформировать государства. Напротив, когда венгерское дворянство в полной мере обрело национальное сознание и, развеяв морок средневековой латыни, предприняло чудесную попытку возродить национальный язык и культуру, оно смогло представить себе новое государство только исключительно венгерским по своей природе. Вместо латинского языка во всех сферах вводился венгерский. Венгерское дворянство не желало признавать национальную индивидуальность других народов. Начиная с двадцатых годов XIX в., оно с растущей нетерпимостью насаждало венгерский язык и культуру, стремясь превратить старую феодальную Венгрию в новое, объединенное и гомогенное национальное государство. Еще в Государственном

собрании созыва 1825–1827 гг., когда были предприняты первые попытки сделать венгерский официальным государственным языком наряду с латинским, хорваты потребовали аналогичных прав для хорватского языка у себя в стране, но их требование было решительно отвергнуто. Когда же в 1835 г. парламент потребовал принять венгерский в качестве единственного государственного языка, хорватские депутаты обвинили венгров в непоследовательности, ведь те протестовали против попыток российского правительства навязать русский язык полякам, а теперь «они хотят заставить хорватов говорить по-венгерски»*. Подобные настроения овладели даже лучшими умами эпохи до такой степени, что даже такой разумный и гуманный политик как Ференц Деак, получивший прозвище «мудрец отечества», отстаивал в Государственном собрании 1839 г. точку зрения, согласно которой хорваты не являлись нацией, а Хорватия не обладала правами, выходящими за рамки полномочий венгерского парламента. В аналогичном духе в 1843–1844 гг. был принят закон, обязавший хорватских чиновников учить венгерский язык, чтобы по прошествии шести лет все официальные контакты между двумя странами могли осуществляться на венгерском языке. Если правящий класс демонстрировал подобное отношение к народу, чья национальная независимость была в какой-то мере признана, можно представить, с каким высокомерием он рассматривал национальные притязания остальных невенгерских крестьянских меньшинств.

В глазах венгерского правящего класса все эти требования выглядели несоразмерными, хотя на тот период основные народности, населявшие Венгрию (для краткости я буду назывть так все невенгерские нации Венгрии, согласно официальной доктрине, чтобы отделить их от государствоообразующей нации), еще не были охвачены стремлением отделиться и, за исключением хорватов, не вынашивали замыслов о создании независимых государств. Они претендовали лишь на административную автономию в рамках национальных поселений, полную свободу для развития своих языков и культур и адекватное национальное представительство в общих государственных органах. Тем не менее, эти требования казались венгерскому правящему классу неприемлемыми и восп-

*Szilágyi (szerk.) op.cit..köt. IX, 388–89. o.

ринимались как попытка бунта или государственная измена, хотя в 1787 г. венгры составляли всего 29% населения страны, и даже в 1842 г., по подсчетам крайне консервативного автора, из 13 миллионов населения менее 5 миллионов (4 812 000) были венграми против 160 000 словаков, 1 270 000 немцев, 2 200 000 румын, 900 000 хорватов, 1 200 000 сербов, 440 000 русинов, 240 000 евреев и еще ряда меньшинств*. Сложно понять, как венгерские лидеры, среди которых было немало выдающихся ученых и политиков, обладавших передовым для своего времени знанием, могли в подобных условиях вообразить, будто они смогут совершить чудо и заново построить объединенное венгерское национальное государство против воли всех перечисленных народов, составлявших большинство населения страны.

Этот вопрос требует подробного ответа, ведь мания величия доминировала в венгерском государстве до самого краха Монархии – за исключением единственного «светлого перерыва» (*lucidum intervallum*). Испытываемое венгерским высшим классом неприятие устремлений других народов имело несколько причин. Одним из источников отторжения была вековая яростная классовая борьба между дворянством и крепостными крестьянами. В восприятии дворян крепостные – в особенности, иноязычные – были существами низшего порядка, неспособными понять мысли и чувства хозяев. Когда же бывшие слуги и крепостные начали требовать те же национальные права, что и венгерская нация, «победоносная и государствообразующая», для венгерской верхушки это показалось наглым вызовом и почти бунтом. Дворяне приняли необходимость освобождения крепостных и признания их равенства перед законом как общее требование времени, однако стремление сообщества бывших крепостных стать нацией и получить те же национальные права, что и прежние всемогущие правители страны, по прошествии столетий феодального господства, представлялись правящему классу непростительной дерзостью. Негодование верхов было продиктовано не только эмоциональными причинами, но и боязнью потерять классовое господство. Ведь объединение представителей других народов в нации, признание их территориальной автономии означало не только юридическую, но и фактическую от-

**Szekfü Gy.* Három nemzedék. 171. o.

мену административных привилегий дворян и, в конечном итоге, экспроприацию их поместий в пользу крестьян.

Еще одной причиной враждебного отношения венгерского дворянства к другим национальностям была его приверженность к историко-правовому подходу. Как мы уже отмечали, сторонники этого подхода всегда рассматривали важнейшие факты государственной жизни исключительно с позиций исторического права, но не как проблемы преимущественно экономического, культурного или социального характера. Утверждать, будто венгры как народ-завоеватель имели особые права на страну, а остальным народам могло быть лишь позволено играть какую-либо роль в государственной жизни, с таких позиций было невозможно. За фасадом доктрины о венгерском превосходстве и едином национальном государстве – более или менее осознанно – всегда маячило право завоевателя, обретенное на острие меча. Любой, кто знает, что венгерский правящий класс сохранял эту концепцию без изменений до распада Монархии и далее, поймет, почему в начале Нового времени старое феодальное общество оказалось полностью в плену исторических представлений о значимости силы*.

Однако позиция венгров по непризнанию прав национальностей была продиктована еще более глубокими и серьезными мотивами – особенно в сознании Кошута и его соратников-либералов. Подобно Марксу и Энгельсу, эти деятели воспринимали подъем славянских

*Незыблемость этой концепции нашла характерное выражение в памфлете надьварадского каноника, члена Венгерской академии наук, известного историка, доктора Яноша Карачони. (Памфлет был написан в 1912 году и вышел под заголовком «Сто тысяч зол и миллион бед из-за одной ошибки» –). По мнению этого достойного автора, причиной всех опасных венгеро-румынских разногласий стала историческая ошибка, допущенная итальянским ученым Бонфини. В знаменитой книге, написанной в XV в. при дворе великого венгерского короля Матяша (который и сам был по происхождению румыном), Бонфини неосторожно заметил, что трансильванские румыны – потомки римлян, живших в древней Дакии в правление императора Траяна. Книга итальянского историка имела широкое хождение и в XVIII в. попала в руки отдельных представителей румынской молодежи, которые совершенно потеряли голову и вдохновленные ложным мифом о более древнем и благородном происхождении румын, по сравнению с венграми, потребовали равных с ними прав. Однако данная доктрина была ошибочной, поскольку румыны пришли в страну лишь в 1182 г. и, таким образом, не могут претендовать на те же права, что есть у венгеров. Доктор Карачони был убежден, будто его важное историческое открытие позволит ликвидировать венгеро-румынский конфликт целиком, потому что румыны, узнав от него истинную правду, а именно, что они живут в венгерском го-

и румынских масс как нечто искусственное, как результат венского дворцового заговора с целью нейтрализовать либерально-демократические движения революционного венгерского дворянства путем мобилизации реакционных и неграмотных крестьян славянского и румынского происхождения. В этом наблюдении была доля правды. Под угрозой революционного движения и обретения Венгрией независимости венский двор намеренно и активно поддерживал литературные, культурные и политические движения невенгерских народов (ряд лидеров этих движений действительно были австрийскими агентами) – ушлые имперские бюрократы прекрасно осознавали, какие мощные силы дремлют внутри национальных движений и как можно повернуть эти силы против венгерских усилий по объединению. Между тем, Кошут и его друзья видели только тактическую часть проблемы и не понимали, что историческая ситуация, послужившая развитию революционного национализма у венгров, поляков и итальянцев, неизбежно приведет к зарождению аналогичных движений среди более отсталых народов Монархии.

Кошут и его сторонники недооценивали национальные движения бывших крепостных крестьян и были убеждены, что венгерское общество легко справится с подобными проблемами на собственной национальной основе, ведь в атмосфере освобождения крепостных и обретения демократических прав и свобод прежний феодальный партикуляризм сойдет на нет, и представители разных народов найдут себе адекватное место в системе кровообращения объединенного Венгерского государства. Кошут ощутил действие этого процесса на себе. Если сам Кошут, мелкопоместный дворянин из словаков – по доброй традиции в раннем детстве он еще читал в церкви словацкий молитвенник – стал таким страст-

сударстве всего каких-то 800 лет и не имеют благородного происхождения, приписанного им легкомысленным итальянцем, придут в себя и признают второстепенность своей роли в Венгрии. Таким образом, серьезный ученый, а вместе с ним и все феодальное общество, полагали, будто сложнейшая экономическая, социальная и психологическая проблемы борьбы наций за независимость сводится исключительно к вопросу исторического права и поддерживали наивную теорию, согласно которой румыны взбунтовались вследствие ошибочных утверждений Бонфини. (Следует отметить, что исторические выкладки Карачони вызывают серьезные сомнения. Кроме всего прочего, первыми на территории современной Венгрии поселились славяне, и следовательно, теория «исторического права», изложенная Карачони, должна была означать право славян на гегемонию в Венгрии!).

ным, пламенным и искренним сторонником венгерского демократического государственного идеала, какие могли быть сомнения в том, что лишенные культурной и исторической преемственности крестьяне славянской и других национальностей с радостью и любовью примут новое венгерское государство, которое предложит им полное равенство перед законом со всеми политическими свободами западных государств на руинах феодального государства? Читатель не должен забывать, что Кошут и другие выдающиеся деятели Венгерской революции постоянно ориентировались на примеры национальных государств Западной Европы, на английский и французский конституционализм, в которых не было места сепаратистским движениям разных народов. Венгерские лидеры были абсолютно убеждены в том, что политика мадьяризации означала также и политику демократизации, а сами венгры отстаивали принципы Свободы и Разума в борьбе с народами, чьи требования поддерживал и направлял венский абсолютизм. По их мнению, новое либеральное и демократическое государство окажется привлекательным для всех своих граждан – как для венгров, так и для представителей других национальностей.

Подобное представление нельзя, конечно, считать совсем уж ошибочным. Наша история полна воспоминаний о том, какой энтузиазм вызвало провозглашение свободы для крепостных среди невенгерских народов. Если бы параллельно с экономическим освобождением государство признало бы национальные требования крестьян и, в разумных пределах, гарантировало бы им соблюдение национальных прав в культурной политике и органах власти (особенно на уровне местного самоуправления), новое венгерское государство сумело бы выработать достаточно сильные центростремительные механизмы, способные уравновесить ирредентистские устремления. Такие факторы, как образцовое экономическое и географическое единство страны, экономическое и культурное превосходство венгров, отсутствие государственных образований или провинций внутри венгерской короны, а также сдержанность и трезвомыслие венгерского народа, могли бы сделать решение национальной проблемы в Венгрии куда более легким, нежели в других частях Монархии. Однако вместо этого начался все более активный процесс насильственной и искусственной ассимиляции, что стало главным препятствием плодотворного сотрудничества между венграми и другими народами.

А. Противоречия между венграми и невенграми

Политика форсированного объединения и искусственной мадьяризации, проводимая революционным дворянством, привела к роковому конфликту между венграми и другими народами, населявшими страну. Рамки книги не позволяют мне подробно проиллюстрировать рост шовинизма. Позволю себе лишь цитату из характерной речи графа Кара Зая, главного инспектора словацкой лютеранской церкви и школ, произнесенной в начале сороковых годов XIX в. Среди прочих патриотических заявлений, сделанных Заем, есть и такое:

«Любая идея, любое устремление, призванные воспрепятствовать мадьяризации и способствующие распространению других языков, кроме венгерского, означали бы подрыв конституционных принципов, роли интеллигенции, а то и самого протестантизма. Венгерский язык – самый надежный защитник свободы и протестантизма в нашей стране. Победа венгров есть одновременно победа Свободы и Разума. Мадьяризация славян – священная обязанность каждого истинного венгерского патриота, каждого борца за Свободу и Разум и каждого верноподданного династии Габсбургов...»

Различные варианты этой доктрины нашли свое выражение не только в риторике, но и в лозунге «борьбы против панславизма». Профессора и студенты, демонстрировавшие прославянские настроения, подвергались преследованиям. Дух нетерпимой мадьяризации все более проникал во все сферы общественной жизни. Появились наивные и авантюрные планы по стремительной и полной мадьяризации всей страны. Атмосферу в обществе накаляли поговорки и присловья, направленные против представителей других народов. («Каша – не еда, словак – не человек», «вонючий валах», «немец-подлец»)*.

Проницательные современники и в Венгрии, и за рубежом понимали, какую опасность таят в себе описанные тенденции. Выда-

*Подобные выпады и оскорбления в адрес других народов характерны не только для венгров. Антон Шпрингер приводит длиной список имен Östereichs, имевших широкое хождение среди разных народов на всей территории Монархии (Geschichte Östereichs seit dem Wiener Frieden. Leipzig, 1865. S. 5. Любопытные сведения относительно чехословацкого антагонизма можно обнаружить на стр. 28–29).

ющийся австрийский государственный деятель граф Лео Тун подверг критике позицию Ференца Пульски (одного из самых фанатичных последователей Лайоша Кошута, человека европейской культуры, в широком смысле), согласно которой «славяне находятся на самом низком уровне развития культуры, дворянство у них венгерское, а сами граждане хотят казаться немцами, хотя и родились славянами, потому славянской литературой интересуются только бедные протестантские священники...» В ответ на типичную для того времени систему взглядов, начисто лишенную представления о динамике национального вопроса, граф Тун продемонстрировал великолепное чутье (явно основанное на куда более значительном опыте решения национального вопроса в Австрии), заявив, что даже если венгры станут ограничивать свободное развитие словаков под своей гегемонией, «славяне все равно будут сражаться за свое дело до победы; однако прежде чем будет достигнута окончательная договоренность, какое количество печальных событий может произойти с обеих сторон и до какой степени подобное поведение может воспрепятствовать прогрессу человека и общества в Венгрии!»*

Не только просвещенный иностранец, но и самый блестящий представитель венгерского возрождения, человек, сделавший для укрепления венгерской культуры больше, чем кто бы то ни было, граф Иштван Сечени, в отчаянии наблюдал за развитием шовинизма и мании величия, и в торжественной речи, произнесенной в 1842 г. на заседании Венгерской академии наук, разразился настоящей филиппикой против губительной и нетерпимой мадьяризации, назвав «волной безумия» стремление обвинить в государственной измене любого, кто осмеливался противостоять постоянным подстрекательствам и гонениям на граждан невенгерского происхождения.

К сожалению, все подобные увещевания оказались напрасными. Насильственная ассимиляция наращивала обороты, и ситуация обострялась пропорционально развитию антагонизма между габсбургским абсолютизмом и либеральной Венгрией, боровшейся за свою независимость. Когда же в 1848 г. события привели к окончательному расколу между династией и революционным венгерским дворянством, последнее обнаружило, что ему

*Die Stellung der Slovaken in Ungarn . Prag, 1843. Ss. 4, 5, 18.

противостоят не только Вена, но большая часть проживающих в Венгрии народов, которые теперь объединились против венгерского правления, представлявшего угрозу их независимости. Прозвучавшее в ответ на требования сербов заявление Кошута, в котором он назвал меч последним судьей*, и общая неспособность венгерской революции удовлетворить потребности представителей невенгерских национальностей, привели к кровавой гражданской войне. Южные славяне и румыны пошли на поводу у пропаганды, развязанной венской камарильей, и поддержали позицию абсолютизма против венгерского конституционализма, не желавшего гарантировать независимость невенгерским народам. Гражданская война стала главной причиной краха венгерской революции, а кровавые воспоминания о ней дожили до самого конца монархии, став настоящим камнем преткновения в отношениях между венграми и представителями других национальностей. Хуже всего эти трагические события отразились на общественной атмосфере в Трансильвании.

Правящие круги Венгрии слишком поздно осознали, что неверные пути решения национального вопроса приведут страну к неминуемой катастрофе. Лишь в последний момент правящая верхушка попыталась исправить грехи прошлого и в июле 1849 г., за три недели до окончательного поражения в битве при Вилагоше, министр внутренних дел правительства Кошута, Берталан Семере внес на рассмотрение в парламент проект чрезвычайно либерального закона о национальностях с целью успокоить невенгерские массы. Характерно, что даже тогда, в момент приближения катастрофы, провести этот законопроект оказалось нелегко. Как пишет современник венгерской революции историк Михай Хорват, Семере с воодушевлением заявил, что «представление венгерской аристократии о потребностях других народов приведут Венгрию к краху – если нация не сумеет когда-нибудь от них избавиться... Блестящая речь Семере унизила и заставила замолчать псевдодемократов и радикалов – тех, кто лишь на словах выступал за народную свободу, но ограничивал ее собственными интересами».

*По воспоминаниям отдельных современников, после жаркого спора с членами сербской делегации (в апреле 1848 г.) Лайош Кошут произнес: «В этом случае решать будет меч». Позднее, в годы эмиграции, Кошут отрицал этот факт, однако слова эти сохранились в памяти последующих поколений.

Историк-епископ также добавляет, что этот важнейший закон, способный «радикально решить национальный вопрос, гарантируя полную свободу естественного развития представителям любой национальности без ущерба для политического единства страны... имел, в результате, лишь один недостаток – он не был принят в марте 1848 года...»*.

Еще более недвусмысленным было заявление самого Бертала на Семере, одного из самых значительных политиков эпохи, посвященного в самые сокровенные подробности революционной истории. В 1859 г. в одной венгерской газете было опубликовано его признание об истинных причинах поражения венгерской революции:

«В 1848 году была завершена титаническая работа по объединению нации, бесповоротно было уничтожено и последнее препятствие к объединению – феодальная система. Так почему же нация в полном расцвете своих сил проиграла битву? Причина в том, то со временем, наполовину втайне, наполовину открыто, возникла и оформилась новая идея, идея национальности, мощь которой в сознании других народов мы не сумели разглядеть и, следовательно, не придали ей должного значения. Мне хорошо известны тайные и явные интриги того времени, я также прекрасно знаю, какое влияние на ход исторических событий оказала российская армия; однако же мы должны признать: мы не понимали, насколько важна национальная идея и какой движущей силой она обладает. Мы приняли ее за случайный всплеск, на деле же она явилась результатом внутренних процессов ферментации. То, что казалось нам искусственным шумом, оказалось громом небесным... Мы думали, будто земля сотрясается под шагами солдат, а на самом деле это было настоящее землетрясение... Вся листва в лесу никогда не придет в движение, если не дует ветер...»**

**Horváth M.* Magyarország függetlemnségi harcának története. Pest, 1871. III. köt., 315–317. o.

***Цит. по: *Benedek J.* Szabadságharcunk és a dako-román törekvések. Budapest, 1885. 186.o.

Б. Национальный проект, разработанный Кошутом в эмиграции

Воспоминания о кровавом подавлении венгерской революции с помощью царских войск тяжелым грузом легли на души современников в печальные годы баховского режима, проводившего политику абсолютизма, централизации и германизации. Не только побежденные венгры (по австрийской теории, они сами потеряли свое право на конституцию), но и бывшие союзники венского двора – южные славяне и румыны чувствовали, что обновленный абсолютизм их попросту одурачил. Произошедшее могло бы преподать венграм и остальным народам, проживавшим на территории страны, серьезный урок необходимости демократических институтов и справедливого компромисса. Передовые представители венгерского и других народов действительно сумели лучше понять эту проблему.

Первой ошибки прошлого полностью признала венгерская эмиграция под руководством Кошута. Главной его заботой была выработка политики, способной отвечать интересам невенгерских народов и гарантировать, таким образом, независимость Венгрии от габсбургского абсолютизма. В результате Кошут предложил две великие политические концепции. Первая предлагала решить национальный вопрос исходя из «личностного принципа». В своем проекте конституции 1851 г. он выработал программу, по сути совпадающую с принципами, которые полвека спустя сформулировала австрийская социал-демократическая партия. Фундаментальная идея проекта и сегодня не потеряла своей актуальности для стран, сталкивающихся с проблемой национальностей. Именно поэтому, как мне кажется, будет небесполезно познакомить читателя с ее основными положениями. Подобно религии, национальность выражает общественный интерес. Государство, как таковое, не имеет отношеня ни к первому, ни ко второму. Если конституция гарантирует свободу собраний, граждане могут объединяться и создавать ассоциации для защиты своих национальных и иных интересов в деревнях, регионах или на национальном уровне точно так же, как и протестанты, которые объединяются по религиозным интересам в деревнях, округах и районах. Однако подобно религиозным объединениям, национальные ассоциации не будут иметь права требовать участия в органах государственного управления и должны сводиться к поддержке наци-

ональных интересов. При этом они будут пользоваться полной свободой, смогут выбирать собственных лидеров, проводить собрания и принимать решения, ограниченные лишь законом и конституцией. Этот принцип должен в равной степени применяться и к венграм, и к другим народам, привилегии у всех будут одинаковые, а правительство не будет отдавать предпочтения ни одному народу в ущерб другим. Поскольку правительство, законодательные органы, комитаты и деревни нуждаются в официальном языке, вышеописанный принцип будет применяться таким образом, что повсюду решение о том, на каком языке следует вести делопроизводство, будет принимать большинство населения, гарантируя в то же время и права меньшинства. При контактах с комитатами, использующими другие языки, правительство также будет обязано снабжать все свои указы, изданные на официальном венгерском языке, переводом на язык конкретного комитата; аналогичную процедуру обязаны соблюдать и власти комитата по отношению к сельским поселениям на своей территории. Если же языком комитата не является венгерский, местные власти также будут снабжать направляемые в правительство запросы переводов на венгерский язык. Все законы должны быть переведены и опубликованы на всех языках страны…

Но на этом Кошут не остановился. Преследуемый воспоминаниями о прошлом в уединении ссылки, он осознал, что национальный вопрос в Венгрии является не только внутриполитической проблемой, но и зависит от политики, которую Венгрия должна проводить в отношении соседних национальных государств (тогда многие из них еще находились в процессе формирования), ведь в стране проживает множество представителей титульных наций этих государств. Все попытки обрести независимость от габсбургского абсолютизма будут терпеть неудачу до тех пор, – и в этом заключается вторая масштабная идея Кошута – пока Венгрия не наладит активное сотрудничество с соседними государствами. С этих позиций он разработал свой знаменитый проект Дунайской конфедерации, понять который сумели лишь немногие современники, несмотря на всю гениальность исторического предвидения, присущую его автору. Только экономический и политический союз Венгрии, Румынии и Сербии (впоследствии и с Чехией) может гарантировать этим небольшим государствам защиту от пангерманского и панславянского давления и, одновременно, позволит

обеспечить прочный мир в Средней Европе вследствие решения национального вопроса.

Своим пророческим взглядом Кошут сумел разглядеть проблему, которая полвека спустя действительно послужила причиной крушения Венгрии. Он писал:

«Мы должны учитывать, что, в силу естественных инстинктов, присущих гражданам невенгерского происхождения, словаки из Северной Венгрии проявляют интерес к борьбе за независимость Чехии, румыны – к Румынии, а сербы – к событиям в Сербии. Суть их устремлений составляет все, что позволит указанным странам обрести независимость. Совершенно очевидно, что, если Венгрия сумеет согласовать свою политику с этими интересами, национальный вопрос можно будет разрешить без особых затруднений... Если же политика Венгрии будет враждебной по отношению к этим интересам, решить национальный вопрос будет невозможно, – несмотря на любые административные уступки, позиция, направленная против естественных национальных устремлений, позволит поддерживать на международной арене лишь временный и искусственный мир. Как только политика Венгрии вступит в противоречие с попытками Чехии, Румынии и Сербии обрести независимость, такой мир моментально рухнет...»

Последовательное и честное выполнение требований представителей разных национальностей и политика по созданию конфедерации с их соплеменниками в соседних странах – вот суть послания Кошута, направленного им из ссылки, эхо катастрофы при Вилагоше в душе великого народного трибуна. «Решение, – пишет он, – заключается в словах Свобода, Равенство, Братство, а если не в них, то и решения нет».

В. Закон о национальностях Деака–Этвеша

Новая концепция Кошута, в которой он совершенно отказывался от своей прежней, шовинистической политики, не оказывала на Венгрию, изнемогавшую под гнетом габсбургского абсолютизма, никакого влияния, особенно после того, как внешнеполитические события – в первую очередь, поворот в действиях французской дипломатии – разрушили любые надежды на восстановление независимости страны с помощью иностранных государств и революци-

онными методами. Таким образом, политику Кошута продолжали проводить лишь немногие из его верных соратников, тогда как общественное мнение считало его планы авантюрными и утопическими. Как следствие, ведущие политики того времени пытались найти приемлемый компромисс с династией Габсбургов в духе конституции 1848 г., – то есть восстановить независимость страны, сохранив политическую гегемонию правящего класса. Неудача при Кёнигтреце и реваншистская политика Бойста по отношению к Пруссии сделали этот путь доступным (как мы уже продемонстрировали в исторической части), и в 1867 г. был достигнут компромисс, который гарантировал Венгрии независимость во всем, кроме военных вопросов и внешней политики, и передал контроль над всеми внутриполитическими вопросами в руки венгерского правящего класса; единственное исключение составляли имперская администрация и бюрократия. Новый дуалистический порядок сформировал Ференц Деак, ставший символом конституционного либерализма и сохранения исторического права.

Сразу после введения дуалистической системы в 1868 г., был принят закон о национальностях. Этот закон, в первую очередь, отражает мировоззрение человека, чьи познания в области социологии и фиолософии национальной проблемы не знали себе равных в Европе. Закон барона Йожефа Этвеша был одной из самых значительных и оригинальных попыток решить национальный вопрос. Никто так не подходил для выполнения подобной задачи, как этот выдающийся «доктринер». Дух научного анализа счастливо соединился в нем с подлинной поэтической и религиозной интуицией. Сам Джон Блантчтли, автор Швейцарского гражданского кодекса, восхищался смелостью мысли Этвеша. Еще до выхода в свет ряда фундаментальных работ по данной теме барон предупреждал своих соотечественников и австрийских лидеров об опасности насильственной ассимиляции и нерешенного национального вопроса. В то же время Этвеш прекрасно знал о возникновении новых «Пьемонтов» на территори Сербии и новых дунайских княжеств. В одной из своих работ он писал:

«Таким путем нам не добиться, чтобы люди разных национальностей, населяющие нашу страну, утратили национальное самосознание, перестали радоваться своей принадлежности к тому или иному народу, так же, как не удалось этого достичь тем, кто исполь-

зовал подобные методы против венгров; мы можем рассчитывать только на то, что вытесненное с авансцены общественной жизни национальное движение усилит свое влияние, а неприязнь, которая сегодня обращена против венгерского языка, окажется направлена против единства нашей страны...»

Спустя несколько десятилетий пророчество выдающегося государственного мужа исполнилось.

Опираясь на эти принципы, абсолютно созвучные точке зрения ведущего политика эпохи, Ференца Деака, Йожеф Этвеш начал великую работу по достижению мира с народами, населявшими страну. Задача была не из легких. На момент создания дуалистической системы, даже по самым оптимистическим подсчетам, в Венгрии проживали всего шесть миллионов венгров против семи с половиной миллионов представителей других национальностей. Вследствие революции и баховского режима они уже сравнительно далеко продвинулись по пути формирования национального сознания. Кровавые воспоминания о гражданской войне еще оставались тяжким грузом и для титульных, и для угнетенных наций. Их соплеменники, проживавшие за пределами Венгрии, добились серьезных успехов в развитии национального сознания и построении независимых государств.

Путь, избранный венгерским политиком и позволивший упорядочить все аспекты этой сложной проблемы, был компромиссом между непримиримой позицией национальных групп и концепцией венгерских шовинистов. Требования невенгерских национальностей не изменились с дореволюционного периода, с их точки зрения, страну следовало разделить на отдельные административные территории по национальному принципу; венгерские шовинисты, как и раньше, придерживались идеи единого национального государства венгров. Этвеш отказался от обеих концепций и в духе Национального собрания 1861 г., попытался найти решение, которое отвечало бы административным и культурным запросам национальных групп, сохраняя при этом политическое единство страны.

Для достижения этой цели по закону, разработанному Этвешем, национальные группы должны были получить собственные начальные и средние школы и определенную долю в высшем образовании; они также могли без ограничений развивать свои церковные институты;

невенгерский средний класс обретал право на пропорциональное представительство в государственных органах; делопроизводство на местах – в комитатах, районах и деревнях должно было вестись на родном языке коренного населения; в целом, должны были исчезнуть препятствия для развития национальной культуры разных народов. Основой всей концепции стала идея о том, что национальности не должны образовывать территориальные формирования или организованные структуры по национальному принципу, но каждому отдельному гражданину невенгерского происхождения должны быть гарантированы те же права и возможности, что и венграм. Согласно официальной доктрине, представители других народов становились «равноправными членами венгерской нации». «Венграми» (как и в феодальную эпоху, когда к венгерскому дворянству, помимо мадьяр, относили и всех остальных дворян, независимо от национальности) теперь называли не только мадьяр, но и всех граждан страны.

Такая позиция не устраивала национальные группы. Принимая теорию политичекого единства страны, они не считали уступки, сделанные в законе о национальностях, достаточной гарантией сохранения своего уклада и стремились к территориальной автономии. Учитывая подобное недовольство, небольшая группа венгерских политиков, близких к политике Кошута, под влиянием Даниэля Ирани с его идеализмом попыталась в 1870 г. заключить с лидерами национальных групп новый компромисс на базе концепции, исключавшей венгерскую гегемонию.

Эта крайняя точка зрения полностью противоречила соотношению сил на тот момент и не получила никакой поддержки со стороны венгерского общественного мнения. За относительно короткое время народы Венгрии осознали, что закон Деака и Этвеша созвучен их правильно понятым интересам. Им это стало ясно тогда, когда после отъезда из страны представителей великого либерального поколения 1848 г. правящие политические круги Венгрии начали уклоняться от выполнения этого закона или перестали его применять. Если посмотреть на историю Венгрии в ретроспекции, после того, как полувековая ожесточенная борьба подорвала моральное единство общества, ради справедливости придется признать, что компромисс Этвеша – получи он достойное воплощение в жизни – мог бы действительно стать решением национальной проблемы. На протяжении почти двух десятилетий у меня была возможность под-

держивать связь с большинством национальных лидеров, и мне хорошо известен ход их мыслей, равно как и менталитет народных масс. Исходя из этого знания, я убежден: если бы закон о национальностях применяли с самого начала без колебаний и предубеждений, хотя бы он и не стал последним словом в решении национального вопроса (рано или поздно неизбежно пришлось бы дать различным народам какое-то подобие территориальной автономии с собственными органами управления), все равно этот либеральный и гуманный закон определенно создал бы атмосферу взаимного доверия и уступчивости, которая позволила бы выдрать больной зуб борьбы за национальную независимость. Такого мнения придерживались не только немногочисленные преданные сторонники политики Этвеша в Венгрии, но и иностранные наблюдатели, изучавшие венгерские национальные проблемы детально и доброжелательно. В ходе исследований, проведенных до начала Первой мировой войны, Роджер Уильям Сетон-Уотсон, к примеру, постоянно подчеркивает значимость этого закона и считает, что он мог бы послужить основой для прекращения обострившихся национальных выступлений. В классической работе по истории австро-венгерского Компромисса Луи Айзенман также заявляет:

«Положения венгерского Закона о национальностях могли бы послужить достижению результата, о котором мечтали Деак и Этвеш: не мадьяризации всех жителей страны – Этвеш называл такую позицию безумием, но превращения их в лояльных граждан венгерского государства; не внешнего, формального единства, но единения чувств...»*.

Г. Почему Закон о национальностях не получил применения на практике

Увы, этот мудрый закон так и не был применен и остался на бумаге в качестве конституционной витрины для международного использования, тогда как внутри Венгрии власти начали проводить политику, враждебную по отношению к духу и практической стороне Закона о национальностях. Напрасно представители разных народов торопили власти с применением этого закона. Их слабые голоса те-

*Le Compromis Austro-Hongrois. Paris, 1904. Pp. 552–553.

рялись в нарастающем шуме шовинистического национализма. Венгерские правящие классы все более открыто отвергали дух и букву закона. Следует более подробно проанализировать психологические причины подобной перемены, ведь понять этот процесс важно не только применительно к проблеме национальных групп внутри Венгрии, но и с точки зрения краха всей империи Габсбургов. Есть мнение, что венгерские правящие классы никогда не воспринимали этот закон всерьез, а принят он был лишь с целью успокоить определенные круги в Вене, с тем чтобы потом не использовать его на практике; тайная же позиция правящих классов в 1867 г. ничем не отличалась от позиции 1848 г.: они по-прежнему стремились к полной ассимиляции всех народов.

Ошибочность подобных представлений становится очевидной, если проанализировать точку зрения и идеологию ведущих политиков того времени. Невозможно представить, чтобы государственные мужи, вобравшие в себя лучшие достижения европейской культуры, могли хотя бы на минуту вообразить, будто они смогут насильно или хитростью мадьяризировать большую часть населения в период, когда народы Монархии уже достигли высокого уровня национального самосознания. В вопросах национальности Деак и его соратники руководствовались не только умозрительными заключениями, но и высокоморальными соображениями. Выдающийся ученый и путешественник Армин Вамбери рассказал мне следующий эпизод: однажды, вскоре после заключения Компромисса, в разговоре с Деаком Вамбери выразил сомнение относительно возможности сохранения венгерского государства против воли большинства его граждан, которые, в силу социологического закона, начнут все более отчетливо осознавать свою принадлежность к определенным национальностям; на это отец Компромисса ответил:

«Вы правы, страна еще не превратилась в настоящее государство. В Венгрии еще недостает того спонтанного взаимодействия, которое необходимо для работы государства. Несмотря на это, я не пессимист. Венгры должны стать такими великодушными и такими справедливыми, чтобы даже отсталые народы, издревле живущие с нами по соседству, смотрели бы на нас как на старших братьев, которые не хотят господствовать над ними, но поведут их по пути закона и культуры…»

Эту точку зрения Деак отстаивал не только в узком кругу, но и на политической сцене. Он не раз использовал свой моральный авторитет для защиты закона о национальностях в Парламенте и призывал к его постоянному применению. Например, в дискуссии 1868 г. о том, стоит ли давать государственную субсидию не только венгерскому национальному театру, но и сербскому, Деак поддержал тех, кто считал, что при нехватке денег на субсидию для обоих театров, получить ее не должен никто. «Я не могу считать справедливым, чтобы венгерское государство, которое с политической точки зрения является единым и неделимым, расходовало средства, полученные из общих налогов, на нужды какого-либо одного языка и народа». (Тот факт, что система охраны одной лишь венгерской культуры, открыто порицаемая Деаком, была на практике осуществлена последующими поколениями, наглядно демонстрирует, насколько венгерское общественное мнение отошло от благородного чувства справедливости, которое исповедовал мудрый политик. Хуже того, когда в девяностые годы XIX в. в Будапеште сгорел частный немецкий театр, в правительстве не нашлось ни одного министра, который бы предоставил концессию на постройку нового здания – просто концессию, разрешение, не дотацию, – хотя в столице на тот момент проживали около 120 тысяч немцев.)

Приверженность духу просвещения демонстрировали отнюдь не только ведущие гоосударственные деятели; можно легко найти свидетельства, подтверждающие, что лучшие представители поколения Компромисса осознавали важность национального вопроса и подходили к нему с гораздо большей осмотрительностью и справедливостью, нежели последующие поколения. Лайош Мочари, выдающийся последователь Лайоша Кошута, на чьи слова мы уже ссылались выше, с радостью заявлял, что Закон о национальностях зафиксировал духовную атмосферу пятидесятых и шестидесятых годов XIX столетия, идеологию поколения, пережившего мрачные времена гражданской войны и абсолютизма. Увы, этот дух терпимости имел лишь временный характер.

После смерти Деака в 1876 г. на политическую сцену вышло новое поколение – поколение джентри, забывших уроки 1848–1849 гг. и оценивавших ситуацию в стране исключительно с точки зрения собственных сиюминутных интересов. Лидер этого поколения, премьер-министр Венгрии с 1875 по 1890 г., Калман Тиса, пришел

к власти, цинично отбросив собственные принципы (на протяжении нескольких лет он выступал против Компромисса Деака), развязав мощную пропаганду против общих монархических институтов в поддержку создания независимой венгерской армии. Новая правящая партия, «Либеральная партия» (Партия свободомыслящих), возникшая из слияния партий Деака и Тисы, вовсе не была либеральной по своей сути (за исключением благосклонного отношения к еврейским банкирам и крупным капиталистам). Она была предназначена лишь для того, чтобы любой ценой сохранить Компромисс и власть крупных землевладельцев. В этой политической атмосфере возник новый подход к национальному вопросу, сторонники которого отринули дух и букву Закона о национальностях и сначала тихо, а потом все громче и громче принялись отстаивать политику мадьяризации, создания мононационального государства по типу summum bonum, призывая использовать для реализации этой политики макиавеллиевские принципы. По мере того, как сохранить дуалистическое устройство в противовес растущему национализму становилось все сложнее, коррупция в органах власти, распределение важных постов и синекур постепенно превратились в принцип работы правительства. (Представителей правящей партии язвительно называли *мамелюками*.) Поскольку влиятельных постов было не так уж много, нужна была идеология, позволявшая отстранить представителей среднего класса других национальностей от политической конкуренции. Правительство усилило контроль за органами самоуправления в комитатах, чтобы обеспечить надежное большинство для Компромисса и, в то же время, гарантировать управленческие должности для джентри. Если в начале конституционной эпохи, вслед за правлением администрации Баха, важные государственные посты в центре и на местах занимали представители разных национальностей, с приходом Партии свободомыслящих эти элементы начали систематически вытеснять. Параллельно с этим процессом венгерский язык все больше насаждался в сфере образования, и все учреждения культуры в стране стали инструментами венгерской ассимиляции.

Данная тенденция еще больше распространилась на исходе последнего десятилетия XIX в., когда в общественную жизнь пришло третье поколение, которое ничего не знало о подлинной истории Революции и Освободительной борьбы, вследствие полученного им

шовинистического образования. Выросшие в атмосфере реакционного национализма представители этого поколения потеряли связь с передовыми идеями Западной цивилизации. Усилению националистических и шовинистических настроений у нового поколения способствовали также и серьезные экономические и социальные изменения. Значительные слои джентри потерпели крах, не выдержав конкуренции в условиях экономического либерализма. Непривычные к серьезному производительному труду, они были вытеснены из сфер экономики и культуры. Представителям же невенгерских национальностей и евреям удалось создать энергичный и процветающий средний класс, поставив под угрозу ведущие позиции прежних дворянских классов. Поскольку в течение длительного времени сотрудничество с евреями было необходимо для обеспечения экономической эффективности и интеллектуального уровня венгерского государства*, джентри, называвшие себя «историческим классом страны», стали ощущать растущую антипатию к невенгерскому среднему классу. Возникло некое подобие венгерского варианта доктрины Монро, направленной против присутствия представителей других национальностей в органах правительственной и местной власти. Суть доктрины Монро выражалась в резкой формулировке, высказанной Мочари: «Вы – предатели страны. Руки прочь!»**.

Экономический, интеллектуальный и моральный упадок бывшего господствующего класса, разбавленного чужеродными элементами, особенно – немцами и евреями, в восьмидесятые годы XIX в. способствовал выработке империалистической доктрины венгерского национализма. Сложилась следующая политическая аксиома: либо венгры ассимилируют остальные народы, либо эти народы разрушат венгерское государство; будущее есть только у мононациональных государств – многоязычная Австрия являет собой отвратительный пример государства, основанного на принци-

*Приведу лишь наиболее значимые данные: количество юристов с 1890 по 1900 г. выросло на 7,2%, тогда как юристов-евреев стало на 68,6% больше; в 1900 г. в Венгрии работали 4 807 врачей, из них 2 321 – евреи (48%). Что касается владения землей, то и здесь наблюдалась диспропорция. В 1884 г. 1898 евреев были собственниками 1 750 000 хольдов земли. В 1894 г. 2788 евреев владели 2 620 000 хольдами.

**A közösügyi rendszer zárszámadása (Активы и пассивы дуалистической системы), Budapest, 1902. 232. o.

пе гражданства; все, кто отказывается учить венгерский язык, – заговорщики и предатели; создание национального государства, населенного «тридцатью миллионами венгров» (такую доктрину проповедовала ведущая шовинистическая ежедневная газета «Будапешти хирлап»*), возможно в ближайшем будущем, если только нам удастся избавиться от наивных и сентиментальных законов, придуманных стариками Деаком и Этвешем; в стране есть лишь одна возможная культура – венгерская, тогда как любые попытки стимулировать развитие культур других народов – суть происки определенных интеллектуалов, пытающихся ловить рыбку в мутной воде; пытаясь укрепить свою культуру и создать автономии в рамках венгерского государства, населяющие его народы бессовестно злоупотребляют великодушием венгров, давших им приют, несмотря на право завоевателей.

Начиная с девяностых годов XIX в., новая доктрина, подкрепляемая политикой растущей нетерпимости в школах и демагогическими выкриками газет, превратилась в руководящий принцип венгерской общественной жизни, принятый всеми партиями и политиками. Даже партия, считавшая себя наследницей политических традиций Кошута, пала жертвой яростного национализма, когда начала использовать националистические идеи против партий Компромисса, утверждая, будто «плохие» народы были главными пособниками Вены в развале борьбы за независимость в 1849 г., а дать решающий бой против Австрии способна лишь окончательно мадьяризированная Венгрия.

Среди тех, кто предал идеи Деака и принялся искать решение национального вопроса в искусственной ассимиляции, были не только выразители безответственного общественного мнения, общественности, шумные патриоты и недалекие ораторы, но и ведущие политики, которые все чаще шли на опасные уступки ура-патриотическим настроениям. Среди них были не только те, кто подобно трансильванским политикам испытывал традиционную ненависть к румынам, доходящую до психоза (особенно это касалось барона Дезидериуса Банфи и графа Иштвана Бетлена – бывшего и нынешнего премьер-министров Венгрии), но и умеренные политики, которые нередко проповедовали терпимость по отношению к другим

*«Будапештский вестник» (*Прим. переводчика*).

народам. Так, например, Калман Селл, так называемый либеральный премьер, считавший себя наследником традиций Деака, в своей речи 1908 г. сделал следующее заявление:

«У нас есть лишь один категорический императив: идея венгерского государства, и мы обязаны требовать, чтобы каждый гражданин признал ее и безусловно ей подчинился. С этой точки зрения, мы, все политики Венгрии, остаемся непримиримыми... Объясню, почему. Венгрия обладает вековым священным и законным правом укреплять идею такого государства. Венгры завоевали эту землю для венгров, а не для других. Господство и гегемония венгров совершенно законны...»

Аналогичную точку зрения озвучил двумя годами позднее граф Иштван Тиса, глубоко потрясенный серьезностью румынской проблемы: «Наши невенгероязычные граждане должны привыкнуть к тому, что они принадлежат к национальному государству, которое не является конгломератом различных племен...» Обратите внимание: за четыре года до мировой катастрофы самый влиятельный политик Монархии не понимал, что Венгрия, население которой, даже по самым оптимистичным подсчетам, на 45,5% состояло из представителей других национальностей, не могла оставаться единым национальным государством и должна была последовать примеру презираемой ею Австрии и превратить старое аристократическое государство в конфедерацию наций.

Коренное изменение отношения венгерской общественности к Закону о национальностях стало результатом сложных сдвигов в массовом сознании, которые нельзя объяснить указанными выше факторами классовой борьбы. Рамки книги не позволяют провести детальный анализ, поэтому я вынужден указать лишь на самые важные факторы. После заключения дуалистического компромисса произошел относительно мощный экономический подъем. В экономически более развитых регионах страны естественная ассимиляция невенгерского населения шла довольно быстро; крупные и мелкие города, где ранее доминировал немецкий или еврейский элемент, восприняли венгерский язык и культуру с искренним воодушевлением; венгерские чиновники, судьи, промышленники и учителя заняли ведущие позиции во всех областях страны. Бурное железнодорожное строительство и регулирование судоходства превратили территорию страны в единое целое – более, чем когда-

либо; венгерские учреждения культуры пользовались абсолютной поддержкой государства, развитие же аналогичных институтов у других народов намеренно ограничивалось; административные посты занимали исключительно представители венгерского правящего класса или глубоко ассимилированные им элементы; ведущие банки страны, находившиеся преимущественно в руках евреев, были послушным инструментом правительства во всех мероприятиях по мадьяризации населения; вся экономическая и культурная жизнь страны сконцентрировалась в Будапеште, который своим блеском затмевал все остальные части страны; влияние индустриализации и увеличение количества промышленных рабочих (в 1900 г. они составляли уже 20,7% от всего населения), также способствовали мадьяризации, ведь венгры составляли самую пролетаризированую и мобильную, в интеллектуальном и культурном отношении, часть населения страны; система образования в целом все интенсивнее превращалась в инструмент мадьяризации, и большая часть среднего класса, независимо от национальной принадлежности, прекрасно писала и говорила по-венгерски; ежедневные венгерские газеты (государственные дотации получала только венгероязычная пресса) обрели почти немыслимую власть – владельцы-капиталисты были не слишком озабочены соблюдением моральных принципов и рассматривали националистическую демагогию как средство для получения прибыли. Так называемые венгерские культурные объединения росли как грибы, а их высокомерные националистические выступления были проникнуты манией величия.

Перечисленные экономические и социальные факторы развивали в венгерском обществе ощущение самодостаточности, подкрепленное духом гражданского образования, о котором мы поговорим в другом контексте. Шовинистически настроенное общество почти забыло о самом существовании других национальностей – последние воспринимались как бессловесные персонажи на сцене величественной национальной драмы. На это патологическое сознание отравляюще действовали и определенные психологические факторы.

Первый заключался в оптической иллюзии, вследствие которой венгерское общественное мнение, равно как и значительная часть зарубежной общественности смотрело на Австрию, измученную

борьбой народов за независимость, с ее парламентом, парализованным из-за постоянного обструкционизма, со снисходительной жалостью, абсолютно не понимая сути исторического процесса. С другой стороны, Венгрия длительное время демонстрировала счастливое единение немногочисленных национальных сил с антидемократическим парламентом, где доминировали исключительно представители правящих классов. То, что в реальности было механическим подавлением общественного мнения (посредством анахроничной и коррумпированной избирательной системы), представлялось как символ национальной мощи и сплоченности. Фактически объединенный венгерский феодальный парламент одерживал победу во всех конституционных дискуссиях над более демократическим высшим законодательным органом Австрии, где из-за национальных столкновений правительство редко получало поддержку серьезного большинства. «Единую» Венгрию модно стало ставить в пример «больной» Австрии, ослабленной национальными выступлениями.

В то же время, дух искусственной мадьяризации поддерживала и сама императорская власть. Венгерские правящие классы прекрасно знали, какой ультраконсервативной личностью был император Франц Иосиф – вряд ли он мог представить себе конституцию, базирующуюся не на венгерском дворянстве. Между прочим, точно так же относились к ситуации и австрийская бюрократия, и немецкая буржуазия, ведь немцы могли поддерживать свою гегемонию в Австрии только в союзе с венгерскими феодалами. Таким образом, и для императора, и для его чиновничьего корпуса любая попытка заменить венгерское дворянство полуграмотными румынскими, словацкими или сербскими крестьянскими массами, лидеры которых происходили из мелкобуржуазной среды, лишенной высших проявлений социальной жизни, представлялась крайне опасной. Император, по сути дела, до самого конца оставался настоящим королем Венгрии и был совершенно солидарен с венгерским дворянством, чей стиль жизни, элегантность, изящество и «благородство» вполне отвечали его вкусам. Франц Иосиф принял в качестве неизменной политической догмы скрытое содержание дуалистического компромисса, согласно которой венгерские феодальные классы гарантировали Его Величеству единство армии и внешней политики, получив

взамен от империи асболютную свободу в проведении внутренней политики, особенно в части, касавшейся господства над народами, населяющими Венгрию. Император последовательно и энергично пресекал любые попытки национальных групп получить высочайшую защиту от политики ассимиляции, проводимой венграми. К примеру, когда в 1892 г. 300 румын прибыли в Вену с просьбой об аудиенции, дабы представить императору меморандум с жалобами против венгерского господства, Франц Иосиф отказался принять депутатцию, отослал меморандум обратно и, без единого возражения, позволил венгерскому правительству возбудить судебные дела против подписавших меморандум, а венгерскому суду – присудить некоторым из них длительные тюремные сроки. По официальной версии, инициаторы движения за составление меморандума совершили государственную измену, поскольку обратились за защитой от венгерского короля к австрийскому императору, будучи венгерскими гражданами.

Аналогично в 1903 г., когда многочисленная делегация югославянских членов австрийского парламента от Далмации и Истрии предстала перед императором, чтобы выразить протест против угнетения своих братьев в Хорватии–Славонии силами венгерского абсолютизма, Франц Иосиф отказался дать им аудиенцию. (Этот эпизод сыграл огромную роль в развитии югославянской ирредены.) Не будет преувеличением предположить, что полное игнорирование невенгерских групп населения Венгрии со стороны императора стало доминирующим фактором в процессе распада монархии. Даже Йозеф Редлих, будучи крайне снисходителен к герою данной книги, называет эту политику Франца Иосифа «величайшим политическим грехом».

Еще одним фактором в курсе мадьяризации был сам механизм дуалистического компромисса, с помощью которого вся военная сила Монархии должна была поддерживать процесс ассимиляции невенгерских народов в случае бунта со стороны недовольных национальных групп. (На практике общую армию часто использовали в ходе парламентских выборов как средство запугивания сторонников кандидатов от национальных партий.) Наблюдая эту ситуацию, Лайош Мочари писал: «В безумии венгерского шовинизма есть система, подобная системе гамлетовского сумасшествия». Система эта состояла в отказе от венгерской независимости.

В обмен на эту жертву венгры получали поддержку в виде австрийских штыков общей армии, чтобы сделать процесс ассимиляции более эффективным. Борьба за национальную независимость может начаться только после полной мадьяризации страны*. Лидеры национальных меньшинств в Австрии остро переживали ситуацию, ведь венгерские меньшинства представляли те же национальности и, следовательно, их жалобы и раздражение отравляли атмосферу в Монархии в целом. Под растущим давлением обстоятельств австрийский парламент единогласно принял так называемую Резолюцию Шилингера (декабрь 1907 г.) следующего содержания:

«Учитывая возросшее в последнее время преследование невенгерских национальных групп, проживающих в Венгрии, императорско-королевское правительство вынуждено обратить внимание королевского правительства Венгрии, как второй стороны в австро-венгерском Компромиссе, на тот факт, что интересы всей Монархии повелительно требуют, чтобы венгерский Закон о национальностях от декабря 1868 года был введен в действие как можно скорее в духе полной свободы, справедливости и гуманности».

Австрийское правительсто, конечно, ничего не могло сделать в этом направлении, посколько главная идея Компромисса заключалась в установлении абсолютного венгерского суверенитета во всех вопросах, относящихся к внутреннему управлению страной.

Столь же значимую роль в установлении венгерской гегемонии играл и фактор «ренегатов»**. Венгерское высшее общество вобрало в себя иностранные элементы, особенно это касалось немцев и евреев. Ассимилированные народы делали идеологию правящего класса еще более жесткой и нетерпимой. Ренегатам свойственно особое рвение в службе вновь обретенным интересам, используя громкие и демонстративные методы. Помимо материальной и социальной выгоды, действовали и иные мотивы. Прежде всего, ренегат стремится вытравить воспоминания о своем прошлом, поддерживая притязания правящего класса в самой крайней форме. Подобное поведение объясняется чуть ли не биологическими при-

*A közösügyi rendszer zárszámadása. 226–227. o.

**Мы уже рассматривали данную проблему с иной точки зрения в пункте «Б» главы II части четвертой.

чинами. Представители правящего класса традиционно пользуются своей властью и, в некотором роде, отвыкли от борьбы, они становятся пассивными, апатичными, склонны больше предаваться удовольствиям и слишком ленивы, чтобы вести постоянную борьбу. Неофиты, или же недавно ассимилированные элементы, как правило, принадлежат к менее обеспеченным слоям. В конечном итоге, старые, привелигированные классы живут в отрыве от реальности, в атмосфере закрытой и устаревшей идеологии, не подозревая о тысячах мелких и скрытых пружинах повседневной жизни внешнего мира. Прозелиты, напротив, принадлежат реальному миру борьбы и попыток пробиться наверх. Они прекрасно осведомлены об экономических и социальных мотивах идеологических течений. Вместе с тем, принятие идеологии правящего класса для многих из них, особенно для евреев, обеспечивало «состояние защищенности». В восьмидесятые годы XIX в. получил развитие громкий и демагогический антисемитизм, кульминацией которого стал в 1882 г. печально известный процесс в Тисаесларе, где евреев обвинили в убийстве христианской девочки якобы для ритуального жертвоприношения. После некоторых колебаний правительство решительно встало на сторону евреев и подавило движение, которое подпитывалось за счет предрассудков и нечистых мотивов. Этот печальный эпизод способствовал росту венгерского национализма среди евреев, которые стремились теперь продемонстрировать свою верность венгерской государственной идее.

Было бы, тем не менее, ошибочно и несправедливо приписывать венгерский национализм евреев и других ассимилированных элементов только прагматическим соображениям. Совершенно очевидно, что большая часть ассимилированных элементов восприняли новую идеологию спонтанно и с искренним энтузиазмом, исключительно из любви к новой родине. Традиции либерального духа, провозглашенные Деаком и Этвешем, еще долго сохраняли привлекательность для полуассимилированных элементов венгерского общества. К тому же, если в Австрии тон в обществе задавали шумные и раздражающие антисемитские настроения, венгерское еврейство не испытывало на себе подобных гонений, а его высшая прослойка была, в своем роде, в фаворе у правительства. Однако самым важным фактором в процессе ассимиляции стала, наверное, роль столицы – Будапешта, города, наделенного удивительной ин-

теллектуальной пластичностью, способствовавшей расцвету искусства, науки и литературы. Интеллектуальный блеск столичного города вовлекал в свою орбиту всех жителей страны, стремившихся приобщиться к западной культуре. Лишь самые проницательные наблюдатели понимали, что в этом блеске есть нечто определенно патологическое, ведь гиперинтеллектуальности и гиперэстетизму нескольких тысяч противостояли невежество и духовная нищета подавляющего большинства*.

Куда более значимым фактором венгерского шовинизма было поведение господствующих классов. Чем менее популярной становилась политика правящей партии, чем больше обострялся классовый антагонизм, чем активнее пролетариат и национальные группы ратовали за расширение избирательного права, чем сильнее угрожал крупнопоместным монополиям аграрный социализм, чем настойчивее требовал невенгерский средний класс увеличения своей доли в управлении страной – тем более важным идеологическим инструментом консервации общества становилась «национальная угроза» (проблема борьбы национальностей за свои права). Этой же причиной объяснялась и необходимость сохранения системы латифундий, равно как и коррумпированной комитатской администрации. Найстойчиво заявлялось, будто идея демократии и венгерского национального государства несовместимы. В то же время мысль о том, что Венгрия должна последовать примеру Австрии и изменить свою конституцию в духе Закона о национальностях, созданного Деаком, а на смену политическому господству венгров должна постепенно прийти их культурная и экономическая гегемония, представлялась правящему классу доктриной от лукавого, а само обсуждение этой концепции приравнивалось к государственной измене. Комплекс страха перед угрозой со стороны национальных групп, систематически подогреваемый в прессе, школе, парламентской и общественной риторике, свел на нет усилия трех поколений и сделал невозможной какую бы то ни было серьезную социальную или экономическую реформу. Лишь очень немногие понимали, что данная доктрина нужна лишь для сохра-

*Блестящий анализ еврейского сообщества в Париже, данный Роменом Ролланом в одном из томов «Жана-Кристофа», демонстрирует поразительные аналогии с положением евреев в предвоенном Будапеште.

нения феодальных привилегий. (Послевоенный опыт сделал эту истину очевидной. При том, что мирный Трианонский договор превратил Венгрию в действительно единое национальное государство с населением, состоящим почти исключительно из венгров, правящий класс отменил всеобщее избирательное право, вернул прежнюю коррумпированную избирательную систему, сохранил решающее влияние крупных земельных владений и власть джентри в комитатской администрации. Опасность со стороны национальных меньшинств исчезла как предлог, однако система классового господства никуда не делась. Теория «национальной угрозы» трансформировалась в «еврейскую угрозу»!)

Вследствие описанных причин на смену либерализма в духе Деака и Этвеша пришла система, в которой основными концепциями венгерской политики стали идея о венгерском национальном государстве и жупел национальной угрозы. Под гипнотическое воздействие этой идеи попали весь парламент и все общественное мнение. Ее выкрикивали демагоги, защищали публицисты, провозглашали даже политики, публично выступавше в защиту либерального отношения к национальным группам, согласно принципу N'en parlons jamais y pensez toujours…*

Д. Процесс искусственной мадьяризации

Рамки данного исследования не позволяют детально рассмотреть процесс, в ходе которого растущий дух шовинизма в среде правящих классов формировал сложный механизм искусственной и насильственной ассимиляции. Меня удерживает от подробного анализа не только объем книги, но и чувство морального отвращения, испытываемого мной при мысли о необходимости углубиться в ошибки и преступления прошлого. Теперь, когда Венгрия под видом наказания жестоко и во многом несправедливо ущемлена, мы видим, что политику, за которую Венгрия якобы и поплатилась, продолжают ее бывшие жертвы. Таким образом, я ограничусь реконструкцией той общественной атмосферы, в которой система функционировала. О деталях и тонкостях процесса было написано нема-

*«Мы никогда не будем об этом говорить, но вы всегда будете об этом думать» (*фр.*)

но трудов, способных дать читателю полную картину событий. Официальные венгерские историки и публицисты и сегодня отрицают большую часть этой литературы, считая ее намеренно искажающей факты и измышлениями предателей или шпионов, состоящих на службе панславизма, дако-романизма или пангерманизма. Психологическую подоплеку подобных обвинений мы уже объясняли выше и остановимся на ней далее. Характерно, например, что в описаниях венгерских журналистов и политиков Сетон-Уотсон – человек высоких моральных принципов и сторонник научной объективности – постоянно фигурировал как алчный авантюрист или безумец, введенный в заблуждение национальными меньшинствами, проживающими в Венгрии. Можно даже найти статьи, в которых правительству советуют откупиться от нежелательного иностранца*. Относительно достоинств подобной литературы в целом должен признать: поскольку авторами, отчасти, являлись представители угнетенных народов или проинформированные ими иностранцы, их описания порой кажутся чересчур мрачными и однобокими, однако по большей части приводимые факты соответствуют действительности. В этой связи могу лишь повторить заявление высокопоставленного венгерского чиновника из румынского комитата, у которого я спросил, что он думает по поводу обвинений против румын. Одинокий почитатель политики Деака тогда ответил: «Вычтите одну треть всех обвинений, продиктованных страхом или ненавистью, и вы получите полную правду».

В целом, как мне представляется, методы и приемы венгерской национальной политики по сути были аналогичны тем, которые применялись во всех странах, пытавшихся ассимилировать своих иноязычных граждан путем насильственного или искусственного насаждения иностранного языка. Несмотря на различия в конкретных деталях, политика русского царизма в отношении поляков, финов, русинов, политика Пруссии в отношении поляков и датчан и политика феодальной Англии в отношении ирландцев проникнута тем же духом и задействует те же методы.

*На самом деле, этот английский путешественник, Scotus Viator, приехал в Венгрию как страстный почитатель Лайоша Кошута, намереваясь доказать «клеветнический характер» обвинений, выдвинутых национальными меньшинствами против венгров.

Самым удобным инструментом для достижения целей мадьяризации, естественно, стала система образования. В действительности, мы можем наблюдать, что каждый последующий министр народного образования оказывался нетерпимее своего предшественника. Сначала – закононачальной школе от 1879 г., затем – закон о среднем образовании 1883 г., наконец, закон о дошкольном образовании, принятый в 1891 г., образуют непрерывную цепь попыток мадьяризировать преподавательский состав, расширить преподавание на венгерском языке и ограничить обучение на других языках. Конфессиональные школы национальных меньшинств стали объектом бесконечных проверок, а государство стало активно открывать государственные венгерские школы в национальных областях в противовес бедным и малоэффективным национальным школам. В то же время, венгерский аграрный пролетариат был лишен жизненно необходимого начального образования, ведь у государства, проводившего мадьяризацию невероятно бурными темпами, не хватало на это средств. В отдельных областях венгерского Альфёльда неграмотность достигла ужасающих размеров.

Что касается среднего образования, то и здесь государство проявляло крайнюю нетерпимость, рассматривая средние школы как важнейший инструмент ассимиляции, ведь именно отсюда вербовали цвет национальной интеллигенции. «Средняя школа подобна гигантской машине, в которую с одного конца сотнями заходят молодые словаки, а на выходе они все становятся венграми», – эти слова произнес не обычный демагог, а Бела Грюнвальд, выдающийся историк и социолог, один из самых значительных умов эпохи. С этих позиций средние школы также стали объектом жесточайшего контроля; главная задача образования состояла не столько в передаче необходимых знаний, сколько в воспитании чувств в соответствии с идеологией правящего класса. Когда же государственный контроль оказался недостаточно эффективным, словацкие школы были закрыты под предлогом панславистского заговора; точно так же была прекращена деятельность единственного невенгерского высшего учебного заведения – немецкой юридической академии в Надьсебене. Атмосфера недоверия и мадьяризации была настолько явной, что француз Луи Айзенман сделал следующее наблюдение:

«Может показаться, будто венгерскому государству постоянно угрожает масштабный заговор. Если граждане Венгрии словацкой на-

Таблица XIV

	Начальные школы		
Национальность	*Язык преподавания*	*Количество учеников*	*Количество учителей*
Венгры	Венгерский – 12 784	1 050 579	26 270
Другие народы	Другие языки – 3 712	853 541	5 547

циональности требуют каких-то прав для словацкого языка, их называют «панславистами». Если то же самое делают румыны, их называют «сепаратистами» или «дако-румынами»! Даже дети в детских садах способны угрожать безопасности государства, и венгерское государство принимает меры предосторожности в яслях...»*.

Подобные меры позволили государству непропорционально увеличить количество венгерских школ и сократить численность национальных школ путем прямого нарушения закона о национальностях.

В таблице XIV видно, что венгерское население имело в распоряжении в четыре раза больше школ и в пять раз больше учителей, нежели почти равное ему по количеству население других национальностей. В учреждениях среднего и высшего образования доля венгерских студентов колебалась между 79,9 и 88,8%, соответственно, а венгерские преподаватели составляли 75,5%.

Несмотря на количественный перевес, реальные успехи венгерской ассимиляции были весьма сомнительными. В районах компактного проживания представителей других национальностей, редко вступавших в контакт с венграми, на уровне начальной школы все сводилось к механическому заучиванию наизусть патриотических стихов и песен. Плата за подобное обучение была слишком дорогой – невенгерская молодежь не выучивала как следует ни родной, ни венгерский язык. «Время, потраченное на изучение венгерского языка без достижения желаемого результата, снижает относительную эффективность преподавания других учебных дисциплин», – писал видный венгерский специалист**.

*Le Compromis Austro-Hongrois, p. 558.

***Kunfi Zs.* Népoktatásunk bűnei. Budapest 1908.

Я и сам неоднократно занимался изучением языковой ситуации в регионах проживания национальных меньшинств и в 1912 г. писал о насильственном насаждении венгерского языка:

«Насильственная мадьяризация школ – одна из главных причин плачевной культурной отсталости невенгерских народов. Ибо там, где национальные группы проживают компактно, вдали от венгерской культуры, любая мадьяризация школ невозможна, ведь школа с ее четырьмя часами обучения бессильна против двадцати часов реальной жизни. Если бы все начальные классы в школах Трансильвании с ее многочисленным румынским населением состояли сплошь из детей, наделенных лингвистическими способностями Альберта Аппони [граф Аппони в то время был главным выразителем политики искусственной мадьяризации], и если бы каждая школа представляла собой образцовое учреждение, а не одну-единственную битком набитую комнату с одним-двумя нищими и дурно обученными учителями, даже и тогда принудительное обучение венгерскому языку могло привести лишь к одному: дети бы выучивали несколько венгерских фраз, которые бы жизнь вскоре стирала из их памяти, вместо того чтобы научиться массе полезных для жизни вещей…»*.

В средних школах ситуация была совершенно иная: обучение здесь шло намного интенсивнее, да и сами школы располагались в городах, где всегда была определенного уровня венгерская общественная жизнь – даже в национальных регионах. На самом деле, большая часть интеллигенции невенгерского происхождения очень хорошо знала венгерский язык, некоторые ее представители стали великолепными венгерскими ораторами и писателями. Однако с точки зрения венгерской ассимиляции, радикальных изменений не наблюдалось, поскольку выходящие из этих школ молодые люди невенгерского происхождения самым активным образом поддерживали требования своих народов, а механическая мадьяризация привела к ожесточенной борьбе «мадьяризированных элементов» против школьной системы ассимиляциии, а порой – и против самого венгерского государства, которое они отождествляли с политикой насильственной мадьяризации. Другая часть молодых представителей национальных групп уезжала учиться за границу, в учебные заведения

*A nemzeti államok kialakulása. 471–472. o.

соседних стран, где преподавание велось на родных для них языках, и подобные связи лишь подогревали пламя ирредентизма. Прага, Бухарест и Белград казались словацкой, румынской и сербской молодежи чем-то вроде национального Эльдорадо. Под давлением со стороны крупных землевладельцев началась массовая эмиграция «мозгов» – более опасная, нежели эмиграция физических лиц.

Другим важным инструментом мадьяризации выступал административный аппарат – в первую очередь, на уровне комитатов. Вместо превращения прежних комитатских органов феодального самоуправления в органы народного самоуправления (как планировали авторы Закона о национальностях), с помощью которых легко можно было бы удовлетворить культурные и административные потребности национальных групп без ущерба для государственной целостности, эти учреждения только усиливали монополистические позиции земельного дворянства и связанных с ним элементов, создавая подобие яслей для джентри, где представители этого класса, непригодные для экономической деятельности, гарантированно получали приличную работу. Стремление правящих классов зарезервировать для себя все влиятельные посты в государстве и органах местной администрации стало основным фактором обострения национальной борьбы, ведь подобным попыткам – как мы уже подчеркивали в иной связи – сопутствовала идеология, согласно которой невенгерский средний класс сплошь состоял из предателей, был пронизан панславистскими и дако-румынскими настроениями, поэтому его представителей надо было держать подальше от важных постов и нанимать их только на самые низшие административные должности. На деле интересы национальных групп не учитывались вообще, и у представителей невенгерского среднего класса и венгерского господствующего класса не было ни малейших шансов соприкоснуться в общественной или духовной сфере. Благородное общество допускало в свои круги лишь отдельных ренегатов невенгерского происхождения, но это лишь вызывало глубокое сознательной части национальных меньшинств. В столицах комитатов представители среднего класса невенгерского происхождения находились в большей изоляции, нежели средневековые евреи в своих гетто. Лайош Мочари в отчаянии наблюдал за ситуацией, прекрасно понимая, чем это может закончиться. В конце восьмидесятых годов XIX в., по его подсчетам, из девяти с поло-

виной тысяч чиновников, занятых в самых важных сферах управления, было всего 199 румын. В связи с этим Мочари отмечал: «Из указанных чиновников всего 2% составляют граждане румынской национальности, тогда как от населения страны румыны составляют 20%; и даже эти два процента, как правило, занимают самые низшие должности...»* Положение не таких многочисленных национальных групп складывалось еще хуже, за исключением трансильванских саксов, которых правительство использовало в качестве удобных союзников против румынского населения. Причину следует искать в экономическом и культурном превосходстве трансильванских саксов не только над румынами, но и в определенном отношении над венграми.

Административная монополия венгерских правящих кругов делала государство, на первый взгляд, моноязычным, однако за единством языка скрывалась культурная отсталость народных масс и ожесточение в среде невенгерского среднего класса. Представители последнего в поисках средств к существованию пытались устроиться на работу в сети финансовых учреждений, привнося дух фанатичного шовинизма в ту сферу экономической деятельности, где, как правило, царит довольно интернациональная атмосфера. Ситуацию усугубляла идея «национальной администрации»: как мы уже описывали, те, кто ее воплощал в жизнь, воспринимали себя не как слуги общества, но, скорее, как господа по праву завоевателей. Административный произвол и коррупция государственной власти подчинили себе все население страны – не только национальные меньшинства, но и венгерских крестьян и рабочих. Но поскольку административные злоупотребления совершали венгры, национальные меньшинства воспринимали эти злоупотребления как доказательство венгерского произвола. С точки зрения правильно понятой идеи венгерского государства, монополия венгров на власть наносила ей самый сокрушительный урон.

При всей жестокости и коррумпированности системы, еще более пагубным было полное непонимание национальных устремлений и тенденций. Олигархический правящий класс был абсолютно не за-

*В своем памфлете «Несколько слов о национальном вопросе» (Néhány szó a nemzetiségi kérdésröl. Budapest, 1886) этот справедливый и храбрый человек приводит немало других фактов с целью убедить соотечественников и свою партию в том, что ситуация сложилась крайне опасная.

интересован в более тесном контакте с реальными или воображаемыми нуждами людей. Лишь при такой администрации могла, например, произойти страшная резня в Чернове в 1906 г., когда венгерские власти попытались заставить мирных жителей этой небольшой словацкой деревушки отказать популярному и любимому прихожанами священнику (известному словацкому лидеру Андрею Глинке) и позволить двум другим, неизестным священникам освятить новую церковь. Прихожане не согласились, жандармы не вытерпели и начали стрелять. Были убиты 15 крестьян, еще 60 получили ранения разной степени тяжести.

По сути дела, подобную культурную и административную политику можно было проводить только с помощью устаревшей и коррумпированной избирательной системы (о ней мы уже писали в предыдущей главе). Главное зло этой системы крылось не столько в малом числе избирателей и даже не в бесконечных предвыборных махинациях в ущерб национальным меньшинствам и мелкому венгерскому крестьянству, поддерживавшему традиции Лайоша Кошута. (Сразу после заключения Компромисса «демократические круги» венгерского крестьянства, продолжавшие традиции Кошута и призывавшие к разделу крупных имений, были подвергнуты жесточайшим репрессиям.) Венгерская избирательная система стала «самой реакционной», по мнению Рудольфа Кьеллена, и «уникальной для Европы»* по степени коррумпированности, согласно утверждению Йозефа Редлиха, из-за несоблюдения даже этих ограниченных и искусственных принципов; порочный институт «открытого голосования» давал большой простор для фальсификаций, которые происходили под давлением или в результате насилия. Часто не использовали даже открытое голосование – избирателей просто не подпускали к участкам под надуманным предлогом «чрезвычайных обстоятельств». Бывали случаи, когда разрушали мосты или объявляли их непригодными для прохода только ради того, чтобы заставить избирателей, собирающихся голосовать за оппозиционную партию, долго идти в обход пешком; в отдаленных деревнях всех лошадей под выдуманным предлогом вдруг подвергали ветеринарной проверке, чтобы контролировать передвиженя электората;

*Неизвестно, оставили бы эти замечательные авторы свое мнение без изменений в свете ужасов послевоенного периода.

главные дороги в регионах открывали исключительно для представителей правительственной партии, а оппозиция была вынуждена ездить в распутицу по разбитым проселочным дорогам; в день выборов оппозиционный электорат весь день держали на улице под дождем или снегом, чтобы заставить людей отказаться от попытки проголосовать или чтобы вынудить их проголосовать за правительственного кандидата.

Подобные административные уловки дополняла сложная система подкупа: избирателей щедро потчевали едой и напитками, накачивали спиртным, открыто покупали у них голоса, им обещали правительственные посты или угрожали лишить должностей, неожиданно взымали задоложенности по налогам и лишали ссуд в банке. Однако, как правило, даже перечисленные меры не помогали сломить волю избирателей. В таких случаях для обуздания протестующих масс, без долгих раздумий, использовали общую армию. Так, в ходе последних выборов перед распадом империи в 1910 г. мы наблюдали такое скопление войск, что иностранные наблюдатели решили, будто началась всеобщая мобилизация. Несмотря на присутствие в Венгрии на тот момент 120 пехотных батальонов и 72 эскадронов кавалерии (не считая собственных национальных формирований гонведов), в страну были стянуты огромные войска из Нижней Австрии, Штирии и Моравии. Оппозиция обвинила правительство в том, что оно ввело войска в 380 из 413 избирательных округов Венгрии. В ответ на это обвинение было опубликовано официальное заявление, в котором утверждалось, что оппозиционная пресса «ошиблась» в своих подсчетах и «для поддержания общественного порядка» было задействовано «всего» 194 пехотных батальона и 114 эскадронов артиллерии. Как уже отмечалось, самые дальновидные военачальники были глубоко встревожены происходящим, предвидя, что подобные процессы способны усилить центробежные тенденции внутри Монархии. Описание ужасов венгерских выборов стало излюбленной темой в иностранной печати. При этом иностранные наблюдатели не замечали, что власти применяют методы запугивания избирателей не только к национальным меньшинствам, но проявляют такую же беспринципность и жестокость по отношению к венграм, выступающим против дуалистической системы или пытающимся разрушить монополии крупных имений. Об

этом свидетельствует и широко распространенная венгерская пословица: «Политика – уловка господ».

Система все жестче ограничивала участие национальных групп в законодательной деятельности. Так, например, в 1887 г., в результате грубых нарушений в ходе выборов два с половиной миллиона венгерских румын в парламенте представлял один-единственный депутат, бывший генерал объединенной армии, Траян Дода, да и тот подал в отставку, заявив, что не может отстаивать интересы своего народа перед четырьмя сотнями депутатов. Язык заявления Доды об отставке оказался настолько пылким, что депутат предстал перед трибуналом и получил два года тюрьмы. Словацкие депутаты также подвергались постоянным гонениям за «бунтарское поведение». В 1894 г. Румынская национальная партия, единственная политическая организация румын, была распущена по административному распоряжению правительства как «неконституционная».

Перечисленные факты вполне характеризуют суть всей избирательной системы и объясняют, почему в предвоенном венгерском парламенте не было ни одного представителя от рабочих и безземельных крестьян (обе группы составляли абсолютное большинство населения), и отчего в стране, где венгерский язык был родным всего для 54% населения, на 413 депутатов парламента приходилось всего 8 румын и словаков. (Депутатов-саксов от Трансильвании можно не считать, поскольку они всегда составляли правительственный резерв.) Но даже у этих немногочисленных представителей национальных меньшинств не было адекватной возможности выразить пожелания своих народов. В венгерском парламенте было принято затыкать рот таким депутатам каждый раз, когда они решались заявить о национальных обидах. С ними обращались как с предателями. Таким образом, национальные группы были лишены возможности выразить недовольство – даже в прессе, ведь преступление, обозначенное как «разжигание национальной розни», позволяло судам присяжных, набранных исключительно из венгероязычных граждан, отправлять в тюрьму национальных авторов, выступавших против политики мадьяризации. В таблице XV собраны статистические данные о преследованиях по национальному признаку в период с 1886 по 1908 г.

Таблица XV

	Количество дел	*Сроки лишения свободы (лет)*	*Месяцев*	*Дней*	*Штрафы (в кронах)*
Словаки, 1896–1908	560	91	7	26	42 000
Румыны, 1886–1908	353	131	10	26	93 000
Немцы, 1898–1903	14	2	10	10	7 000
Русины, 1904	7	5	–	–	2 000
Сербы, 1898–1906	4	1	1	–	2 000

(Подробнее см.: *Scotus Viator* [*R.W. Seton-Watson*]. Racial Problems in Hungary (London, 1908). Pp. 441–66.

Здесь необходимо особенно подчеркнуть, что принцип, согласно которому национальности не должны были быть представлены в парламенте, и доктрина о том, что венгерское государство несовместимо с демократической представительной системой были не просто выражением демагогических страстей ура-патриотической прессы и политиков, жадных до депутатских мандатов, но базовой установкой для всех ответственных венгерских политиков последнего призыва (до распада Монархии). В этой связи Михай Каройи, знакомый с ведущими государственными деятелями ближе, чем все остальные современники (нередко утверждали, будто венгерской политической жизнью управляли три–четыре главных графа и их семьи; к ним относили семейства Тисы, Андраши, Аппони и Каройи), и до Первой мировой войны разделявший их национальные предрассудки, в своих мемуарах делится любопытными наблюдениями, характеризующими ситуацию лучше любых абстрактных рассуждений:

«В 1910, когда я все еще находился под влиянием эмоциональных рассуждений Тисы... он как-то поделился своей идеей о том, что прежде всего следует овенгерить невенгерскую половину

двадцатимиллионного населения страны, и если это удастся сделать, тогда можно будет говорить о демократии в Венгрии... Взгляды Дюлы Андраши и Альберта Аппони на национальный вопрос совершенно совпадали с идеями Тисы. Однако Тиса был более последователен. Он отвергал идею демократии, а Андраши и Аппони с ней заигрывали... Аппони полагал, будто страну можно разрезать на две части, как какой-нибудь торт, на венгерские и невенгерские регионы. Венграм он бы предоставил, в теории, все те права, в которых совершенно отказывал представителям остальных национальностей. При всей своей деликатности и осторожности, в этом вопросе Аппони перестал чувствовать, о чем можно говорить вслух, а о чем нельзя, и в своих публичных выступлениях не делал попыток скрыть намерение отобрать права у половины населения страны...»*.

Для построения унитарного венгерского государства применялись и другие методы. А именно: мадьяризация названий сел, даже в тех регионах, где практически не было венгероязычного населения; мадьяризация фамилий – во многих случаях это было выражением искренней лояльности, однако впоследствии правительство насильно распространило подобную практику с целью продемонстрировать венгерский характер государства перед иностранной общественностью; переселение венгерских крестьян в районы компактного проживания других народов – естественным результатом этих попыток аграрной колонизации стала ассимиляция крошечных венгерских островков в море других народов; раздача венгерских дворянских титулов – для тех, кто стремился быть принятым в среду джентри, это считалось очень престижным. Но куда опасне всех этих незначительных мероприятий стали так называемые «венгерские культурные объединения». Страна действительно крайне нуждалась в подобных объединениях, ведь венгерское население значительно сократилось вследствие туберкулеза и массовой эмиграции, детская смертность была очень высока, а количество неграмотных во многих регионах делало здоровую культурную жизнь невозможной. Однако покровители этих объединений мало заботились о повышении культурного уровня венгерских масс – их задача состояла в скорейшей

*Op.cit. Pp. 67–69.

мадьяризации румын, словаков, немцев и сербов. Решить эту задачу они стремились не столько средствами культуры, открывая библиотеки, музеи, больницы, амбулатории, совершенствуя средства связи, обеспечивая индустриализацию страны, раздавая стипендии; их куда больше устраивали пышные банкеты, на которых эти деятели каждый раз заявляли о предательской сущности национальных меньшинств и призывали правительство и комитаты к более активным и действенным мерам по мадьяризации. Единственным результатом подобной «культурной деятельности» стало, естественно, создание синекур для членов привилегированных классов и обострение недовольства среди других народов, которые принялись учреждать собственные культурные объединения в попытке развить национальное самосознание у крестьян и открыть умы и сердца последних для пропаганды ирредентизма.

Принимая во внимание перечисленные методы и инструменты мадьяризации, можно понять, почему даже такой друг венгров и искренний поклонник талантов Деака и Этвеша как Йозеф Редлих осуждал подобную политику:

«За всю историю девятнадцатого века – за исключением подавления поляков русскими – вряд ли можно найти другой пример столь полного и спланированного попирания законов и процедур, касающихся большинства населения страны, при игнорировании политических прав и привилегий, которые венгры гарантировали представителям национальных меньшинств, нежели действия венгерской знати и правителей страны с 1867 года, направленные против всех иноязычных граждан Венгрии»*.

Заявление выдающегося исследователя, тем не менее, требует некоторых оговорок. Прежде всего, в системе было-таки определенное равенство. В общественной и административной сферах против безземельного венгерского крестьянства и всего венгерского пролетариата применялись точно такие же феодальные методы, как те, что были описаны выше. Не стремясь оправдать все действия венгров против национальных групп, ради справедливости должен сказать, что они никогда не достигали того уровня жестокости, с которой англичане подавляли ирландцев, а пруссаки – поляков. Помимо этого, формальная несправедливость

*Das Österreichische Staats- und Reichsproblem. Bd. II. S. 290.

в значительной степени смягчалась за счет вялого и интертного характера венгерской администрации. Еще важнее то, что давление системы в целом куда сильнее ощущала тонкая прослойка национальной интеллигенции, нежели основное население, которое в своей отсталости не вполне осознавало важность проблемы. Наконец, следует подчеркнуть, что во многих регионах венгерское дворянство и ассимилированные с ним элементы в определенной мере говорили на языке народа – таким образом, в повседневной жизни венгерская администрация не оказывала на крестьянские массы слишком большого давления.

Е. Венгерские выступления против мадьяризации

В данной связи следует подчеркнуть один важный факт (мы уже обращались к нему), сыгравший значительную роль не только в развитии венгерской проблемы, но и везде, где оголтелый национализм пытался ассимилировать национальные меньшинства. Описанный выше процесс вообще никак не воспринимался венгерским обществом как насильственное подавление других народов. Напротив, большинство из тех, кто применял эту систему на практике, а также буржуазия и интеллектуалы были глубоко убеждены, что в Венгрии никакого преследования по национальному признаку нет, а венгерская нация предоставила такое количество свобод и привилегий народам-соседям, стоящим на более низкой ступени развития, что либерализм венгров не имеет аналогов в истории. В ответ на проявленную щедрость эти второсортные народы почему-то отвечали обвинениями и клеветническими измышлениями, настраивая зарубежное общественное мнение против венгерской нации, и это воспринималось как неслыханная неблагодарность. Результатом венгерского гражданского воспитания и печатной пропаганды, не уравновешенных никакими другими факторами, стало то, что общественность исповедовала подобные взгляды вполне искренне. Более культурные и политически подготовленные слои венгерского общества не имели никаких связей с представителями национальной интеллигенции и понятия не имели о воззрениях и устремлениях последних, даже когда жили с ними в одном городе. Образованные венгры никогда не обращали внимания на реальности пов-

седневной жизни и ориентировались лишь на замечания в адрес меньшинств, высказанные шовинистически настроенными политиками, публицистами и преподавателями. По логике этих замечаний положение нацменьшинств в Венгрии было прекрасным, а если они по-прежнему жаловались, то это могло быть результатом лишь какого-нибудь иностранного заговора или ирредентистской агитации. Любой, кто отваживался критиковать ситуацию в Венгрии, особенно избирательную и административную системы, получал ярлык панслависта или дако-румына. Чтобы заподозрить человека в государственной измене, достаточно было и менее значительного повода. Помню, как однажды, будучи в благородном венгерском обществе одного словацкого комитата, услышал следующую реплику: «Эти панслависты теперь ведут себя совершенно открыто – какая дерзость. Сегодня, например, пришлось ехать в купе первого класса с пятью панславистами – так они даже не скрывали, кто они». Поинтересовавшись деталями этой ужасающей истории, я узнал, что упомянутые господа беседовали друг с другом на словацком языке; из этого факта венгерский наблюдатель заключил, будто они панслависты, ведь ни один порядочный человек по-словацки говорить не станет. Распевание словацких или румынских песен или ношение людьми национальных цветов точно так же могло вызвать подозрения касательно обострения международного положения в ряде регионов, взбудораженных борьбой нацменьшинств за свою независимость.

Если таково было отношение интеллигенции и буржуазии, можно представить, как воспринимали эту проблему представители так называемых «исторических классов» в ходе многолетней политики ассимиляции. Между ними и национальными группами сохранялось ощущение такой исторической и социальной дистанции, что сама идея о притеснении невенгерских народов казалась верхушке венгерского общества абсурдной. Джон Стюарт Милль однажды проницательно заметил, что истинная мораль возможна лишь между равными. Данное утверждение еще более справедливо в отношении политической морали, люди склонны куда меньше ощущать несправедливости, возникающие в результате политических ухищрений. Многие люди не способны украсть или напасть на другого человека на

улице. Однако те же самые люди могут устанавливать политические монополии в ущерб общественным интересам или позволять жандармам открывать огонь по толпе, возмущенной политикой эксплуатации. Унаследованные от предков феодальные привычки, право завоевателя, догма «мы здесь хозяева и останемся хозяевами навечно» делали равноправную дискуссию по национальному вопросу в этих кругах невозможной. Исходя из исторического права, притеснения по национальному признаку и быть не могло. Венгерское господство являло собой руку судьбы. Протестовать против него мог только изменник и предатель*.

Лишь немногие осознавали неосуществимость политики ассимиляции и понимали, что «венгерское национальное государство» остается чистой фикцией, голым фасадом, и сохранить его можно было только благодаря культурной отсталости масс и олигархическому абсолютизму. Никто, наверное, не имел более ясного представления об истинной природе явления, чем Лайош Мочари, последний хранитель традиций Кошута в Партии независимости. Он подчеркивал, что страна не сможет обеспечить себе независимость от Австрии до тех пор, пока Габсбурги смогут пользоваться старым рецептом 1849 г., настраивая национальные группы против усилий Венгрии по обретению свободы. В своей парламентской речи 1887 г. Мочари заявил:

«Массовая мадьяризация Венгрии – идея утопическая, она лишь показывает, что венгры не могут смириться с мыслью, что в стране живут граждане, говорящие на другом языке, ведь венгры верят, будто истинным патриотом родины может быть лишь тот, кто говорит по-венгерски. Это роковая ошибка и оскорбление людей других национальностей... Мне кажется, правитель-

*В реальности система именно так и рассматривала данный вопрос – даже лучшие из зарубежных исследователей нередко этого не понимали. Так, например, один из лучших знатоков проблем Монархии, Луи Айзенманн недавно высказался таким образом, что стремление к мадьяризации не было искренним, но имело целью воспрепятствовать культурной и нравственной эволюции невенгерского населения. [см. его выдающееся эссе La Hongrie Contemporaine, 1867–1918. Paris, 1921. P. 152]. Подобная ультрамакиавеллистская точка зрения кажется мне ошибочной. Правда состоит в том, что жажда мадьяризации, стремление к созданию единого национального государства опиралось на энтузиазм и искреннее желание общества – в этом-то и состояла единственная «моральная сила» всей системы. Сказанное относится даже к большинству членов партии Тисы, хотя ее феодальные элементы, естественно, были больше заинтересованы в «господстве», нежели в «ассимиляции».

ство не считает своей задачей ограничивать шовинизм в его неуместных и бесцельных проявлениях, но своим благодушием, скорее, способствует его росту. Подобное поведение правительства дает повод полагать, будто ради мадьяризации позволено все, цель оправдывает средства, и любой, кто занимается насаждением венгерской культуры, может заслужить награду от правительства. Думаю, задача правительства состоит не в этом, а в объективном отношении ко всем народам... Правительство никогда не должно забывать, что оно управляет многоязычной страной, что оно обязано быть одинаковым для венгров, славян и румын, что страна не должна превратиться в одно большое «культурное объединение», ведь в ней проживают граждане разных национальностей, между которыми следует равно распределять не только обязанности, но и права».

Аналогичную мысль Мочари подчеркивал во многих своих выступлениях и работах, критикуя национальную политику страны как систему «неудачных галлюцинаций». Ужасающий рост венгерского шовинизма лучше всего иллюстрирует тот факт, что Мочари, обладатель блестящих способностей, благородного характера, человек финансово независимый, и – что в Венгрии значило особенно много – представитель старейшего дворянского рода, оказался в полной изоляции в венгерской общественной жизни и был исключен из партии, присвоившей себе имя Кошута*. Подобный исход кажется еще более странным, учитывая, что Кошут последовательно отстаивал политику компромисса в отношениях с национальными меньшинствами, а политику мадьяризации считал невозможной. Мочари посетил Кошута в ссылке, и в ходе беседы великий политик вспыхнул от гнева, когда гость заговорил о национальной политике в Венгрии**.

После политической отставки Мочари венгерский национализм расцвел пышным цветом, не встречая никаких препятствий. В начале XX в. дух ура-патриотизма и нетерпимости проник в самые консервативные слои общества, которые в других странах старались

*Однажды, когда Мочари закончил свою речь в защиту национальных меньшинств, его однопартиец под бурные аплодисменты большинства воскликнул: «А теперь давайте откроем окна!»

**A közügyi rendszer zárszámadása. 216. o.

смягчать социальные и политические конфликты*. Один только сильный и благородный Дюла Юшт, убежденный последователь Кошута и непродолжительное время спикер парламента, пытался смягчить и уравновесить нарастающий шовинизм, прекрасно сознавая, какую опасность подобные настроения представляют для венгерской независимости. Наряду с Юштом, роковую опасность национального вопроса признавали немногочисленные венгерские социалисты и члены Будапештского общества социальных наук («венгерские фабианцы»); они пытались разбудить страну, объясняя, что ей угрожает, если проблема не будет решена в духе справедливости и равенства. Такая же сверхзадача стояла и перед автором этих строк, когда в течение первых двух десятилетий XX в. он опубликовал немало работ и исчерпывающее исследование о национальном вопросе в Европе и, особенно, в Венгрии. Автор пытался показать, что опыт насильственной ассимиляции в Венгрии совершенно аналогичен тому, что описали Бернард Шоу, Гуго Ганц и Йоханнес Тидье в связи с национально-освободительной борьбой ирландцев в Англии, поляков и датчан в Германии. Произошедшее в Венгрии и в других странах позволяет вывести ряд следующих социологических обобщений:

1. Политика насильственной ассимиляции ведет к укреплению собственных национальных чувств и устремлений у угнетенных народов. По мере того, как патриотизм господствующего класса все больше трансформируется в деструктивный ура-патриотизм, у притесняемых народов зарождается искренний патриотизм и готовность к самопожертвованию.

2. Политика насильственной ассимиляции деморализует правящую нацию и одновременно способствует интеллектуальному и нравственному подъему у лучших представителей угнетенных народов. Стрелять по безоружным или плохо вооруженным массам с

*Характерный эпизод рассказывал в связи с этим Йожеф Криштофи (бывший министр внутренних дел, пробовавший ввести в Венгрии всеобщее избирательное право): как-то раз он прогуливался с Шандором Дешшевфи, епископом чанадским и членом Верхней палаты парламента по епископскому саду, обсуждая проблему избирательного права. Дешшевфи утверждал, что «в Венгрии национального вопроса не существует» и, потрясая тростью, кричал, что ни один депутат от национального меньшинства не будет допущен в венгерский парламент. Если таково было отношение сильных мира сего, можно представить степень шовинизма демагогов!

хорошо защищенных позиций, находясь под защитой всей государственной власти, – принцип крайне уязвимый в морально-этическом отношении. Те, кто проводит подобную политику, неизбежно обращаются к насилию. Вскоре им захочется крови. В то же время, политика насильственной ассимиляции действует на морально-этические установки угнетенных, четко разделяя их на две группы: ничтожества она опускает еще ниже, а морально здоровые элементы возвышает.

3. Политика насильственной ассимиляции приводит к тому, что солидарность внутри угнетаемой национальной группы способна побороть любые классовые различия, ведь иных проблем, кроме притеснения по национальному признаку, люди не видят. Это тормозит экономический и социальный прогресс.

4. Везде, где реальная атмосфера экономической и общественной жизни не поддерживает деятельность школ, лингвистические результаты политики насильственной ассимиляции остаются крайне неудовлетворительными и понижают общий уровень культуры.

5. Политика насильственной ассимиляци разрушает общую культуру не только путем антипедагогического принуждения к преподаванию на иностранном языке, но тем, как превращает школы в рассадники шовинизма. Механистическая националистическая практика губит в душах детей интеллектуальную гибкость.

6. Насильственная ассимиляция тормозит экономический и культурный прогресс не только угнетенного национального меньшинства, но и всей страны.

7. Насильственная ассимиляция делает невозможной реальную ассимиляцию интересов и чувств. Естественные ассимилирующие силы более развитой культуры беспомощны перед лицом отвратительных тенденций – продукта антиэкономических насильственных мер. В современном мире основой для настоящей ассимиляции может служить только спонтанный обмен духовными и экономическими ценностями.

Я предпринял попытку доказать приведенные положения, используя факты из истории борьбы народов Европы за свою независимость и, в конечном итоге, представил венгерским шовинистам почти математические расчеты. В 1912 г. я писал:

«... Рассмотрим хотя бы опыт других стран: 52 миллиона немцев, несмотря на колоссальное военное и экономическое превосход-

ство, так и не сумели насильно ассимилировать 3 миллиона поляков, 210 тысяч французов и 160 тысяч датчан; 42 миллиона англичан, при своем мировом господстве, не смогли одолеть 3 миллиона ирландцев и давно используют меры самого либерального характера; 84-миллионный великорусский колосс бессилен перед 7 миллионами поляков, 3 миллионами немцев и таким же числом армян, даже перед 5 миллионами евреев – «изменниками по натуре». С учетом приведенных фактов, какой же наивностью или глупостью надо обладать, чтобы поверить, будто 9 миллионов венгров могут насильственным образом ассимилировать вторую половину населения страны при том, что венгерская нация на деле и сама состоит из наполовину ассимилированных элементов и, не имея собственной армии, постоянно сражается с Австрией, превосходящей Венгрию в политическом и экономическом отношении. Причем, речь идет не о мелких национальных диаспорах – численность немцев, словаков и румын, проживающих в Венгрии, равняется или превосходит население таких стран как Дания, Эльзас-Лотарингия, Греция, Норвегия и Сербия. Разве не впустую потрачены все эти миллионы, выброшенные нами на мадьяризацию национальных меньшинств только для того, чтобы вызвать по отношению к себе ненависть или недоверие, которые Австрия может использовать в любой момент для поддержки своих интересов? И если богатейший, торгующий со всем миром английский капитализм мог долгое время равнодушно взирать на нищету Ирландии, отсталость древних кельтских регионов – Уэльса и Шотландии, может ли небогатая Венгрия допустить отставание экономической и культурной жизни, ужасающую атрофию производства и потребления в половине страны? Если бы политика действительно воплощала в жизнь принцип Бентама, всю эту проблему за полчаса можно было бы забрать из жестоких и бессильных рук принудительной ассимиляции»*.

Я, однако же, прекрасно знал, что принцип Бентама не имеет ничего общего с венгерской национальной политикой, а приведенные аналогии не произведут ни малейшего впечатления на правящие политические круги. Прогрессивная часть венгерского общества, увы, никогда не имела голоса в управлении делами страны. Когда же, наконец, в дни катастрофы в ноябре 1918 г. у меня появилась

*A nemzeti államok kialakulása, 486–492. o.

возможность изложить перед румынскими лидерами в Араде свою прежнюю политическую платформу в качестве платформы правительства Каройи и предложить им достойный план создания национальной автономии, было уже слишком поздно: мои слушатели предпочли присоединиться к Румынии, нежели принять запоздалый компромисс*. Более здоровые понятия начали формироваться только у представителей молодого поколения и в пролетарской среде. Тогда же Эндре Ади, величайший венгерский поэт эпохи, истинный пророк, накануне распада империи силой своего гения предупреждал народ о ложности избранного им пути, о том, что этот путь может привести к новому Мохачу, новой катастрофе. Во многих своих произведениях поэт проповедовал сочувствие к другим народам и призывал к гармонии в отношениях; стихи Ади открыли широким слоям интеллигенции поистине новую перспективу. Позволю себе процитировать строки одного из выдающихся стихотворений Ади «Песнь венгерского якобинца»:

Пора желаньям нашим спящим
Стать волей твердой, словно сталь,
Печаль славян, румын и венгров –
Всегда единая печаль.
Ведь родственны в тысячелетьях
Позор и горести людей.
Пора бы встретиться, ликуя,
На гребнях баррикад идей!**

Похожие мысли высказывали и некоторые неравнодушные и вдумчивые зарубежные наблюдатели. Когда в 1908 г. Дюла Андраши представил свой новый проект плюрального избирательного закона, пытаясь парализовать венгерский аграрный пролетариат и невенгерских избирателей, я предложил ведущим европейским интеллектуалам заполнить анкету, и уже в процитированный в данной работе лидер австрийских социалистов Отто Бауэр отметил, что последова-

*Полковник Глайзе-Хорстенау, большой поклонник Тисы и ярый противник Каройи, отмечает: «Если бы Тиса предложил им то же самое двумя годами раньше – полную автономию в рамках Восточной Швейцарии, – эта идея, скорее всего, была бы воспринята положительно. Теперь же было слишком поздно...» Боюсь, полковник ошибается. Среди румын граф Тиса был настолько непопулярен, а его негибкое, феодальное поведение так хорошо известно, что в искренность его намерений никто бы не поверил.

**Пер. Л. Мартынова (Антология венгерской поэзии. М., 1952. С. 308).

тельное выдавливание национальных меньшинств из политической жизни «толкает Венгрию на путь, который неизбежно приведет к политическим катастрофам... Подъем трудящихся и национальных меньшинств неизбежен. Но, если путь к спокойному парламентскому развитию будет закрыт, наступит черед всеобщей забастовки промышленных рабочих, восстаний аграрного пролетариата и активизации ирредентистских настроений. Для венгерского государства подобная эволюция опасна еще и потому, что государственное устройство остальных восточноевропейских стран остается куда менее устойчивым, нежели структура западных государств, однородных по своему национальному составу... Если процесс неизбежного социального и национального развития свернет с мирного пути на революционные рельсы, все эти движения вступят в многостороннее взаимодействие с беспорядками и переворотами в соседних странах... Тогда в ходе приближающейся катастрофы – результата безрассудной политики венгерского господствующего класса – на кону окажется само существование венгерского государства.»*.

Правящие круги, однако, пошли по старому пути. Непосредственно перед началом Первой мировой войны граф Иштван Бетлен, нынешний [на момент написания книги] премьер-министр Венгрии сочинил памфлет, в котором выступал за проведение политики, направленной против трансильванских румын, по аналогии с антипольской политикой Пруссии в Позене**. Когда же под давлением обстоятельств император призвал ускорить принятие избирательного закона, все три проекта закона, разработанные, по очереди, Дюлой Андраши, Иштваном Тисой и – уже во время войны – Вилмошем Важони, исходили из аксиомы, согласно которой венгерское господство надо было поддерживать старым, искусственным способом, а национальные группы и дальше следовало ограничивать прежними методами.

Нация стремительно неслась к катастрофе, и призрак национального вопроса, который в 1848 г. уже одержал победу над Венгрией и привел к поражению при Вилагоше, теперь, с началом Первой мировой войны, вновь поднял голову и начал подталкивать страну к Трианону.

*La Hongrie Contemporaine et le Suffrage Universel. Pp. 229–230.
**A magyar birtokpolitika feladatai Erdélyben. Budapest, 1913.

IV. Фундаментальное противоречие между австрийской и венгерской общественно-политическими системами

Даже самое краткое сопоставление основных тенденций в австрийской и венгерской национальной политике позволит читателю понять, насколько фундаментальным и непреодолимым было различие между двумя системами. Хотя, как мы уже видели, старая феодальная структура сохранилась и в Австрии, оказывая существенное влияние в более отсталых частях страны, жизнь в австрийской части Монархии, в целом, приобретала все более буржуазный характер, а роль крупных народных партий становилась все значительнее. Даже самый поверхностный наблюдатель мог легко проследить, насколько серьезно менялся внутренний и внешний характер общественной жизни в момент пересечения австрийской границы и въезда в Венгрию. Если обобщить все различия в одной формулировке, я бы сказал, что австрийский феодализм все более бюрократизировался, тогда как венгерская бюрократия становилась все более феодальной. Городская жизнь оказала решающее влияние на Австрию, в то время как Венгрия оставалась сельской страной. Сельский характер Венгрии усугубляли массы нищих и невежественных аграрных пролетариев. Даже процес урбанизации на территории венгерского Альфёльда сохранял отчетливо деревенский характер. В 1912 г., например, в 16 крупных провинциальных городах не было общественных бань, это тем более удивительно, так как в частных квартирах тоже не было ванных комнат. Потребление интеллектуальных благ также находилось на исключительно низком уровне. Карой Келети, известный специалист по статистике, пришел к выводу, что в нормальных, здоровых условиях книги в Венгрии должны покупать и читать как минимум 100 000 человек – сообразно своим финансовым возможностям; на деле даже популярная литература редко выходила тиражом более двух или трех тысяч экземпляров, а тираж научных трудов достигал лишь одной тысячи. На основании этих и аналогичных фактов социолог Роберт Браун провел детальное сравнение инфраструктуры культурной жизни Австрии и Венгрии и пришел к выводу, что культурный уровень венгерских

городов второго десятилетия XX в. не превосходил уровня, достигнутого австрийскими городами примерно в 1880 году*.

Контраст становится еще более разительным, если сравнить членский состав австрийского и венгерского парламентов. Основой для формирования австрийского парламента было всеобщее, равное и тайное избирательное право, достаточно верно отражавшее соотношение сил между различными нациями. В 1911 г. места в австрийском парламенте распределялись между основными партиями следующим образом (см. таблицу XVI):

Таблица XVI

Партии	*Мандаты*
Немецкие	185
Чешские	82
Польские	71
Югославянские	37
Русинские	30
Итальянские	16
Румынские	5
Социалисты	81
Прочие небольшие группы	9
Итого	516

В венгерском парламенте, напротив, – как уже отмечалось, – на 1910 г. были представлены 405 депутатов от венгерских партий и всего 8 депутатов (3 словака и 5 румын) – представителей национальных меньшинств; если бы национальные группы были представлены пропорционально численности населения, в венгерском парламенте заседали бы 215 венгров и 198 депутатов других национальностей (не считая Хорватии–Славонии). Но даже если мы признаем 100-процентное экономическое и социальное преимущество венгров и предположим, что венгры получили бы, заручившись своим превосходством, на 100 мандатов больше, чем полагается по

*Párhuzam az osztrák és magyar belpolitika közt, különös tekintettel a nemzetiségi kérdésre («Параллель между венгерской и австрийской внутренней политикой, со ссылкой на национальный вопрос») // Huszadik Század, 1917. II. köt. 177–187. o.

пропорции (предположение крайне маловероятное), даже в этом случае, наряду с 315 депутатами-венграми, в венгерском парламенте должны были заседать 98 депутатов от национальных меньшинств!

Несходство общественной и политической структуры двух стран позволяет понять, почему национальные меньшинства Австрии год от года развивали свою национальную культуру, а народы Венгрии демонстрировали противоположную тенденцию: самые сильные и многочисленные венгерские нацменьшинства, по уровню своей политической и общественной жизни уступали слабейшим национальным группам в Австрии. Так, например, 3 миллиона венгерских румын направляли в венгерский парламент столько же депутатов, сколько менее 300 тысяч австрийских румын делегировали в парламент Австрии, с одной лишь разницей: в Венгрии румыны были на положении париев, а в Австрии пост одного из вице-президентов был традиционно закреплен за представителем румынской диаспоры.

Столь же разительный контраст мы обнаруживаем и в сфере культуры. Упомянутый выше венгерский автор сравнил культурное состояние самой крупной национальной группы в Венгрии – румын (2 948 000 человек) с положением одного из самых малочисленных нацменьшинств Австрии – словенцев (1 250 000), основываясь на статистических данных, полученных непосредственно перед войной. Результаты получились следующие: количество студентов в университетатх – 414 румын в Венгрии и 375 словенцев в Австрии; количество студентов в высших технических ВУЗах: румыны – 54, словенцы – 141; количество средних школ: 1 словенская и 7 словенско-немецких, всего – 8 в Австрии и 5 румынских (2 с начальными классами) и 2 румыно-венгерских, всего – 7 в Венгрии; количество учащихся в средних школах: румын – 4 164, словенцев – 3 827; начальные школы: 2 257 румынских школ на 227 234 ученика, 995 словенских школ на 167 915 учеников; газеты: 39 румынских и 101 словенская; ежедневных газет: 2 румынских и 5 словенских; количество грамотных: 830 809 (28%) среди румын и 952 234 (76%) среди словенцев.

В то время как словенцы вели весьма интенсивную политическую и культурную жизнь, а местная администрация состояла, по большей части, из словенцев, политическая и культурная жизнь венгерских румын происходила под строгиим контролем и

преследовалась полицией, а соотношение румынских и венгерских госслужащих выглядело следующим образом: в органах государственной администрации служили 135 румын и 8 124 венгра; на уровне комитатов – 137 румын и 4 130 венгров; в городских администрациях – 91 румын и 4 680 венгров. Диспропорция становится еще более очевидной, если учесть, что румынские служащие, как правило, занимали самые низшие посты.

Сравнив начальное образование обеих стран (самый важный фактор, с точки зрения масс), мы можем, в целом, сказать, что в Австрии обучение представителей разных национальностей на родном языке стало осознанным принципом, исключения из которого – пережитки прежних условий – были крайне редки; в Венгрии же насаждение обучения на венгерском языке в ущерб языкам других народов превратилось в устойчивую тенденцию начиная с восьмидесятых годов XIX в. К чему привела такая политика, мы уже поясняли.

Параллельно с упомянутыми фактами культурной и политической жизни обе страны руководствовались диаметрально противоположными идеологиями. В Австрии равенство всех наций воспринималось как аксиома, по крайней мере, в теории; для венгерских же партий идея единого венгерского национального государства и венгерского превосходства оставалась догмой, сомневаться в истинности которой было равнозначно государственной измене. В Австрии не было официального государственного языка, немцы сохраняли определенную гегемонию только до тех пор, пока внутреннее управление требовало некоторого единообразия (*Innere Amtssprache*). В Венгрии государственный венгерский язык был обязателен к использованию даже в самых незначительных ситуациях на уровне местных администраций. Подобный антагонизм обрел почти символическое выражение на банкнотах Австро-Венгерского банка: на австрийской стороне надписи делались на языках всех народов Австрии, равных в своих правах, на венгерской же все было написано только по-венгерски. (Особенности менталитета обеих стран еще лучше характеризует тот факт, что после Первой мировой войны, когда вследствие мирных соглашений Австрия стала практически немецким государством, а Венгрия – почти исключительно венгерским, на австрийских банкнотах остались только надписи на немецком, а венгерские банковские билеты содержали надписи не только

на венгерском, но и на языках всех народов, которые прежде проживали в Венгрии, чтобы подчеркнуть неотъемлемые права Короны Святого Иштвана на «завоеванные территории».)

Принципиальная несхожесть австрийской и венгерской систем делала более тесное моральное взаимопроникновение практически невозможным. Напротив, чем более австрийские национальные меньшинства продвигались по пути национального самоопределения, тем большее презрение выказывали правящие круги Венгрии в отношении этого «бестолкового смешения народов». Но куда опаснее для будущего Монархии была следующая ситуация: чем больше укреплялись в своей политической и культурной силе народы Австрии, и чем активнее они требовали отменить дуалистическую, олигархическую конституцию и создать новый основной закон, отвечающий требованиям чехов и югославов в отношении национальной независимости, тем ожесточеннее была реакция венгерского правящего класса на эти попытки, угрожавшие не только его политической и административной монополии внутри империи, но и национальной гегемонии непосредственно в Венгрии. Таким образом, любые серьезные попытки реформировать конституцию разбивались о непреодолимую стену венгерской олигархии. Даже в 1917 г., когда угроза распада Монархии стала очевидной, премьер-министр Венгрии Шандор Векерле категорично заявил, что венгерский парламент не потерпит никаких планов по федерализации Монархии, а старые границы коронных земель следует сохранить.

Тем не менее, немецко-венгерская гегемония все больше оскорбляла чувство равноправия (Ebenbürtigkeit) остальных народов ровно в той степени, в какой это равенство присутствовало на самом деле. Так, чехи, к примеру, могли выдвинуть против венгерской монополии в сфере конституционной жизни следующие доводы: «По какому праву венгры претендуют на монопольные позиции в устройстве Монархии, если наша промышленность существенно превосходит венгерскую; если у нас почти нет неграмотных, а в Венгрии их 31%; если в чешских начальных школах учится столько же детей, сколько и в венгерских; если в Пражском университете учатся 4200 чешских студентов, и это всего на 1800 меньше, чем венгров в Будапештском университете, в то же время в наших политехнических институтах в Праге и Брно

числятся 3000 чешских студентов, что почти на 800 человек больше, чем в Будапештском техническом университете; если против 1500 венгерских газет выходит 1300 чешских; если кооперативы чешских крестьян функционируют намного эффективнее венгерских, и существуют на демократических основах? Или вы противитесь нашему равенству исходя из исторического права? Но ведь ваши лучшие умы, Сечени и Кошут, сами признавали, что у нас есть точно такое же право на национальную независимость, что и у вас...»

Эти и другие похожие факты начали подрывать авторитет дуалистической конституции, которая все больше теряла свой экономический и культурный вес. Однако Австрия, под угрозой исчезновения, не могла обновиться самостоятельно, поскольку венгерские правящие классы, имея собственный «единый национальный парламент», в ответ на любые планы по реформированию конституции, способные уменьшить степень их относительного влияния внутри Монархии, выдвигали принцип noli tangere («нас не трогать»). Венгрия обладала достаточной силой, чтобы не дать Австрии покинуть прокрустово ложе дуалистической конституции.

Таким образом, сложилась безвыходная ситуация, поддерживать которую можно было лишь временно, при условии, что нации-гегемоны, немцы и венгры, сохранят между собой прочный союз, плюс венгры должны были заключить приемлемый компромисс с хорватами. Увы, случилось обратное: между господствующими нациями разразился жесточайший конституционный кризис, и венгры вступили с хорватами в острый конфликт. Столкновение между немцами и венграми проявилось в тот же момент, когда возникли серьезные разногласия между венгерскими правящими классами и императором, ведь дуалистическая система являла собой компромисс именно между этими двумя субъектами конституции. Таким образом, на Габсбургскую монархию теперь оказывали огромное давление не только нерешенные проблемы десятка национальных меньшинств, но и два серьезных конфликта, связанные с конституцией. Перейдем к анализу этих конфликтов.

V. Венгрия против Австрии

Как мы убедились, главной причиной внедрения дуалистической системы было поражение при Кёниггреце и стремление Габсбургов отомстить победительнице – Пруссии. Именно поэтому с наступлением новой политической эпохи – эры Бойста, Монархия пыталась умиротворить Венгрию любой ценой. Реставрация австрийской гегемонии без лояльной и довольной Венгрии была невозможна. Ради достижения этой цели император гарантировал Венгрии независимость в духе законов 1848 г., восстановил господство венгерского дворянства во внутреннем управлении страной и отдал своих прежних союзников – национальные меньшинства – на откуп венгерским правящим классам без каких бы то ни было ограничений. С другой стороны, с помощью искусственной избирательной системы дуалистическая конституция обеспечивала господство немцев в Австрии, которые получила от Компромисса 1867 г. еще один подарок – «декабрьскую конституцию», основанную на парламентском правлении. В качестве компенсации за эти уступки немецкие либералы признали – пусть и неохотно – компромисс, который император заключил практически без их ведома с венгерскими господствующими классами.

Не может быть никаких сомнений в том, что австрийская общественность (не только славяне, но и немцы) восприняли дуалистический компромисс безо всякого одобрения; они с самого начала возражали против Reichsteilungspakt («Пакта о разделении империи», как его с горечью называли австрийцы), подорвавшего самые основы Монархии. Последующие события показали, насколько оправданной была подобная точка зрения, ведь Компромисс таил в себе зерна неизбежного кризиса. Неустойчивое равновесие обеспечивал тот факт, что новая конституционность – продукт Компромисса – передала власть над народами Монархии в руки немецкой буржуазии и бюрократии, с одной стороны, и венгерскому феодализму – с другой. В обеих странах система с самого начала могла функционировать только на базе крайне ограниченного и надуманного закона о выборах: в Австрии этот закон сопровождался принятием печально известного «14 параграфа» Конституции (этот параграф обеспечивал императору практически абсолютную власть во всех

вопросах, которые не мог урегулировать парламент), а в Венгрии – привел к росту коррупции и использованию военной силы в тех случаях, когда в ходе выборов возникали проблемы. Ситуацию усугубляло и растущее недовольство Компромиссом как среди немцев, так и среди венгров, несмотря на то, что Компромисс стал основой их господства и способствовал росту благосостояния правящих классов обеих стран, обеспечив им монополию по управлению своими странами и посты в руководстве Монархии. Неприятие Компромисса усиливалось год от года, и его поддержание становилось все более сложной задачей.

Столь странное явление было вызвано, в первую очередь, исторической причиной. Компромисс был порождением духа взаимного недоверия, результатом затруднительной ситуации. Венгры были нужны императору для реализации его антипрусской политики, сама же Венгрия, измученная, разодранная на части и ослабленная абсолютистским режимом, нуждалась в передышке, чтобы восстановить свои экономические и политические силы, прежде чем возобновить борьбу за независимость. Таким образом, участники Компромисса руководствовались противоположными устремлениями. Император пытался максимально сохранить единство империи в рамках армии, внешней политики и в основных экономических вопросах, тогда как Ференц Деак стремился обеспечить для венгерского государства максимально возможную независимость. Позиция Деака представляла собой традиционный венгерский принцип, который заключался в нежелании признавать ни общую империю, ни общую государственную жизнь, ни общее правительство за рамками персональной унии, определяемой Прагматической санкцией. Сами слова: «император», «империя», «общее правительство» или «общий парламент» звучали для венгерской общественности как оскорбление. С другой стороны, император тоже не забыл о «восстаниях» венгерского дворянства, о его «предательстве», участии в заговорах с иностранными державами; таким образом, основные усилия монарха были направлены на сохранение королевских привилегий в военных делах и во внешней политике, а также в обеспечении единства империи в самых важных вопросах.

Взаимное недоверие и сознательно-бессознательное молчаливое сопротивление породили крайне неопределенный и слишком

широко трактуемый закон, в котором стороны пытались закрепить свои тайные помыслы. Венгерский закон XII от 1867 г. положил конец единству прежней абсолютистской монархии (как мы увидели, достичь его так и не удалось) и создал два отдельных государства: историческую Венгрию (отчужденные части которой вновь воссоединились) и непосредственно Австрию (некоторые австрийские патриоты с горечью называли ее «безымянной Австрией») – отдельного названия ее территория не получила и обычно упоминалась как «прочие страны Его Величества» или «королевства и земли, представленные в рейхсрате». У каждого из государств был отдельный парламент, органы государственного управления и юстиции. Даже общий правитель (в Австрии он назывался «император», а в Венгрии – «король») нередко носил разные титулы, в зависимости от исторического прошлого каждого из государств. (Так, например, император Карл VI австрийский был для Венгрии Карлом III, а император Карл I в Австрии был для Венгрии Карлом IV и т.д.) Несмотря на все это, оба государства в составе Монархии достигли определенного единения, с точки зрения международных отношений, ведь общая армия и дипломатическое представительство признавались как следствие единства, провозглашенного в Прагматической санкции. На основе данной концепции были созданы три правительства: два открытых и одно скрытое – австрийское, венгерское и общее; последнее состояло из трех связанных между собой министерств – военного ведомства, министерства иностранных дел и министерства финансов (ведающего бюджетом общей администрации). Строго говоря, нужны были и три парламента: два открытых – австрийский и венгерский, и один скрытый – так называемые «делегации», или комитеты, направляемые австрийским и венгерским парламентом на паритетных началах для обсуждения общих вопросов. Хотя международные, коммерческие и таможенные отношения, равно как и дела государственного банка, не рассматривались как вопросы общей юрисдикции, определенные рамками Прагматической санкции, подразумевалось, что решать эти вопросы следует совместно; как следствие, между двумя правительствами периодически (как правило, каждые десять лет) заключались новые компромиссные соглашения с целью выработки общих принципов и подходов к их решению. Все это лишь усложняло ситуацию.

И без того запутанное конституционное устройство становилось еще более беспорядочным вследствие неоднозначности упомянутого закона. Не одно поколение венгерских юристов обсуждало правовую природу австро-венгерского Компромисса, пытаясь установить, следует ли его рассматривать как персональную унию или как «реальное» соглашение между двумя странами. Расхождения между австрийской и венгерской точками зрения были еще более радикальными, поскольку в тексте австрийского и венгерского законов, регулировавших Компромисс, возникли существенные различия. Неудивительно, что в австрийском толковании закон рассматривался как основа для установления общей государственной власти в рамках Компромисса, тогда как венгры подчеркивали абсолютную самостоятельность венгерского государства и переходный характер совместной деятельности двух стран на период действия Прагматической санкции. Неопределенность усугублял и венгерский правящий класс с его традиционными настроениями; действуя в духе феодальной политики обвинений и жалоб и игнорируя экономические, социальные и международные условия Компромисса, венгерские правители трактовали неопределенные и противоречивые положения закона с азартом адвокатов, выискивая формулировки, совпадающие с их сиюминутными интересами. В то время как авторы Компромисса, Ференц Деак и граф Дюла Андраши, сохраняли верность духу документа, отрицали идею исключительной персональной унии между двумя странами и подчеркивали необходимость военного и экономического сотрудничества с народами Австрии, а не не только союза с монархом, юристы-толкователи следующего поколения обнаружили, что Копромисс признает возможность существования независимой венгерской армии и сам по себе является исключительно соглашением между венгерской нацией и императором. Следовательно, он может быть изменен без учета воли народов Австрии, которые не должны рассматриваться как стороны-участники в рамках дуалистического Компромисса.

Еще большую путаницу вносил и вышеупомянутый институт «делегаций». Совершенно очевидно: чтобы контролировать и направлять военную и внешнюю политику огромной империи, необходимо было дать всем народам возможность обсуждать между собой важнейшие проблемы политического взаимодействия. Но для этого требовалось создать некое подобие централь-

ного парламента. В самом начале австрийцы так и задумывали институт делегаций. Однако осуществлению данной концепции помешало нежелание венгров идти на уступки в конституционных вопросах – они даже слышать не хотели о совместном государственном органе, придерживаясь иллюзии, будто в Монархии не существует общей империи или сверхгосударства. До каких мелочных разборок довела подобная позиция, хорошо видно из почти комического по своему характеру заявления министра иностранных дел графа Голуховски, которое он сделал венгерской прессе в 1907 г.:

«Ни о каком общем государстве мне неизвестно, потому что такого общего государства не существует... Мне известно лишь об Австро-Венгерской монархии, которая основывается на Прагматической санкции и выступает как органическое целое в отношениях с другими странами совершенно независимо от институтов, регулирующих совместную деятельность двух государств Монархии».

Главных проповедников такого конституционного догматизма вовсе не смущал тот факт, что несуществующее общее государство могло в любой момент потребовать миллионы из казны своих народов и послать сотни тысяч своих граждан на бойню в случае войны. Для них было совершенно не важно, чтобы военная и внешняя политика страны велась в интересах всех заинтересованных наций; главное – надо было сохранить иллюзию абсолютной независимости венгерского государства. Именно поэтому делегациям от двух парламентов не давали обсуждать общие проблемы на совместных встречах, вместо этого их обязали обмениваться только письменными посланиями, если же они не могли достичь согласия, то встречались только для проведения общего голосования, при условии, что представители делегаций будут воздерживаться от любых дебатов. Все это совершенно оправдывает ироничную критику со стороны немецкого депутата-либерала в ходе обсуждения проекта закона о Компромиссе в австрийском парламенте:

«...С конституционной точки зрения, не могу представить зрелища более странного, нежели то, что предлгают эти делегации. К этому проекту можно внести только одну поправку: предожить, чтобы члены делегаций встречались в темноте, тогда все пойдет легко и гладко... Ибо парламент, который собирается в молчании и в молчании голосует, это всего лишь машина для голосования... На са-

мом деле, вся эта новая политическая конструкция напоминает детскую игру, знакомую нам с молодых лет, когда играющий заявляет остальным о своем присутствии тихим свистом...»

Подобное собрание действительно не могло по-настоящему контролировать серьезные общие дела Монархии. 120 делегатов (по 60 от каждого парламента) созывались лишь по случаю и создавали искусственную аристократическую атмосферу, находясь под надзором правительств и двора. В абсолютном большинстве случаев делегации представляли собой лишь парламентскую витрину, за которой император и его доверенное лицо, министр иностранных дел (одновременно и министр двора), могли действовать почти безо всякого контроля. Общественность, впадавшая в истерику при сообщении о скандале на выборах или драке между студентами разных национальностей в университете, как правило, оставалась совершенно равнодушной к дебатам по внешнеполитическим вопросам. Кроме министра иностранных дел и нескольких его советников, вряд ли можно было найти человека, интересующегося международными отношениями. Хуже того, эти вопросы вызывали у политиков священный ужас, ведь всем было отлично известно, что император воспринимает внешнюю политику очень серьезно, и попытка вмешательства в область интересов короны могла стоить чиновнику шанса стать министром. С другой стороны, и пресса не занималась всерьез иностранными делами – репортеры только «причесывали» официальные коммюнике и информационные сводки, полученные с Баллхаузплац (там находилось Министерство иностранных дел). Видный австрийский специалист по внешней политике (один из тех белых ворон, что всерьез изучали международные отношения) рассказывал мне, как постоянно служил объектом насмешек и считался неисправимым снобом, так как осмеливался иметь независимое мнение по вопросам внешней политики... Помимо этого, народы Монархии были настолько сосредоточены на борьбе за собственную независимость, а социалисты – озабочены делами своего класса, что политические партии оказались жертвами иллюзии: они переоценили значимость внутренней политики и слишком недооценили важность политики внешней. В то же время внимание венгерской общественности было полностью поглощено борьбой за венгерскую армию и венгерский государственный банк.

Только в подобной политической атмосфере могла сложиться ситуация, когда вопрос о Мировой войне решали всего пять человек, без какого бы то ни было участия народов Монархии; сам по себе орган, призванный заниматься внешнеполитическими проблемами, был созван только на четвертый год войны – таким образом, война велась без эффективного парламентского контроля; Австро-Венгерская монархия была, вероятно, единственной воюющей державой, в которой даже самые влиятельные министры не имели никакого представления о важнейших фактах внешней политики. Какой конституционный контроль мог осуществляться в Монархии, где члены кабинета и не подозревали, что граф Чернин еще в 1917 г. в отчете, адресованном императору, оценил положение центральных держав как безнадежное? Доктор Шпицмюллер, министр финансов Австрии во время войны, в связи сделал следующее письменное признание:

«Что тут скажешь, если мы, главы важнейших министерств, и понятия не имели об этом отчете? Я только теперь, в декабре 1918 года, узнал, что в апреле семнадцатого одна центральная держава объяснила другой, что так дальше продолжаться не может, и войне следует положить конец. Об этом ничего не сообщили ни министру финансов, ни министру продовольствия, ни министру торговли, ни министру земледелия... Это чудовищно.»*.

Идея, будто Австро-Венгерская монархия не образует реального единства и, следовательно, не может иметь никаких действующих общих органов, порой приводила к абсурдным выводам. Так, например, чиновники общих министерств были общими чиновниками обеих стран, но не могли рассматриваться ни как австрийские, ни как венгерские, ни как австро-венгерские чиновники, поскольку венгерская доктрина отвергала даже намек на идею сверхгосударства. Данная доктрина служила источником затруднений и на практике. После аннексии Боснии–Герцеговины, несчастная провинция зависла в воздухе, с конституционной точки зрения, ведь на деле она не принадлежала ни Австрии, ни Венгрии, но управлялась посредством правовой фикции через общее министерство финансов. Историческое право венгерской Священной Короны Иштвана на

*В своей книге (*Spitzmüller*. Der Politische Zusammenbruch und die Anschlussfrage. Wien, 1919) Шпицмюллер подверг данную ситуацию разгромной критике.

ту провинцию теоретически было признано, но, аналогично праву на Далмацию, рассматривалось как латентное. В глазах венгерских националистов эта конституционная тонкость была делом огромной важности и обретала еще более значимый, почти мистический характер благодаря тому, что венгерские правящие классы поддерживали свое право только на словах, поскольку сама идея объединения этих провинций с Хорватией–Славонией казалась им крайне опасной – ведь югославянская интеграция угрожала основам дуалистической конституции.

Та же излишняя чувствительность не позволила решить проблему, связанную с принятием герба Монархии, практически до конца действия Компромисса. В общей армии использовали старую австрийскую эмблему с орлом, но она задевала исторические чувства венгров, что не раз приводило к скандалам и конфликтам. С другой стороны, принять новый герб было невозможно, так как венгерская позиция отрицала существование единого государства. Уладить проблему удалось только в разгар Первой мировой войны с помощью политической хитрости; решение вопроса о гербе стало символом хрупкости отношений между двумя странами*.

Однако окончательной дискредитации и подрыву авторитета дуалистической конституции послужила не столько двусмысленность предложенного правового устройства, сколько ее экономические положения, согласно которым участие в расходах объединенного бюджета (процент взносов на содержание армии и внешнеполитического ведомства), так называемую «Квоту», определяли делегации путем обсуждения раз в десять лет. Точно так же подвергались периодическому пересмотру в парламентах обеих стран и важнейшие экономические вопросы, отнесенные к категории общих интересов (таможенное регулирование, международ-

*Новый герб состоял из трех частей. Австрийский и венгерский гербы располагались рядом, но по отдельности. Между ними в качестве связующего звена помещался маленький герб Императорского дома. Под гербами вилась лента с девизом, заимствованным из Прагматической санкции: Indivisibiliter ac inseperabiliter (Единая и неделимая). Хитроумная конструкция была призвана демонстрировать, что два государства некоторым образом связаны, но общего государства не образуют, поскольку корона на императорском гербе (вследствие его небольшого размера) была расположена ниже корон на гербах соответствующих государств. Таким образом, умелый автор этой конституционной загадки сохранил единство Монархии, незыблемость наследственного права монарха и полную независимость Венгрии.

ные торговые соглашения и Австро-Венгерский банк). Если делегации не могли прийти к соглашению по квоте, решение принимал император-король.

С точки зрения Монархии, подобный конституционный механизм приводил к абсурдным результатам. Никогда не было ясно, до каких пор Венгрия собирается сохранять те общие экономические отношения, которые она не признавала как обязательства по Прагматической санкции, но рассматривала как предмет временного соглашения. Не было никаких сомнений в том, что венгерская общественность год от года была все менее склонна продолжать эти экономические связи. Таким образом, каждые десять лет под сомнение ставились экономические основы Монархии, а с ними – и само существование империи. В случае распада таможенного союза, отказа от общей торговой политики и единой валюты пропадал смысл и возможность сохранения общей армии и проведения единой внешней политики – как следствие растущего антагонизма в области экономических интересов. Однако политическая атмосфера накалялась не только за счет чувства неопределенности: каждый раз, когда Австрия и Венгрия возобновляли дискуссии по квоте или вели иные экономические переговоры, стороны всегда вели себя как нечистые на руку коммерсанты, выступая друг против друга. Стремясь заполучить максимум преимуществ в экономических спорах, каждая из сторон подстрекала все газеты и экономические организации, чтобы те расписывали экономическую ситуацию в своей стране в самых мрачных тонах, выставляя вторую сторону в образе бессердечного ростовщика, наподобие шекспировского Шейлока. Вместо того чтобы определять размеры отчислений для каждой страны исходя из постоянных объективных критериев (таких, например, как численность населения, налоговые сборы и банковские вклады и т.д.) и заранее установленного показателя, все подобные операциии проводились сторонами в атмосфере демагогической пропаганды и оставляли после себя сплошную горечь и недоверие. Система «Монархии до расторжения [Соглашения 1867 г.]» (*Monarchie auf Kündigung*), как ее иронически называли, оказалась, по-видимому, более губительной для дуалистического устройства, нежели все прочие его слабости. Под влиянием сложностей, возникших в ходе переговоров по Компромиссу, австрийское

правительство попыталось спасти тонущий корабль дуалистической системы, идя на уступки в отношениях с разными нациями, венгерский же парламент, в свою очередь, осознавая собственное национальное единство, при заключении дуалистической сделки сумел обеспечить себе бóльшие преимущества. Император, с его инстинктивным страхом перед демократией и боязнью поколебать основы системы, стремился по возможности выполнить волю Будапешта в ущерб Вене, ослабленной борьбой народов за независимость. С венгерской точки зрения, эти уступки, естественно, всегда оставались недостаточными, тогда как по австрийским понятиям они были слишком велики: таким образом, престиж и популярность императора страдали с обеих сторон. Когда же монарх принимал решение по квоте (согласно положениям Компромисса, в случае, если делегации не могли договориться, определить размер квоты должен был император), каждой из сторон казалось, что он необъективен. В Австрии стало принято говорить об «абсолютизме венгерского короля, направленном против австрийского императора».

При таких обстоятельствах раскол между Австрией и Венгрией усугублялся. Карл Реннер объявил о крахе Компромисса. По его мнению, последний превратился в конституционный абсурд, будучи «объединением органов в отсутствие объединения воли» (*Organgemeinschaft ohne Willensgeneinschaft*). Дуалистическую систему ненавидели не только славяне; лидеры немецкого либерализма также относились к ней с растущим недоверием. Десять лет спустя после заключения Компромисса авторитетный австрийский историк Хайнрих Фридюнг писал:

«Упадок государства обсуждают во всех публичных местах и слоях общества, соседние государства уже поделили между собой провинции… Причина в том, что мы не понимаем, к какому государству принадлежим и каких принципов придерживаемся… Являемся ли мы вообще гражданами Австрии? Официальная терминология знает только Австро-Венгрию и никакой Австрии…»

С другой стороны, отдельные христианские социалисты с помощью привычной популистской демагогии осуждали Компромисс как союз венгерского феодализма с еврейским капитализмом. Если даже немцы, которые, наряду с венграми, больше всех выиграли от внедрения дуалистической системы, легко представить отношение

к ней славян – тех славян, что с самого начала воспринимали Компромисс как покушение на свои конституционные свободы и остались верными последователями Франтишека Палацкого, автора фразы: «Дуализм означает панславизм».

Не только немцы и славяне, но и венгры, которым Компромисс, как считалось, принес самую большую выгоду, все дальше отступали от замыслов Деака и Андраши, становясь самой мощной центробежной силой в Монархии. Правда состоит в том, что в Венгрии за Компромисс никогда не выступало большинство. Национальным меньшинствам он был не нужен – это очевидно, ведь дуалистическая система подразумевала господство одних только венгров. Но и венгерские народные массы: мелкое крестьянство и ремесленники, равно как и широкие слои интеллигенции с самого начала выступали против новой системы по историческим и личным соображениям; они не ждали ничего хорошего от габсбургского милитаризма и абсолютизма, хотя бы эти проявления и приняли полуконституционную форму. Лишь самые состоятельные элементы общества – крупные землевладельцы, богатые капиталисты, высшая бюрократия и ведущие представители интеллигенции – приняли Компромисс как историческую необходимость для страны. Профессор Секфю, историк, сторонник Габсбургов и наивный приверженец немецко-венгерского господства и Компромисса, показал, что дуалистическая система с момента ее создания вызвала решительное сопротивление масс, и сохранить ее можно было лишь путем систематического растления общества и с помощью ограниченного и жестко контролируемого электората*.

С начала восьмидесятых годов XIX в. все активнее стали проявлять себя силы, которые способствовали ослаблению и, в конечном счете, полному разрыву связи между Австрией и Венгрией. Собственно говоря, первые попытки разрушить эту связь предприняли сторонники идеологии независимости, считавшие себя последователями политики Лайоша Кошута. Однако вследствие ограниченного избирательного права и коррумпированности избирательной машины эта партия оказалась на политической сцене в таком меньшинстве, что не представляла никакой реальной опасности для дуалистической конституции, находившейся под защитой крупных земельных и финансовых

*Három nemzedék. 327–339.o.

кругов. Для Компромисса реальная угроза возникла только в тот момент, когда идеология независимости и ненависть к Австрии проникли в сознание даже тех партий и кругов, которые прежде стояли на принципах Компромисса – то есть, влиятельных представителей высшей аристократии, бюрократии и местных органов власти. Выразители новой идеологи независимости (в первую очередь, граф Альберт Аппони и его последователи), конечно, не воспринимали саму идею слишком серьезно и даже не мечтали об отделении от Австрии или от Габсбургов (крупные венгерские землевладельцы были совершенно солидарны с Габсбургами – правящий класс прекрасно понимал,что настоящая борьба за независимость приведет к такому напряжению демократических сил, которое неизбежно приведет к перераспределению земельной собственности и созданию органов местного самоуправления для национальных меньшинств), но все больше заигрывали с идеей «расширения и дополнения Компромисса» с целью обеспечить себе новые привилегии в армии и органах дипломатического представительства.

Таким образом, возрождению в стране идеи независимости и традиционного духа куруцев способствовало множество факторов. Велась активная демагогическая пропаганда против объединенной армии и общих институтов Монархии, представляемых как проявления злого духа «проклятой Вены». В том же направлении подталкивал общество и ряд социально-экономических изменений: пролетаризация широкого слоя мелких ремесленников, не выдержавших конкуренции с австрийским капитализмом; господство крупных австрийских финансовых кругов в Венгрии и зависимость от них большей части венгерской промышленности; формирование в Венгрии многочисленного слоя работников умственного труда, не имевших возможности устроиться на государственную службу, и, наконец, тот факт, что позиции части венгерского дворянства ослабли под натиском экономического либерализма, и эта группа населения стремилась получить доступ к новым административным, дипломатическим и военным синекурам путем ограничения полномочий общих институтов и развития венгерской государственной идеи.

Идею обретения независимости подкрепляло и общее направление гражданского воспитания в Венгрии, в русле которого выросло два поколения граждан, свысока взиравших на любое сот-

рудничество между народами Монархии: они недооценивали роль Австрии, особенно роль славян, переоценивали значение венгров, совершенно игнорируя остальные народы Венгрии как незначительную величину.

Но был еще один фактор, который, возможно, служил более серьезным катализатором движения за независимость, нежели все перечисленное выше. Речь идет об устаревшей венгерской избирательной системе – она все меньше представляла реальные интересы страны. Строго говоря, в парламенте были представлены только те классы и слои, которые поддерживали Компромисс или выступали резко против по историческим соображениям и причинам личного характера. С другой стороны, те классы и массы, чей главный интерес составляла не дуалистическая конституция, а направления аграрной, социальной или национальной политики, – «карликовое» венгерское крестьянство, сельскохозяйственный пролетариат, промышленные рабочие и национальные меньшинства – не имели никакого доступа в венгерский парламент либо по закону, либо вследствие коррумпированности избирательной системы.

С точки зрения цельного развития Монархии, эта ситуация таила в себе еще одну угрозу. Идеология независимости – более или менее сознательно – превратилась в подобие «идеологии вытеснения» (Verdrängungsideologie), направленной против любых действий, ставящих под угрозу интересы правящих классов. История показывает, что любое общество полусознательно-полубессознательно выдвигает на первый план проблемы, обсуждение которых выгодно с точки зрения господствующих интересов. В Венгрии этот почти социологический закон привел к непропорциональному перевесу так называемых «национальных проблем» и, в их числе, проблем, связанных с армией и конституцией, в ущерб куда более серьезным экономическим и социальным вопросам. Каждый, кто хотел выстроить карьеру или заработать славу, обращался к «благородным» проблемам. Вопросы же сельского хозяйства, проблема *morbus latifundii*, социальные беды рабочего класса, новые аспекты национального вопроса вызывали у самых уважаемых граждан недоверие и антипатию. При таких обстоятельствах можно понять, почему по мере того, как требования сельскохозяйственных рабочих звучали все громче, крупные землевладельцы все чаще становились жертвами аграрных забастовок, городской пролетариат все более превра-

щался в непонятный и угрожающий фактор венгерского общества (десятилетиями социализм рассматривался исключительно как полицейская проблема), а подпольные националистические течения все активнее выходили на поверхность, «национальный вопрос» становился отличным средством, позволяющим перенаправить экономическое и социальное недовольство масс против Австрии и сделать так, чтобы низшие сословия предъявляли свои счета Вене и Габсбургам, а не феодальному дворянству. В этом и состоит одна из причин обращения видных представителей аристократии к идеологии независимости; даже правительство Его Величества принимало идеи, находившиеся в открытой оппозиции к фундаментальным принципам дуалистического устройства.

Новое националистическое течение начало с возвращения к старым конституционным лозунгам и пропаганде, направленной против «проклятых общих институтов», которые якобы предавали независимость страны. Десятилетиями ведущие политики только тем и занимались, что изучали Компромисс до последней буквы с целью продемонстрировать, как была повергнута прежняя независимость нации или как были забыты или поруганы важные национальные привилегии. Следствием подобного отношения стали бесконечные и бурные дебаты в парламенте по поводу того, какого цвета должны быть портупеи и флаги, куда надо нашивать гербы и эмблемы, какой язык следует использовать в армии, как петь императорский гимн и почему отдельные военачальники ведут себя неподобающим образом. Венгерское общество, погруженное в гипноз подобными нападками, с нарастающим энтузиазмом потребовало введения венгерского языка в венгерских полках, а затем – и создания независимой венгерской армии. В то же время движение за независимость разворачивалось и в экономической сфере. Партия независимости постоянно агитировала за экономическое отделение Венгрии от Австрии путем создания таможенных барьеров и учреждения независимого национального банка. Каждый новый проект закона о необходимом развитии общей армии становился источником жесточайших скандалов в парламенте; отдельные дискуссии шли по несколько лет. Для оппозиции стало традицией требовать у правительства так называемые «национальные завоевания» в качестве компенсации за принятие армейского бюджета и разрешения на проведение очередного набора рек-

рутов. Однако *национальным завоеваниям* по сохранению независимости страны и мадьяризации армии противостояли прерогативы императора, которые тот ревностно защищал всегда, когда речь заходила о внутренней организации армии и ее управлении; таким образом, отношения между королем и венгерским парламентом постоянно ухудшались. Облегчить ситуацию не могли даже умеренные уступки короля шовинистически настроенной оппозиции. Напротив, подобные уступки только подливали масла в огонь национального возмущения. Так, например, шла долгая и ожесточенная борьба за то, чтобы Имперско-королевская армия стала называться Имперская *и* королевская армия. Когда же в 1889 г. император согласился добавить союзное слово ради умиротворения национальных чувств, этого было уже недостаточно. В отсутствие иной экономической, культурной или социально-политической пищи общество с нарастающей яростью ринулось обсуждать национальные и конституционные вопросы; начали вспыхивать скандалы между габсбургской армией, австрийской солдатской, с одной стороны, и представителями джентри – последователями идей куруцев, мелкой буржуазией и интеллигенцией – с другой. Бесконечные разбирательства всегда были связаны либо с имперским гимном (*Gott erhalte*), либо с австрийским флагом, отравляя моральную и политическую атмосферу в стране (см. дела Янски, Нешши, Угрона [193] и пр.).

Под давлением общественности оппозиция вступила в напряженную схватку с правительством, устраивая обструкцию в парламенте каждый раз, как только на обсуждение выносились новые законопроекты по армии. В результате этих обструкций парламент – знаменитый единый, эффективный венгерский парламент был парализован, и страна погрузилась в состояние Ex Lex (без закона): правительство лишилось правовых полномочий собирать налоги и набирать рекрутов. В 1904 г. ситуация обострилась настолько, что тогдашний премьер-министр граф Иштван Тиса совершил неожиданный государственный переворот, открыто нарушив парламентский регламент, с тем чтобы обеспечить принятие закона об армии. Однако насильственные меры не помогли. Оппозиционные депутаты – представители Партии независимости и те, кто стоял на позициях Компромисса, – разобрали всю мебель в помещении палаты и, вооружившись отломанными ее частями, напали на парламе-

итскую гвардию, выставленную Тисой. Чтобы уладить ситуацию, премьер обратился к «нации», так как был убежден, будто привычная избирательная машина сработает без затруднений. Но националистическая общественность страны была настолько озлоблена, что расчеты Тисы не оправдались. Выборы 1905 г. привели к провалу его партии, большинство набрала «национальная коалиция» оппозиции, а внутри большинства самой сильной партией нового парламента стала Партия независимости под предводительством сына Лайоша Кошута, Ференца. После этого противоречия между короной и конституционной оппозицией только обострились. В сложившейся критической ситуации «самый конституционный монарх» провел внепарламентский эксперимент, и министр внутренних дел «незаконного» кабинета, Йожеф Криштофи пригрозил бунтарям из правящих кругов, пообещав депутации от Социал-демократической партии ввести всеобщее тайное голосование. Криштофи утверждал: настоящую причину конфликта между королем и нацией следует искать в том факте, что парламент не выражает истинную волю страны, так как его рабочие элементы исключены из конституции. В этом, по его мнению, и состояло единственное противоречие между королем и привилегированными классами, тогда как рабочий народ страны и народ легко могли бы понять друг друга.

Новая доктрина, возрождение духа иосифинизма, потрясла основы венгерского общества. Национальная коалиция, органы комитатского управления и вся олигархическая структура страны объявила борьбу не на жизнь, а на смерть незаконному правительству и его полномочным представителям. Ситуация приобрела почти революционный характер, «самый конституционный король» назначил полномочного короевского представителя и в феврале 1906 г. при содействии армии распустил парламент. Развернулось действо, поразившее европейскую общественность: народ целой страны без каких-либо протестов терпеливо наблюдал уничтожение своей древней конституции. Тот самый венгерский парламент, такой сильный, единый и национальный, в отличие от презираемого австрийского парламента, оказался лишен поддержки народных масс. Никто не вышел на демонстрацию, не было замечено ни одного плаката или прокламации с призывами против «венского абсолютизма». Напротив, трудящиеся массы и представители нацио-

нальных меньшинств злорадно наблюдали за беспомощным сопротивлением национальной олигархии.

Многие и в Австрии, и в Венгрии считали, что 1906 год сыграл решающую роль во всей истории Монархии, и полагали, что если бы император ввел тогда всеобщее избирательное право королевским указом и дал рабочим и представителям нацменьшинств в Венгрии свободу для выражения своих политических предпочтений (как он впоследствии сделал в Австрии), монархия могла бы развиваться дальше по пути федерализма, тем самым ослабив международное напряжение и даже предотвратив начало Первой мировой войны. Однако если учесть, каких масштабов к тому времени достигла ирредентистская пропаганда против Монархии, и осознать, что народные массы, веками исключенные из конституции и лишенные самого элементарного гражданского воспитания, не могли за несколько лет превратиться в сознательный фактор сложной и гигантской политической трансформации (речь идет о превращении дуалистической конституции в федералистскую), возникают сомнения в том, что последнего десятилетия хватило бы для спасения Монархии.

Как бы то ни было, император, несомненно, допустил в сложившейся критической ситуации серьезнейшие ошибки. Стало очевидно, что монарх использовал обещание о введении всеобщего избирательного права всего лишь как жупел для устрашения венгерских правящих слоев; как только венгерская коалиция отозвала свои возражения в отношении исключительного права императора на управление армией, государь тут же призвал руководителей коалиции в правительство и одобрил фальсификацию всеобщего избирательного права (дав предварительную санкцию* на проект закона о выборах, предложенный графом Дюлой Андраши; основой нового закона стал принцип олигархического большинства и открытого голосования), чтобы в качестве компенсации за монаршью милость получить от венгерской правящей элиты содействие при аннексировании Боснии–Герцегови-

*«Предварительная санкция» – венгерский курьез; без «предварительной санкции» короля кабинет не мог представить законопроект на утверждение законодателей. Данный институт функционировал как система «абсолютистского контроля», ведь ни один премьер-министр не осмелился бы пойти на конфликт с монархом.

ны (в 1908 г.). Подобное поведение правителя изрядно способствовало окончательному моральному разложению Монархии – оно не только раздражало рабочий класс, но и ясно демонстрировало национальным меньшинствам, что у тех нет никакой надежды улучшить свою ситуацию за счет внутренних реформ.

Однако циничный пакт между правящими классами и монархом не привел к реальной консолидации, и венгры возобновили борьбу за «национальные уступки» в армии. Оппозиция вновь попыталась ограничить королевские привилегии, правительство снова пошло на ряд уступок (так называемый «кризис обструкции» 1912 г.), тем не менее, император жестоко подавил новое «восстание», и беспомощная борьба оппозиции в очередной раз привела к тому, что Вена опять прибегла к «сильной руке» графа Тисы, который теперь, в 1912 г. – как и ранее, в 1904-м – протолкнул армейский законопроект с нарушением парламентского регламента, используя военных для разгона сопротивляющихся депутатов.

Все эти бурные события (один из депутатов выстрелил в графа Тису из револьвера прямо в парламенте) позволили всем трезвомыслящим наблюдателям понять, что венгерский парламентаризм превратился в инструмент габсбургского абсолютизма, ибо принцип большинства, именем которого граф Тиса подавил возражения оппозиции, применив военную силу, явно служил лишь отговоркой в условиях конституции, которая исключила из избирательной системы подавляющее большинство населения и терроризировала меньшинство, наделенное избирательным правом, с помощью системы открытого голосования, коррупции и мобилизации армейских сил.

Предвидя надвигающуюся опасность, около пятидесяти венгерских публицистов и политиков обратились с меморандумом к зарубежной общественности в попытке привлечь внимание прогрессивной европейской мысли к угрозе, которую обновленный абсолютизм представлял для международного сообщества*. В то же время более дальновидные наблюдатели в Вене регулярно говорили о полном банкротстве венгерской парламентской системы. Однако король и официальные круги на это не реагировали, ведь граф Тиса своей «сильной рукой» обеспечил им еще 300 тысяч рекрутов

*Die Krise der Ungarischen Verfassung. Budapest, 1912.

и добавил 400 миллионов крон на военные расходы. Несмотря на новые обещания провести парламентскую реформу, правящая элита регулярно срывала все планы, и в мае 1912 г. граф Тиса потопил в крови демонстрацию рабочих в Будапеште. Даже в бурях Мировой войны и на фоне неслыханных жертв со стороны венгерского крестьянства и пролетариата реформа избирательного законодательства не получила никакого развития. В классовой слепоте граф Тиса позволил себе сделать следующее заявление корреспонденту газеты «Франкфуртер цайтунг»:

«У нас право голоса требует не народ, а политики. Венгерскому солдату в окопах нет дела до избирательного права; он ждет только двухнедельного отпуска, чтобы вскопать свою землю; он думает не об избирательном праве, а о семье и о родине... Мы недостойны этих храбрых солдат...»

То, насколько самый могущественный государственный деятель империи с его традиционным мировоззрением был не в состоянии понять ситуацию в мире, лишний раз демонстрирует заявление, которое Тиса сделал редактору официальной немецкоязычной газеты «Пештер Ллойд», когда тот напомнил графу о чрезвычайной важности решения избирательной проблемы. Граф Тиса подчеркнул, что такой проблемы в Венгрии не существует, и, как человек, хорошо знающий морально-этические настроения эпохи, «дерзнул бы предсказать», что после войны во всем мире воцарится новый *бидермейер* (так называли исключительно мирное, обывательское, ограниченное мировоззрение в период до Революции 1848 г.), а солдаты будут счастливы, если после ужасающих страданий смогут вернуться домой, к работе и семьям.

Венгерский национализм набирал силу не только в сфере конституционных и военных вопросов, но и в области экономики. Все громче звучали требования о создании независимого от Австрии таможенного союза, национального банка и иностранного торгового представительства Венгрии. Поддерживать прежнее экономическое единство год от года становилось все труднее. В 1902 г. брюссельскую конвенцию по сахару Австрия и Венгрия уже подписали как отдельные субъекты. Заключение соглашения об экономическом компромиссе 1907 г. натолкнулось на такие сложности, что информированная общественность в Австрии и в Венгрии посчитали этот Компромисс последним между двумя странами и пребывали в

убеждении, что Венгрия вскоре обретет полную экономическую независимость. Выше мы уже проанализировали причины и психологическую подоплеку стремления к экономической независимости. В данной связи я бы хотел только обратить внимание на тот факт, что укреплению идеологии независимости послужил ряд зарубежных событий, таких, например, как отделение Норвегии от Швеции, оказавшее большое влияние на венгерский национализм, да и установка в Будапеште памятника Джорджу Вашингтону американскими венграми была встречена с энтузиазмом как еще один символ независимости.

Фактов, демонстрирующих рост сепаратистских настроений во всех областях социальной и политической жизни, постепенно становилось все больше. В 1900 г., по случаю морганатического брака эрцгерцога Франца Фердинанда венгерский парламент обнародовал заявление, согласно которому «Прагматическая санкция не устанавливает общего с Австрией порядка престолонаследия»; в 1903 г. граф Тиса в венгерском парламенте назвал австрийского премьер-министра «видным иностранцем», чьи дилетантские декларации не имеют никакой политической значимости; в 1909 г. граф Альберт Аппони, министр образования, издал распоряжение, по которому словосочетание «Австро-Венгерская монархия» во всех учебниках, на всех картах и глобусах следовало заменить на «Венгрию и Австрию»; позднее, при том же министре был написан учебник истории, в котором Габсбурги были представлены как иностранные завоеватели, стремящиеся онемечить страну и выжать из нее все силы...

Во время войны противостояние превратилось в настоящую истерию. Венгерская общественность обвиняла Австрию в том, что та изводит на пушечное мясо венгерских солдат, а не представителей собственных продажных нацменьшинств. Австрия, в свою очередь, осуждала Венгрию за проведение эгоистичной продовольственной политики, результатом которой стал голод в Монархии. На самом деле, в ходе войны венгерское правительство ввело такое количество ограничений на обращение товаров внутри таможенного союза, что экономическое единство двух стран *de facto* стало иллюзорным. Однако это не помешало Австрии вывезти на торпедных катерах из Венгрии большие объемы зерна, что привело к скандалам в парламенте. Чем безнадежнее стано-

вилась ситуация на войне, тем сильнее росли ненависть и отчуждение между двумя странами. Австрийские газеты привычно сетовали на то, что дуалистическая система превратилась в обузу, и сохранять ее после войны нет смысла. Венгерская же пресса своей отчаянной демагогией разжигала пламя традиционной ненависти к Вене. Так, самая влиятельная и многотиражная венгерская ежедневная газета «Аз Эшт» (Вечер) в августе 1918 г. писала: «Нас совершенно не волнует, как Австрия будет помогать себе и какой проволокой обмотает свое тело...» Или в другой статье: «На данном этапе нам абсолютно все равно, какие советы дает этой стране ее инстинкт самосохранения в надежде продлить ее жизнь... Если Австрия вынуждена пойти на операцию, это исключительно ее собственное дело...» Характерно, что в указанном месяце в этой газете было опубликовано ни много ни мало – двенадцать передовиц в таком же духе, и это тем более показательно, что данное издание всегда послушно откликалось на изменения в общественном мнении.

Из всего сказанного становится очевидно, что здание Компромисса пошло трещинами и начало рушиться – как по сути, так и на практике, а противоречие между двумя нациями-гегемонами и, тем более, между венгерским королем и австрийским императором стало куда более острым, нежели конфликт между доминирующими нациями и «второстепенными» народами. Центробежные силы все активнее проявляли себя во всех сферах жизни. И чтобы сделать распад империи еще более хаотичным, помимо конституционного конфликта между Австрией и Венгрией разгорелся еще один, а вызванные им международные осложнения впоследствии нанесли смертельный удар по старой монархии, и без того парализованной внутренними раздорами. Речь идет о венгерско-хорватском конфликте.

VI. Хорватия против Венгрии

Неоднократно и с полным на то правом отмечалось, что отношения между Хорватией–Славонией и Венгрией таили в себе те же опасности и сложности, что и отношения между двумя главными государствами Монархии, пусть в меньших масштабах, зато с более тяжкими последствиями. Тем не менее, венгеро-хорватские отношения по сравнению с австро-венгерскими столетиями сохраняли спокойный и мирный характер. С начала XII в. и смерти последнего независимого хорватского короля, Хорватия вступила в союз со странами Короны Святого Иштвана. Правовая природа этого объединения нам точно не известна. Вероятно, это был один из тех непрочных феодальных союзов, которые создавали дворянские элиты двух стран для более действенной защиты общих интересов. Географическая близость, страх меньшего по размерам государства перед международными осложнениями, схожесть экономической и социальной структуры и расширяющиеся торговые связи делали такое объединение выгодным для обеих сторон. В целом, по нашим историческим ощущениям, данный союз просуществовал без особых проблем до первых десятилетий XIX в. Хорватское дворянство просто стало частью венгерского *una eademque nobilitas*, а использование исключительно латинского языка исключало любые национальные противоречия. До наступления Нового времени государственная деятельность, в строгом понимании, была крайне ограниченна, а местная власть в комитатах обеспечивала дворянству в соответствующих регионах степень самостоятельности, сравнимую с самостоятельностью небольшого государства. Как венгерские, так и хорватские дворяне лишали своих крепостных каких бы то ни было прав, и страх перед бунтом стал таким же фактором политической сплоченности двух элит, как впоследствии растущая турецкая угроза и общая борьба с ней. Нашествие турок существенно изменило положение хорватских поселений, вытеснив их на север и обеспечив главенство венгерского государства и его административной машины на всей территории королевства. В эпоху просвященного абсолютизма политика Габсбургов по централизации и унификации Монархии сблизила хорватское дворянство с венгерским, и представители двух национальных элит вмес-

те выступили против реформ Иосфа II, а затем – против идей Французской революции, которые пугали крупных хорватских землевладельцев ничуть не меньше,чем их венгерских соседей. Среди хорватских дворян стало модно носить венгерскую национальную одежду, демонстрируя тем самым солидарность с венграми; в остальном отношения между дворянскими кругами обеих стран также представлялись вполне сердечными.

Все это, однако, не позволяет рассматривать подобный союз с точки зрения современной идеи государства. Как только интересы хорватского дворянства оказывались под угрозой, оно сразу начинало проводить практически независимую политику. Так, например, после поражения венгров при Мохаче крупные хорватские землевладельцы избрали в 1527 г. своим королем Фердинанда и тогда же признали наследственное право Габсбургов – на 160 лет раньше, чем это сделали венгры. Они также поспешно приняли Прагматическую санкцию (явно в расчете на особые королевские милости) на десять лет раньше венгров, в 1712 г. Из этих фактов, однако, отнюдь не следует, будто хорватское государство было совершенно независимым: просто хорватское дворянство сохранило особые представления о собственной государственности и, если того требовали его интересы, время от времени демонстрировало эти представления, совершая отдельные политические шаги, продолжая сотрудничать с Венгерским королевством и поддерживая с ним союз. Известно также, что хорватский сабор (однопалатный парламент в Загребе) обладал широкой автономией и существовал отдельно от центрального венгерского парламента, а в ряде случаев ратифицировал законы, принятые ранее венгерским парламентом.

Свободное от жестких рамок феодальное государство и его методы политического сотрудничества не приводили ни к каким серьезным осложнениям до тех пор, пока у венгерских дворян не проснулось национальное самосознание и они не начали пытаться вводить венгерский язык в качестве государственного на хорватских территориях в конце тридцатых годов XIX в. В результате конфликт между венгерской и хорватской государственной идеей стал резко набирать обороты*. В качестве доводов для подкрепления своих антагонистических позиций обе стороны использовали

*См. сноску на стр 305.

общее историческое прошлое и зачастую неопределенные и противоречивые положения венгерских и хорватских законов, создававших видимость исторического права. Хорваты пытались показать, что никогда не теряли независимости, а Хорватия–Славония всегда считалась объединенным королевством – *regnum socium*, и ее парламент всегда обладал правом самостоятельно принимать законы. Венгры же, напротив, утверждали, что начиная с момента объединения никакого независимого хорватского государства не существовало, местный парламент выполнял лишь функции провинциального совещательного органа и, следовательно, во всех важных вопросах подчинялся венгерскому парламенту; таким образом, Хорватия и все принадлежащие ей территории являлись лишь *partes annexae* (присоединенными частями) Венгерского королевства.

Растущее конституционное и эмоциональное противостояние окончательно выплеснулось в ходе заседаний законодательного собрания в 1843–1844 гг., когда венгры приняли закон о введении на всей территории Хорватии венгерского языка – как уже говорилось выше – в качестве общего государственного языка обеих стран. Этот шаг всколыхнул все хорватское общество, ведь хорватская национальная идея, основанная на исторической концепции иллиризма, уже охватила все слои населения, а виднейший хорватский просветитель Людевит Гай сумел пробудить в массах ясно выраженное историческое сознание. Общественность выступала теперь не только за политическую независимость Хорватии–Славонии, но и за восстановление старого Хорватского королевства на базе повторной аннексии определенных территорий Далмации (которые в прошлом принадлежали Хорватскому королевству), важного порта Фиуме (Риеки) и восстановления хорватской военной границы*. В 1848 г. Хорватский сабор уже откликнулся на эти настроения и объявил хорватский язык государственным на всей территории страны. В то же время сабор распространил манифест, обращенный ко всем славянским народам, проживавшим в Габсбургской монархии; в мани-

*Хорватская военная область – часть Большой военной области, обширная территория на южных рубежах Венгрии и Хорватии, служившая защитой от турок на протяжении двухсот лет. Копромисс дал Вегнгрии возможность вновь сделать эти территории частью страны и заменить военное правление на власть государственной администрации.

фесте с поразительной ясностью была сформулирована идеология, ставшая затем основой австро-южнославянской программы:

«Пришло время национальностей, нации объединятся по языкам и будут защищать друг друга от иностранной агрессии... Исходя из этого принципа, мы принимаем братский альянс вновь пробудившейся Сербской Воеводины [сербская территория Венгрии] с нашим триединым королевством и ждем, что к нам присоединятся все югославянские братья Австрии, дабы сохранть Австрийскую империю на основах конфедерации, в рамках которой наш национально однородный организм сможет мирно сотрудничать с другими народами Австрии, объединенными по аналогичному принципу...»

Таким образом, когда Венгерская революция 1848 г. не признала эти требования и, наоборот, попыталась утвердить гегемонию венгерского государства и венгерского языка во всем королевстве, включая Хорватию, сербо-хорватская общественность пришла в такое возмущение, что венскому двору ничего не стоило мобилизовать эти настроения против венгерского революционного дворянства и крестьянства. Как мы уже описывали выше, хорватский бан (правитель) Елачич и организованные им югославянские войска сыграли важную роль в подавлении венгерской борьбы за независимость.

После поражения венгерской революциии Хорватия стала самостоятельной провинцией, однако хорваты были крайне недовольны своим новым положением и жаловались на неблагодарность Вены, ведь последняя не дала разрешения на объединение Далмации и Хорватии. Централизаторский абсолютизм оказывал на лояльных хорватов ничуть не меньше давления, чем на мятежных венгров. Последующие конституционные эксперименты только усилили недовольство среди хорватов: чтобы успокоить венгров по «октябрьскому диплому» 1860 г. Фиуме и Муракез снова были переданы Венгрии. Компромисс 1867 г. и последующая венгерская политика еще больше усугубили ситуацию. Хотя ни один объективный наблюдатель не станет отрицать, что при создании так называемого «Венгеро-хорватского Компромисса, принятого вслед за австро-венгерским Компромиссом (Закон XXX от 1868 г.), Деак и другие ведущие венгерские политики действовали в духе доброй воли и равенства, второстепенная роль, предложенная хорватам в Габсбургской монархии, представлялась им неприемлемой после

событий революции и воспоминаний об абсолютизме. По сути дела, Компромисс следовал традиционной венгерской логике и не признавал Хорватию-Славонию как независимое государство, а лишь обеспечивал ей местную автономию внутри венгерского государства. Хорваты получили полную свободу в сфере местного управления, судебной власти и образовании, однако во всех остальных областях общественной жизни они подпадали под юрисдикцию венгерского парламента, где Хорватский сабор был представлен отдельной делегацией. Подобное самоуправление воспринималось хорватами как жалкая тень настоящей власти, тем более что бана – главу хорватского правительства, король назначал не по предложению сабора, но по представлению венгерского правительства, то есть, с точки зрения собственной страны, бан был не представителем парламента, но выступал как посланник венгерской короны. Подавляющее большинство хорватов, вне всяких сомнений, было изначально настроено против Компромисса, который получил одобрение сабора – участнков заседания специально подобрал чиновник венгерского правительства Левин Раух с помощью нескольких дворян и чиновников, которые проявляли лояльность по отношению к венграм и получили едкое прозвище «мадьяроны». Но даже этот послушный сабор не согласился принять 66-й параграф Компромисса, по которому город, порт и округ Фиуме должны были стать особым образованием при венгерской короне. Изначально хорватский текст отличался от венгерского, в нем говорилось, что по этому вопросу согласия достигнуть не удалось. Ничто так не характеризует дух того времени, как тот факт, что привести две противоположные версии в соответствие удалось совершенно механическим способом: на соответствующую часть хорватского текста наклеили тонкую полоску бумаги с переводом венгерской версии и в таком виде подали на подпись королю. Таким образом, основой Компромисса стала не только коррупция в выборных и административных органах, но и фальсификация важнейшего государственного документа!

Несмотря на все сказанное, можно представить, что хорватская общественность могла бы смириться с автономией на местном уровне и в конце концов принять ряд гарантируемых ею реальных преимуществ, если бы центральная власть обошлась с ней справедливо, особенно если бы оно выполнило зафиксированное в Компро-

миссе обещание объединить Далмацию с Хорватией на основе исторического права венгерской короны. Случилось же прямо противоположное. Объединения не произошло, и венгерские вывески, гербы и чиновники, не знающие языка, на котором говорил народ, продолжали раздражать хорватов. В то же время в большинстве случаев на руководящие посты в хорватской администрации, на должность бана продолжали назначать людей, не имевших никаких корней в хорватской национальной жизни; в глазах хорватов эти чиновники выглядели как послушные инструменты будапештского правительства. Можно сказать, что с начала действия Компромисса до распада Монархиии (если исключить короткие перерывы) Хорватия находилась под властью абсолютистского правления, и этот абсолютизм был более открытым и жестоким, нежели тот, что составлял фундамент дуалистической системы, поскольку в такой моноязычной и мононациональной стране, как Хорватия, опорой для подобной политики могла служить лишь немногочисленная и постепенно сходящая на нет группа «мадьяронов».

Сохранить новую систему в таких условиях можно было исключительно путем злоупотреблений на выборах и в администрации; кульминации процесс достиг в эпоху графа Кароя Куэн-Хедервари, который был премьер-министром Венгрии протяжении 20 лет (1883–1903), используя печально известный метод кнута и пряника. Его грубый вариант макиавеллиевской системы можно рассматривать как второе «испорченное» балканское издание режима Меттерниха. В то время, как последний смягчала исключительная и высокообразованная личность канцлера, граф Куэн-Хедервари задействовал самые хитрые и беспощадные методы балканских политиков. Люди достойные и независимо мыслящие подвергались преследованиям, лишались своих постов и попадали в тюрьмы, а им на смену приходили беспринципные исполнители воли абсолютистского режима*. Страна, таким образом, была деморализована на долгие годы. Политика властей была не просто коррумпирован-

*Воспоминания Стефана Радича, опубликованные Чарльзом Бирдом в октябрьском номере журнала *Current History* (1928), проливают свет на эти события. Из мемуаров становится ясно, что даже такой склонный к компромиссу человек, как Радич (сумевший в России защитить империалистическую политику фон Эренталя!), во времена режима, названного им «венгерским и австрийским рабством», кочевал из тюрьмы в тюрьму.

ной и жестокой – нередко допускались откровенные нарушения закона. Однако самой губительной чертой политики созданного Куэном-Хедервари венгерского пашалыка (провинции) – как называл его Отто Бауэр – был обновленный принцип «разделяй и властвуй», с помощью которого сербское меньшинство было противопоставлено сопротивляющемуся хорватскому большинству с использованием религиозных и культурных различий между двумя родственными народами. Ослепленный насилием политик не замечал, что подобная политика подогревает сербскую ирредету, направленную против Монархии. Сербам разрешили использовать национальный триколор, флаг Сербского королевства, сербские школы получили несоразмерную поддержку, сербские газеты финансировались Белградом и выходили совершенно беспрепятственно, тогда как хорватские газеты регулярно подвергались конфискации. Таким образом, относительная значимость сербов была искусственно преувеличена в ущерб хорватам, чтобы разжечь раздоры и ненависть между двумя народами. Данная политика систематически подрывала основы Венгерского государства, но графа Куэна-Хедервари занимали только мелкие распри и политические уловки. Его так называемый «венгерский патриотизм» исчерпывался выполнением всех распоряжений Будапешта, хотя сам граф вовсе не был венгерским шовинистом, но, скорее, агентом имперской венской политики. Венгерская оппозиция окрестила его «граничаром», намекая на слепую преданность Вене, которую демонстрировали солдаты бывших приграничных военных поселений.

Абсолютистские методы, коррупция и искуственное раздувание национальной вражды приводили хорватское общество в ярость. По мере того, как южные славяне все яснее осознавали свое национальное единство, отделение Далмации и других югославянских территорий от Хорватии все чаще воспринималось как обида. Общее недовольство усугубляло и полное равнодушие Вены к жалобам хорватов. Император, за которого люди Елачича так решительно сражались во время событий 1848 г., теперь отплатил черной неблагодарностью, полностью отдав их во власть Куэну-Хедервари, человеку, который в ответ на публичные оскорбления в его адрес даже не смог получить удовлетворения в суде. Недовольство хорватов распространилось на все югославянские территории Монархии. В 1903 г. депутаты от Далмации и Истрии, чле-

ны австрийского парламента попросили аудиенции у императора с целью привлечь внимание к страданиям своих соотечественников в Хорватии. Однако влияние венгерского правительства оказалось достаточно сильным, чтобы воспрепятствовать этой встрече. Габсбург публично отрекся от прежних союзников, которые когда-то спасли его трон. Нанесенное депутатам оскорбление имело далеко идущие последствия. Хорваты, самый лояльный народ Монархии, потеряли надежду возместить свои обиды с помощью дуалистической системы. В начале XX в. на историческую сцену вышло новое поколение: те, кто получил образование в зарубежных университетах и приобрел – особенно под влиянием учения профессора Масарика – четкое представление о солидарности всех югославянских народов.

Борьба Сербского королевства за свободу и независимость нашла живой отклик у многих хорватов. Все больше людей убеждались в том, что сербов и хорватов связывают единые интересы, а политика Куэна-Хедервари, выстроенная по принципу «разделяй и властвуй», имеет целью лишь подавление обоих народов. Религиозные расхождения и разница в письменном языке (хорваты используют латинское, а сербы – кириллическое письмо) теряли значимость перед лицом осознания единства национальных интересов. С 1903 г. признаки революционного движения уже заметны во всем югославянском мире. Восстание в Македонии, крах династии Обреновичей в Сербии и поражение режима Куэна-Хедервари в Хорватии – признаки изменения общих настроений. Конституционный кризис в Венгрии и борьба венгерской национальной оппозиции против правителя также внесли серьезный вклад в формирование сербохорватского единства. Политики Хорватии и Далмации поверили заявлениям венгерской коалиции, что она борется во имя истинной демократии – не только за права Венгрии, но и за конституционные свободы для Хорватии, и готова биться за союз Далмации с Хорватией на основе права Короны Святого Иштвана. В таком духе была составлена «Фиумская резолюция» 1905 года, согласно которой «хорваты и сербы – единая нация по крови и языку» и у них есть право «свободно и независимо определять свое настоящее и будущее». Воодушевленные чувством единения хорваты и сербы предложили союз венгерским партиям в их борьбе за независимость Венгрии против «венской камарильи». Такой поворот вызвал у Ве-

ны сильную тревогу, ведь это означало, ни много ни мало, что наследники Елачича, «сыновья черно-желтых* телохранителей императора» (как часто называли югославянских офицеров), заключают союз с сыном Лайоша Кошута – лидером венгерской национальной коалиции. Новый расклад мог привести к важнейшим последствиям, если бы пришедшая вскоре к власти венгерская оппозиция отнеслась с уважением к этим принципам и помогла югославам обрести единство и свободу в рамках венгерской короны. Таким образом, можно было бы ликвидировать самое серьезное препятствие на пути разумной федерализации Монархии. На деле же произошло обратное: венгерская оппозиция, внутри которой естественным образом доминировали интересы крупных землевладельцев, получив власть, не только отказалась от обещаний, данных собственному народу, о введении всеобщего избирательного права, но предала принципы, воплощенные в Фиумской резолюции. Хорватам, тем не менее, данная ситуация пошла на пользу, так как выборы 1906 г. были относительно свободными и позволили избрать сабор, выражающий реальную волю страны. Старыми методами полуприкрытого абсолютизма действовать уже было нельзя. Когда же год спустя бывший лидер венгерской коалиции, а на тот момент – министр торговли Ференц Кошут, недостойный сын великого изгнанника, возобновил политику мадьяризации на хорватском участке государственной железной дороги, сабор выступил против, и вся сербскохорватская общественность с такой решимостью набросилась на правительство, что бан, барон Пауль Раух (сын того самого Левина Рауха, который сорока годами ранее обманным путем протащил Компромисс), был вынужден прибегнуть к открыто абсолютистским методам. Он также попытался продолжить политику Куэна-Хедервари по принципу «разделяй и властвуй», но в другом направлении, настраивая хорватов против сербов. Однако на этот раз возвращение к макиавеллистской политике не привело к успеху: единство хорватов и сербов оказалось непоколебимым. Увы, венгерская общественность даже теперь не осознала всю серьезность происходящего. Шовинистическая пресса пустилась в безумное состязание, и одна из самых популярных и влиятельных газет в марте 1908 г. писала:

*Черный и желтый – цвета империи.

«Если мы не можем убедить хорватов, мы должны их подчинить. Можем предсказать, что у Венгрии по-прежнему будут кровавые столкновения с хорватами, и Венгрии придется вновь завоевать Хорватию. Совершенно необязательно, чтобы в Загребе заседал парламент. Закон следует соблюдать только в отношении тех наций, которые его уважают. Если Хорватией нельзя управлять конституционным путем, ею будут управлять неконституционно. Пора, наконец, начать в Хорватии полезное дело мадьяризации... Если хорваты не понимают, что независимое государство рядом с Венгрией они не создадут, придется убедить их в этом силой оружия».

Самым печальным в данной ситуации было то, что подобные высказывания были отнюдь не просто выкриками ура-патриотической журналистики, но отражением общепринятой доктрины, согласно которой у Хорватии не было права на самостоятельное конституционное существование.

Чем острее становился внутренний конфликт, чем больше распространялся балканский хаос по границам Монархии и чем сильнее росло недовольство христианских балканских народов турецким владычеством, тем труднее было сохранять дуалистический статус-кво и тем чаще правители были вынуждены прибегать к отчаянным мерам. С целью дискредитировать хорватское движение за национальную независимость и одновременно оправдать в глазах зарубежной общественности действия министра иностранных дел Эренталя по окончательной аннексии Боснии–Герцеговины, летом 1908 года была организована облава среди членов сербохорватской коалиции: 55 ее членов были арестованы под предлогом поддержания предательских связей с Сербией. Чудовищный процесс, начатый против них в марте 1909 г., дал понять всем объективным наблюдателям, что обвинительные документы были состряпаны агентами полиции, а безнравственность главного свидетеля была доказана самым убедительным образом. Несмотря на это, специально подобранный суд вынес обвинительный приговор большинству подсудимых, отказавшись выслушать свидетелей защиты.

Неудивительно, что подобные махинации, проводимые по указке самого бана, действовали на югославянскую общественность по всей Монархии самым негативным образом. Когда известный

австро-немецкий историк доктор Фридюнг представил, в связи со скандалами в Загребе, документы, направленные против рядя югославянских политиков с целью доказать существование их заговора с Сербией, это лишь усилило эффект. Люди, чья честь была уязвлена, а жизнь – подвергнута опасности, подали в суд на историка за оскорбление чести и достоинства; делом занялись видные судьи и адвокаты, и рассматривалось оно в венском суде, а не в Загребе, по балканской схеме. Кроме того, местная и зарубежная общественность была крайне возбуждена, ведь доктор Фридюнг был известен в широких кругах как юрист при министре иностранных дел и получил документы от внешнеполитического ведомства. Судебные слушания окончательно прояснили ситуацию. Обвиненные политики сумели доказать, что документы Фридюнга – подделки, изготовленные с целью скомпрометировать сербохорватскую коалицию и оправдать аннексионистскую политику Монархии. Достоянием гласности стало и еще кое-что. На заседании австрийской делегации (февраль 1910 г.) профессор Масарик, впоследствии – президент Чехословацкой республики, доказал, что документы, послужившие основой для комедии с государственной изменой, были изготовлены в Белграде, в посольстве Австро-Венгрии при содействии графа Форгача. Масарик назвал Форгача вторым Азефом (Евно Азеф – печально известный агент-провокатор царской России), а министр иностранных дел не смог защитить сербского представителя Монархии. Несмотря на это, граф Форгач остался на дипломатической службе и даже получил повышение.

Оба судебных процесса подорвали престиж Монархии не только среди хорватов, но и у всего югославянского сообщества. После долгих лет абсолютизма и политики угнетения никто не верил, будто государство, где могли происходить подобные вещи, сможет найти справедливое решение сложной проблемы, связанной с желанием югославянских народов создать собственное государство. Все здравомыслящие граждане Монархии понимали тяжесть положения. Сам эрцгерцог Франц Фердинанд в отчаянии наблюдал за недовольством хорватов и по случаю обратился к ним через одного из своих хорватских друзей со следующим посланием: «Прошу, передай своим хорватам, что они могут еще раз доказать присущую им лояльность. Как только я взойду на трон, я исправлю все зло, причиненное им».

Ситуация тем временем лишь усугублялась. События внутренней и внешней политики все более охлаждали чувства югославян по отношению к Монархии. При королевском уполномоченном Цувае в Хорватии исчезли последние формальные признаки конституционного правления. Тогда же граф Тиса вновь применил силу против венгерского парламента и потопил в крови демонстрацию будапештских рабочих в защиту всеобщего избирательного права. Будущее Монархии было лишено малейшего просвета. С другой стороны, в Сербском королевстве год от года развивалась крестьянская демократия, нацеленная на построение национального государства после того, как военный мятеж положил конец ненавистному игу Обреновича. Весь южнославянский мир Монархии стало воспринимать Белград как центр югославянского единства. Когда же Сербия в союзе с болгарами и греками начала в 1912 г. победоносную кампанию против турок за освобождение старой Сербии и Македонии, почти все югославянское население Монархии глубоко прониклось идеей национальной солидарности. Даже словенцы, самые далекие от южных славян исторически и географически, с воодушевлением приветствовали тех, кто освободил родственные им народы. «Там, под Чаталджой*, – писал словенский католический священник, великий реформатор и общественно-политический деятель, член австрийского парламента Янеш Крек, – они сражались за последнего словенского крестьянина в находящейся под угрозой каринтийской деревне...» Южнославянская политика за границами Монархии начала интересовать народные массы куда больше, чем то, что происходило внутри империи. Ведь в пределах ее границ сохранялся лишь абсолютистский режим, разнообразия которому добавляли лишь очередные покушения на ненавистного бана.

Призрак ирредены постепенно душил Монархию и династию, неспособную обеспечить лояльность по отношению к себе не только среди «мятежных» венгров, но и со стороны хорватов, которые за три поколения до этого спасли трон Габсбургов.

*17–19 ноября 1912 года здесь произошло последнее сражение между турецкими и болгарскими войсками.

Часть шестая

УГРОЗА ИРРЕДЕНТЫ

I. Общая характеристика проблемы

Анализируя распад Габсбургской монархии, Рудольф Кьеллен сделал следующий вывод:

«Великая держава может без затруднений выдержать одну Ирландию, как это было с Англией, или даже три – как Германия (Польшу, Эльзас и Шлезвиг). Иначе обстоит дело, если великая держава состоит из одних Ирландий, как это было с Австро-Венгрией на протяжении почти всей ее истории...»

Данное замечание, безусловно, указывает непосредственно на распад империи, но не следует рассматривать этот процесс как неизбежную историческую необходимость. Монархия действительно была окружена странами, жители которых состояли в тесном родстве с национальными меньшинствами империи по крови и языку. Естественно, все эти народы испытывали непреодолимую тягу друг к другу*. Очевидно, что привлекательность Германии для австрийских немцев, России для северных славян Монархии, Сербского королевства для югославов, Румынии для трансильванских румын и Италии для жителей итальянских поселений усугубляла внутриполитическую ситуацию, но из этого факта мы совершенно не имеем права делать вывод, будто все эти так называемые «ирредентистские движения» были равны по значению, или будто распад Монархии под давлением этих сил был неизбежен.

*Вероятно, ни в одной стране мира внутренняя и внешняя политика государства не были связаны такими близкими и опасными узами, как в бывшей Габсбургской монархии. Отличные замечания относительно теоретических основ таких связей можно обнаружить в книге Рудольфа Гольдшида (*Rudolf Goldscheid.* Das Verhältnis der Äussern Politik zur Innern (Wein, 1914).

Если мы проанализируем ирредентистские проблемы дуалистической Монархии более тщательно, то обнаружим, что лишь одна из них может рассматриваться как неразрешимая, по своей сути, – это итальянский вопрос; социологически и исторически все остальные проблемы вполне поддавались решению. Более того, ключ к решению находился в руках Монархии, и если бы власти сумели воспользоваться случаем в нужный момент и последовательно проводить разумную политику удовлетворения национальных интересов собственных народов, судьба Австро-Венгерской монархии могла быть совершенно иной. Я, конечно, знаю, что приверженцы жесткого механистического детерминизма считают любые споры относительно свершившихся исторических фактов бесплодными и смехотворными, равно как и предположения о том, мог ли уже завершенный исторический процесс пойти в ином направлении или можно ли было достичь более плодотворных результатов при условии проведения более разумной и справедливой политики. В отличие от подобных материалистов, я сторонник теории Шарля Ренувье[194] об обратимости исторического процесса и считаю, что главная задача любых исторических и социологических изысканий – предупредить нас об исторических альтернативах.

Если рассмотреть с подобных позиций драматическую судьбу империи Габсбургов, можно выделить два противоположных подхода к решению проблем Монархии. Первый – политика Евгения Савойского, выдающегося военачальника и политика, доброго гения Монархии; своей главной задачей он ясно видел продвижение западной культуры и расширение западной цивилизации на Балканы и на восток, на территориях, отставших в своем развитии вследствие турецкой оккупации. Во имя достижения этой цели на мирных переговорах в Пожареваце в 1718 г. Савойский призывал присоединить к Монархии освобожденные территории, особенно части Боснии и Сербии, Валахию и Молдавию. На тот момент национальное самосознание населения перечисленных регионов еще находилось в совершенно зачаточном состоянии. В отсутствие самых элементарных условий развития культуры, подобное расширение империи Габсбургов в соединении с эффективной экономической и культурной политикой, могло бы положить конец всем тем внешним факто-

рам, которые затем отравляли жизнь региона на протяжении всего XIX в., а также резко ускорить мирную интеграцию указанных территорий. Путь этот не был закрыт для Монархии и позднее. В первой половине XIX в. империя Габсбургов в своем экономическом и культурном развитии опережала Балканы и Восточную Европу, по крайней мере на 100 лет. Если бы Монархия сумела разумно распорядиться этим преимуществом, создать систему национального самоуправления для всех народов и постепенно превратить империю в свободную конфедерацию народов, она превратилась бы в магнит для представителей соответствующих народов, проживающих за ее пределами. В Книге Судьбы не записано с фатальной неизбежностью, будто населяющие Монархию югославы обязаны тяготеть к Белграду, а трансильванские румыны – стремиться к центру Бухареста. Притягательной силой могли обладать не только мощная немецкая и относительно высокоразвитые венгерская и чешская культуры; на территориях венгерской короны формировались вполне самостоятельные хорватская, сербская и румынская культуры – при наличии адекватных конституционных условий эти культуры могли бы вовлечь своих полуварварских соплеменников в орбиту Монархии. Сербский город Нови-Сад на территории Венгрии долгое время называли «сербскими Афинами», поговаривали также, что «мозг Трансильвании переместился в Бухарест и в Яссы». В то же время, когда Белград едва отличался от обычной восточной деревушки, Загреб уже стал настоящим культурным центром.

На самом деле путь, обозначенный Евгением Савойским, никогда не покидал умы народов и выдающихся политиков окончательно. Этот дух вдохновлял создателей кремзерской конституции, реформ Гогенварта-Шеффле, планов чешского австро-славизма, возрождения иллиризма в форме триализма, что послужило формированию политической концепции Фишхофа и Этвеша и даже идеи Кошута об антигабсбургской конфедерации. Ядром всех этих планов и проектов служила мысль о том, что непростые национальные проблемы в Монархии и на Балканах можно решить только на основе разумного федерализма, который обеспечил бы мирное распространение западной культуры в отсталых странах и в то же время гарантировал индивидуальное развитие каждой на-

ции и рациональное объединение этнически однородных поселений. Исходя из данной концепции, Монархия должна была взять на себя роль защитника христианских балканских народов, страдавших на тот момент под турецким игом, роль старшего брата, готового поддержать своих более слабых и угнетенных братьев и помочь им делом и советом.

В отличие от данной концепции, так и не нашедшей серьезного применения в Монархии, система Меттерниха, политика статус-кво и стабилизации рассматривала проблемы с национальными меньшинствами исключительно с точки зрения легитимных династий. Согласно этой точке зрения, борьба балканских христианских народов за независимость от турок была революционным бунтом против статус-кво держав с узаконенной властью – таким образом, Меттерних и его приверженцы стремились сохранить турецкое владычество, ставшее окончательно коррумпированным и устаревшим. Меттерних нередко повторял:

«Султанская Турция подобна человеку, страдающему от хронической неизлечимой болезни. Сохранение ее в живых важно для ее друзей и даже для чужих, ведь ее смерть губительна для их интересов... Великие державы – особенно Австрия, – подобно опытным врачам поставлены перед задачей продлить жизнь пациентки как можно дольше, если уж спасти ее невозможно...»

Однако в реальности подобная политика вовсе не была такой безобидной, как описывал канцлер, и великий прусский государственный деятель Фрейер фон Штейн был абсолютно прав, говоря о Меттернихе, что тот «подавляет греков, чтобы воспрепятствовать движению русских, и затачивает и направляет убийственный нож турок.»*.

В своем дальнейшем развитии данная политика, оказавшись в руках более слабых наследников канцлера, превратилась, главным образом, в инструмент для создания препятствий на пути растущего стремления югославов к объединению. Режим занимался натравливанием балканских народов друг на друга, чтобы предотвратить создание единого югославянского государства, которое могло создать угрозу немецко-венгерской гегемонии как фундаменту дуалистической конституции.

**Cf. Heinrich Ritter von Srbik.* Op. cit. Bd. II. S. 470, 625, 684.

Последствия этой политики как самого губительного фактора распада Монархии мы рассмотрим позже. На данном этапе я бы только хотел подчеркнуть, что крайняя опасность политики сохранения статус-кво и безусловная необходимость реконструировать Монархию, используя стремление народов к созданию федерации, становились постепенно communis opnio (общепринятым мнением) не только для более объективных иностранных наблюдателей, но и для самых разумных из числа австрийских политиков. В начале XX в. появилось множество работ, которые (при всей несхожести авторов и их политических воззрений) исходили из общей идеи о том, что режим немецко-венгерской гегемонии потерял свою состоятельность, и Монархию следует переустроить в духе конфедерации, дабы естественная тяга славян и румын, проживающих на территории Монархии, к своим собратьям за пределами страны перестала носить деструктивный характер. Таким образом, Габсбургская монархия должна была превратиться не в восточный и южный мост немецкого империализма, но в государственную структуру, призванную ослабить и разъединить пангерманские и панславянские тенденции империалистического толка.

В вихре кризиса, связанного с аннексией, когда окончательное присоединение Боснии и Герцеговины поставило Европу на грань мировой войны, сербский государственный деятель Стоян Протич[195] сделал недвусмысленное заявление в белградском парламенте:

«Мир и добрососедские отношения между Австро-Венгрией и Балканскими государствами могут быть установлены только если Дунайская монархия решит принять на себя роль восточной Швейцарии. Если же она продолжит играть роль Великой Державы, ей придется совершать новые завоевания на Балканском полуострове...»

Мнение Протича в ретроспекции поддержал один из самых талантливых дипломатов бывшей Монархии барон Дюла Силашши; в своей смелой книге он показал, что аннексионная политика Эренталя стала для империи роковым ударом, а дуалистический режим сделал невозможным мирное решение ее проблем. В этой связи Силашши сделал следующее мудрое замечание:

«Не следует забывать: если бы вместо дуалистического режима появилась бы большая Дунайская конфедерация, ряд националь-

ных ирредент можно было бы умиротворить в пределах ее границ. Главным образом, я имею в виду южных славян. Отдельные выдающиеся югославянские политики уже высказывались за подобное решение... История уже неоднократно показывала примеры того, как тщательно сбалансированная федерация может обеспечить гармонию... Дунайская конфедерация отнюдь не была бы обязана делить свой путь с вечно неудовлетворенной Германской империей. Напротив, будучи заинтересована в сохранении обретенных территорий, она бы имела все причины на то, чтобы искать тесного сотрудничества с западными державами... Западная Европа также была бы заинтересована в том, чтобы защитить либеральную конфедерацию от экспансивных поползновений России и Германии...»*.

Но ни один из действующих немецких или венгерских политиков Монархии не представлял себе всей тяжести сложившейся ситуации, за единственным исключением графа Михая Каройи, на тот момент – лидера Партии независимости, который предпринял последнюю попытку возобновить план Кошута по созданию Дунайской конфедерации. С этой целью в сфере внутренней политики он выступал за всеобщее избирательное право и разделение на части крупных земельных владений, а во внешней политике – за сближение с Францией и славянами путем прекращения действия дуалистической конституции. Исходя из этих принципов, Каройи отправился в 1913 г. в Париж, где обсудил возможности подобного переориентирования с Пуанкаре и Клемансо. Последний отметил, что идея прекрасная, но появилась слишком поздно, так как Австро-Венгрия уже слишком далеко ушла в противоположном направлении**.

* Szilassy J. Der Untergang der Donau-Monarchie. Bern, 1921, S. 40–42.
** Karolyi M., Dickes E.-W. Fighting the World. 1925. P. 78–80.

II. Псевдоирредены

A. Немецкий сепаратизм

Если внимательно проанализировать так называемые ирредентистские проблемы Монархии, мы увидим, что немецкая, чешская, польская и русинская ирредены не были настоящими и никогда бы ими не стали, если бы империя проводила разумную и конструктивную политику.

Что касается немецкого сепаратизма, мы уже видели, в иной связи, что серьезного ирредентистского движения в Австрии никогда не было, скорее, наблюдалась сентиментальная привязанность к Германии, или, в лучшем случае, – вялый протест против растущего славянского влияния, которое угрожало немецкой гегемонии. Однако сила династии, армии и церкви была в Австрии столько велика, что настоящее немецкое сепаратистское движение не могло развиться. Мы видели, как движение *Los von Rom** с его открыто антигабсбургским настроем завершилось полным фиаско, и за пангерманской идеей никогда не стояло истинно революционное движение. Отдельные лидеры пангерманизма, к примеру К.Х. Вольф, действительно публично высказывались о немецкой ирредене, и восторженные юноши распевали бунтарские стихи вроде:

Wir schielen nicht, wir schauen
Wir schauen unverwandt,
Wir schauen voll Vertrauen
Ins deutsche Vaterland...**

Однако в целом движение всегда оставалось на уровне эмоционального или тактического протеста, тем более что руководящие круги Берлина никогда ему не сочувствовали. Немецкая официальная политика до конца следовала концепции Бисмарка, который, с его обостренным чувством момента, прекрасно понимал, что союз

*«Прочь от Рима» – кампания по разрыву с католическим Римом, начатая в Австрии в 1867 г. Шёнерером при поддержке пангерманских движений. (*Прим. переводчика*).
** Мы не косимся, мы смотрим, мы смотрим прямо, смотрим с доверием на немецкую родину (*нем.*).

австрийских немцев с Германией приведет не только к возобновлению вооруженного конфликта между Габсбургами и Гогенцоллернами, но может спровоцировать и мировую войну, поскольку славянское население Австрии будет ожесточенно сопротивляться подобной политике. Такая цена, с точки зрения Германской империи, была слишком высокой, тем более что австрийские немцы могли оказать куда более ценные услуги всей немецкой нации, находясь за пределами Германской империи, нежели оказавшись внутри нее без славян или будучи вынужденными бороться с разрозненным славянским меньшинством. «Немцы в Австрии, – по словам Бисмарка, – справедливо претендуют на политическое лидерство и должны служить интересам немецкой нации на Востоке и обеспечивать связь между немцами и славянами, препятствуя конфликтам между ними»*. На деле Австрия все больше выполняла роль моста между Германией и Дунайским бассейном и Балканами. Немецкая экономическая и культурная экспансия была вполне естественным следствием географического положения Германии и ее технического и научного превосходства; эта тенденция могла бы стать более устойчивой, если бы бряцающий оружием германский империализм и антиславянский дуалистический режим Монархии не возбуждали ненависть и недоверие по отношению к славянам, и если бы политики последовали мудрому принципу Бисмарка, согласно которому «он не был готов пожертвовать даже костями одного-единственного померанского гренадера» ради осуществления политики Австрии на Балканах.

Можно сказать, что до начала Первой мировой войны и до появления концепции Миттельевропы («Центральной Европы»), формированию которой способствовали первые победы центральных держав, официальной позицией Германской империи оставалось сохранение Габсбургской монархии без изменений. Реакцией на уже процитированный нами отчет князя Лихновского (где он дает описание симптомов распада Австрийской монархии) со стороны министра иностранных дел Бернарда фон Бюлова стал следующий ответ, или, лучше сказать, категорическое распоряжение князю (от июня 1898 г.):

*Цит. по: *Richard Charmatz.* Österreiche innere Geschichte. Leipzig u. Berlin, 1918. Bd. II. S. 95.

«...Наши политические интересы, которым должны быть подчинены любые наши платонические симпатии... состоят в том, чтобы сохранить Австро-Венгрию в ее нынешнем независимом положении великой державы. Данные интересы требуют, чтобы мы были начеку и препятствовали развитию в Австрии тенденции к дезинтеграции, с какой бы стороны – чешской, польской или немецкой – они ни исходили. Среди австрийских немцев следует поддерживать уверенность в том, что мы будем всецело поддерживать их порывы до тех пор, пока они движимы стремлением сохранить немецкое единство как связующий элемент для обеспечения внутренней сплоченности и сохранения австрийского государства в его нынешней форме. В то же время, они должны знать: если эта борьба поставит себе целью отделение немецких провинций от Австрии и возвращение статус-кво образца 1866 года, немецкие националисты не смогут рассчитывать на поддержку своих планов с нашей стороны...»

Б. Чешский сепаратизм

Точно так же мы не можем говорить о чешской ирредента, в полном смысле этого слова, поскольку сепаратистские тенденции чехов были, по своей сути, аналогичны требованиям венгров: конституционная независимость и объединение стран чешской короны под властью национального правительства. За пределами государства не было точки притяжения, союз с которой мог бы представлять серьезную цель для чешской политики. Даже союз с соплеменниками, венгерскими словаками, до Первой мировой войны не казался чехам осуществимой программой. Государственная независимость исторических чешских территорий в Австрии и ограниченная автономия для словаков в рамках венгерской короны вполне удовлетворила бы и чехов, и словаков, если бы подобная конституционная реформа была проведена вовремя*.

*В начале сознательного движения наций за независимость в XIX в. среди венгерских словаков зародилось серьезное литературное и культурное движение под руководством Штура, Хурбана и Ходжи[196] с целью разработать словацкий язык и культуру, непохожие на чешские. Если бы венгерское правительство не препятствовало развитию этого движения, проводя политику насильственной мадьяризации, но защитило его, вполне вероятно, что разрыв между словаками и чехами достиг бы масштабов, исключающих возможность объединения. Национальная культура и ав-

Таким образом, чешский сепаратизм ставил цели, аналогичные венгерским: гарантии независимости государства в духе исторического права. Это отчетливо ощущал лидер венгерского движения за независимость Лайош Кошшут. Подвергнув разрушительной критике дуалистический Компромисс, он, в числе прочего, писал:

«С точки зрения исторической справедливости, Чехия имеет те же права рассматривать себя в качестве отдельного независимого государства, что и Венгрия; будь на то возможность, у нее было бы даже больше прав, ведь известно, что Чехия уже была самостоятельным процветающим государством за несколько веков до того, как мы, венгры, попали в Европу»*.

Можно даже сказать, что для Монархии чешский сепаратизм был не так опасен, как венгерский. С момента пробуждения демократического национального духа до самого распада Монархии чехи не исключали возможности принять план, по которому будущая независимая Чехия стала бы частью федеративного государства; они бы с готовностью участвовали в работе центрального парламента наравне со всеми народами, населяющими Монархию. Венгры же занимали совершенно противоположную позицию – даже самые лояльные сторонники дуалистической системы считали, что Венгрия не может быть частью никакого сообщества государств или признать над собой наднациональный центральный орган с участием других народов Монархии.

Если же, несмотря на все это, угроза панславизма продолжала беспокоить немцев и правящие круги Венгрии, и, если стремление чехов к национальной независимости стало модно считать результатом русской пропаганды, причиной тому была неудачная политика, которая вследствие немецко-венгерской гегемонии, венгерского курса на ассимиляцию и жесткого подхода к решению югославянской проблемы постоянно оскорбляла славянские наро-

тономия словацкой территори могли бы стать надежной защитой от чешского влияния, тем более что по исторической атмосфере, национальному темпераменту и общественному укладу словаки были ближе к венграм, а не к чехам, чей национализм, гуситизм и деловая хватка до сих пор являются фактором непонимания и даже взаимной ненависти двух родственных народов. (Качественный анализ данной ситуации приводит в своей книге «Новая Словакия» Сетон-Уотсон: *Seton-Watson R.W.* The New Slovakia. Praha, 1924.)

**Kossuth Lajos.* Iratai. Budapest, 1900. VII. köt. 367-368. o

ды Монархии, особенно чехов с их высокоразвитым конституционным и культурным сознанием. Мы уже видели, что требования чехов о создании национальной автономии так и не были удовлетворены, даже самые серьезные клятвы, данные императором, были нарушены ради сохранения немецко-венгерской гегемонии. Поняв, что гарантировать национальную независимость мирным, конституционным путем не получится, и решить проблему может только новая катастрофа, очередной Кёниггрец, чехи, вполне естественно, стали обращать взгляды в сторону большого русского брата. Однако это чувство солидарности никогда не было настоящей ирредентой, да и не могло ею быть. Союз с Россией был невозможен с позиций географии, этнографии и культуры. От далеких русских братьев чехов отделяли польские и русинские поселения, а с этими народами у чехов не было полноценной культурной связи. Кроме того, чешская культура носила совершенно западный характер и была пронизана идеалами гуманизма, реформации и демократии. Таким образом, серьезные предпосылки к союзу с царской Россией отсутствовали, а романтический панславянский план по объединению малых славянских народов под властью России с будущим центром в Константинополе уже и тогда воспринимался как утопия, да, видимо, так ею и останется в обозримом будущем.

В подобных условиях заигрывания чешской интеллигенции с панславизмом, паломничество ее представителей в Россию, активные культурные связи с российской интеллектуальной жизнью и упор на славянскую солидарность означали не столько реальное или серьезное ирредентистское движение, сколько тактическую позицию и, одновременно, эмоциональное отношение. Молодые и энергичные умы испытывали на себе волшебное очарование мировой славянской империи; национальное недовольство находило выход в море панславизма; родство с другими славянскими народами позволяло чешским политикам угрожать венскому двору и правительству; русские панславянские литературные и научные объединения обеспечивали моральную и материальную поддержку чешской интеллигенции; и, наконец, эмиссары из России обещали Чехии блестящее будущее, когда наступит Судный день, *dies irae, dies illa** для панславизма и пангерманизма.

*Тот день, день гнева (*лат.*).

Чем больше усложнялась ситуация в Австрии, Венгрии и на Балканах, тем меньше оставалось перспектив у северных и южных славян создать собственные независимые государства в границах Монархии. И чем активнее Европа делилась на два военных лагеря, лихорадочно готовившихся к финальной схватке путем выстраивания системы альянсов и контральянсов, тем большую важность приобретал козырь эмоционального и культурного панславизма в руках российской верхушки, – с его помощью ненависть славянских народов Монархии можно было направить против стран, отказавшихся рассматривать эти народы в качестве равных партнеров в рамках конституционного права.

Мы могли наблюдать, что пропагандистские усилия русского империализма в ходе войны в значительной степени были успешными и стали одной из главных причин распада Монархии. Однако процесс этот не был роковым и неизбежным. Напротив, в ходе исторического анализа мы уже продемонстрировали, что самые видные и влиятельные деятели чешского народа, начиная с выдающегося лидера чехов Франтишека Палацкого, вполне серьезно поддерживали идею о необходимости сохранения Австрии на основе равенства населяющих ее народов. Данная концепция получила развитие у ряда публицистов – представителей северных и южных славян, в виде доктрины *Австрославизма*. Данное движение противопоставляло сентиментальной романтике панславизма принцип особой национальной индивидуальности славянских народов и выступало за сохранение Австрии, переустроенной в духе демократизма и федерализма, в качестве естественного оплота, гарантирующего свободное развитие малых славянских народов. Самым последовательным выразителем идеи австрославизма стал блестящий чешский политический мыслитель Карел Гавличек (1821–1856), ставивший самосознание собственного народа выше идеи славянской солидарности. Славянские народы, по его мнению, представляли собой такие же самостоятельные национальные субъекты как, например, французы и испанцы. Австрийская монархия могла бы стать верховным покровителем чехов и иллирийцев. Гавличек подчеркивал тот факт, что у славян четыре отечества, и идея общеславянского патриотизма остается столь же неопределенной, как и идея космополитизма. «Я не славянин, я – чех», – повторял чешский мыслитель и призывал австрийское правительство также защитить русинов от польской деспотии. После революционного кол-

лапса в 1850 г. он пытался убедить правящие круги, что защищая славян, Австрия сможет вовлечь в сферу своего влияния югославов и путем естественного притяжения заполучить бóльшую часть турецкого наследия в обмен на итальянские территории, удерживать которые удавалось лишь военными силами.

Австрославизм часто называли лицемерным и сравнивали с чисто тактической игрой в шахматы, тем не менее, он явно выражал искреннюю и естественную тенденцию. Чехи не были бы всерьез заинтересованы в развитии ирредентистской политики, будь у них возможность развивать собственное национальное государство внутри Монархии. До самого распада империи не было недостатка во влиятельных и авторитетных политиках, которые подчеркивали необходимость подобного решения. Мира и компромисса с остальными народами Монархии искали не только немногочисленные *чешские реалисты* под предводительством профессора Масарика, но даже лидер младочехов Карел Крамарж, будучи убежденным русофилом, он подчеркивал возможность чешского компромисса, если бы чехи могли, подобно венграм, построить свое национальное государство.

Более того, даже по окончании Первой мировой войны, после провозглашения в 1926 г. независимого чехо-словацкого государства, тот же Крамарж задним числом подтвердил правильность попыток решить славянские проблемы без устраивания катаклизмов – аналогичную точку зрения отстаивали некоторые последователи австрославизма даже в ходе войны. В отношении их планов Крамарж писал:

«Разве Австрия не могла проводить разумную и достойную политику – политику, за которую ратовали наши деятели, начиная с Палацкого и Гавличека, искренне желая сохранения Австрии? Такая политика даже сербов могла бы превратить в друзей Австрии: оценив проявленную по отношению к ним справедливость, они бы не пожелали создать государство за пределами Австрии и не стали провоцировать катастрофу, которая могла бы, в конечном итоге, плохо закончиться и для сербов. И для остальных славян…»

Чешские политики ответили на поставленный вопрос утвердительно. Конечно, для достижения этой цели нужна была другая политика, другая общественная мораль и другое гражданское воспитание.

B. Польский сепаратизм

История польского меньшинства Монархии ясно демонстрирует, что проблема ирредентизма не является следствием мистического родства, и представители национального меньшинства, проживающие в одном государстве, не обязательно должны с вожделением смотреть на соседей или плести ирредентистские заговоры; настроения меньшинств определяет «закон минимального общественного и национального сопротивления». Долгое время поляки оставались самым беспокойным и ненадежным народом в Монархии. Меттерних относился к ним с крайним недоверием. «Польскость, – писал он, – это лишь формула, лозунг, за которым прячется революция в самой своей грубой форме, это и есть сама революция». Действительно, и в 1846, и в 1863 годах революционное недовольство поляков вспыхнуло с огромной силой. Однако ситуация изменилась, как только венское правительство пошло на примирение и, отказавшись от политики немецкой централизации, предоставило полякам в Галиции полную национальную автономию. Особенно заметным влияние поляков в Монархии стало после Компромисса 1867 года, ведь для поддержания дуалистического режима австрийскому правительству нужны были в венском парламенте голоса польского клуба. Поляки превратились в любимое детище правящих кругов, стрелкой на весах нового политического равновесия; им практически разрешили создать в Галиции национальное государство, которое часто одерживало верх над центральными властями. Полякам никто не мешал учреждать собственные административные, культурные и экономические организации; более того, венское правительство молчаливо терпело постоянные попытки польской аристократии поработить русинских крестьян, составлявших почти половину населения Галиции. В то время, как поляки в Пруссии страдали под тяжким гнетом политики онемечивания и режима насильственной экспроприации, а в Российской империи царизм жестоко подавлял польское меньшинство, Австрия превратилась в заповедник польской свободы и независимости. Австрийские поляки, или, если быть более точным, польская шляхта (между польскими землевладельцами и нищим крестьянством существовала огромная пропасть), чувствовали себя все увереннее и стали самыми верными подданными Его Величества; поляков назначали на самые важ-

ные должности и дипломатические посты. Наличие национальной автономии и возможностей для свободного развития культуры исключали малейшие проявления революционных или ирредентистских настроений. Напротив, поляки, страдавшие под гнетом Пруссии и России, начали превозносить ситуацию в Галиции как образцовое государство, а его центр – Краков стал мощным центром польской литературы, науки и искусства. Австрийские поляки, конечно, продолжали лелеять мечту о возрождении прежнего исторического единства в рамках польского государства, однако эта кажущаяся утопической идея не имела антиавстрийской подоплеки и, таким образом, польская аристократия могла беспрепятственно претворять в жизнь свои национальные устремления. Правящие круги не только не препятствовали ей в этом, но и относились к подобным проявлениям вполне благожелательно, понимая, что в случае воссоединения Австрия послужит сильным центром притяжения для всех поляков. К тому же, поляки были до такой степени удовлетворены своим конституционным положением в Австрии, что, когда австро-немецкая сторона разработала план по наделению Галиции полной автономией, аналогичной той, что Хорватия имела по отношению к Венгрии (с целью сохранить немецкое большинство в австрийском парламенте, если там не будет поляков), такая перспектива не вызвала никакого энтузиазма у поляков, которые имели в монархии власть и пользовались ею.

Во время Первой мировой войны поляки также демонстрировали сильную привязанность к Монархии – эти настроения могли бы стать серьезным подспорьем для Центральных держав – участниц войны, если бы над частью поляков не довлели воспоминания о прусской политике в Позене, и если бы Монархия и Германия были более дальновидными и меньше сомневались, проводя свою политику в отношении поляков, и открыто и решительно поддержали программу создания единой Польши как независимого государства в рамках габсбургской империи. Однако дуалистический режим в Австрии и политика Пруссии в Германии сделали подобную политику неосуществимой. Дальнейшие события на Украине, как мы уже видели, сделали поляков врагами Монархии. Леон Билинский, польский политик, несколько раз занимавший пост министра финансов Австрии и объединенного государства, а затем ставший на время министром новой Польши, писал свои предсмертные мемуа-

ры, сохраняя лояльность по отношению к Габсбургам; он пришел к заключению, что распад Монархии был обусловлен тремя причинами: неспособностью Габсбургов довести до конца решение австропольской проблемы, манией величия, которую правительство Германии продемонстрировало в ходе мирных переговоров 1917 г. и губительной национальной политикой Венгрии*.

Г. Русинский ирредентизм

Русинский сепаратизм демонстрирует те же тенденции, что и польский, только в другом направлении. Русинское население Австрии давно прославилось своей лояльностью по отношению к династии. Их называли «тирольцами востока» или «галицийским Пьемонтом», поскольку русинские поселения в Австрии начали демонстрировать определенную тягу к своим украинским собратьям, которые также страдали под игом русского царизма и насильственной ассимиляции. В то же время, русинское меньшинство рассматривалось как неплохой противовес революционной польской аристократии. Вена также поощряла развитие своеобразной русинской культуры как защиту от подрывной деятельности со стороны русского империализма.

Однако отношение этого лояльного народа радикально переменилось, когда Галиция была передана польской аристократии, и последняя начала ущемлять национальные и политические права русинского меньшинства. Польско-русинский антагонизм обострялся также за счет экономического и социального давления со стороны крупных польских землевладельцев, которые оказались эффективным инструментом в руках русского панславизма, подпитывая ирредентистские тенденции в Галиции и Буковине. Панславистам удалось пробудить пророссийские настроения в ряде регионов, населенных русинскими крестьянами. В силу своей культурной отсталости (54% русинов в Буковине и 41% в Галиции оставались безграмотными на протяжении десяти лет) и бедности русины не знали, что их украинские братья в России подвергались еще большему угнетению, а роль польской шляхты там выполняли русские. Российский панславизм вел пропаганду не только «разбрасывая рубли»

*Воспоминания и документы (Варшава. 1924–1925). На польском языке.

и манипулируя чувствами разгневанных людей – жертв социальной и политической эксплуатации, но и задействуя глубокий религиозный мистицизм населения, которое инстинктивно противилось переходу духовенства под папскую унию и испытывало сильную эмоциональную привязанность к старой православной вере. Таким образом, в ряде регионов политическая пропаганда велась под видом полурелигиозной, и царь становился чем-то вроде божественного заступника угнетенных австрийских русинов.

Панславянская пропаганда велась почти открыто, не встречая никаких попыток противостоять ей методами разумного гражданского образования. Напротив, поляки, зная, на каком низком уровне культуры и организации находится русинское крестьянство, не принимали панславянские настроения всерьез и даже поощряли их, ведь их можно было противопоставить политическому влиянию по-настоящему серьезных противников – русинов, лояльных Австрии; с другой строны, поляки могли выставить себя защитниками австрийского государства от «предателей-русинов». Эта политическая игра была настолько беззастенчивой и лицемерной, что вызвала рост революционных настроений среди молодых русинов, и, как следствие, привела к гибели губернатора Галиции князя Потоцкого 1898 г. от рук студента-русина. Несмотря на то, что часть венских кругов прекрасно осознавала природу проблемы и двусмысленность той роли, которую сыграла в ней польская аристократия, правительство не решилось вмешаться, следуя политике Fortwursteln (т.е. «продолжая тянуть волынку»). Ведь для ликвидации русинской ирредены необходимо было провести ряд фундаментальных реформ, в том числе устранить польское господство, осуществить рискованную сельскохозяйственную реформу, гарантировать полное равенство в вопросах религии. Вена не могла экспериментировать в этих вопросах ни в малейшей степени, ведь перечисленные необходимые реформы вновь привели бы к всплеску польского сепаратизма и вызвали бы неодобрение Римской католической церкви – одного из столпов империи, а главное, поставили под угрозу саму дуалистическую конституцию, которая частично покоилась на плечах поляков. Вполне естественно, что в подобных условиях династия и ее правительство предпочли, как казалось, безобидный и основанный на эмоциях ирредентизм мирных, слабых и неорганизованных русинов и отреклись от «восточных тирольцев» в пользу польской шляхты.

Ирредентистское движение русинов в Венгрии отличалось еще большей наивностью и сентиментальностью. Социальный и культурный уровень русинского населения был здесь еще ниже, чем в Австрии. Неграмотность, постоянный голод, давление крупных поместий и феодальной администрации, безбожно высокий ростовщический процент, союз греко-католической церкви с коррумпированными местными властями служили благоприятной почвой для панславянской пропаганды, которая под видом греческого православия насаживалась как социальный наркотик. Несчастные русины, по сути дела, не имели представления о политических мотивах панславянской пропаганды, но с воодушевлением поддерживали традиционную русскую веру, которая распаляла их религиозное воображение, и в то же время предлагала нищим крестьянам священные книги на их собственном языке в ситуации, когда политика мадьяризации школ и органов власти оставляла интеллектуальные потребности людей без удовлетворения.

Непосредственно до начала Первой мировой войны против так называемых «русинов-схизматиков», попытавшихся отпасть от греко-католической церкви и перейти в венгерскую православную церковь, был разыгран сенсационный процесс. Хотя желание сменить веру, с точки зрения закона, было совершенно правомочным, греко-католическая церковь заклеймила его как государственную измену, результат панславистской агитации. Процесс проходил в городе Мармарошсигет, на северо-востоке Венгрии и вызвал международный резонанс, поскольку в нем оказались замешаны лидеры русского панславянского движения. Лучшие представители венгерской интеллигенции в отчаянии наблюдали за мрачной средневековой атмосферой процесса, спровоцированного алчным духовенством, которое боялось, что отступничество среди русинских крестьян сократит их церковные доходы. Хотя русская пропаганда, несомненно, сыграла определенную роль в раздутии религиозной истерии среди русинов, сама эта истерия была, по большей части, результатом культурной изоляции, экономической бедности и злоупотреблений со стороны местной администрации. Венгерский адвокат – защитник обвиняемых крестьян, писал:

«Главный урок, извлеченный нами из движения русинских схизматиков, заключается в том, что религиозные преследования, организованные греко-католическим духовенством в союзе с мест-

ными властями [жителей деревень брали в кольцо жандармы, а затем налагали крупные штрафы за то, что они тайно, по ночам совершали религиозные ритуалы, запрещенные властями], создали условия для русской религиозной пропаганды. То, что эта пропаганда странным образом добралась до нас через Америку, где венгерские русины-эмигранты рассказывали о своих страданиях своим соплеменникам, схизматикам, – всего лишь болезненный эпизод венгерской демократии».

Вполне естественно, что в подобной атмосфере русская религиозная пропаганда тоже должна была приобрести национальный колорит, и русинский крестьянин, подвергшийся гонениям за свою религиозную жизнь*, должен был начать воспринимать мистическую личность царя как своего освободителя от церковного и административного гнета, воспринимаемого им, в наивности сознания, как венгерское иго...

III. Настоящие ирредентыы

Что касается настоящих ирредент, то есть попыток национальных меньшинств выйти из состава одного государства и воссоединиться с другим, где проживают соплеменники, то таких в Монархии было всего три: итальянская, румынская и югославянская. И только первая была, по сути, неразрешимой проблемой.

А. Итальянская ирредента

Как только итальянцы осознали свое единство, Итальянское королевство неизбежно должно было оказывать огромное и непреодолимое влияние на итальянское меньшинство в Австрии. (До Первой мировой его численность составляла около 750 тысяч человек). Часть итальянцев были рассредоточены, часть – прожива-

*Полное суеверий, но, в то же время, исключительно «народное» православие, служители которого в отсталых провинциях воспринимались почти как волшебники или примитивные «знахари», оказывало огромное влияние на «националистическую пропаганду». (*Bonkáló S.* A szlávok. Budapest, 1915. 22–27.l).

ли компактными поселениями в южном Тироле, на юго-западе Герца и западных районах Истрии. Тяга итальянских территорий к Италии была вполне естественной, хотя, возможно, и не пронизывала все слои населения. Очарование старой культуры, общность исторических традиций, стремление к экономическому и культурному объединению, все равно проявились бы в определенной степени, даже если бы Австрия предлагала своим меньшинствам более высокую культуру и большую степень свободы. Однако она символизировала собой иностранное владычество, препятствие на пути культурного развития и отстутствие свободной местной автономии. К перечисленному добавлялась страшная память, которую австрийская *солдатеска* успела оставить о себе в Италии. Не будем забывать и о постоянной пропаганде итальянского империализма и националистического романтизма для тирольской и триестской ирредены и призывы сделать Средиземное море сферой итальянского влияния (*mare nostro*). Вспомним также, что в 1866 г. Гарибальди уже завоевал южный Тироль и, хотя удержать эти провинции он не смог, память об этом подпитывала энтузиазм итальянской общественности.

В подобной ситуации итальянские территории были для Австрии «дебетовой позицией» (т.е. за них все время приходилось расплачиваться), источником внутренних раздоров и внешних осложнений, угрозой возникновения новых ирредент. Самым разумным шагом со стороны Австрии было бы окончательное примирение с Италией путем передачи ей закрытых итальянских поселений. В качестве вознаграждения Австрия могла бы с легкостью достичь договоренности об объявлении гаваней Триеста и Фиуме свободными городами, *porto franco*, международными центрами торговли. Такое решение принесло бы максимальную выгоду и Австрии, и Италии, поскольку районы, расположенные в глубь от прибрежной полосы этих городов, были населены, по большей части, венграми и славянами. Такая политика была бы абсолютно осуществимой, если бы ее проводили тактично, с учетом сложностей итальянской политики. До поражения австрийцев при Кёниггреце итальянское правительство выдвинуло Австрии формальное предложение о покупке провинции Венеция, а за итальянский Тироль Габсбургам была предложена компенсация в другом регионе. Предложение было

отклонено без рассмотрения*. Даже в ходе Первой мировой войны предпринимались серьезные попытки сохранить нейтралитет Италии, следуя по этому пути.

Однако нынешнее империалистическое государство вследствие своей природы и руководствуясь догмой о «престиже великой державы и национальной чести», не могло проводить политику «отречения», даже если его действия были бы выгодны абсолютному большинству населения обеих стран. Вместо этого обе стороны продолжали политику, приведшую к катастрофе. В результате, народ Австро-Венгрии окончательно потерял свои порты и территории немецкого Тироля. Данная политика была тем более преступной, что правящие австрийские круги прекрасно осознавали, какую опасность представляет итальянская ирредента. Достаточно обратиться к книге Алоиза Риттера фон Хаймерле, полковника генерального штаба, написанную им в 1879 г. под названием *Italicae Res*, и мы увидим, как австрийский офицер разоблачает все детали итальянских интриг. Хаймерле показал, что это течение не ограничивалось несколькими романтически настроенными мечтателями, но включало в себя представителей широкой общественности и пользовалось тайной поддержкой правительства. Во время национальных праздников принято было покрывать флаги Триеста и Трентино траурной вуалью; страна была опутана сетью организаций «Итальянской ирредены»; высокопоставленные чиновники, члены парламента и армейского руководства нередко посещали патриотические ирредентистские празднества. Наблюдая за подобными проявлениями, офицер австрийского генштаба даже не упоминает о возможности компромисса и в итоге призывает обратиться к оружию.

Незыблемая вера в право завоевания определяла австрийскую политику до самого конца. Эта политика была тем более легкомысленной и недальновидной, что правительство не предпринимало никаких серьезных шагов, чтобы удовлетворить справедливые требования итальянского меньшинства, хотя это и могло бы несколько снизить напряженность между двумя странами. Немецкая бюрократия и шовинизм сводили на нет требования предоставить автоно-

*V. *Bibl.* Op.cit. Bd. II. S. 228

мию южному Тиролю. Таким же безрезультатным оказалось желание итальянского меньшинства создать итальянский университет, хотя другие народы Монархии с куда менее значительной культурой и выраженными национальными традициями давно пользовались аналогичной привилегией. Австрийское правительство боялось подобных планов, поскольку боялось (и не без основания), что в условиях обострения отношений такой университет послужит укреплению ирредентистских настроений. По этой причине история с итальянским университетом была отложена, и, в конечном итоге, сведена к полумере – открытию итальянского факультета при немецком университете Инсбрука (оплота немцев на юге), вместо предложенного итальянцами плана по созданию университета в Триесте, реальном центре итальянской жизни в Австрии. Результатом непродуманного решения стала настоящая битва между итальянскими и немецкими студентами в большом зале университета Инсбрука, вылившаяся в кровавое побоище на улицах города (1909). После произошедшего итальянский факультет был переведен в Вену, где столкновения между немцами и итальянцами вспыхнули с новой силой. План по созданию итальянского университета провалился, в результате это только подлило масла в костер итальянской ирредены: «вместо университета итальянские студенты получили палки и револьверы».

Взрывоопасный характер австрийско-итальянских отношений усугубили события в ходе празднеств, устроенных в Триесте в 1882 г.по случаю выставки, устроенной австрийцами в память о том, что Триест на протяжении 500 лет принадлежит Габсбургской монархии. Во время праздничных мероприятий полиция отследила три покушения – попытки взорвать бомбой членов династии и самого императора. Суд приговорил к смертной казни организатора одного из покушений, Оберданка, и последний стал итальянским национальным мучеником, настоящим символом итальянской ирредены.

Заключение так называемого Тройственного союза (1882) – истинного воплощения безнравственной политики империализма, не берущего в расчет реальные чаяния народа, не улучшило, но лишь усугубило отношения между странами. Под покровительством Бисмарка Италия вступила в союз с Германией и Австро-Венгрией, чтобы продемонстрировать свое недовольство политикой Франции в

Тунисе. Договор, текст которого не был тогда обнародован, стал наихудшим продолжением макиавеллиевской политики между вступившими в союз Италией и Австрией – эти две страны справедливо называли «самыми странными в мире союзниками», так как они непрерывно вели военные приготовления друг против друга и возводили укрепления на границах; между итальянцами и австрийцами регулярно вспыхивала ненависть. Дух враждебности дал о себе знать уже в ходе кризиса, связанного с аннексией, когда весь итальянский политический мир занял крайне враждебную позицию в отношении австрийского «союзника» из-за «грабежа» на Балканах и потребовал компенсации на территориях ирредента. Недовольство итальянской общественности было столь велико, что премьер-министр Джиолитти едва мог его утихомирить и сам был вынужден почти неприкрыто разыгрывать ирредентистскую карту, говоря в парламенте о «преждевременной нетерпеливости».

Итальянский ирредентизм приобретал все более ожесточенный характер. Так, например, генерал Азинари, командующий миланским корпусом, на церемонии вручения знамени новому кавалерийскому полку в Брескии в своей речи напомнил об австрийском терроре, который царил в этом городе за полвека до того, и выразил надежду на то, что Судьба когда-нибудь даст ему возможность повести своих солдат против давнего врага… Жители Удины изготовили куклу с чертами Франца Иосифа и сожгли ее… Все громче звучал голос ирредентистской литературы. Начал выходить журнал *La Preparazione* («Подготовка») – военно-политическое издание, призванное подготовить общество к будущей ирредентистской войне. Пока правительства продолжали на официальном уровне говорить о «наилучших», сердечнейших отношениях между союзниками, пропаганда Габриэле д'Аннуцио вербовала в ряды сторонников ирредента многие тысячи итальянцев, а его книга «Корабль» (*La Nave*) пробудила в сердцах народа жажду отвоевать обратно «Итальянское море».

Тем временем стало очевидно, что Италия поворачивает в сторону Антанты; под умелым французским руководством произошло даже итало-славянское сближение, явно направленное против Австро-Венгерской монархии. Совершенно естественно, что в подобной атмосфере австрийские сторонники войны также пошли на решительные меры. Конрад фон Хотцендорф, возглавивший в 1906 г. году Генштаб Австро-Венгрии, прекрасно знал, что

австрийско-итальянские отношения находятся на грани взрыва, и призывал к превентивной войне против Италии. Хотцендорф справедливо заключил, что дело стремительно идет к созданию итало-югославянско-русской коалиции против Габсбургской монархии. Именно поэтому в 1911 г., когда у Италии возникли серьезные проблемы в Триполи, он советовал напасть на «союзника», то есть «нанести удар в спину», который, согласно австрийской терминологии, Италия использовала против своего союзника в ходе Первой мировой войны.

Б. Румынская ирредента

По своей природе румынская ирредента существенно отличалась от итальянской. Если округлить цифры, на территории Габсбургской монархии проживали три с четвертью миллиона румын (большая часть – три миллиона – в Венгрии), а в Королевстве Румыния их было шесть миллионов. Таким образом, румынская ирредента была представлена не малочисленным меньшинством в пропорции ко всей нации, как в случае с итальянцами, но составляла значительную группу, члены которой были склонны считать себя наследниками римлян, в древности населявших Дакию. Традиция связывать румын с римскими даками существенно укрепляла национальное самосознание трансильванских румын, и доктрина дако-румынского происхождения стала главной идеологией ирредентистской мысли и попыток объединения всех румынских территорий. Несмотря на оживленные споры в отношении исторической обоснованности данной доктрины, вполне вероятно, что некоторые из трансильванских румын населяют эту страну с древнейших времен, и история Трансильвании всегда была частью венгерско-румынской истории. Таким образом, трансильванские и венгерские румыны имели все основания считать Венгрию своей родиной. (Мы можем не рассматривать ирредентистскую ситуацию в Буковине, где проживали около 250 тысяч румын, поскольку они были полностью изолированы от румынских поселений в Венгрии в силу отсутствия прямого железнодорожного сообщения между Буковиной и Трансильванией. Буковинские румыны были полностью поглощены румынско-русинскими противоречиями и не играли существенной роли в ирредентистском движении).

Приостановить развитие румынской ирредента или направить ее в сторону Трансильвании, а не Румынии, могли и другие причины. По сравнению с Королевством Румыния, которое обрело формы западной цивилизации лишь в начале шестидесятых годов XIX в., Габсбургская монархия могла служить для всех румын мощным центром экономического и культурного притяжения, если бы обеспечила беспрепятственное национальное развитие для румын, проживающих в пределах империи. Кроме того, истинным центром румынской культуры изначально и была Трансильвания, где отдельные венгерские князья, отличавшиеся дальновидностью, намеренно стимулировали развитие языковой и церковной культуры румынского народа. В таких условиях поддерживать культурную и экономическую гегемонию трансильванских румын над их собратьями в Королевстве Румыния было бы относительно несложной задачей. В том, что касается умения себя сдерживать, методов управления, степени овладения западной культурой и моральной дисциплины, трансильванские румыны значительно превосходили жителей королевства, развращенного правлением фанариотов – греков, управлявших страной в азиатском духе при поддержке турок. Еще один фактор, который мог повернуть ирредентистские настроения в другую сторону, – традиционная лояльность трансильванских румын по отношению к Габсбургам; самые преданные из них не раз защищали династию от нападок венгерского феодализма.

Все перечисленное означает: если бы Монархия сумела вовремя удовлетворить национальные потребности своих народов в духе разумного федерализма, Трансильвания могла бы стать румынским Пьемонтом, и, в силу более развитой культуры и доступных свобод, послужить центром мощного притяжения для соплеменников, проживающих за границами империи. Румынскую ирреденту *в направлении Монархии* можно было наблюдать на протяжении нескольких веков. Еще румынский князь Михай Храбрый (1593–1601) пытался объединить свои территории с империей Рудольфа II, аналогичные попытки возобновились в XVII в. с целью объединить всех румын под властью Габсбургов*. Страх изолированных румын перед нарастающим панславизмом подталкивал их в том же направлении. В 1848 г. ряд румынских лидеров выступи-

**F. Kleinwaechter.* Op.cit. S. 168.

ли перед Германской национальной ассамблеей во Франкфурте с предложением объединить все румынские поселения в автономную страну, состоящую в тесной связи с Австрией. В период революции румыны горячо поддержали Габсбургов и практически до самого распада Монархии состояли в близкой связи с Веной, сохраняя неоспоримую преданность династии. Один из самых талантливых румынских политических мыслителей Аурель Поповичи, лидер румынской национальной партии Венгрии, вынужденный бежать в Австрию, чтобы избежать тюремного заключения за памфлет, направленный против мадьяризации, в 1906 г. опубликовал сенсационную книгу – *Die Vereinigten Staaten von Grossösterreich* («Соединенные штаты Великоавстрии»), где в совершенно прогабсбургском духе выступил за переустройство Монархии на федеративной основе. Поповичи пытался показать, что спасти Австро-Венгрию и одновременно сделать ее центром притяжения для Востока и Юга может только конституция, основанная на равенстве населяющих империю народов.

Приведенные факты (их можно легко дополнить и другими) убедительно демонстрируют, что ирредентистское движение, направленное в сторону Бухареста и вызывавшее растущую тревогу у австрийской и венгерской общественности, было не неизбежной данностью, но результатом неправильной внутренней политики. Роковую ирреденту, нацеленную против габсбургского государства, тем более нельзя считать неотвратимой, ведь с 1866 г. на румынском престоле сидели Гогенцоллерны – в силу своего образования и традиций они были совершенно согласны с идеей немецко-венгерско-румынского союза, который представлялся им защитой от растущей волны московского панславизма. И король Карл, и король Фердинанд искренне поддерживали эту политику, всеми силами стараясь остановить румынскую ирреденту в Трансильвании и прийти хотя бы к временному соглашению с Габсбургами.

Достичь подобного соглашения не получилось, более того, ирредентистские настроения в Трансильвании стали распространяться еще быстрее в результате неразумной национальной политики со стороны Венгрии: мадьяризация школ, обременительный контроль над румынской церковью, вытеснение румынской интеллигенции из государственной жизни и органов местной власти – все это стимули-

ровало рост центробежных тенденций в румынской среде. Вначале румынская ирредента носила, скорее, эмоциональный и литературный характер, но постепенно она стала приобретать все более политические формы. Многочисленные представители румынской интеллигенции, те, кто не мог найти достойного заработка на родине или пришел в противоречие с венгерскими судами, эмигрировали в Королевство Румыния, где стали ядром ирредентистской кампании.

Непосредственно перед началом Первой мировой войны признаков обострения румынской ирредента становилось все больше. Румынский депутат венгерского парламента, один из самых влиятельных лидеров трансильванских румын, Вайда-Воевод в октябрьском номере журнала *Öszterreichische Rundschau* («Австрийское обозрение» – печатный орган правящих кругов Вены) за 1913 г. опубликовал страстный протест против венгерской шовинистической политики, призывая эрцгерцога Франца Фердинанда «усмирить европейскую Монголию». В своей гневной статье румынский лидер детально разобрал и осудил политику искусственной мадьяризации в целом.

На новой волне политических преследований с венгерской стороны подобные обвинения и жалобы (большую часть которых было невозможно опровергнуть) только ожесточили решимость румынских ирредентистов. Тогда же идеи движения начали проникать и в сознание народных масс. Беспорядки в деревне Кишмайтень (рум. Мофтину Мик) и последовавший за ними суд в Сатмаре (1914) вызвали новый всплеск недовольства. Однако в том же году произошло нечто еще более страшное: генеральный викарий (*vicarious generalis*) – представитель епископа Хайдудорогской епархии, созданной для мадьяризации румынских униатов, стал жертвой адской машины, присланной ему по почте неизвестными преступниками. В результате взрыва несколько священников епархии получили серьезные ранения.

Подобные события последовательно обостряли вражду между двумя народами. Бухарестская организация *Liga Culturale* провела в ряде городов Румынии митинги протеста против угнетения румынских братьев в Венгрии. Последствия оказались столь значительными, что создали угрозу для так называемой Большой политики, проводимой Монархией. В 1913 г., перед началом войны начальник Генштаба Конрад фон Хотцендорф заявил, что из-за

недовольства, которое венгерская шовинистическая политика вызвала среди румын, Румынию можно считать потерянной для Тройственного союза. Князь Чернин, на тот момент – посол Австро-Венгрии в Румынии, а впоследствии – министр иностранных дел, неоднократно предупреждал Вену о необходимости изменения национальной политики Венгрии, так как, в противном случае, Румыния могла присоединиться к Антанте. Секретное соглашение между Румынией и Тройственным союзом так и не было обнародовано, ведь румынское правительство прекрасно понимало, что подобное соглашение вызовет волну возмущения в румынском обществе. В одном из донесений князь Чернин цитировал заявление короля Карла, согласно которому «положение дел [было] таково, что в случае войны Румыния не сможет стать на сторону Монархии…»

Угроза развития румынской проблемы в Трансильвании начала беспокоить и Берлин. Во время визита императора Вильгельма к эрцгерцогу Фердинанду в Конопиште, этот вопрос стал одной из главных тем для обсуждения. Наследник престола яростно критиковал политику, проводимую графом Тисой в Трансильвании, и жаловался на то, что венгерсий премьер не сдержал прежних обещаний, данных им в Шёнбрунне относительно умиротворения румын. Эрцгерцог призвал императора убедить графа Тису в необходимости пересмотра венгерской национальной политики (июнь 1914 г.). Германскому послу в Вене Генриху фон Чиршки было поручено при всяком удобном случае напоминать о безотлагательной потребности изменить политику в отношении румын. Император сказал эрцгерцогу, что к Тисе всегда следует обращаться со словами: Herr, gedenke der Rumänen («Сударь, помните о румынах!»). Оказавшись под давлением, граф Тиса начал было переговоры с лидерами венгерских румын, однако политическая атмосфера была уже до такой степени отравлена, а феодальные представления венгерского премьера делали его позицию настолько предвзятой, что никакого компромисса ему достичь не удалось. Тиса был не в состоянии освободиться от рамок собственной политической концепции, в жестких рамках которой люди, как сознательный фактор общественной жизни, просто отсутствовали. Поэтому и румынская проблема для него сводилась к нескольким недовольным епископам и директорам банков; Тиса пребывал в

убеждении, будто этот сложнейший вопрос можно решить путем раздачи определенных привилегий приличным румынам, игнорируя при этом недовольство масс, вызванное процессами в социальной и экономической сфере. Граф нередко называл румынскую проблему «наступанием на мозоли» румынской интеллигенции и призывал венгерскую общественность, чтобы та перестала ущемлять чувства румын в рамках общественной жизни. Таким образом, всемогущему правителю самая насущная проблема страны, практически раковая опухоль на ее социальном и политическом теле, представлялась всего лишь как «больная мозоль».

И Вена, и Берлин с напряженным вниманием следили за новой политикой Тисы. Как-то раз германский император лично попытался смягчить венгерского премьера и успокоить его, сказав, что «Королевство Румыния не требует от венгерского правительства «значительных действий» – только уступок в мелких вопросах, в отношении школ и местных органов власти». В то же время император пробовал играть и на других струнах, надеясь преодолеть сопротивление Тисы. Как пишет в своем отчете германский посланник фон Тройтлер:

«Его Величество также обратил внимание венгерского политика на то, что у Венгрии есть все причины решительно встать на сторону немцев, чтобы противостоять славянской волне, и отметил, что лучшей гарантией перед лицом этой опасности были бы немецкая Австрия и мадьярская Венгрия как два надежных столпа дуалистической Монархии… Граф Тиса с воодушевлением согласился..»*.

Это означает, что в марте 1914 г. германский император и самые влиятельные политики Габсбургской монархии совершенно одобряли сохранение дуалистической конституции и антиславянской политики. В результате самая серьезная ирредентистская проблема Австро-Венгерской монархии – проблема югославянского единства – так и осталась неразрешенной и в конеце концов привела к катастрофе в Сараево.

*Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. Vol. XXXIX. Nos. 15.715, 15.716, 15.735, 15.736, 15.737.

IV. Югославянская ирредента и путь к войне

Югославянская ирредента, безусловно, была самой опасной из всех; именно она в конечном итоге привела к развертыванию Первой мировой войны и разрушению империи. Не следует, однако, считать, будто эта проблема была неразрешима по своей сути и обязательно должна была привести к распаду Габсбургской монархии. Напротив, используя ключевые факторы югославянской ситуации, можно было направить стремление югославянских народов к национальному единству в благоприятную для Монархии сторону, ведь национальную интеграцию можно было вести не из Белграда, а из Загреба или из Сараево.

Сама по себе югославянская ирредента так или иначе являлась неизбежной общественной необходимостью, однако условия и процессы ее осуществления во многом зависели от проводимой в ее отношении политики. Вся история XIX в. есть иллюстрация социологического закона, согласно которому среди народных масс одной национальности, проживающих под разными суверенитетами, с подъемом экономической и культурной жизни развивается непреодолимое стремление организовать всех представителей этой национальности в единое экономическое и политическое целое. Весь процесс формирования югославянского единства, по сути своей, был аналогичен процессам объединения немцев и итальянцев. В конце XIX в. каждому, кто внимательно следил за происходящим, стало очевидно, что стремление к объединению югославов превратилось в неизбежный факт массовой психологии. Интриги и соперничество между великими державами могли затормозить или ускорить процесс, но не они составляли его главную причину. Любой, кто обладает хоть толикой исторического или социологического знания, с ходу отвергнет наивную пропагандистскую идею, будто югославянское единство – результат подрывного влияния со стороны русского панславизма и дипломатических интриг Антанты, хотя оба фактора, несомненно, стимулировали и ускорили исторический процесс.

А. Рассредоточение югославянских сил

В начале XIX в. большая часть южно-славянских народов Европы жила под властью иностранцев; австрийские словенцы – под властью немцев, сербские иммигранты в Венгрии – под венграми*, славяне в Далмации – под итальянцами, балканские славяне – под турками. Повсюду южные славяне были зависимыми элементами; у них не было ни исторически сложившегося правящего класса, ни государственной жизни, ни местного самоуправления. Только хорватам удалось, до определенной степени, сохранить государственность и историческую целостность.

Войны, которые Габсбургская монархия вела против турок, естественно, всколыхнули и балканских славян, томившихся под турецким гнетом, и зажгли в сознании этих народов искры, приведшие, в результате полувековой борьбы за независимость к признанию независимого королевства Сербского по Сан-Стефанскому мирному договору (1878). Тогда же признали и независимость небольшого княжества Черногория – таким образом, сербская национальная жизнь и культура получили на Балканах два новых центра. С этого момента Сербское государство стало, по сути дела, естественным лидером и продолжателем движения, нацеленного на уничтожение турецкого феодализма на территории прежней Сербии и Македонии. В ходе Балканских войн 1912 г. это движение, в общем, достигло своей цели и параллельно способствовало бурному росту сербского национального сознания. Десятки лет борьбы за национальную независимость позволили сербам сформировать сильный средний класс и интеллигенцию, которые с готовностью подхватили революционные идеи Запада и со свойственной южанам импульсивностью и безжалостной жестокостью, приобретенной в ходе партизанской войны с турками, восприняли программу объединения всех югославов. Тем самым, в югославянском мире возникло два мощных центра притяжения: один в Заг-

*Во время владычества турок сербы медленно, но последовательно переселялись в южные районы Венгрии. Самая значительная волна миграции приходится на 1690 г., год, когда имперские власти переселили около 40 тысяч сербских семей под предводительством патриарха Ипека [город Печ в современной Венгрии] в комитаты Пожега, Серем и Бачка. Император Леопольд I предоставил им широкие привилегии, которые сделали сербские поселения практически государством в государстве.

Таблица XVII

Югославы в Габсбургской монархии (*округленные данные*)	
I. В Австрии (Крайна, Каринтия, Штирия, Истрия, Далмация)	
а) словенцы	1 400 000
б) хорваты	700 000
в) сербы	100 000
II. В Венгрии	
а) хорваты	300 000
б) сербы	500 000
III. В Хорватии–Славонии	
а) хорваты	1750 000
б) сербы	650 000
IV. В Боснии–Герцеговине	
а) хорваты	400 000
б) сербы	850 000
в) сербо-хорваты мусульмане	650 000
Всего:	7300 000

ребе, столице Хорватского королевства, принадлежавшего Короне Святого Иштвана, а другой – в Белграде, столице независимого Сербского королевства.

Два эти центра неизбежно оказывали огромное влияние на все южнославянские народы, рассеянные по шести государствам, а внутри этих государств – по многочисленным провинциям. Искусственно разделенные части единого национального целого продолжительное время вели разрозненную экономическую и культурную жизнь, а местный партикуляризм еще долго брал верх над

Таблица XVIII

Югославы за пределами Габсбургской монархии	
I. В Сербии	2 600 000
II. В Черногории	300 000
III. В Турции	400 000
Всего:	3 300 000

чувством национального единства. Однако все, что способствовало экономическому и культурному развитию разрозненных фрагментов нации, год от года укрепляло между естественную связь, сознание этнографической солидарности и ненависть к иностранному господству.

Понять природу всего процесса поможет следующая таблица; в ней приведено количество югославянского населения в различных странах с разделением на католических славян (хорватов, словенцев) и православных сербов. Хотя мы не можем вполне доверять довоенной статистике по балканским территориям, мы можем принять расчеты Р.У. Сетона-Уотсона как примерно правильную оценку распределения югославянских сил накануне объединения*.

Из таблиц XVII и XVIII видно, что в Монархии проживало в два раза больше югославов, нежели за ее пределами, в недавно образованных сербских центрах; таким образом, исходя из чисто математического преимущества, по закону гравитации ирредента в направлении Монархии была более вероятна, нежели стремление от нее отделиться. Однако помимо математических условий могли сработать и куда более мощные силы – они-то и имели шанс изменить направление ирредента на благо Монархии. Прежде всего, большинство югославянских народов, живших под властью Габсбургов, обладали огромным преимуществом по отношению к югославам на Балканах во всем, что касалось экономической организации, общей культуры и эффективного управления. Предположим, что Монархия посредством федеральной конституции обеспечила бы семи миллионам своих югославянских граждан полную культурную автономию и национальную независимость, так, чтобы они беспрепятственно могли развивать свои национальные силы, культуру и экономику. Было ли такой уж утопией предположить, что сообщество дунайских наций с населением в 51 миллион, в котором еще одним важнейшим экономическим центром, помимо Вены, Будапешта и Праги, стал бы Загреб, могло превратиться в центр непреодолимого притяжения для трех миллионов балканских югославов, отчаянно нуждавшихся в культурном, экономическом и научном руководстве?

*Подробный анализ см. в его книге: The Southern Slav Question (London, 1911).

Более того, Габсбургской монархии даже не пришлось бы подгонять процесс интеграции – его можно было подготовить спокойно, неторопливо и вдумчиво, постепенно завязывая новые дружеские отношения и формируя новые привязанности. Ведь осознание национальной солидарности среди югославянских племен – как мы уже отмечали – формировалось сравнительно медленно. В начале они смотрели друг на друга как иностранцы, с недоверием. Населявшие Монархию хорваты и словенцы, воспитанные в духе западной римской культуры, с их католической верой и латинским алфавитом, ставшие частью естественного кровообращения Вены и Будапешта, долгое время считали себя выше своих сербских собратьев, которые были отражением византийской культуры, исповедовали греческое восточное православие, пользовались кириллицей и в бесконечных битвах с комитаджи и кровавых сражениях с турками за несколько веков приобрели определенный варварский, азиатский колорит. С другой стороны, сербское меньшинство испытывало недоверие к хорватам и словенцам, считая их вассалами Вены и Будапешта. Естественно, что в подобной ситуации бедные балканские родственники мало заботили западное большинство. Югославов в Монархии больше вдохновляла политическая идея так называемого *иллиризма*, идеей которого было восстановление единства трех стран под эгидой бывшей хорватской короны. Сторонники иллиризма не испытывали никакой ненависти к Габсбургам, напротив, это движение служило самым решительным подтверждением существования Габсбургской империи: благодаря влиятельной пропаганде Людовита Гая иллиризм оказался самым эффективным идеологическим оружием, с помощью которого Вена заручилась вооруженой поддержкой югославов против боровшихся за свою независимость венгров. И впоследствии, на протяжении почти трех поколений хорваты выступали как самые лояльные подданные империи; хорватские полки активно сражались за Монархию даже в ходе Первой мировой войны, а большинство югославов-католиков следовали традиции великого национального лидера, бана Йелачича, который стремился объединить свой народ под властью Габсбургов. Даже 30 мая 1917 г. группа югославянских депутатов единогласно одобрила объединение всех югославов монархии в пределах Австро-Венгерской империи.

Тенденция к объединению под эгидой Габсбургской монархии находила сторонников не только среди югославов-католиков империи, но и в Сербском королевстве. В самом начале XIX в. лидер сербской национально-освободительной борьбы против Османской империи Георгий Карагеоргий неоднократно просил защиты у императора Франца и заявлял, что готов принять сюзеренитет Австрии*. Аналогичные поползновения наблюдались и совсем недавно. Бывший премьер-министр Сербии Владан Георгиевич рассказал в колонке одной из венских газет о том, как предложил Эренталю, на тот момент министру иностранных дел монархии, чтобы Сербия вошла в состав Австро-Венгерской монархии в обмен на такую же степень независимости, какой обладала Бавария в составе Германской империи. Однако австрийский политик не пожелал рассмотреть предложенный план**. Непосредственно перед началом Первой мировой войны в 1912 г. сербский премьер Никола Пашич[197] также очень хотел выстроить долгосрочную стратегию сближения и попросил профессора Масарика, впоследствии – президента Чехословацкой республики, а на тот момент – одного из лидеров чешской оппозиции, представить разработанный им план графу Берхтольду, министру иностранных дел Монархии. Увы, незадачливый политик не был склонен обсуждать этот вопрос с чешским ученым, ибо в силу типично австрийского подхода полагал, будто «Масарик захотел создать очередную комиссию, а мы здесь не для того, чтобы содействовать в организации комиссий...» Аналогичные попытки Йозефа Редлиха и доктора И.М. Бернрайтера, члена верховной палаты парламента, также не увенчались успехом.

Б. Истоки югославянской ирредены

В свете описанного кажется непонятным, каким образом неистовая южнославянская ирредента, охватившая не только сербов, но и многочисленных представителей молодого поколения хорватов и жителей Далмации***, прямиком привела к распаду Монархии.

* Подробнее см.: *Alfred Fischel*. Op.cit. S. 212.

***F. Kleinwaechter*. Op.cit. S. 157.

*** В июле 1917 г. печатный орган лояльной прогабсбургской партии в Хорватии (так называемой «Партии Франка») подчеркивал, что 90% хорватских интеллектуалов следуют за «химерой Югославии».

Любой, кто хочет получить точный ответ на этот вопрос, должен прочесть подробную историю движения за югославянское единство в изложении Р.У. Сетона-Уотсона, П. Зюдланда и, прежде всего, Германа Венделя*. Здесь я вынужден ограничиться перечислением самых характерных фактов, оказавших существенное влияние на формирование ирредентистского движения против монархии.

Прежде всего, в этой связи следует указать на угнетенное состояние югославянских территорий Монархии. Самой большой политической ошибкой было безобразное отношение к решению важнейшей хорватской проблемы: в предыдущей главе мы уже останавливались на связанных с ней важнейших событиях. Страну, которая могла стать естественным Пьемонтом для югославов, правящие круги Монархии превратили в недовольную провинцию, а затем – посредством аморальных действий графа Хуэна Хедервари – в подобие балканской колонии. Управлять такой колонией можно было только с помощью военной силы и абсолютизма, что, в свою очередь, привело к мятежам, студенческим беспорядкам, а после Хуэна – к покушениям на представителей режима. Уже в 1871 г. стало очевидно, что новая дуалистическая система пошла не по тому пути. В ходе расследования заговора Огулинского полка была раскрыта широкая сеть заговорщиков, подавить которую удалось лишь с привлечением значительной военной силы. Власти последовательно тормозили культурное развитие словенского меньшинства, а Далмация, этот блестящий центр старой славянской культуры, играло в Монархии роль Золушки – здесь крайне итальянское меньшинство управляло регионом, 98% населения которого составляли югославы. Кроме всего прочего, Далмация была совершенно заброшена в экономическом и культурном плане. Примерно в трех сотнях деревень не было школ, а в отдельных районах неграмотными оставались до 90% населения. Лучше всего ситуацию характеризует факт, о котором мы уже упоминали: столица Далмации не имела прямого железнодорожного сообщения с Австрией, а до Зары можно было добраться только морем или на лошадях.

Справиться со всеми этими бедами можно было лишь путем создания независимого и самостоятельного государства, однако попыт-

* Мы уже ссылались на труды Сетона-Уотсона и Германа Венделя. Австрийская позиция нашла отражение у Зюдланда (*Südland P.* Die Südslavische Frage und der Weltkrieg. Wien, 1918).

ки объединения югославянских территорий разбивались о преграду в виде дуалистической конституции, закрепившей немецко-венгерскую гегемонию. С одной стороны, Венгрия заявляла свое историческое право на Далмацию, а позднее и на оккупированную Боснию–Герцеговину, но, в то же время, резко противилась любым усилиям, направленным на объединение югославянских территорий Монархии, поскольку это означало бы конец дуалистического режима и крах немецко-венгерской гегемонии. Антиславянская позиция венгров нашла надежного союзника в лице крупной немецкой буржуазии, особенно в ведущих финансовых кругах, которым дуалистическая система гарантировала абсолютную монополию на всей территории Монархии. Габсбургская монархия, трансформированная в федеративное государство под управлением славянского большинства, стала бы для немецкого империализма бесполезной, и его поддержка сделала этот союз нерушимым.

Венгерская аристократия не изменила своего враждебного отношения к южнославянскому объединению и в ходе Первой мировой войны, и это позволяет понять позицию графа Иштвана Тисы, чьи взгляды нередко получали неверную трактовку в источниках официальной пропаганды и работах поверхностных иностранных наблюдателей. Когда граф Тиса, самый стойкий и классово сознательный защитник интересов крупных землевладельцев, предпринял попытку избежать войны с Сербией*, его политика отнюдь не была

* Следует также отметить, что Тиса довольно вяло сопротивлялся катастрофически неудачной политике Вены. Как справедливо отметил граф Тивадар Баттяни, государственный министр и один из самых информированных политиков времен войны в своих недавно опубликованных в Венгрии (1927) мемуарах, правда состоит в том, что граф Тиса мог бы предотвратить развязывание Первой мировой войны, если бы отказался взять на себя конституционную ответственность за посланный Сербии ультиматум. Стареющий император – по крайней мере, в самом начале – похоже, сомневался, принимать ли ему план, предложенный партией войны. Ненависть большинства населения Австрии в отношении военной авантюры была очевидна. Таким образом, энергичного сопротивления со стороны «крепкой» Венгрии в лице ее самого влиятельного политика, венгерского «сверхчеловека» было бы достаточно, чтобы уравновесить действия венской партии войны. Однако Тиса успокоил собственную совесть исключительно словесными аргументами. Впоследствии он стал самым горячим сторонником партии войны, способствовал тому, чтобы уильтиматум оказался для Сербии неприемлемым, предпринимал шаги против принятия плана Эдуарда Грея по мирному урегулированию конфликта (31 июля 1914 г.), и за две недели до этого отправился к германскому послу, отстаивая необходимость войны. (Отказавшись от прежней позиции, Тиса заслужил со стороны германского императора восторженную ремарку: «Na, doch mal ein Mann!» – «Вот ведь человек!»). Для многих зарубежных исследователей подобная перемена во взглядах графа Тисы, «сильного человека» Мо-

результатом стремления к миру или политической умеренности. У Тисы не было никаких «пацифистских сомнений». Как и все остальные ведущие государственные деятели Монархии, он был убежден, что войны с Россией не миновать. Еще в 1889 г. во время публичного выступления граф заявил, что европейская война неизбежна, и призывал страну к ней готовиться*. Как уже отмечалось, премьер дважды грубо нарушил регламент венгерского парламента, чтобы заставить депутатов проголосовать за законопроект об армии, принятия которого в качестве необходимого условия будущей войны требовали милитаристские круги. Международные отношения Тиса рассматривал исключительно с макиавеллиевских пози-

нархии, «самого способного и выдающегося политика» своего времени стала загадкой и остается ею для всех, кто пытается объяснить поведение ведущего государственного деятеля с точки зрения индивидуальной психологии, вместо того, чтобы анализировать общую ситуацию в разрезе массовой психологии. Ключ к решению этой «проблемы» заключается в том факте, что Тиса, как и остальные венгерские премьер-министры, никогда бы не посмел пойти против воли императора или ведущих придворных группировок в Вене. Риск подобного противодействия был бы слишком велик, ведь за венгерским премьером – представителем не страны, но лишь олигархической верхушки, стремящейся сохранить дуалистический режим, – никогда не стояло реальное общественное большинство. (См. анализ ситуации на 357 и последующих страницах данного издания). В случае конфликта (как отчетливо показала ситуация 1906–1907 гг.), Вена всегда могла мобилизовать против правящих классов подавляющее большинство населения страны, венгерский пролетариат и национальные меньшинства, пообещав им всеобщее избирательное право. Последнее, вкупе с тайным голосованием, означало бы немедленный конец власти крупных помещиков и венгерского превосходства в Монархии – двух факторов, воплощавших собой главные чаяния венгерских феодалов, чьим неоспоримым лидером и был граф Тиса. Таким образом, позиция венгерского премьера существенно отличалась от положения его английского коллеги, пользовавшегося поддержкой большинства и практически не зависимого от королевской власти; венгерский премьер оставался представителем короля и феодальных интересов, полностью зависимым от воли монарха. Именно в такой ситуации оказался граф Тиса на протяжении критических недель, когда его докладные записки были решительно отвергнуты императором, а сам он наблюдал, как в правящих военных и дипломатических кругах растет стремление к войне. Сопротивление графа было сломлено совершенно, *laudabiliter se subject* [похвально сдался, – *лат.*], Венгрия была обречена.

Однако это был лишь вторичный, производный грех венгерского премьера, следствие выстроенной им системы. Негибкость феодальной экономической структуры, неуважение к Закону о национальностях, сохранение порочного избирательного законодательства – все эти элементы режима Тисы делали решение национальных проблем Монархии невозможным и вели прямиком к вспышке югославянской ирредента. Именно поэтому один из самых преданных поклонников премьера – Глайзе-Хорстенау, будучи человеком независимым и более широких взглядов, назвал графа Тису «могильщиком возлюбленного тысячелетнего отечества» (Op. cit. P.112).

**Joseph Redlich.* Kaiser Franz Joseph. P. 406.

ций. В первой докладной записке императору о сохранении мира (1 июля 1914 г.) – характерные слова: «При нынешнем положении на Балканах я менее всего озабочен поиском *casus belli**. Когда придет время для нанесения первого удара, повод для начала войны легко составить из самых разных причин. Однако до этого мы должны создать дипломатическое созвездие, которое сделает соотношение сил более благоприятным для нас.»** Знаменитая *politique de longue main**** была не мирной политикой, но подготовкой нового военного альянса для будущей войны*****. «Умеренность» Тисы была продиктована двумя главными соображениями: поражение означало конец Монархии; в случае победы, аннексии югославянских территорий на Балканах потребовали бы все военные и дипломатические круги, осознающие, что без объединения югославянских племен опасность ирредента сохранится и продолжит, как и прежде, отравлять атмосферу всей Монархии. Однако аннексия и объединение означали бы возникновение триализма или федерализма – конец немецкой и венгерской гегемонии. Именно этого больше всего и боялись те, кто получал выгоду от крупных земельных владений. Граф Тиса поддерживал эту позицию до последнего. Когда державы-победительницы оккупировали Сербию и Черногорию и представители ряда правящих кругов в Вене под влиянием Конрада потребовали окончательной аннексии этих стран, чтобы радикальными действиями решить югославянскую проблему, граф Тиса выступил резко против такой политики. В данном случае, он опять же руководствовался не соображениями умеренности и справедливости по отношению к сербскому государству или стремлением избежать международных осложнений в будущем, но абсолютно четким пониманием того, что объединение югославов немедленно приведет к федерализации Монархии. Поэтому он выступал за расчленение Сербии путем стратегической корректироваки ее границ и передачи частей страны соседям-соперникам; Тиса предпочел политику полного экономического господства над поверженным государством. По большому счету, позиция венгерского премьера

* Формальный повод для объявления войны (*лат.*).

** Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte der Krieges 1914. Wien, 1919. I.17.l.

*** Политка длинной руки (*фр.*).

*****S.B. Fay.* The Origins of the World War. Vol. II. P. 191.

сводилась к поддержанию и укреплению статус-кво, сохранению Сербии на положении зачаточного государства, неспособного к серьезной независимой экономической и политической жизни. Когда после поражения Тиса – как мы уже писали – нанес оскорбление сербским лидерам в Сараево, им двигали тот же страх и ненависть к южнославянскому миру. Следовательно, позиция влиятельного венгерского политика в ходе Первой мировой войны в целом абсолютно согласовывалась с принципом дуалистической конституции, но план премьера – если бы ему было суждено осуществиться – навсегда сохранил бы напряжение на Балканах и закрепил ирредентистские тенденции внутри Монархии. Война означала бы собой лишь передышку перед новыми и более мощными потрясениями. Еще один оплот дуалистической конституции – сам старый император полностью разделял точку зрения венгерского феодализма и считал аксиомой необходимость сокрушить единство югославов. В написанном им собственноручно сразу после катастрофы в Сараево письме Вильгельму II император отстаивает план по созданию Балканской лиги, осуществимый «лишь при условии, если Сербия... будет уничтожена как политический фактор на Балканах.»*.

В проанализированной нами ситуации до начала войны югославянская проблема Монархии только усугублялась, ведь природа ирредентизма такова, что подобные тенденции усиливаются прямо пропорционально скорости экономического и культурного развития соответствующих территорий. Обостряла ситуацию и пагубная внешняя политика Монархии. Те, кто ее проводил, усматривали смертельную опасность в стремлении югославов к объединению и потому по необходимости стремились ограничить независимость Сербского королевства в экономической и политической сферах и удержать его в состоянии недоношенного эмбриона, не давая развиться в полноценное государство. Столь неразумное отношение, которое впоследствии бросило сербов и остальных югославов в объятия российской пропаганды, нашло свое символическое выражение уже в 1876 г., когда в ходе борьбы сербов и черногорцев с турками за независимость, венгерская общественность разразилась бурными выступлениями в поддержку турок. Турецкий генералиссимус получил в подарок из Будапешта почетную саблю, а популяр-

*Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914, I.3.

ный лидер венгерских сербов и депутат венгерского парламента Светозар Милетич был на несколько лет заключен в тюрьму за оказание помощи балканским братьям в борьбе против турецкого абсолютизма[198]. В тюрьме Милетич лишился рассудка, и его трагическая фигура стала одной из эмоциональных преград, отделивших сербов от правящего дуалистического режима.

В. Босния–Герцеговина: опасная зона

Более всего стимулировала ирредентистские настроения среди югославов оккупация Боснии–Герцеговины в 1878 г. Этому этапу австро-венгерской экспансии посвящено огромное количество всесторонних и полемических исследований, однако смысл и значение данного события вполне ясны. Роковое решение было продиктовано двумя основными мотивами. Первый – давняя жажда завоеваний, свойственная габсбургскому империализму, который после череды унижений вновь познал радость победы и сумел компенсировать свои потери в Италии обретением важной провинции. Если кто-то решит оспорить данный мотив, я могу сослаться на любопытный документ, проливающий свет на истинные цели правящей верхушки. Даже в конце 1913 г., то есть за полгода до катастрофы, Габсбургская империя, находясь под давлением массы нерешенных проблем и готовясь к новым войнам под ужасающим грузом внутренних ирредент, продолжала вести бурные дипломатические переговоры по приобретению колоний на территориях, принадлежавших не уверенному в своих силах турецкому государству; речь шла о Киликии в Малой Азии. Очевидно, руководству Монархии не хватало собственных ирредент, и оно стремилось дополнить их еще и азиатской и вдобавок восстановить против империи весь турецкий мир. Тем не менее, граф Бертольд нисколько не колебался, заявляя германскому послу, что «особенно в венгерских парламентских кругах существует горячее желание обрести экономическую опору в Малой Азии»*. Боснийского трофея оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить аппетиты дуалистического империализма.

*Die Grosse Politik der Europäischen Kabinete, Vol. XXXVII, часть II. Nos. 15.045, 15.048, 15.052, 15.054, 15.057, 15.069, 15.070, 15.072, 15.079, 15.100..

Второй причиной оккупационной войны против Боснии–Герцеговины стало растущее желание ограничить естественное расширение сербского государства и югославянского единения. Сербы именно так и трактовали оккупацию Боснии–Герцеговины с самого начала, и весь югославянский мир на Балканах содрогнулся в пароксизме национального гнева. Этим взрывом умело воспользовалась российская пропаганда, укрепляя Сербию в мысли, что в борьбе с Австрией, своим смертельным врагом, она может рассчитывать только на панславянскую защиту. Завоеванные Австрией провинции были для югославянского мира центром национальной культуры, и, следовательно, габсбургская оккупация рассматривалась как продолжение планов германского империализма по разрушению югославянского единства. С этого момента сербы стали непримиримыми врагами Монархии, а оккупация новых провинций, которая представлялась графу Дюле Андрашши – министру иностранных дел и автору плана – простым Parademarsch [*торжественным маршем, – нем.*], превратилась в кровавую авантюру, приведшую к серьезным людским и финансовым потерям. После оккупации в Сербии и других зарубежных странах была развернута ожесточенная кампания против Монархии, вызвавшая бурный отклик и внутри государства. В 1882 г. антиавстрийские настроения вылились в широкомасштабные выступления в отдельных регионах южной Далмации и в оккупированных провинциях (так называемый «переворот в Кривошие) – его подавление вылилось в девять месяцев настоящих военных действий, в ходе которых пришлось неоднократно созывать депутатов, чтобы проголосовать за выделение дополнительных 30 миллионов форинтов на усмирение «мятежных провинций». Дуалистическая Монархия была вынуждена выставить против югославов почти стотысячную армию, а ее победа сопровождалась дурными предчувствиями, поскольку регулярно призывать такое количество солдат было невозможно, а непосредственным результатом данной операции была эмиграция почти 10 тысяч граждан Монархии на территорию Черногории.

Эта история крайне обострила югославянскую проблему. В ходе ее развития общий (имперский) министр финансов Слави публично признал перед делегациями, что истинная цель оккупации состояла в том, чтобы вбить клин в панславянское движение. Такую политику еще можно было бы оправдать как попытку защи-

тить государство в будущем, с точки зрения высшей культурной миссии, если бы она открывала Боснии–Герцеговине путь к национальному и культурному развитию посредством объединения югославянских территорий Монархии и гарантий в области самоуправления. На деле произошло совершенно обратное. Монархия установила контроль над новыми провинциями как над обычной капиталистической колонией –безо всяких планов на перспективу. Вследствие уже проанализированного нами австро-венгерского соперничества, не удалось даже определить конституционное положение оккупированных территорий. Босния-Герцеговина оказалась под властью военного командующего, под руководством которого была развернута бурная экономическая деятельность, но не с позиций интересов жителей региона, а на благо капиталистических колониальных предприятий. Провинцией управляли немецкие, венгерские и польско-еврейские чиновники, не имевшие ни малейшего представления об истиных нуждах населения. Босния–Герцеговина осталась классическим вариантом неграмотной страны (90% населения не умели писать и читать!), а правительство основывало свою власть на исламском феодализме, который, в свою очередь, сохранил господство над крепостными славянами христианской веры. В дело вновь пошли старые приемы Габсбургов, и общий министр финансов Бени Каллаи, глава гражданского правительства спешно принялся развивать искусственный «боснийский национализм», направляя его против южнославянского стремления к объединению. Шпионская сеть была здесь тоже развита куда лучше, чем в остальных регионах Монархии, а давление правительства на школы было настолько возмутительным, что привело к учащению забастовок среди учащихся, а в Мостаре среднюю школу вообще закрыли на целый год (1913).

Данная система привела к формированию в новой провинции самой отчаянной формы югославянского ирредентизма. Балканская атмосфера, южный романтизм, не склонный считаться с фактами, беспорядочная революционная пропаганда, которую вела полуобразованная молодежь, систематически используемая агентами панславизма, и жесточайший террор военного абсолютизма – все это довело народные страсти до взрыва в Сараево. Еще раньше, в 1910 г., сербский студент уже стрелял в губернатора Боснии генерала Варешанина. Покушение оказалось неудачным, и студент покончил

жизнь самоубийством. Согласно распространенному слуху, генерал пнул труп незадачливого юноши ногой. История могла быть и выдумана, но она стала одной из тех легенд, что создали тот тип южнославянских революционеров, из числа которых был завербован и убийца эрцгерцога Фердинанда. (Не будем забывать, что катастрофа в Сараево была седьмым – за четыре года – покушением экзальтированных молодых людей на представителей Монархии!) Этот революционный тип странным и чудовищным образом объединял в себе национальный идеализм Мадзини с теорией насилия Бакунина и расплывчатой идеологией коммунизма. Многие представители революционного поколения учились на Западе, некоторые были напрямую связаны с Троцким и русскими эмигрантами.

Одним из самых страшных плодов лихорадочной и ожесточенной атмосферы в обществе стало широко распространенное убеждение относительно сараевских борделей, слышанное мной лично от серьезных южнославянских интеллектуалов. Количество и качество этих заведений были хорошо известны в военных кругах Монархии. Австрийские власти, возможно, относились к ним с некоей циничной снисходительностью, но вряд ли проявляли бóльшую терпимость именно к сараевским публичным домам по сравнению с другими военными гарнизонами Монархии. Тем не менее, многие представители югославянского среднего класса разделяли мнение, будто бордели были специально созданы австрийцами, чтобы похотливые иностранные колонизаторы отравили кровь и нравы местного населения. Более ужасающего обвинения в адрес иностранных завоевателей, пожалуй, не звучало!

Патологические условия ухудшались год от года, и окончательная аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г., сопровождавшаяся массой дипломатических просчетов со стороны Эренталя, ничуть их не улучшила. Неудачный и абсолютно немотивированный дипломатический шаг (*de facto* ситуация в результате аннексии никак не изменилась, однако de jure габсбургский империализм смотрелся теперь еще более гнусно) привел к тому, что Антанта плотнее сомкнула свое кольцо вокруг Монархии, а в сербской Скупщине зазвучали призывы к нападению.

Г. Отношение Дунайской монархии к Сербии и «Свиная война»

Наряду с Хорватией и Боснией–Герцеговиной, третья и самая важная составляющая югославянской ирредента зародилась в Сербском королевстве. Его граждане – крепкие крестьяне, полные жизни, воспитанные в воинственном средневековом духе, гордящиеся своей демократической конституцией, не знакомые с феодальным давлением, независимые и сознательные, едва освободились от многовекового турецкого ига и, естественно, отчетливее всех понимали свои национальные цели и видели препятствия к объединению своего народа. Мощным стимулом к объединению и избавлению от иностранного господства также послужили и катастрофическое положение христиан в Македонии, и постоянные стычки с турками, и борьба между различными вооруженными бандами наемников иностранного империализма или тех, кто преследовал свои интересы на Балканах. В Македонии, стране с населением менее трех миллионов человек, в год совершалось две тысячи политических убийств. В эту статистику не включались грабежи, похищения и поджоги. Более всего этот кровавый хаос затрагивал именно сербов*. Молодую нацию возмущало положение соплеменников, проживавших на территории Габсбургской монархии, и она постоянно ощущала на своем теле бич венской политики. Вместо того чтобы играть для своего новоиспеченного соседа роль защитника и просветителя, Австрия с самого начала рассматривала Сербию как нежеланного конкурента, материальному и политическому развитию которого надо было воспрепятствовать любой ценой. Министр иностранных дел граф Калноки (1881–1895) информировал посла в Белграде, что «не рассчитывает, будто Сербия станет держаться нас из любви; ей придется делать это из страха и исходя из материальных соображений – эти мотивы представляются мне куда более надежными, нежели изменчивые чувства подобных полудиких народов...»**.

*О невозможности сохранения статус-кво с морально-нравственной и политической точки зрения писал Рене Пинон в своей книге «Европа и Оттоманская империя» (*Réné Pinon.* L'Europe et l'Empire Ottoman. Les Aspects Actuels de la Question d'Orient. Paris, 1908. Pp. 152–154)

**Цит. по: *R.W. Seton Watson.* Sarajevo: A Study into the Origins of the Great War. London. 1925. P. 28.

Несмотря на ряд дипломатических заявлений, сделанных в более умеренном тоне, этот неудачный принцип до самого конца составлял главную идею официальной политики империи. Тиран из рода Обреновичей, король Милан (1882–1889) стал настоящим вассалом венского двора и под защитой австрийского оружия продолжал вести губительную политику, направленную против собственного народа. Король Милан все отчетливее понимал, что перед лицом растущего национального самосознания его позиция становится все более шаткой. В какой-то момент он сбежал в Вену с целью убедить правящие круги в ненадежности своего трона. В связи с этим эпизодом кронпринц Рудольф рассказывает, что в министерстве иностранных дел сербскому королю было указано: «ему не следует видеть все в столь черном свете, но следует спокойно продолжать прежний курс, не провоцируя общество на скандал. "Легко сказать," – подумал про себя несчастный король, и публично заявил перед императором и графом Калонки, что для него открыты лишь два пути: либо отвернуться от Австро-Венгрии и кинуться в объятья русской панславянской политики, либо остаться добрым австрийцем и подняться на борьбу с собственным народом. Однако для осуществления второго варианта необходимо стянуть к границам австрийские войска».

Тем временем ситуация в Сербии обострилась настолько, что король Милан выдвинул в Вене конкретные предложения по насильственному присоединению Сербии к Габсбургской монархии (1885)*. Поразительный факт: правитель просит сделать свою страну частью иностранной и ненавистной империи против воли собственного народа, и это показывает, до какой степени обострилась югославянская проблема. Режим Милана мог править Сербией только используя методы азиатского абсолютизма, полностью подчинив небольшое государство Австрии как в экономическом, так и в политическом отношении. Подобная политика лишь подлила свежего масла в огонь панславизма и югославянского ирредентизма. В кипящей атмосфере политических преследований и убийств росло новое поколение, впитавшее самые радикальные социалистические и анархические идеи Запада и считавшее своим символом историю итальянского объединения:

**Bibl.* Op.cit. Bd. II. S. 424

прежде Италия тоже стонала под игом Габсбургов... Молодые души завоевала концепция новой Сербии – Пьемонта для югославов... Параллельно та часть молодежи, которая отправлялась учиться в зарубежные университеты, начала постепенно отвергать устаревшую концепцию сербского, хорватского и словенского патриотизма и, под влиянием западных идей, в особенности под воздействием яркой личности профессора Масарика из Пражского университета, способствовала дальнейшему развитию сознания южнославянского единства.

В 1903 г. три значительных события показали, что новый дух солидарности уже охватил основные массы югославов. Македонское восстание против турецкого господства, убийство короля Александра, сына Милана, и его жены в ходе военного переворота в Белграде (переворот стал следствием попытки насильственно внедрить абсолютистскую конституцию) и крах порочного и ненавистного режима графа Хуэна в Хорватии демонстрировали, что югославянская революция разгорается повсюду... Приняв новую, исключительно демократическую конституцию и находясь под растущим влиянием панславянской агитации, Сербия входила во все больший конфликт с Монархией. Чтобы избежать югославянского кризиса, дуалистической Монархии потребовались бы крайняя государственная выдержка и глубочайшие органические реформы. Однако империя избрала противоположный курс. Под давлением феодальных интересов, австро-венгерское правительство затеяло необдуманную и разрушительную таможенную войну с Сербией – так называемую «Свиную войну» (1906)*.

Нет ни малейшего сомнения в том, что эта непродуманная и жестокая политика нанесла урон не только Сербии, но и большинству населения Австро-Венгрии и сделала Сербию непримиримым врагом Габсбургской монархии. Ответственность за развя-

*Наиболее важные работы по кризису, вызванному таможенной войной:
– Von einem aufrichtgen Freunde der Österreichischen Landwirtschaft: Der Serbische Handelsvertrag – ein Sieg der Agrarier (Wien, 1908).
– *Simitsch Alfred.* Reichsritter von Hohenblum, Materialien zur Vorbereitung des ÖsterreichüUngarischen Handersvertrages mit Serbien (Wien, 1908).
– *Zwiedineck Otto von.* Die handelspolitischen Beziehungen Serbiens zu Österreich-Ungarn. Harms, Weltwirtschaftliches Archiv. Band 6.
– *Renner Karl.* Die Aera Hohenblum. Der Ruin unserer Staats- und Volkswirtschaft (Wien, 1913).

зывание Первой мировой войны во многом лежит на тех, кто спровоцировал этот таможенный конфликт, – настоящую классовую войну против сербских производителей и австро-венгерских потребителей. Начиная с 1882 г., Монархия поддерживала сравнительно либеральное торговое соглашение с Сербией, что обеспечивало относительно близкие торговые отношения между двумя странами. До 1905 г. Монархия импортировала из Сербии 60% зерна и 95% скота и сама обеспечивала 87% сербского импорта.

С 1903 г. исключительно выгодное торговое соглашение стало объектом яростных нападок со стороны крупных землевладельцев как в Венгрии, так и в Австрии. Граф Иштван Тиса и Риттер фон Хохенблум были в первых рядах тех, кто выступал за прекращение импорта в Монархию сельскохозяйственной продукции из Сербии, в особенности – скота. Антисербская агитация при политической поддержке всесильных латифундистов сделала невозможным возобновление торгового соглашения с Сербией в 1906 г. австро-венгерское правительство предложило Сербии практически невыполнимые условия: сербы не должны были ввозить в страну живой скот и в то же время обязаны были покупать все материалы для строительства железных дорог и военное снаряжение у Монархии. Жестокая и ограниченная политика была продиктована не только традиционными антиславянскими настроениями и алчностью сельхозпроизводителей, но опиралась и на другие мотивы. Первый – оказать давление на Сербию, чтобы та вышла из сербско-болгарского договора о таможенном союзе, который уже был единогласно принят парламентом Софии в конце 1905 г. Второй – вынудить сербское правительство разместить заказ по производству пушек на австрийском заводе Шкода на сумму 26 миллионов франков. Несмотря на то, что Сербия вышла-таки из таможенного союза и дала ряд сигналов о своей готовности пойти на уступки, давление аграрных монополистов в австрийском и венгерском парламентах оказалось столь безжалостным, что министр иностранных дел был вынужден прервать успешные переговоры с Сербией. Когда же в 1908 г. начались поиски промежуточного решения, ведущие сельскохозяйственные круги Монархии под предводительством Риттера фон Хохенблума, графа Тисы, графа Берхтольда[199] и графа Штюргха развернули злобную

пропаганду против прекращения таможенной войны; в Австрии правительству пригрозили согнать крестьян к венскому парламенту. Позорная политика привела к такому безумному повышению цен на мясо в Вене, что городская общественность потребовала импортировать мясо из Аргентины. В Сербии же эта политика вызвала такой взрыв ненависти и раздражения, что по силе его можно сравнить только с реакцией на аннексионный кризис.

После описанных событий сербский народ стал видеть в Габсбургской империи не только врага нации, но и силу, в чьи планы входит уморить голодом целую страну, которая в начале таможенной войны имела возможность продавать свои товары только на австрийском рынке. В этот же период давление, оказываемое венгерским абсолютизмом на Хорватию, стало совершенно невыносимым. Неудивительно, что сербы и хорваты нашли друг друга в своей неудовлетворенности, и сознание южнославянского национального единства получило развитие как символ национальной независимости и экономического прогресса. Активная панславянская пропаганда, направленная против дуалистической Монархии, естественно, воспользовалась напряженностью ситуации со всей беззастенчивостью. Правительства в Белграде и Цетинье становились все более послушными инструментами в руках русской дипломатии. Параллельно разнообразные сербские литературные и культурные общества все активнее принимали политическую окраску и выступали за объединение югославов. В то время как ранее созданные ассоциации подобного типа, такие как Зора («Аврора», основанная в Вене в 1863 г.), или Омладина («Юность», основана в 1866 г. в городе Новисад) сохраняли более или менее легальный и мирный характер, то *Народна Обрана* («Общество защиты нации»), созданная в 1909 г. после боснийского кризиса, приобрела куда более провокационные формы. И наконец, тайное общество, основанное в 1911 г. – так называемая *Црна рука* (Черная рука), или *Союз смерти,* под руководством демонического Драгутина Дмитриевича (в 1913 г. он возглавил службу разведки сербского генштаба) – открыто использовали убийства и террор в качестве универсальных средств объединения и освобождения. Сербское правительство предпринимало неудачные (возможно, задуманные не всерьез) попытки ограничить или пресечь деятельность этой организации, но это лишь обострило революционную лихорадку и привело прямиком к сараевскому заговору.

Растущая опасность не укрылась от глаз более толковых политиков и наблюдателей. Конрад фон Хётцендорф, к примеру, совершенно ясно видел, что ситуация становится невыносимой. Став в 1906 г. начальником Генштаба, Хётцендорф, под влиянием пессимистических прогнозов, последовательно и страстно призывал начать превентивную войну с Сербией*, но в то же время предлагал и радикальное решение югославянской проблемы путем объединения всех славянских территорий и предоставления им полной автономии. Стало очевидно: если проблема не будет решена, югославянская ирредента вспыхнет и приведет к осложнениям мирового масштаба, к мировой войне, шансы на успех в которой сокращались год от года по мере того, как Франция и Англия продвигались по пути создания Антанты против империалистической Германии. Когда же в 1912 г. Балканская война стала еще большим стимулом для пробуждения сербского национального сознания, и военное вмешательство Монархии казалось уже неизбежным, Конрад фон Хётцендорф, возглавивший Генштаб во второй раз, горячо высказалася за военное решение югославянской проблемы. В одном из своих заявлений он провозгласил, что «союз южных славян – это одно из тех движений, формирующих нацию, отрицать или искуственно предотвратить которые невозможно». Вопрос сводился только к тому, будет ли такой союз создан под покровительством Монархии или в противовес ей. Заявление начальника Генштаба почти слово в слово повторяет оценку, которую дал в своей книге, посвященой южнославянской проблеме, Сетон-Уотсон:

«Движению за хорвато-сербское единство придется преодолеть немало препятствий.... Но как Германия и Италия обрели свободу и единство, так же и хорвато-сербская нация обязательно их обретет. Проблема заключается лишь в том, как этого достичь: и здесь перед нами возникают два варианта. Единство может быть обретено либо внутри Габсбургской монархии, либо за ее пределами, либо с помощью Монархии и под ее покровительством, ли-

*«Не считая периода с 1906 по 1912 г. .... Можно отметить, что в течение 17 месяцев, с 1 января 1913 г. по 1 июля 1914 г., начальник Генштаба, по его собственному признанию, не менее 25 раз выступал с призывом начать войну с Сербией» (*S.B. Fay.* The Origins of the World War, II, 224). Читатель также не должен забывать, что Конрад не был отдельным маньяком, но выразителем настроений всемогущих представителей военных и дипломатических кругов!

бо путем преодоления ее сопротивления... От выбора, который сделает Австрия, зависит будущее Габсбургской монархии...»

И хотя число тех, кто понимал роковую важность югославянской проблемы, постоянно росло, а эрцгерцог Франц Фердинанд, которому, как мы знаем, суждено было стать ее жертвой, всеми силами призывал решить южнославянский вопрос, в этом направлении не только ничего не происходило, но правящие круги постоянно задевали национальные чувства славян, населявших Монархию, и продолжали вести традиционную враждебную политику в отношении Сербии. В том же году, когда победоносное оружие балканских славян положило конец турецкому господству, послужив почти несоразмерному повышению национального самосознания у южных славян, в Хорватии режим открытого абсолютизма ожесточил общественное мнение и привел к многочисленным покушениям на жизнь ненавистных представителей этого режима. Когда же пуля молодого фанатика, предназначенная для ненавистного бана, «королевского посланника» будапештского правительства, не сумела достичь своей цели и вместо него, поразила высокопоставленного чиновника, сопровождавшего бана (июнь 1912 г.), восторженный австрийский патриот, Теодор фон Сосноски оценил ситуацию следующим образом:

«До тех пор, пока сохраняется нынешний режим, пока хорватский бан остается представителем венгерского правительства, а не хорватского народа... остановить политические убийства не удастся... Поэтому невероятно глупо представлять это покушение как единичный поступок отдельного человека, как пыталась в этом убедить официальная пресса... Напротив, речь идет о типичном симптоме, вспышке молнии на фоне тяжелых грозовых туч, которые угрожающе собираются над юго-восточной частью Монархии...»*.

Эти поистине золотые слова можно, в равной степени, отнести и к последовавшим покушениям – особенно к катастрофе в Сараево.

Однако официальные круги Монархии ничему не научились. Никто не осмелился оспорить священную догму дуалистической

*Die Politik im Habsburger Reiche (Berlin, 1913), II, 366–67.

конституции – вместо этого все политические умы империи изощрялись в дипломатических попытках остановить Сербию в ее естественном развитии. Во время Балканской войны Монархия мобилизовалась, и военные круги готовы были вмешаться, чтобы сломить победоносный сербский Пьемонт... Ради этой цели они начали официально распространять отвратительную историю, будто австрийский консул в Призрене Оскар Прохаска убит и изрезан сербами. В этой легенде не было ни слова правды – это была лишь пропагандистская уловка в интересах готовящейся войны. Когда же под давлением Великих держав военное вмешательство Монархии удалось предотвратить, австро-венгерская дипломатия начала подстрекать Болгарию, чтобы та развязала вторую Балканскую войну против Сербии. После неудачной попытки дуалистическая Монархия сумела под видом борьбы албанцев за свою независимость – на тот момент находившейся в рудиментарном состоянии, создать беспомощное албанское буферное государство, которое служило бы преградой между Сербией и морем (чтобы сохранить экономическую зависимость Сербии) и служило военно-морской базой для австрийского и итальянского империализма. Чаша отчаяния для Сербии была переполнена. Для нее не оставалось иного варианта, кроме как вступить в войну против ненавистной дуалистической Монархии под защитой большого русского брата. Граф Польцер-Ходитц – глава кабинета покойного императора Карла, последнего из Габсбургов, после продолжительных попыток продемонстрировать, будто Монархия была совершенно не виновата в развязывании Первой мировой войны, сделал следующее признание совершенно в духе *вытеснения* (*Verdrängung*) по Фрейду:

«Никто не думал о пересмотре нашей политики на Балканах, ведь это привело бы к полному изменению внутренней политики. Правящие круги так и не поняли, что ненависть со стороны Сербии и Румынии... мы вызвали сами, своей таможенной политикой, что южные славяне хотят только одного – объединиться и получить выход к морю, а мы своей неудачной албанской политикой перекрыли последний клапан, и, таким образом, взрыв стал неизбежен...»*.

**Arthur Graf Polzer-Hoditz*. Kaiser Karl. Wien, 1928. S.246.

Д. Нарастающая угроза войны

Таким образом, внутри Монархии и на ее границах, с точки зрения массовой психологии, была создана такая ситуация, которая шаг за шагом подталкивала дуалистический режим к взрыву, приближая схватку между габсбургским империализмом и русским панславизмом. Идея неотвратимости борьбы не на жизнь, а на смерть превратилась в почти что политическую догму, и ведущие представители военных кругов в обоих лагерях в течение нескольких последних десятилетий до начала Первой мировой войны лихорадочно готовились к последней битве. Столкновение действительно было неизбежным, в том смысле, что Монархия не предпринимала никаких серьезных шагов для решения насущной проблемы, колоссальную серьезность которой прекрасно осознавали все думающие наблюдатели как внутри империи, так и за ее пределами, видя в ней непосредственную причину надвигающейся исторической катастрофы. Это убеждение предельно ясно выразил германский посол в Вене фон Чиршски в докладе, адресованном канцлеру империи, Бетман-Гольвегу, от 18 ноября 1912 г. Посол проанализировал мнения неславянских политических и военных кругов в Вене и суммировал свои наблюдения следующим образом: «Мы катимся к войне» (германский император сделал пометку на полях: «Дрейфуем!»). Посол подчеркнул, что такая война была бы крайне популярна в данном лагере, если ее можно использовать для решения югославской проблемы в соответствии с германской позицией. Генеральный штаб и феодальные круги были крайне огорчены и испытывали стыд от того, что Монархия не отважилась сделать выводы из сложившейся ситуации.

«Они с изумлением и болью наблюдают неожданный [«неожиданным» он был только для официальных кругов] рост славянской войны, и у всех на устах один тревожный вопрос: что же будет с Австрией? Немцы в унынии. Один из их лидеров недавно сказал мне в верховной палате парламента: «Для немцев в Австрии это конец». [Заметка императора Вильгельма II на полях: *Kopf hoch!**]. Они потеряют всякое влияние в Монархии. И я спрашиваю себя, не вынудят ли их отделиться…»

*«Выше голову!» (*нем.*).

Далее фон Чиршски обращает внимание на тот факт, что удер жать семь миллионов югославов в границах Монархии становится все труднее. «В юго-восточной части империи появилась новая Ломбардо-Венеция, ирредента, которая неизбежно выйдет за гра ницы страны и устремится в сторону нового, великого, независимо го сербского государства...» Посол утверждает, что правящие круги не верили, будто славянские полки можно будет выставить проти Сербии, в случае войны, и многие исполнены глубочайшего песси мизма, думая, что «после распада Турции наступит очередь Австро Венгрии» [Помета императора на полях: *So was!**] Посол удрученно отмечает, что после побед на Балканах религиозные различия меж ду югославами перестанут быть препятствием к национальному объединению. Свои выводы фон Чиршски резюмирует в характер ном мрачном заключении:

«Исчезает идея единой империи, чувство солидарности... На дан ный момент внутренняя структура Австро-Венгерской монархии демонстрирует безрадостную картину – безрадостную и с точки зре ния союзника в лице Германии. Центральному правительству по требуется много мудрости и сил [Помета Вильгельма II на полях: *Mit Blut und Eisen sind die Kerle noch zu kurieren***], чтобы суметь исполь зовать центробежные силы быстро развивающихся славянских на родов на благо государства и продолжить политику великой держа вы на стороне союзника – Германии...»***.

Но откуда было взяться мудрости и силе в период распада и при ближающейся катастрофы, если в течение полувека, в обстоятельствах куда более благоприятных для Монархии, оба эти качества отсутство вали напрочь? Возникают сомнения, могли ли вообще мудрость и си ла, сколько бы их ни было, пригодиться после Балканской войны, принесшей победу южным славянам, – до такой степени Монархия потеряла доверие и уважение югославов и других населявших ее на родов. В таких условиях и под растущим давлением панславизма от крытым оставался только путь, ведший к войне.

Если рассматривать события с этой точки зрения, основные чер ты которой я сумел обрисовать лишь в самом общем плане, про блема ответственности за развязывание Первой мировой войны об-

*«Ну и что!» (*нем.*).

**«Этих ребят еще следует подлечить кровью и железом" (нем.)

***Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, XXXIII, No, 12,402.

ретает новый смысл и значение. Огромное количество литературы, написанной по теме, по моему мнению, большей частью ничего не стоит, поскольку авторы наивно и по-детски ищут только индивидуальную ответственность в событиях, которые были не результатом деяний отдельных людей, но следствием функционирования старых институтов или плодом тяжких национальных и социальных грехов. Наивные историки (многие из которых сами принадлежат к числу так называемых «военных преступников») оперируют лишь календарной датой начала мирового кризиса и забывают, что если бы катастрофа не разразилась в 1914 г., она могла бы вспыхнуть (всегда с оговоркой *rebus hic stantibus**, при сохранении существующих национальных и социальных осложнений) несколько лет спустя, как уже была близка к взрыву в 1887 и 1912 гг.** Никакие дипломатические ухищрения, никакой пакт Келлога или договоры о дружественных отношениях не могли бы предотвратить взрыв, истинные причины которого коренились в социальной, экономической и национальной структуре России и дуалистической Монархии. На протяжении трех поколений настоящей зоной опасности для Европы было то пространство, где феодальная, псевдоконституционная политическая структура бывшей Монархии (отчаянно цеплявшейся за свои дуалистические монополии, препятствуя развитию подавляющего большинства своего населения и, отчасти, жителей соседних государств) вступала в конфликт с панславистскими, милитаристскими устремлениями царской аристократии, продиктованные надеждой вернуть Константинополь, и отчасти сентиментальными, отчасти империалистическими намерениями «освободить» славянских братьев. Все остальные факторы: капиталистическое соперничество между Англией и Германией, французский реваншизм, итальянский ирредентизм, кайзер с его безумным бряцанием оружием и патологическим «катаром тревожности» (*Alarmblasenkatarrh*)*** – лишь во

* О неизменных обстоятельствах (*лат.*).

**Альфред Франкенфельд [Alfred Frankenfeld] в своей книге «Österreichs Spiel mit dem Kriege» (Dresden, 1928) мастерски показывает, как в течение двух десятилетий до начала Первой мировой войны мир в Европе спасала решимость германской дипломатии, которая сопротивлялась упрямым стремлениям Австрии к войне.

***Современники наделяли Вильгельма II целым рядом подобных болезней, например «дефилириумом» – парадным безумием (*Прим. переводчика*).

вторую очередь служили расшатыванию ситуации в Европе. Никакие искусственные дипломатические договоренности (за три поколения их было подписано немало) не могли помочь избежать мировой катастрофы; спасением от нее могли стать только радикальные реформы в социальной и политической сферах: уничтожение феодального режима в Австро-Венгрии, создание федеративного государства, политика свободной торговли с соседними народами. И одновременно, – свержение царского абсолютизма в России, создание демократической и либеральной Думы и проведение столыпинских реформ как минимум двумя десятилетиями раньше, чем они были начаты... Однако европейское равновесие другого типа было бы возможным и при сохранении автократического режима в России. Предположим, что переговоры лорда Халдейна (в 1912 г.) увенчались бы успехом и привели к достижению устойчивого компромисса между Великобританией и Германией, а Австро-Венгерская монархия на базе демократической конфедерации стала бы настоящим отечеством для своих народов: в таком случае, беззастенчивая пропаганда со стороны русского царизма вряд ли могла бы ввергнуть самые цивилизованные нации Европы в массовую резню.

Увы, растущие ирредентистские движения не только обостряли внутреннее напряжение между народами Монархии до невыносимого предела, но и укрепляли, в то же время, позиции русских панславянских партий, прикрывавших свои истинные интересы частично правдивой, частично ложной идеологией освобождения славянских братьев. Не следует забывать, что естественный реакционный альянс между тремя императорами – германским, австрийским и русским распался не по причине личного соперничества, но под давлением национального общественного мнения, которое требовало от царя более активно защищать угнетенных соплеменников. Вспомним, что еще в 1905 г. германский кайзер и русский царь заключили личный договор, но правящие круги России находились под влиянием националистически настроенной общественности, и самодержец не смог их заставить признать этот договор.

Е. Ответственность за развязывание войны в социологическом плане

С этой точки зрения, ответственность за войну, в первую очередь, несет дуалистическая Монархия, которая своей устаревшей дуалистической конституцией и ограниченной национальной и экономической политикой на протяжении поколений сеяла семена мирового конфликта. Степень личной ответственности можно установить лишь в том смысле, что мы выдвигаем обвинение против тех политиков, которые приблизили дату начала катастрофы. В этой связи легко увидеть, как ведущие генералы и дипломаты Монархии пытались любой ценой использовать катастрофу в Сараево, чтобы развязать войну с Сербией и, по возможности, с Россией. Они делали это не потому, что были настроены более воинственно или империалистически, нежели их соперники из лагеря Антанты; войну они считали неизбежной и, наблюдая за лихорадочными военными приготовлениями противников, пришли к заключению (совершенно логичному, с оговоркой rebus hic stantibus для национальных и социальных условий), что каждый последующий год только увеличивает риск войны в ущерб империи. Именно поэтому Конрад фон Гётцендорф с 1906 г. призывал затеять превентивную войну против Италии и Сербии; поэтому, когда Первая мировая война началась, он заявил: «В 1909 году война была бы игрой с открытыми картами, в 1913-м мы бы тоже еще сели за карточный стол, имея шанс выиграть, в 1914-м нас вынудили играть ва-банк, но теперь выбора у нас уже не было»; поэтому граф Штюргх, премьер-министр, сказал на роковом заседании правительственного совета, определившем 7 июля 1914 г. судьбу Монархии: «Требуется сделать решающий шаг, чисто дипломатическая победа нас уже не устроит... Если, следуя международным требованиям, нам и придется совершить ряд предварительных дипломатических шагов, их необходимо делать с твердой решимостью, что эти действия могут завершиться только войной.»*. Вот почему ультиматум, выставленный Сербии, был составлен таким образом, чтобы Сербия не могла его принять; поэтому про-

*Diplomatische Aktenstüke. Bd. II. S. 31 .

фессора Хольда заранее попросили подготовить юридическое обоснование и указать, под каким легальным предлогом можно будет отказаться, если Сербия примет условия; поэтому было отвергнуто предложение Николая II о вынесении конфликта на рассмотрение международного арбитражного суда в Гааге; поэтому руководство Монархии с таким тщанием следило, чтобы под дипломатическим предлогом избежать любого иностранного вмешательства с целью сохранения мира; поэтому согласие колеблющегося старого императора Франца Иосифа было получено после сообщения о сражении при Темеш-Кубине, которого на самом деле не было; поэтому сам ошеломленный монарх успокаивал партию войны во время кризиса, связанного с аннексией памятными словами: «Эта война начнется сама по себе, без чьей-либо помощи...»; и поэтому в разгар окончательного кризиса он со смирением заявил: «Если Монархии суждено погибнуть, она, по крайней мере, должна сделать это достойно...» По этой же причине вся официальная и полуофициальная пресса – и феодальная, и капиталистическая – вела беззастенчивую провоенную агитацию*; поэтому в Будапеште устраивали официально оплаченные демонстрации с целью вызвать у населения энтузиазм по поводу сербской войны**; поэтому даже такой рафинированный господин, как граф Альберт Аппони, приветствовал объявление войны Сербии в венгерском парламенте восторженным криком: «Наконец-то!»; и по той же причине глава германского Генштаба граф Мольтке разделял точку зрения Конрада о том, что «любое затягивание означает уменьшение наших шансов», и 31 июля 1914 г. напомнил Конраду о серьезности воинственных намерений великих держав.

Подобные факты – а перечислять их можно еще долго – показывают, что Австро-Венгерская монархия не хотела откладывать войну. И желание начать ее было продиктовано не обезумевшим

*Подробнее см.: *Kanner Heinrich.* Kaiserliche Katastrophenpolitik. Wien, 1922. Ss. 59,122,325.

**Один из самых информированных и заслуживающих доверия журналистов предвоенного периода писал мне: «Я день за днем наблюдал, как отбросы общества за ежедневную плату выкрикивали на улицах Будапешта требования начать войну с Сербией. С полной ответственностью могу заявить, что в Будапеште начать войну требовали толпы, организованные и оплаченные полицией».

империализмом, но убежденностью в том, что положение внутри Монархии стало невыносимым, поскольку империя не могла самостоятельно решить собственные проблемы; она все больше вступала в конфликт с волей своих народов; в атмосфере постоянных покушений на жизнь представителей государственной власти правящие круги теряли голову (до какой степени характерен тот факт, что Вильгельма II просили не приезжать в Вену на похороны Франца Фердинанда – из достоверных источников стало известно, что его жизнь не будет в безопасности в столице империи из-за югославянских заговорщиков!); военные и дипломатические эксперты были уверены: если дать России еще несколько лет, чтобы оправиться от потерь, понесенных в ходе японской войны, шансы дуалистической Монархии на победу в войне будут сведены к нулю.

Именно факты, а не пустые дипломатические махинации позволяют нам лучше понять «непосредственную» причину начала войны (повторяю, данная проблема отличается от «ответственности за развязывание войны», ее корни следует искать в ошибках и нарушениях закона в сфере национальной и социальной политики, допущенных в течение целого столетия). С этой точки зрения, доктор Хайнрих Каннер, основываясь на мемуарах Конрада фон Гётцендорфа, сумел ясно и убедительно показать, какую первоочередную роль сыграла в развязывании войны «тайная военная конвенция», которую в 1909 г. заключили между собой главы германского и австрийского генштаба под покровительством обоих монархов и других влиятельных лиц. Прежнее соглашение, заключенное Бисмарком, было строго оборонительным, в новом варианте оно приобрело наступательный характер, на тот случай, если Австрия посчитала бы необходимым начать превентивную войну против Сербии*. Возникают сомнения, можно ли, строго говоря, называть это соглашение «военной конвенцией», однако нет никаких оснований сомневаться, что наличие подобного «обязывающего договора» сильно повлияло на настроения австрийской партии войны. Не стоит забывать, что Бисмарк, будучи у власти, всегда активно выступал против попыток Австрии

*Der Schlüssel zur Kriegsschuldfrage. München, 1926.

(в 1882 и 1887 гг.) расширить *casus foederis** до наступательной войны, поскольку – по его собственным словам – боялся «стремления к войне» (*Kriegslust*) и «легкомыслия» австрийцев и не хотел «выплачивать им премию под предлогом ссор с Россией» (*eine Prämie auf das Händelsuchen mit Russland*). Когда же Бисмарк покинул свой пост, внешнеполитическое ведомство Австрии возглавил Эренталь, главный выразитель так называемой «активной» политики, а Конрад фон Гётцендорф, сторонник превентивной войны, был назначен начальником Генштаба, исчезли все препятствия по превращению оборонительного альянса в наступательный. Начиная с 1909 г. Габсбургская монархия могла рассчитывать на поддержку сильного союзника, даже если сама принимала решение о необходимости начать войну. Не факт, что Германия и правда руководствовалась в своих действиях положениями договора, но нет никаких сомнений в том, что Первая мировая война зародилась в его тени, и без этого психологического стимула вряд ли можно себе представить самоуверенные действия австрийской партии войны. (Впоследствии военное соглашение практически каждый год дополняли письменными или устными переговорами.)

Роковая военная конвенция, или «обязывающий договор», стала выражением убежденности правящих кругов в неразрешимости ситуации, сложившейся внутри дуалистической монархии, и в том, что спасти положение может лишь дерзкая военная операция или превентивная война. Германская империя, естественно, была глубоко заинтересована в таком спасени Монархии не только из соображений нерушимой верности (*Nibelungentreue*), но и вследствие того, что политика Германии в Малой Азии и Африке пробудила у других империалистических держав ревностный антагонизм по отношению к немцам. После неоднократного отказа принять предложение Англии о достижении прочного компромисса, неудачной политики «громогласных заявлений» и постоянного «бряцания оружием» Германия оказалась в полной европейской изоляции, будучи пожизненно привязана к Австрии. То, чего удалось избежать гению Бисмарка, было ускорено политикой его преемников: Германия

*Условия, при которых государство – участник международного договора должно совершить предусмотренные этим договором действия (*лат.*).

была вынуждена последовать за своим роковым союзником к смерти. Она сделала это не под влиянием обезумевшего империализма, но под давлением системы равновесия сил. Положение Германии четко проанализировал объективный немецкий историк Вольфганг Виндельбанд:

«Если Германия не хотела молча принять крах своей власти – а добровольная уступка была бы симптомом опаснейшего внутреннего разложения – она была вынуждена сохранить альянс с Австро-Венгрией, так как собственные грехи закрывали ей путь к более благоприятным союзам. Изменение ситуации дало о себе знать очень остро: Германия зависела от Австро-Венгрии и, таким образом, была обречена разделить интересы Монархии...»*. Равновесие сил – вот истинный мотив участия Германии, а отнюдь не предполагаемое возмущение преступными планами Сербии. Насколько лицмерным было последнее утверждение, прекрасно показал князь Лихновский, последний имперский посол в Лондоне, в записке, сделанной им в январе 1915 г.:

«Разве итальянское единство не было вызвано совершенно аналогичными средствами, и разве то, что произошло в Италии между 1848 и 1866 годами, не повторяется у югославов? Тогда австрийцы пытались сломить движение за национальную независимость в ломбардо-венецианских провинциях насилием, мечом и виселицами... Итальянцы тоже использовали в политических целях бомбы и кинжалы и покусились на право помазанника Божьего и даже на Его Святейшество! Разве мы отказались из-за этого заключить союз с Италией или объявили ей войну потому, что Орсини бросил бомбу в Наполеона? Разве фундаментом итальянского государства не были точно такие же «революционные» тенденции, как и великое сербское движение, направленное против Австрии?.. Почему немецкий народ должен стремиться начать мировую войну с целью сокрушить югославянское движение за объединение?»**.

*Die Auswärtige Politik der Grossmächte in der Neuzeit. Zweite, durchgesehene Auflage. Stuttgart und Berlin, 1925. S. 411.

**Отрывок из мемуаров князя Лихновского (Auf dem Wege zum Abgrund) опубликован в номере газеты Berliner Tageblatt за 8 ноября 1927 г. Ситуация в Италии 1859 г. имеет столько общего с положенем Сербии в 1914 г., что создается впечатление, будто мы имеем дело с социологически обусловленным типом кризиса национального объединения.

Ж. «Личная ответственность за развязывание войны»

Среди честных и серьезных работ, посвященных так называемой «ответственности за развязывание войны», одной из самых примечательных, без сомнения, стала книга профессора Фэя, на которую мы уже ссылались. Он сделал достойную восхищения попытку обобщить и распутать все нити, приведшие к началу Первой мировой войны. Ему удалось развенчать пропагандистскую легенду об исключительной ответственности центральных держав. Значимость работы Фэя налагает на автора данной книги обязательство прояснить собственную позицию относительно отдельных моментов, по которым он не согласен с профессором. В своих благородных поисках истины Фэй излишне послушно следует за колебаниями маятника общественного мнения, когда игнорирует тот факт, что центральные державы, *пусть и не они одни стали причиной Первой мировой войны, определили-таки дату ее начала.* Фэй явно занимает пронемецкую позицию, на которую порой влияют не вполне точные данные личного характера*.

Представляется, что фактов, изложенных профессором, достаточно, чтобы показать, как правящие круги Вены, используя всевозможные макиавеллиевские уловки, форсировали начало войны, ведь, согласно мнению Конрада, в случае военных осложнений позиция Австрии год от года становилась все более уязвимой. Они знали, что с завершением военных реформ, начатых в России и во Франции, и

*Так, например, Леопольд Мандль, бывший на протяжении двух десятилетий полуофициальным рупором министерства иностранных дел на Балплатц и организатором антисербской кампании в прессе, становится у него «австрийским историком». Венделя же Фэй характеризует как «просербского немецкого писателя», кем Вендель, в сущности, и являлся. Однако ни одного из авторов фанатичных антисербских памфлетов, чьи цитаты профессор в изобилии приводит, он не называет «антисербским немецким писателем». Доктора Каннера, одного из самых тщательных исследователей вопроса об ответственности за развязывание войны, он называет «редактором ежедневной газеты “Венский социалист”». Вероятно, Каннера отрекомендовали таким образом немецкие социалисты, чтобы представить его фанатиком-коммунистом. Правда состоит в том, что доктор Каннер издавал серьезную ежедневную либерально-буржуазную газету *Die Zeit*. Приводя же цитаты из никчемных немецких антимасонских памфлетов и венского пропагандистского органа Советов с целью дискредитировать правительства существующих балканских государств, Фэй даже не упоминает выдающийся исторический труд профессора Библа, который, будучи убежденным сторонником немецкой идеи, показывает, что Австрия на тот момент не могла отложить войну.

ростом антиавстрийской ирредентистской пропаганды шансы Австрии в войне практически сведутся к нулю. Единственной силой, способной сломить волю Австрии к войне, была Германия (которая уже делала это несколько раз в прошлом). Однако немцы – цитирую профессора Фэя – «совершили роковую ошибку, выпустив ситуацию из-под своего контроля и передав ее в руки столь безответственного и беспринципного человека как Берхтольд. Они обрекли себя на прыжок во тьму. Вскоре они обнаружили, что вовлечены в действия, которые не одобряют… но всерьез протестовать и возражать уже не могли… поскольку заранее пообещал Австрии свою поддержку, и любое сомнение с их стороны лишь ослабило бы Тройственный союз в критический момент, когда ему больше всего требовалась сила…» (II, 233). Таким образом, Германия получила *carte blanche* (*ibid.*, 255), а это было практически равнозначно объявлению войны. Германия действительно получила ультиматум Австрии менее чем за сутки до того, как австрийский посол должен был представить его в Белграде, однако (по утверждению профессора Фэя), «даже если бы Бетман и Ягов получили текст раньше, нельзя предположить, что они изменили бы его или не пропустили вообще» (*ibid.*, 267). Это действительно так, ведь Австрия заранее получила полную свободу действий.

Однако не совсем ясно, почему военное руководство Германии, которое в прошлом не раз пресекало легкомысленные планы Австрии, вдруг стало таким снисходительным. Единственное объяснение: военные круги видели, как Австрия стремительно движется к катастрофе, и согласились с Конрадом, что это последняя возможность для Австрии, единственного союзника Германии, начать войну ради сохранения государства, существование которого год от года оказывалось под все большей угрозой. Лишь проанализированные в данной книге социальные и политические факторы могут по-настоящему объяснить причины действий Австрии и Германии.

Таким образом, становится вполне очевидно, что *Австрия назначила дату начала конфликта, а Германия не остановила своего союзника.* В этом-то и состоит фундаментальная ответственность Австрии, исходящая не из преступлений отдельных ее политиков, но из социальных и национальных прегрешений системы в целом. В этой же плоскости лежит и ответственность Германии, связанная, скорее, с попустительством, нежели с непосредственными действиями. С такой точки зрения, мучительный вопрос об ответственности

за развязывание войны обретает почти математическую простоту. Правда или нет, будто после катастрофы в Сараево ни у одной из держав Антанты не было никаких причин начинать войну в 1914 г.? Мировое сообщество было настолько потрясено совершенным преступлением, что нападение на разваливающуюся империю *именно в этот момент*, с точки зрения массовой психологии, представлялось совершенно невозможным. Но для Австрии это была прекрасная возможность использовать возмущение всего мира, чтобы сокрушить сербский очаг напряжения. (Такова была позиция не только Вены, но и Берлина!) Следующий вопрос с моей стороны: правда ли, что Австрия без поддержки Германии не была в состоянии начать войну? Для ответа достаточно будет небольшого логического эксперимента. Предположим, что на последней, решающей неделе из Берлина в Вену была бы послана телеграмма со следующим кратким текстом: «Германия не может обещать своего участия в войне до тех пор, пока не будут исчерпаны все дипломатические средства по достижению справедливого компромисса». Я не думаю, будто Австрия могла пойти по этому пути, не потеряв при этом окончательно свой авторитет на Балканах. Но я утверждаю: пойди Берлин на подобный шаг, из Вены не было бы послано никакого ультиматума. Войну можно было бы отложить на несколько лет!

Такова простая правда, с логической и исторической точек зрения. Помимо перечисленных здесь фактов, существует и прямое свидетельство покойного генерала Макса Хоффмана. В недавно опубликованных мемуарах один из самых талантливых военачальников Германии искренне и открыто признался:

«Летом 1914 года мы, конечно, могли в очередной раз уйти в тень; тогда Антанта не нанесла бы удар раньше 1917-го, поскольку они только тогда были бы готовы. В этом смысле мы действительно начали войну, это правда...»*.

В этих словах ясно отразилась вся военная философия центральных держав на момент начала войны. И, исходя из принципа *rebus hic stantibus*, подобная философия выглядела совершенно логично. Предотвратить войну могли лишь глубокие органические реформы, но времени для таких реформ уже не осталось.

*Die Aufzeichungen des Generalmajors Hoffmann. Berlin, 1929. Bd. I. S. 155.

Часть седьмая

СОЗНАТЕЛЬНЫЕ УСИЛИЯ В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ

I. Препятствия на пути гражданского воспитания

Очевидно, что при наличии тех исторических сил, конституционной жизни и общественных умонастроений, с которыми мы ознакомились в этой книге, реальных шансов на сознательные усилия в сфере гражданского воспитания не было. Монархия, в целом, никогда не рассматривалась как проблема населяющих ее людей, но как проблема династии и правящих классов. Действительно, важный и основополагающий для Монархии вопрос: как удовлетворить национальные и культурные запросы различных народов таким образом, чтобы предоставить им достаточные возможности для развития исторической индивидуальности и национального самосознания, и, в то же время, сформировать у них наднациональное сознание государственной общности, этот вопрос, как мы увидели (за немногочисленными исключениями), даже не рассматривался и не был сформулирован. На деле духовно-нравственная и конституционно-правовая атмосфера Монархии пресекала любые сознательные усилия в сфере гражданского воспитания. В конечном итоге, решение этой проблемы означало бы федерализацию Монархии, ведь решать ее можно было лишь «между равными», или, по крайней мере, потенциально равными. Однако все устройство Монархии, по сути, было формальным отрицанием такого равенства. Немецко-венгерская гегемония служила настоящим оплотом конституции – незыблемой скалы, на которой базировалась вся система. Внутри системы в Австрии действовала политика «разделяй и властвуй», а Венгрия решительно отвергала любые идеи относительно национального равенства или федерализации. И хотя Австрия путем постоянной

борьбы и компромиссов сумела обеспечить существенный прогресс в сфере культурной самореализации различных народов, никто и никогда не рассматривал проблему системно и конструктивно. Стракош-Грассман в своей ценной работе по истории австрийского народного образования отчетливо показал, что улучшение общих условий в ходе последних десятилетий стало прямым результатом растущей децентрализации в сфере народного образования и преодоления парализующего влияния централизованных органов. Однако этот очевидный прогресс не принес желаемых плодов в силу ограничений, навязываемых устаревшей дуалистической конституцией.

«Недостаток твердой воли, все более характерный для австрийской государственной машины, начиная с 1879 года проявился и в сфере народного образования... Для всей системы государственного управления характерно отсутствие какой бы то ни было политической идеологии и морального кодекса».

В итоге автор приходит к выводу, что «национальная организация народного образования в Австрии предполагает организацию всех ее народов в политические и административные объединения». У каждого народа должно быть неоспоримое право создавать свои школы на собственные средства. Расходы на образование должны исчезнуть из государственного бюджета и перейти в компетенцию отдельных наций.

«Федеративное государство, созданное по примеру Соединенных Штатов, Швейцарии и Германской империи, – вот единственное решение проблемы сохранения австрийского государства. На смену устаревшей системе коронных земель должны прийти политические организации по национальному признаку... Прежняя Австрия, где чиновники центральной администрации в Вене управляли всей империей, не жизнеспособна... Отдельные нации государства, состоящего из такого количества различных народов, существуют не для того, чтобы их смешали в унитарное государство, но государство следует трансформировать таким образом, чтобы каждая отдельная нация получила максимально возможный доступ к самореализации...»*.

*Geschichte des Österreichischen Unterrichtswesens. Wein, 1905. S.349–353.

По сути дела, внутреннее развитие Австрии, как уже было показано, пусть бессознательно и хаотично, руководствовалось как раз этим принципом. Органическое же решение всей проблемы на базе дуалистической конституции было невозможно. Избыток национальной энергии не находил достаточного естественного выхода. Усугублял ситуацию и тот факт, что гражданское воспитание в Австрии и Венгрии исходило не просто из разных, но из противоречащих друг другу принципов.

II. Австрийская система гражданского воспитания

В целом, вся система народного просвещения в Австрии была пропитана старой династической и патримониальной концепцией государства. Внимательное чтение официально одобренных учебников по истории и основам граждановедения создает впечатление, будто все события были личными деяниями императоров и полководцев. Преподавание истории сводилось к восхвалению правящих династий и превращалось в подобие *династического эпоса*. Все главы и иллюстрации широко распространенных текстов поддерживали один и тот же взгляд. Возникает ощущение, будто народы оставались немыми персонажами вненациональной драмы Габсбургов, бессмысленным орудием в руках императоров, их полководцев и министров. Торжественные школьные мероприятия сводились к празднованию дня рождения императора и прочих важных событий в жизни императорской семьи. Все патриотические песни служили восхвалению правителя и генеральских подвигов. Характерно, что единственная австрийская песня, которую можно было бы назвать патриотической в популярном смысле слова – песня в память о национальном герое Тироля Андреасе Хофере, посвящена не австрийской солидарности, но верности «славному императору Францу» и любви к «священной земле Тироля».

Отличительной чертой всех учебников стала тенденция описывать австрийскую историю как результат деятельности лично Габсбургов, превозносить все их военные достижения, даже самые незначительные, вычеркнуть из сознания память о поражениях, ошибках и грехах династии и квалифицировать любые движения, направленные против Его Императорского Величества, как прес-

тупления или мятежи. Пособия до тошноты пронизаны духом византийства. Несколько примеров помогут читателю ощутить всю болезненность атмосферы. Так, доктор Эммануэль Ханнак, бывший директор венских педагогических курсов, давал своим ученикам следующее напутствие, озаглавленное: «Формирование характера и воли»:

«Восторженное чувство любви и уважения, в первую очередь, адресовано главе государства, лицо которого известно ребенку с первых лет по изображениям на деньгах и по портретам, размещенным в достойных местах в школе и дома. Ребенок приучается чтить государя как отца своей родины и распространяет почитание на всех членов императорской семьи...»*.

Наполняя детские умы огромным количеством ненужных подробностей и подобострастных восхвалений, система совершенно игнорировала важнейшие экономические, культурные и национальные связи австрийской истории. Так, например, один из широко распространенных учебников описывает Венскую революцию 1848 г. следующим образом: «Чрезмерно великодушный император счел недостойным разбираться с подобными беспорядками, он покинул Вену и удалился в свою резиденцию в Олмюце...» С другой стороны, все достижения эпохи преподносились исключительно как результат личных действий правителя. В небольшом – всего 79 страниц – популярном учебном пособии в главе «Что император Франц Иосиф сделал для своего народа» перечислены все деяния великого императора, начиная с дарования народу конституции и заканчивая обеспечением водоснабжения в столице**. Естественно, все новые больницы и университеты были личным подарком великодушного кайзера своим любимым народам.

Несмотря на весь этот нездоровый династический патриотизм, результаты работы системы были крайне незначительны. Особенно в регионах с ненемецким населением династический энтузиазм, распространяемый в школах, сводился к «неискренним заверениям в преданности со стороны преподавателей», тогда как в неофициальной обстановке они поддерживали и превозносили национальные устремления своих народов. Громадные усилия официальной

*Methodik des Unterrichtes in der Geschichte (2 изд. Wein, 1907). S. 14–15.

***Swetina A.* Das wichtigste aus der Österreichischen Geschichte (5-е изд., Sternberg, 1908) Ss. 56-57.

власти не могли преодолеть растущую пропасть между династическим и национальным патриотизмом. Пытаясь уравновесить местный патриотизм и преданность Габсбургам, учеников, особенно в ненемецких регионах, стали регулярно заставлять писать контрольные «по патриотизму». Однако лучшие учителя всегда осознавали бесплодность подобных попыток. Что могла сделать школа против яростного потока национального недовольства, против желчной критики популярных газет и бесконечных скандалов по национальному вопросу в законодательных собраниях и парламенте? Более разумные преподаватели старались держаться подальше от патриотических экспериментов, ведь они прекрасно понимали, что искусственный культ династического государства не имеет смысла и только подрывает моральные устои учеников. В этой связи вспоминается характерный эпизод. Новый наместник Далмации, недовольный распространением прославянских настроений в одной из школ, довольно строго спросил директора этого учебного заведения, почему моральный дух школы не может быть таким же хорошим и патриотическим, как в кадетском корпусе, где обучались будущие офицеры. На это директор – мой знакомый – ответил: «Если бы вы могли перенести всех детей этой провинции в те же условия, что и кадетов, отделив их от семей и разместив в тепличных условиях закрытой школы, мы сумели бы достичь тех же результатов…»

В смелом ответе директора содержится ключ к проблеме гражданского воспитания в Австрии. Имперская армия оставалась единственным институтом Монархии, где удавалось на протяжении долгого времени воспроизводить такой тип человека, для которого идея династического патриотизма и интересы наднационального государства были выше национальных устремлений своего народа (мы уже указывали на это, но в ином контексте). Возникает вопрос: почему? Потому что армия представляла собой настоящее государство внутри государства, династический островок в море растущих национальных и социальных волнений. На этом островке произрастала окультуренная искусственная растительность. Настольной книгой Императорский королевской армии (K.K.Armee) был Армейский устав (*Dienstreglement*) – настоящая библия габсбургского патриотизма. Показательно, что традиционная присяга, приносимая солдатами, была просто клятвой верности императору и командованию и не содержала ни единого слова о долге солдата перед ро-

диной, народом или конституцией. Одновременно командование тщательно следило за тем, чтобы солдаты императорской армии чувствовали себя равными и не испытывали затруднений, вызванных национальным соперничеством или шовинистическим партикуляризмом. Параграф 5 Армейского устава, например, в торжественном тоне весьма определенно утверждает, что «предназначение армии, объединяющей многие тысячи солдат во имя благородной цели, требует наличия общего духа и единства как внутри отдельных подразделений, так и в вооруженных силах в целом. Корни этого общего духа – в чувстве солидарности и понимании необходимости подчинить личные интересы общему благу. Он формирует сознание профессиональной и сословной принадлежности (Standesbewustsein), поощряет строгое и бескорыстное выполнение долга и развивает военные добродетели высшего порядка...»

Однако само по себе такое определение династического патриотизма крайне уязвимо в наши дни. Он способствовал формированию не государственного, но профессионального сознания, пригодного для имперской службы. Таким образом, любой шаг вперед в национальном и культурном развитии разных народов ослаблял профессиональную солидарность и укреплял солидарность национальную в ущерб идее об империалистическом сверхгосударстве. Правящие круги прекрасно понимали, что происходит, и сохранение «лояльной армии», изолированной от остального населения – очага либеральных и националистических идей, превратилось в основополагающий государственный принцип.

Выходом из сложившейся ситуации мог бы стать лишь новый тип гражданского воспитания, задача которого состояла в том, чтобы убедить народы Монархии в необходимости и преимуществах взаимовыгодного экономического и культурного сотрудничества под покровительством свободного федеративного государства. Но в этом направлении ничего не делалось. Десять ключевых наций и многочисленные народности, населявшие Монархию, оставались чужими друг другу, и вся система народного образования была совершенно не в состоянии заполнить существующий пробел. Когда я, задним числом, обсуждал эту проблему с отдельными выдающимися педагогами бывшей Австрии, все они сошлись на том, что система образования никогда не учитывала всей серьезности и важности данного вопроса.

«Австрийские историки, – пишет один из бывших руководителей в сфере образования, – рассматривали Австрию не как многонациональное государство, но как габсбургское государство – исходя из гипотезы о политическом и культурном превосходстве немцев... Хотя эта тенденция была далека от шовинизма, присущего национальным государствам Запада, она была также лишена искреннего энтузиазма и никогда не рассматривала идею общего примирения наций... Отсутствовала возможность и, в еще большей степени, желание изучать языки, кроме немецкого, потому и вопрос о взаимопроникновении в интеллектуальной сфере даже не поднимался. Самая непреодолимая пропасть образовалась между Австрией и Венгрией: среднестатистический австрийский учащийся заканчивал школу в полной уверенности, что за Лейтой начинается абсолютно другая страна... Школьникам, конечно, преподавали какие-то основы политической географии, применительно к различным народам, но это было мертвое знание, оно не давало никакого стимула к взаимопониманию и сотрудничеству. Отчужденность народов друг от друга стала причиной падения старой Австрии, и наша система школьного образования ничего не сделала, чтобы это предотвратить».

Другой известный специалист в беседе со мной подчеркивал, что династическая направленность австрийской историографии действовала в ущерб государственной идее, и даже в регионах со смешанным национальным составом населения немецкие учащиеся редко изучали языки других, ненемецких народов. Важнейшие главы современной австро-венгерской истории рассматривались конспективно, не давая ученикам возможности понять суть перемен, приведших к превращению конституции в дуалистическую. Все действия и движения, направленные против Габсбургской династии, естественно, преподносились как ничем не оправданные бунты и перевороты.

Однако рассуждая об австрийском народном образовании в целом, можно сказать, что оно чаще опускало факты, нежели искажало их. В холодной династической и бюрократической атмосфере замалчивалось все, что могло привести к взаимной ненависти среди учащихся и искусственному раздуванию национальной и расовой вражды. К сожалению, остальные факторы, влияющие на гражданское воспитание, политическую жизнь и местное управление, то

есть пресса и общественные организации, действовали в совершенно противоположном направлении. Во всех этих сферах общественной жизни все сильнее становился дух нетерпимости и национализма. Сознание принадлежности к своей нации все больше проникало в умы представителей различных этнических групп, населявших Монархию; пустые словоизлияния и подстегивание подобных настроений превратилось в трамплин для всех профессиональных политиков и демагогов. Национальное чувство, со всей его расплывчатостью, неопределенностью и традиционным сентиментализмом, открывало прекрасную возможность сформировать единый национальный фронт против «общего врага», чтобы перенаправить социальное и экономическое недовольство масс и скрыть классовые противоречия и культурные различия, используя громогласную и беспорядочную национальную демагогию. Динамика процесса описана нами выше. В этой связи я хотел бы лишь подчеркнуть, что ни государство, ни общество не пытались уравновесить эти разрушительные тенденции с помощью конструктивной политики. Подавляющее большинство австрийских газет, и, особенно, влиятельные немецкие капиталистические издания, считали нагнетание приступов недовольства на национальной почве прибыльным делом. Тем же самым занимались и так называемые «национальные и культурные объединения», широкой сетью покрывавшие все страны Монархии. У каждой нации были свои национально-культурные ассоциации, созданные для защиты национальных прав от агрессивных посягательств других народов путем воспитания национального сознания, привлечения пассивных элементов, организации школ, хоровых студий, библиотек и прочих культурных объединений, призванных укрепить нацию как единое целое. Никто не станет отрицать, что подобные ассоциации сыграли важную роль в формировании национального самосознания, особенно среди отсталых народов империи. Однако с точки зрения общегосударственной солидарности, они оказывали губительное воздействие, так как быстро из инструмента самозащиты и консолидации быстро превратились в орудие демагогии, шовинистический механизм, действующий в интересах политических лидеров и чиновников–обладателей синекур, выкрикивавших самые ожесточенные националистические лозунги. Политические партии и местная администрация, а впоследствии, как мы уже видели, и государственная власть,

все больше попадали под влияние гипертрофированного националистического чувства, сформированного этими якобы «культурными» объединениями.

III. Венгерская система гражданского воспитания

В Венгрии, где после Компромисса 1867 г. не осталось никаких габсбургских чиновников, и освещенное веками венгерское государство вернуло себе полную внутреннюю независимость, сложилась совершенно противоположная ситуация. Празднуя победу над централизаторской венской администрацией, господствующие венгерские классы считали своим единственным историческим предназначением построение унитарного венгерского государства. Они видели в других нациях только скопления индивидуумов, но самостоятельные политические образования, рассматривая это как покушение на саму идею венгерской нации. Хотя официальные круги, высшее духовенство и аристократия на словах выражали свою преданность династии, до тех пор, пока государь не вмешивался в дела господствующего класса и не противодействовал его требованиям, эта лояльность по отношению к династии не распространялась на широкие слои венгерского населения, которое веками боролось против габсбургского абсолютизма и германизации. Таким образом, у венгров практически отсутствовала «династическая религия», определявшая, в значительной степени, развитие гражданского воспитания в Австрии; лишь отдельные национальные группы, следуя традициям прошлого, продолжали поклоняться Габсбургам как потенциальным защитникам от надвигающейся волны венгерского национализма.

Основные черты этого национализма, его тенденцию к искусственной и, если понадобится, даже к насильственной мадьяризации невенгерских народностей мы уже описывали. Я бы хотел только подчеркнуть, что, в отличие от Австрии, венгерское государство разработало систематическую и крайне догматичную концепцию гражданского воспитания, поставив ее на службу исключительно идее венгерского национального государства. Несмотря на то, что венгры составляли лишь незначительное большинство населения страны, правящие круги считали Венгрию единым национальным

государством. По их мнению, венгры получили право на создание такого государства по тем же историческим причинам, которые позволили английской, французской, немецкой и итальянской нациям создать абсолютно однородные национальные государства, игнорируя все остальные этнические элементы как составные части государственного суверенитета. Вся нравственная и духовная энергия государства была направлена на достижение главной цели – национальной ассимиляции, централизации и консолидации. Образовательная система страны с почти религиозным пылом служила доктрине национального единства. В отсутствие буржуазного класса (в западном понимании), организованного крестьянства и эффективного рабочего движения, идеология национального единства и солидарности воспринималась исключительно в свете традиций и общественных ценностей, присущих феодальным классам. Если я назвал школьный курс истории в Австрии династическим эпосом, венгерскую систему гражданского воспитания следовало бы назвать феодальным эпосом. Народное образование, пресса и общественные объединения представляли историю венгерского государства исключительно как стремление к национальной независимости и солидарности под руководством венгерского дворянства. Все мятежи и восстания феодальных классов против Габсбургов прославлялись как борьба за независимость и освобождение в современном смысле. Любое сопротивление реформам просвещенного абсолютизма со стороны феодальных классов объяснялось исключительно высшими национальными соображениями – даже если мотивы для сопротивления были самые корыстные. Вся история страны излагалась как бесклассовая история вдохновенной борьбы против дьявольских планов Габсбургов по централизации и еще более сатанинских заговоров со стороны румын и славян, которые, несмотря на неслыханное благородство венгров, действовали заодно с австрийскими агрессорами. Империалистические эпизоды венгерской истории, великая Венгрия королей Лайоша и Матяша воспринимались не только как славные страницы прошлого, но и как возможные сценарии будущего – в случае, если нация восстановит древнее единство и вернет военную доблесть.

Я разослал анкеты с вопросами некоторым чиновникам от образования из прежней венгерской администрации с просьбой рассказать о состоянии дел в этой сфере до войны и получил ряд любопыт-

ных ответов. Один из респондентов, бывший глава важного образовательного департамента характеризует познания венгерских учащихся в отношении культуры и устремлений невенгерских народов следующим образом:

«Невенгерские народы упоминались лишь в курсе политической географии, и то между делом. Единственное, что знали о них учащиеся, так это в каких частях страны они проживают и какова их численность. Исторические деяния этих народов всегда представлялись как враждебные действия против венгерской нации, инспирированные дьявольскими происками Габсбургов (в таком духе подавались, например, восстание Хории и Клошки и войны на национальной почве в 1848–1849 гг.). Об этнических особенностях, культуре, литературе или народном искусстве не говорилось ни слова. В целом, если невенгерские народы где-то случайно и упоминались, то всегда как носители низшей культуры и враги венгров, объединившиеся с Габсбургами исключительно на почве зависти, недоброжелательности и ненависти по отношению к венграм. Никто никогда не объяснял учащимся психологические причины такого отношения, в лучшем случае, ссылались на то, что в процессе создания государства эти народы были ранее завоеваны венграми, а затем пытались отомстить своим законным хозяевам. Наличие экономических и социальных причин антагонизма – давлении системы латифундий, антипатии по отношению к феодальной администрации и стремлении защитить национальный язык – замалчивали все учебники и учителя. Компромисс 1867 г. восхваляли как достижение «мудреца отечества», Ференца Деака, и описывали этот договор так, будто он даровал стране полную независимость и гарантировал превосходство венгров над всеми народностями. Однако никто должным образом не объяснял, какую роль играют венгры в конституции, в чем состоят их обязательства по отношению к другим нациям Монархии. Напротив, школа всячески поддерживала иллюзию, будто Венгрия – абсолютно независимая, свободная и самодостаточная страна, которая вольна делать все, что пожелает. Все остальные нации Монархии (даже немцы) пренебрежительно воспринимались как немые и незначительные персонажи венгерского эпоса. Всю систему преподавания пронизывало некое подобие романтического символизма. Венгерская нация представала в образе невинного бедняка – героя народных сказок, на которого со всех

сторон нападают злобные враги, а он, благодаря своей неслыханной храбрости, всегда одерживает верх над злым противником. Точно так же, до заключения Компромисса, Габсбургов изображали как монстров, которые нападают на верных венгров безо всякой серьезной причины, из одной только ненависти и неприязни. Никто никогда не анализировал этот процесс и не упоминал, что эта борьба была результатом экономических и социальных привилегий феодальных слоев, тормозивших любые попытки короля построить современное государство.

В такой атмосфере венгерский школьник и студент не овладевали языками других наций даже там, где это было возможно, – в регионах со смешанным проживанием разных национальностей. Власти были заинтересованы в том, чтобы в старшей школе и аналогичных учебных заведениях невенгерские языки играли второстепенную роль. В результате между венграми и невенграми не было никакого интеллектуального или культурного взаимодействия. Всю систему начального и среднего образования характеризует тот факт, что взгляд ребенка всегда был обращен назад – он мог видеть только прошлое и не был в состоянии соотнести себя с настоящим. Прошлое же представляло из себя искусственно сконструированную картину, в центре которой располагалась героическая венгерская нация, окруженная немногочисленными друзьями и полчищами врагов. Неудивительно, что выпускник средней школы ничего не знал о реальных культурных и экономических силах своей страны и исторических традициях других наций и народностей...»

Все остальные опрошенные специалисты делились похожими впечатлениями. Невенгерские нации воспринимались как народы без истории, лишенные особой миссии; в долгосрочной перспективе единственным выходом для них была мадьяризация. Все праздники, литературные и общественные объединения служили для пропаганды аналогичных настроений. Рыцарственная венгерская нация подвергалась ужасным нападкам со стороны смертельных врагов – династии и других народов, но близился день, когда венгры должны были вновь обрести прежнюю славу, полную независимость и единство. Все моральные и финансовые силы гражданского воспитания были сконцентрированы на достижении этого идеала, который выражал самые искренние и серьезные убеждения венгерского общества и ведущих работников сферы образования. Три поколения вен-

герского общества рассматривали историю своей страны и всего мира исключительно в этой искаженной перспективе.

Результатом наступившего после Компромисса периода относительной консолидации и материального подъема стал рост нетерпимости в духе национальной исключительности. Катастрофа 1849 г., когда интервенция России исключила возможность продолжения борьбы с Австрией, и героический вождь венгров был вынужден сложить оружие, этот трагический эпизод лишь подлил масла в огонь национального тщеславия. Общественное мнение с готовностью приняло на веру легенду, будто главнокомандующий венгерской армией генерал Гёргей оказался предателем, и, если бы не его дьявольская персона, венгры одержали бы победу и над австрийцами, и над русскими.

Несмотря на заблуждения, присущие венгерской системе гражданского воспитания, она долгие годы доминировала и сохраняла эффективность особенно в больших городах и в тех кругах, где венгерская экономическая, культурная и политическая жизнь отличалась особой интенсивностью. Венгерское общественное мнение находилось в плену оптической иллюзии, игнорируя тот факт, что бурный венгерский патриотизм совершенно не затрагивал миллионы граждан невенгерских национальностей в сельских районах и маленьких городах. В блестящей венгерской столице и других крупных деловых центрах немецкий и еврейский средний класс и даже многие представители других народностей активно поддерживали венгерскую государственную идею, и это ослепляло венгерскую общественность. Выше мы уже анализировали смысл и значимость данного процесса. В этой связи я бы еще раз хотел подчеркнуть, что здесь имела место, в большой степени, спонтанная ассимиляция, движимая чувствами и страстями гражданского воспитания. В недавно опубликованном историческом романе «Господа и люди» Лайош Хатвани умело реконструирует психологию данного процесса. Он рассказывет, как учитель Михаи (в прошлом – словак по фамилии Михалек) на повышенных тонах рассказывает своим воспитанникам, «словно ученик, отвечающий урок, о том, как на восточных рубежах Европы горстка венгров защитила европейскую цивилизацию от турок и в одиночку вела свою войну, несчастная и всеми покинутая нация, за свободу мира...» Этот же автор убедительно показывает воодушевле-

ние, которое испытывали ассимилированные еврейские элементы. Старый еврей высмеивает пылкие чувства своего сына в отношении всего венгерского:

«Да кто говорит на венгерском языке? За Пожонью никто венгерской речи и не понимает». Тут у сына перехватило дыхание. Но лишь на мгновение, затем он храбро ответил:... «А если мы, как король Матяш, снова завоюем Вену, тогда и там все заговорят по-венгерски...»*.

Чувства, диктовавшие подобные настроения, были, в большинстве случаев, совершенно искренними и подпитывались за счет национальных праздников. Особый прилив патриотизма вызывали память о начале Венгерской революции 15 марта 1848 г. (интерпретируемой исключительно как национальное восстание против Австрии, а не провозглашение прав человека – хотя последним она тоже являлась) и трагическое воспоминание о 13 венгерских генералах – жертвах императорского трибунала при Араде в 1849 г. Нарастающий пыл, с которым общественность отмечала эти памятные даты, настораживал определенные круги, и лояльный премьер-министр Дежё Банфи попытался уравновесить их, введя новый национальный праздник, который должен был привести в гармонию венгерские патриотические чувства и лояльность по отношению к королю. Для этого в 1898 г. был принят закон, провозгласивший в качестве национального праздника 11 апреля – пятидесятую годовщину того дня, когда в 1848 г. закон о независимости, предложенный венгерским парламентом, был одобрен монархом. Однако новый национальный праздник не получил особой поддержки со стороны общественного мнения – все помнили, что Габсбурги бессовестно нарушили этот закон всего через несколько месяцев после его принятия. Единственным результатом этой расчетливой лояльности стало усиление энтузиазма по отношению к истинным народным праздникам.

Еще одним успешным инструментом укрепления венгерской солидарности стала мадьяризация фамилий. Эта мода берет свое начало в администрации Иосифа II, когда император приказал евреям взять немецкие фамилии. Либеральный подъем 1848 и 1867 гг. сподвигнул многих людей на то, чтобы сменить свои имена на

**Hatvany L.* Urak és emberek. Budapest, 1926. Köt. I. 263. o.

венгерские в знак преданности победившей нации, которая была готова разделить свои привилегии с другими народностями. Позднее пошлина за смену имени была сокращена до столь незначительной суммы, что эта патриотическая традиция получили широкое распространение. Она послужила появлению большого числа искренних венгерских патриотов, но в то же время открыла двери для авантюристов, пытавшихся с помощью новых имен проникнуть в структуры феодального общества. Правительство активно поддерживало смену имен и фамилий среди тех, кто работал в государственных органах, и в некоторых случаях даже сделало это обязательной процедурой. Поскольку участие евреев и немцев в венгерской экономической и духовной жизни было непропорционально велико, мадьяризация имен оказалась отличным средством, чтобы продемонстрировать иностранцам несуществующее расовое единство страны. Истинные мотивы правящих кругов стали очевидны после войны, когда Венгрия была расчленена, и невенгерские территории от нее откололись. Правящим элементам уже не нужна была помощь евреев в борьбе против национальных меньшинств, и, как следствие, общественное мнение радикально изменилось. Государство прекратило поддерживать мадьяризацию имен и, напротив, стало чинить препятствия евреям, которые подавали документы на смену имен и фамилий.

В Венгрии, так же, как и в Австрии, большую роль в формировании национального самосознания и солидарности играли пресса и так называемые «культурные объединения». Тем не менее, системы двух стран существенно отличались друг от друга тем, что австрийское государство старалось дистанцироваться от борьбы народов за независимость и намеренно старалось не выглядеть как немецкое государство, в то время как в Венгрии и пресса, и система культурных объединений служили в руках государственной власти мощным орудием против национальных меньшинств и средством пропаганды национального единства. Правительство искусственно поддерживало широкую сеть венгерских культурных объединений и уничтожало аналогичные русинские, словацкие и сербские ассоциации. Только у румын и немцев хватало сил на поддержание своих культурных объединений. Однако власти жестко контролировали самые незначительные культурные проявления национальных меньшинств и яростно осуждали их «ирредентистские» намерения,

хотя во многих случаях эти движения действительно носили исключительно культурный характер, тогда как аналогичные венгерские ассоциации не только наслаждались полной свободой, но и могли позволить себе не стесняться в выражениях. В исследовании, посвященном деятельности этих ассоциаций, венгерский публицист Виктор Аради заявил, что такие объединения постепенно превращались в инструменты политической машины и ура-патриотические организации, направленные против других народностей:

«Они тайком сообщают правительству: словаки открывают читальню – родина в опасности; государственные инспекторы недостаточно строги по отношению к словацким учителям; румынские учителя намереваются провести собрание и обсудить шаги по улучшению своего материального положения; венды посещают школы австрийских словенцев, а власти дают слишком большую свободу национальным движениям. Культурные ассоциации тратят огромное количество энергии, а лидеры этих организаций даже не в состоянии понять, что их деятельность не просто бесполезна, но и попросту губительна…»*.

Еще более опасной, с точки зрения истинной государственной солидарности, была деятельность венгерской прессы. В то время как печатные органы национальных меньшинств часто подвергались преследованиям и обвинялись в антигосударственных настроениях, венгерские печатные органы использовали все более агрессивную и оскорбительную лексику в отношении любых политических и культурных организаций других народов. Лишь некоторые венгерские политики и публицисты осознавали опасную сущность подобных настроений, отравлявших самые истоки национального сознания. Лайош Мочари неоднократно осуждал постоянные нападки на другие народности и попытки ввести в заблуждение венгерскую общественность. Венгерская пресса зачастую не просто перевирала высказывания, приводимые в национальной периодике, но и намеренно фальсифицировала их, а поскольку венгерские круги были не в состоянии читать издания невенгерских народов, комплекс страха перед угрозой со стороны других народов развивался параллельно с ростом национального самосознания этих народов. Представителей невенгерских народностей не только обвиняли в предательстве, но и уни-

**Aradi V.* Kulturegyesületeink kultúrmunkája // Huszadik század, 1914. Január.

жали, подвергая оскорблениям самые священные для них национальные традиции. Приведу один-единственный пример. В 1902 г., когда умер Светозар Милетич, популярный лидер венгерских сербов, попавший в тюрьму во время сербской войны с турками за то, что предложил созвать армию сербских добровольцев в защиту христианского славянства, одна ежедневная венгерская газета, считавшая себя рупором радикально настроенной венгерской интеллигенции, поместила некролог следующего содержания:

«Умер предатель. Отечество, которое он предал, – венгерское отечество, его славное отечество... И это славное отечество предал гнусный изменник, чье тело теперь покоится на катафалке... в его сердце не было ничего, кроме неугасимой ненависти к земле, на которой качалась его колыбель, и которая – как он знал – когда-нибудь примет его разлагающийся труп... Ядовитый паук испустил последний вздох в собственной сети... Перо в нашей руке содрогается от отвращения, когда мы оставляем на бумаге имя Светозара Милетича... Мы хотели бы сдержаться, но даже перед катафалком не в состоянии мы скрыть своих чувств... Пока это тело еще дышало, его обладатель призывал к мятежу; пока его бледные уста могли говорить, он учил ненавидеть отечество...»

Осуждая эту вспышку низкой демагогии, Лайош Мочари писал:

«Позволительно ли так писать? Должны ли мы заимствовать привычки выкапывающих трупы гиен, чтобы показать свой патриотизм и любовь ко всему венгерскому? Может, это и есть гиперпатриотизм, но венгерскими традициями здесь и не пахнет. Ясно одно: подобными высказываниями мы можем лишь поселить неугасимую ненависть в разгневанных душах, и эта ненависть проявится в зверствах и жестокости при первом удобном случае...»*.

Очевидно, что, с венгерской точки зрения, поведение сербского лидера было непатриотичным и вызывало бы аналогичную ненависть в любой другой стране. Одновременно данный эпизод, наряду со многими другими симптомами, продемонстрировал, что в стране, где герой национального меньшинства мог подвергаться таким нападкам, а государство ничего не делало против автора статьи. В то же время, любые выступления прессы национальных меньшинств постоянно подвергались преследованиям. В такой стране начисто отсут-

*A közösügyi rendszer zárszámadása. 238.o.

ствовало представление об истинной системе гражданского воспитания, которая бы стремилась соединить различные национальные традиции в единое государственное сознание. В действительности, с одной стороны, наблюдалось непомерное раздувание венгерских национальных чувств, с другой – происходил быстрый рост национального самосознания в среде невенгерской интеллигенции.

IV. Династический патриотизм против национального патриотизма

Обозревая общие черты обеих систем, мы должны признать, что австрийская система оказалась совершенно не в состоянии создать какое бы то ни было государственное сознание, тогда как венгерское гражданское воспитание явно переусердствовало с продвижением венгерского национального самосознания в ущерб стихийным проявлениям государственного сознания у невенгерских народностей. Опасность ситуации усугублял и тот факт, что венгерское государственное сознание со своими грубоватыми претензиями на исключительность отрицало не только существование невенгерских национальностей как самостоятельных общностей внутри государства, но все больше отрицало и существование наднационального государства, признанного регулировать общие для Австрии и Венгрии вопросы. В таких условиях лояльность к общему государю и династический патриотизм патримониального государства стали единственной связующей нитью между двумя нациями. Однако с каждым днем это чувство ослабевало, превращаясь в искусственный цветок, в то время как идея самоопределения наций набирала силу. Надуманный герб дуалистического государства, на котором маленький щит соединял вместе бóльшие по размеру гербы «безымянной Австрии» и якобы единого венгерского национального государства, служил почти символическим выражением крайней неустойчивости всей конструкции. Герб, расположенный посередине, символизировавший династический патриотизм Габсбургов, терял свое значение. Памятником безнадежным попыткам государственного строительства стал не только необычный герб, но различные национальные гимны – истинные проявления народной

души, которые еще более поразительно символизировали собой неспособность габсбургского патриотизма побороть патриотизм национальный. Сравним характерные отрывки имперского гимна с фрагментами текстов национальных песен народов империи. Слова знаменитого народного австрийского гимна производят такое впечатление, будто их случайно накропал школьный учитель – настолько они банальны в своей неуклюжей лояльности даже несмотря на чудесную музыку Гайдна.

Gott erhalte, Gott beschütze Unsern Kaiser, unser Land! Mächtig durch des Glaubens Stütze, Führt er uns mit weiser Hand!	Господи, спаси и сохрани Нашего императора, нашу страну! Крепкий верою правитель Мудрой рукой поведет нас!
Laßt uns seiner Väter Krone Schirmen wider jeden Feind! Innig bleibt mit Habsburgs Throne Österreichs Geschick vereint!	Корона его отцов Защитит нас от всех врагов! Судьба Австрии тесно сплелась С троном Габсбургов.

Совершенно иначе звучат национальные песни различных наций. Вот, к примеру, начало венгерского гимна:

Hazádnak rendületlenül Légy híve ó, magyar! Bölcsöd ez, s majdam sírod is, Mely ápol, s eltakar...	Мадьяр, за родину свою Неколебимо стой, Ты здесь родился, здесь умрешь, Она всегда с тобой.*

Или румынского:

Deşteaptă-te române, din somnul cel de moarte, În care te-adânciră barbarii de tirani Acum ori niciodată croieşte-ţi altă soarte, La care să se-nchine şi cruzii tăi duşmani.	Проснись, румын, из сна – дурмана смерти, В котором держат варвары-тираны. Теперь иль никогда создай другую Судьбу, пред коей сникнет злейший враг.

*Оскар Яси приводит здесь не слова официального гимна, автором которых является Ференц Кёльчеи, а первую строфу стихотворения «Призыв» Михая Вёрёшмарти (мы даем его в переводе Николая Чуковского) (*Прим. переводчика*).

Или словацкого:

Hej, Slováci, ešte naša
Slovenská reč žije,
Dokiaľ naše vern srdce
Za náš národ bije.

Žije, žije, duch slovenský,
Bude žiť na veky,
Hrom a peklo, márne vaše
Proti nám sú vzteky!

Гей, словаки, наше слово
Песней звонкой льётся,
И не смолкнет, пока сердце
За народ свой бьётся.

Дух Славянский жив навеки,
В нас он не угаснет,
Беснованье силы вражьей
Против нас напрасно.*

Или чешского:

Kde domov můj Kde domov můj?
Voda hučí po lučinách,
bory šumí po skalinách,
v sadě skví se jara květ,

zemský ráj to na pohled!
A to je ta krásná země,
země česká domov můj,
země česká domov můj!

Где родина моя? Где родина моя?
Вода журчит по лугам,
Леса шумят на скалах,
В саду сияет весенний цветок,

Видим мы рай на земле!
Это та красивая земля,
Земля чешская – моя родина!
Земля чешская – моя родина!

Или хорватского:

Teci Dravo, Savo teci,
Nit' ti Dunav silu gubi,
Sinje more svijetu reci,
Da svoj narod Hrvat ljubi.

Dok mu njive sunce grije,
Dok mu hrašće bura vije,
Dok mu mrtve grobak krije,
Dok mu živo srce bije!

Теки, Драва, Сава, теки,
Ни ты, Дунай, сил не теряй,
Синее море, миру скажи,
Что свой народ хорват любит.

Пока его нивы солнце греет,
Пока его дубы буря вьёт,
Пока его мёртвых гроб закроет,
Пока его живое сердце бьётся!

*В качестве словацкого гимна Яси приводит отрывок из славянской патриотической песни, написанной Самуэлом Томашиком в 1834 г. под названием «Гей, словаки» (Hej, Slováci!), которая затем использовалась как гимн панславянского движения (Гей, славяне!) [*Прим. переводчика*].

Показательно, что единственной нацией Монархии, не создавшей национального, в полном смысле этого слова, гимна, оказалась первая, господствующая нация империи – немцы. Причина кроется в том, что для немецкого национального сознания – даже для немцев Монархии – центром была не анациональная Австрия, но Германская империя в качестве национального государства. В то же время немцы, будучи господствующей нацией в Австрии, были настолько тесно связаны с династией Габсбургов, что престиж Монархии как единого целого удерживала от проявлений особого немецкого патриотизма внутри империи.

Неудивительно, что интенсивность всех этих проявлений национального сознания оказалась сильнее искусственного, сходящего на нет династического патриотизма. Никакой иной моральный синтез не препятствовал росту национального сознания и не координировал этот взрыв национальных чувств. Габсбургская империя все больше превращалась в конгломерат националистических настроений людей, которые не знали друг друга, но отчаянно друг друга ненавидели. Династический патриотизм, вера каких-то десяти тысяч офицеров, аристократов, священников, чиновников и промышленных магнатов оказались бессильны перед бьющими через край национальными эмоциями народов. В конечном итоге, государство Габсбургов потерпело крах, потому что оказалось не способно предложить своим нациям истинную солидарность посредством системы серьезного гражданского воспитания. Просвещенные Габсбурги прекрасно понимали судьбоносное значение этой проблемы, но не могли ее решить. Средства, которыми они пользовались, были слишком механистическими и непоследовательными. Вне армии мы не найдем ни одного примера настоящего гражданского воспитания. Лишь эрцгерцог Рудольф сделал шаг в этом направлении – под его патронажем вышел многотомный труд «Австро-Венгерская Монархия в записках и иллюстрациях». Однако в атмосфере, уже отравленной конституционными и национальными конфликтами, эта попытка особой роли не сыграла.

Наверное, никто так остро не понимал ситуацию, в которой оказалась Монархия, с точки зрения народного образования, нежели Карл Мёринг, выдающийся военный инженер, государственный деятель и скрупулезный исследователь Соединенных Штатов Америки. В своей знаменитой книге *Sibüllinische Bücher aus Österreich*

(«Австрийские книги Сивиллы»[200]), изданной анонимно с посвящением эрцгерцогине Софии, матери Франца Иосифа, в 1848 г. он написал следующие пророческие строки:

«Должны ли олигархия и бюрократия год за годом подталкивать Монархию к пропасти до тех пор, пока она не окажется на краю и, потеряв равновесие от малейшего толчка, рухнет вниз? Такое развитие событий было бы ужасным и исключило бы всякую надежду на реформу. Есть, правда, одно средство, но оно единственное. Им следует воспользоваться, ибо речь идет о жизни и смерти. Это единственное средство – общественное мнение, посредник между народом и престолом, способный принести мир и гармонию, переводящий бедствия, выпавшие на долю государства, на язык правды, а не на бюрократический жаргон. Общественное мнение дает монарху прозрачные очки, не подкрашенные или искривленные олигархами, сообразно их нуждам... Именно общественное мнение, проверенный оплот Англии, рупор здорового гласа народа, оно одно может спасти Австрию...»*.

Диагноз, поставленный Карлом Мёрингом, не потерял актуальности до самого распада Монархии. В империи никогда не было общественного мнения в западном понимании – лишь мнения отдельных групп, руководствовавшихся олигархическими интересами.

То, что ключевой проблемой существования Монархии является вопрос гражданского воспитания, в конечном итоге понял и последний император, когда в горестные часы начинающегося распада он, среди прочего, сделал профессору Фёрстеру, которого призвали к смертному одру агонизирующей империи в качестве чуть ли не политического врача:

«Мой указ об амнистии вызвал сильное беспокойство и неприятие в определенных кругах... Но я длительное время был твердо убежден, что безнадежно запутанное положение австрийского народа требует радикальных изменений. Традиция ограниченности и недальновидности укоренилась настолько, что спасти нас может лишь совершенно новый образ мышления... Мне известно, что тысячи моих подданных давно ждали обновления, но за границей не понимают, даже не догадываются, для чего провидение объединило нас в этом юго-восточном уголке Европы: Австрия, по сути, не является ни немецким,

*Hamburg, 1848. Bd. I. S. 153–154.

ни славянским государством. Хотя немцы и основали Дунайскую монархию, в настоящее время они представляют собой меньшинство, окруженное многими развивающимися народами, или смешавшееся с ними… В такой ситуации немцы могут остаться лидерами новых, более молодых культур, только если смогут показать им пример самой высокой культуры… и встретить новые, развивающиеся нации с любовью, уважением и щедростью… С обеих сторон не обошлось без грехов: теперь надо загладить вину… поэтому мы должны начать с чистого листа!.. Единство государства невозможно навязать силой – и менее всего – нациям Австрии… Оно должно стать результатом нравственного союза этих народов… Молодежь также должна испытать влияние этого духа: вместо провоцирующих расовую ненависть учебников с обеих сторон следует создавать такие книги, которые давали бы немецкой молодежи представление о выдающихся качествах и добродетелях славянской расы… и славянской молодежи точно так же следует правдиво рассказывать о том, какой вклад внесли немцы в общую культуру и, в особенности, в развитие молодых наций славянской юго-восточной Европы…»*.

По воспоминаниям Фёрстера, монарх произнес эти слова с большим чувством. Однако лекция императора о гражданском воспитании случилась слишком поздно – не говоря уже о том, что в программе последнего из Габсбургов не было рецепта для решения венгерского вопроса – краеугольного камня всей системы. Император даже не осмелился упомянуть об этой стороне проблемы… Причины этого очевидны.

Взгляд в прошлое и в будущее

К основным выводам данной работы можно добавить несколько общих замечаний о прошлом и будущем.

Относительно исторического значения, которое процесс распада Монархии имел, читатель, возможно, разделит мое мнение, полученное в ходе исследований, а именно, что неожиданностью стал отнюдь не распад Габсбургской империи, а то, как это основанное на

* Цит. по: *Polzer-Hoditz.* Op.cit. Bd. I. S. 462–463.

взаимной ненависти и недоверии объединение народов, лишенных общей государственной идеи, сумело просуществовать столь долгое время. Очевидно, в мирное время внутренних революционных сил было недостаточно, чтобы сбросить ярмо Габсбургов. Рассматривая процесс в целом, мы выделили три основные группы причин, подорвавших единство старого патримониального государства:

1. Рост национального самосознания у различных наций, которые не смогли найти возможности для истинной консолидации и адекватного самовыражения в условиях неповоротливой абсолютистской структуры; полуабсолютизм дуалистической системы не изменил ее, а лишь модифицировал, не дав принять конфедеративную конституцию и даже ввести разумную местную национальную автономию.

2. Экономическое и социальное давление со стороны господствующего феодального класса, взаимодействовавшего с ростовщическим капитализмом, не позволяло развиваться производительным силам различных наций. Вена выступала не только как естественный экономический лидер, но и, одновременно, как экономический эксплуататор более слабых наций посредством своих финансовых и административных монополий. Ощущение, что для немецкого капитализма они превратились в своего рода колонию, усиливало недовольство народов на национальной почве. В то же время «пояс голода» латифундистской системы в значительной степени ослабил положительное влияние единой таможенной территории. Оптимальное разделение труда между различными территориями оставалось рудиментарным, при том, что во всех странах появился новый национальный средний класс, который осознал, что его экономические интересы несовместимы с господством крупного венского капитала.

3. Отсутствие сколько-нибудь серьезного гражданского воспитания. Все нации продолжали оставаться морально и интеллектуально чужими друг для друга. Династический эпос в Австрии, равно как и феодальный – в Венгрии, были не в состоянии создать достаточно сильную и консолидирующую государственную идею. В конечном счете, обе эти ошибочные идеи привели обе господствующие нации к роковому конфликту друг с другом – конфликту куда более разрушительному, нежели тот, в котором каждая из наций находилась со своими национальными меньшинствами.

Три фактора, приведшие к глубокому кризису и окончательному краху Габсбургской империи:

1. Постоянное укрепление различных наций, которые все отчетливее осознавали, что все их надежды на переустройство Габсбургской империи и обретение относительной национальной независимости тщетны. Набирали силу идеи отделения или выхода из империи.

2. Ирредентистская пропаганда окружавших Монархию стран, которые предъявляли права на присоединение соплеменников, живущих под «гнетом» Габсбургов, отчасти из сентиментальных соображений, а отчасти – под влиянием империалистической идеологии воюющих держав.

3. Дезинтегрирующее влияние Первой мировой войны, которая разожгла угли латентной ненависти наций, превратив ее в настоящий пожар, и позволила недовольной интеллигенции создавать воинственно настроенные антиимперские дипломатические и военные организации. Внутренние разногласия и антагонизм постепенно парализовали моральные и экономические силы Монархии.

Здесь мне представляется важным подчеркнуть одно теоретическое соображение, с точки зрения более ясного понимания природы военных конфликтов. Сторонники современного пацифизма - как буржуазного, так и пролетарского типа – за очень небольшими исключениями, склонны полагать, будто все войны являются исключительно результатом действий правящих олигархических структур, дипломатических и военных группировок, объединившихся с определенными финансовыми интересами и не имеющих никакой связи с глубинными народными настроениями. Эта теория войны хоть и является истинной во многих случаях, не может быть рассмотрена в качестве серьезного анализа социальных трансформаций под влиянием военных конфликтов. Данная теория описывает, пользуясь терминологией Гегеля, только List der Idee («коварство идеи»), а не саму Idee. Иногда война – это своеобразная революция, и делает она то же, что и победоносная гражданская война: вытесняет и устраняет устаревшие социальные и политические структуры, даже если это не входило в планы тех, кто эту войну развязал. В случае с Первой мировой, война разрушила четыре закосневших политических структуры – империи Габсбур-

гов, Романовых, Гогенцоллернов и султанов. Как следствие, в Средней Европе, на Балканах и в Балтийском регионе получили независимую жизнь многие государства, находившиеся в зародышевом состоянии, и для миллионов людей открылась дорога к национальному и социальному раскрепощению. Не будь войны, все эти деспотические династические структуры могли бы существовать до бесконечности, ведь невозможно представить успешную внутреннюю революцию в период, когда военной силе больших регулярных армий ничто не угрожает. Эта концепция, естественно, не оправдывает военные методы. Мы лишь выдвигаем предположение, что, сохраняя статус-кво, настоящий мир сохранить невозможно. С войнами как с революциями: прекратить их можно лишь уничтожив их причины – национальную или социальную неудовлетворенность, которая отравляет внутренние или внешние отношения стран. Никакие договоры или правовые соглашения не могут гарантировать настоящий мир до тех пор, пока сохраняется конкретная несправедливая ситуация. Крах Габсбургской монархии убедительно подтверждает данный тезис.

К сожалению, война – слишком жестокая и неподходящая замена для разума и морали. Подобно революции, она может решать проблемы лишь суммарно, в неполной мере, создавая новые трудности и новое зло. Габсбургская империя была разрушена таким образом, что ее проблемы так и не получили полного, справедливого и систематического решения. Хотя многие старые ирредренты были уничтожены, вместо них появились новые, способные поставить под угрозу ситуацию в Европе, если новые государства не найдут новых методов, отличных от тех, которыми пользовались Габсбурги. С этнографической точки зрения, новые государства базируются на более прочной основе, нежели бывшая Монархия. Тем не менее, они вовсе не являются национальными государствами, в западном понимании, но включают в себя значительные национальные меньшинства. Так, например, к титульной нации принадлежит 81% населения Югославянского государства, 71% населения Румынии, 64% жителей Чехословакии и 62% населения Польши, и в большинстве этих стран даже господствующая нация не является однородной, но разделена на значительные противостоящие региональные группы. Новое Российское государство также столкнулось со всеми проблемами многонационального государства, отягощенного множеством

серьезных вопросов, возникающих в местных автономиях. Таким образом, призрак прежней Австро-Венгерской монархии мог бы посоветовать этим государствам, чтобы они не забыли разрушительные уроки неудачного эксперимента. С определенной точки зрения, они оказались даже в более сложной ситуации, ведь новые ирреденты, сформировавшиеся в результате мирных договоров, представлены не отсталыми нациями бывшей Монархии, но, в ряде случаев, национальными группами, которые по силе своей культуры и самосознания равны так называемым «государствообразующим нациям» или превосходят их. Если же мне на это ответят, что, несмотря на все трудности, новая ситуация является куда более стабильной, ведь национальные противоречия сведены к минимуму, и нет сил, способных разжечь огонь ирредентизма в этих странах, я отвечу: это несправедливо даже в отношении сегодняшней ситуации, и в ближайшем будущем потребуется предпринять серьезные шаги в этом направлении. Советская пропаганда на Балканах уже сегодня носит куда более националистический, нежели коммунистический характер, а фашистская Италия использует национальные противоречия внутри новых государств. Венгерский ирредентизм превратился в новой Венгрии почти в религиозную догму. А влиятельное общественное мнение в Германии рассматривает восточные границы как исключительно временное явление. Движение аншлюса в Австрии быстро рапространяется среди населения, а Албания заняла место Сербии и превратилась в новый очаг бурь в Европе.

Угрозы, с которыми столкнулось большинство новых государств, совершенно аналогичны опасностям, угрожавшим прежней Габсбургской монархии: сверхцентрализация и искусственная ассимиляция. Местные этнические, культурные и, нередко, религиозные различия не находят адекватного конституционного выражения, тогда как господствующие нации продолжают то здесь, то там пользоваться теми же политическими и культурными приемами, с помощью которых немцы, венгры и поляки до войны пытались сохранить свое господство в ущерб находящимся в их подчинении народам. Рамки данной книги не предполагают обращения к новым экспериментам в области старой политики искусственной ассимиляции. Достаточно сказать, что некоторые нации-победительницы не извлекли урок из трагической судьбы Габсбургской империи и продолжают пользоваться старыми методами в сфере образования и государственного

управления. Местами атмосферу в обществе отравляют худшие проявления националистической лихорадки.

В недавно вышедшем издании* группа венгерских профессоров предлагает критический обзор состояния народного образования среди венгерского населения, отрезанного от Венгрии и проживающего теперь в других государствах. Я не могу оценить, насколько точны приводимые ими данные. В любом случае, следует относиться к ним с определенной осторожностью, поскольку некоторые авторы до войны выступали как ярые приверженцы венгерской политики искусственной ассимиляции. Тем не менее, нет никаких сомнений в том, что в ряде случаев общественные настроения не изменились, а просто поменяли направление на 180 градусов. Многие параграфы указанной книги звучат почти как услужливая иллюстрация тех же самых процессов, о которых я писал в данной работе, описывая методы и дух национальной нетерпимости и мегаломании. Я знаю, что отдельные политические лидеры новых государств осуждают подобное отношение, но, во многих случаях, правительства не склонны или не могут пресечь шовинистические тенденции, усиленные неожиданной победой, воспоминаниями прошлого и трудностями настоящего. Опасность возникновения новых националистических иллюзий и новых ирредент крайне велика.

К сожалению, общественное мнение Запада не понимает в достаточной степени новую расстановку сил. Многие полагают, будто исключительного правового пацифизма и мирной гуманитарной пропаганды будет достаточно, чтобы унять высокомерие победителей и жажду мести побежденных. Однако любой, кто ближе знаком с психологией Средней и Восточной Европы, прекрасно знает, что без серьезной органической реформы одних этих мер будет не достаточно. В этой связи любопытным документом стало предисловие к упомянутой выше книге, написанное профессором Будапештского университета и президентом Венгерского педагогического общества Дюлой Корнишем. Автор высмеивает попытки Международной комиссии по интеллектуальному сотрудничеству при Всемирной федерации образовательных ассоциаций содействовать мирному процессу с помощью воспитания в духе пацифиз-

*Az elszakított magyarság közoktatásügye. Budapest, 1927.

ма образования и развития взаимопонимания и открыто проповедует необходимость сохранения милитаристского духа. Позволю себе процитировать пару самых характерных пассажей Корниша, так как они проливают свет на реальную ситуацию нового, нестабильного равновесия:

«... Правда ли, что мы, побежденные, должны искоренить национальную неприязнь в душах соседей, лишивших нас тысячелетиями принадлежавшей нам собственности, когда эти соседи с особой жестокостью подвергают пыткам наших братьев, оказавшихся на их территории?.. Сегодняшний мир... это лишь молчаливое продолжение войны, и это состояние еще хуже кровавой войны. Открытая война – это разрушение, страдание, смерть; но нынешний мир – это тихий удушливый террор грубой силы, где крики боли заглушаются нормами нового международного права и вежливыми фразами международной педагогики... Прикрываясь всеобщим гуманизмом, который империалисты Большой и Малой Антанты ежедневно опровергают, наращивая свои вооружения и угнетая национальные меньшинства, они хотят сделать так, чтобы новое поколение венгров не могло постичь и заново пережить воинственные деяния и славу наших предков... узнать мощь той силы, которая хранила нашу родину на протяжении тысячелетия и единственная способна восстановить ее в будущем... Печальное содержание этой книги убедит идеалистов-пацифистов в том, что блестящая эпоха истинного мира и всемирной доброй воли на восточно-европейском пространстве – это не только Утопия, но и Ухрония. В данной связи особенно справедливы слова Канта: «Вечный мир? Хорошая надпись для кладбищенских ворот!»*.

Если политическая реальность столь ужасающим образом отражается в мозгу лидера венгерского образования, и если профессор философии настолько не понимает великий призыв Канта к пацифизму, читатель может представить, как дикая и жестокая атмосфера ненависти и мести по-прежнему доминирует в Восточной Европе. И это не изолированный симптом: тысячи так называемых немецких интеллектуалов вторят этим словам, совершенно искренне выражая свои чувства и убеждения. В таких условиях лишь глубокие органические реформы могут оздоровить отравленные ядом

*Az elszakított magyarság közoktatásügye. 10–12.o.

национальные массовые настроения, которые могут привести к будущим войнам. Уроки великой исторической драмы, проанализированной нами в данной книге, отчетливо показывают, какими должны быть эти реформы. Пути к реальному миру и консолидации могут быть только следующие: во-первых, пересмотр границ во всех случаях, где однородные национальные меньшинства могут быть без труда присоединены к своим соплеменникам; во-вторых, объединение всех национальных меньшинств в общественные организации с правом создания собственной культурной и образовательной системы, ограничивать которую будет лишь лояльность этих меньшинств к государству; в-третьих, децентрализация сверхцентрализованных и бюрократических государств в духе свободных органов местного самоуправления; в-четвертых, уничтожение торговых барьеров и увеличение возможностей для экономического и культурного сотрудничества; в-пятых, искоренение такого типа интеллектуализма и гражданского воспитания, которые были представлены приведенными выше цитатами.

Если Лига Наций не сумеет провести перечисленные фундаментальные реформы, вся ее правовая и образовательная деятельность пойдет насмарку. Катастрофическую судьбу Австро-Венгерской монархии разделят другие нации.

А. Г. Айрапетов

Комментарии.
Оскар Яси и его книга

Оскар Яси. Распад Габсбургской монархии

Комментарии

1. До и после окончания Первой мировой войны осуществлялась публикация официальных документов (так называемые «Цветные книги»), мемуаров и переписки государственных деятелей, политиков и дипломатов. Все эти материалы объединяла мысль, что война была вызвана системой тайных союзов и соглашений, которые создавались и реализовывались отдельными людьми. Из этого вытекал вывод об ответственности тех или иных государственных деятелей за развязывание мировой катастрофы. Эта точка зрения изложена в развернутом виде американским историком Сиднеем Феем в его монографии «Происхождение мировой войны» Т.I. М.–Л., 1934 (Введение).

2. *Andrian-Werburg V. von.* Österreich und dessen Zukunft. Hamburg, 1843; *Springer A.* Geschichte des Revolutionszeitalters. Prag.1849; *idem.* Österreich nach der Revolution. Prag, 1850; *idem.* Geschichte Österreichs seit dem Wiener Frieden (1809–1849). Bd. 1–2. Leipzig, 1863, 1865; *idem.* Aus meinem Leben. Berlin, 1892; Schäffle A. Aus meinem Leben. Bd. 1–2. Berlin. 1924; *Fischhof A.* Ein Blick auf Österreichs Lage. Wien, 1866; *idem.* Österreich und die Bürgschaften seines Bestandes. Wien, 1869; *idem.* Der Österreichische Sprachenstreit. Wien, 1888; *Eötvös J.* Die Reform in Ungarn. Leipzig, 1846; *idem.* Der Einfluss der herrschenden Ideen des XIX. Jahrhunderts auf den Staat. Bd. 1–2. Leipzig, 1854; *idem.* Die Garantien der Macht und Einheit Österreichs. Leipzig, 1859; *idem.* Die Sonderstellung Ungarns vom Standpunkt der Einheit Deutschlands. Pest, 1861; *idem.* Die Nationalitätenfrage. Pest, 1865; Über die Gleichberechtigung der Nationalitäten in Österreich. Pest, 1871; *Kossuth L.* Ungarns Wünsche. Leipzig, 1848; *idem.* L'Europe, l'Autriche et la Hongrie. Bruxelles, 1859; *idem.* Meine Schriften aus der Emigration. Bd. 1–3. Pressburg, 1880–1882; *Mocsáry L.* A közösügyi rendszer zárszámadása Budapest, 1902; *Redlich J.* Verfassung und Verwaltungsorganisation der Städte. Bd. 6. Österreich. Leipzig, 1907; *idem.* Zustand und Reform der östereichischen Verwaltung. Wien, 1911; *idem.* Das österreichische Staats-und Rechtsproblem. Bd. 1–2. Leipzig, 1920, 1926; *idem.* Österreichs Regierung und Verwaltung im Weltkriege. Wien, 1925; *idem.* Kaiser Franz Joseph von Österreich. Berlin, 1928; Bibl V. Der Zerfall Österreichs. Bd. 1–2. Wien, 1922; *Kleinwaechter F.* Der Untergang der österreichisch-ungarischen Monarchie. Leipzig, 1920; *Bahr G.* Wien. Wien–Stuttgart, 1907; *Renner K.* Der deutsche Arbeiter und der Nationalismus. Wien, 1910; *idem.* Die Ära Hohenblum: Der Ruin unserer Staats- und Volkswirtschaft. Wien, 1913; *idem.* Österreichs Erneuerung. Wien, 1916; *Sinopticus* (*Renner K.*). Staat und Nation. Wien, 1899; *Springer* (*Renner K.*). Staat und Parlament. Wien, 1901; *idem.* Der Kampf der österreichischen Nationen um den Staat. Wien, 1902; *idem.* Die Krise des Dualismus und das Ende deákistischen Episode. Wien, 1904; *idem.* Grundlagen und Entwicklungsziele der österre-

ichisch-ungarischen Monarchie. Wien, 1906; *Bauer O.* Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Wien, 1907; *idem.* Die österreichische Revolution. Wien, 1923; *Szilassy J.* Der Untergang der Donaumonarchie. Bern, 1921; *Steed H.W.* The Habsburg Monarchy. L., 1913; *Seton-Watson R.W.* The Future of Austria-Hungary and the Attitude of the Great Powers. L., 1907; *idem.* Political Persecution in Hungary. L., 1908; *idem.* Racial Problems in Hungary. L., 1908; *idem.* Corruption and Reform in Hungary. A study of electoral practice. L., 1911; *idem.* The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. L., 1911; *idem.* German, Slav and Magyar. L., 1916; *idem.* The Rise of Nationality in the Balkans. L., 1917; *idem.* Europe in the Melting Pot. L., 1919; *idem.* Sarajevo. A Study in the Origins of the Great War. L., 1925; *Eisenmann L.* Le Compromiss Austro-Hongrois de 1867. P., 1904; *Hayes C.J.H.* A political and social History of Modern Europe. Vol. 1–2. NY, 1924; *Oppenheimer F.* Grossgrundeigentum und soziale Frage. Jena, 1922; *idem.* Der Staat. Jena, 1926.

3. С точки зрения вечности (*лат.*)

4. В разные исторические эпохи власть имущие строили вокруг себя мифы (легенды), скрывавшие или, наоборот, подчеркивавшие их человеческие слабости. Миф о наднациональной державной миссии династии Габсбургов возник еще в XV в. при Максимилиане I, бытийствовал при Марии Терезии, существовал в XIX – начале XX в. Франц Иосиф, правивший 68 лет, несмотря на серьезные провалы в национальной политике, приведшие в конечном итоге к распаду империи, воспринимался как консолидирующий символ Монархии. Этому способствовали, как это не покажется парадоксальным, консерватизм кайзера, его долголетие, личные трагедии.

5. Мицкевич Адам (1798–1855) – великий польский поэт, историк литературы, публицист.

6. Мадзини Джузеппе (1805–1872) – деятель итальянского национально-освободительного движения. В 1831 г. основал тайную республиканскую организацию «Молодая Италия». Своей главной целью она провозгласила освобождение итальянских территорий от австрийской оккупации и объединение Италии – «от Альп до Сицилии». В 1849 г. возглавил правительство Римской республики.

7. Силсфилд Чарльз (Постль Карл Антон) (1793–1864) – американский писатель, иммигрировавший в США из Австрии.

8. Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – русский историк, писатель, публицист.

9. Монталамбер Шарль (1810–1870) – французский политик, писатель, член Французской академии, граф. В годы Июльской монархии член Палаты пэров.

10. Маркс Карл (1818–1883), Энгельс Фридрих (1820–1895) – немецкие мыслители, революционеры, основоположники материалистического понимания истории.

11. Леже Луи (1843–1923) – основоположник научного славяноведения во Франции.

12. Сечени Иштван (1791–1860) – граф, выдающийся деятель движения за реформы в Венгрии 30–40-х гг. XIX в.

13. Кошут Лайош (1802–1894) – лидер венгерской революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг. В сентябре 1848 г. возглавил Комитет защиты родины. 2 мая 1849 г. стал во главе правительства независимой Венгрии. До конца своей жизни оставался непримиримым противником Габсбургской монархии. Умер в эмиграции в Турине.

14. Меттерних Клеменс Венцель Лотар (1773–1859) – австрийский государственный деятель консервативного направления, князь. В 1809–1821 гг. – министр иностранных дел, в 1821–1848 гг. – государственный канцлер Австрийской империи. На Венс-

ком конгрессе 1814–1815 гг. искусный дипломат Меттерних добился для Австрии значительных территориальных приращений. Стремясь расколоть венгерское движение за реформы, Меттерних сам выступил в роли инициатора реформ. Он предлагал учредить в Венгрии ипотечный кредит , отменить таможенные границы между Австрией и Венгрией, развивать пути сообщения. Одновременно решительно подавлял освободительные движения народов империи. Революция 1848 г. свергла правительство Меттерниха, а сам он бежал в Англию, возвратившись в Австрию в 1851 г., с началом консервативной стабилизации.

15. Рудольф (1858–1889) – сын Франца Иосифа I, эрцгерцог, наследник престола (кронпринц). По своим политическим взглядам был либералом, сторонником федерализма, расположенным к славянам и венграм. Его дружба с либералами-евреями вызывала неприятие в антисемитски настроенных кругах венского двора. Его попытки активно заниматься политикой терпели фиаско. 30 января 1889 г. в замке Майерлинг (под Веной) душевно неуравновешенный Рудольф сначала убил свою возлюбленную, юную баронессу Марию фон Вечера, а потом совершил самоубийство.

16. Грильпарцер Франц (1791–1872) – великий австрийский поэт, драматург. Был чиновником и дослужился до должности директора придворного архива. Один из основателей Австрийской академии наук, член палаты господ австрийского рейхсрата. Ряд его пьес посвящен истории Габсбургов и австрийских земель.

17. Андриан-Вербург Виктор фон (1813–1860) – австрийский политический мыслитель, барон. В первой половине XIX в. он и другие представители австро-немецкой общественной и политической элиты осознавали опасность растворения в Германии для самостоятельного существования Австрии и настойчиво указывали на насущную необходимость формирования в империи общеавстрийской «государственной» нации. В основе этой концепции лежало историческое восприятие сущности «многонационального австрийства», понимание нации с государственно-политической точки зрения и одновременно признание «национальностей» в культурно-этническом и языковом смыслах.

18. Кюрнбергер Фердинанд (1821–1879) – австрийский новеллист, критик, публицист. Участвовал в революционных событиях 1848–1849 гг. в Вене и Дрездене. В остросатирических фельетонах выступал против абсолютизма и католической церкви.

19. Лоренц Оттокар (1823–1904) – историк, профессор Венского университета. Помимо фундаментальных трудов по немецкой истории интерес представляет сборник его статей «Drei Bücher Geschichte und Politik» («Три книги об истории и политике»), изданный в 1879 г.

20. Тааффе Эдуард фон (1833–1895) – государственный деятель Австро-Венгрии, австрийский премьер-министр в 1868–1870 и 1879–1893 гг., граф. В правительственной политике отсутствовала долгосрочная перспектива и доминировал прагматический сиюминутный подход. Тааффе – один из инициаторов Тройственного союза и австро-венгерской экспансии на Балканах. Во внутренней политике в 1883 г. провел реформу, расширившую избирательные права населения. Благожелательное отношение премьера к славянам вызвало решительный протест немецких организаций в Австрии.

21. Масарик Тамаш (Томаш) Гарриг (1850–1937) – в 80–90-е гг. XIX в. сторонник политического движения чешского реализма, профессор философии Пражского (Карлова) университета; в начале XX в. основал Чешскую народную партию; в 1918 – 1935 гг. президент Чехословацкой республики.

22. Кёрбер Эрнст фон (1850–1921) – австрийский премьер-министр в 1900–1904 гг. Полагал, что с помощью эффективной экономической политики и обеспечения лю дей работой сумеет отвлечь их от межнациональных споров. Расчеты Кёрбера не оправдались.

23. Франц Фердинанд (1863–1914) – австрийский эрцгерцог, наследник престола, племянник императора Франца Иосифа I. Один из инициаторов аннексии Боснии и Герцеговины (1908). Вынашивал планы объединения южных славян под главен ством хорватов. В Сербии Франц Фердинанд

24. Конрад Гётцендорф (Хётцендорф) Франц фон (1852–1925) – австро-венгерский генерал-фельдмаршал, граф. Был близок к Францу Фердинанду и по его рекоменда ции в ноябре 1906 г. назначен начальником Генерального штаба. Активный деятель «военной партии», Гетцендорф выступал за превентивную войну против Сербии и захват Сербии, Черногории и Албании. Предлагал использовать Сараевское убий ство в качестве повода для развязывания войны.

25. Ауффенберг-Комаров Мориц фон (1852–1928) – барон, генерал. В 1911–1912 гг. военный министр Австро-Венгрии, в 1912–1914 гг. инспектор армии. Добился увели чения военного бюджета. В Первой мировой войне командовал армиями. В 1915 г. был обвинен в неподготовленности Австро-Венгрии к войне и уволен из армии.

26. Бюлов Бернгард (1849–1929) – князь, государственный деятель. В 1900–1909 гг. канцлер Германской империи. Проводил политику колониальной экспансии (строи тельство Багдадской железной дороги, захваты в Китае и на Тихом океане).

27. Фенеш Ласло (1871–1944) – венгерский журналист, близкий к радикалам (О. Яси и др.) и М. Каройи.

28. Крамарж Карел (1860–1937) – идеолог младочехов, сторонник панславизма под эгидой России, лидер Национально-демократической и Государственно-правовой партий; первый премьер-министр (1918 г.) Чехословацкой республики

29. Бенеш Эдуард (1884 – 1948) – чешский политический деятель. До 1914 г. доцент философского факультета Пражского Карлова университета. С началом Первой ми ровой войны принял активное участие в организации внутреннего антиавстрийско го движения (т. н. «чешская мафия»). Под угрозой ареста 1 сентября 1915 г. выехал в эмиграцию, где стал одним из ближайших сотрудников руководителя заграничного движения за образование Чехословакии Т. Г. Масарика. Организовал курс популяри заторских лекций о чехах и словаках в Сорбонне, публиковал статьи во французских газетах и брошюры с обоснованием требования независимости Чехословакии от Австро-Венгрии. В 1916 г. вместе с Масариком и М. Р. Штефаником создал Чехосло вацкий национальный совет – прообраз правительства будущего государства, при знанный Францией, Англией и Италией. Провёл успешные переговоры с представи телями государств Антанты, завершившиеся согласием последних на формирование во Франции, Италии и России Чехословацких легионов, принявших в 1917–1918 гг. активное участие в боевых действиях на стороне Антанты. В 1918 – 1935 гг. министр иностранных дел Чехословацкой республики.

30. Гога Октавиан (1881–1938) – деятель румынского национального движения в Трансильвании, поэт, драматург, журналист.

31. Пилсудский Юзеф (1867–1935) – в начале XX в. возглавлял течение в Польской со циалистической партии (ППС), которое делало ставку на национальное восстание против царского самодержавия; в 1918 – 1922 гг. временный начальник Польского государства; в 1926 – 1935 гг. – диктатор Польши. 6 августа 1914 г. стрелецкие отря-

ды Пилсудского вступили из Галиции на территорию Царства Польского, рассчитывая, что их появление приведет к всеобщему восстанию поляков. Но восстания не произошло. Отряды Пилсудского, реорганизованные в легионы, не сыграли сколько-нибудь серьезной военной роли.

32. Бауэр Отто (1882–1938) – деятель австрийской социал-демократии, идеолог австромарксизма. В 1907–1914 гг. секретарь Социал-демократической партии Австрии. Один из авторов концепции культурно-национальной автономии. В 1914–1917 гг. находился в русском плену. В работах «Национальный вопрос и социал-демократия» (1907), «Австрийская революция» (1923) Бауэр утверждал, что в основе национальной борьбы в Австро-Венгрии лежат классовые конфликты. Он считал, что подавление чехов сделало неизбежным крах Габсбургской империи.

33. Штюргк Карл (1859–1916) – граф, австрийский государственный деятель, премьер-министр в 1911–1916 гг. Активно содействовал подготовке страны к Первой мировой войне. В 1914–1916 гг. управлял Австрией на основании статьи 14 Конституции о чрезвычайном положении. 21 октября 1916 г. в результате покушения был убит социал-демократом Фридрихом Адлером (1879–1960), сыном лидера австрийской социал-демократии Виктора Адлера. Революция 1918 г. освободила Ф. Адлера из тюрьмы.

34. Краус Карл (1879–1936) – австрийский писатель, поэт-сатирик, последовательный антимилитарист. Основал общественно-политический и литературный журнал «Факел». Барбюс Анри (1873–1935) – французский писатель, журналист, общественный деятель, антимилитарист.

35. Гуссарек Макс фон Хайнлайн (1865–1935) – австрийский премьер-министр (1917–1918).

36. Карл I (в Венгрии король Карл IV) Габсбург (1887–1922) – последний император Австро-Венгрии (1916–1918). 16 октября 1918 г. подписал манифест, в котором объявлял о намерении преобразовать Габсбургскую монархию в федеративное государство, но время было упущено.

37. Карл V Габсбург, правивший в 1519–1556 гг. могущественной державой, любил именовать себя «император христианского мира и римский присно Август». Чтобы подчеркнуть политическую незначительность Карла I (Карла IV в Венгрии) его уничижительно звали «маленький Август Габсбург».

38. 28 октября 1918 г. Пражский Национальный комитет (фактически временное правительство Чехии) объявил о создании независимого государства. Словацкий национальный совет поддержал движение «независимости чешско-словацкого народа». 29 октября 1918 г. народное вече южных славян в Загребе провозгласило создание Государства словенцев, хорватов и сербов с полным отделением от Габсбургской империи.

39. Чернин Оттокар (1872–1932) – государственный деятель, граф. В 1916–1918 гг. министр иностранных дел Австро-Венгрии.

40. Вамбери Армин (1832–1913) – венгерский исследователь, путешественник, профессор Будапештского университета, член-корреспондент Венгерской академии наук. В 15 лет он загорелся желанием заняться изучением происхождения венгров. Ему запомнились слова одного венгерского крестьянина: «Каждый раз, когда нашему народу приходится плохо, появляются старые мадьяры из Азии и выручают его из беды». Вамбери, основываясь на языковом сходстве и обнаруженных им старинных манускриптах, склонялся к мысли, что венгры ведут свое начало от воинственных гуннов и восточных турок.

41. Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892) – французский семитолог, историк христианства, социальный мыслитель.

42. Франц I Габсбург (1768–1835) – австрийский император, последний император (Франц II) Священной Римской империи (1796–1806).

43. При составлении завещания завещатель может оставить имущество сыну при условии, что после определенных событий (как правило, смерть сына) имущество будет передано на внука. Это последовательное право на такое же свойство называется fidei comissum (*лат.*).

44. Рудольф Габсбург – герцог, император Священной Римской империи (Немецкого королевства) в 1273–1291 гг., основатель династии Габсбургов.

45. Пржемысл II Отакар (Оттокар) – король Чехии (1253–1278). Император Священной Римской империи Рудольф Габсбург в ходе войны с Отакаром разбил 26 августа 1278 г. его войско. Пржемысл II Отакар был убит.

46. Максимилиан I – император Священной Римской империи (1493–1519).

47. Карл V – император Священной Римской империи (1519–1556).

48. Священная Римская империя германской нации – государственное образование (962–1806), объединявшее территории Центральной Европы. В период наивысшего расцвета в состав империи входили Германия, являвшаяся её ядром, северная и средняя Италия, Швейцария, Бургундское королевство, Нидерланды, Бельгия, Чехия, Силезия, Эльзас и Лотарингия. Формально состояло из трёх королевств: Германии, Италии и Бургундии.

49. Правление императоров Священной Римской империи: Фердинанда I (1503–1564), Карла VI (1711–1740) , Марии Терезии (1740–1780), Иосифа II (1780 – 1790), Леопольда I (1657–1705).

50. Решающее сражение в австро-прусской войне 1866 г.: 3 июля 1866 г. в Чехии, при деревне Садовой (Кёнигтреце), прусские войска нанесли австрийцам жестокое поражение.

51. Версальский прелиминарный мирный договор был заключен 26 февраля 1871 г. после победоносного для Пруссии окончания франко-прусской войны 1870–1871 гг.

52. В 1701 г. Габсбургская монархия втянулась в войну за «испанское наследство» (1701–1713). По условиям Раштаттского мира (1714) Австрии отходили испанская Бельгия (Южные Нидерланды), все испанские владения в Италии (Милан, Неаполь, Сардиния).

53. Тридцатилетняя война (1618–1648) закончилась Вестфальским мирным договором. Позиции Габсбургов в Германии ослабли, но монархия, несмотря на военные неудачи, не распалась.

54. Хернигк Филипп Вильгельм фон (1638–1713) – австрийский теоретик меркантилизма.

55. Лависс Эрнест (1842–1922) – крупный французский историк, член Французской академии.

56. Иштван I Святой – король Венгрии (1000–1038). После канонизации в 1083 г. он стал именоваться «Святым». Начал христианизацию страны. Помимо Наставлений известны малое и большое Жития короля Иштвана I.

57. 20 июля 1526 г. король Лайош II во главе армии в 24–25 тыс. человек выступил из Буды навстречу войскам турецкого султана Сулеймана I Кануни, которые уже захва-

тили часть территории Венгерского королевства. 29 августа 1526 г. в битве при Мохаче венгерское войско было разгромлено, король был убит. 11 сентября турки взяли Буду. После Мохача начался стремительный распад Венгерского королевства.

58. Лайош II – король Венгрии (1516–1526).

59. Героической страницей в истории борьбы против османской экспансии стала оборона крепости Сигет в Венгрии. Эта эпопея началась 12 июня 1556 г. Малочисленный гарнизон (2500 человек) под командованием хорватского бана Николы Зринского в течение месяца удерживал крепость и, не получив помощи от императора Максимилиана, предпринял вылазку и погиб.

4 сентября 1552 г. войска Али и Ахмед-паши овладели крепостью Сольнок и двинулись на Эгер. Его обороной руководил дворянин Иштван Добо. 2 тыс. венгерских воинов при поддержке местных жителей с 15 сентября по 18 октября 1552 г. защищали город против 150-тысячной армии турок, отбив три ее штурма. Туркам пришлось отойти.

В 1852 г. комендант крепости Темешвар, крупный землевладелец, аристократ Иштван Лошонци, в течение месяца выдерживавший осаду турок, вынужден был по требованию немецких и испанских наемников сдать крепость. Раненый Лошонци попал в плен и по приказу Ахмед-паши был обезглавлен.

60. Падение Константинополя под ударами османов произошло в 1453 г., захват Афин – в 1458 г., Нандорфехервара и Буды – в 1541 г. В 1393–1444 гг. происходило османское завоевание Болгарии. Поражение Сербии в битве на Косовом поле 15 июня 1389 г. привело к установлению вассальной зависимости от султана. Завоевание турками хорватских земель завершилось в 1592 г. захватом г. Бихач. В последней трети XV в. Босния и Герцеговина были оккупированы Османской империей.

61. Жигмонд Люксембургский – венгерский король (1387–1437).

62. Освобождение Буды от турецкой оккупации произошло в сентябре 1686 г.

63. Столетняя война между Францией и Англией (1337–1453).

64. Евгений Савойский (1663–1736) – принц, выдающийся полководец. С 1683 г. на службе австрийских императоров. Командовал войсками на заключительной стадии войны с турками (до 1699 г.), в войне за «испанское наследство» и других войнах. Был одним из главных советников трех императоров.

65. Баста Джорджо (1550–1607) – габсбургский военачальник, командир наемников (главный комендант-капитан) Кашши. С 1604 г. главнокомандующий императорскими войсками в Венгрии.

66. Династии венгерских королей Арпадов (890–1301), Анжу (1308–1387). Матьяш Хуняди (Корвин) – король Венгрии (1458–1490). За стремление покончить с коррупцией и произволом местных магнатов Матьяш получил в народе прозвище «Справедливый».

67. Бах Александр фон (1813–1893) – австрийский государственный деятель. После подавления революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи в 1852–1859 гг. сложилась система абсолютистского централизма, функционировавшая при помощи чиновничьего аппарата и военно-аристократической клики во главе с Францем Иосифом и его министром А. Бахом («баховская эра»).

68. Франц Иосиф I Габсбург – император Австрии и Австро-Венгрии (1848–1916).

69. Тиса Иштван (1861–1918) – граф, венгерский государственный и политический деятель. В 1903–1905, 1913–1917 гг. премьер-министр Венгрии, в 1912–1913 гг. пред-

седатель нижней палаты венгерского парламента. Противник введения всеобщего избирательного права. Убит в результате покушения.

70. Дашинский Игнаций (1866–1936) – деятель Польской социалистической партии (ППС), сторонник создания польского государства под эгидой Австро-Венгрии.

71. Время между смертью в 1519 г. императора Максимилиана I и прибытием нового правителя – Фердинанда было использовано сословиями для укрепления своих позиций, своего влияния на власть. Фердинанду I удалось, однако, казнив зачинщиков («кровавый суд» 1522 г. в Винер-Нойштадте), положить конец этим поползновениям.

72. Своеобразной чертой развития Чешского государства XV – начала XVI в. было двоеверие. Кутногорским соглашением 1485 г. предусматривалось соблюдение равноправия католичества и утраквизма (умеренного гуситского течения в Реформации). Однако Община Чешских и моравских братьев постоянно подвергалась преследованиям.

73. Гус Ян (1371–1415) – магистр Пражского университета, идеолог чешской Реформации начала XV в., сторонник воззрений английского реформатора Джона Уиклифа (Виклифа).

74. Бочкаи Иштван (1557–1606) – трансильванский земельный магнат. Возглавил первое антигабсбургское движение 1604–1606 гг. Бочкаи и его сторонники требовали ликвидации злоупотреблений и восстановления самостоятельности Венгрии под верховной властью Габсбургов. Движение хайдуков во главе с Бочкаи вынудило двор пойти на переговоры, в результате которых был подписан Венский мир.

75. Венский мирный договор был подписан 23 июня 1606 г. Он восстанавливал независимость от Габсбургов Трансильванского княжества и увеличивал владения И. Бочкаи. Устанавливалась свобода вероисповеданий, но «без ущерба для католической религии».

76. Лютеранам-саксам в Трансильвании удалось добиться запрещения секты сакраментариев, однако последние продолжали сохранять свое влияние в обществе. В июне 1564 г. государственное собрание в Торде вынесло компромиссное решение о равноправии лютеранства и учения сакраментариев.

77. Фердинанд II Габсбург – император Священной Римской империи (1619–1637).

78. Турн Матей – лидер радикальной группы участников съезда чешских протестантских сословий (21 мая 1618). Призывал к активным действиям против императорских наместников. Совместно с трансильванским князем Габором Бетленом Турн организовал в ноябре 1619 г. осаду Вены, однако взять город не удалось.

79. Бетлен Габор (1580–1629) – лидер антигабсбургской группировки трансильванских дворян (в основном протестантов). Будучи князем Трансильвании (1613–1629), участвовал в Тридцатилетней войне в составе антигабсбургской коалиции. Стремился объединить Венгерское королевство с Трансильванским княжеством и в последующем заключить государственный союз с Австрией и Чехией.

80. В битве при Белой горе 8 ноября 1620 г. армия чешских сословий потерпела поражение от католической Лиги и австрийского императора Фердинанда II.

81. Икона Мариазельской мадонны: сведения не найдены.

82. Валленштайн (Валленштейн) Альбрехт Венцель Евсебий фон (1583–1634) – великий полководец. Поступив на императорскую военную службу, прославился в качестве главнокомандующего австрийских вооруженных сил в Тридцатилетней войне.

83. В XVII в. мародерство нищих солдат и жадных офицеров было обычным явлением. Положение Венгрии в данном отношении было особенно тяжелым, поскольку

здесь все меры, обычно применяемые властями для защиты населения и его имущества, оказались совершенно неэффективными. В 1687 г. командующий императорскими войсками генерал Антонио Караффа организовал в г. Эперьеше военно-полевой суд и по вымышленному обвинению в измене приговорил 24 дворян и горожан (все они были состоятельными протестантами) к смерти и конфискации имущества. В Венгрии распространилось мнение, что немцы за несколько лет войны содрали с них больше, чем турки за полтора века.

84. 19 сентября 1662 г. император Леопольд I утвердил декрет, ограничивавший свободу Государственного собрания Венгрии. Император обещал вывести из страны иностранных наемников, но не выполнил обещания. В этих условиях группа венгерских и хорватских аристократов составили тайный заговор. Руководил заговорщиками Ф. Вешшеленьи, а после его смерти – М. Зриньи и Ф. Надашди. В конце сентября 1668 г. заговор был раскрыт, но венский двор занял выжидательную позицию. Заговорщики перешли к вооруженной борьбе, окончившейся неудачей. Вожди движения были схвачены и преданы суду. Надашди и четверо других заговорщиков по приговору суда были казнены.

85. Карловицкий мир (1699) между Австрией и Турцией способствовал оттеснению Османской империи далеко на восток и установлению контроля Вены над Венгрией.

86. Глава венгерской палаты епископов Леопольд Колонич получил в 1688 г. поручение короля о подготовке плана финансового и административного устройства Венгрии. 22 августа 1689 г. Колонич издал распоряжение, которое предоставляло льготные условия людям, переселяющимся из других стран.. Созданная в это же время «Комиссия по новым приобретениям» на определенных условиях возвращала имения с территорий, освобожденных от турецкого господства, прежним владельцам.

87. Ракоци II Ференц (1676–1735) – вождь освободительного движения венгерской нации (1703–1711) против Габсбургов, крупнейший венгерский магнат, князь.

88. Куруцы (венг. kuruc – стойкий, упорный, смелый) – название участников освободительных войн венгров против Габсбургов. Противоположный термин «лáбанцы» (венг. labáncok, от нем. Lanzer – наемный воин, вооруженный копьем) относился к австрийцам и их лоялистским сторонникам.

89. В марте 1703 г. поднялось крестьянское восстание на севере Венгрии. Ф. Ракоци вручил крестьянам знамя, на котором был начертан девиз: «За отечество и свободу, с Богом!» Вскоре Ракоци издал воззвание с призывом к вооруженной борьбе против Габсбургов.

90. Утрехтский мирный договор (1713) подписан между Францией и коалицией во главе с Англией в ходе войны за «испанское наследство» (см. комментарий 52). Император Карл VI , недовольный условиями договора, отказался от выделенных ему территорий и отозвал своих представителей из Утрехта. Договор между Австрией и Францией был заключен в 1714 г

91. Пожаревацкий мир (1718) завершил войну Австрии и Венеции с Османской империей. К Австрии переходили т.н. Малая Валахия, Банат, значительная часть Сербии с Белградом и Северная Босния.

92. Юстиниан – византийский император (527–565). При нем был издан «Свод гражданского права» («Кодекс Юстиниана»).

93. В 1713 г. австрийский император Карл VI (венгерский король Карл III), не имевший сыновей, издал Прагматическую санкцию. Управляемые Габсбургами земли

были провозглашены «неделимыми и нераздельными». На случай, если Карл не оставит сыновей, был модифицирован принцип наследования по женской линии.

94. Государственное собрание Венгрии 1722–1723 гг. включило в свод венгерских законов Прагматическую санкцию 1713 г.

95. В ноябре 1746 г. указом Марии Терезии в Вене был открыт дворянский коллегиум (Терезианум), учебное заведение, положившее начало масштабной реформе дворянского образования в империи.

96. Пазмань Петер (1579–1637) – виднейший идеолог Контрреформации в Венгрии, архиепископ. В 1635 г. основал университет в Надьсомбате. Бóльшая часть произведений Пазманя написана по-венгерски.

97. Закон о реформе школьного образования был утвержден Марией Терезией в 1777 г. Ratio educationis («Обучая – просвещать») – принцип, положенный в основу новой системы воспитания и образования.

98. Корона Венцеля была изготовлена в 1347 г. для коронации Карла IV, императора Священной Римской империи, короля Чехии, которую он сразу же посвятил главному святому патрону страны – Святому Вацлаву и завещал её для коронации будущих чешских королей. «Штирийская шапка» – корона средневековых герцогов Штирии и Нижней Австрии. Первое изображение этой короны относится к 1031 г.: на фреске в соборе Аквилеи в ней изображён Адальберо Эппенштейн, маркграф Штирии и герцог Каринтии. Позднее штирийская корона упомянута в качестве герцогских символов Рудольфа IV, а затем она перешла во владение герцогов Внутренней Австрии и хранилась в Граце, столице Штирии, где она находится до настоящего времени. Венгерский король Иштван I избрал Секешфехервар местом своей резиденции. Дворец короля Иштвана, видимо, стоял на рыночной площади, а неподалеку от него в помещениях, пристроенных к древнему, давно уже не существующему собору, располагались национальные архивы и королевская сокровищница. Позднее здесь же хранилась коронационная мантия и корона Святого Иштвана, возложенная на голову первого короля Венгрии папой Сильвестром. Коронации и королевские бракосочетания, а также похороны королей – все это проходило в Секешфехерваре. В XIV в. было установлено: для того чтобы король мог считаться законным правителем страны, должны быть соблюдены три условия. Первое: на его голову должна быть возложена корона Святого Иштвана. Второе: корону должен возлагать епископ Эстергомский. И тре́тье: коронация непременно должна проходить в Секешфехерваре. При несоблюдении любого из этих условий законность королевской власти могла быть оспорена.

99. В Трансильванском княжестве наибольшим по размаху и ожесточенности было восстание валашского крестьянства осенью 1784 г. под предводительством Хории (Василе Урсу Никола), Клошки (Ион Оарга) и Георге Кришана. Оно развернулось в районе Западных Румынских гор и охватило жителей 300-400 деревень (20–30 тыс. человек). 1 апреля 1784 г. Хорию и Клошку принял император Иосиф II. Крестьяне требовали отмены крепостной зависимости, равного налогообложения, раздела дворянских земель. Восстание было подавлено, его вожди Хория и Клошка колесованы, Кришан покончил с собой в тюрьме.

100. Бентам Джордж: сведения не найдены.

101. Казинци Ференц (1759–1831) – виднейший деятель венгерского Просвещения. С его именем связана борьба за обновление языка, которое может рассматриваться как подготовительная фаза освободительного движения венгерской нации.

102. Неудачная для Австрийской империи война с Турцией (1788–1791) была крайне непопулярна в стране.

103. Мария Антуанетта (1755–1793) – королева Франции, супруга Людовика XVI, казненная по приговору революционного суда.

104. На Венском конгрессе (1814–1815), душой которого был Меттерних, «дирижер европейского концерта», были подведены итоги войны против Наполеона Бонапарта. В созданном конгрессом Священном союзе для сохранения консервативного порядка объединились король Пруссии, император России, император Австрии. К Союзу присоединились все прочие европейские государства. Это была попытка любыми средствами, включая вооруженную интервенцию, поставить заслон распространению идей Французской революции. Внутри государств Священного союза подавлялось – в духе Меттерниха – любое проявление радикальных, а также либеральных и национальных идей.

105. Протей – мифический морской бог, подчиненный Посейдону. Мог принимать любой образ и предсказывать будущее. В современном языке его имя – символ многоликости и неуловимости.

106. В 1815–1820 гг. сеть тайных обществ охватила всю Италию. В Папском государстве и особенно в Неаполитанском королевстве широко распространилось движение карбонариев (возможно, от названия ритуала выжигания древесного угля: по-итальянски уголь – карбоне, carbone). Этот ритуал сопровождал прием новых членов в тайное общество, символизируя их духовное очищение. Главной целью тайных обществ было ограничение абсолютизма и установление конституционного правления. Тайная организация «Молодая Италия» возникла в 1831 г. в рамках демократического течения итальянского освободительного движения. Лидером течения был Д. Мадзини (см. комментарий 6). Пропагандистская и вооруженная борьба «младоитальянцев» под республиканским лозунгом и за создание единого итальянского государства не имела практического успеха.

107. Капуя – название города в южной Италии, жители которого в древности были известны своей изнеженностью. Л. Н. Толстой употреблял выражение «Капуя» для обозначения постепенно и незаметно расслабляющих дух внешних условий роскоши и изнеженности.

108. Сталь Анна Луиза Жермен де (1766–1817) – французская писательница, поборница эмансипации женщин.

109. Гиббон Эдуард (1737–1794) – английский историк эпохи Просвещения; Робертсон Уильям (1721–1793) – виднейший представитель шотландской исторической школы; Юм Дэвид (1711–1776) – английский философ и историк; Мюллер Иоганнес (1800–1858) – немецкий естествоиспытатель, один из основоположников современной физиологии, сравнительной анатомии и эмбриологии; Жан Поль (настоящее имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер, 1763–1825) – немецкий писатель, автор сатирических сочинений, эстетик, публицист. Псевдоним (офранцуженную версию собственных имён) взял из преклонения перед Жаном-Жаком Руссо.

110. Больцано Бернард (1771–1848) – философ и математик, профессор Пражского (Карлова) университета, излагал гуманистические и социалистические взгляды. В 1820 г. был лишен профессуры и уволен из университета.

111. Немецкий студент, участник тайного общества в Иене Карл Занд заколол в марте 1819 г. реакционного драматурга и доносчика А. Коцебу.

112. Карлсбадские постановления – решения, принятые на состоявшемся летом 1819 г. в Карлсбаде совещании германских министров. Сущность этих решений заключалась в учреждении над университетами более строгого надзора через особых попечителей или правительственных уполномоченных; в подчинении строгой цензуре периодических изданий и сочинений, не превышающих 20 печатных листов; в образовании для раскрытия «революционных козней и демагогических обществ» Центральной следственной комиссии и в истолковании ст. 13 Союзного акта (относившейся к политико-административному устройству в отдельных германских государствах) в духе поддержания монархического принципа.

113. Ультрамонтаны – возникшее в XV в. крайне правое течение в католицизме. Ультрамонтаны добивались неограниченного права Папы Римского на вмешательство в религиозные и светские дела любого католического государства.

114. Гентц Фридрих (1764–1832) – публицист, мастер афоризмов, ближайший помощник К. Меттерниха.

115. Оуэн Роберт (1771–1858) – английский филантроп, социалист-утопист.

116. Хофер (Гофер) Андреас (1767–1810) – возглавил вооруженную борьбу тирольских крестьян против баварских властей и французских оккупантов. С августа по октябрь 1809 г. Хофер был фактически правителем Тироля. Наполеон I в 1810 г. подавил выступление тирольцев, Хофер был расстрелян.

117. Мартинович Игнац (1755–1795) – создал весной 1794 г. в Венгрии тайное Общество свободы и равенства с целью свержения Габсбургов и установления республиканского строя и национального равенства (федерации). Был сторонником французских якобинцев. Казнен 20 мая 1795 г. по приговору суда.

118. Конфалоньери Федерико (1785–1846) – граф, один из лидеров патриотического движения в Ломбардо-Венецианской области против французского (до 1814), а затем австрийского господства. В 1824–1836 гг. находился в заточении в австрийской крепости Шпильберг; Пеллико Сильвио (1789–1854) – итальянский писатель, активный участник движения карбонариев, автор патриотической трагедии «Франческа да Рамини».

119. Стиль бидермайера – художественный стиль, направление в немецком и австрийском искусстве (архитектуре и дизайне), распространённый в 1815–1848 гг. Стиль получил свое название по псевдониму «Готлиб Бидермайер», который взял себе немецкий поэт Людвиг Эйхродт и под которым печатал в журналах эпиграммы. Слово «Bieder» переводится как «простодушный, обывательский». В целом псевдоним означает «простодушный господин Майер». В Австрии стиль сочетал в себе элементы Просвещения и романтизма. Для этого стиля характерна забота о культурном развитии в домашнем мирке, где бюргерство самореализовывалось.

120. Ratio studiorum (Учить, чтобы конструировать социальность.) – принцип иезуитской школы. «Обучающийся в коллегиях общества Иисуса обязывается не к заботе о душе, не к торжеству жертвенности или другим подобным послушаниям, которые обычно отвращают от учебы и способствуют тому, что человек в таких заведениях ищет единственно богопочитания, но к получению таких профессий, которые позволяют исполнить миссию апостолического служения и взять на себя всякую прочую работу на божьей службе для помощи душам».

121. Альберт Карл (1798–1849) – король Сардинского королевства (1831–1849). В 1848–1849 гг. патриоты Италии выступали за изгнание австрийских войск, свержение проавстрийски настроенных монархий и объединение всех итальянских государств

вокруг Пьемонта во главе с Карлом Альбертом. Австрийские войска под командованием маршала Й. Радецкого начали силой подавлять вспыхнувшую революцию. Карл Альберт показал себя талантливым полководцем, выиграв битвы при Пастенго, Гоито, Риволи, но без поддержки ломбардцев его войска были разбиты Й. Радецким при Сан-Донато и Кустоцце. Австрия сохранила власть в Ломбардо-Венецианском королевстве.

122. Франкфуртское Национальное собрание открыло свои заседания 18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне в церкви св. Павла (Паульскирхе). Оно должно было провозгласить суверенитет германского народа и выработать конституцию. В июне 1849 г. собрание, ограничившееся одними декларациями, было разогнано.

123. Штадион (Стадион) фон Вартгаузен Франц (1806–1853) – государственный деятель Австрийской империи, граф. Как наместник Галиции требовал от русинов, чтобы они отказались от национального единения с остальной Русью и начали развивать свою культуру как самостоятельную, обуславливая этим получение галицийской элитой помощи Габсбургов.

124. Рейнский союз – государственное объединение, созданное 12 июля 1806 г. на западе Германии под протекторатом Наполеона. В него вошли 16 немецких государств, а затем еще 5. Союз порвал со Священной Римской империей и ликвидировал на своей территории все ее учреждения.

125. Освободительное движение охватило к 40-м годам XIX в. все славянские земли Австрийской империи. Возникла идея созвать в Праге съезд австрийских славян для обсуждения текущих задач. Подготовительный комитет выработал программу, включавшую следующие ключевые пункты: 1) о значении славян в Австрийской монархии и их взаимоотношениях; 2) об отношении славян к другим народам империи; 3) об отношении австрийских славян к остальным славянам; 4) об отношении славян к неславянским народам Европы. Лейтмотив программы – преобразование Австрийской империи в федеративное государство. 2 июня 1848 г. съезд открылся в Праге. Сразу же возникли разногласия по проблеме сохранения Габсбургской монархии, соглашение достигнуто не было.12 июня в Праге началось восстание, и съезд закрылся.

126. Палацкий Франтишек (1798–1876) – выдающийся чешский историк, общественный деятель, один из творцов теории австрославизма (автономии славян и равноправия с немцами в рамках Габсбургской монархии – гаранта безопасности малых народов Средней Европы). В Революции 1848 г. возглавил либеральное руководство чешского национального движения, участвовал в разработке Кремзирской конституции. Протестуя против введения дуализма, Палацкий в цикле статей «Идея Австрийского государства» (1864–1865) выдвинул федералистскую программу, основанную на комбинации исторического и этнического принципов, а также экономической необходимости.

127. Радецкий Йозеф (1766 – 1858) – граф, австрийский фельдмаршал. С 1831 г. командовал австрийскими войсками в Северной Италии, где подавлял революционное национально-освободительное движение.

128. Виндишгрец Альфред (1787–1862) – князь, австрийский фельдмаршал. Подавил восстания в Праге в июне 1848 г. и в Вене в октябре 1848 г., в 1849 г. в качестве главнокомандующего габсбургских войск разгромил революционную венгерскую армию. Елачич Йосип (1801–1859) – барон. граничарский полковник, бан Хорватии. В 1848 г. выступил за политическую самостоятельность Хорватии в отношениях с Венгрией под эгидой Габсбургской династии. Осенью 1848 г. участвовал в подавлении революции в Вене и Пеште.

129. Осенью 1848 г. местом созыва общеимперского парламента был выбран тихий моравский город Кромержиж (Кремзир). Главная задача заключалась в выработке текста конституции. Между парламентом и вступившим на престол императором Францем Иосифом возникли разногласия по ключевым статьям конституции. Текст все же был подготовлен, но 7 марта 1849 г. парламент был распущен.

130. В июле 1848 г. у Кустоцци пьемонтская армия потерпела поражение от австрийских войск под командованием Й. Радецкого.

131. Гёргей Артур (1818–1916) – участник Венгерской революции 1848–1849 гг. 30 марта 1849 г. был назначен главнокомандующим венгерской армии, проявил себя способным полководцем. В последние дни революции Гёргей вступил в переговоры с И.Ф. Паскевичем о капитуляции венгерской армии и 13 августа 1849 г. сдался русским войскам, посланным Николем I на помощь Францу Иосифу. Австрийский император амнистировал Гёргея и назначил ему пожизненную пенсию.

132. После подавления Венгерской революции 1848–1849 гг. в стране было введено военное управление на основе шести военных округов. Главнокомандующим и генерал-губернатором был назначен Александр фон Хайнау (Гайнау).

133. Шварценберг Феликс (1800–1852) – князь, австрийский государственный деятель. В ноябре 1848 г. был назначен главой правительства и министром иностранных дел Австрии.

134. 6 октября 1848 г. военный министр Австрии Теодор Байе фон Латур приказал войскам выступить из Вены в Венгрию. Однако приказ вызвал протест и манифестацию на площади Ам Хоф, во время которой Латур был повешен на фонаре. 6 октября 1849 г. в Араде были казнены 13 венгерских военачальников, участников революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг.

135. Баттяни Лайош (1806–1849) – граф, либеральный политический деятель Венгрии. В марте–сентябре 1848 г. был первым главой венгерского революционного правительства. После занятия Пешта австрийскими войсками, 6 октября 1849 г., был арестован и расстрелян.

136. Арад для венгров – см. комментарий 134. В Праге под Староместской ратушей в 1621 г. находился эшафот. 21 июня здесь были казнены 27 чешских панов. Крепость Шпильберг в Брно до 1858 г. была тюрьмой. Среди заключенных были французские революционеры, польские повстанцы, итальянские карбонарии.

137. Каносса – замок в Северной Италии, в котором в январе 1077 г. в ходе борьбы за инвеституру произошла встреча Римского Папы Григория VII (гостя владелицы Каноссы маркграфини Матильды Тосканской) с отлученным от церкви и низложенным германским императором Генрихом IV. По данным некоторых хроник, Генрих IV три дня в одежде кающегося грешника простоял у стен Каноссы, добиваясь приёма Папой. Выражение «идти в Каноссу» стало означать – согласиться на унизительную капитуляцию (на самом деле «хождение» Генриха IV в Каноссу было лишь политическим маневром).

138. Штур Людовит (1815–1856) – видный деятель словацкого национально-освободительного движения, поэт, философ, историк и лингвист. В 1845–1848 гг. издавал первую словацкую газету «Словенске народне новины». Будучи в 1848–1849 гг. депутатом венгерского государственного собрания, отстаивал национальные права словаков. Один из инициаторов Славянского съезда в Праге. В 50-е гг. перешел на позиции панславизма – объединения славян под эгидой России. Гурбан (Хурбан) Йозеф (1817–1888)

– словацкий общественный деятель. В 1848 г. наряду со Штуром один из авторов первой словацкой государственно-правовой программы «Требования словацкого народа», нацеленной на признание самобытности и национальных прав словацкого народа. Образованный в сентябре 1848 г. Словацкий национальный совет обратился к австрийскому императору с петицией, содержавшей требование словацкой автономии на основе этнического принципа в рамках Габсбургской империи. Янку Авраам (1824–1872) – вождь валашских повстанцев в революции 1848–1849 гг. в Трансильвании. Осенью 1848 г. возглавил восстание румын против революционной Венгрии. Янку выражал уверенность, что в Трансильвании не может быть гегемонии одной нации.

139. Вёрёшмарти Михай (1800–1855) – венгерский поэт-романтик, собиратель фольклора. В революции 1848–1849 гг. был сторонником Л. Кошута.

140. Крымская война (1853–1856) между Турцией, Великобританией, Францией, Сардинским королевством, с одной стороны, Россией – с другой. Австрия, не участвуя прямо в военных операциях, выставила у российской границы 330-тысячную армию и тем самым отвлекла до двух третей российской армии. Поражение России означало крушение «Венской системы» международных отношений.

141. Франция и Сардиния (Пьемонт) заключили союз с целью изгнания Австрии из Италии. 4 июня 1859 г. союзные войска нанесли поражение австрийской армии у Мадженты, а 24 июля наголову разбили ее у Сольферино.

142. Голуховский Агенор (1812–1876) – граф, государственный деятель Австрии, в 1859–1860 гг. глава австрийского правительства. Сторонник федерализации Габсбургской империи. В 1849–1859, 1866–1867, 1871–1876 гг. состоял наместником Галиции, усердно стремясь к полонизации края и к ослаблению русинов и немцев.

143. Шмерлинг Антон Риттер фон (1805–1893) – австрийский государственный деятель, либерал. В 1848 г. председатель Франкфуртского Национального собрания. После опубликования Октябрьского диплома (1860) назначен главой австрийского правительства. Февральский патент (1861), централизовавший управление и законодательство страны, был его делом. Несмотря на свои централизаторские стремления в деле управления, Шмерлинг не стремился к совершенному подавлению национальностей и сознательно допускал некоторую долю свободы для чешского и других языков. Однако он ничего не мог сделать для примирения венгров с централистской и унитарной конституцией.

144. Андраши Дьюла (1823–1890) – граф, в 1867–1871 гг. премьер-министр Венгрии, в 1871–1879 гг. – министр иностранных дел Австро-Венгрии.

145. Деак Ференц (1803–1876) – венгерский политический деятель. После поражения Венгерской революции 1848–1849 гг. выступал за пассивное сопротивление австрийским властям, был лидером правоцентристской партии. Соавтор дуалистического Соглашения 1867 г. и законопроекта о равноправии наций.

146. Пражский мирный договор был подписан по завершении австро-прусской войны 1866 г., 23 августа. Австрия, потерпев поражение, лишилась шансов возглавить объединительное движение немецких земель.

147. Клапка Дьёрдь (1820–1892) – генерал. В венгерской революции и освободительной войне 1848–1849 гг. участвовал в качестве военачальника. После поражения революции жил в эмиграции. В 1864 г. был приглашён О. Бисмарком в Пруссию для формирования венгерского легиона в составе прусской армии из числа эмигрантов и пленных. По замыслу Бисмарка, после начала войны между Пруссией и Австрией венгерский легион Клапки должен был поднять восстание в Венг-

рии. Трёхтысячный легион Клапки успел, однако, только перейти границу. Разгром австрийцев в битве при Садовой привёл к быстрому подписанию мира, и корпус Клапки вернулся в Пруссию. После заключения Австро-Венгерского соглашения 1867 г. Клапка получил амнистию и вернулся на родину. Был избран депутатом венгерского парламента.

148. Бисмарк Отто фон (1815–1898) – князь, министр-президент Пруссии (1862 – 1871), канцлер Германской империи (1871–1890).

149. Бойст (Бейст) Фридрих-Фердинанд (1809–1886) – граф, саксонский и австрийский государственный деятель. В октябре 1866 г. получил пост министра иностранных дел Австрии, а в июне 1867 г. стал главой австрийского правительства. После провозглашения Германской империи он вынужден был принять предложения Бисмарка, имевшие целью восстановить между Австрией и Германией дружественные отношения.

150. Белькреди Рихард (1823–1902) – граф, австрийский государственный деятель. Будучи наместником Чехии (1864–1865), выступал за расширение свобод для чешского языка. Не мог примириться с утверждением дуализма и полным поражением федерализма.

151 Елизавета (Сисси) (1837–1898) – жена Франца Иосифа, императрица. Питала особую симпатию к венграм и сыграла немалую роль в достижении компромисса между Веной и Венгрией. Погибла от рук террориста-одиночки, анархиста Л. Луккени.

152. Ошибка О. Яси: второй славянский конгресс состоялся не в Вене, а в 1867 г. в Петербурге и Москве.

153. Ригер Франтишек Ладислав (1818–1903) – чешский общественный деятель. В канун революции 1848 г. чешское национальное движение выработало собственную политическую программу, основанную на принципах австрославизма.. Ригер входил в либеральное руководство движением, в ходе революции участвовал в разработке Кремзирской конституции. В 1860-е гг. он, лидер Чешской национальной партии, выступал за национальное равноправие и демократизацию политической системы. В знак протеста против дуалистической системы Ригер вместе с Палацким и другими славянскими общественными деятелями в мае 1867 г. принял участие во Всероссийской этнографической выставке. Однако они не нашли полного понимания у российского правительства, рассматривавшего чешский вопрос как внутреннее дело монархии Габсбургов. Летом 1867 г. чехами была предпринята попытка установить контакты с Францией. В меморандуме, который Ригер вручил Наполеону III, указывалось на «стратегическое значение чешских земель» для всей Европы, выделялась роль славянских народов как противовеса угрозе пангерманизма. Но и на этот раз деятелям чешского национального движения не удалось получить ощутимой помощи за границей.

154. Куэн-Хедервари Карой (1848–1918) – граф, венгерский государственный деятель. В 1883–1903 гг. бан Хорватии. Режим Куэна-Хедервари держался на терроре и принципе «разделяй и властвуй». В 1903 и 1910–1912 гг. премьер-министр Венгрии, сторонник И. Тисы.

155. Пленер Игнац Эдлер фон (1810–1908) – австрийский государственный деятель. В 1860–1865 гг. министр финансов, в 1867–1870 гг. – министр торговли, в 1870 г. премьер-министр. В дальнейшем член Палаты господ рейхсрата.

156. Гогенварт (Хоенварт) Карл-Зигмунд (1824–1898) – граф, австрийский политический и государственный деятель. В 1871 г. премьер-министр, сторонник федерализации империи. Шеффле Альберт Эберхард Фридрих (1831–1903) – германский и

австрийский экономист и социолог, представитель органической школы. Рассматривал общество как организм, который развивается по дарвиновскому принципу борьбы за существование; анализировал роль коллективной собственности в процессе распределения и производства. Шеффле считал социализмом всякое вмешательство государства в экономическую жизнь.

157. 10 октября 1871 г. чешским сеймом были приняты «Фундаментальные статьи», определявшие статус Чехии в составе Австро-Венгрии. Признав Компромисс 1867 г., чешские парламентарии отказались от реорганизации империи на основе триализма. При этом, однако, верхнюю палату рейхсрата предлагалось заменить сенатом, а общеавстрийское правительство формировать из придворных канцлеров или же глав правительств отдельных земель. «Фундаментальные статьи» встретили жесткое противодействие венгерских политических кругов и немецких депутатов рейхсрата. В итоге Франц Иосиф не подписал соглашения с Чехией.

158. Каройи Михай (1875–1955) – граф, венгерский политический и государственный деятель. До Первой мировой войны лидер левого рыла Партии независимости. В 1918 г. избран первым президентом Венгерской республики.

159. 2 сентября 1870 г. в ходе франко-прусской войны произошло сражение у Седана. Оно закончилось разгромом и капитуляцией французской армии.

160. Луэгер Карл (1844–1910) – австрийский политический деятель. Один из основателей Христианско-социальной партии. В 1897–1910 гг. бургомистр Вены, много сделавший для ее социального развития.

161. Тройственный союз – военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии, оформившийся в 1882 г. и противостоявший Антанте (Великобритания, Франция и Россия) перед и во время Первой мировой войны.

162. В ответ на закупку сербским военным министерством артиллерийских орудий во Франции, а не в Австрии венское правительство в 1906–1911 гг. наложило запрет на импорт сербского скота на территорию империи. Сербия на полученные из Франции кредиты построила холодильники, бойни, консервные заводы, которые помогли устранить жесткую зависимость от австрийского рынка.

163. Подъём освободительного движения на Балканском полуострове в последней четверти XIX в. охватил и Албанию. В период, предшествовавший Берлинскому конгрессу 1878 г., турецкое правительство решило использовать в своих целях патриотическое движение, направленное на сохранение целостности районов, населённых албанцами. 10 июня 1878 г. при поддержке турецкого правительства в Призрене было торжественно провозглашено создание т. н. Албанской лиги. Однако лига вскоре порвала с турецким правительством и выдвинула требование автономии. Она объявила себя временным и автономным албанским правительством, но была разгромлена (1881) турецкими властями. Берлинский конгресс 1878 г. был созван в связи с недовольством Австро-Венгрии и Великобритании условиями Сан-Стефанского мирного договора 1878 г., выгодными для России и славянских государств на Балканах. Требования Австро-Венгрии, представленной на конгрессе Д. Андраши, были направлены на расширение ее сферы влияния к югу от Боснии и Герцеговины и недопущение Черногории к морю. Согласно Берлинскому трактату, Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину, что обострило австро-русское соперничество на Балканах.

164. Убийство австрийского эрцгерцога, наследника престола Франца Фердинанда в Сараево 28 июня 1914 г. послужило поводом для развязывания Первой мировой войны.

165. Гентци (Хентци) Генрих (1785–1849) – австрийский генерал. Известный своими антивенгерскими настроениями, в 1849 г. руководил обороной Буды от революционных войск. В мае 1886 г. Вена устроила показательное возложение венков на могилу Гентци, представив генерала как образец воинской доблести. Реакцией на эту церемонию стали массовые демонстрации студентов Будапешта, подавленные силами армии.

166. Криштофи Йожеф (1857–1928) – венгерский государственный деятель. В 1905–1906 гг. министр внутренних дел.

167. Реннер Карл (1870–1950) – австрийский политический и государственный деятель, идеолог Социал-демократической партии Австрии. Один из теоретиков национального вопроса. Бар Герман (1863–1934) – австрийский писатель, драматург, критик, режиссер, идеолог литературного импрессионизма.

168. Баррес Морис (1862–1923) – французский писатель и политический деятель, депутат парламента. Занимался проблемами нации, национальных и местных традиций. Этому посвящена трилогия «Роман национальной энергии».

169. Мочари Лайош (1826–1916) – венгерский политический деятель, депутат парламента. Решительно выступал против искусственной мадьяризации.

170. Тэн Ипполит (1828–1893) – видный французский историк-позитивист.

171. Фалькенхайн Юлий (1829–1899) – австрийский государственный деятель, граф. Сторонник федеративного устройства Австрии. В 1897 г. предложил новый регламент рейхсрата, имевший целью расширением прав президента сломить оппозицию, данный законопроект не прошёл.

172. Бадени Казимир (1846–1909) – граф, австрийский политический деятель. В период острого противостояния чехов и немцев взрыв недовольства немцев вызвали его указы (апрель 1897 г.) о равноправии чешского и немецкого языков в судопроизводстве и административных органах Чехии. Решительный отпор австронемецких депутатов в рейхсрате и немецкого населения в богемских землях вынудил правительство Бадени уйти в отставку. Во время массовых беспорядков в Праге было введено военное положение.

173. Штроссмайр Йосип (1815–1905) – католический епископ, доктор философии, лидер хорватской Национальной партии, идеолог югославизма (воссоздание Хорватии в союзе с южнославянскими народами Габсбургской империи – сербами и словенцами – и образование югославянской автономии в рамках империи).

174. Крек Янез (1865–1917) – словенский римско-католический священник, профессор богословия, член Католической народной партии, лидер движения христианского социализма в словенских землях, сторонник национальной программы «Объединенная Словения» (автономия в рамках империи Габсбургов).

175. Глинка Андрей (1864–1938) – в начале XX в. лидер католического течения в словацком национальном лагере. В 1912–1913 гг. это течение организационно оформилось в Словацкую народную партию («Людова»). Юрига Фердинанд (1874–1950) – лидер клерикального крыла Словацкой национальной партии.

176. Шёнерер Георг Риттер фон (1842–1921) – австрийский политический деятель, депутат рейхсрата, лидер пангерманского движения в Австрии.

177. Зичи Фердинанд (Нандор) (1829–1911) – граф, политический деятель. Под его руководством в ноябре 1894 г. была создана венгерская католическая Народная партия.

178. Адлер Виктор (1852–1918) – австрийский политический деятель. Лидер Социал-

демократической партии, основатель ее печатного органа – газеты «Арбайтер-Zайтунг». Последовательно выступал за введение всеобщего избирательного права.

179. Штефанек Антон (1877–1964) – деятель словацкого национального движения. Трактовал словацкий национальный вопрос как составную часть чешского вопроса в монархии Габсбургов и настаивал на сближении чехов и словаков «вплоть до их слияния в единое племенное целое».

180. Фейервари Геза (1833–1914) – барон, генерал, венгерский государственный деятель. В 1884–1903 гг. военный министр, в 1905–1906 гг. – премьер-министр.

181. Кобден Ричард (1804–1865) – английский политический деятель, лидер движения за свободную торговлю (фритред). Брайт Джон (1811–1889) – английский политический деятель, либерал. Активный участник движения против хлебных законов, горячий адепт идей религиозной терпимости и политики мира. Всю жизнь следовал девизу: «Be just and fear not» (Будь справедлив и не бойся).

182. Лист Фридрих (1789–1846) – германский экономист, публицист, теоретик протекционизма.

183. Ганди Махатма (1869–1948) – индийский мыслитель, политический деятель, идейный вдохновитель партии Индийский национальный конгресс.

184. Гердер Иоганн Готфрид (1744–1803) – немецкий философ эпохи Просвещения. Первым интерпретировал нацию как естественную составную часть человечества. Фихте Иоганн (1762–1831) – немецкий философ, активно содействовавший развитию национального самосознания немцев.

185. Доверенное лицо монарха, уполномоченное для выполнения важных и сложных поручений (*лат.*).

186. Коменский Ян Амос (1592–1670) – великий чешский гуманист, основоположник педагогики как науки. Песталоцци Иоганн Генрих (1746–1827) –швейцарский педагог. В отличие от Коменского, стремившегося научить «всех и всему», считал, что воспитание должно быть природосообразным.

187. Дожа Дьёрдь (ок. 1470–1514) – вождь крестьянской войны 1514 г. в Венгрии, начавшейся под флагом крестового похода против турок.

188. Фенеш Ласло см. комментарий 27.

189. Гай Людевит (1809–1872) – основоположник литературы иллиризма, внес существенный вклад в создание хорватского литературного языка. Идеология иллиризма включала следующие составные компоненты: воссоздание хорватского национального государства; возможное объединение югославянских наций в иллирский народ; развитие хорватской культуры и языка в противовес мадьяризации.

190. Бергсон Анри (1859–1941) – французский философ, представитель интуитивизма.

191. Вешелени Миклош (1796–1850) – барон, один из руководителей дворянской оппозиции в венгерском Государственном собрании 1830–1840-х гг. Выступал за независимость страны от Габсбургов и проведение умеренных реформ.

192. Обренович Милош (1780–1860) – сербский князь, в 1815–1839 и 1858–1860 гг., основатель династии Обреновичей, из крестьян. Участник Первого сербского восстания 1804–1813 гг., в 1815 г. возглавил Второе сербское восстание против турок. Во внешней политике ориентировался на Габсбургов. Кара-Георгиевич (Черный) Петрович (1768–1817) – руководитель Первого сербского восстания, из крестьян. В 1811 г. избран скупщиной повстанцев наследственным правителем Сербии. В 1813 г. после захвата Сербии Турцией Кара-Георгиевич бе-

жал в Австрию, в 1814–1817 гг. жил в России. В 1817 г. тайно возвратился в Сербию и был убит по приказу Милоша Обреновича. В 1833–1903 гг. Кара-Георгиевичи и Обреновичи сменяли друг друга на сербском престоле. Караджич Вук Стефанович (1787–1864) – видный сербский филолог и фольклорист, составитель первого толкового словаря сербского языка, первый историограф Сербских восстаний начала XIX в.

193. В 1889 г. австрийский генерал Янски самолично приказал украсить могилы австрийцев, защищавших Буду против Гёргея, что вызвало протест венгерского премьера К. Тисы. Угрон Габор – венгерский политический деятель. С 1872 г. депутат венгерского парламента, лидер течения «угронистов». Особенное значение эта партия приобрела в 1880-х гг. Угронисты примирились с австро-венгерским дуализмом, но боролись за таможенную независимость Венгрии. В интересах «единого венгерского государства» Угрон и другие депутаты требовали принятия законов для борьбы против «школ, провоцирующих ненависть к венгерской нации и государственному языку».

194. Ренувье Шарль Бернар (1815–1903) – французский философ. Противник детерминизма, он видел в личности и ее творческом свободном действии субстанциальный элемент реальности; в его персонализме природа существует лишь в отношении к человеку. Философии истории, предполагающей необходимые законы исторического развития, он противопоставил «ухронию» – исторический набросок того, как могло бы развиваться европейское общество.

195. Протич Стоян (1857–1923) – сербский политический деятель, лидер Радикальной партии в годы Первой мировой войны. В 1918 г. возглавил первое правительство Королевства сербов, хорватов и словенцев.

196. Ходжа (Годжа) Михаэль Милован (1811–1870) – соавтор первой словацкой государственно-правовой программы. В сентябре 1848 г. в Вене Ходжа, Штур и Гурбан создали Словацкий национальный совет, заявивший об автономии Словакии в границах Венгерского королевства, и сформировали словацкий добровольческий отряд для борьбы против венгерских властей.

197. Пашич Никола (1845–1926) – сербский государственный и политический деятель. В 1881 г. основал Радикальную партию, ставшую наиболее влиятельной в Сербии. Внешнеполитическая деятельность партии заключалась в объединении сербов в одно государство. В период Балканских войн и Первой мировой войны Пашич – премьер-министр Сербии.

198. Милетич Светозар (1826–1901) – сербский писатель, лидер либеральной партии сербов в Венгрии; возглавлял сербскую оппозицию в венгерском парламенте.

199. Берхтольд Леопольд фон (1863–1942) – граф, австро-венгерский дипломат. В 1906–1911 гг. – посол в Петербурге, в 1912–1915 гг. – министр двора и иностранных дел. Проводил политику «военной партии».

200. Книги знаменитой пророчицы Сивиллы Кумской, в которых были записаны судьбы Рима и мира, по преданию, у нее купил римский царь Тарквиний Древний, правивший в 616–579 гг. до н. э. В пророчествах было сказано, что история человечества движется по кругу и будет повторяться. Книги Сивиллы – метафора наступления переломного события в истории мира, страны, нации.

Оскар Яси и его книга

В руках читателя книга, впервые увидевшая свет на английском языке в США в 1929 г. в издательстве Чикагского университета. С тех пор она несколько раз переиздавалась, и данный перевод на русский язык сделан по пятому изданию [1]. В 1983 г. труд Оскара Яси был опубликован на венгерском языке в Будапеште [2].

Кто же автор книги и каковы обстоятельства ее появления? Оскар Яси – видный публицист и политик, один из лидеров леволиберального демократического движения в Венгрии первых двух десятилетий XX в. Он родился 2 марта 1875 г. в городе Надькарой (ныне Царей в Румынии), в семье еврейского врача Ференца Якубовича, сменившего в 1881 г., как и многие венгерские евреи, фамилию на Яси и принявшего кальвинистскую веру. Памяти отца Оскар Яси посвятил свою книгу. Окончив после пиаристской грамматической школы Будапештский университет, Яси получил диплом доктора политических наук и в 1896–1906 гг. служил референтом в экономическом департаменте министерства земледелия Венгрии. Но чиновничья карьера юношу не привлекала. Некоторое время он преподавал социологию в провинциальном Коложварском университете. И все эти годы Яси был в интеллектуальном и духовном поиске, который привел его в ряды деятелей второго поколения венгерских реформаторов [3].

Обращенный мыслями к проблемам венгерского общества рубежа XIX–XX вв., Яси, знакомясь с достижениями западной социальной науки, понимал, что архимедов рычаг модернизации Венгрии заключается в радикальном демократическом реформировании политической системы (введение всеобщего избирательного права и обеспечение гражданских свобод), аграрного сектора экономики (парцеллизация земельных владений магнатов и кооперирование крестьянских хозяйств), сферы образования и общей культуры населения, национально-административного устройства Венгрии и всей Габсбургской импе-

рии. Ему и его единомышленникам и друзьям (Эрвину Сабо, Бодогу Шомло и др.) было также ясно, что без научной экспертизы, без глубокого анализа современного им состояния страны невозможно выработать правильные рекомендации для проведения реформ. Такую задачу поставили перед собой венгерское Общество социальных наук и его печатный орган – журнал «Двадцатый век», основанные в 1900 г. при деятельном участии Яси, несомненно, обладавшего организаторскими способностями. Он был избран ответственным секретарем Общества и редактором журнала. Его доклады, статьи, заметки, рецензии, доклады и выступления на заседаниях Общества регулярно печатались на страницах «Двадцатого века».

Однако для достижения поставленной цели одних дискуссий, публикации книг, статей было недостаточно. Яси размышлял над тем, как соединить реформистские идеи с политической практикой, а именно – с социалистическим движением, быстро набиравшим силу в начале XX в. Особенно привлекательным представлялся ему опыт Французской социалистической партии под руководством Жана Жореса, стремившейся охватить своим влиянием не только рабочих, но и широкие слои трудящихся. В 1905 г. Яси шесть месяцев находился во Франции. В понимании Яси социализм – это не узкоклассовая идеология, а культурно-цивилизационное явление, которое можно поставить в один ряд с гуманизмом, реформацией, просвещением, либерализмом. Впрочем, попытка Яси перенести на венгерскую почву «французский опыт» не удалась. Инициатива Яси не нашла поддержки у его друга, идейного лидера революционных социал-демократов Эрвина Сабо. Не был успешным и другой его проект. В 1914 г. он основал венгерскую Гражданскую радикальную партию, не ставшую, однако, влиятельным актором в политической жизни страны. Во время венгерской демократической революции «осенней астры» 1918 г. Яси был избран в Национальный совет и вошел в республиканское правительство Михая Карои в качестве министра по делам национальностей. Он был также председателем Внешнеполитического совета республики. Яси не принял Венгерскую Советскую республику 1919 г. и эмигрировал с семьей. В 1919 – 1925 гг. он жил в Вене, редактируя «Венскую венгерскую газету». В отношении правоавторитарного режима Хорти Яси занимал непримиримую позицию. С 1925 г. и до своей смерти (13 февраля 1957 г.) он жил в США, где в должности профессора истории преподавал в Оберлинском колледже (штат Огайо). Перу Яси принадлежат книги «Фило-

софия государства и исторический материализм» (1903), «Навстречу новой Венгрии. Беседы о социализме» (1907), «Образование национальных государств и национальный вопрос» (1912), «Что такое радикализм?» (1918), «Будущее Монархии» (1918), «Венгерская Голгофа, венгерское воскресение» (1920), «Революция и контрреволюция в Венгрии» (1924), «Предлагаемый путь к миру» (1932), «Против тирании» (1957).

Рукопись книги «Распад Габсбургской монархии» была закончена осенью 1927 г. Она была подготовлена в рамках проекта Чикагского университета «Процессы дезинтеграции Габсбургской монархии». Уже само обращение американского университета к Яси говорило о том, что на Западе он был известен как знаток сложных национальных проблем Дунайской империи.

Труд Яси был выполнен в жанре *научной* публицистики, в котором автором был накоплен значительный опыт. Основная задача этого жанра, согласно представлениям Яси, – исследовать законы общественного бытия, отталкиваясь от универсального закона причинности. «Научная публицистика, – писал Яси, – не удовлетворяется банальными объяснениями, не утверждает, что они (события и явления. – *А А.*) возникли как результат воли, идеи или каприза одного, двух и более человек, а пытается отыскать скрытые причины этих событий и явлений» [4]. Объектом научной публицистики должны быть не только и даже не столько деятельность власть предержащих, сколько повседневная жизнь людей. Традиционной истории, «воспевающей победы королей или распутывающей дипломатические интриги», Яси предпочитал инновационную «социологическую» историю. Ценность научной публицистики состоит и в том, что она, изучая актуальные проблемы, содействует формированию и развитию гражданского общества.

Ведущая тема книги Яси «Распад Габсбургской монархии» – нации и национализм. Она заявлена уже в высказывании Гёте, вынесенном в эпиграф книги. Яси долгое время занимался этой темой. В 1912 г. была издана его монография «Образование национальных государств и национальный вопрос». После окончания Первой мировой войны, находясь вдали от родины, Яси продолжать отслеживать сложные, противоречивые этнополитические процессы в регионе Средней Европы, где образовались новые суверенные государства – наследники Габсбургской империи [5].

В конце XIX – начале XX в. национальные проблемы переплетались с социальными и оказывались тесно взаимосвязанными с геополитичес-

кими и военно-стратегическими целями и планами великих держав и малых государств Европы. Поражение Австро-Венгрии в войне 1914–1918 гг. стало мощным ускорителем сепаратистских процессов в Венгрии, Чехии, Словакии, Галиции, землях южных славян и привело к внутриполитическому краху Дунайской империи. Как это бывает в таких случаях, в обществе стали искать виновников «двойного поражения». В короткое время в большом количестве появилась литература об ответственности за развязывание войны (*см. комм. 1*). Авторы, государственные и политические деятели разных стран, старались обелить себя, нередко прибегая к фальсификации фактов. Яси занял иную позицию, предприняв попытку «с достаточной беспристрастностью» представить «в верном свете» историю краха многонациональной державы. Он упреждает возможные упреки в самонадеянности и иллюзорности своего замысла, подчеркивая совпадение своих взглядов с наблюдениями и выводами «самых проницательных свидетелей драмы Габсбургов». Отдавая дань другим исследователям, Яси корректно определил новизну своего труда, которая состояла в выяснении роли экономического фактора в незавершенной либеральной модернизации империи и анализе массового сознания как субъективного фактора, не менее значимого в общественных преобразованиях, чем политика правящих кругов.

В многовековой этнической истории Габсбургской монархии Яси склонен был увидеть неудавшийся до конца эксперимент по созданию наднациональной общности, или австрийской политической нации. Оценивая вклад австрийских императоров и их министров в решение этой задачи, Яси цитирует выдающегося австрийского поэта и драматурга Франца Грильпарцера, считавшего, что правление Габсбургов – это политика «наполовину осуществленных дел, наполовину пройденного пути». Что касается низов, они, по мнению автора книги, в силу своеобразного гражданского воспитания в Австрии и Венгрии (*см. часть 7 книги*) оказались заложниками национализма.

Яси поставил вопрос, что было естественно-историческим процессом: интеграция наций и стран – или же, напротив, закономерным следует признать распад многонационального государства. Неодинаковость положения этносов, проживавших в Габсбургской монархии, нашла свое отражение в классификации, предложенной Яси. Он оперировал двумя категориями: нация и национальность (народность). Если первое понятие связывается с наличием у этноса государственности, то второе ограничивается такими признаками, как родной язык и самобытная культура.

Какую из двух альтернатив национально-государственного развития выбрала правящая династия? Яси давал вполне определенный ответ на этот вопрос. Вопреки конституционным актам конца 40-х – начала 60-х гг. XIX века и Основному закону 1867 г., несмотря на шаги в направлении федерализации империи (Компромисс 1867 г. между Австрией и Венгрией, венгеро-хорватское Соглашение 1868 г., предоставление большой самостоятельности Галиции и Буковине), централизация оставалась альфой и омегой государственно-административной политики Габсбургов. Политическая культура предпоследнего императора Франца Иосифа I, правившего 68 лет, не полно, но выразительно заключена в словах, которые он часто повторял своему начальнику Генерального штаба Конраду фон Гётцендорфу: «Представьте, Монархией невозможно управлять по конституции». На материалах венгерской истории, которые он широко использует, Яси показывает, что жесткое и жестокое подавление национально-освободительной борьбы под предводительством Ференца Ракоци II (1703–1711) и революции 1848–1849 гг. не стерлось из памяти венгров. Напротив, национальный протест передавался от поколения к поколению, найдя выражение в словах «Проклятая Австро-Вена». «Уверен, – писал Яси, сравнивая свои наблюдения, – что аналогичные процессы происходили в сознании чешского, польского и итальянского народов».

Негатив в массовом сознании не уравновешивался, однако, конструктивными представлениями о путях обновления государства, и причина такого положения заключалась, по мнению Яси, в отсутствии «политической подготовки» большей части общества, включая малочисленный средний класс. Судьба последнего была далеко не счастливой. В основном средний класс пополнялся за счет протестантов (кальвинистов), постоянно (как указывал Яси, с конца XVI в.) испытывавших притеснения. Родовитое дворянство Австрии и Венгрии сохраняло вес и влияние, заражая своей архаичной идеологией остальные социальные группы. «Человек начинается с барона» – эта австрийская поговорка характеризовала психологию общества, в котором аристократы были рассадниками снобизма и культа продвижения вверх по социальной лестнице.

Тем не менее, отмечал Яси, действенным интеграционным фактором стал финансовый и промышленный капитализм с заметным еврейским элементом. Автор книги сожалел, что силы капиталистической интеграции не одержали верх над национальным партикуля-

ризмом. Оперируя статистическими данными, он показывал, что к 1910 г. торговля между Австрией и Венгрией имела скромные масштабы, в то время как объемы торговли с другими государствами существенно возросли для обеих стран. Выводы Яси были подтверждены в работах историков и экономистов конца XX в. Австро-венгерские экономические связи рубежа двух веков нельзя расценивать как успешный опыт интеграции, резюмировали свои наблюдения авторитетные венгерские исследователи И.Т. Беренд и Д. Ранки [6]. Без таможенной унии с Австрией венгерская экономика была бы еще более отсталой, уточнял выводы коллег американский историк венгерского происхождения Дж. Комлош, признавая, вместе с тем, что австрийская экономика вполне обошлась бы без венгерского партнера [7]. В целом Австро-Венгрия отставала экономически по западноевропейским стандартам, то есть в сравнении с Германией, Францией, Бельгией и некоторыми другими странами. Однако этот факт, признаваемый всеми ведущими специалистами как неоспоримый, нуждался, по мнению американских историков Р. Рудольфа и Д. Гуда, в нюансированной интерпретации. По их мнению, вопрос заключается в том, увеличивалась ли относительная экономическая отсталость или же, наоборот, разрыв между Габсбургской монархией и высокоразвитым Западом сокращался [8]. На вопрос, поставленный американскими учеными, историография пока не дала убедительного и однозначного ответа.

Со ссылкой на германского исследователя В. Оффергельда Яси указывал, что, хотя венгерская промышленность «и не была марионеточной, она во многом зависела от иностранного, то есть от австрийского капитала». Такая же зависимость была присуща хорватской, словенской, польской (в Галиции) индустрии. Растущий в этих странах и землях экономический национализм имел, однако, не только антиавстрийскую (антинемецкую) направленность. Яси считал, что влиятельный еврейский капитал провоцировал антисемитизм и во многом способствовал росту национализма. Эту опасную тенденцию оказался не в состоянии блокировать имевший сторонников в буржуазных кругах либерализм. По оценке автора книги, «в условиях Монархии либерализм был всего лишь тепличным растением...Он сумел присвоить лишь внешнюю атрибутику и риторику западной модели, но никогда не был по-настоящему связан с народными силами общества».

Статус Австрийской (Австро-Венгерской) империи как великой державы держался на военной мощи, но в действительности, замечал Яси, то было бездумное расходование средств государственного бюджета на строительство бесполезных военных укреплений в Ломбардии и Венеции, оккупацию Боснии и Герцеговины и т. п.

Соглашение 1867 г., установившее дуалистическую систему, было, по определению Яси, компромиссом («браком по расчету») между австрийским императором и венгерскими феодальными классами, а также крупной немецкой либеральной буржуазией в целях сохранения их гегемонии над волей славянского большинства. В ответ славяне стали «уходить» из империи, укрепившись во мнении, что облегчить их судьбу сможет лишь международное вмешательство. Яси высказал парадоксальную мысль, что исключительная прочность дуалистической структуры сделала невозможной широкую федерализацию империи. Убедительное тому свидетельство – провал соглашения с чехами в 1871 г. Отмеченная прочность дуализма обеспечивалась коррумпированной избирательной процедурой, открытым голосованием, репрессивными методами управления.

Проводником централизаторского курса династии Габсбургов выступала католическая церковь, охватывавшая своим влиянием в начале XX в. до 90% австрийских немцев и примерно половину верующих венгров Одновременно кальвинистская церковь, имевшая своих приверженцев среди 21,4% населения Венгрии (особенно в кругах среднепоместного дворянства-«джентри», крестьянства и интеллигенции), находилась в оппозиции к венскому двору, проповедуя «венгерскую веру», которая отражала национально-суверенизаторские устремления.

Долгое время надежной опорой династии выступала императорская армия, которая, казалось, была ограждена от национальной борьбы. В отношении армии, отмечал Яси, главная политическая задача сводилась «к поддержанию габсбургского патриотизма и удержанию солдатского национализма в деполитизированных рамках – приверженности языку, семье или, в крайнем случае, расового национализма, который не имеет ничего общего с борьбой отдельных народов на государственном уровне. Для офицерского корпуса родиной была вся Монархия, а не место проживания одного из народов. Военные образовывали своеобразную вненациональную касту, члены которой и в личной жизни были, как правило, оторваны от своей национальной среды и зачатую говорили на «казенном немецком» – как иронически называли это наречие носители литературного немецкого языка.

Однако «прививки» от национализма в конечном итоге не спасли армию. Уже сам призыв в немецкоязычную армию и служба в ней воспринимались теми же венграми как проявление иноземного господства и угнетения. Такое отношение к имперской армии запечатлено в венгерских народных песнях, передававшихся из поколения в поколение. Как писал Яси, в первое десятилетие XX в. «неразрешимые конституционные и национальные проблемы Монархии тяжким бременем легли на плечи самых молодых солдат и офицеров. Сыновья народов, ведших отчаянную борьбу друг против друга в парламенте, в законодательных собраниях земель и в органах местного самоуправления, не могли нести совместную службу в рядах наднациональной габсбургской армии, удушливую тепличную атмосферу которой династия поддерживала искусственно».

Эрозии подверглась и другая опора Габсбургов – чиновничья бюрократия. Ее представители ненемецкой национальности испытывали давление со стороны Вены, которая, сдерживая их служебное продвижение, пыталась сделать из них послушных адептов габсбургского патриотизма. В Венгрии негативное отношение к центральной венской администрации усугублялось укоренившимся в национальном сознании венгров недоверием к австрийцам. К примеру, их отношение к общей с Австрией таможне в значительной степени было эмоционально окрашенным вопреки рациональным экономическим доводам. «Принесенная на австрийских штыках» в результате поражения венгров в национально-освободительной войне 1848–1849 гг. таможня бередила незаживающие раны оскорбленного национального самолюбия. Отражением своего рода психологической «несовместимости» венгров и австрийцев были различия в культурно-образовательной политике правящих кругов Вены и Будапешта. Оскар Яси нашел удачное сравнение, назвав преподавание истории и граждановедения в Австрии династической героической поэмой, а в Венгрии – феодальным эпосом.

Яси отчетливо осознавал, что самостоятельность Венгрии недостижима без демократического решения вопроса о национальных меньшинствах в Транслейтании. С таких позиций он рассматривал феномен мадьяризации. В его книге приводятся многочисленные факты намеренного ограничения деятельности, вплоть до запрещения, культурно-просветительных организаций невенгерских национальных групп, недопущения их представителей в высшие и средние звенья административного управления, ущемления права национальных меньшинств получать обра-

зование на родном языке. Вместе с тем Яси не отрицал факта естественной, добровольной этнической ассимиляции.

В конце XX в. венгерский историк академик Петер Ханак пришел к выводу, что вследствие незавершенного процесса обуржуазивания общественных отношений «промодернистский» (рыночно-капиталистический) национализм венгерского дворянства в последней четверти XIX в. иссяк, а в начале XX в. «дал задний ход». На авансцену вышли антидемократический (аграрный) неоконсерватизм и новый тип консервативного национализма. Его натиск испытали национальные меньшинства в Венгрии, особенно их политические и культурные организации. Однако и в этих условиях ассимиляция не была сплошь насильственной. «Все источники указывают, – писал П. Ханак, – что мадьяризация немцев и евреев была в подавляющем большинстве случаев добровольной. Постепенная мадьяризация словаков также носила по преимуществу добровольный характер»[9]. С этим утверждением можно согласиться, имея в виду представителей буржуазии названных национальных групп. Более существенно, однако, что принцип национального равноправия нарушался – и это признает венгерский историк – в культурно-образовательной сфере. Насильственная сторона мадьяризации отчетливо проявлялась и в социальном давлении на «средний класс».

Альтернативу мадьяризаторскому курсу правящих кругов Венгрии Яси усматривал не в лозунге государственного самоопределения наций. Выдвинутая им в начале 1910-х годов национально-демократическая «программа-минимум» включала три конкретных требования: «хорошая школа, хорошая администрация, хорошее судопроизводство на родном языке народа» [10]. Предложения Яси были направлены против унитарного принципа, санкционировавшего государственное и административное управление только на венгерском языке. Речь у него шла, однако, не об обязательном ведении дел на невенгерских языках, а лишь о гарантированном праве, которым можно воспользоваться. Он писал в этой связи своим оппонентам: «Многие так истолковывают мое триединое требование, что я якобы хочу раздробить страну, вводя разные по языку административные и судебные органы. Как раз наоборот. Вся моя концепция нацелена только на то, чтобы у граждан невенгерских национальностей не возникало никакого чувства обиды по поводу их невенгерского происхождения. Вот почему необходимо, чтобы в районах компактного проживания невенгерского населения административные и судебные органы имели право вести дела на невенгерских

языках» [11]. Одновременное преподавание в школах венгерского языка и языков невенгерских народов, проживающих в стране, способствовало бы, полагал Яси, устранению психологических барьеров в межнациональных отношениях. Реализация этой программы облегчила бы добровольное принятие народами Венгрии гегемонии мадьярского этноса. Яси связывал предпосылки такого решения национального вопроса с экономической и территориальной общностью народов Венгрии, более высоким уровнем общекультурного развития венгерской нации, который позволит венграм оказать содействие экономическому и культурному подъему других наций, с рассудительностью и миролюбием мадьяр.

Новаторские для венгерской общественной жизни подходы Яси к регулированию национальных процессов могли восприниматься и как утопический проект, что, кстати, допускал их автор. Его идеи, однако, сопоставимы с другими демократическими программами национального самоуправления и развития, выдвигавшимися в начале XX в. европейскими политиками и общественными деятелями. Яси высоко оценивал работы австромарксистов К. Реннера и О. Бауэра, считая их лучшими знатоками национального вопроса в Габсбургской монархии. Он выделил особо их установки на сохранение государственного единства Австро-Венгрии с одновременным предоставлением культурной автономии ее народам, организацией местного самоуправления и судопроизводства на национальных языках. В основу этих проектов был положен «гениальный», по оценке Яси, «личностный принцип» К. Реннера. Он заключался в том, что национальную автономию следует вводить, опираясь не на принцип единой территории, а исходя из преобладания на данной территории групп, относящих себя к определенной национальности.

В общественном мнении Яси слыл политиком, который скорее отстаивает интернационалистские убеждения, нежели защищает интересы той или иной нации. При этом отличительная особенность его интернационализма в сравнении с позицией западноевропейских социал-демократов и российских большевиков состояла в том, что он исходил в решении национальных проблем из приоритета прав личности, а не социально-классовых интересов. Показательно и то, как венгерский радикал формулировал избранную им методологию научно-исторического и социально-политического анализа национальных отношений. «Следует, – писал он в 1914 г., – рассматривать прошлое и настоящее своей страны глазами не только венгров, но и других народов, фиксировать и осмысливать не только межнациональные разногласия и конфликты, но и

моменты консенсуса и диалога. На такой основе успешнее всего может выстраиваться политика межнационального сотрудничества» [12].

Перспектива национально-демократического обновления венгерского общества дополнялась в проектах Яси прогнозом о возможной федерализации общеевропейских межгосударственных отношений и последующем образовании Соединенных Штатов Европы. Интеграционная составляющая его программы основывалась на убеждении, что национальные движения ведут не к изоляции, а к экономической и культурной консолидации народов, диктуемой императивами общечеловеческих интересов и ценностей [13].

Проекты Яси не были реализованы. Соотношение социально-политических сил сложилось не в пользу сторонников интеграции и федерализации, а способствовало распаду многонациональной Габсбургской империи. Яси вслед за современными ему историками полагал, что самые глубокие причины распада Монархии можно обнаружить уже в первой половине XIX в. в крайне консервативном меттерниховском режиме. Устройство Монархии сделалось тогда настолько негибким, что империя превратилась в милитаристское «силовое государство, источник ужасных последствий в будущем». Стремясь к комплексному анализу предпосылок краха Дунайской империи, Яси утверждал также, что судьбу Монархии в конечном итоге решало столкновение между силами династии и венгерскими господствующими классами. Империя распалась и из-за отсутствия общей, объединяющей все нации идеи.

В целом ряде современных исследований по истории Австро-Венгрии сложная проблема стабильности многонационального Дунайского государства увязывается с вопросом о возможностях самореформирования дуалистической системы [14]. Вокруг указанной проблемы на московской международной научной конференции (1993) состоялся интересный обмен мнениями между американским и российским историками С. Вэнком и Т.М. Исламовым.

С. Вэнк, редактор «Ежегодника по австрийской истории» (США), соглашаясь с тем, что прежние резко негативные оценки монархии Габсбургов как «тюрьмы народов» были явным преувеличением, одновременно оспаривал тезис американских и британских историков И. Деака, Б. Елавич, Ф.Р. Бриджа, А. Скеда о некоем наследии позитивного опыта Австро-Венгрии. Вэнк полагал, что влияние успехов в культуре, образовании и экономического роста Австро-Венгрии на «жизнестойкость» полиэтничного общества блокировалось архаичной имперской полити-

ческой системой. Вывод американского историка основывался на западных политологических теориях империи как особой формы политической структуры, в которую заложен механизм распада.

Австро-венгерское Соглашение 1867 г. интерпретировалось Вэнком как иллюзия стабильности, за которую была заплачена непомерно высокая цена: отчуждение большинства славян и нейтрализация всех последующих усилий по реформированию структур Монархии. Наднациональная государственная идеология Габсбургов оценивалась Вэнком как коренящаяся «больше в феодальных и династических концепциях, чем в современных идеях интернациональной организации государства» [15]. Нам представляется, что в своих рассуждениях американский иссле́дователь невольно привносил в научно-исторический анализ реалий конца XIX – начала XX в. опыт последних десятилетий XX столетия.

Концепция С. Вэнка, содержащая ряд дискуссионных положений, вызвала возражения его российского коллеги Т.М. Исламова [16]. Уязвимое место в концепции американского историка он усматривал в недооценке значимости экономического роста Австро-Венгрии как важнейшего критерия государственной стабильности. Касаясь тезиса Вэнка о роли национального фактора в дезинтеграции Габсбургской монархии, Т.М. Исламов утверждал, что ее сохранение при наличии двух сильных соседей на западных и восточных границах, Германской и Российской империй, было для подавляющего большинства населявших ее народов вопросом жизни и смерти. Сепаратистские тенденции в предвоенную эпоху достаточно отчетливо прослеживались лишь в национально-освободительном движении югославян. Вместе с тем Т.М. Исламов признавал, что лояльное отношение к Монархии, свидетельством которого было общеимперское сознание («*Gesamtstaatsbewusstsein*»), не снимало с повестки дня вопроса о реорганизации дуалистической Монархии на федеративных началах как единственно возможного пути ее сохранения в качестве «общего дома».

От себя в заключение скажем следующее. Казавшаяся достоянием XIX столетия и внешне парадоксальная для Европы начала XX в. энергия национального самовыражения в действительности отнюдь не исчерпала себя. Активизация по-разному проявлявшихся национальных движений совпала по времени с остродраматической военной и социально-политической историей 1914–1918 гг., наложив отпечаток на ее ход и решив судьбу многонационального Дунайского государства.

А.Г. Айрапетов

Примечания к статье

1. *Jaszi Oscar.* The Dissolution of the Habsburg Monarchy. The University of Chicago Press, 1929. Fifth Impression, 1971.

2. *Jászi Oszkár.* A Habsburg-monarchia felbomlása. Budapest: Gondolat, 1983. В 2003 г. в Будапеште вышла в свет наиболее полная монография об Оскаре Яси, написанная венгерским историком Дьёрдем Литваном, многие годы занимавшимся этой темой. В 2006 г. книга Д. Литвана была издана на английском языке: *Litván György,* A Twentieth-Century Prophet: Oscar Jászi. 1875–1957. Central European University Press, 2006.

3. Деятельность первого поколения реформаторов пришлась на 1830–1840-е гг.

4. *Яси О.* Научная публицистика // Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1984. С. 138.

5. Duna-völgyi barátságok és viták. Jászi Oszkár Közép-Európai dossziéja. Budapest, 1991.

6. *Berend T.I., Ránki Gy.* Gazdaság és társadalom. Budapest, 1974. 13-19. o.; idem. The Economic Development in East-Central Europe in the 19th and 20th Centuries. NY–L., 1974.

7. *Komlos J.* Az Osztrák-Magyar-Monarchia mint közös piac. Budapest, 1990. 217. o.

8. *Rudolf R.* Austrian Industrialisation. A Case Study in Leisurely Economic Growth // Sozialismus. Geschichte und Wirtschaft / Festschrift für E. März. Wien, 1973. S. 261–262; *Good. D.* Der wirtschaftliche Aufstieg des Habsburgerreiches 1750–1914. Wien–Köln–Graz, 1986. S. 208.

9. *Ханак П.* Национальная компенсация за отсталость // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / Отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М. 1995. С. 54.

10. *Jászi Oszkár.* A nemzetiségi kérdés és Magyarország jövöje. Budapest, 1911. 12. o.

11. Ibid. 158 . o.

12. *Jászi Oszkár.* A nemzetiségi kérdés újjab fejleményei // Jászi Oszkár publicisztikája. Válogatás. Budapest, 1982. 199. o.

13. *Jászi Oszkár.* A nemzeti államok kialakulása és a nemzetiségi kérdés. Budapest, 1912. 502., 529., 533. o.

14. См., например: *Исламов Т.М.* Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 2; *он же.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне // Там же. 2001. № 5; *Айрапетов А.Г.* Историческая судьба Австро-Венгрии // Вопросы истории. 1999. № 1; *он же.* От империи Габсбургов к идее Дунайской конфедерации // Там же. 2004. № 2; *Jelavich B.* Modern Austria: Empire and Republic 1800–1986. New York, 1987; *Sked A.* The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815–1918. L., 1989; *Bridge F.R.* The Habsburg Monarchy among the Great Poewrs, 1815–1918. New York, 1990; *Deak I.* Beyond Nationalism: A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918. New York, 1990; *Williamson S.R., Jr.* Austria-Hungary and the Origins of the First World War. New York, 1991; *Rauchensteiner M.* Der Tod des Doppeladels. Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. Graz–Wien–Köln, 1994.

15. *Вэнк С.* Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе // Австро-Венгрия: опыт... С. 16, 17.

16. *Исламов Т.М.* Конец средневековой империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия: опыт...

Содержание

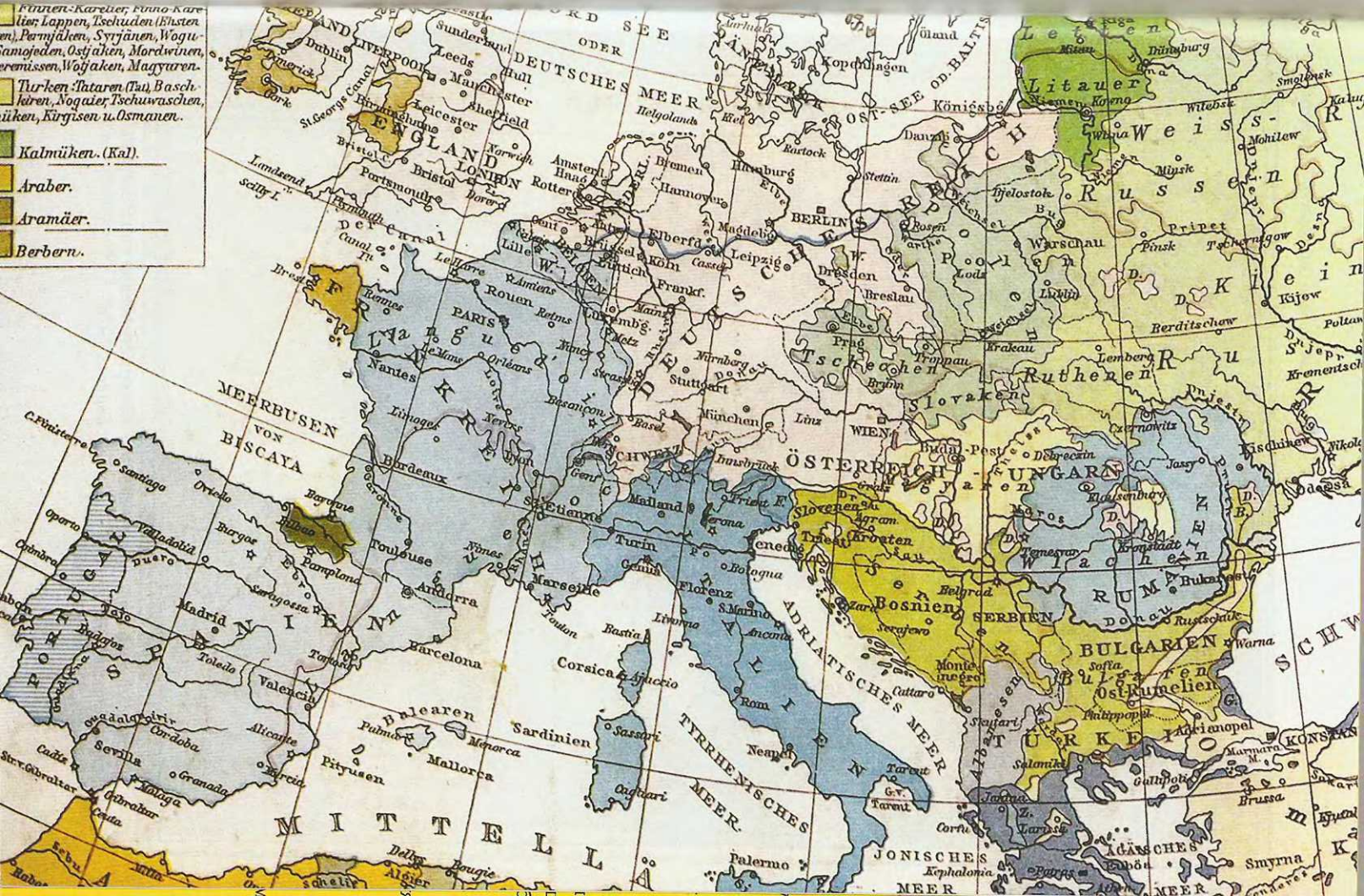
Предисловие
9
О литературе по данной теме
13
Часть первая
Вводные замечания
15
Часть вторая
Историческая обстановка
47
Часть третья
Центростремительные силы:
восемь столпов межнационального устройства государства
167
Часть четвертая
Центробежные силы: драма растущей национальной дезинтеграции
269
Часть пятая
Динамика центробежных сил
341
Часть шестая
Угроза ирредены
475
Часть седьмая
Сознательные усилия в сфере гражданского воспитания
541

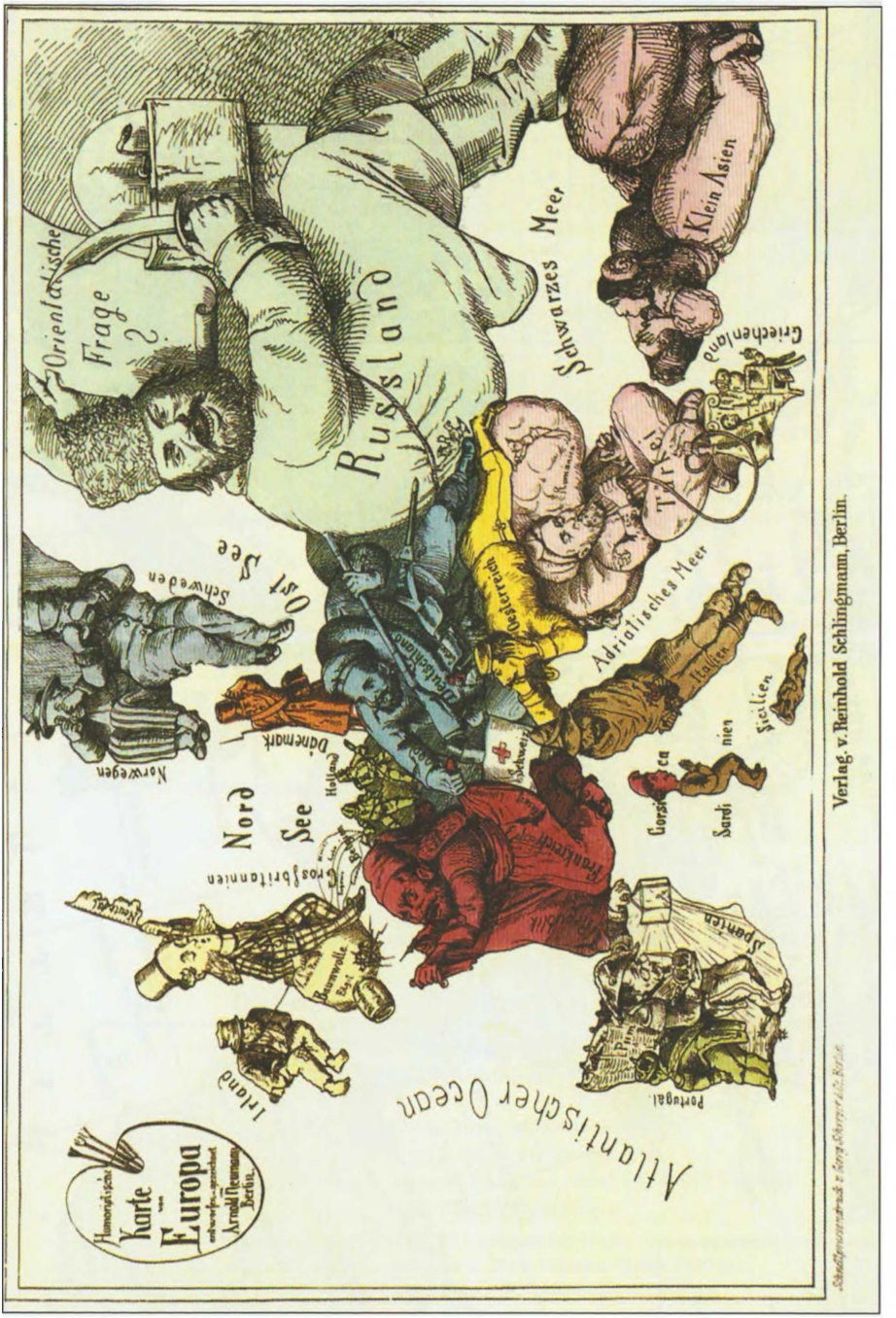
Комментарии
573
Айрапетов А.Г. Оскар Яси и его книга
595

Оскар ЯСИ. Распад Габсбургской монархии
ISBN 978-5-94607-149-1

Наши книги можно заказать по адресу:
Издательство «Три квадрата»
Москва 125319, ул. Усиевича д. 9, тел./факс (8) 499/151-1833
e-mail: info@triquadrata.ru

Подписано в печать 28.01.2011. Формат 60x90/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная №1. Печ. л. 38,0+вклейка. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Крокус», г. Рыбинск

Finnen-Karelier, Finno-Karelier, Lappen, Tschuden (Ehsten), Permjäken, Syrjänen, Wogulen, Samojeden, Ostjaken, Mordwinen, Ceremissen, Wotjaken, Magyaren.
Turken: Tataren (Tat), Baschkiren, Nogaier, Tschuwaschen, Jüken, Kirgisen u. Osmanen.
Kalmüken. (Kal).
Araber.
Aramäer.
Berbern.
NORD SEE
ODER
DEUTSCHES MEER
OST-SEE OD. BALTIS
ENGLAND
LONDON
LIVERPOOL
Dublin
Leeds
Manchester
Sheffield
Leicester
Birmingham
Bristol
Portsmouth
Norwich
Amsterdam
Rotterdam
Hamburg
Bremen
Hannover
Helgoland
Kopenhagen
Königsb
Danzig
Stettin
Rostock
BERLIN
Elbe
Magdeburg
Leipzig
Dresden
Breslau
Posen
Warschau
Pinsk
Pripet
Tschernigow
Minsk
Mohilew
Wilna
Grodno
Litauer
Weiss-Russen
Kijew
Berditschew
Polen
Lodz
Lublin
Brest
Lille
Arras
Amiens
Rouen
Paris
Reims
Metz
Nancy
Strassburg
Frankf.
Cassel
Köln
Aachen
Belgien
Lothringen
Elsass
Rhein
Deutschland
Prag
Tschechen
Brünn
Troppau
Krakau
Lemberg
Ruthenen
Russ. Klein
Slovaken
Mähren
Nantes
Le Mans
Orléans
Tours
Stuttgart
München
Linz
WIEN
Budapest
Debreczin
Czernowitz
Jassy
Kischinew
Odessa
Ungarn
Siebenbürgen
Klausenburg
Temesvar
Kronstadt
Wlachen
Rumänien
Bukarest
Donau
Rustschuk
Warna
Bulgarien
Sofia
Ostrumelien
Philippopel
Adrianopel
Konstantinopel
Marmara M.
Gallipoli
Brussa
Smyrna
Ephesus
Jonisches Meer
Cephalonia
Zante
Corfu
Tarent
G. v. Tarent
Neapel
Rom
Sassari
Cagliari
Sardinien
Corsica
Ajaccio
Bastia
Livorno
Florenz
Siena
Perugia
Ancona
S. Marino
Bologna
Genua
Turin
Mailand
Verona
Triest
Venedig
Adriatisches Meer
Tyrrhenisches Meer
Marseille
Toulon
Nizza
Avignon
Nimes
Montpellier
Toulouse
Carcassonne
Perpignan
Andorra
Barcelona
Tarragona
Saragossa
Pamplona
Bayonne
Biscaya
Meerbusen von Biscaya
Bilbao
Burgos
Valladolid
Duero
Oporto
Coimbra
Santiago
Orviedo
C. Finisterre
Madrid
Toledo
Valencia
Alicante
Murcia
Cartagena
Sevilla
Cadix
Cordoba
Granada
Malaga
Gibraltar
Str. v. Gibraltar
Ceuta
Tanger
Fez
Algier
Bougie
Bona
Tunis
Biserta
Sfax
Tripolis
Mallorca
Minorca
Pityusen
Balearen
Spanien
Frankreich
Italien
Mittelländisches Meer
Afrika
Sahara
Sebu
Mitja
Schelif
Rabat

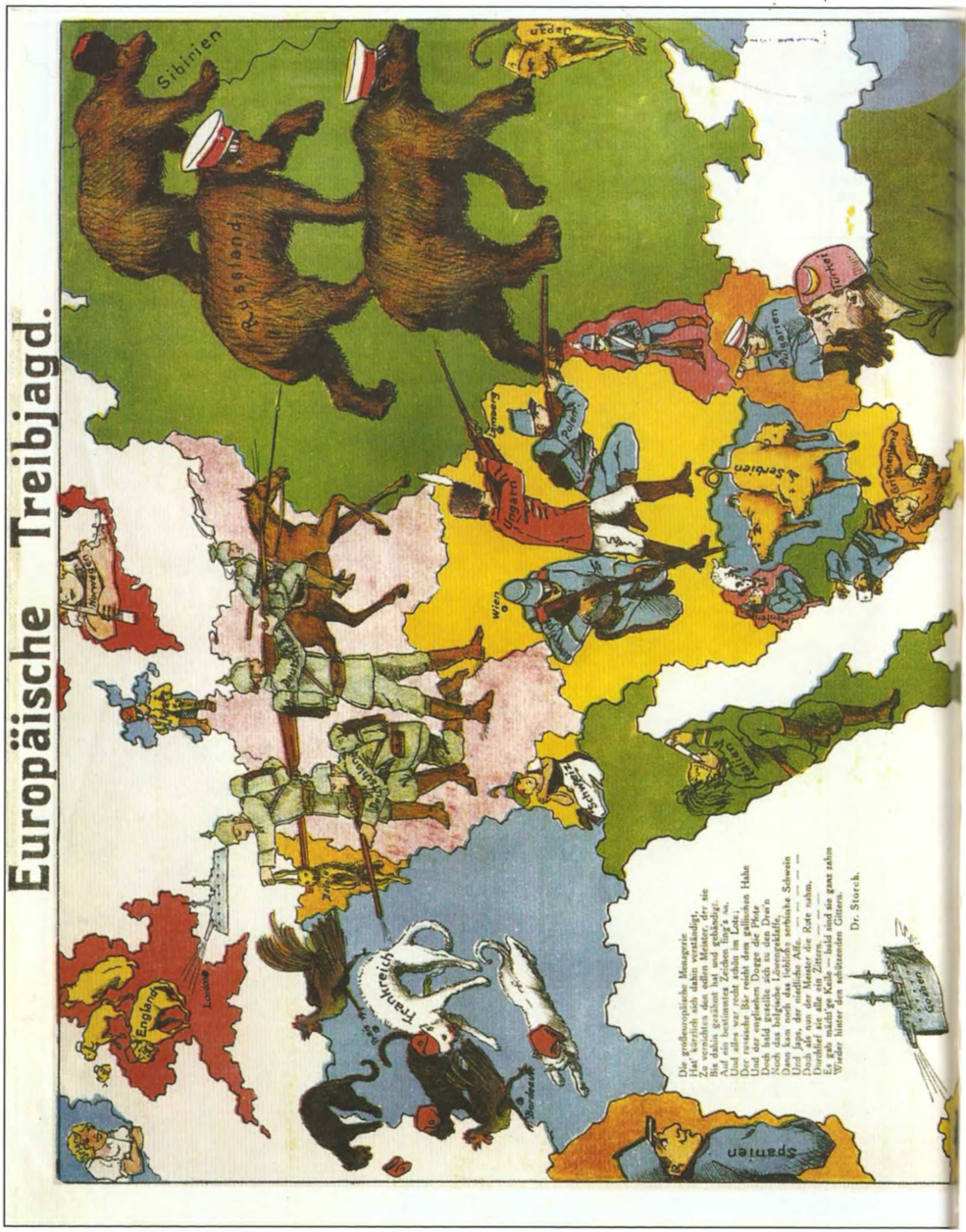

На предыдущей стр.: этническая карта Европы. *Фрагмент.* *Р. Андре, Германия, 1881.*

Юмористическая карта Европы. *Берлин, 1970*

Карта-карикатура «Ловля рыбы в мутной воде».
Ф. Роуз, Лондон, 1899

Карикатура «Европейская облавная охота».
Фрагмент. Германия, 1914

Оскар Яси родился 2 марта 1875 г. в городе Надькарой, в семье врача, памяти которого посвятил свою книгу. Окончив Будапештский университет, Яси получил диплом доктора политических наук и в 1896–1906 гг. служил референтом в министерстве земледелия Венгрии, затем преподавал социологию в Коложварском университете. Все эти годы Яси был в интеллектуальном и духовном поиске, который привел его в ряды венгерских реформаторов.

В 1914 г. он основал венгерскую Гражданскую радикальную партию. Во время венгерской демократической революции 1918 г. Яси был членом Национального совета, вошел в республиканское правительство М. Карои в качестве министра по делам национальностей. Он был также председателем Внешнеполитического совета республики. Венгерскую Советскую республику 1919 г. Яси не принял и эмигрировал. В 1919–1925 гг. жил в Вене, редактируя «Венскую венгерскую газету». С 1925 г. и до своей смерти в 1957 г. он жил в США, где в должности профессора истории преподавал в Оберлинском колледже (штат Огайо).

